

ЖАВОРОНОК ТЕКЛЫ

ЛЮДМИЛА СЕМЕНОВА

Annotation

История о жизни африканца, рожденного и воспитывавшегося в России, история о двух культурах, о предательстве и о любви. История мужчины, не построившего ни одного дома, не посадившего ни одного дерева и не причастного к рождению ни одного ребенка. Напрасной ли оказалась его жизнь — судите сами...

Этой ночью он снова плохо спал, но это еще полбеды: раньше хотя бы мог в такие моменты занять себя интересной книгой, послушать музыку или полистать новости. Теперь — ничего, только собственные мысли и воспоминания. Хорошо еще, что руки пока не трясутся, утешал он себя. Может быть, и на клеенке когда-нибудь доведется порисовать...

И, как назло, давно нет даже коротенького письма, которое скрасило бы эти жуткие будни. Почему она пишет так редко? Понятно, что в тех краях ей скорее всего не до сантиментов, хотя никаких подробностей он не знал. Она запретила что-либо выпрашивать, и уж тем более приезжать, а он редко ей возражал. Один раз уже попытался, и поэтому теперь нет ни сна, ни покоя. А сам он писать не будет, нечем порадовать. Они обсудят все с глазу на глаз, если только у нее еще будет такое желание.

«А еще какие-то глупцы выдумали, что плохо спится от нечистой совести, — вдруг усмехнулся он мысленно. — Пожили бы здесь хоть немного и поняли, что сорокаградусная жара, запахи гнили, темнота, от которой спасают только капли света в дырявых стенах, и ночной звериный вой действуют куда эффективнее».

Перед рассветом ему удалось задремать, но стало еще хуже: он увидел кошмар, причем удивительно четкий и осязаемый. Будто он проезжал по дикой долине и заметил неподалеку селение местных жителей. Он вышел из машины и пешком направился к толпе, в которой были мужчины, вооруженные «калашами» и длинными палками, женщины с разрезанными губами и в страшных ожерельях из человеческих суставов, и дети, которым уже успели нанести первые знаки инициации — шрамы, в которых были замурованы мертвые личинки насекомых. У всех была матовая серо-черная кожа, отрешенные дикие лица, глаза без всякого выражения, кроме животной бдительности и осторожности.

На земле, такой горячей, что он даже чувствовал это сквозь обувь, лежало несколько забитых коров. Люди собирали кровь и смешивали ее с сырым молоком. Только тут он заметил, что в воздухе еще висела пыль от другого автомобиля, проехавшего совсем недавно, а дети показывали друг другу скромные, но новенькие западные банкноты, заработанные от фотографий с безбашенными туристами. За снимок с оружием и без набедренной повязки платили даже очень прилично.

Вдруг один паренек лет десяти отделился от своих товарищей, подошел к нему и улыбнулся, вернее растянул рот и показал крупные, но уже плохие зубы. Глаза у него были все такими же угрюмыми. Ничего не говоря, мальчик протянул ему пистолет, который держал за ствол, рукоятью вперед. Он растерянно посмотрел на юного дикаря, и тут кошмар наконец его отпустил.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

*Взойди на мост, склони свой взгляд: там льдины прыгают по льдинам,
Зеленые, как медный яд, с ужасным шелестом змеиным.
Так пахнут сыростью гриба, и неуверенно, и слабо,
Те потайные погреба, где труп зарыт и бродят жабы.*

Н. Гумилев, "Ледоход"

1. Человек, обожженный солнцем

Аддис-Абеба, 2012 год

Начало той весны в Эфиопии было таким же жарким, как и несколько предшествующих. Местных это не удивляло, зато словно магнит притягивало туристов, которые дома в это время только мечтали о солнце и лете. Да и оно в северных краях могло преподнести неприятные сюрпризы и остаться бледным и суровым. Но тех, кто встречал туристов в аэропорту, возил по городам и экзотическим уголкам, обслуживал в отелях и кафе, это по большому счету не волновало. Кто-то ехал сюда за знаниями и просветлением, а кто-то следовал моде и стадным инстинктам, добросовестно выкладывая фоторепортажи в соцсетях, но умудряясь назвать город «Аддиса-Бэби».

Очередная стайка приезжих молодых ребят зашла в вечерний бар безликого вида, отличавшийся от подобных местечек в Европе низкими ценами и шумной обстановкой. В воздухе будто висела легкая пелена, в которой смешался табачный дух и дым от жарящихся закусок. Туристы заказали местного медового пива, колы, блюдо соленых крендельков и фруктовых чипсов, и осмотрелись. Внутри бара и на уличной пристройке с пластиковыми столами и зонтиками крутилось много местных парней и девушек, то и дело бросающих взгляды на вновь прибывших.

Вся эта молодежь, разодетая в пестрые платья и рубашки, была обязана заниматься обслуживанием гостей и наведением минимального порядка, но чаще болтала, слушала вездесущий рэп в плэерах и обменивалась остротами в адрес туристов. И только после окриков от начальства кто-нибудь неторопливо шел вытирать столы за ушедшими, притаскивать ящики со спиртным, разносить бутылки и стаканы или «успокаивать» неудобных посетителей.

Айвар Теклай, тихий, уютный эфиопский парень в расшитой голубой рубашке, льняных штанах и джинсовых мокалинах, стоял у барной стойки в зале, разглядывая свое отражение в мутной дверце холодильника. В ушах у него были дутые сережки из низкопробного серебра, такой же серебряный браслет красиво поблескивал на темном запястье. Закатанные рукава позволяли рассмотреть крепкие бицепсы. На шее висел черный шнурок, на котором был закреплен жуткий медальон в виде проломленного черепа — его пересекала трещина, из которой «струились» ярко-алые стразы, изображающие кровь. Еще его шею украшала татуировка в виде белой веточки абиссинского цветка.

В отличие от других чернокожих ребят, Айвар не слушал рэп и мало включался в болтовню, предпочитая наблюдать за окружающими или оценивать собственный внешний вид. Последний его явно устраивал: в данный момент он закончил приглаживать спадающие на лоб и виски выпрямленные волосы, которыми время от времени встряхивал, зная, что это почему-то впечатляет наблюдательных северных девушек. Кое-кто из вошедших туристок уже бросил на него острый взгляд, на который он отозвался спокойной полуулыбкой, и та могла означать что угодно.

Айвар давно привык к мельканию разноцветных пятен их летних нарядов, которые оттеняла белизна обнаженных шей, плеч и ног. Здесь западные женщины завоевывали мужское внимание другими средствами и просто покупали сексуальную силу африканцев и их безотказность, обусловленную качеством жизни. Поэтому ночная столица активно вовлекала черную молодежь со всей страны в сервис интим-услуг. Занимался этим и Айвар,

хотя основной работой считал обслуживание в баре и подсобные обязанности как уборщика, так и вышибалы. Природа была к нему щедра, одарив высоким ростом, силой и статью, и из этой гармонии выбивалась только слегка оплывшая талия. Этим он был обязан не только наследию предков, росших на примитивной углеводной пище, но и привычке пережевывать шоколад для того, чтобы перебить послевкусие от сигарет. Одну конфету он взял из вазочки на стойке, и алый гляцевый фантик мерцал на его ладони словно запретный плод или кусок отравленного яблока из страшной сказки.

Кое-кто из его товарищей даже говорил в шутку, что у них особый бар: благодаря Айвару сюда приходят не только за телесными, но и за духовными уладами. Например, именно он в минувшем декабре предложил расписать стекла акварельными словыми ветками и снежинками, которые сразу привлекли внимание туристов из Европы. А к Женскому дню подал идею поставить на столики и окна самодельные букеты — мимозу сделали из покрашенной в желтый цвет ваты, а тюльпаны скрутили из цветной бумаги. Посетительницы из России сразу это заметили и оценили. Так что хоть настоящих друзей у Айвара здесь и не было, ребята его уважали и в свободное время заслушивались рассказами про далекий край, где люди видят мандарины только по праздникам. «Нет! — посмеивался Айвар. — Вообще-то сейчас они там продаются круглый год, но когда-то действительно были в дефиците и считались новогодним лакомством. Вот люди и говорят до сих пор, что Новый Год пахнет елкой и мандаринами». Его просили описать запах этой самой елки, но он не смог подобрать слов, как ни старался.

Воспоминания Айвара об этом крае с годами превращались в лаконичные слайды — серо-голубая гладь прохладного морского города, теплые краски родительского дома, яркие стеклышки детских театров и цирка, задумчивая прелесть новогодних праздников. И в конце декабря, и осенью, в эфиопский Энкутаташ, дома пахло пирогами и любимым лимонадом «Крем-сода». Сейчас Айвару было двадцать пять лет, четырнадцать из которых он провел в России — его родители выучились по обмену на медиков среднего звена и затем остались работать в Петербурге, надеясь когда-нибудь применить полученный опыт в родной стране. Маленький Айвар, конечно, всегда знал, что был африканцем, но в то время считал землю предков сказочным миром, отделенным не только географической, но и потусторонней чертой.

А потом родители погибли, и нежная палитра северного детства сменилась грязновато-бурым окрасом Эфиопии, где нашлись родственники по отцу, готовые забрать мальчика. В тот момент это выглядело лучше перспективы угодить в интернат, особенно учитывая цвет кожи, которому Айвар до сих пор почти не придавал значения.

Теперь вокруг были одни черные, такие же, как он, но почему-то они не казались Айвару родными. Казалось, что хмурые лица и полуголые тела этих людей покрывала вечная пыль, как и на дорогах деревни, в которой жила родня. Они быстро отучили мальчика говорить о прошлом, улыбаться и мечтать, в том числе и о школе: предполагалось, что свое содержание он должен отработать.

Единственное, в чем он оказался непреклонен, — это в выборе будущей жены: Айвар категорически не желал свататься к тем девушкам, которых присматривали опекуны. Впрочем, местные невесты и сами не слишком желали такой партии: юноша, впитавший чужие нравы, настораживал и отпугивал. Айвар не отлынивал ни от ухода за скотиной, ни от труда в огороде, но родственники так и не прониклись к нему теплотой, и когда парню исполнилось восемнадцать лет, глава семейства сказал ему:

— Уезжай отсюда куда захочешь, парень. Что-то с тобой не так, не обессудь, и тебе с нами страшно, и нам не по себе.

— Почему? — спросил Айвар, впрочем, без особого сожаления, — Я что, приношу вам несчастья? Болезни или неурожай?

— Как бы тебе сказать, — промолвил мужчина, опустив глаза, — Непонятно, чего от тебя стоит ожидать, — может быть, божьего благословения, а может, и неурожая, и мора, и пожара. Где-нибудь ты научишься пользоваться этим во благо, но точно не здесь. Так что живи сам, и постарайся не пропасть.

Айвар согласился и сразу решил податься в Аддис-Абебу. Семья дала ему немного денег на первое время, а вскоре он стал понемногу зарабатывать там, где не требовалось особых умений. Благодаря удивительно сильным рукам он трудился ловко и быстро.

Та дорога, которой Айвар добирался от деревни до столицы, была первым большим и самостоятельным путешествием. Ему нравилось наблюдать за караванами верблюдов из окна поезда, зато дорога на местной маршрутке показалась ужасной. Тесные микроавтобусы, набитые людьми, которые под громкую музыку пережевывали пахучие закуски и листья местной дурман-травы, проносились по иссушенным землям, забитым мусором. В глаза бросались полусгнившие остовы автомобилей, хижины, придорожные торговцы и попрошайки, а местами к дороге даже выскакивали обезьяны.

Зато потом перед ним развернулось многоцветное полотно оживленных туристических мест, с сияющими вывесками, гулом динамиков, шелестом аляповатых сувенирных футболок и флагов, ядовитыми кляксами значков и магнитов. Айвар забредал сюда на зов большого и обманчивого города, где наблюдение за пришельцами из других краев будто приближало его к странствиям из любимых книг. Красивого подростка быстро заметили менеджеры, и так Айвар начал работать в кафе и барах, поначалу лишь в качестве вывески и официанта. С русскими туристами работа шла успешнее всего: гостей забавляло безупречное владение языком и интеллигентные манеры «туземца», и они в благодушном настроении охотно одаривали его чаевыми.

Так как он уже полностью созрел и оформился, хозяева заведения вскоре привлекли его к пикантным услугам в самом будничном порядке. Парни постарше лишь задорно хлопнули его по плечу — они родились и росли в Африке, зачастую в глухой провинции, где никто не знал стыдливости. Да и в деревне Айвара дети бегали и играли нагишом, женщины подолгу кормили грудью, мужчины проходили различные ритуалы и состязались в силе и воинственности обнаженными. Для него стыд и смущение были не пустым звуком, поэтому половая инициация оказалась весьма травматичной. Но Айвар нашел в этом единственный на тот момент гарант стабильности, без которого было страшно жить в Африке, а заодно и способ прокормиться.

Тогда ему уже исполнилось девятнадцать, что для первого сексуального опыта было даже поздно, но Айвар давно не помнил ни этого дня, ни этой женщины. Лишь спустя несколько лет он научился копить деньги и отказываться от того, что вызывало отвращение, и хотя сексуальная сила и неутомимость были у него в крови, он никогда не переживал истинного чувственного наслаждения, а боль заглушал уходом в какие-то смутные иллюзии. Его немного развлекало наблюдение за русскими туристами — в значных местах Аддис-Абебы для них уже находили соответствующую музыку, пусть и опоздавшую лет на десять. В моду входили и медовые месяцы в Африке, и романтические туры для двоих, причем и женщины, и мужчины умудрялись искать приключения даже в таких обстоятельствах.

День Святого Валентина бар с подачи Айвара тоже не обделял вниманием: стены молодежь завешивала аляповатыми сердечками из фольги и тряпок, а закуски украшали капельками красного соуса в соответствующей форме.

А еще была обманчиво холодная Лара, которую Айвар знал уже пять лет, — в каждый отпуск она прилетала сюда, заходила к нему и платила по местным меркам очень хорошо. Любимые клиентки неизбежно появлялись почти у всех парней, и он не стал исключением, хотя немного о ней знал кроме того, что она работала врачом в московской частной клинике и была одинока несмотря на молодость и красоту.

Когда она впервые позвала его к себе в отель, то даже не глядела в лицо и только потребовала сделать все быстро и без разговоров. Айвар, тогда совсем юный, еще не вполне освоил кодекс общения и спросил:

— А в ванную можно?

— Я о чем только что попросила? — резко сказала Лара, быстро разделась и легла на живот, лицом в подушки.

«Надо же, попросила, а не велела», — подумал Айвар, но поскольку больше ничего не оставалось, сам снял одежду и приступил к «делу» ровно так, как и было сказано. Но через пару минут Лара, не поворачивая головы, взяла его за руку — поначалу вяло, а потом сжимала все сильнее. Отметив про себя, что запрет был только на разговоры, он сдержанно поцеловал ее в плечо, затем выше — в шею и в щеку. Тут Лара, до этого лежавшая натянутой струной, беспокойно задвигалась и наконец сказала:

— Прикрой нас, пожалуйста.

Поняв, что она имела в виду, Айвар добродушно усмехнулся и натянул простыню до пояса, закрыв ноги и бедра. Этот всплеск стыдливости, странный, неуместный, но красивый в данной обстановке, разрядил ее: вскоре Лара увлеклась так, что забыла и про стыд, и про то, что сразу после короткого «перерыва на отдых» собиралась засесть за ноутбук. Потом она и вовсе предложила ему приходить каждый день, на что Айвар охотно согласился и в следующий визит даже принес цветы.

Ему понравилась и замкнутая девушка, у которой оказался добрый характер, необычный ум и тяга к нежности, и отель, который мог бы находиться в бедноватом, но веселом квартале красивого средиземноморского города, — небольшой дом охристой расцветки, со старомодной чугунной ванной, нежно-голубым покрывалом на кровати, зеркалом в толстой антикварной оправе и балкончиком, с которого, правда, открывался неказистый вид. С ней можно было не притворяться, потому что ее мутный от удовольствия взгляд, запах чистой кожи и легкого шампуня, благодарные поцелуи, которые она оставляла на его шее и плечах, действительно казались Айвару приятными и милыми. Несмотря на изнуряющий секс в номере, за его порогом они с Ларой вели себя почти как друзья. Вскоре она предложила Айвару сходить в кино, а потом и в хороший ресторан, понемногу стала рассказывать о себе и заявила, что о серьезных отношениях и замужестве не думает.

— А зачем это нужно молодой женщине, которая содержит себя сама? — рассуждала Лара вслух. — Чувства? Так на это есть друзья и родные. Защита, опора? Про это и говорить смешно. Детей можно родить для себя, только денег перед этим надо скопить. Знаешь, Айвар... или, прости, как тебя вообще зовут?

— Так и зовут, представь себе, — усмехнулся юноша. — Это Зерихуну приходится называть себя Заком, а у меня имя легко произносимое, так что в псевдонимах я не нуждаюсь.

— Ну вот, Айвар, у нас неполной давно уже считается семья без бабушки, а не без отца. Она не будет требовать тест ДНК и не сбежит, если ребенок родится больным. А регулярный секс, как видишь, добыть несложно, и у незамужней женщины в этом плане выбор гораздо лучше. Вот, на тебя хоть посмотреть...

— Со мной регулярный вряд ли получится, ты же сюда не переедешь, — заметил Айвар.

— Это уж точно! Так зачем все-таки мне нужно чудо под названием «муж»? Когда в очередной раз напоминают, что пора личную жизнь устраивать, я всегда хочу спросить: за что вы меня так ненавидите?

— Ну хорошо, а я-то тебе зачем? — спросил Айвар, лукаво улыбнувшись. — Ты же на меня не только деньги, но и время тратишь, а что взамен?

— Не знаю, но мне кажется, что с тобой становится как-то теплее, — призналась Лара. — Вот я сейчас думаю, что уеду домой и весь год буду этим подпитываться. Можно будет тебя сфотографировать на память?

— Да без проблем, — безмятежно сказал парень, которому ее слова показались очень трогательными.

Айвар не мог судить, насколько Лара правдива в своих рассуждениях, но докапываться было не в его правилах. Ему нравилось с ней общаться, и то, что это общение щедро оплачивалось с ее стороны, парня не коробило, к тому же эти деньги он в основном копил на будущее. Вот и теперь она снова к нему наведальась, из чего он заключил, что в ее жизни пока ничего не меняется. Этим вечером Лара неожиданно пришла в бар незадолго до отъезда, просто чтобы попрощаться, но заодно отдала Айвару пачку нерастраченных местных купюр. Поцеловав его, она задумчиво сказала:

— Хороший ты парень, Айвар. Не знаю даже почему, но хороший, это уж точно...

— Да мне об этом не раз говорили, с тех пор, как я оказался в этом городе, — грустно улыбнулся Айвар. — Правда, в основном не туристки. Соседи говорят, старики, ребята... Так и слышу уже давно: хороший парень, только пока еще не совсем понимаю, что это означает и что мне с этим делать.

— Уходить тебе надо отсюда, — вздохнула Лара. — Попробуй хоть сниматься, в рекламе какой-нибудь, или для журналов, с твоей-то внешностью везде возьмут. Я, конечно, буду скучать, но бросай ты это дело! Тогда все и поймешь.

— Спасибо, Лара, — тепло ответил Айвар и пожал ей руку. — Все ты правильно говоришь, я и так уже собираюсь бросить. Ты тоже очень хорошая девушка, и я надеюсь, что ты будешь счастлива. Не бойся, мужа я тебе желать не буду, живи как самой виднее.

2. Большой мир

После ухода Лары Айвара в это вечер не трогали, сам же он, в отличие от некоторых ребят, никогда не напрашивался первым на общение. Бар совсем не пустовал, но парень пользовался любой минутой, чтобы перекурить, полистать любимые журналы, которые носил с собой, и послушать обрывки разговоров на знакомых языках. За одним столиком его приятель что-то тихо говорил молодой белой женщине с серьезным лицом, которая молча водила пальцами по стаканчику с дешевой свечкой. За соседним несколько местных мужчин средних лет безмятежно дымили и обсуждали дела любимой футбольной команды. А в углу, за столиком побольше, компания ребят из России (это донеслось до Айвара из разговора по-русски, пока он был у стойки) неожиданно стала что-то выяснять на нервных, хотя и не грубых тонах.

Он присмотрелся к ним, почувствовав, что пахнет чем-то тревожным. У стола собралось шесть девушек и двое парней, и одна — высокая шатенка в ярко-оранжевом сарафане и дымчатых солнцезащитных очках — что-то резко говорила сидящей чуть поодаль девушке восточной внешности с каким-то унылым и уставшим выражением лица. Все остальные держали нейтралитет: юноши увлеченно разглядывали нечто на экране гаджета, а другие девчонки просто отмалчивались. Азиатка тем временем вяло что-то возражала, но в конце концов умолкла, опустила глаза и стала перебирать деревянные бусы на шее.

В этот момент двое местных парней разразились хохотом по поводу высказанной кем-то шутки из крайне невзыскательной плоскости. Шутка, разумеется, прозвучала на амхарском, но сопровождавшие ее жесты и сальный смех вполне ясно говорили за себя. Впрочем, современная молодежь из России обитала в многоликой этнической обстановке и давным-давно умела интуитивно считывать смысл сказанного на неведомом языке.

Рослая девушка, метнув на гогочущих эфиопов выразительный взгляд, сказала уже громче, будто продолжая какую-то мысль:

— Ну вот, о чем мы и говорим!..

Тут Айвар и сам не удержался от смеха — не потому, что хотел поддержать шутку, а из-за всплывших в памяти слов из романа «Мастер и Маргарита», знакомого еще со школьных годов: **«Зрительская масса как будто ничего не заявляла?»** Возможно, другие его реакцию истолковали по-своему. Но именно в этот момент его взгляд встретился с глазами восточной девушки, которая перестала разглядывать поверхность стола и теревить бусины.

Айвар не смутился, так как привык к женскому вниманию, но взгляд этой девушки был особенным из-за странной апатии, застывшей в совсем юных черных глазах. Ее лицо с маленьким, чуть вздернутым носом, высоким лбом, впалыми щеками и крупным ртом напоминало акварельный набросок портрета из строгих и поэтичных штрихов. Грустного портрета, как сразу отметил Айвар. Он видел, что девушке уже очень хочется заплакать от раздражения, обиды или усталости, но она из оставшихся сил не позволяет себе этого.

«Уж лучше заплачь» — попытался он донести до нее мысленно. Однако в следующий момент она вновь опустила глаза, и собеседница наконец от нее отмахнулась.

Тут Айвара окликнули, и после того, как он убрал очередную партию грязных подносов и добил свой вечерний сигаретный лимит, выяснилось, что русские туристы стали расходиться. Правда, прекращать веселье они явно не собирались и скорее всего решили выпить в более камерной обстановке. Однако восточная девушка еще сидела в углу за тем же

столиком, только теперь закрыла глаза и уткнулась лицом в локти.

«Уснула, что ли, на нервной почве? — подумал эфиоп. — Почему никто из них ее не будит? Не собираются же они ее тут оставить».

Однако те, к его изумлению, вскоре двинулись к выходу. Поняв, что никто не собирается возвращаться за девушкой, и взглянув на часы — его смена в баре уже подходила к концу, — Айвар решил, что странную гостью необходимо растормошить, и сам направился к ее столику.

Она действительно пребывала в каком-то полузабытье. Айвар решительно сжал и потряс ее за плечо.

— Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь? — спросил он не очень громко. Девушка не отреагировала, и ему пришлось тряхнуть ее чуть сильнее.

Тут она наконец открыла глаза и при виде незнакомого темнокожего парня ожидаемо отпрянула. Еле слышно девушка спросила:

— Простите, что вы сказали?

— Прощать мне тебя пока не за что, а сказал я — что с тобой? Ты так устала, или нездорова, что здесь вырубилась? — четко сказал Айвар, продолжая держать незнакомку за плечо.

— Как?! — ахнула девушка и сонливость вмиг с нее слетела. Ошалело глядя на молодого человека, за спиной которого был заметно обезлюдевший зал, она тихо спросила:

— А остальные где?

— Остальные смылись, — резко пояснил Айвар. — Хотя вообще это по-русски называется немного другим глаголом. Поэтому я и спрашиваю, все ли с тобой в порядке. И куда ты теперь пойдешь, кстати?

Она машинально назвала адрес кемпинга и добавила:

— Мы из Питера, у нас тут что-то вроде небольшой стажировки в рамках перекрестного года стран Африки и России. Институт нам предоставил возможность ехать по гранту, как отличникам.

— Забавно, — отозвался Айвар, присаживаясь напротив и делая едва заметный жест управляющему. — А на кого вы там учитесь?

— Мы занимаемся африканистикой и востоковедением, а я больше всего интересуюсь международными отношениями, хочу в дальнейшем изучать гражданские права в мире, — ответила девушка, заметно успокоившаяся от его доброжелательности.

— Ну да, где же еще это изучать как не здесь, — усмехнулся парень. — Знаешь, как иногда про нашу страну говорят в России? «В Эфиопии на улицах нет мусора, потому что здесь нечего выкидывать». У тебя, кстати, есть деньги? Могу тебе что-нибудь принести, если хочешь.

— Да, чаю, если можно, — улыbnулась студентка. — Знаю, сюда едут ради кофе, но я его не очень люблю.

— Ладно, — отозвался Айвар. Улыбка девушки показалась ему очень трогательной, хоть и нервной: она прикрывала рот ладонью, взгляд бегал, а плечи все время были напряженно приподняты.

Вернувшись с чаем, он снова присел напротив, подумал и решил все-таки открыть еще одну пачку сигарет.

— Ничего если я закурю? — спросил он у студентки. — А то я заметил, что ребята из России сейчас это дело не любят.

— Да все в порядке, немного потерплю. Я действительно не курю, и спиртное, кстати, тоже не употребляю — аллергия. Студенчество, прямо скажем, не лучшая пора для такого человека, но меняться мне в этом смысле уже поздно. Хорошо, что совсем мало осталось потерпеть.

— Так ты знаешь, куда тебе сейчас идти? У меня просто смена уже заканчивается, а больше здесь по-русски никто не говорит как следует. Я тебе помогу добраться, одной здесь будет опасно.

И только тут девушка догадалась удивиться:

— А вы-то русский язык откуда так хорошо знаете?

— Во-первых, не надо говорить мне «вы», с чего это вдруг? А во-вторых, я просто вырос в России, больше чем полжизни там провел. Я еще здесь толком-то не привык, и по-русски до сих пор говорю лучше, чем на местном наречии. К тому же у меня там много знакомых, переписываюсь с ними, когда с сетью проблем нет. Правда, чаще проблемы есть.

— Так ты, значит, тоже метис, как я? — почему-то обрадовалась девушка.

Айвар улыбнулся и покачал головой:

— Нет, я не метис, и не мулат, я вполне стопроцентный амхарец. Просто родители всегда хотели работать в европейской стране, и меня там выучить. Здесь они познакомились, поженились, уже в Питере я родился, а их потом тоже там не стало... Так меня, собственно, сюда и занесло. Сначала в деревне обитал, у дальних родственников, а теперь тут жизнь изучаю.

— Извини, — смутилась собеседница. — Мне жаль, правда... Я просто подумала: много таких случаев, когда африканцы в Россию приезжают учиться и заводят там семью, а потом возвращаются на родину. Жены с ними чаще всего ехать не хотят, так и расстаются, но бывают же исключения...

— Понимаю, но нет, у меня было не так. Родители вместе были еще со школьной скамьи, а потом оба решили медицине учиться, поступили в Первый мед в Питере, там и работали. Они идейные были, в ВОЗ мечтали попасть, чтобы искоренять у нас смертность от тропических инфекций и туберкулеза. Особенно после одной жуткой семейной истории.

— Какой истории? — осторожно спросила девушка.

— Мой отец был родом из деревни на западе страны, одной из самых неблагополучных в Эфиопии, где доступ к чистой питьевой воде по сей день считается роскошью. Когда он был совсем ребенком, его мать, соответственно моя бабушка, заболела шистосоматозом — это паразитарная инфекция, обычное дело в диких странах. В этой деревне женщины стирали белье в зараженной воде и часто подхватывали эту дрянь. И детей купали там же... Поэтому никто не удивился, когда она начала мочиться кровью, а потом сгорела за несколько месяцев от жутких болей. В этих местах не было централизованной помощи и смерти зачастую даже не фиксировались. Только потом, когда отец стал изучать медицину, он понял, что у бабушки развился рак мочевого пузыря, давший страшные метастазы. Да, там это был почти обычный случай, но он так запомнил ее мучения перед смертью, что решил во что бы то ни стало избавить других людей от этой напасти. Ведь она успешно лечится, если вовремя ее обнаружить и принять меры. Но кто об этом думает в глухих эфиопских деревнях?

Девушка слушала его внимательно, и было видно, что эта история вызвала у нее искреннее сопереживание. Положив сигарету в пепельницу, Айвар добавил:

— Правда, у него вряд ли что-то могло получиться, если бы не два обстоятельства. Во-первых, он рос в большой семье, которая могла позволить себе послать одного ребенка в

школу без особого ущерба для хозяйства. А во-вторых, мой дед, к счастью, был очень правильным мужиком, и когда увидел, как сын переживает смерть матери, отправил его учиться в город, подальше от горестных воспоминаний. Это вместо того, чтобы отвесить подзатыльник и послать к мотыге и лопате для кизяка! Другие дети, понятно, тоже горевали, но не так глубоко, как он. А учился отец так хорошо, что смог попасть в программу для обучения в российских вузах. Так они с моей матерью встретились, оказались в России, и там тоже учились и работали на износ. Но если бы не дед, я, выходит, никогда бы не увидел Питер и не разговаривал сейчас с тобой по-русски.

— Надо же, а мы и не думаем о том, как тяжело дается образование где-нибудь в дальних странах, — вздохнула студентка. — У нас это воспринимается как должное и многие вообще не прилагают никаких усилий...

— А у нас приходится, так что успеха достигают только самые целеустремленные. Я, к сожалению, не совсем такой, то есть мечтать-то много о чем могу, а вот на действия уже не хватает. Но вообще надо наконец сваливать отсюда, заняться тем, что я давно хочу... Впрочем, что все обо мне-то, про себя что-нибудь скажи. Ты тоже в Питере родилась?

— Да, я из Питера, а живу недалеко от Таврического садика. Помнишь, где это? — охотно ответила девушка, и когда Айвар с улыбкой кивнул, добавила: — Меня, кстати, Нерина зовут, можно просто Нери. Полностью Нерина Ли — у меня папа кореец, а мама русская.

— Очень приятно. А меня Айвар Робин Теклай, но лучше просто Айвар, — ответил парень, протягивая ей свою светлую ладонь. — Только что это за имя у тебя диковинное — Нерина? Вроде не русское, но и на корейское не похоже.

— Да, это римское имя, означает «морская нимфа». Это родительская причуда: тогда была бурная мода на экзотические имена, а корейцы в России особенно любят давать их детям, потому что у них очень мало фамилий и хочется как-то выделиться. Но я его не люблю, мне кажется, что оно плохо повлияло на мою судьбу.

— Как это? — полюбопытствовал Айвар.

Лицо у девушки слегка омрачилось, но она все же стала объяснять:

— Похоже, что я в самом деле выделяюсь, только не в том смысле, как им хотелось. Правда, они этого будто до сих пор не замечают. Нет, не в том смысле, что игнорируют: наоборот, обожают, только мне еще в большом мире теперь приходится бывать, а там зубы и когти нужны, и когда они у меня вырастут, я не знаю. И родители в этом, главное, ничего особенного не видят, даже одобряют: девочка, мол, должна быть покладистой, а то никто ее не полюбит. Ой, да что я, впрочем...

Айвар легонько потрепал ее по плечу и сказал:

— Ладно, не расстраивайся, все отрастет в нужное время. Знаешь, у африканцев принято проще относиться к недостающему — не достиг ты чего-то к определенному возрасту, так достигнешь потом, а если и нет, так будет что-то другое, тоже хорошее. Есть здесь такие люди, которые живут в домах из мусора и за день продают один банан, а все равно не горюют. И удивляются, что эти странные белые так заморочены на своем планировании жизни, карьерах, целях, статусах, вместо того, чтобы просто смотреть в небо. Да что там, даже веру в бога на Западе превратили в какой-то бизнес-план, если судить по нынешним православным паломникам. А по местному разумению, живы — и уже хорошо, ведь в Африке никогда нельзя быть уверенным, что завтрашний день вообще наступит... Правда, может быть, из-за этой философии мы и не построили ни одного нормального

государства, все ждали, когда это кто-нибудь за нас сделает. Но тут уж либо то, либо другое.

Девушка все это время внимательно слушала, и в конце концов ее лицо немного просияло, хотя глаза оставались печальными и встревоженными.

— Спасибо, — ответила она. — Во всяком случае, сейчас мне уже не так тошно. Неудобно только, что я тебя совсем заболтала. Ты же говорил, что у тебя смена закончилась?

— Да ничего, какие проблемы, — отмахнулся Айвар. — Мне только в радость послушать нормальную человеческую речь, и потом, торопиться особенно некуда. Так что давай я тебя все-таки провожу куда ты скажешь: здесь не самая спокойная обстановка по вечерам. И многие улицы плохо освещаются, из-за перебоев с электричеством. Вот так мы тут и живем!..

— Спасибо, — еще раз сказала Нерина, уже не машинально, а от души, и встала из-за столика. Тут Айвар разглядел, что она невысокая — а уж ему еле доходила до плеча, — и очень субтильная, с угловатыми плечами, выпирающими ключицами, худыми запястьями и маленькой, как у подростка, грудью. На ней была простая летняя блузка и джинсы, длинные черные волосы немного растрепались, также бросались в глаза выкрашенные черным лаком ногти на руках и ногах.

— Подожди минуту, я только шамму возьму, — торопливо сказал Айвар, и когда Нерина вопросительно на него посмотрела, указал на белую накидку, висящую на стуле позади барной стойки. Он часто носил ее поверх рубашки или туники, как и многие эфиопские мужчины.

По дороге к кемпингу Нерина поведала Айвару:

— Они вроде как надумали отправиться на поиски какого-то чудного места, где можно купить травки, а я заявила, что не хочу проблем. Мне вообще не нравятся эти посиделки в барах, но и торчат одной в кемпинге, пока все будут веселиться, тоже паршиво. И меня отговаривали идти сюда, но я сказала, что просто посижу за столиком и не буду никому мешать. Вот мне все и припомнили: сиди, мол, тут, пока в беду не попадешь.

— Так может быть, они никуда и не пошли, а давно уже сидят в этом вашем лагере, или что там у вас?

— Не думаю. Да и ладно, забудь, я их вообще давно раздражаю, но это взаимно.

— Как они могли оставить тебя одну здесь? — сказал Айвар, с трудом веря в услышанное. — А если бы ты действительно попала в беду?

— Я совершеннолетняя, и они меня охранять не приставлены, — мрачно ответила девушка. — Знал бы ты, сколько раз меня пытались алкоголем угостить, в сок плеснуть или просто стаканы поменять. Оттого я и решила, что легче просто не ходить ни на какие вечеринки, ведь ущербным там не место.

— Ну знаешь, вообще-то это они ущербные, а не ты, — искренне подбодрил ее юноша. Он и не думал заигрывать с ней, но когда они дошли до места поселения питерских студентов, все же сказал:

— Слушай, Нери, ты приходи как-нибудь в бар, если захочешь. Мне там часто бывает скучно, тебе со своей компанией — тоже, так что будет о чем пообщаться. Кстати, завтра в городе праздник, у нас есть свой «День победы», над итальянскими оккупантами. Здесь тоже будет весело, тебе понравится.

— Спасибо, — ответила Нерина и сама протянула ему руку на прощание. — Обязательно приду, а они пусть делают что вздумается.

3. Девушка из Серебряного века

На следующий день улицы города были украшены зелеными, красными и желтыми лентами, по ним гордо шествовали знаменосцы и музыканты в белоснежных одеждах. Собралось много молодежи, которая беззаботно смеялась, пела бравурные песни, била в барабаны и трясла какими-то диковинными погремушками. Сверкающие бусинки в девичьих косах перекликались с цветом флага.

Нерина с удовольствием понаблюдала за процессией и снова подумала о вчерашней встрече с интересным африканским парнем, красивым и статным, вспомнила его спокойный умиротворяющий взгляд и мягкую улыбку. Настоящий эфиоп, потомок людей, которые испокон веков называли себя «обожженными солнцем», — почти европейское лицо, словно у античной скульптуры, нос с небольшой горбинкой, чувственный рот, густые ресницы и завораживающие глаза цвета темного янтаря. И безупречная русская речь, отличающаяся только своеобразным и очень приятным перекатыванием отдельных звуков. Неожиданно край, в котором Нерина оказалась, стал выглядеть настоящим оазисом после душливого года в родных стенах.

Ей казалось, что она не радовалась жизни с тех пор, как прошло детство — в университете девушка чувствовала себя подобно карлику в «Дне рождения Инфанты» Оскара Уайльда, который попал из родного леса в королевский замок и там впервые увидел в зеркале те уродства, о которых прежде знали все, кроме него. Нерина избегала сборищ, в институтской столовой обедала отдельно, в разговорах ограничивалась дежурным обменом фактами и данностями. Но к учебе она относилась серьезно и давно хотела работать в международных проектах, направленных на распространение в мире русского языка и популяризацию российской «мягкой силы».

Дома, в Питере, осталась ее маленькая, немного странная комнатка, полная вышивок, расписанных ваз, авторских новогодних украшений. Все это Нерина творила легко, предпочитая мистические образы, близкие к мифологии и космосу. И порой она думала, что создать собственный мир ручным трудом легче, чем приноровиться к настоящему.

А еще там остался Костя Ким, который тоже появился в ее жизни неожиданно, и именно тогда этот уютный мир стал трескаться, будто старая елочная игрушка. Нерина до сих пор была уверена, что все это затеял отец, — Андрей Петрович Ли всегда жалел, что в нынешней России не принято подбирать супругов детям заблаговременно. Но он старался культурно и аккуратно знакомить Нерину с молодыми людьми, которые устраивали его семейным положением, образованием и финансовыми перспективами. Ни сироты, ни выросшие с одним родителем в его глазах не были надежными с морально-психологической стороны. А также отец трезво оценивал пробивные способности Нерины и хотел, чтобы она спокойно училась и работала «для души», а не за кусок хлеба «по акции».

Национальность молодого человека была не слишком важна, но зато другое условие не подлежало компромиссам — он должен был быть коренным петербуржцем, пусть Андрея Петровича и назвали бы за это зарвавшимся снобом. Слишком много ему довелось услышать жалоб от знакомых, сослуживцев и соседей на новоиспеченную родню из провинции, которую пришлось принять вместе с зятем или снохой, их нравы и порядки. Да и тревогу за квартирный вопрос никто не отменял. Себе и своей жене он категорически не желал такой судьбы.

Однако нашелся молодой человек, который сам попросил Андрея Петровича познакомить его с дочерью, и это и был Костя Ким, парень из очень состоятельной и уважаемой семьи питерских корейцев. Его родителей Андрей Петрович знал давно, и хотя дружбы домами у них не было, помнил Костю мальчиком, когда тот был похож на восточную фарфоровую куколку, но уже прямо, без всякой робости смотрел старшим в глаза.

Юноша объяснил ему, что видел Нерину на Рождественском балу для лучших студентов, стилизованном под дворцовые ассамблеи. Там девушка выступала в культурной части программы, рассказав о легендарной свадьбе в Ледяном доме и прочих ужасах, творившихся внутри роскошных интерьеров под приснопамятные «вальсы Шуберта». Стиль изложения, близкий святочным потешно-жутким рассказам, неожиданно впечатлил Костю, и после бала он попытался взять у Нерины номер телефона, но она поспешно ретировалась. На самом деле юноша тоже привлек ее внимание на балу с первого взгляда, когда, облачившись в шикарный черный смокинг, «забыл» о галстук-бабочке и о благопристойной прическе. Позже Костя сознался ей, что «фейсконтроль» он прошел в положенном виде, но потом сразу же распустил волосы и сунул галстук в карман.

И когда отец с удовольствием инициировал их следующую встречу, они быстро нашли взаимопонимание — Нерине нравилось обсуждать сложные сферы, от искусства до политики, ходить в театр и арт-пространства, а Костя, несмотря на свою молодость, уже понимал, что нуждается в чем-то помимо доступного тела, не отягощенного интеллектом.

Довольно долго эти отношения носили характер дружеских, но потом Костя все больше стал намекать на свой мужской интерес, что вызвало у Нерины и тревогу, и удовлетворение. До сих пор она не знала этих чувств, даже в самом невинном детском проявлении, — ее никто украдкой не целовал в щеку, не передавал записок и не приносил букетиков из полужухлых ромашек. Теперь ей исполнилось двадцать два года (из-за проблем со здоровьем она поступила в школу, а затем и в вуз на год позже, компенсируя это домашними занятиями), и девушка хотела любым способом избавиться от того ненавистного анатомического балласта, который довершал ее стигму неудачницы в собственных глазах. Нерина считала, что этот атрибут юности выдан женщинам как вишенка на торте из унижений и физических слабостей, и порой даже хотела прибегнуть к хирургии, чтобы ни один мужчина, если он все же появится в ее жизни, не признавал себя кем-то особенным.

Однако у нее почему-то не нашлось возражений, когда Костя наконец пригласил ее к себе домой в отсутствие семьи, — правда была слишком странной, а разумные отговорки не шли на ум. Да и вообще ей вдруг захотелось на что-то решиться, и хоть Костя ничего и не озвучивал прямо, она не только надела нарядное белье, но и купила на всякий случай «экстренные» таблетки. Впрочем, ничего озвучивать и не требовалось — летняя жара гармонировала с обстановкой, и после того, как они выпили ледяного свежесжатого сока, Костя снял с себя майку так непринужденно, что Нерина почти поверила, будто дело в погоде. Раздеть себя она уже позволила будто во сне, и очнулась только от боли. Костя, не ожидавший такого поворота, только мешал ей успокоиться своими испытанными приемами и настойчивыми ожиданиями ответных ласк.

Когда все кое-как закончилось, Нерина закрылась в ванной, чтобы не расплакаться при нем, и не столько от боли, сколько от убежденности, что теперь молодой человек точно сочтет ее ненормальной и их общение на этом прекратится. О чем в это время думал Костя, ей осталось неизвестным. Он сказал только одно: «Ну ладно, у меня такое тоже впервые — в смысле что девственниц еще не было».

Но потом он все-таки постарался отвлечь девушку, и когда она слегка успокоилась, угостил оставленным обедом и чаем, показал действительно впечатляющий дом и сад в корейском стиле, с водоемом, лотосами и декоративным павильоном. Когда Костя расставил на столе изящные фарфоровые пиалы с живописными закусками, Нерина робко спросила:

— Это вы всегда так едите?

— Ну да, сейчас! — усмехнулся юноша. — Охота каждый раз фигней страдать! Нормально едим: и суп, и мясо с картошкой. Могу тебе разогреть, но такого ты, наверное, и дома поешь?

Так неловкость была замята, Костя даже как будто раззадорился, а вот Нерина долго не могла избавиться от неприятного осадка — почему-то ей казалось, что он узнал о ней какую-то противную, унижительную тайну. Но Костя не собирался сбавлять оборотов и через пару месяцев после первого интимного свидания представил Нерину своей семье. Она понемногу к нему привыкала: он был остроумным, начитанным, знал много забавных и пикантных фактов из древнеазиатской истории и культуры, не раз бывал в Корее и странах Юго-Восточной Азии. Костя пообещал свозить туда и Нерину, а вскоре устроил ей необычный сюрприз — тур на Камчатку, в котором парень показал Нерине настоящее извержение гейзеров и познакомил со своими дальними родственниками.

Нерине это понравилось, и она привыкала к мысли, что Костя после окончания института позовет ее замуж, чисто для красоты, ибо деловой вопрос к этому моменту уже будет решен. Для их отцов, корейцев, еще не вполне отошедших от вековых традиций, это было бы нормально, и то, что родители отпустили ее с Костей вдвоем в путешествие, ясно говорило об их позиции. А он именно там намекнул ей:

— Знаешь, Нери, моим предкам ты, похоже, нравишься. Хотя это, если честно, только приятное дополнение: главное, что ты нравишься мне.

— А их не смущает, что я бесприданница и полукровка?

— Смирятся, никуда не денутся, — отмахнулся он. — А насчет второй части у тебя вопросов нет? Впрочем, ладно, девушкам же всегда надо подумать. Мне этот обычай даже по вкусу.

Нерина была рада, что он не торопил ее с ответом, но в целом идея о замужестве казалась ей неплохой. Стоит заметить, что роман с «золотым мальчиком» тоже, разумеется, не добавил Нерине симпатии у сокурсниц, и она уже с нетерпением ждала диплома.

А потом начались проблемы — оказалось, что Костя, когда подруги нет рядом, не прочь развлечься в компании других, более раскованных и ярких девчонок. Когда в этом уже не осталось сомнений, Нерина спросила его:

— И как это все понимать? Я тебе нравлюсь или просто устраиваю, как приемлемый атрибут? А для души или других частей организма ты выбираешь девушек по иным критериям?

— Да в чем дело, Нери? Как минутное развлечение связано с тем, что ты мне нравишься, и даже больше? — искренне недоумевал Костя. — Это просто две разные сферы! Ну что делать, если кое в чем ты пока не преуспела? Я, честно говоря, надеялся, что у тебя интеллект превалирует над эмоциями, но сейчас ты рассуждаешь типично по-женски.

— Ну а ты рассуждаешь по-мужски, и превалирует у тебя одно лицемерие, — заметила девушка. — На словах вам всем отвратительны курицы на высоких каблуках, знающие два слова — «зая» и «купи», но встречаетесь вы именно с ними! И именно на них тратите деньги, и возите в поездки не для презентации родным, а для удовольствия! Минутное

развлечение, говоришь? А по-моему, ты с этими девушками знаком гораздо дольше!

Упрек Кости все же запал Нерине в душу, и она решила посоветоваться с матерью. Та была крайне озадачена вопросами и жалобами дочери, однако отмолчаться, как в ее детстве, уже не представлялось возможным. Надежда Павловна попыталась втолковать Нерине, что многие женщины не испытывают удовольствия от близости, но в этом нет ничего страшного и нужно думать о том, как родить и вырастить здоровых детей, — на то и даны природой все аппетитные изгибы, выпуклости и впадины. А удовольствие положено только мужчине — ведь от этого зависит и рождение ребенка, и поддержание крепкой семьи.

— Но, — добавила мать в заключение с таинственным видом. — Это все только между нами, девочками, имей в виду, Нери! Для мужа всегда нужно быть в готовности и вдохновении. Ни один мужчина не должен догадываться, что с женой что-то не так, а уж слышать про то, что у нее болит голова или еще не дай бог что... Его дело — быть опорой, стержнем брака и семьи, а дело женщины — создавать для него зону покоя и отдыха, и в этом путь к взаимной гармонии.

После этого Нерина уже не стала спрашивать Надежду Павловну о главном: как ей свыкнуться с «любвеобильностью» своего парня. Вопреки недовольству родителей она именно тогда и приняла решение отправиться в длительную поездку в Эфиопию, в которую студенты записывались добровольно. Костя учился в другом вузе и она, уезжая, подумала, что этот перерыв прояснит окончательно все перспективы их странной «помолвки».

Сейчас же все это казалось Нерине далеким и не стоящим испорченных нервов. Эфиопы, веселящиеся на празднике, смотрели на всех вокруг с открытыми задорными улыбками и Нерина почувствовала, что сама улыбается так же искренне, без прежнего стеснения и страха.

С необычным волнением она направилась в бар, где вчера увидела прямо перед собой одного из этих таинственных людей, почти пришельцев, похожих на живые произведения искусства, — цветные блики бус переливались на их коже будто пятна масляной краски на темном холсте.

За столиками в баре собралось много народа, из динамиков звучала бесшабашная латиноамериканская мелодия, и на маленький танцпол вышел Айвар в паре с невысокой молоденькой негритяжкой, одетой в ярко-желтый топ и короткую юбку с позолоченным поясом. Смелый наряд подчеркивал красоту ее точеной фигуры. Они стали танцевать, двигаясь с явным эротичным подтекстом, и это заметно нравилось им самим. К удивлению Нерины, Айвар при своих габаритах обладал такой же легкостью и пластикой, как у девушки, и уверенно руководил танцем. Затем они выдержали секундную паузу и партнерша что-то весело сказала громким гортанным голосом, после чего Айвар в одно мгновение поднял ее в воздух и она, обхватив его ногами за талию, повисла вниз головой, так, что едва не коснулась пола.

Публика восторженно захопала, и Нерина поймала себя на том, что любит Айваром с примесью еще какого-то странного, тревожного чувства, похожего на ревность. Ей вдруг захотелось побыть такой же, как эта негритяжка, которая так откровенно радуется жизни и не думает про образование, статус, правильное супружество и мнение общества. А еще рядом с ней был такой необыкновенный парень, который сейчас тоже выглядел беззаботным и счастливым. Интересно, связывало ли их что-то помимо танца? Наверняка да...

Вскоре Айвар подошел к Нерине, улыбаясь. Танец был таким энергичным, что из-под его густых волос, как она заметила, еще стекали ручейки пота.

— Просто супер как вы выступали! — искренне сказала Нерина. — А что она тебе сказала, если не секрет?

— Что сказала? А, тогда... Сказала «Уронишь — убью!» — рассмеялся Айвар. — Впрочем, она всегда так грозится! Как видишь, пока ни разу не уронил.

Когда он освободился, они снова разговорились, и парень с удовольствием вспомнил и о разводящихся мостах, и о вычурных барельефах на исторических зданиях, и о декабрьской «полярной ночи», и о прогулках под дождем, и об ароматах местных булочных и хлебозавода.

Нерина хотела расспросить его поподробнее о жизни в деревне, но Айвар не желал вызвать у нее жалость и в основном рассказывал про общие беды эфиопского простонародья. Она в свою очередь поведала ему немало старинных и новомодных легенд о мистическом Петербурге, которые он слушал с особенным интересом.

— Знаешь, сколько Питеру приписывается проклятий от царей, историков, писателей? — вдохновенно говорила Нерина. — Уж не знаю, есть ли там хоть слово правды, но когда сама по нему гуляю в поздний ноябрь или еду по шоссе мимо леса, всегда думаю: не божий дух здесь живет...

— Может быть! Вот Гумилев, по-настоящему верующий, а по-моему, совсем «не божий» поэт, родился в Петербурге, а потом скитался по Африке, писал про ее ритуалы и жуткие тайны. И мне всегда казалось, что у него в стихах о России такая же концентрация ужаса, что и про какое-нибудь озеро Чад или Экваториальный лес.

— Удивительно, что ты помнишь. Сейчас Гумилева и в России-то мало кто читает, тем более наизусть, — заметила Нерина с восхищением.

— Ну, я же абиссинец все-таки. Мало кто из русских поэтов нам посвящал стихи, верно? Мы это обязаны помнить.

— А в бога ты веришь? — неожиданно спросила девушка, будто его слова навели ее на какие-то новые мысли.

— Я верю в потустороннее, Нери, а уж как там оно называется, неважно. Уверяю тебя, что и тут, и в России религию воспринимают именно так, хотя для виду и говорят про христианство и прочие ярлыки. Люди не терпят необъяснимого, им непременно надо что-то придумать и красиво оформить.

— Да, это точно! — воодушевилась Нерина. — Я именно так думала, когда изучала живопись и графику Серебряного века. По-моему, кружки «Голубая роза» и «Мир искусства» были последними оплотами искренности в русской изобразительной культуре. Вот соцреализм и послевоенный «суровый стиль» — это, как я думаю, просто способ выживания и адаптации творчества под общественные катастрофы, а так называемое современное искусство — и вовсе спекуляция на стадных чувствах обывателей. Ой...

Она запнулась и Айвар, поняв ее замешательство, усмехнулся:

— Я знаю, что все это значит, не стоит меня недооценивать.

Нерина, поняв, что он не обиделся, с облегчением улыбнулась. После этого она стала регулярно приходить в бар, и если Айвар тоже был свободен, они за долгими беседами гуляли по Аддис-Абебе. Девушка поняла, что без него никогда не узнала бы многих живописных, но безобразных и нездоровых тайн города. Во многие места иностранцам без черных было опасно заглядывать даже группой, не то что поодиночке. В нищих кварталах жилые дома были сколочены из листов жести, напоминали полуразвалившиеся гаражи-«ракушки», которые девушка не раз видела в Питере. Узкие проходы были завешены

сушащимся тряпьем и местные бедняки добывали себе пропитание как умели. Одни, примостившись на пороге жилища, чинили обувь, другие обустроили в крошечной клетушке парикмахерскую, третьи торговали какой-нибудь убогой утварью. Попадались также попрошайки и проститутки, которые в сравнении с персоналом из баров откровенно демпинговали.

Однако Нерину все это не оттолкнуло: почему-то эта лишенная прикрас жизнь таила для нее необъяснимое обаяние. Ее никогда не тянуло на разговоры и сближение с чужими, но тут вдруг захотелось пообщаться с подростком, собирающим пластиковые канистры, с женщиной, которая шила на крыльце дома, с пожилым мужчиной, листаящим книжку, похожую на молитвенник с дикими узорами на обложке. Айвар согласился перевести ее вопросы и люди шли на контакт, тем более что многие его хорошо знали.

После этих разговоров Нерина понемногу догадалась и о подработке самого Айвара, которую он, впрочем, и не намеревался скрывать. Это немного ее расстроило, но и обострило интерес, — здесь, в этом странном краю, подобный способ выживания выглядел таким же органичным, как грубая пища, горький кофе, тяжелые дегтярные запахи города и постоянная опасность. Поэтому она не стала приставать с расспросами.

Заодно ее неожиданно потянуло пройтись по магазинам и сувенирным лавочкам, чтобы показаться перед красивым парнем в новом виде. Среди пестрых шарфиков, бус из старинных монеток, замысловатых браслетов и серег из кости, камней, дерева и стекла трудно было выбрать что-то одно. Зато Нерине сразу почему-то захотелось купить белые лаковые туфли на каблуке, которые совсем не привлекли бы ее в питерских магазинах.

Айвар сразу это оценил и был искренне рад перемене в настроении девушки. Когда Нерина пришла к нему в следующий раз, он неожиданно протянул ей какую-то изящную вещицу.

— Я еще вчера подумал, чего тебе недостает, — пояснил он приветливо. — Попробуй, не бойся, тебе будет в самый раз.

Это оказался футлярчик с блеском для губ — он был бледно-розовым с холодным оттенком и еле заметным налетом перламутра. Нерина прежде не пользовалась ничем подобным и тем более не получала таких подарков от юношей, но теперь, едва накрасив губы, она убедилась, что Айвар нашел именно «ее» цвет. И впервые ей подумалось, не связано ли такое внимание с чем-то помимо добродушия и вежливости.

4. Местный спальный район

Нерина быстрым шагом шла по оживленной улице, вдоль лотков с какими-то пахучими яствами, от которых поднимался едкий дым, и торговцев, устроившихся со своими корзинами прямо на земле. Мимо проносились, подпрыгивая на ухабах, автомобили. Еще недавно она гуляла здесь воодушевленная чем-то неясным и приятным, а сейчас чувствовала себя отвратительно и почти с ненавистью думала о родном доме.

Во время похода по рынкам и магазинчикам Нерина заодно запасалась подарками для близких и невольно вспомнила о Косте. Не удержавшись, она купила подарок и для него — кожаный браслет готического стиля, инкрустированный черным блестящим минералом. Парень обожал рокерскую субкультуру и такая вещь была явно в его вкусе. После этого Нерина невольно подумала, что от него давно нет хоть какой-нибудь весточки, даже простого вопроса о том, все ли с ней в порядке, и решила позвонить ему сама.

Но почти сразу до нее донесся многоголосый шум на заднем фоне, и когда Костя наконец отозвался, его речь явно слегка заплеталась, да еще перемежалась нелюбимыми ею словами. На публику юноша часто называл Нерину «тхэян» или «ёрым», что означало по-корейски «солнце» и «лето», а любые нежные слова по-русски говорил только наедине. У нее самой подобные ассоциации вызывали недоумение: со своей меланхоличностью и любовью к мрачной эстетике она была скорее «осенью», да и день рождения у нее был в январе. И все чаще Нерина подозревала, что эти прозвища Костя использовал со всеми девушками, чтобы не путать имен, и заодно отдавал дань моде, а никак не уважению к своим корням.

Поэтому когда Костя в очередной раз стал увещевать подругу этими словами, она уже не была уверена, что он понял, кто с ним говорит. Мысль об этом никчемном звонке, о купленном браслете и прочих попытках навести мосты вызвала у девушки злость и презрение к самой себе, а заодно и к родителям, которые наверняка будут настаивать на этом браке до последнего. И скорее всего опять ее сломают...

Не имея возможности приглушить невроз алкоголем, Нерина купила двухлитровую флягу колы и тянула ее до тех пор, пока не начались болезненные толчки в груди. Поняв, что ни питье, ни пустое сидение в кемпинге не успокоит, она решила отправиться туда, где в последнее время было легче всего, — к Айвару.

Перед выходом она быстро глянула в зеркало и, сама не зная зачем, быстро провела по губам блеском, который ей подарил молодой человек.

Однако Нерина неожиданно сбилась с пути и вскоре свернула на совсем незнакомую улицу, с недостроенными домами и очень слабым освещением. В воздухе тяжело пахло отходами и нечистым человеческим телом, откуда-то доносились голоса и смех, который показался девушке зловещим. Нерине стало так страшно, что она не могла ни оглянуться назад, ни идти дальше. На глазах выступили слезы. И вдруг ее плеча коснулась чья-то рука.

Она едва не вскрикнула, и Айвар осторожно притронулся к ее холодной от испуга щеке.

— Не надо, успокойся, — мягко заговорил он. — Ты просто слегка промахнулась, сейчас я тебя выведу. Я ведь уже домой собирался, так что тебе повезло меня застать.

Нерина, еще не вполне отойдя от ужаса, все же удивилась:

— А как ты вообще понял, что я здесь?

— Я иногда что-то чувствую, — коротко сказал Айвар. Он заметил, что лицо у девушки

сейчас было еще более измученным, чем в их первую встречу.

— Что это с тобой сегодня, Нери? — спросил Айвар, взяв ее за плечи. — Надеюсь, дома ничего не случилось?

— Нет, родители, слава богу, здоровы, — сказала Нерина и через силу улыбнулась. — В общем-то, ничего нового и не случилось, просто подобие моей личной жизни летит к чертям и я не понимаю, радоваться этому или огорчаться.

— А, так у тебя какие-то проблемы с твоим парнем? Прости, если лезу не в свое дело, — сказал Айвар. Но девушка тут же заверила его:

— Нет, все в порядке, то есть проблемы есть, только это не мой парень, а общественный. На это есть еще красивое слово — «полигамный», но я предпочитаю прямо выражаться. Хуже всего то, что родителям он нравится, и пока с ними бесполезно спорить. Вот, собственно, и вся история.

— Ну ладно, я понял, просто тебе нужно успокоиться, так что давай я с тобой прогуляюсь до твоего кемпинга. А по дороге объясню, что даже когда жизнь не ладится, ею нельзя так рисковать. Это плохая улица, Нери, сюда и полиция заходит с неохотой.

— Да, конечно, прости, я понимаю, что повела себя глупо. Спасибо, ты уже второй раз меня выручаешь. Но не надо в кемпинг, Айвар, я сейчас не хочу оставаться одна. Можно пойти к тебе домой?

Этот вопрос изрядно его озадачил: Айвар не очень любил приводить в свое жилье чужих людей. У него иногда бывали гости, но чаще он старался ограничиваться подсобками в баре, а если женщины вызывали доверие, принимал приглашение в отель. Сейчас же ему стало не по себе еще и от ответственности такого поступка, как привести домой эту несамостоятельную девушку, совсем не похожую на всех, кто бывал там раньше. С другой стороны, предоставить ей идти своей дорогой было еще страшнее, а настаивать, чтобы она вернулась в неприятный для нее кемпинг, Айвар не хотел.

— Ну хорошо, пойдем, — ответил он наконец. — Вот только когда ты теперь вернешься к своим? И что ты им собираешься сказать?

— Ничего страшного, все уехали на экскурсию в Лалибелу с ночевкой, — сказала Нерина, и в ее глазах впервые сверкнул какой-то озорной огонек. — Так что меня никто не контролирует.

— О как, — протянул Айвар с интонацией, которую можно было истолковать по-всякому. — Но зачем ты хочешь идти ко мне? Настолько не переносишь одиночества?

— Вовсе нет, с одиночеством я всегда была в дружбе. Но всем порой бывает нужно, чтобы их слышали, а у меня надежда только на тебя.

Айвар удивленно посмотрел на нее и ответил:

— Ты в самом деле удивительная, Нери, но гораздо более нормальная, чем тебе кажется. Ладно, пойдем.

Они отправились в противоположную от кемпинга сторону. По дороге парень заметил, что Нерина слегка прихрамывала — изящные туфли явно были еще не разношены. Айвар жил в одном из убогих панельных домов, без канализации и с суровой обстановкой. Но в сравнении с многими жителями окраин Аддис-Абебы, обитающими в старых вагончиках или просто на улице, его жизнь была еще более-менее благоустроенной.

Обстановка комнаты Айвара все же показалась Нерине очень аскетичной. Уехав от родственников, парень стал очень бережно относиться к деньгам, и поскольку питаться можно было на работе, тратился в основном на сигареты, кофе и шоколад. Еда не отличалась

разнообразием, часто приходилось перебиваться рисом или булгуром, сдобренным для вкуса перемолотыми бульонными кубиками. А вот любимыми, хоть и вредными привычками он категорически не хотел жертвовать.

И еще он всегда покупал контрацептивы, которые здесь стоили совсем недорого, но не пользовались особой популярностью. Эфиопы все еще считали, что от половых инфекций мужчин лучше всего предохраняет обрезание. Однако в деревнях оно до сих пор больше калечило, чем помогало, — инструменты никто не стерилизовал, а кроме того, после операции мальчики обязаны были некоторое время провести в уединении. Поэтому риск сепсиса был очень высок, и Айвар в свое время так и не позволил произвести над собой эту процедуру.

О нежелательной беременности в Африке вообще мало кто заботился, но Айвар благодаря привитым в детстве правилам был брезглив и считал глупостью экономить на своем здоровье, а помимо того, при всем неуважении к своей «клиентуре», не хотел испортить кому-то жизнь.

Комната, где жил Айвар, была довольно маленькой, с грубо окрашенными стенами и несколькими нишами, в которых хранилась посуда, гигиенические принадлежности, а также довольно много книг, журналов, безделушек и аудиокассет. Имелся здесь и магнитофон, старой марки, но еще вполне исправный. В приземистом деревянном шкафчике была сложена одежда. Также тут был примитивный рукомойник — воду для него приходилось носить из дворовой колонки, — походный туалет за ширмой, пластмассовый таз, в котором Айвар замачивал белье, и электроплитка. Около рукомойника висело небольшое зеркало.

Стены были украшены несколькими простенькими картинками и иконами на коже и пергаменте, а также яркими вырезками из журналов. Кое-что Айвар собирал сам, другое осталось от прежних жильцов и ему не хотелось это выбрасывать.

В принципе эта обстановка его на данный момент устраивала, так как дома приходилось проводить не так много времени. Но Айвар всегда выкраивал его для чтения и мыслей, наедине с которыми чувствовал себя не так уж и плохо. Во многом выручал давний четкий распорядок — с утра он выпивал крепкого кофе, заедая куском хлеба-инджеры с сахаром или медом, отжимался, приводил себя в порядок и шел работать. Если у него была вторая смена, то можно было сходить в баню, на рынок или в интернет-кафе, где он переписывался с дальними знакомыми и узнавал, что происходит в мире.

— Ты что же, сам тут убираешься? — спросила девушка, осмотревшись.

— Ну конечно, и убираюсь, и посуду мою, только стряпать не умею. Так что питаюсь по-простому, но ничего, я не привередливый! А что делать? Я ведь давно живу самостоятельно, так что волей-неволей многому научился. Стираю прямо в бане: мы там трем белье на доске и кипятим в чане.

— Какое-то странное занятие для мужчины, — заметила Нерина.

— Нет, в Африке это совсем не считается зазорным: женщины у нас шьют, варят мыло, а прачечное ремесло в основном мужское. Так что молодежь привыкла заботиться о своих вещах. А к бане вообще у многих особое отношение: это у нас как клуб досуга. Правда, мыла часто нет, и приходится довольствоваться песком и маслом, но мы привыкли. Зато как себя чувствуешь, когда разотрешься и окатишься прохладной струей! Я это дело люблю, к тому же, в бане у нас есть и массаж, и траволечение, и кофе можно попить, и просто поболтать с ребятами. Они славные, только немного легкомысленные и ленивые. Но я ведь и сам не без этого!

Нерина взглянула на него с уважением. Она заметила в комнате кое-какие предметы из советского интерьера, казавшиеся ей приятными артефактами. На стуле лежала домотканая подушка из ярко-голубой ткани, расшитая желтыми одуванчиками, среди посуды была кофейная чашка с блюдцем, расписанная видами моря, и стакан в узорном мельхиоровом подстаканнике, в котором виднелось несколько черенков затейливых латунных ложечек. Это были не стилизованные новоделы, а настоящие вещи из прошлой эпохи. На столике, где стояла электроплитка, лежал также старый деревянный пенальчик с выдвигной крышкой, украшенной выжженными подсолнухами. Айвар пояснил, что письменный прибор у него в основном служит для сведения доходов и расходов и практики в русском языке. А пара внушительных утюгов из чугуна заменяла ему гантели.

— А собирать всякие безделицы я у родителей научился, — сказал он, окинув взглядом содержимое своего жилища. — Они с удовольствием брали за гроши разную подержанную мелочь на барахолках в Питере, на Удельной, например. Правда, их отчасти и нужда заставляла: своих вещей-то поначалу почти не было. Но порой им попадались красивые, трогательные предметы, наверняка хранящие какие-нибудь тайны. Одному богу ведомо, зачем людям приходилось их продавать...

— Ты что-то привез с собой? — восхищенно спросила Нерина.

— Да, есть и такое, хоть и немного. Остальное нашел уже тут — многие эфиопы прежде бывали в России и СССР, в основном по учебе, возвращались с накопленным добром и потом вынуждены были его отдавать за любые деньги, потому что их знания на родине оценили еще меньше. А некоторые, кто занимается ручным трудом, подсмотрели и скопировали кое-что у российских мастеров.

Айвар предложил Нерине сесть на толстый старый матрас, на котором, впрочем, было чистое белье, накрытое сверху красивым, хоть и слегка истрепавшимся узорным покрывалом. Сам он присел напротив на колченогий деревянный стул, явно не подходящий к его росту.

— Я помню, что ты кофе не любишь, но чая у меня нет, зато шоколада много. Так что давай-ка вместе выпьем, отдохнешь и все объяснишь по порядку. Энергоснабжение у нас частенько барахлит, но плитка все-таки работает, — деловито сказал Айвар, одновременно потрепав девушку по плечу своим обычным жестом.

— Спасибо, — отозвалась Нерина. — Просто я даже не знаю, с чего и начать, проблемы у меня растут далеко не из сегодняшнего дня...

— Ну знаешь, об этом я давно догадался, — спокойно ответил Айвар. — Но я тебя в любом случае выслушаю, поэтому расскажи то, что в первую очередь считаешь нужным, а там уж разберемся.

Нерина задумалась на несколько минут, пока Айвар ходил за кофе, и наконец сказала:

— Знаешь, что я особенно ненавижу в любовных романах?

— Это ты книжки имеешь в виду? Если да, то я таких никогда не читал и оценить не могу, но вопрос у тебя, я полагаю, риторический?

— Совершенно верно... Я тебе сейчас расскажу, за что я их ненавижу, ты, наверное, удивишься...

— Конечно, я уже удивился: зачем ты в таком случае их читаешь? — ответил Айвар вполне невозмутимо, но на самом деле ее поведение порядком его беспокоило. — Разве у вас там не из чего выбрать?

Нерина вздохнула и заговорила:

— Сама не знаю. Скорее всего, чтобы лучше понимать и различать хорошее. Человеческое сознание, знаешь, как своего рода иммунная система — ему нужен контакт со всякой дрянью, заразой, иначе оно не окрепнет и никогда не научится отделять вранье от правды, а красивое от похабного. Знаешь, у нас в институте есть обычай: мы иногда проводим собственные «литературные гостиные», где рассуждаем о современных тенденциях. Я даже выступала на них с докладом о значении низкопробного чтива.

Айвар кивнул, и девушка продолжила:

— Так вот, у них есть одно общее клише — одинокая, неудачливая в любви и, что важно, красивая девушка встречается с более опытным мужиком, у которого в жизни было много секса, но не было «истинных чуйств». Они обычно сразу жутко не нравятся друг другу, и я уже знаю, что чем больше между ними подколов в самом начале, тем жарче будет, извини, перепих, который состоится максимум на второй день после знакомства. Причем начнется с полного сноса крыши за пару секунд, а закончится непременно обоюдным оргазмом, и никак иначе!..

— Ну допустим, и что тут такого? Ты же понимаешь, что к жизни это отношения не имеет, так пишут для упрощения и остроты, чтобы книгу купили. Это рассчитано не на таких, как ты, думающих людей, а на тех, кто критическим мышлением в принципе не пользуется. Да, они пытаются лепить конфету из дерьма, но ничего нового я в этом не вижу. Что тебя вдруг так взволновало?

— Меня не деградация литературы вообще волнует, а именно вот этот момент. Давно хочется спросить этих авторов: почему они не пишут о заурядных, невзрачных девушках? Почему у них любовь начинается с койки? Почему тогда в жизни все, кто спьяну кувыркается в туалете ночного клуба, наутро не признаются в вечной любви, а в лучшем случае спрашивают кого как зовут? Почему вообще у них такое значение придается этому процессу, якобы только в постели можно понять, что это твой человек...

— Наверное, потому, что когда люди любят друг друга, то они этим занимаются, — сказал Айвар, подумав, что это, пожалуй, самый странный разговор из всех, какие с ним заводили туристки. — Хотя я могу лишь предполагать, потому что о первом пункте ничего не знаю.

— То есть, ты ни разу еще не влюблялся? — вдруг спросила Нерина.

Этот вопрос по-настоящему ошарашил молодого человека, несмотря на его богатый опыт наблюдений в баре. Он даже отбросил назад свою хулиганскую челку, обычно закрывающую лоб почти до глаз, словно желая получше разглядеть девушку.

— Нери, а почему ты спрашиваешь? Нет, скрывать мне нечего: близких отношений по любви я действительно пока не имел. Конечно, были девушки, которые мне очень нравились, но это не приводило ни к чему хорошему. Одну я встретил еще в России — это была дочь наших друзей из Эфиопии, и после того, как меня увезли, мы навсегда друг друга потеряли. А другая жила по соседству в деревне, вот там все было почти серьезно...

— А с ней ты был близок? — робко сказала Нерина, отводя глаза.

— И да, и нет, — сдержанно ответил Айвар. — Ты уверена, что хочешь знать подробности?

— Наверное, да: может быть, таким образом я пойму что-то очень важное.

— Нери, это невозможно понять, не живя здесь, — усмехнулся юноша. — Я могу только рассказать, но это никак не вписывается в рамки твоего чтива. Так вот, номинально мы не были близки: я знал, что ее нельзя трогать, — ей предстояло выходить замуж за парня,

которого давно уже подобрали родители. К тому же, я сам еще тогда был... ну, ты поняла. Но она этого парня не знала, замуж не хотела, с семьей у нее были плохие отношения, как и у меня с опекунами. Так мы подружились, а потом нас стало друг к другу тянуть. И я кое-что сделал. Ну, проще говоря, я ласкал ее руками, поначалу чтобы снять боль в женские дни, а потом ей это, конечно, понравилось... И в конце концов старшие узнали об этом.

— А потом что случилось?

— То, что и должно было: меня за это основательно выпороли, а ее... сначала убедились, что она осталась девственной, а потом обрезали и выдали замуж, как и собирались. Она уехала к мужу в его деревню, и больше я ее никогда не видел. Впрочем, вскоре я и сам подался в город, потом устроился в бар и стал подрабатывать проституцией. Оказалось, что где-то доставлять женщинам удовольствие не считается преступлением, за это даже вознаграждают. Ты ведь уже сообразила?

Нерина после паузы ответила:

— Да, я и раньше много слышала про секс-туризм. Ты постоянно этим занимаешься?

— Нет, только в разгар сезона, в остальное время в бар ходят местные. Но за несколько месяцев удастся неплохо запасть. Впрочем, я собираюсь с этим заканчивать, надо уже когда-то и нормальную работу найти, и семью.

— Правильно, — кивнула Нерина. — Я вот только не поняла, а за что тебя избили? Ведь ты же не изнасиловал ее, не обрюхатил...

— Оказывается, ты и такие слова знаешь, — сказал Айвар и спокойно улыбнулся. — Я же говорил, Нери, что это нельзя понять не будучи эфиопом. Как раз за то, что ты сказала, мне ничего бы не было: наказали бы ее, за то, что «соблазнила» и опозорила свой род. А в данном случае именно я был виноват больше, так как приучал девушку к удовольствиям, которые ей не дозволены, ей вообще не положено было о них знать. В представлении африканского крестьянина женщина — не более чем тупое животное, которое должно только рожать и кормить. А мужчина, как существо с разумом, обязан ее поучать и держать в узде, не сбивать с правильного пути. Женское обрезание, про которое ты, возможно, слышала, тоже делают именно с этой целью. Ну как, ты поняла?

— Поняла, но все же шокирована. Ты прав: у вас здесь совсем другой мир, — призналась Нерина, подумав, какими нелепыми этому парню, должно быть, показались ее жалобы на несоответствие ожиданий и реальности в сытой и комфортной жизни. И все же она решила сказать то, о чем подспудно думала все последние дни:

— Наверное, ты мне не поверишь, но у меня ведь сейчас похожая ситуация с этой бедной девушкой. По крайней мере, такое ощущение, что меня тоже выдают замуж, против моей воли и наплевав на чувства. Только у меня даже не было рядом такого, как ты... Она хотя бы о тебе может вспомнить, а я ни о чем.

— Как это? — искренне удивился Айвар. — Разве в России такое еще практикуется?

— В законе это, конечно, не прописано, но все же иногда происходит, особенно у этнических меньшинств. На это есть много причин. И вот мои родители очень хотят, чтобы я вышла замуж за выгодного им молодого человека, а я привыкла их слушаться. И не знаю, что им возразить: я точно знаю, что люблю папу и маму, люблю рисовать, читать, ходить в театр, размышлять, смотреть на поезда. А вот люблю ли этого парня, с которым встречаюсь, — такого я не могу сказать однозначно. Зато почти уверена, что он меня не любит. Словом, извини, я тебя не хотела обидеть, просто много накипело, а с родителями такое нельзя обсуждать. Они никак не могут принять, что я уже выросла и не всегда могу с

ними согласиться.

— Да я и не обижаюсь, успокойся, — улыбнулся Айвар и коснулся ее плеча. — Вот, попей воды, передохни и не волнуйся.

Нерина улыбнулась в ответ: Айвар умело разряжал неудобную атмосферу, и ей стало легче. Она глотнула кипяченой воды, допила свой кофе и заговорила более спокойно:

— Но самое ужасное, что мне почему-то кажется, будто я и не заслуживаю его любви, потому что у меня не получается так, как в этих романах... Никаких тебе «бабочек в животе», никакого катарсиса и прочей дребедени. Да, я давно уже знаю, что все это бред собачий и большинство женщин занимается сексом, чтобы пробиться по карьерной лестнице, удержать мужа, родить ребенка, который порой и не особенно нужен, и вообще отдавать дань обычаям. И эти девицы, с которыми он развлекается, только продают себя за выпивку и подарки, имитируя искреннюю страсть. И он все это знает, и мои родители тоже, а я знаю, что они знают. Такой вот всеобщий молчаливый договор. Но мне с этого не легче, Айвар: я все это время чувствую себя каким-то социальным инвалидом и думаю, что сама виновата в его изменах.

— Перестань, Нери, — произнес Айвар твердо. — Во-первых, любовь вообще нельзя заслужить, а во-вторых, ты не в ответе за чужой выбор, запомни это. Выйдешь ты замуж за этого парня или нет, такой человек может измениться только если сам захочет, а до этого ублажай его как угодно, не поможет. Только почему ты это все решила со мной обсудить? У тебя что, вообще нет никого ближе? Нет, сейчас, в Африке, — это понятно, но неужели ты и дома не могла ни с кем поделиться?

— Получается, что так, не могла. Наверное, у меня действительно нет никого ближе... — тихо сказала Нерина, опустив голову, словно у нее кончились силы. Айвар решил, что девушке необходимо перевести дыхание, погладил ее по растрепавшимся длинным волосам, и она взглянула на него с благодарностью и еще каким-то странным, болезненным чувством.

Нерина словно впервые всмотрелась в его карие глаза, похожие на золотистый кленовый настой, и будто хотела еще что-то сказать, но не решалась.

— Что с тобой такое сегодня, девочка? — спросил Айвар ласково, хотя этот взгляд его встревожил.

Лицо девушки оставалось бездумно-сосредоточенным, она не глядя положила руку на его колено и стала его поглаживать сквозь грубую джинсу. Айвар понял, что по-хорошему это надо остановить и что она послушается, если он скажет категорическое «нет», но в его арсенале пока не было других способов успокоить женщину.

Он осторожно приобнял ее за плечи руками, от которых всегда пахло тимьяном и мускатным орехом, и серьезно, без намека на игривость, заглянул ей в глаза.

— Это и есть то, что ты хотела понять? — спросил он.

Нерина неловко молчала, и ему пришлось опуститься рядом с ней на колени, хотя даже в таком положении она смотрела на него снизу вверх. Она еле заметно потянулась к нему, и Айвар бережно поцеловал ее в щеку. Девушка закрыла глаза и напряглась, но затем посмотрела на него, тоже осторожно обняла за талию и ощутила тепло его губ, которые казались ей постоянно припухшими от неправильных, порочных поцелуев.

Айвар не был уверен в том, что последует за этим: от такой девушки можно было ожидать любой реакции, тем более в столь необычной обстановке. Явно она не каждый день целовалась с чернокожими парнями в трущобе, в практически дикой стране, и ехала сюда

совсем не с такой целью. Поэтому он прислушивался к ее состоянию через прикосновения и тихие слова, будто предлагая девушке некий вызов, проверку сил. И Нерина, подогреваемая его лаской, наконец стала обнимать его все более уверенно и увлеченно, проникая за воротник рубашки. Тогда Айвар осторожно отстранился, расстегнул и развел ее в стороны, и девушка несмело коснулась по-юношески гладкой кожи его шеи и груди.

5. Из добрых побуждений

Нерина сидела, укутавшись в его покрывало, и всматривалась в темные уголки комнаты, которая внезапно стала ей почти родной. До этого большую часть времени не хотелось открывать глаза, но когда все закончилось, она почему-то была спокойна и почти расслаблена. Никакой вины за случившееся девушка не чувствовала: разве она должна что-то Косте Киму, который немного развлекся, поиграл с ней в любовь и, вероятно, успел забыть о ее существовании? Или отцу с матерью, которые охотно продержали бы ее всю жизнь под стеклянным колпаком, если бы могли?

Они не стали утруждать себя раздеванием и предварительными ласками: Айвар только поцеловал ее в шею и усадил к себе на колени. Остальное слилось с полумраком, царящим в комнатке, и уже откладывалось в памяти фрагментами: сильные и уверенные объятия, резкий толчок внутрь, от которого живот больно заныл, как при несварении. Девушке вдруг показалось, что она очутилась на невиданном аттракционе, исследующем ее нутро и мечущем ее тело в ритме, над которым она не имела никакой власти. Было болезненно, но и приятно от поцелуев, от тепла его бархатистой кожи, от запаха специй и трав. Они почти не видели друг друга, и можно было отстраниться от физиологии и представить себя персонажем романтического фильма о молодых неформалах. Все длилось не очень долго и завершилось без какой-то особой кульминации: Айвар безмолвно остановился, разжал объятия и ободряюще погладил девушку по голове и лицу.

Это выглядело так поэтично и красиво, что Нерина даже не стала задумываться о том, что для молодого африканского мужчины он вел себя как-то слишком сдержанно. Она была не против продолжения, но та четкая, хоть и деликатная уверенность, с которой Айвар закончил процесс, не допускала возражений, и девушка решила подождать другого случая для новых эмоций. С удовлетворением Нерина подумала, что Айвар позаботился о гигиене, в то время как у нее самой все мысли об осторожности вылетели из головы, хоть она и привыкла пить таблетки.

Айвар курил в приоткрытую форточку, стягивая на груди рубашку. Он понимал, что это выглядит невежливо, но не знал, что сказать и как встретиться с ней глазами. Ладони еще ощущали влажную прохладу ее кожи, стянутой тугим спортивным топиком, и внутри бродило неясное чувство, будто он не обнимал ее, а пытался отстранить. Случившееся более чем прежде напоминало ему медицинское или гигиеническое мероприятие, силы притворяться были на исходе, и больше всего ему хотелось оглушить себя ударной дозой кофе или струей ледяного душа. Но как быть с этой странной девушкой? Это приключение явно будет не последним, на что она решится в поисках равновесия, если не уберечь ее хотя бы в зоне его видимости. Кому-то ход его мыслей мог показаться циничным, но Айвар слишком хорошо знал, как дорого обходятся табу на все, что касается женской красоты, зрелости и сексуальности. «Так пусть уж лучше это буду я, — рассуждал он. — Я-то знаю, что другой и денег запросит не по заслугам, и защитой не будет заморачиваться».

Тем временем Нерина привела себя в порядок, пока Айвар стоял к ней спиной, и нерешительно подошла к нему.

— Что же теперь делать? — совсем тихо спросила она, коснувшись его плеча.

«Лучше бы тебе уйти» — подумал Айвар, но обернулся, увидел ее беззащитную блуждающую улыбку и тоже улыбнулся в ответ:

— Ну, для начала все-таки следует поспать, посмотри который час. Так что давай вернемся туда, — он указал на свою непрезентабельную постель. — Конечно, там тесновато, но зато вдвоем тепло и не страшно, верно? Утром провожу тебя обратно.

Вскоре она в самом деле задремала, а он долго лежал рядом, так и не избавившись от тяжелых мыслей. Что-то здесь было не так, и Айвар все еще не мог понять что. Ему уже попадались неопытные девчонки, с которых было как-то неловко брать деньги, — одна такая, приехавшая с командой молодых волонтеров, решила снять парня на спор и не сочла нужным сообщить ему, что была еще девственницей. Потом ему пришлось долго вытирать ей слезы и отпаивать водой, но вскоре они подружились, ходили в кофейню и занимались уже более аккуратным сексом. На прощание Айвар подарил ей красивый шейный платок и с удовольствием переписывался по интернету.

Другим проституткам имитация «амуров» тоже не была чужда, но они в обмен на затейливый секс стремились урвать хоть кусочек роскоши. Порой над скромностью Айвара посмеивались, однако он не обращал на это внимания, зная, что эти парни только проедают заработанное, доверяются обещаниям богатых туристок подарить автомобиль и ради этого выполняют такое, на что он уже давно не соглашался, а потом горюют, что опять остались в дураках.

Разумеется, потребовать у Нерины денег он не мог, но и предложить ей остаться друзьями тоже теперь выглядело бы цинично, поэтому Айвар решил доиграть заданную роль. Учеба не позволяла ей частых отлучек, но у них состоялось еще два-три интимных свидания, уже менее неловких благодаря интуиции Айвара. У него в запасе было много игр и придумок именно для таких романтических, но сломленных воспитанием девушек: стремительный, обрывистый контакт с минимальным обнажением, когда он с легкостью поднимал ее на весу, со стороны казался грубоватым, но на деле Айвар был очень деликатен и чуток. Она же могла дать волю фантазии и представить их на ночном шоссе, на крыше высокого здания, открытой всем ветрам и взорам, или на пустынном северном пляже, в тени гранитных скал.

Но в основном они проводили время как начинающая юная пара, разговаривали о Питере, детстве, прочитанных книгах и разнице культур, и это нравилось Айвару. Диалог, который завела Нерина в ту ночь, они больше не вспоминали, и лишь однажды девушка нерешительно сказала ему:

— Айвар, я все-таки хочу попросить прощения...

— Опять? — с досадой сказал он. — Что это у тебя за любимое слово? Будь с ним осторожнее, Нери, ведь когда-нибудь оно может и понадобится.

— И все же послушай, я давно думаю, что тогда пришла к тебе вываливать весь этот негатив, потратила твое личное время, да еще вроде как использовала. Я просто хочу сказать, что не потому пришла, что считала тебя доступным. Просто мне показалось, что у нас есть что-то общее, что мы оба не боимся откровенно говорить о том, что другими замалчивается, поэтому я к тебе и потянулась. Но вдруг ты подумаешь, что для меня подобные выходки в порядке вещей?

— Да что за глупости, Нери? — решительно, хоть и с улыбкой сказал Айвар. — Я давно уже решаю сам, как мне поступать, и использовать меня можно только до тех пор, пока я это разрешаю. И я просто хотел, чтобы тебе было хорошо.

Нерина, слегка замаявшись, сказала:

— Ну, мне с тобой всегда хорошо, но может быть, ты меня чему-нибудь еще научишь? Я

много читала про то, что девушке стоит уметь, но все никак не могу расслабиться...

Тут Айвар посмотрел на нее очень серьезно и ответил:

— Я ведь уже говорил тебе, что собираюсь бросить это дело, Нери. У нас с тобой хорошие, славные отношения, мне приятно доставить тебе немного радости, и не надо это портить оказанием услуг. Я могу только напомнить, что ты умная, хорошая, красивая девушка, достойная интереса и уважения вне зависимости от того, что ты умеешь делать в постели. Полюби себя, а тогда уже ты сможешь раскрыться для любви и страсти к другому человеку. Но научить тебя этому никто не в силах.

Он положил свою крепкую темную руку, обвитую браслетом из мутного серебра, поверх ее бледной, маленькой, почти детской кисти с лакированными черными ногтями, и бережно ее погладил. Нерина робко улыбнулась и сказала:

— Знаешь, ты, наверное, прав, я как-то плохо выразилась. Давай оставим все как есть.

— Вот и славно. Тебе надо просто не торопиться, дозреть до искреннего желания полюбить и создать семью, а там все приложится. Я ведь тоже надеюсь когда-нибудь найти родного человека.

— А вы вообще когда-нибудь целуетесь? — вдруг спросила Нерина. — Ну, я имею в виду, с теми девушками, которые приходят к вам в бар.

— Про других ничего не могу сказать, а я чаще всего целовался, — простодушно ответил Айвар. — От меня ничего не убудет, а совсем без налета человечности нельзя обходиться. Это уже какая-то животная гадость получается.

Нерина не знала, что сказать, так как не ожидала подобной галантности в адрес ее предшественниц, и это не очень ей понравилось. С другой стороны, ей нравилась их странная игра, которую они часто не доводили до физического завершения, отвлекаясь на умиротворенные беседы и шутки. Эта неправильность забавляла их обоих, к тому же, девушка замечала, что больше Айвар сейчас ни с кем не встречается.

Ей захотелось чем-нибудь его отблагодарить, и вспомнив, что при себе были запасы бисера, органзы, лазури, блестящих ниточек и камней, девушка за несколько дней сплела комплект в древнеегипетском стиле, из медальона в форме жука-скарабея, фигурного кольца в виде рыбки, змеевидного браслета, к которому кольцо прикреплялось тоненькой цепочкой, и маленьких лазуритовых сережек.

У парня, который очень любил бижутерию, ее подарок вызвал искреннее восхищение, и Нерина в невольном порыве обхватила его за шею. Айвар не остался в долгу и показал ей много интересного, они побывали в укромных кафе и сувенирных лавочках не для туристов, погуляли по Лесному парку, где посмотрели на антилоп и обезьян, и съездили к озеру в потухшем кратере, окруженному зеленым можжевелевым лесом. Конечно, Нерина могла прокатиться по таким местам с группой, но общество Айвара ей было гораздо приятнее.

Порой девушка думала: «Вот как бывает, когда не рассматриваешь юношу как будущего мужа! Говоришь то, что хочешь, улыбаешься, если тебе весело, не боишься пожаловаться на недомогание или грусть... Только кто же мы тогда друг другу? Неужели только случайные спутники, товарищи по одиночеству? Да разве не для того люди должны жениться, чтобы делиться самым сокровенным?»

Нерине все тяжелее было думать о неизбежном расставании. Ей казалось, что она приоткрыла завесу над настоящей жизнью, голодной, грязной, опасной, но искренней и, как она рассуждала, действительно близкой к богу. И вот теперь, после этого, возвращаться в душный мир, придуманный для нее другими людьми? Может быть, им с Айваром и не

стоило встречаться...

Отношения Нерины с парнем из бара не остались тайной от ее сокурсников, и однажды староста группы — та самая девушка в дымчатых очках, — решила ее разговорить:

— Слушай, Нери, ты бы хоть поаккуратнее себя вела, не так демонстративно! Я же тебе не со зла говорю: курортный роман дело житейское. Только твой парень-то такого не простит! А другого ты не найдешь, такие дураки, что готовы за неграми доедать, встречаются только в порнографии.

Нерина все это время набирала какой-то текст на своем планшете, но наконец посмотрела на девушку и неторопливо ответила:

— А тебе не все равно, что со мной будет? Ты сама на Айвара заглядывалась?

— Еще чего! — отозвалась та. — Приключения на одну ночь и в Питере можно найти, а ни для чего другого он не годится.

Ничего не ответив, Нерина пространно взглянула в сторону и усмехнулась.

Студентка грубо передразнила ее и сказала:

— Чего ты смеешься-то? На твоего парня знаешь сколько желающих? А на тебя? Будто этот Айвар на тебе женится! Они на своих женятся, или ищут иностранок побогаче, а с тобой он просто из жалости закрутил. До чего ты дожила-то, Нери, — уже черные оборванцы тебя жалеют!

— А если женится? — вдруг спросила Нерина холодно и жестко.

Сам Айвар ничего не знал об этом разговоре и о ее размышлениях. Ему нравилось общаться с этой умной, тонкой, мечтательной девушкой вне постели, но он философски относился к тому, что она скоро уедет на родину и мало что запомнит о нем кроме интимной плоскости. Нерина останется приятной частью его прошлого, но у нее своя дорога, а ему нужно думать о собственной, которая никогда больше не пересечется с этим баром, с этими туристами, их требованиями, порой издевками, и уж особенно с проституцией. Вот надо проводить Нерину — и все, только его здесь и видели. А ей не нужно слишком к нему привыкать.

Тем более неожиданным для Айвара стал момент, когда незадолго до отъезда Нерина вдруг сказала ему:

— Айвар, а приезжай-ка ты ко мне, в Россию.

Он удивленно посмотрел на нее:

— Ты имеешь в виду в гости? Я бы с радостью, но у меня пока недостаточно денег. И потом, не хотелось бы ставить тебя в сомнительное положение. Все-таки тут были твои знакомые, так что без нехороших разговоров не обойдется.

— Нет, Айвар, ты не понял. Я хочу, чтобы ты приехал навсегда, чтобы мы там были вместе. Ну не смотри так, я говорю серьезно.

Он действительно некоторое время молча глядел на нее, будто искал на ее лице признаки неудачной шутки, и наконец сказал:

— Ну и поворот! Это что же получается, мне теперь надо позвать тебя замуж?

Айвар говорил полушутливым тоном, но Нерина вполне серьезно ответила:

— Как ты сам хочешь: я не помешана на идее замужества, в отличие от многих. Представь, в доме моей бабушки, маминой мамы, хранилось несколько огромных чемоданов, и я в детстве гадала, что за сокровища она там прячет. А в них были подвенечные платья — самой бабушки и ее предков, по тем временам очень дорогие. И теперь лежали мертвым грузом, можно было только ими любоваться. А другая бабушка, по папиной линии, хранила

старинные корейские шпильки для свадебного наряда и настояла, чтобы я приняла их в наследство. Мне только жаль этих женщин, у которых замужество было единственным ярким и важным событием в жизни, и я так не хочу.

— А чего же ты хочешь? — спросил Айвар, внимательно на нее взглянув.

— Обрести себя, — задумчиво отозвалась Нерина. — Я пойму, если ты не захочешь уезжать, но все-таки подумай! Здесь у тебя почти никого нет, и нечего в такой стране делать с твоим умом, а в России мы оба начнем новую жизнь. Если хочешь, можно жить вместе и без штампа, дать друг другу обещание здесь, рядом с этой святыней на дикой земле, и не отчитываться ни перед Россией, ни перед Эфиопией.

Нерина говорила все более воодушевленно, ее лицо совсем преобразилось. Айвар сам не знал как это объяснить, но ее последние слова почему-то его раззадорили.

— А что это ты не хочешь отчитываться? Тебе за меня неловко, что ли? — сказал он с улыбкой, но решительно. — Нет уж, я парень честный, а значит, выходи за меня замуж. При других условиях я не поеду.

— Ох, не обижайся, — вздохнула Нерина, но тут же улыбнулась и потрепала его по волосам. — Конечно, я скажу да, Айвар. Ты не думай, я понимаю, что африканских страстей между нами нет, но по-моему, это даже здорово. Где-то я слышала, что скорее друг может стать хорошим мужем, чем муж — хорошим другом.

— Я рад, что ты сказала все как есть. Ты очень хорошая, Нери, мне никто еще до тебя не делал такие подарки, не рассказывал семейные тайны, не выслушивал всякие ужасы из моего прошлого. А главное, никто в меня по-настоящему не верил, в лучшем случае думали: какой, мол, прикольный парень, даром что негр. Да и судьба у нас в чем-то совпадает: оба одинокие, оба не вписываемся, у обоих за плечами печальные истории... Так что, наверное, ты права: мы с тобой и без страстей вполне друг другу подходим.

— Вот именно! — обрадовалась Нерина. — Приезжай сразу как сможешь, только мы все сделаем по-своему. Распишемся в джинсах и футболках, в крайнем случае я надену летнее платье, в кроссовках, посидим в каком-нибудь маленьком арт-кафе, а потом до утра будем гулять по спящему городу, — как тебе такое?

— Нери, Нери, — мягко пожурил ее Айвар, — ты сейчас говоришь о тех же свадебных нарядах или ритуальных шпильках, только вывернутых наизнанку. Главное все-таки не декор, а самостоятельность. Мне надо устроиться на работу, накопить денег, снять квартиру или хотя бы комнату, а потом получить вид на жительство. За один день это все не делается.

— Я тебе помогу, — заверила Нерина. — Будем работать вместе, ты сможешь пойти, например, в какой-нибудь общинный центр и водить экскурсии для африканцев, или устраивать мероприятия. Кстати, скажи: а мне придется менять фамилию?

— Не придется, у амхарцев вообще нет фамилий: Теклай — это имя моего папы, мы все носим отеческие имена до смерти, и мужчины, и женщины. Но когда я жил в России, оно, конечно, считалось фамилией, и я с детства к этому привык.

— Странный у вас обычай, — заметила Нерина. — А как звали твою маму?

— Маму звали Гелила, но в Питере она для всех была Гелей. А меня, когда я учился в школе, взрослые называли Ивар, а ребята — просто Иви. У нас там была славная компания.

— И никто тебя не обижал?

— Нет, почти никогда. Вот ребятам из смешанных семей иногда доставалось, а меня не трогали, хотя я был не только черный, но и полненький. Родители тоже со всеми ладили. В

России не так уж много расистов, просто страшные и скандальные истории всегда на слуху, а про добрососедское отношение никто не говорит.

Они сидели на ступенях маленькой круглой церкви вблизи Собора Святой Троицы, главного пристанища православных паломников в Аддис-Абебе, — Кидист Селассие, как, по словам Айвара, его называли амхарцы. Безмятежная синева дневного неба сменилась перламутрово-серой палитрой, которой был окрашен весь город в сумерки, но храм по-прежнему был овеян сиянием.

Айвар откинул голову назад, прикрыл глаза, словно подставляя лицо уже почти невидимому солнцу, и Нерине на секунду показалось, что юноша пребывал в каком-то ином мире, где обитают безымянные духи, охраняющие святилище. Одной рукой он придерживал на плече спадающую шамму, но казалось, что он прислушивается к собственному дыханию.

Нерина почувствовала прилив восторга, но в то же время ей почему-то стало немного страшно. Подумав, она сказала:

— Я бы хотела познакомиться с теми родственниками, которые у тебя остались. Мне кажется, это будет правильно.

— А по-моему, не стоит, — нахмурился Айвар. — Ты пойми, это другие люди, и наши пути потом неизбежно разойдутся. Свое содержание я сполна отработал, а в Россию они не поедут: самолет им представляется чем-то вроде крыльев дьявола. Я их не брошу, буду помогать, когда они состарятся, но зачем эти игры в семью?

— Они твоя единственная родня, и я тоже обязана сказать им спасибо за то, что они опекали и воспитывали моего будущего мужа. Я ведь представлю тебя своей семье, так почему у них должно быть меньше прав?

— Ладно, может быть, ты и права. Во всяком случае тебе как взрослому человеку стоит увидеть все своими глазами, чтобы делать выводы.

Он пообещал взять пару отгулов на работе, чтобы съездить в деревню, и Нерина, вернувшись в кемпинг в приподнятом настроении, позвонила в Питер своей давней подруге Оле Коноваловой, дочери старых приятелей семьи, чтобы на условиях секретности поделиться новостью.

Та, как и предполагала Нерина, сначала была в шоке:

— Нери, да ты что, спятила?! Нет, я понимаю: твой Костя, конечно, пренеприятный тип и понторез, но зачем же из крайности в крайность кидаться? Нормальные парни на свете резко закончились?

— Он нормальный, Оля, — решительно ответила Нерина. — Да это даже не то слово. Когда он придет, ты сама убедишься. Айвар ласковый, мудрый, чуткий, и вообще какой-то, знаешь... возвышенный, что ли...

— Какой-какой? — усмехнулась Оля. — Это где же его возвышенности научили? Вот уж от тебя я такого затмения не ожидала! Он хоть слова-то какие-нибудь знает, кроме «бэлая сучка»?

— Да ну тебя! Я же говорю, Оля: он в Питере родился и рос, по-русски до сих пор прекрасно говорит, стихи читает наизусть лучше нас с тобой. И пожалуйста, ты его не обижай, не смотри заранее вот так враждебно. Он ранимый, ты потом узнаешь, как у него жизнь сложилась.

— Все они такие ранимые, когда им что-то надо, — строго сказала Оля. — Не знаю, Нери, я как-то уже заранее боюсь твоего Айвара. Да и ты будь осторожнее, присмотришься к нему, прежде чем судьбоносные решения принимать.

Вскоре Айвар действительно свозил Нерину в провинцию — часть пути они проделали на стареньком, но исправном автомобиле ВАЗ, на котором их подвез один знакомый, а часть по железной дороге. Дорогу преодолели вполне спокойно и легко: в дорогу они захватили воды и фруктов, Нерина с удовольствием рассматривала виды из окна, похожие на авангардные полотна, и улыбалась другим пассажирам.

Наконец они добрались до деревни, состоящей из домов, которые были построены из веток и палок и покрыты листовым металлом. Хижина, в которой обитала родня Айвара, была рассчитана на две разные семьи, — как пояснил юноша, эфиопы часто так строили ради экономии. Стены, смазанные известью, хозяева кое-где украсили плетением из травы и листьев.

При виде самих местных жителей девушка растерялась — их одежда в основном состояла из футболок и грубых кусков ткани, обернутых вокруг тела, кожа натерта тальком и охрой, на коротко стриженных головах красовались повязки или нитки яркого бисера. Ходили здесь босиком или в резиновых шлепанцах. Все они хмуро посмотрели и на Айвара, и на его необычную спутницу.

Айвар поприветствовал их по-амхарски и представил им Нерину, а затем вкратце объяснил ей на русском, кто есть кто, но она никак не могла сосредоточиться. Обстановка казалась ей мрачной и завораживающей одновременно. Она не ожидала, что кровные родственники жениха будут так разительно от него отличаться.

Хозяева сохраняли угрюмый вид, но все же накормили молодую пару кукурузной похлебкой, сваренной на открытом огне, и напоили козьим молоком. Нерина даже осторожно понаблюдала за приготовлением супа — над огнем священнодействовала одна из старших женщин в семье, худощавая, рослая, с белым платком на голове. С необычайной ловкостью она перетерла зерна в ступке, нарезала лук, чеснок и острый перец и обжарила их на масле. Когда она бросила смесь в котелок, от него сразу пошли аппетитные запахи. И все же Нерина отметила, что в телепрограммах про экзотические путешествия местные жители выглядели совсем не так: они всегда излучали доброжелательность и панибратство, будто актеры этнического шоу.

А эта хозяйка эфиопского дома была совершенно другой: темные губы плотно сомкнуты, глаза без особого выражения лишь поблескивали белками в кровяных прожилках, ноздри настороженно расширились, будто у дикого животного. «Вот таков здесь, по-видимому, образ богини домашнего очага» — подумала Нерина.

Однако понемногу все более-менее освоились, и Нерина с помощью Айвара рассказала о себе, а потом вспомнила, что у нее с собой были карандаши и бумага. Устроившись прямо на земле, она стала рисовать окрестности и людей, и местная детвора сразу этим заинтересовалась.

Заодно девушка заметила, что Айвар в это время разговаривал с местными женщинами, а потом обработал руки хлоргексидином из бутылочки и стал осматривать детей, которых те носили с собой, — ощупал животики, перебрал волосы и даже осторожно заглянул в беззубые рты. Потом к нему подошли и ребята постарше, которые были гораздо приветливее взрослых, и у них завязалась долгая дружеская беседа.

Нерина поднялась и нерешительно подошла к одному из детей, мальчику лет пяти-шести, дала ему несколько монет и с помощью жестов объяснила, что хочет нарисовать с него набросок. При виде денег тот заметно оживился и кивнул. Его фигурка в цветастой майке и длинной юбке из полотна оказалась очень фотогеничной на фоне грубой серой

почвы и неба, которое на горизонте окрасилось в бурый оттенок, и Нерина рисовала с удовольствием.

Вдруг ребенок широко улыбнулся, открыв мелкие неровные зубы и десны, испещренные уродливыми белыми язвами. Девушка невольно вздрогнула и выпустила из рук карандаш и бумагу.

Она не заметила, как сзади подошел Айвар и осторожно взял ее за плечи.

— Спокойно, все в порядке, — тихо сказал он, и когда Нерина поднялась на ноги, подошел к мальчику. Судя по тому, что тот быстро успокоился, Айвар подобрал нужные слова, но девушке все еще было не по себе.

— Мне очень жаль, — промолвила она, когда вечером они, сидя у хижины, пили привезенный с собой лимонад. — Что с этим мальчиком?

— Да ничего особенного для этих краев, — вздохнул Айвар, — обычные болезни грязных рук и равнодушия. Не переживай, я тебя прекрасно понимаю, и они тоже простят. Только деньги лишний раз не давай: это к добру не ведет.

Он решил не смущать больше девушку, и на следующий день они отправились в обратный путь. Нерина была в этот раз менее разговорчива и только спросила:

— Айвар, а почему родственники тебя не любят?

— Они и не обязаны меня любить, — задумчиво ответил парень. — Могу сказать, что из всего христианства, что есть в Эфиопии, они уяснили только одно: «избави нас от лукавого». А истолковывают это каждое племя на свой лад. Но я больше не ломаю над этим голову и тебе не советую — нам же не придется жить здесь вместе.

Нерина не стала больше беречь тяжелую тему, и перед ее отъездом в Россию они попрощались очень тепло.

— Обещаю, я сразу поговорю с родителями, — тихо сказала она и заговорщицки улыбнулась.

Айвар не очень-то ей поверил и отпустил со спокойной совестью — мысль о том, чтобы жениться ради переезда в Питер, все-таки его тяготила. Но спустя неделю он получил сообщение, в котором она написала, что все рассказала родителям и они дали добро на его приезд и на знакомство. Так что Айвару оставалось, по ее словам, рассчитаться с прежним работодателем и получить частное приглашение, которое позволит ему прожить в России несколько месяцев, пока решатся последующие вопросы.

Эти слова настолько окрылили его, что мысль о браке с Нериной перестала угнетать так, как прежде, — он не загорелся этой идеей, но и не считал ее совсем безнадежной. «Чем не жена, и получше, чем у многих эфиопских мужиков? Добрая, нежная, умная, — так почему не полюбить ее со временем? И она меня полюбит, когда узнает получше. А секс... Я и не такое терпел, и не надо иллюзий, что бывает как-то иначе. И вообще, вдруг это действительно судьба? И это несуразное свидание, за которое до сих пор почему-то неловко, было не зря?»

Впоследствии Айвар много раз думал, как бы все повернулось, прими он другое решение, но в тот момент общая молодая тяга к вызовам и противоречиям взяла верх. Он все же решил, что обязан спросить Нерину в ответном письме: «Ты точно уверена? Тебя устроит все, о чем мы говорили?»

Когда пришел утвердительный ответ, Айвар понял, что перемены не развеются как приятный сон, что они в самом деле вот-вот станут его новой реальностью. И уже не колеблясь, стал мысленно прощаться с Эфиопией.

6. В родном городе

Айвар так и не узнал, как прошел первый разговор Нерины с родителями и каким образом она убедила их познакомиться с неожиданным возлюбленным из Африки. Но настроившись на перемены, он решил ехать независимо от того, что ждало его в этой семье. Оставалось только решить, где можно будет устроиться в России на первое время.

Жить вместе с Нериной он пока не рассчитывал, но к счастью, в Питере у него до сих пор оставался друг — Даниэль Гиди, с которым они были неразлучны с раннего детства и продолжали общаться по интернету. Они сильно отличались по темпераменту и взглядам на жизнь, и временами каждый из них казался другому чудным. Но также это был единственный оставшийся у Айвара человек, который называл его просто Иви и регулярно писал с грубовато-шутливыми просьбами «отчитаться, жив ли там еще».

Поэтому Айвар сразу написал Даниэлю, или, как он звал его на африканский манер: Данэ, с просьбой оформить для него частное приглашение и временно приютить у себя на Богатырском проспекте, где друг по сей день жил вместе с матерью. Отцом Даниэля был эфиопский хирург, а мать — коренная петербурженка, операционная медсестра. Их семьи всегда дружили, потом отец Даниэля уехал работать на родину, а мать отказалась следовать за ним, но с семьей Айвара осталась в добрых отношениях.

Товарищ очень обрадовался грядущему приезду Айвара. Бюрократические процедуры требовали определенных энергозатрат, но он согласился помочь другу и заодно сообщил, что есть отличный вариант с трудоустройством на первое время. И когда Айвар наконец прилетел в Петербург (Нерина не смогла его встретить из-за каких-то неотложных дел в институте), друг приехал за ним на собственной потертой, но остающейся предметом гордости иномарке. После африканских бурных объятий и обменов «пятерками» Даниэль взял свой обычный насмешливо-добродушный тон:

— Нет, ну тебя реально не узнать, Иви! Что ты на себя навешал-то? Ты где тут в таком виде собрался гулять?

— А ты не умничай, — в подобной манере отозвался Айвар, слегка пихнув приятеля в плечо. — Хочу это носить и буду, такой вот я дикарь, которому без стеклянных бус жизнь не мила. К тому же, уши я проколол еще в школе, если ты помнишь.

— Да уж, и влетело же тебе тогда, — подтвердил Даниэль и просиял совсем по-детски. — А на шее у тебя что?

— Это? Ну, называется красиво — абиссинская хагения, ритуальный цветок, который когда-то использовали для обрядов очищения души. На самом деле очищать он действительно умеет, только в другом смысле, а в Эфиопии часто едят зараженное какой-нибудь гадостью мясо. Но я, когда подался в Аддис, был молоденьким придурком и мало что знал, а в этом возрасте пацан, отбившийся от рук, будет экономить на еде, но накопит на тату-салон.

— Зачем?

— Чтобы пару дней ходить гордым, а потом опомниться: на кой она мне? Самому смешно вспомнить...

— Ясно, выпендриваться ты всегда умел, — заметил друг. — Но до чего же я тебя рад видеть! Тут ведь из наших больше никого и не осталось, все разъехались кто куда — одни вслед за родителями, которые решили карьеру на Западе продолжить, другие сами подались

на учебу или на заработки. Но вот в Эфиопию только тебя забросило! Я, честно говоря, не надеялся, что ты оттуда живым вернешься. Жаль, что Найляшка из Москвы тоже уехала, тебя не дождалась...

— Это ты о ком?

— Что значит о ком? Ты чего, прикалываешься? Да о Налии Мэхдин, у которой родители из МИДа. Будто не помнишь? Она же всегда по тебе сохла, сколько мы были знакомы. И чем ты только ей приглянулся, не пойму! Сейчас-то, наверное, сама уже замужем за каким-нибудь посланцем или министром.

— Да ну тебя! Налия... Помню я ее, конечно, но смутно, как все прошлое, слишком уж много воды утекло. Я сам не знаю, что она во мне нашла, но сейчас я бы ей точно разонравился, так что дай ей бог счастья, — сказал Айвар, слегка нахмурившись. — Но вообще-то я сюда к девушке приехал, если ты еще не забыл, так что это все равно значения не имеет.

— Да поглядим еще, что там за девушка. Надеюсь, ты теперь надолго?

— Не знаю, Данэ, время покажет, а в Африке привыкаешь жить настоящим в самом паскудном смысле — в том, что будущее может и не наступить. Так что она, эта наша историческая родина, только в поэзии такая прекрасная и загадочная...

— Да забей ты на это навсегда, друг, — сказал Даниэль и ободряюще потрепал его по плечу. — Ты же счастливчик, другие там навсегда останутся, а ты вырвался. Так что давай, налаживай теперь жизнь. Поехали к нам, мать дома ждет — само собой, с хлебом-солью, в русских традициях!

— Кстати, я об этом и хотел сказать, — поспешно ответил Айвар. — Ты не думай, я на вашем иждивении жить не собираюсь. С работой только помоги, тогда я за себя смогу сам платить, а потом и родне надо будет прислать, в благодарность. Неудобно вас обременять, но на съем пока денег нет — я там, как ты догадываешься, немного за эти годы настриг.

— Да какое там обременять, и думать забудь! Наоборот, ты мне сейчас ой как годишься! Сейчас по дороге расскажу, какая тут у нас движуха.

Айвар больше десяти лет видел друга только на присланных по интернету фото и только теперь заметил, как тот изменился со школьных лет. У него, в отличие от акварельного, хоть и более темного Айвара, внешность имела крепкий оттенок южного мужского обаяния, написанного сочной масляной краской и такого опасного для женщин.

Оба парня унаследовали природную красоту эфиопов, но у каждого она была своей — у Даниэля брови были безмятежно плавными дугами, нос, щеки и подбородок имели уютную, сдобную округлость, а взгляд при глазах чуть навывкате был томным и расслабленным. У Айвара же брови пролегали резкими прямыми стрелами, нос имел почти римскую форму, скулы четко прорисовывались. И он всегда смотрел с легким прищуром, но ясно и внимательно.

И тот, и другой отличались высоким ростом, физической силой и статью, но если Айвар всегда был, по его выражению, «с формами» и нисколько этим не тяготился, то его друг тщательно следил за красотой пресса. Как и многие темнокожие молодые люди, Даниэль любил легкие цвета в одежде, подчеркивающие природный оттенок, и даже мелировал свои роскошные кудри. Так что Айвар без вопросов понял, что личная жизнь у друга все эти годы была весьма насыщенной.

Предложение по работе в самом деле было заманчивым. Пока они ехали на север города, Даниэль поведал, что клуб, в котором он сам сейчас работает арт-менеджером, ищет

человека для рекламы и промоакций на мероприятиях. А поскольку заведение имело модную в Питере этническую направленность, Айвар со своей, как сказал Даниэль, экстравагантной внешностью мог стать просто находкой. К тому же, пока он не получит вид на жительство, здесь позволяют работать внештатно.

— Но ты понимаешь, оплата будет зависеть от труда, так что придется пахать, — заметил Даниэль. — Это только звучит так: клуб, творчество, а на самом деле конвейер еще тот. Но знаешь, пока в молодости есть силы, их надо тратить. На старость-то все равно их отложить не сможем!

Айвар заверил:

— Что надо пахать, я и не сомневаюсь, иначе что мне тут делать? Не беженца же из себя изображать. Ты мне только скажи: каких-нибудь левых услуг в этом клубе не предусмотрено? Никто «уединиться» не захочет? А то я в Эфиопии этого уже наелся по горло.

— Да ладно? — тут Даниэль даже отвернулся от дороги и внимательно посмотрел на него. — Ты?.. Ну дела...

Однако он сразу тактично свернул неприятную тему и успокоил друга, что здесь ничего подобного не предвидится. Вскоре они приехали к Даниэлю домой, и его мать встретила Айвара с трогательной душевностью. Конечно, все это время он думал о Нерине и опасался, что в ее доме столь же теплого приема ему не окажут.

Когда они наконец встретились, девушка сказала ему, что все в порядке и вскоре родители непременно пригласят его в гости. Пока в свободное время (работа у Айвара была посменной), Нерина предложила ему осмотреть город и познакомиться с ее немногими товарищами.

Преобразившийся Петербург поразил Айвара после стольких лет отсутствия. Весь парадный фасад города, окрашенный в пастельные тона зданий, был испещрен отблесками витрин, но и серые рубленые черты окраин мерцали огнями торгово-развлекательных центров у метро. Айвар сразу обратил внимание на то, что почти на любой улице красовалась яркая будочка с помпезным кофейным меню, а в центре подобные заведения были на каждом шагу. Когда у него завелись собственные деньги, он уже мог приглашать Нерину провести время в какой-нибудь кофейне, но местные вычурные напитки, «с лепестками роз и лавандой», с рисунками на кофейной пенке и стаканчиками из печенья и вафель, его откровенно забавляли. Они не шли, на взгляд Айвара, ни в какое сравнение с крепчайшим эфиопским напитком с оттенком чистого, как природный алмаз, шоколада — он любил разводить его прямо в чашке вместо сахара.

Когда Айвар сказал об этом Нерине, она не без гордости сообщила ему, что у петербургских кофейных традиций тоже есть своя история — первые русские «кофейные дома» появились именно здесь, и это были не только кафе, но и места для культурного общения, чтения европейской прессы. В то время редкий напиток могли позволить себе лишь аристократы, и один из таких «кофейных домов», ныне называющийся «Литературное кафе», посещал и сам Пушкин, чья родословная, по некоторым данным, исходила именно из Эфиопии. «Вот такие удивительные замыслы вселенной» — заметила девушка.

Во всем остальном Айвар по Африке пока не скучал. Даниэль познакомил его со всеми скопищами андеграунда, показал много этнических лавок, где можно было подолгу перебирать очаровательные и безобразные культовые вещицы из разных уголков мира. Был такой магазин и при их клубе, и Айвар сразу узнал расписные кофейные чашечки и джебены,

соломенные шкатулки с цветным вплетением, деревянные статуэтки, картины на телячьей коже, амулеты и даже уникальные иконы на пергаменте.

— Издалека Африка в самом деле красива и удивительна, Данэ, а вот в непосредственной близости... — сказал он другу многозначительно, когда они ехали по залитому дымкой белой ночи городу.

— Да не дай бог никому такой красоты! Век буду за мать молиться, что она с отцом туда не уехала. Ведь как ее стращали: останешься на всю жизнь без мужа и с негритенком на руках, кому здесь нужна будешь такая! Кое-кто и вовсе предлагал в детдом меня сбавить. А она не испугалась, думала только о том, чтобы я в нормальной обстановке вырос.

— И не хочется когда-нибудь на земле предков побывать? — шутливо спросил Айвар.

— Ну уж нет, Иви, добровольно туда могут ехать только неисправимые романтики, как мой отец. Он, конечно, врач от бога, а вот человек совершенно непутевый. Твой, впрочем, тоже был таким, собирался в Эфиопию вернуться. Помнишь? А я хочу жить легко и приятно, то есть в удовольствие себе работать, двигаться, отдыхать и даже набивать шишки. В Африке это вряд ли возможно, ты согласен?

Нерина тоже стремилась показать Айвару побольше интересного — в хорошую погоду было приятно гулять по центру и набережной Невы, а потом сидеть на открытой террасе какого-нибудь романтического кафе, беззаботно болтать и пить чай с пирожными. И Нерина с удовольствием наблюдала, каким изумленным и радостным взглядом он смотрел на окружающий его мир — ему нравился и вид города с колеса обозрения, и сахарная вата, и мороженое из древесного угля, и уличные рок-музыканты, и прикормленные дворовые кошки с блестящей шерстью и ярко-синими глазами, и диковинная еда вроде разноцветных макарон или варенья с сосновыми шишками.

Театр и кино Айвар не любил, но кое-какие фильмы из российского артхауса, которые Нерина предложила посмотреть, ему пришлись по вкусу. Однако больше всего он увлекался книгами и с удовольствием изучал сокровищницы Дома книги, букинистических лавок и библиотек.

На улицах иногда приходилось ловить взгляды любопытных прохожих, но Айвар давно относился к этому спокойно и адекватно, хотя когда-то в юности был более восприимчив. Иногда его даже просили сфотографироваться вместе или рассказать про родную страну, и он легко соглашался, чем немного удивлял друга.

— Чем тут можно поразить, после того, что я наслушался и нагляделся в Африке? — добродушно сказал он Даниэлю. — Тем, что какой-нибудь ребенок крикнет «Мама, смотри, негр»? Вот ужас-то, как после этого жить!

Однако молодого человека беспокоила неопределенность будущего. Девушка успокаивала его тем, что когда у нее появится приличная подработка, они, накопив денег, смогут позволить себе снять комнату или студию. Но это не отменяло неизбежного «смотра» у ее семьи.

Ее отец, Андрей Петрович, был потомком корейских переселенцев очень ранней волны — они иммигрировали еще в Российскую империю, избежали репрессий и за несколько поколений их род прошел путь от Приамурья до Петербурга. Соответственно, другой родины он не знал, никакой веры не исповедовал и нейтрально относился к обычаям далеких предков, не стремясь закрепить их на русской земле. Он искренне любил простой и уютный быт, в котором родился, воскресные прогулки в парк с женой и дочкой, дачные хлопоты, Новый Год с запахом елки, мандаринов и домашнего пирога, ностальгию по романтической

юности и даже живопись в жанре соцреализма.

Кроме того, он первым в своем роду женился на русской девушке, что было по-настоящему смелым шагом. Но из-за врожденной восточной предусмотрительности и рациональности Андрей Петрович все же старался не терять связей с питерской диаспорой корё сарам, хоть они и носили сугубо практический характер.

Он работал инженером-конструктором на крупном заводе, а мать Нерины, Надежда Павловна, была историком искусств, куратором выставок и педагогом. Из-за творческих амбиций в юности она сохранила свою девичью фамилию — Астерина, но для знакомых и друзей они с мужем, разумеется, все равно были «семьей Ли». Когда-то мать рассказала Нерине, что они познакомились еще в студенческие годы, на вечеринке у общих друзей, и Надежда Павловна сразу «приглядела» робкого близорукого парнишку среди успевших разгорячиться спиртным сверстников. В ту пору у него были почти такие же сложности с общением, как у его дочери в будущем, он замыкался в учебе и чтении восточных философов, и уже потом, с годами и обретением жизненного опыта, Андрей Петрович Ли обнаружил в себе недюжинную силу воли в сочетании с незаурядным умом.

А Надежда Павловна в юности была настоящей питерской «чувихой», которая тусовалась в «Сайгоне» среди художников, музыкантов и поэтов разной степени признанности, но в личном плане все же берегла себя для пресловутого «серьезного чувства». И это самое чувство с годами сильно ее изменило, приучив к самым традиционным и незамысловатым женским принципам.

Мать говорила все это Нерине с прицелом на то, чтобы та поняла: в выборе спутника жизни важно руководствоваться не импульсами, а здравым смыслом, и это не имеет ничего общего с меркантильностью. Поэтому сказать, что родители не были рады появлению какого-то неведомого африканца с постыдным клеймом, значило бы не сказать ничего. И скорее всего, приезд Айвара в Питер так бы и не состоялся, если бы не одно обстоятельство, которое почему-то оказалось решающим. Отец дал на это согласие после того, как узнал, что парень не просил у Нерины денег на дорогу или еще на какие-нибудь форс-мажорные обстоятельства, чем обычно отличаются брачные аферисты. Если бы на это проскользнул хоть один намек, тема была бы закрыта: Андрей Петрович был крайне осторожен и недоверчив, и Нерину тоже к этому приучил. Когда же оказалось, что таинственный незнакомец собрался ехать в Россию за свой счет, ему даже стало интересно поглядеть на такого чудака, и в конце концов, они ничего от этого не теряли, кроме нервов и времени. Но это, как считал отец, можно потерпеть — разумеется, недолго, а дальше пусть этот эфиоп сам выкручивается из проблем, которые неизбежно наживет со своим отъездом с нагретого места.

Так что Андрей Петрович и Надежда Павловна обошлись без скандалов, фальшивых обмороков и домашних арестов в отношении легкомысленной дочки. Подобное они считали прерогативой крайне неумных людей, способных только разрушить все, что осталось от доверия и взаимопонимания. И чтобы сохранить то и другое, они предпочли прощупать обстановку и подтолкнуть дочь к здравому решению обходным путем. Мозговым центром во всех этих намерениях был, конечно, Андрей Петрович, а жена в основном полагалась на его житейские навыки и характер.

Именно ему пришлось разбираться и с Костей Кимом — Андрей Петрович невольным услышал разговор дочери с ним по телефону вскоре после ее приезда, и она поразила отца своей неожиданной прямоотой и непреклонностью.

— Костик, ты в состоянии сейчас меня слышать? Мне неинтересно, что ты просто пошутил и повторится ли впредь что-то подобное. Да не надо оправдываться, я ответственно заявляю, что ты отныне можешь делать что хочешь. И это тоже не моя проблема, разберешься, ты вроде мальчик взрослый. Сдай обратно. Я выхожу замуж, причем не за тебя, потому что ты мне просто больше не нравишься. Да, мне могут нравиться другие парни, так же, как тебе нравятся другие девушки. Все, пока.

И вопреки ее ожиданиям, что как раз с Костей не будет проблем, его реакция оказалась болезненной. Парень даже явился к ним домой, правда в отсутствие Нерины, и потребовал объяснений, еле удерживая себя в рамках восточной заповеди уважения к старшим. Слова подруги слишком его ошарашили, и та, воспользовавшись паузой, сбросила вызов и больше не отвечала на его звонки. Поэтому все невысказанное досталось родителям. Андрей Петрович пообещал юноше уладить эту ситуацию и посоветовал пока не искать с Нериной встречи, чтобы не распалить ее еще больше.

Тем временем Нерина познакомила Айвара со своими товарищами, жившими по соседству и учившимися с ней в одном классе, — той самой Олей Коноваловой и Митей Амелиным. Кроме них, у нее была еще символическая тусовка из корейской молодежи, но это, разумеется, были друзья Кости, и с Айваром им явно не стоило встречаться.

А вот с русскими ребятами он почти сразу поладил, хотя перед встречей было немного страшно. Айвар пока не знал, что делать со своей репутацией, и только перевел дыхание, доброжелательно улыбнулся и сказал, протягивая руку:

— Ну вот, это я и есть. Рад познакомиться!

— И мы... и я тоже рада, — сказала Оля. — Надеюсь, мы подружимся?

— Конечно, — кивнул Айвар, присмотревшись к друзьям Нерины. И парень, и девушка были светловолосыми, сероглазыми, с приятно округлыми чертами лица, только Оля казалась задорной и непоседливой, а Митя — более серьезным и флегматичным. Оба склонялись к гуманитарным наукам — Оля училась в Консерватории, а молодой человек мечтал о журналистике, причем особенно увлекался изучением социальных драм через призму культурного облика. Петербург он считал идеальным местом для таких исследований, с его контрастными видами, расслоением уровня жизни и сложной историей. Однако родители не воспринимали его увлечение всерьез, поэтому на данный момент Митя с грехом пополам заканчивал техническое образование и терпеть не мог свою нынешнюю работу в салоне сотовой связи.

Когда Айвар рассказал ребятам о клубе, Оля сразу выразила горячее желание когда-нибудь в нем выступить. Хотя она и обучалась игре на фортепиано, настоящей ее страстью была этно-электронная музыка, и она самоучкой играла на экзотических народных инструментах и сочетала семплы из звуков окружающего мира. Но больше всего девушка любила обрядовую славянскую поэзию, восходящую к язычеству и воспевающую все природные сущности от зарождения до конца.

— Так зачем тебе вообще классическая музыка? — спросил Айвар, пока они всей компанией гуляли по городу.

— О, у меня та же болезнь, что у Нери и Митьки, — беззаботно ответила девушка, — называется «родители так решили». На Западе это бы звучало смешно, но мы в России, к сожалению, иногда до пенсии зависим от их мнения. Сами виноваты, что уж говорить... Прости, для тебя это, наверное, большая тема.

— Да ничего страшного, — отозвался парень. — Но лучше уж зависеть от родителей, чем иметь такую «свободу», как у меня. Впрочем, не надо вспоминать о плохом, расскажи лучше про музыку поподробнее.

— Ну вообще я с детства играла, но без энтузиазма, а уж особенно перед гостями. Зато когда я узнала про этнику и нью-эйдж, у меня как второе дыхание открылось — мертвые языки, древние религии, шаманские ритуалы... Я благодаря этой музыке столько всего узнала про фольклор, про язычество! Ты знаешь, например, какие жуткие народные сказки и песни лежат в основе древнерусской культуры, которую привыкли считать веселой и добродушной? Думаю, пострашнее африканских найдутся.

— Серьезно?

— А то! — воскликнула Оля. — Особенно в холодных регионах. Суровая природа, борьба за выживание, голод, — вот это поистине жуткие персонажи, не то что всякие ведьмы и Змеи Горынычи. Вот как ты думаешь, если семье в неурожайный год придется забить и съесть всю скотину, за что они возьмутся дальше? Экстремальные условия, по моему, выворачивают наружу самые поганые качества. Роскошь тоже развращает, но не настолько.

— Не ожидал, что у тебя такие своеобразные интересы, — сказал Айвар, взглянув на нее с уважением.

— Это потому, что я с виду эталонная Аленушка? — рассмеялась Оля. — Или тургеневская барышня, может быть? Вот и мама с папой считают, что с подобной внешностью про образование вообще можно не думать — все равно же муж будет зарабатывать... Только фортепиано им кажется более подходящим хобби для примерной семейной дамы, чем экспериментальная музыка. У них одно словосочетание вызывает тихий ужас!

Оля и вправду выглядела как героиня народных русских сказок, с длинными золотистыми волосами, нежной кожей, едва заметными веснушками и светлыми полукружиями бровей над большими глазами. Причем ей подошел бы и летний антураж, с лугами, перелесками и венками из васильков и ромашек, и зимний — обитель Снегурочки, расписанная изморозью и пахнувшая новогодними сладостями. Любимые ею джинсы, кеды и простые блузки с этнической вышивкой, поверх которых она часто носила цепочку с «символом мира», совсем не разрушали этот образ. Голос девушки, глубокий, бархатный и чуть надтреснутый, тоже сочетался со славянской песней, и она почти всегда улыбалась.

Почему-то Айвару было приятно наблюдать за Олей, когда она с аппетитом ела арбузные ломтики и пила лимонад. «Какая удивительно теплая девушка! — подумал он. — Все-таки это можно почувствовать только здесь, в Питере, где тепло и солнце так дороги. В Эфиопии-то не надо особого ума, чтобы такой казаться».

Айвар в свою очередь познакомил Нерину и обоих ребят с Даниэлем, который в любом кругу умел быть заводилой. Он пригласил всех в клуб, а потом они, кроме Нерины, которая все еще боялась недовольства родителей, до позднего вечера гуляли по городу. После того, как компания разошлась, Айвар осторожно спросил у друга:

— Ну что скажешь, Данэ, как тебе Нери?

Даниэль помолчал некоторое время и сказал:

— Иви, она тебе должна нравиться, при чем тут мое мнение-то...

Однако его интонация смутила Айвара, и он все же настоятельно спросил:

— Мне она будет нравиться в любом случае, не переживай. Я просто хочу знать, что ты

думаешь, в конце концов мне это больше не у кого спрашивать. Знаешь, как мне завидно, когда она говорит, что с родителями сложно договориться...

— Ну не знаю, — неохотно отозвался Даниэль. — Мутная она какая-то, вот что я думаю.

— То есть? — удивился Айвар. — По-моему, она как раз очень искренняя, просто несчастная, сама себя затолкала в какую-то раковину, как улитка. Но у нее получится раскрыться, а у меня хватит терпения, чтобы ей помочь.

— Как раз от таких несчастных и стоит ждать самых больших неприятностей, уж ты мне поверь, — авторитетно заявил Даниэль. — Тебе своих проблем мало? Извини, друг, но, как говорил Пушкин, «я выбрал бы другую»...

— Ты Олю имеешь в виду? — прищурился Айвар. — Знаешь, а вот для нее, по-моему, как раз ты слишком мутный. У нее наоборот душа открытая и романтическая, она еще ни в чем не успела разочароваться и обрести цинизмом. В ее возрасте, да еще с умом и талантом, это редкость, поэтому с такими надо обращаться бережно.

— Разочароваться, может быть, и не успела, но уж пара приключений у нее точно была, — усмехнулся Даниэль. — С такими зато спокойнее, от них знаешь чего ожидать. Это как раз в моем вкусе: я не люблю ни патологических скромниц, ни чересчур опытных.

— Окей, все с тобой ясно, ниггер похотливый. Только не забудь у нее сначала спросить, подходишь ли ты под ее вкусы.

— Чего? Сам ты ниггер! Получишь сейчас, — воскликнул Даниэль, изображая негодование, и показал другу кулак. — Все с этим хрупким цветочком будет в порядке. Я очень даже умею быть бережным, не сомневайся! За это они нас и любят, а вовсе не за габариты.

— Да по-разному, — неопределенно ответил Айвар. Грубоватость подобных рассуждений ему не очень понравилась, но он давно привык к простоте друга. Его неоднозначное мнение о Нерине оставалось лишь принять к сведению, так как предпочтения у обеих парней всегда были очень разными.

7. Культурная трапеза и ее закулисье

И наконец день визита к родителям наступил. Они с Нериной встретились у метро и прошли до Потемкинской улицы, на которой жила ее семья. Попутно девушка предложила заглянуть на Фурштатскую, где располагался Дворец бракосочетания, и они посидели в прилегающей к нему аллее, куда выходили нарядные молодожены. Тем, кто избрал сегодняшнюю дату, повезло с прекрасной погодой. Нерина была необычайно веселой и оживленной, с интересом разглядывала невест и говорила, что в этом обычае вырядиться как принцесса все же что-то есть.

Но Айвару это расслабление казалось преждевременным, и у него самого на сердце было не очень спокойно. Стоял не слишком жаркий майский день, небо окрасилось в насыщенно-синий цвет, и в этом уголке города, отклоняющемся от оживленных транспортных потоков, было как-то удивительно тихо и безмятежно, несмотря на веселую атмосферу у дворца и близлежащих ресторанчиков.

Из Эфиопии Айвар привез в подарок для родителей Нерины бутылку местного медового вина и множество специй, которые в России служат элементом кухонного убранства, а в условиях Африки используются как обеззараживающее средство и добавляются почти во все блюда. А для мамы Нерины специально предназначался эфиопский оберег, защищающий домашний очаг от сглаза.

Перед «смотринами» Даниэль уговорил Айвара обновить гардероб. Сам он считал, что в этом не было особой нужды, так как в Эфиопии одежда стоила недорого, а носил он ее всегда очень аккуратно. Но друг решительно настоял на том, что в Питере совсем другой стиль, и все-таки завлек его в один из популярных и более-менее демократичных магазинов мужской моды. Впрочем, Айвар умел быстро находить то, что нужно, и в этот раз тоже с первой попытки приобрел молодежный белый пиджак с черно-синим узором, кремовые летние брюки и белые туфли. В таком виде он и отправился с Нериной в гости, надеясь, что первое впечатление, от которого многое зависит, будет благоприятным.

Квартира у семейства Ли оказалась небольшой, обставленной неброско, но очень уютно. Многие в обстановке явно носило эклектичный оттенок советского интерьера, когда в одной квартире можно было увидеть русскую матрешку, грузинские чеканки, прибалтийскую керамику, ковер из Средней Азии и северные изделия из клыков моржа. А некоторым семьям удавалось сохранить даже какой-нибудь осколок дореволюционной эпохи, вроде предмета посуды с изображением охоты или бала.

Прежде Айвар считал это милым обычаем. Здесь у него также вызвало уважение большое количество книг и репродукции на стенах, изображающие какие-то мрачные дворцы и парки, отражающиеся в глади пруда, удивительные балы и маскарады, фигуры, разодетые в черный шелк и белоснежное кружево.

На видном месте стояли семейные фотографии. Одна, черно-белая, изображала родителей Нерины в день свадьбы, причем юная Надежда Павловна в коротком белом платье и вуалетке сияла открытой «голливудской» улыбкой, а Андрей Петрович на ее фоне выглядел каким-то растерянным. На другой они были с маленькой Нериной, которую, впрочем, не было видно из-за конвертика с лентой, а вот на третьей девочка уже осмысленно улыбалась на фоне новогодней елки и ее черные косички были украшены огромными бантами.

Эта коллекция показалась Айвару очень трогательной, так как он сам до сих пор хранил немногие снимки из своего детства.

Показала Нерина и свою комнату, особо отметив большой комод с зеркалом. Это, по ее словам, была одна из старейших вещей в их семье, которую отец сам отреставрировал, а мать расписала всякими причудливыми картинками вроде павлиньих перьев, морских раковин, бабочек, райских птиц с длинными хвостами и гребнями, восточных танцовщиц на фоне сказочных ковров и кувшинов.

Единственным предметом корейской культуры в семье была фарфоровая статуэтка девушки в традиционном широком наряде «ханбок», с массивным струнным инструментом в руках. Ее, по словам Нерины, изваял дед, состоявший в Союзе художников, для экспозиции к юбилею легендарного Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года.

Правда, у Нерины хранилась еще одна вещь, про которую она говорила Айвару и после некоторого раздумья все же решила ему показать, — старый деревянный ларчик с драконами, фениксами и рыбками, в котором хранились серебряные шпильки. В Корее, как ей поведала бабушка со стороны отца, они являлись для девушек атрибутом перехода из детства в юность и расцвет. Их украшали цветы и бабочки, причем лепестки и крылья были из тончайшего витого серебра, инкрустированного белым и голубым нефритом. По словам бабушки Лены, как звала ее Нерина, это была фамильная ценность, охраняющая от дурного глаза и семейных неурядиц. Как ее удалось сохранить в тяжкие для предков времена, осталось неизвестным. Бабушка Лена скончалась, когда Нерине было всего семь лет, но та хорошо ее помнила. Несмотря на свой непростой и властный характер, к девочке она относилась ласково, рассказывала ей много народных сказок, преданий и обычаев, которые удалось сохранить в памяти.

Сами хозяева дома выглядели типичными представителями питерской интеллигенции, которую можно встретить и в парадных театрах, и в скромных дворцах культуры. Айвар давно не общался с такими людьми, но помнил, что когда-то его родители прекрасно с ними ладили без всяких расовых барьеров, и это показалось ему добрым знаком.

Родители вместе с Нериной решили, что сегодняшняя встреча не должна носить пафосного и обязывающего оттенка, чтобы никого не смущать, и поэтому обстановка за столом была непритязательной, но приветливой. В соответствии с воспитанием старшие не затронули болезненных для гостя вопросов, предоставив ему побольше рассказать о том хорошем, что было до отъезда в Африку.

Айвар заметил, что у Нерины было внешнее сходство с обоими родителями. На отца, уже немолодого человека с правильными, хоть и тронутыми временем чертами лица, она походила серьезным, почти хмурым взглядом даже при улыбке. А от матери, весьма милой женщины с мягкими манерами и размеренной речью академического искусствоведа, дочке достался яркий, красиво очерченный рот и подбородок с игривыми ямочками, которые смягчали эту серьезность. Ее русые волосы были уложены в красивую прическу, легкий макияж и винтажные украшения из эмали также говорили о том, что женщина все еще хочет произвести впечатление и в то же время соответствовать образу патриархальной хозяйки дома. Отец был одет в ослепительно белую, заботливо отглаженную рубашку и серый жилет явно ручной вязки.

Поначалу собравшимся удалось задать непринужденный тон, однако Айвар почему-то чувствовал себя все более некомфортно. Это было странно: он никогда не боялся белых людей, к которым относил также Андрея Петровича и Нерину, так как рос среди них, видел

постоянно за время работы в баре, да и теперь не ощущал никакого неудобства на питерских улицах. Возможно, в открытом пространстве и в толпе различия как-то стирались и развеивались, словно обрывки фраз и мимолетные взгляды. А здесь, в этой небольшой комнате, где буквально резало глаз от умиротворяющих светлых тонов в обоях, тюлевых занавесках, посуде, даже домашних пирогах, в которых хозяйка дома была мастерицей, он со своей черной кожей ощущал себя будто без одежды. Хорошо, что Нерина вовремя посоветовала ему заранее снять лишнюю бижутерию, и теперь он жалел, что некуда деть татуировку.

Позднее он сказал Даниэлю: «Хоть у меня в роду и не было рабов, но в этом доме возникло такое чувство, что вот-вот хозяин сбросит мне на руки сюртук».

Вдобавок Айвар допустил несколько явных осечек. Во-первых, за пару часов он дважды отлучался курить на лестничную площадку, и Андрей Петрович, который не жаловал эту привычку, нахмурился, что не ускользнуло от внимания дочери. В течение вечера родители заметили и то, что Айвар, отлично умея вести себя за столом, все же привык есть со слишком большой охотой, и у них, в отличие от Нерины, это не вызвало умиления.

Но хуже всего оказалось то, что Айвар обратил внимание на то, как Надежда Павловна, с помощью Нерины подав на стол горячее блюдо, разложила его по тарелкам хозяина и гостя, а перед ней самой и дочерью так и красовались символические порции легкой закуски. Это так удивило молодого человека, что он решил спросить:

— А почему вы сами не едите, Надежда Павловна? Вы что, уже успели поужинать?

— Айвар, да что вы, — почему-то смутилась хозяйка. — Это мужская еда, женщинам мясо не нужно. Чтобы оставаться красивыми, достаточно чего-нибудь легкого и полезного.

Она показала на вазочки с несладким йогуртом, сухофруктами и орешками, которые, как вначале подумал Айвар, стояли только для украшения стола. При этом запеченная телятина, жареный картофель с подливкой и вручную вылепленные пироги с мясом кролика и грибами на «мужской» половине явно заняли много времени и сил у матери семейства.

— Как это женщинам мясо не нужно? — искренне изумился он. — Разве это отдельный биологический вид? Да, мы, конечно, устроены по-разному, но силы-то нужны всем! А при обильных месячных, к примеру, такое мясо вообще необходимо есть, вам это любой врач подтвердит. Пожилым и детям его тоже рекомендуют.

При этих словах Надежда Павловна даже вздрогнула и поспешно сказала с натянуто-кокетливой улыбкой:

— Ну зачем женщине сила, Айвар? На это у нее должен быть муж, а ее прерогатива — красота, мягкость и мудрость. По-моему, вы с Неричкой в этом смысле очень гармонично смотрите рядом.

Андрей Петрович при этих словах удивленно покосился на жену.

— Просто у моих родителей принято было есть всем вместе, — возразил Айвар. — Мама ведь уставала на работе не меньше отца, и он это понимал. А еще они мне рассказывали, как их сокурсницы отрывались в институтской столовой, не хуже парней, — им вдали от дома все эти котлеты и макарены по-флотски казались райскими деликатесами...

— Но здесь не столовая, Айвар, — вступил наконец Андрей Петрович. — Собственно что вас так смутило в наших порядках?

— Да как бы сказать... — ответил Айвар после секундного раздумья. — Извините меня, но как африканцу мне просто совесть не позволяет есть перед голодными.

Тут ненадолго наступило неловкое молчание, и Нерина, решив поддержать жениха в глазах старших, положила порцию мяса в тарелку матери, а затем и себе. Надежда Павловна неловко улыбнулась гостю и поинтересовалась, чтобы перевести беседу в приятное русло:

— Скажите, Айвар, а верно дочь рассказала, что вам нравятся стихи Николая Гумилева? К сожалению, я у своих студентов такого интереса не встречала, хотя казалось бы, мода на романтизм понемногу возвращается.

— Да, очень нравятся, я и других русских писателей читал, но его в доме моих родителей особенно любили. Папа мне говорил, что он в своих стихотворениях создал иную, несуществующую Эфиопию, вознес ее до утопии, хоть и жуткой. Без сказок и преданий она состоит из одного тупого, скучного и будничного ужаса.

— Это тоже ваш папа так сказал? — спросил Андрей Петрович.

— Нет, это уже я от себя самого говорю. Они с мамой уехали совсем юными, потом мечтали вернуться на родину, чтобы привести в какой-никакой санитарный порядок хотя бы большие города. О провинции и говорить нечего, там вообще полный мрак, в прямом и переносном смысле. Родители надеялись, что все получится, что со временем нашему народу понравится жить по-людски. А я уже в этом не уверен, и у меня было много недобрых мыслей, но об этом не стоит. Все-таки это мой народ, и как-то по-своему я его люблю.

К счастью, никто не стал поднимать опасный вопрос о том, думает ли сам Айвар когда-нибудь возвращаться в Эфиопию. Прежде он говорил Нерине, что хочет помочь своему народу, но для этого необходимо начать с благоустройства собственной жизни — получить образование, наладить связи с единомышленниками, заслужить репутацию. В идеале Айвар мечтал освоить профессию родителей, медицинскую и санитарно-гигиеническую помощь, и позже, координируясь с другими образованными африканцами, работать в Эфиопии, к примеру, вахтовым образом. Он посоветовался об этом с Нериной, зная, что она хотела посвятить себя международным социологическим вопросам, и она очень заинтересовалась таким шансом состояться не только в браке, но и в профессии. Но пока подобный вариант нового приезда на землю предков был вопросом далекого будущего.

Когда уже совсем за вечерело, Даниэль приехал за Айваром (он считал, что даже в Питере в поздний час лучше не ходить поодиночке). Тот не без удовольствия вышел на свежий воздух: от стоящего в комнате приторного запаха духов, по-видимому принадлежащих Надежде Павловне и отдающих сливой, розой и какой-то пряностью, у него уже начинала болеть голова. Это тоже удивляло, ведь в Эфиопии Айвар успел привыкнуть к калейдоскопу всяких ароматов, как сказочно приятных, так и самых отвратительных.

Нерина проводила его до машины и заверила, что все прошло хорошо. «Впрочем, сейчас мне не так уж и важно, что они скажут, — шепнула она, с детской поспешностью поцеловав его в губы. — Скоро ты мне будешь ближе их, так что придется им смириться. А про еду ты все правильно сказал: я сама раньше по этому поводу спорила с мамой, но ее уже бесполезно разубеждать. В нашем с тобой доме так не будет».

Затем девушка вернулась в квартиру и неуверенно вошла в комнату, где все еще сидели родители. Она старалась не показать, что у нее дрожат руки.

— Ну, что вы скажете? — в конце концов спросила она.

Мать и отец переглянулись, словно договаривались между собой, и Надежда Павловна ответила со сдержанной улыбкой:

— Вообще-то мне мальчик понравился. У него ужасная судьба, за что тут осуждать? Он не выглядит ни обозленным, ни опустившимся, да и неглупый. Другой бы на его месте давно

просто сгинул. А все, что было, — не от хорошей жизни, — тут она замялась, и Нерина решительно сказала:

— Интересно ты об этом говоришь, мама. Что «было»-то, если разобраться? Ровно то же, что делают большинство парней и мужиков: стараются окучить максимальное количество самок. Просто они часто вынуждены сами за это платить, деньгами, ресторанами или айфонами, а мой жених получал деньги, но он делал то же самое! Как это делает его хуже их? Вы же не настаиваете, чтобы я искала нецелованного чистого выпускника на «Алых парусах»! Если, конечно, такие там еще водятся.

— Не передергивай, Неричка, — строго ответил Андрей Петрович, — я никогда не одобрял разврат ни с чьей стороны. Но вот насчет этого парня... Понимаешь, Нери, есть такие вещи, которые можно пережить и забыть, потому что они не оставили на человеке пожизненной метки, и для большинства мужчин именно так обстоит с сексом. Это не хорошо и не плохо, так уж природа распорядилась. А у твоего Айвара совсем другая история — там такие метки, что живого места нет.

Нерина нахмурилась:

— Что ты этим хочешь сказать? Он замечательный парень, честный, прямой, деликатный и добрый, в отличие от тех пижонов, с которыми мне прежде доводилось общаться. Это ты и называешь какими-то ужасными метками? Неужели это все сейчас такая редкость?

— Я верю, что он хороший парень, и у меня нет цели его обидеть, — заверил ее отец. — И он бы, возможно, даже мне нравился, если бы речь шла не о тебе. Твое благополучие я ставлю выше сочувствия к чужому человеку, как любой нормальный отец.

— И что же угрожает моему благополучию, по-твоему? — вызывающе спросила дочь. — Он полностью здоров, у него нет брошенных детей, он больше никогда не будет этим заниматься и сидеть у вас на шее тоже не собирается. Как, впрочем, и я. Сюда я его не притащу, не беспокойся, мы обязательно сами снимем жилье. Да, с минимальным комфортом, но ему, знаешь ли, после Африки не привыкать. Ты давно говорил, что мне пора взрослеть, так чем сейчас недоволен?

— Что тебе угрожает? Хорошо, я отвечу, поскольку ты, строго говоря, давно уже взрослая. Но давай уж начистоту. Признаю, что раньше мы избегали острых тем, поэтому теперь и пожинаем плоды... Как ты думаешь, почему мужская проституция не является такой древней, как женская?

— Ну если все сводится к этому, — начала Нерина, однако Андрей Петрович решительно прервал ее:

— Так вот, испокон веков женская торговля собой была способом выживания, этот ресурс заменял женщинам то, чем природа их обделила, — силу, выносливость, быстроту реакции, стратегическое мышление. В общем все, без чего не обойтись в традиционном обществе. Красоту и покорность продавали за еду, кров и безопасность, а позже те, кто похитрее, стали из этого делать способ обогащения и инструмент политического влияния. Но это было скорее исключением, а в абсолютном большинстве — то, что я сказал. И сколько еще веков женщина оставалась зависимым и бесправным существом, за которое все решал хозяин, то есть отец, муж или покровитель?

— Проще говоря, курица не птица, баба не человек, — усмехнулась Нерина.

— Нери!.. — шепотом сказала Надежда Павловна, поморщившись.

Однако отец взглянул на нее поверх очков с тонкой оправой и спокойно сказал:

— Нет, почему же, человек, просто не способный распоряжаться своей жизнью, и опека более сильного и умного ему только во благо. Вроде маленького ребенка — никто же не ставит под сомнение, что он человек, который имеет базовые, защищенные законом права: на жизнь, на безопасность и так далее. Но он не может, например, купить недвижимость, проголосовать на выборах, переехать в другую страну. Это удел взрослых, самостоятельных людей, в чьей способности к осознанным решениям и ответственности за их последствия никто не сомневается.

— Ну да, женская логика, война за цвет помады, ПМС и тому подобное, — ответила Нерина и села напротив отца. Этот разговор ее волей-неволей затягивал. — Проще говоря, когда джентльмен обвешивает свою даму бриллиантами и дарит ей цветы, это сродни тому, как мать с умилением тащит младенцу какую-нибудь сотую погремушку, верно?

— Примерно так, разница только в цене и в гормонах, которые от этого вырабатываются, — кивнул Андрей Петрович.

— Но есть и другая сторона, — сказала Нерина, приободрившись, — когда женщина обижается или страдает, муж воспринимает это как истерику капризного ребенка, а захватить ей кулаком в лицо всего лишь метод воспитания разумного и заботливого родителя.

— Ну это уж чересчур, — возразил отец. — Раньше такое встречалось, да, хотя и семьи, должен признать, в ту пору держались крепче. Все законы тогда диктовала борьба за выживание, Неричка. А потом случился рост экономики, и во-первых, все меньше ценилась примитивная грубая сила, во-вторых, требовалось все больше рабочих кадров. Еще и войны сильно сокращали количество мужчин. Вот и все равноправие: это лишь побочный эффект эволюции, которую, между прочим, тоже двигали мужчины.

— Андрюша, я не понимаю, у нас тут урок истории индустриального общества или разговор о женихе дочери? — мягко вмешалась Надежда Павловна.

— Я к этому и веду, Наденька, просто если Нери хочется говорить по-взрослому, то я и начал издалека. Если бы я не считал ее взрослой и умной, то просто хлопнул бы по столу и сказал, что речи об этой свадьбе быть не может.

— Вот что, — протянула Нерина. — Как взрослая и умная я могу надеяться на иной исход?

— Да бог с тобой, Неричка, кто же тебе запрещает? Я просто хочу тебя предупредить: мы немного знаем об этом парне, но одного нехорошего факта достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. Его честность похвальна, но ничего не меняет.

— Ну так к чему ты сведешь свою лекцию, папа?

— К тому, что когда женщины перестали полностью зависеть от мужчин и начали распоряжаться своей жизнью сами, их претензии пошли дальше, тут и начался спрос на мужчин, которые не брезгают торговать собой. Я не буду здесь касаться мотивов, почему они это делают, а не следуют природной модели мужского поведения: там у всех свои обстоятельства. Я подвожу к тому, что женщины такой подарок прогресса приняли с очень смешанными чувствами.

— Папа, а какое мне до этого дело? — перебила его Нерина, но отец сказал решительно:

— Дай мне закончить, я первый раз с тобой так откровенен, но ситуация этого требует. В одном для женщин не изменилось ничего: им важен не сам секс, а то, что с его помощью можно получить. Если речь идет не о деньгах, то значит, о чем-то другом. Что важно для нормальной женщины? Создать нормальную же здоровую семью. Она для этого будет

покупать таких вот несчастных, неустроенных парней из бедных стран? Нет, она будет спать с достойным мужчиной и рожать ему детей. Значит, на кого ориентирован этот бизнес? На тех, кто не умеет создавать здоровые отношения, кто надеется с помощью денег и секса решить свои психологические проблемы, в частности — на женщин, которые ненавидят мужчин. Они будто хотят отомстить, отыграться за все, что терпели их праматери: бесправие, постоянные беременности и роды без медицинской помощи, грубость, побои и безнадежность. В общем — ты понимаешь, с кем твоему Айвару приходилось иметь дело несколько лет?

— С кем?

— С неадекватными, ущербными женщинами, поправшими свою натуру! В психологическом насилии и унижении женщина превзойдет любого мужчину, в отличие от физического, и эти несчастные парни привыкают воспринимать такое обращение как норму. И вот как ты сама думаешь — на этих словах отец сделал ударение, — может у такого молодого человека не быть проблем? Мог ли он выйти из этого ада с несломленной психикой, быть таким же, как ты и твои друзья?

— Папа, Айвар не «такой», он особенный, я это знаю. Умного, тонко чувствующего человека испортить нельзя, — возразила Нерина.

— Но можно сломать, причем именно умного и тонкого легче всего. Всяким толстокожим тупицам это нипочем, кто же спорит. А у него на лице написано, что он умный, но при этом мягкий и, уж прости, слабовольный. Да я искренне жалею этого парня, я рад, что он все-таки решился разорвать этот порочный круг, только переживаю-то я за тебя! Беда в том, что ты тоже умная и тонкая, и мысли у тебя простираются далеко за пределы спальни и кухни. Ведь его проблемы непременно с годами вылезут наружу и отразятся на тебе! И ты уверена, что будешь к этому готова?

Нерина хотела сразу ответить что-то пылкое и категоричное, но серьезный тон отца ее охладил, и она сказала после небольшой паузы:

— Я должна быть к этому готова, если собираюсь выйти за него замуж. Мама всегда мне говорила, — она кивнула в сторону Надежды Павловны, которая невольно отвела взгляд, — что брак существует для каждодневной работы и преодоления трудностей, во всяком случае у женщин. Общество этого требует? Вот, я согласна, так чем вы недовольны?

— Нери, девочка моя, — мягко заговорила мать, — одно дело — житейские проблемы, от которых женщина обязана ограждать супруга, чтобы он мог обеспечивать семью, и совсем другое — те проблемы, которые ты сама себе создаешь, выбирая ненадежного спутника.

— Очень по-русски, — не удержалась дочь, — вешаться на мужчину как на поводыря, а потом все валить на жизнь, на бога, на какое-то особое предназначение и долг...

— Не надо обижать маму, Нерина, — строго сказал Андрей Петрович. — Она права: над отношениями надо работать, но у этой работы должен быть смысл. Тебе пока сложно об этом думать, я это понимаю: сам когда-то был молодым. Но все-таки постарайся! Ты уверена, что твой жених найдет нормальную работу, освоится в нашем обществе, что вам всегда будет о чем поговорить? Вся его жизнь в Питере была слишком давно, чтобы сейчас это можно было обсуждать серьезно! Ты — рафинированная, книжная, домашняя девочка, а он — он не просто иностранец, он человек, который жил на дне неразвитой, полудикой общины! Мало ли какие еще пороки он там мог впитать, кроме этого своего «приработка»? Да ты видела, сколько он курит? Это же прямая дорога к прочим дурным пристрастиям, не говоря уж про наследственность! Тебе же еще рожать, девочка моя, подумай хотя бы об этом.

— Айвар как-то раз упоминал, что не хочет детей, — нерешительно промолвила девушка.

— Та-ак, — протянул Андрей Петрович, еще больше нахмурившись, — чем дальше, тем интереснее. Нет, не могу сказать, что я мечтал о таком отце для своих внуков, но все-таки... А с чем связано такое нежелание, можешь объяснить?

— Я сама не все поняла, — призналась Нерина. — Вроде как он считает, что в Африке их все равно не ждет ничего хорошего...

— То в Африке, а здесь ему что не так? Я просто не понимаю, зачем вообще в таком случае вступать в брак? Это же подразумевает рождение детей, как иначе! Любой адекватный человек со мной согласится. И я уж никак не ожидал, что мы от тебя не увидим продолжения, Нери. Между прочим, нам с мамой твое рождение далось очень непросто, так что не гневите бога!

— Ладно, Андрюша, об этом пока рано говорить, — вмешалась мать, мягко потрепав супруга по плечу. — Неричка у нас, слава богу, молодая, они образумятся и все будет нормально.

— Ну допустим, что так. Я надеюсь только, что его нежелание выражается в конкретных действиях, а не в том, что в случае твоей беременности он просто скажет, что это не его проблемы. Уважающие себя девушки не должны такого допускать, Нери.

— На этот счет можешь не беспокоиться. Но я все-таки подозреваю, что если бы он не был черным, все это казалось бы тебе не таким уж страшным, — заявила Нерина. — Только ты мог бы заметить, что он умнее и культурнее любого среднестатистического африканца, и не оглядываться на стереотипы.

— Дорогая моя, — отозвался отец, — почему-то и я, и все мои добрые товарищи из корёсарам, включая Сергея Александровича Кима и Костика, прекрасно ладим с русскими друзьями и коллегами, и никому в отношении нас в голову не придет думать о стереотипах. И мы о них тоже не думаем в отношении русских. Так что подобная отговорка давно не работает, людям важна только твоя внутренняя сущность.

— Вот мы и подошли к самому главному, — резко сказала Нерина. — Можно было не тратить время на ваш исторический экскурс, а сразу напомнить мне об этом мажоре!

Девушка вышла из комнаты, но отец успел сказать ей вслед:

— Между прочим, он очень переживает.

— Охотно верю, — бросила Нерина на ходу. — Обидно терять игрушку, которая еще не совсем надоела, но я не сомневаюсь, что он с этим справится.

Мать печально вздохнула, а Андрей Петрович смотрел перед собой сосредоточенно и хмуро.

— Вот и попробуй с ней поговори, — промолвила наконец Надежда Павловна. — Сразу же закроется и колючки выставит...

— Да, она такая, но ничего, Надя: на данный момент я неразрешимых проблем не вижу, это вопрос времени. В идеале стоило бы позволить им пожить вместе для пробы — да, не удивляйся. Ты же всегда освобождала Нери от быта, а тут пришлось бы его по полной распробовать: одну еду на этого стокилограммового лося надо тазами готовить, а также где-то добывать на нее деньги и самой притаскивать из магазина. И это еще без учета, что ему предстоит выбивать вид на жительство. В таких условиях он бы ей очень быстро разонравился, но все-таки это слишком крутая мера...

Надежда Павловна неуверенно пожала плечами и стала убирать со стола. Потом она

зашла в комнату Нерины и осторожно положила руку на плечо дочери, которая с угрюмым видом сидела у комода.

— Послушай, Неричка, что я тебе скажу как мать, — сказала она. — Никогда не слушай мужчину, который говорит, будто не хочет детей. Он их захочет лет через пять-десять, и ему родит другая, а ты останешься одна. Женщина должна стать матерью, это закон природы, и тут не стоит обращать внимания на маленькие мужские капризы.

8. Странное чувство

Айвар все более комфортно чувствовал себя в городе, хотя праздник возвращения понемногу превращался в будни. Его даже удивило собственное спокойствие, когда он съездил к дому, в котором жил с родителями в детстве, и к родной школе. Он помнил, что когда-то в ее вестибюле не было никакой охраны, а сейчас удалось только зайти во двор и посмотреть в окна первого этажа. Но почему-то он не ощутил особой тоски, тем более что в настоящем было немало радостей. Особенно Айвару нравилась разъездная работа с доставкой, когда прохладным утром он наблюдал за оживляющимися улицами. Рассеивался сероватый туман, цветастые витрины поочередно показывались из-под пластиковых штор, пешеходы с картонными стаканчиками кофе спешили к метро, от соборов доносился завораживающий перезвон. Все это способствовало хорошему настроению, и кроме того, Айвар зарабатывал очень прилично по сравнению с прошлым. Оставалось время и на подтягивание английского и компьютерных навыков.

Заодно они на пару с Даниэлем привели в порядок изрядно постаревшую квартиру — Айвар счел нужным отблагодарить мать друга, которой теперь приходилось заботиться уже о двух молодых и крепких эфиопах, обладающих хорошим аппетитом. Но веселее всего было в клубе, когда днем проходили выставки, мастер-классы и подготовки к мероприятиям, а вечером начинались перфомансы, мини-концерты, показы тематических фильмов. Часто на них приходила Оля, принося к фуршетам печенье по домашнему рецепту, и это, как замечал Айвар, очень нравилось Даниэлю. Тот пользовался благосклонностью девушек со старших классов, умел красиво ухаживать и в клубе нередко сам выступал на сцене под какой-нибудь зажигательный ритм-н-блюз или любимое им старое диско. Как и многие африканцы, Даниэль потрясающе танцевал и пел, ощущая ритм на органическом уровне, и любил восхищенные девичьи взгляды.

Айвар не собирался спрашивать у друга про его личные планы, как и распространяться о собственных делах с Нериной, но тот сам был не прочь посудачить об Оле, ее красоте, юморе и музыкальности. Однажды вечером он между делом спросил у Айвара:

— Как думаешь, Иви, стоит все же попробовать завоевать сердце этой златовласки Оли?

Айвар почему-то растерялся и ответил после недолгой заминки:

— Ну, по крайней мере я был бы не против, если бы мы устроили двойную свадьбу.

— Что? — насмешливо промолвил Даниэль. — Да куда мне торопиться-то? Как, впрочем, и тебе, если уж по-честному. Твоя невеста, как видишь, не из тех, кто до свадьбы ни-ни, так что и подружка у нее, вероятно, такая же. Думаю, что мне удастся ее заинтересовать чем-нибудь попроще кольца и лимузина с ленточками.

— Кончай болтать, — заявил Айвар, бросив в друга мятой бумажкой. — Когда ты начинаешь строить из себя последнего циника, мне кажется, что ты реально влюбился.

По натуре оба парня были непоседливыми и в свободное время ходили в тренажерный зал или просто гуляли по улице. Однажды вечером Даниэль предложил Айвару забраться на его любимую «точку обзора» — это была крыша, с которой открывался вид на оживленную, хоть и не слишком нарядную Стародеревенскую улицу. В теплый ясный вечер небо радовало глубиной и прозрачностью, наверху было тихо, но на простиравшейся под ними паутинке дорог кипела жизнь. Как всегда на окраинах в это время суток, потоки людей, вернувшихся с

работы, стекались к недавно возведенным «муравейникам», в окнах зажигался свет, сновали автомобили, величественно проносились трамваи. Вдалеке в небе пролетел, просигналив огоньком, вертолет. А до мерцающего в сумерках силуэта «Лахта-Центра», казалось, они могли дотянуться рукой.

Ребята устроились в безопасном месте, курили и пили принесенный из дому чай в термосе, заедая его конфетами и зефиром в шоколаде.

— В Эфиопии вечерами мало что увидишь с птичьего полета: «огни большого города» есть только в Аддисе, — поведал приятелю Айвар. — А большая часть страны утопает во мраке, электричества или вовсе нет, или подается оно кое-как. Но вот на площади Мескель есть на что посмотреть: там расположена совсем не регулируемая транспортная развязка. Угодить в нее невесело, правила дорожного движения местные не особенно уважают. Но если вечером взглянуть свысока, то эта развязка похожа на какой-то адский огненный круг, а менее освещенные районы рядом с центром смотрятся как черные дыры.

— Да, просто абзац какой-то, — отозвался Даниэль. — Я вот пока не понял: а как ты вообще там свободное время-то проводил? Не круглосуточно же работать приходилось, наверное?

— Слава богу, нет. Работа была посменная, а один день в неделю можно было отдохнуть. Я отчасти на этом месте и задержался потому, что имелись хоть какие-то возможности для досуга и отношение к этому было, культурно говоря, лояльное.

— А какой там может быть досуг? Вот ты мне и расскажи, а то пока у меня впечатление, что жизнь там как в анекдоте: «Куда у вас вечером можно сходить? — В ведро!»

Айвар рассмеялся и ответил:

— Ну, насчет последнего ты почти прав. По крайней мере, там, где я жил, удобства были во дворе, а он вечером почти не освещался, так что выводы делай сам. А что касается досуга, то я главным образом качал мышцы или читал. Как ни странно, хорошие книги там добыть удавалось, в основном у стариков, которым они перепали со времени дружбы с Россией. Кое-что я покупал, а иногда даром отдавали. Со мной по соседству, например, пара таких стариков-интеллигентов жила, я им продукты с рынка притаскивал, а они мне за это книги помогали достать. Так я, между прочим, отыскал несколько редких изданий самого отборного макабра...

— Чего?! — переспросил Даниэль, так широко распахнув свои темно-шоколадные глаза, что Айвар снова не удержался от смеха.

— Макабра, — продолжил он. — Это сквозной аллегорический сюжет о неотвратимости смерти и конце света, начиная со Средневековья и до наших дней. Эдгар По, Амброз Бирс, русский символизм, американская «южная готика», — вот этим всем я и зачитывался. За современной литературой тоже старался следить, журналы покупал, захаживал в интернет-кафе, узнавал новости, переписывался... На одном литературном форуме, кстати, узнал про книги Джека Кетчама. В Сети сложно было их найти, но мне все-таки удалось! А тут за секунду можно купить какую-нибудь книгу мечты на языке оригинала, хоть из Америки. Вот сегодня утром получил на почте свою любимую классику Юга на английском, хотя до конца не верилось, — теперь весь день улыбаюсь, не могу!..

— Да, это все в твоём духе! Ты наверняка единственный в мире эфиоп, который способен чернуху назвать макабром, да еще читая ее не на богемных сходках, а в конуре без сортира и почти без света. И почему тебя это всегда притягивало?

— Наверное, из-за откровенности: в этих книгах люди для высших сил не милые зверушки, а копошащиеся насекомые. Но при этом они, в отличие от бульварного чтива, почти всегда написаны красивым слогом, и потом, когда читаешь что-то подобное, легче бороться с собственными страхами.

— В Эфиопии это твое увлечение, наверное, мало кто разделял?

— Не то слово, — произнес Айвар со вздохом. — Когда я был помладше, за чтение могли и наказать. Мои опекуны из деревни считали, что во мне «бес сидит», из-за того, что я читал, говорил на чужих языках, да хоть смотрел как-то по-другому. Даже пробовали его изгнать испытанным способом.

— Били, что ли? — спросил Даниэль возмущенно.

— Ну как сказать, не систематически, но иногда я от них огребал. Правда, не оставался в долгу, пытался указать, где настоящая бесовщина. Впрочем, без толку, конечно.

— Да, это дохлый номер, — убежденно заявил Даниэль. — Ты думаешь, у нас тут сейчас мало мракобесия? Нет, с Африкой пока не сравнить, но мы бодро к этому идем! Все деградирует, и культура, и наука. Одни дешевые фестивали, якобы на тему современных технологий, а на деле — тусовки в маскарадных костюмах и ларьки с заумным меню, типа «космического бургера». Сколько я их повидал по работе, и все одно и то же! И тут никому не объяснишь элементарных вещей, вроде той, что в телеящике все врут. Как по-твоему, можно считать цивилизованной страну, в которой люди зависимы от волшебного экрана? Я как-то раз возил мать к родственникам в Сланцы и мы по дороге зашли в одно придорожное кафе. Какая там была нищета, стыдно глядеть! Годов этак с 80-х будто ничего не ремонтировалось. Но телевизор с непременным ток-шоу про какие-то очередные похабные сплетни — в наличии! Как-нибудь сам местное телевидение посмотри, такие ужасы увидишь, что и книг никаких не нужно.

— Лучше не стоит, — усмехнулся Айвар. — Согласись, это более опасная отравка для ума, чем мои книги, нет? Я и так узнал, что в России вымерли и научные передачи, и медицинские, зато народ стал верить, что ныряние в холодную воду, отказ от мяса на два месяца и стояние в очереди к куску какой-нибудь доски или тряпки исцеляет от болезней и отпускает грехи. В Эфиопии тоже верят в подобную чушь. Но улыбающихся людей на улицах здесь еще меньше, чем там, притом что они живут в таком красивом городе.

— А здесь не поощряется быть счастливым, Иви, понимаешь? И религиозные обряды нацелены вовсе не на это, а на воспитание покорного стада, которое убеждено, что ходить на ненавистную работу за копейки, жить с нелюбимыми людьми, ездить по дрянным дорогам, покупать несъедобные продукты и подчиняться идиотским законам — это нормально, а жить себе в удовольствие жуть как порочно. Вот взять хоть мою маму. Я с трудом ее убедил зубы вылечить в хорошей платной клинике, а уж сходить в салон красоты, отдохнуть на море, вызвать клининг на дом... Деньги я с радостью на это дам, но она же не возьмет, ничего ей не надо! Только бы внуков поскорее, чтобы было кому себя посвящать.

— Да, это ты верно заметил, лишь бы кому... Хотя кому мы нужны, кроме самих себя? Родители уходят, браки распадаются, дети начинают отдельную жизнь, и вот ты остаешься наедине с пустотой... Жутко, конечно, мне таких людей жаль.

— Знаешь, а мне нет. Кто им велел жить с пустотой внутри? Просто жить собой и своим умом не так уж легко, и люди чаще всего не хотят поднять зад и потратить хоть какие-то усилия.

— Да, сейчас уже тошно представить, что я сам долго не хотел ничего менять. Правда, я

честно признавал, что это от лени и моего дурного характера. Но уж теперь ни за что с толку не собьюсь, независимо от того, получится у нас с Нери или нет.

Даниэль удивленно на него посмотрел и улыбнулся.

— Ну во-первых, не знаю, где ты там видел дурной характер, а во-вторых... Все-таки ты не уверен, что у вас получится, да?

— Данэ, я просто отвык быть в чем-либо уверенным после Эфиопии, а уж тем более на кого-то полагаться, кроме тебя, пожалуй. Не так больно падать, если обманешься, — ответил Айвар, наблюдая за рассеивающимся дымом сигареты, который в вечернем небе обрел сиреневый оттенок. — Но надеюсь, что скоро снова привыкну.

— А то! Куда тебе деваться? — отозвался Даниэль и потрепал его по волосам. — Ладно, пошли домой, скоро станет холодно. Вот сам не могу понять, Иви: все при тебе было с детства, таким парням обычно завидуют. А я почему-то всегда за тебя переживал.

— Это обнадеживает, особенно после того случая, когда ты в школе одному типу челюсть чуть набок не свернул. А ведь он был постарше нас и посильнее.

— Да, и ты помнишь за что, — заявил Даниэль сурово. — Он мою мать «чернильницей» назвал, а про отца сказал, что ему «нечего было со своей пальмы слезать». А я за дорогих мне людей, в том числе и тебя, не только фасад попортить, но и убить могу.

Когда начался дачный сезон, Светлана Васильевна все-таки сама попросила «мальчиков» покрасить рассохшееся крыльцо на ее даче, и они без возражений отправились туда в выходной день. Дорога была неблизкой, но погода выдалась отличная, и ребята были вполне довольны прогулкой. Даниэль пригласил Олю составить им компанию, и та охотно присоединилась.

На даче девушка помогла им убрать мусор и заделать трещины, после чего парни приступили к покраске. Закончив с этим, оба скинули футболки и окатились ледяной водой из колонки — в жаркий и солнечный день это было очень приятно. Потом Айвар, растираясь полотенцем, оглянулся на беседку, в которой Оля варила на плитке макароны, и сказал:

— Похоже, что Оля в самом деле на тебя запала: вон сколько заботы! И не страшно ей ездить наедине с двумя дикими необузданными неграми?

Даниэль, отпивая холодный квас из бутылки, ответил:

— Ну и грязные же у тебя фантазии, Иви! А если серьезно, то я совсем не против, чтобы обо мне заботились. Когда-нибудь надо подумать и про душу, и про здоровье, а Оля для этого подходит, тут ты прав. Но не сейчас, я все-таки еще не нагулялся. Вот потом, когда чуток постарше стану, это будет очень кстати.

— Ага! — отозвался Айвар. — Потом она, возможно, уже будет занята. Такие добрые и уютные девчонки одни не остаются, так что не будь столь самоуверенным.

— А где твоя Нери, кстати? Что же она о тебе не заботится?

Айвар не успел ответить, так как Оля, закончив с едой, подошла к ним, и он почему-то невольно накинул влажное полотенце на плечи и грудь. Девушка весело позвала парней к столу, на котором она уже успела расставить тарелки с золотистыми от расплавленного сыра макаронами. В них розовели лоснящиеся от жирного сока полоски бекона, а россыпь сушеной зелени источала аромат.

Пока они обедали, Даниэлю кто-то позвонил по важному вопросу. Извинившись, он вышел из беседки и по дороге шутливо изобразил намерение шлепнуть отвернувшуюся Олю по мягким округлостям. Айвар это, разумеется, заметил и сурово на него посмотрел.

— Давай я тебе еще положу, а то ты все стесняешься, — сказала Оля. Айвар несмелс

протянул ей тарелку и, чуть помедлив, взял еще один ломтик хлеба.

— За меня волнуешься, а сама что не ешь? — спросил он. — Ты же совсем маленькая, просто пушинка, это тебе больше сил нужно. Вон, посмотри!

Айвар вдруг схватил Олю за тоненькое бледное запястье и поднес ее руку к своей другой руке, широкой, теплой, с мощными пальцами и выпуклыми венами. Контраст между ними был так выразителен, что оба невольно и искренне засмеялись.

— Впечатляет! А можно потрогать? — поинтересовалась Оля и провела по его упругому предплечью. — У вас там все ребята такие богатыри?

— В большинстве, — кивнул Айвар. — Только ты смотри, Оля: такое любопытство иногда доводит белых красивых девушек до беды! Если верить литературе определенного жанра, они потом хотят потрогать еще что-нибудь...

«Господи, что за чушь я несущу?!» — ужаснулся он мысленно. Девушка, тем не менее, смотрела на него все так же весело и добродушно.

— Прости, пожалуйста, Оленька, — неловко сказал он, чувствуя, как кровь прилила к щекам. — Ты меня не слушай: у черных парней и юмор, соответственно, черный, что поделаешь...

— Да я так и подумала, — задорно отозвалась Оля. — Ладно, чего ты смутился? Тоже нашел девочку-скромницу! По-твоему, мы тут сидим себе и жизни не знаем?

«Так-то оно так, но Нери я бы уж точно такого не сказал» — почему-то подумал Айвар. Оля тем временем спокойно принялась за еду, и он все-таки решил спросить:

— Послушай, Оль, а у тебя вообще есть парень? Я просто подумал, странно, что ты в такую погоду не с ним время проводишь, а с нами тут возишься.

— Нет, Айвар, я уже полгода как свободна, — улыбнулась Оля, — и знаешь, это довольно приятное чувство. Если хочешь, могу рассказать. Это у меня, собственно, были первые серьезные отношения, до этого только прогулки и поцелуи, как у всех в детстве. А с этим парнем я почти на три года завязла в неофициальной помолвке. Его Глеб зовут, он сын папиного сослуживца. Родители надеялись меня удачно пристроить, в проверенную семью, с нормальным мальчиком — малопьющим, некурящим, работающим. Другие параметры они, похоже, и не рассматривали.

— У Нери очень похожая история, — заметил Айвар. — А что с ним оказалось не так?

— Да с ним-то все так, просто у нас не было ничего общего, ни увлечений, ни тем для разговора, хотя он, по-моему, считал, что женщины не для этого нужны. Поначалу я этого не замечала, а потом мне с ним стало просто душно. Как раз в это время Глеб начал говорить, что он не против жениться, а когда я намекнула, что вообще-то замуж пока не рвусь, и в целом, и за него в частности, вылупил глаза: как это? Все девочки хотят свадьбу, а еще платье и не работать! И он, такой молодец, готов мне это преподнести от души, а я почему-то не таю от счастья.

— И вы расстались?

— Самое смешное, что тогда еще нет, он дал мне понять, что его великодушное предложение остается в силе. А расстались мы через месяц, совсем по-глупому, как в плохом кино...

— Из-за другой девушки?

— Именно, — кивнула Оля, — причем классической куколки из анекдотов про женскую логику, которая своими запросами быстро загнала его в кредиты. Скоро Глебу это надоело, и он попытался снова со мной сойтись, но тут я уже ясно выразилась, да и отец был

на него зол.

— Ну и правильно! Придурок твой Глеб, — заявил Айвар и невольно заметил нежно-розовый след комариного укуса на руке девушки, который она время от времени почесывала, прикрывая легким палантином.

— Не надо, — мягко сказал он и чуть коснулся ее пальцев. Судя по удивленной улыбке Оли, ей это понравилось.

Когда они ехали с Даниэлем обратно, попутно завезя Олю домой, тот неожиданно посмотрел на друга и спросил:

— А что это ты сегодня какой-то... особенный?

— В смысле? — удивился Айвар. — У меня просто настроение хорошее, но что тут странного? Не по Эфиопии же мне скучать! Или ты о чем?

— Но сегодня-то ты прямо сияешь, — заметил Даниэль. — Да ладно тебе, Иви, я к тому говорю, что это классное начало, жить надо на позитиве! А приехал ты совсем другим: не унылым, конечно, но каким-то потерянным, что ли... Сейчас ты, похоже, стал себя находить, да?

С тех пор Айвар и Даниэль часто ездили гулять за город и с Олей, и с Митей, к которому обе девушки относились почти как к младшему непутевому брату. Парень любил мечтать о чем-нибудь незаурядном, но пока все его замыслы обламывались о собственную неопытность или скепсис родителей. Он подрабатывал в культурно-общественном журнале, посвященном городским проблемам, и знал изнутри много острых вопросов о строительстве, социальном климате и культурном фасаде Питера. Но при этом он подписывал свои статьи чужим именем, считая, что родители и знакомые не одобряют это занятие.

Поначалу он все-таки относился к Айвару настороженно, и когда тот это подметил, Митя простодушно выдал: «Ты меня извини, но как на тебя можно смотреть непринужденно?» Правда, парень тут же устыдился столь некорректных слов, но Айвар только рассмеялся и ответил: «Я же на вас как-то смотрю!»

После этого Митя предложил ему сходить куда-нибудь «выпить пива», и Айвар ответил, что пиво не любит, но пообщаться будет рад. Позвав его в одно из летних кафе на Невском, Митя неожиданно разговорился и сообщил о своих неудачах, после которых ему уже неохота было делиться с родителями какими-то планами.

— Да с чего ты взял? — с недоумением спросил Айвар. — Молодец, что этим занимаешься, сейчас на информации все держится. К тому же, язык у тебя отличный. Сейчас в России книги пишут так, что после них руки вымыть хочется, и не стесняются своего авторства, а ты почему-то стесняешься.

— Ну так это пишут не авторы, а авторессы, — заметил Амелин, — им по призванию положено косить под дур, для которых они, собственно, и работают. А может быть, они сами такие же дуры. Мужики такими вещами заниматься как-то несолидно. Мне отец говорил, когда я мечтал в большую журналистику податься: «Ты бы еще на филфак поступил, чтобы совсем в бабу превратиться».

— А чем мужику надо заниматься, в таком случае? Деньги зарабатывать? Так профессии подобной нет, знаешь ли... Несолидно заниматься тем, что не любишь, и портить себе жизнь. Вот и донеси это до отца, особенно если ты от него не слишком зависишь.

— Ну, пока еще завишу, если честно, но у нас в России это как-то в порядке вещей. Денег на то, чтобы снять или купить отдельную квартиру, у меня нет. Что же в таком случае делать?

— Что делать? Скажи ты отцу наконец, что твое дело у тебя хорошо получается, и он, скорее всего, сам тебя после этого зауважает. Не сразу, может быть, но это можно перетерпеть.

— А что, правда хорошо написано? — вдруг спросил парень.

Тут Айвар не удержался от снисходительной улыбки.

— Почему ты у меня-то об этом спрашиваешь? Я же вроде не специалист, хоть и много чего читал. Кому-нибудь еще свои работы показывал?

— Девчонкам показывал, Оле и Нери, они похвалили, — сказал Митя, просяив. — Но это же не в счет, девчонки они и есть девчонки...

— Слушай, избавляйся от того, что тебе отец внушил, ладно? — серьезно ответил Айвар. — У всех свое чутье должно быть, кому можно доверять, а кому нет. Впрочем, у тебя оно, похоже, есть, раз уж ты со мной заговорил?

— Насчет чутья не знаю, но парень ты классный, — ответил Амелин уже по-настоящему уверенно. — Я бы тебя и в спортбар пригласил, только там уже без пива никуда...

— В спортбар не надо, я в футболе ни фига не смыслю, — спокойно отозвался Айвар. — А вот ты к нам в клуб приходи, с Олей вместе. Там сейчас сезон в разгаре, будет на что посмотреть!..

И действительно, вскоре предстоял большой концерт этно-электронной музыки, с участием аутентичных артистов и музыкантов из нескольких стран и использованием эксклюзивных народных инструментов. Организаторы решили, что непременно нужно привлечь и обоих эфиопских парней, и те очень обрадовались этому неожиданному предложению, особенно Айвар, который всегда любил этно-электронику больше других музыкальных жанров.

9. Кто виноват

Подготовка к концерту занимала много времени и Айвару по несколько дней не удавалось пересечься с Нериной и поделиться с ней впечатлениями. Когда удалось выкроить время, чтобы заехать к невесте, он поспешно собрался, однако открыв дверь клуба, вздрогнул от неожиданности.

Прямо перед ним стоял Костя Ким. Айвар сразу догадался, что это и есть бывший парень Нерины, хотя та очень скупно рассказала о нем и убрала все его фотографии подальше. Было видно, что молодой человек знает себе цену и разбирается в моде и стиле. Для корейца он был высок, но, конечно, ниже Айвара и гораздо тоньше. При угольно-черных волосах и глазах у Кости была по-аристократически бледная кожа и изящные черты лица, и к этому очень шел его гардероб — спортивный джемпер в серую клетку, белые брюки и легкие черные туфли. Волосы, частично стянутые на затылке, спускались почти до талии. Очки в модной черной оправе он сдвинул на лоб, разглядывая Айвара явно более пристально, чем позволяли приличия, и стараясь сохранять хладнокровие. Но по тому, как он перебирал ключи от машины в руках, обтянутых кожаными митенками, Айвар понял, что на самом деле нервы у молодого человека на пределе.

— Ну здравствуй... — недобро усмехаясь одним уголком рта, произнес Костя, — давно хотел с тобой встретиться.

Африканец выжидающе посмотрел на внезапного гостя, и тот, чтобы не затягивать паузу, сказал все тем же язвительным тоном:

— Да, вспомнил, Айвар. Не могу сказать, что рад познакомиться, но по-моему, у нас есть общая тема для разговора.

— Здравствуй, — спокойно ответил Айвар. — Знакомиться и нет нужды, ты, как я понимаю, Константин. Допустим, мне ясно, о чем идет речь, только что ты от меня хочешь?

— Просто увидеть хотел, что ты из себя представляешь, — сказал Костя. — Не каждый день невеста из путешествия возвращается с «подарком» в виде интермальчика из грязного африканского кабака. Вот я и решил узнать: это был такой изощренный способ меня унижить или действительно что-то там нечаянно нагрянуло? Только по-моему, в любом варианте стоило бы знать меру и не опускаться до такого дна...

— Ну, это все вопросы не ко мне, а скорее к Нерине, если уж ты ее называешь невестой. Но вообще-то она в этой поездке больше была похожа на больного звереныша, чем на девушку, готовящуюся к свадьбе. Так что сдается мне, врешь ты все, и невестами время от времени называешь всех, с кем спишь.

Костя зло посмотрел на Айвара. Он уже был недоволен тем, как начался разговор: почти сразу сорвавшись на оскорбления и не сумев удержать ровного насмешливого тона, он поставил себя в заведомо невыигрышную позицию. Но его выбил из колеи внешний вид и манеры соперника, которого он воображал каким-то анекдотическим персонажем из историй о скучающих белых дамах, отдающихся неграм — пропотевшим конюхам и садовникам. Отказ девушки разговаривать с ним уязвил Костю так, что он для самоуспокоения вспенивал самые желчные мысли, представив, что она из-за тоски и комплексов потянулась к скудному интеллекту вкупе с первобытной силой и похотью. И не сомневался, что морально раздавить подобного типа будет легкой задачей.

А перед ним появился Айвар — да, рослый, широкоплечий, явно очень сильный, но

совсем другой. До сих пор Костя думал, что выражение «порочная невинность» относится только к женщинам, которые должны постоянно играть и мимикрировать, и в этой игре состоит их главное орудие соблазна. Мужик — он всегда мужик, ему игры без надобности. Но сейчас, увидев этого парня, Костя понял, что дело не в игре, что Нерину в нем привлекло нечто настоящее, глубинное, природное. Отстраненность, уязвимость и в то же время — уверенность, которая сквозила во всех чертах этого парня, воздействовали гораздо мощнее похотливости и агрессивности, которые традиционно считаются притягательными для женщин. И теперь уже Костя не знал, как ему вести себя. Когда он заметил на шее Айвара медальон, в котором был виден почерк Нерины, внутри будто все обожгло от злости.

В конце концов он произнес:

— А вот это ты зря, Айвар. Да, формально я предложения пока не делал, но у нас все было серьезно. И если уж какие-то провинности за мной и водились, она могла бы поговорить по-человечески, а не изливать душу не пойми кому на стороне. Между прочим, я себе никогда не позволял о ней сплетничать с какими-то другими девицами.

— Наверное, это похвально, — усмехнулся Айвар, — хотя что о ней можно сказать плохого? И все-таки я не понимаю, что тебе от меня-то надо? Если ты обижен на Нери, так почему сам с ней не поговоришь по-человечески? И узнаешь заодно, какие у нее к тебе претензии?

— Она не хочет со мной говорить, — сказал Костя и с обидой, и с какой-то снисходительностью.

— И что дальше-то? Только не надо наезжать на меня с «выяснением отношений по-мужски»: я к этому совершенно не расположен.

— Что?! Выяснять отношения — с тобой? — тут Костя, несмотря на свою злость, искренне не удержался от смеха. — Чувак, я что, так похож на полного идиота? Ты же меня нечаянно пополам сломаешь! Но если бы даже было не так, я никогда бы не стал драться за девушку как за кусок мяса. Хочет уйти — пусть уходит. Но мне попросту интересно, что с Нери не так: даже паршивое экзотическое приключение она не смогла завести как обычные девицы! Когда те западают на самцов без извилин, зато с мускулами, бритой головой и квадратной челюстью, это, конечно, зрелище жалкое, но хоть понятное. Вот я грешным делом и подумал сначала, что она оказалась такой же, как все. А тут ты!.. — на этом месте он сбился, не сумев подобрать слов. — Чем я хуже тебя-то? Какой ты самец? В ушах цацки, на боках жир... Тебе бы детишкам в садике сказки читать, а не телок кадрить!

При этих словах Костя сделал шаг вперед, и тут Айвар понял, почему взгляд собеседника сразу показался ему каким-то странным: у того еле заметно косил один глаз, что ярче проявлялось при улыбке и всплеске эмоций.оборот, который принимала беседа, Айвару все больше не нравился, и он хотел только одного — чтобы этот парень наконец ушел, но гордость не позволяла отстраниться и показать свое беспокойство.

— Слушай, соревноваться, кто кого больше оскорбит, мне тоже неинтересно, — ответил он, — хотя ты мне даже польстил тем, что не отнес к «самцам без извилин». А моя внешность меня более чем устраивает, и Нери, по-видимому, тоже. И кстати, если ты решил, что она такая как все, то зачем вообще сюда пришел? Мог бы плюнуть, растереть и радоваться жизни.

— Да тебе это сложно будет понять! — воскликнул Костя, которого все сильнее напрягала непробиваемость этого парня. — Ты же ее не любишь, иначе разговаривал бы со мной совсем по-другому. А я, черт возьми, люблю! Да пусть она и была бы как все, мне что,

с этого легче? Только на самом деле она не такая, она классная и умная девчонка, и все проблемы у нас были из-за постели. Ясно, что Нери неопытная, я ее пытался расшевелить, но знаешь, это тоже нелегко, поневоле захочешь где-то расслабиться. А как она думала? Что можно принимать подарки и знаки внимания, ничего не давая взамен? И потом обижаться, что кто-то другой может это дать молодому нормальному парню...

— Прекрати! Мерзко слушать! — уже по-настоящему резко оборвал его Айвар. — Цепляйся ко мне сколько хочешь, а вот Нери не смей грязью поливать. Я вижу, как ты ее любишь, и вот сейчас мне тебя даже не жаль! Только не возму в толк, как таким, как ты, хватает наглости возмущаться, что ваших девушек тянет на сторону? Ты не хочешь подумать: если она классная, умная и может нравиться другим парням, то зачем ей вообще ты, со своими «знаками внимания», благодетель? Да, я в чем-то оказался лучше тебя, только не в том, что ты думаешь: там мы все похожи и у всех один, а не два. Но зато я не требую, чтобы девушка терпела любое свинство, сама при этом хранила верность, да еще была затейницей в постели. А в идеале никогда не становилась старше двадцати и тяжелее сорока. Я наслушался, чего хотят женщины, уж поверь. В основном они благодаря вам хотят только чтобы их оставили в покое! Ты и не интересовался, что нужно Нери, только рассчитывал ее купить своими подарками. Ты хоть что-то знал о ее проблемах в институте? Ты предполагал, что сокурсники способны бросить ее в баре одну в чужой стране? И тем не менее она поехала туда вместо того, чтобы остаться с тобой. Тогда надо было думать! Теперь у тебя сексуальной свободы хоть ложкой ешь, так что прими мои поздравления и оставь нас в покое, Костя. Сам ты жалкое зрелище, ей-богу...

Костя выслушал его, не перебивая, и не сразу ответил. Видно было, что он принял во внимание все слова Айвара, но ключевой счел их последнюю часть.

— А ты уверен, что сам знаешь, что нужно Нери? — вдруг спросил он. — Ну допустим, что ей не гормоны в голову стукнули, а в самом деле возникло какое-то чувство. Да скорее всего так и есть. Только вот какое? Ты уверен, что она тебя любит? А может быть, ей просто захотелось временно завести вот такое экзотическое домашнее животное — красивое, спору нет... Да еще уязвимое, подраненное жизнью в страшных африканских джунглях, о котором хочется позаботиться. Только это же ей со временем надоест, и с чем ты тогда останешься? Не думал? Ты ведь попадешь в гораздо более незавидное положение, чем я теперь.

К его удовлетворению, Айвар переменялся в лице, и Костя мысленно отметил, что булавкой тоже можно уколоть очень больно. Возможно, он сказал бы еще что-нибудь едкое, но в этот момент появился Даниэль. Он положил свою ладонь на плечо Айвара и сухо посмотрел на незнакомца.

— Что за проблемы, не понял? — произнес он небрежно. — Вам какая-то помощь требуется, молодой человек?

— Нет, благодарю вас, — с деланной любезностью отозвался Костя.

— Тогда будьте добры, отстаньте от моего друга, и если в нашем заведении вам ничего не нужно, то идите домой. Соку гранатового попейте, а то выглядите вы неважно, у вас скорее всего анемия, — сказал Даниэль, и Костя под его серьезным взглядом все же ретировался и, не оборачиваясь, пошел за угол, где оставил свою машину.

— Ну и зачем ты с ним разговаривал? — недовольно промолвил Даниэль. — Сразу надо было послать его давиться своим ядом в другом месте. Ох, Иви...

Айвар был благодарен другу за поддержку, однако на душе у него было беспокойно. То, что бывший парень Нерины сказал напоследок, зацепилось в сознании мелкой, но

противной занозой. Конечно, была высока вероятность, что Костя, как большинство людей в такой ситуации, просто выдавал желаемое за действительное, но все же... Айвар знал, что для девушек, испытывающих кризис в отношениях, связь с другим издавна остается плохим, но любимым способом отомстить и привлечь внимание. И хотя на Нерину это было совсем не похоже, в ком на этом свете можно быть полностью уверенным?

Впрочем, и у Кости в этот момент были смешанные чувства. Уже в машине он некоторое время просто сидел, вцепившись в рулевое колесо и проговаривая про себя все, что слышал от Айвара. В конце концов он тихо произнес вслух:

— Тебе меня даже не жаль? А вот я бы тебя пожалел, только я, увы, не добрый, Айвар...

Сейчас ему было не по себе даже из-за того намерения, с которым он изначально сюда пришел, — зная от Андрея Петровича, кем прежде был новоявленный жених, Костя был готов предложить ему денег за то, чтобы он отстал от его подруги. Но с первого взгляда и с первого сказанного Айваром слова он понял, что это не поможет.

Следует пояснить, что упорство в отношении Нерины у этого парня было продиктовано не деловыми интересами: ее семья жила комфортно по российским меркам, но точно не была блестящей партией. Кроме того, она не отличалась внешней эффектностью, необходимой для «статусной» жены. Но родителям Кости нравились ее деликатные манеры, образованность и репутация хорошей домашней девочки, — все это казалось глотком свежего воздуха на фоне клубных тусовщиц.

Однако Костя все еще не мог отказаться от мимолетных связей с таким контингентом, не столько из-за избытка гормонов и потребности в разнообразии, сколько из-за банальной дурной привычки. Он оказался на каком-то перепутье: девицы, чья страстность напрямую зависела от цены и крепости коктейлей, уже надоедали, и тут ему встретила Нерина — искренняя, но ввиду воспитания и болезненной первой близости все еще не способная открыться для интимных удовольствий.

Она, конечно, усиленно держала в голове, что «мужчина ни о чем не должен догадываться», но эти усилия порой были чересчур заметны и молодого человека совсем не радовали. Костя все-таки надеялся, что поможет Нерине избавиться от комплексов, так как в глубине души ему очень хотелось постичь чувственную, импульсивную сторону ее странной и трогательной натуры. При таком уме, фантазии и причудливых сублимациях там, как казалось Косте, должно быть скрыто нечто особенное и обещающее массу действительно острых наслаждений на грани поврежденного нерва. Арендванные на один раз суррогаты наверняка не шли с этим ни в какое сравнение, а долгих отношений, замешанных на чувстве, он до Нерины вообще ни с кем не имел.

Поэтому он и намеревался взять в жены именно ее, а не любую из длинноногих и безликих русских и кореянок, с которыми прежде проводил досуг. Она казалась какой-то потусторонней, и других это смущало и порой даже отпугивало, а его очаровывало. Своими черными глазами, казавшимися еще больше при худых щеках и маленьком безвольном подбородке с ямочкой, девушка была похожа на прелестных и опасных героинь из любимых ею старинных сказок, способных и очаровать принца, и обусть незадачливого врага в железные башмаки на раскаленной жаровне. Но ее пространный и проникающий в душу взгляд удивительно теплел, когда она улыбалась, а эта улыбка казалась Косте и робкой, и провокационной. От ее рассказов о любимых книгах он волей-неволей чувствовал запах далеких мрачных городов — сырости, сажи, сточных вод и тяжелой парфюмерии, слышал одинокие шаги по мокрой брусчатке, хотя никому и ни за что не признался бы в этом.

У его товарищей, к слову, роман с такой девушкой и так не находил отклика. Они одобряли искусственную, стилизованную нестандартность, которая была в моде, но настороженно относились к настоящим странностям. Но Костя давно не оглядывался на чужое мнение и для себя уже все решил.

Только именно в этот момент Нерина, эта робкая, домашняя девушка, у которой он был первым мужчиной, вдруг увлеклась другим, чего он прежде и вообразить не мог. Когда Костя узнал, что Нерина собралась замуж, да еще за негра, в нем вспыхнуло не только уязвленное мужское самолюбие и собственническое негодование, но и страх, что кто-то другой, быть может, раскрыл в ней то, что до сих пор не поддавалось ему.

О своих похождениях на стороне Костя, разумеется, подумал не сразу, привыкнув относиться к ним буднично. Он не собирался изменять Нерине систематически, более того — в последнее время эти клубные эпизоды все сильнее навевали на него скуку. Но зажатость подруги и нежелание подыгрывать его фантазиям в близости напрягали Костю, а в откровенных излияниях, жалобах и вопросах он не преуспел. К тому же, пример своей семьи приучил парня не считать мимолетный адюльтер чем-то особенным. Его родители много лет поддерживали имидж благополучной и счастливой пары для общества и для него с младшей сестрой, а за этим фасадом скрывались постоянные похождения отца и молчаливое попустительство матери.

Все это он надеялся объяснить девушке и даже попросить прощения, однако та не пожелала ничего слушать, и с этого момента Костя постоянно пребывал в паршивом настроении, утратив интерес и к клубам, и к тусовкам. Его немного успокаивало только соображение, что вряд ли умная и интеллигентная Нерина долго будет интересоваться каким-то чернокожим атлетом, с которым и поговорить скорее всего не о чем. Да и отец наверняка не даст согласия на такой брак, а она все еще очень зависима от его мнения.

Мысль, что она была близка с другим, Костю, конечно, не радовала, но ничего фатального для их будущего он в этом не видел, потому что считал ее поступок просто алогичным всплеском женской обиды, которая, как ни крути, была не беспричинной. А он, в отличие от многих мужчин, не являлся приверженцем двойной морали.

Однако по-настоящему тошно ему стало именно от встречи с Айваром, который был совсем не таким, как думал Костя, и, возможно, в самом деле обладал чем-то помимо сексуальности, что могло очаровать Нерину. А своими словами, на которые Костя с дурацкого пыла сам напросился, этот странный африканец будто ткнул его лицом во что-то гнилостное и зловонное. И надежда на то, что Нерина вернется, как только ей станет скучно с Айваром, потускнела. Не то чтобы Костя в этот момент резко раскаялся и поменял все свои ценности, но он осознал, что действительно может потерять эту девушку навсегда и что очень этого не хочет. А если она в самом деле устала от его небрежного отношения к ее мнению и чувствам? Если она искренне привяжется к этому парню, который уже оказался добрее и внимательнее его? Никогда еще Косте не было так страшно от этих мыслей и так стыдно от своей прежней самонадеянности.

Вывод сложился быстро — если ему всерьез придется выбирать между сиюминутными удовольствиями и жизнью с Нериной, то думать здесь не о чем. Конечно, вряд ли этого достаточно, чтобы сделать счастливой столь сложную девушку, но если она даст ему еще один шанс, он справится и со всем остальным. Только как быть с этим эфиопом, который оказался действительно опасным соперником? Он моментально разглядел, какие мелочные, слабые и неприглядные качества Костя привык прятать от

других и от себя, и смотрел на него прямо и с достоинством, невзирая на социальные барьеры и свои птичьи права в этом городе. Такое Костя Ким не собирался прощать.

10. Мелодии северного лета

После этого инцидента Костя не беспокоил больше ни Айвара, ни Нерину, если не считать одного загадочного эпизода. Как-то раз поутру в клуб, где работали Даниэль и Айвар, доставили большую корзину с фруктами в подарочной упаковке. Выглядела она просто роскошно, а внутри были чуть ли не все экзотические плоды, какие можно было достать в городе, — миниатюрные бананы и ананасы, кокосы, маракуйя, ярко-желтые манго и мандарины, которые были несравненно красивее тех, что петербуржцы массово скупали в супермаркетах под Новый Год.

— Данэ, у нас что, готовится фуршет? — удивленно спросил Айвар у друга. — Отдать девчонкам, чтобы распаковали?

— Нет, я понятия не имею, откуда это, — нахмурился Даниэль, — давай лучше сами аккуратно все разберем.

Осторожно распаковав корзину, ребята нашли на дне записку, на которой было напечатано красивым шрифтом: «**Айвар, чувствуй себя как дома!**».

— И как это понимать? — сказал Даниэль, взглянув на Айвара.

— Да все ясно, — усмехнулся тот и отложил записку, — отвергнутый ухажер решил напоследок покуражиться. Вот уж не ожидал от него такой детской выходки!

— А ты уверен, что не стоит что-нибудь предпринять? — с тревогой спросил Даниэль. — Что если он на этом не остановится? Надо хотя бы поговорить с твоей девушкой, или с ее отцом, пусть они ему все доступно объяснят!

— Брось, Данэ, это совсем надо себя не уважать, — отмахнулся Айвар. — Побесится и остынет! Но лучше это добро выкинуть, от греха подальше.

Он переключился на текущие интересные дела, рассказал Нерине о предстоящем концерте, а она пригласила его провести пару дней вдвоем на даче, у залива, который Айвар любил с детства и помнил дюнные гряды, сосновый аромат и суровое угрюмое море, расцветающее на несколько коротких и оттого драгоценных недель.

Они уже бывали на заливе с момента его приезда, и вдвоем, и большой компанией с традиционными шашлыками. С приходом жары пляж стал похож на беззаботный южный курорт, и ребята старались использовать свободные дни, пока питерская сумрачность вновь не возьмет свое: купались, любовались полетами змеев и воздухоплателей, дышали умиротворяющим хвойным запахом.

Айвар, даже когда они были с друзьями, нередко задумывался о чем-то, глядя на море или облака, и тогда Нерина исподволь любовалась его безупречно прямой спиной, красивым абрисом груди, приятной плотностью талии и крепкими жилистыми ногами.

На концерт Нерина пришла вместе с Олей и Митей. Мероприятия в клубе сопровождались выставками живописи и прикладных изделий, которые очень понравились всей компании. Впечатлило и выступление обоих парней, исполнивших народную африканскую песню, — Даниэль пел насыщенным, хоть и мягким бархатным тембром, а Айвар подхватывал еще тише, с экзотичностью, близкой к шаманству.

— Какие же они оба красивые, верно? — потихоньку спросила Нерина у Оли. — Просто молодые боги! Ты бы присмотрелась к этому Даниэлю, в самом деле. Будем потом семьями дружить!

После концерта были зажигательные танцы и Айвар уговорил Нерину составить ему

пару, хотя она с трудом преодолевала скованность. Затем он пригласил и Олю, которая танцевала менее умело, чем его партнерши в Эфиопии, но, как показалось Айвару, так же чувственно и непринужденно.

— Оля, а ты знаешь, что по-древнескандинавски твое имя означает «святая» — Эльга? — вдруг спросил Айвар.

— Читала, — улыбнулась девушка, — но соответствовать никогда не стремилась. По моему, это скучно и бессмысленно: лишать себя вкусной еды, любви, интересного досуга ради того, чтобы казаться лучше других. Может быть, лет через тридцать-сорок я и сгожусь для «святых», а пока побуду просто Олей.

— Так и меня от рождения звали Ивар, что значит «воин, стреляющий из лука», а разве я на него похож? Вот ведь странное совпадение! У Гумилева есть такое стихотворение, про воина и Эльгу. Оно целиком написано от мужского лица, а я хотел бы узнать, что чувствовала эта неизвестная героиня, какие строки она бы ему написала в ответ. Мне почему-то кажется, что его бы звали так же, как меня...

За беседой и танцем Айвар поймал себя на том, что слишком внимательно рассматривал ноги Оли под «стиляжьей» красной юбкой. Высокие шпильки на цветастых босоножках не мешали ей ловко двигаться, и она так задорно кружилась, что порой открывался обзор на аккуратные нижние шортики. «Привычка, — подумал Айвар. — Хотя в этой девчонке определенно есть что-то такое, чего я ни за кем не замечал в баре, даже за Нери. Нехорошо как-то. Но ладно, в конце концов я просто ею люблюсь». Однако после танцев, когда все пили шампанское и чай, ему почему-то было не по себе, пропал аппетит и даже слегка мутило.

К выходным настроение у него улучшилось и Нерина вдохновенно показала жениху семейное «имение». В детстве она очень любила домик с парой кустов лиловой и белой сирени, заглядывающих в окно, и видом на опушку соснового леса. Потом, когда началось взросление, все это временно утратило былую прелесть, но сейчас ей снова здесь нравилось и она мечтала впоследствии обосноваться на природе, встречать и поэтичную питерскую осень, и обворожительно тихие в этих местах новогодние ночи.

Они с Айваром прошлись от станции до дома через тихие солнечные перелески. День был очень теплый, и Нерина нарядилась в длинный белый сарафан из льна, в котором выглядела как настоящая невеста. Айвар, отметив это, купил на станции скромный букет ландышей, который очень ее растрогал. На веранде они выпили чаю с тортом, который испекла Надежда Павловна.

— Да, Нери, твоя мама вконец испортит мне фигуру, — со смехом заметил Айвар. — У тебя, надеюсь, таких кондитерских талантов нет?

— Чего нет, того нет, — призналась девушка, — я ведь говорила, что без фанатизма отношусь к домашнему очагу, у меня есть другие увлечения и ценности.

— Да понятно, но после в Эфиопии мне кажется теплым любой очаг, в котором есть человечность. И дело не в бедности, от тоски и безнадеги тоже можно умереть. Тем парням, которые и так родились практически на улице, было хоть бы что, а я... Приходилось искать отдушину во всякой дряни, а потом по ночам думать: вот бы просто куда-нибудь исчезнуть, неважно куда, неважно на какое время. Я имею в виду не сбежать в поисках лучшей жизни, а вообще исчезнуть, дематериализоваться, так сказать...

У Нерины защемило сердце от этих слов и спокойного тона Айвара. Впервые она подумала, что очень многое остается за непроницаемыми скобками его памяти и не будет

извлечено из-за них ни при каких обстоятельствах.

Под конец ночи, когда развеивалось летнее сумрачное марево, Нерина встала с дивана и вытащила из шкафчика коробку, где хранились ее талисманы — самодельные амулеты, рисунки с выдуманными ею рунами и символами, дневники, от которых она не решалась избавиться. Почему-то ей хотелось их перебрать, словно в знак расставания с девичьей жизнью. Айвар посмотрел на ее тонкую беззащитную фигурку, которая в воздушной белой сорочке казалась совсем подростковой, и почему-то с неловкостью вспомнил недавний вечер в клубе. Он знал, что не сделал ничего плохого, но ему вдруг стало жаль невесту, не подозревающую о его тревогах.

— Нери, ну иди ко мне, — сказал он тихо и ласково, откинув край одеяла.

Девушка улеглась рядом и прижалась щекой к его голому плечу. От прикосновения его нежного тела ей стало так хорошо и спокойно, словно она купалась в теплой реке, но в следующий момент что-то внутри кольнуло и ее. Ни с того ни с сего вспомнился короткий разговор с Олей после концерта, когда Нерина снова сказала подруге, что неплохо бы им «дружить семьями». Та вдруг внимательно посмотрела на нее и спросила:

— Нери, а ты вообще его любишь?

Этот вопрос сбил Нерину с толку: прежде этим никто еще не интересовался. Чуть подумав, она ответила:

— Слушай, Оля, я терпеть не могу это слово с тех пор, как услышала его от Кости. Он его произносил так, будто имел в виду «у тебя классные ножки». Так что давай будем смотреть на вещи реально! Без половых отношений все равно не прожить, так лучше пусть это будет как у нас с Айваром. Мы хорошо ладим, уважаем друг друга, у нас много общих интересов, а что еще надо? Бабочки? Пылающие щеки? Ледяные конечности? Это не скрепило еще ни один брак!

— Я не пойму, тебе двадцать три года или пятьдесят? — усмехнулась Оля.

— Глупостей не надо делать ни в каком возрасте, — возразила Нерина, — а я уже успела сглупить, когда слишком близко приняла к сердцу историю с Костей. Теперь мне от мужчины нужна только верность и благодарность, а на это Айвар способен лучше кого бы то ни было.

— А за что он должен быть тебе благодарен? — удивилась Оля.

— За то, что я буду ему добросовестной женой и подругой! Женщин, которые годятся только для «любви», он и так достаточно повидал, как и прочей грязи.

Оля тогда не стала больше ничего спрашивать и эта беседа не испортила впечатлений от концерта, но сейчас она почему-то всплыла у Нерины в памяти. А ведь подруга в чем-то права, эти суждения звучали странно в устах молоденькой девушки-невесты. Вдруг она и в самом деле поспешила? Нет, нет, об этом и речи быть не может, она все делает правильно, а Оля еще просто не созрела.

На следующее утро Айвар проснулся неожиданно рано для выходного дня — около девяти, хотя обычно любил в это время поспать подольше. Он редко запоминал свои сны, но в этот раз ему удивительно ярко привиделись грубые необлицованные многоэтажки, которые казались почти одинаковыми в Питере и Аддис-Абебе. В окнах горел свет, но когда Айвар зашел в одну из парадных, ему показалось, что не только в ней, но и во всем доме никого нет. На лестнице стояла мертвая тишина, воздух казался стерильным — ни табачного дыма, ни запахов еды. Он поднялся до верхнего этажа, посмотрел в широкое окно и увидел перед собой тот самый «огненный круг», о котором недавно рассказывал Даниэлю.

Почему-то Айвара вдруг охватил непонятный страх. Он вцепился руками в шербатый подоконник и чуть не вскрикнул от резкой боли: в кожу вонзились мелкие осколки от разбитого оконного стекла.

В этот момент он и проснулся. Нерина все еще крепко спала, и он решил ее не беспокоить. Зайдя на кухню и убедившись, что бак для воды опустел, он принес несколько ведер с колонки, немного ополоснулся сам и заглянул в кухонный шкафчик, так как утренний аппетит уже давал о себе знать. Однако там нашелся только подаренный им эфиопский кофе, чай и рафинад, торт был съеден еще вчера, а в магазин за продуктами было далеко идти. Айвар мысленно подсадовал на то, что не подумал об этом перед приездом.

Когда Нерина проснулась, они выпили чаю и погуляли по сосновому лесу. Айвар рассказал ей, как можно украсить тот крошечный палисадник, из которого родители давно собирались сделать что-то поинтереснее заросшей сорняками поляны. Он увлеченно поведал о том, что Николай Гумилев писал об Абиссинии в своем «Африканском дневнике» — в частности что дворец знатного чиновника в Харраре поэт описал как *«большой двухэтажный деревянный дом с крашеной верандой, напоминающий не очень хорошую дачу где-нибудь в Парголово или в Териоках»*.

Нерина, которую действительно заинтересовали эти истории, сказала:

— Выходит, здесь ты сможешь жить лучше эфиопского аристократа? Кстати, может быть, тебе в будущем стоит заняться ландшафтным дизайном?

— Нет, я люблю все красивое, есть такая слабость, но планы у меня другие, благо красоту всегда можно оставить как хобби. Ведь ты же сама любишь рисовать?

— Ну, это для меня нечто большее, чем хобби! Я тебе кое-что скажу, если не будешь смеяться.

— Да с чего бы? — добродушно улыбнулся Айвар.

— Помнишь, в Эфиопии я спросила у тебя о вере в бога? Так вот, знаешь, у нас семья совсем не религиозная, но у меня всегда были на этот счет смешанные чувства. Мне кажется, что человек способен развиваться именно в соперничестве с «тем, у которого нимб на голове», — это цитата из моего любимого фильма «Господин оформитель», он как раз о талантливом и сломленном внутри художнике. Я имею в виду, что настоящие художники не копируют окружающий мир, а раскрывают потаенный смысл, ищут истину — в природе, в красоте, в людях. Именно этим я и хочу заниматься, хоть в станковой графике, хоть в шитье или прочем прикладном творчестве.

— По-моему, ты молодец! Уж никак не вижу в этом ничего смешного.

— К сожалению, не у всех такое мнение, — вздохнула Нерина. — Пока еще большинство считает, что думать девушке не к лицу, а рисование — это так, что-то наподобие маникюра. Еще ни один парень до тебя не воспринимал мои слова всерьез.

Когда приехали родители, Нерина поделилась с ними идеями Айвара насчет сада. Он, в свою очередь, заметил, что в Эфиопии успел научиться всякому труду «на природе», поэтому они всегда могут рассчитывать на его помощь с дачей. Отец это воспринял настороженно, а вот Надежде Павловне его слова очень понравились.

— Знаешь, я думаю, что этот парень принесет нам радость, — искренне сказала она мужу, когда они оказались наедине, — Да и Неричка с ним будто расцвела.

Андрей Петрович посмотрел на нее исподлобья, ничего не ответив. Вместе с родителями, как выяснилось, приехала и Оля, с которой Нерина хотела обсудить планы на предстоящую свадьбу и выбор наряда. Семья решила, что мероприятие будет в конце

сентября или в октябре, чтобы собрать разбросанную по уголкам России родню.

Пока хозяйка вместе с Нериной и Олей хлопотала на кухне, Айвар прогуливался вдоль опушки, незаметно касаясь стволов и поддевая ногой рассыпанные по сухой земле сосновые шишки. Когда все было готово, Оля вышла из домика, чтобы его окликнуть, но невольно залюбовалась его странной задумчивостью. В это же время парень обернулся и почему-то смутился, будто его застали за какой-то детской забавой. Оля улыбнулась и помахала ему рукой в знак приглашения.

В саду к Айвару подошла и Нерина, потихоньку сказав:

— Знаешь, я тоже собираюсь присмотреть свадебное платье для Оли. Но это пока между нами! Думаю, им больше подойдет какой-нибудь оригинальный, этнический формат...

— Погоди, ты имеешь в виду ее и Данэ? — удивился Айвар. — Так у них что, все серьезно?

— Конкретно она ничего не говорила, но по-моему, все к тому идет! В последнее время Оля какая-то странная, я уверена, что она влюбилась. Если твой друг на ней женится, это же будет прекрасно! Свидетелями у нас они уж точно будут. Мне ведь еще не доводилось погулять на свадьбах, моя собственная будет первой! А следующая — у подруги, как полагается.

— Очень на это надеюсь, — отозвался Айвар, хотя выражение его лица показалось Нерине странным. Тем временем Надежда Павловна накрыла на веранде стол. Поскольку день был жаркий, она приготовила легкий, но изысканный ужин в честь открытия дачного сезона, из красочного овощного салата и запеченной рыбы с лимоном и душистыми травами. В этот раз все охотно отдали должное угощению и не скупилась на похвалы, и только Айвар почему-то в основном молчал.

11. Призвание, недостойное мужчины

— Что это вы сегодня какой-то рассеянный, молодой человек? — благодушно спросила Надежда Павловна перед чаем, разложив домашнее варенье из яблок, рябины и клубники по хрустальным розеточкам в форме птичьих гнезд.

— Кстати, Айвар, я давно хотел вас спросить, — заговорил Андрей Петрович, — чем вы в дальнейшем думаете заниматься? Все-таки эта ваша творческая деятельность в клубе вряд ли стодится для постоянной работы, согласны? Так что не стоит затягивать с освоением какой-нибудь специальности, ведь для получения вида на жительство это очень поможет.

— Вообще, если честно, одно желание у меня есть, — кивнул Айвар, и в его глазах неожиданно появился какой-то незнакомый Нерине прежде блеск.

Ее отец безмолвно предложил Айвару продолжать, и он заговорил:

— Я за больными хочу ухаживать. Давно, еще с тех пор, как в детстве родители меня иногда приводили к себе на работу. Они мне все откровенно рассказывали, особенно о тех, кто безнадежно болен, кого уже нельзя вернуть к полноценной жизни, можно только ее продлить и облегчить. Параличи, деменция, перелом шейки бедра, поздние стадии рака, — при таких недугах сильно меняется психика, и я не раз слышал от матери, сколько родным пациентов приходится из-за них страдать. Она к таким пациентам приходила уколы делать, массаж и еще какие-то лечебные процедуры, и видела, что семья там иногда находится на последнем издыхании. Вся бытовуха обычно достается кому-то из родных: перетаскивать с кровати на инвалидное кресло и обратно, выносить и мыть судно, подмывать больного, менять постельное белье, готовить по отдельной системе питания. Это мы еще не говорим о самых тяжелых случаях, например когда человек постоянно с катетерами. По-моему, всем этим должны заниматься специальные люди, а родственникам, у которых и так уже случилось горе, не стоит вовсе отказываться от собственной жизни. Вдобавок почему-то считается, что это исконно женское занятие, хотя тут еще какая сила нужна! И крепкая выдержка, а это все у меня есть...

— Айвар, да ты что, «Неприкасаемых» посмотрелся? — благодушно рассмеялась Оля, прервав его увлеченную речь.

Но Айвар не интересовался кино, поэтому смысл этой реплики не понял, и подкол неловко повис в воздухе.

— Ну хорошо, — промолвил наконец Андрей Петрович, — но все-таки почему именно это? И вы уверены, что справитесь?

— Во-первых, тут вряд ли будут смотреть на цвет кожи, — заметил Айвар. — Когда на руках тяжелобольной человек с помутившимся рассудком, неблагодарный, озлобленный, такое при возможности переложить на кого угодно. Вы же наверняка слышали, что лежачие больные склонны к хулиганству? И осуждать тут не за что! Ухаживать за таким пациентом — это сложная работа, в том числе психологическая, и навязывать ее членам семьи так же странно, как дать обычному человеку скальпель и гнать его к операционному столу. Во-вторых, врача из меня, конечно, уже не выйдет, но я не об этом мечтал. Я бы хотел когда-нибудь заниматься паллиативной помощью, то есть не лечением, а улучшением жизни и избавлением от болей для безнадежных. Начать хочу с простейшего, где не надо особой квалификации, а там и научусь хотя бы тому, что умели родители. В Эфиопии такое направление в принципе отсутствует, потому что там ты ценен только пока ноги тебя носят.

Потом все! Никому ты не нужен, на твое место пять новых народят. Вот отец с матерью и мечтали, что оно хотя бы поэтапно начнет зарождаться, и к населению будут относиться по-людски, а не как к расходному материалу, и все будут иметь право на лекарства, на наркоз, на чистую воду, на нормальное белье, и, прошу прощения, чтобы за ними убирали и мыли не хуже, чем за скотом. Да что там, скот в Эфиопии выше слабого человека ценится, его же еще можно доить и забивать.

Переводя дыхание, Айвар выпил немного чая и продолжил:

— Поэтому я и сейчас готов этим заняться. Если вдруг у вас есть знакомые, кому требуется приходящий санитар, то вы только скажите...

— Так я уже знаю, Айвар! — неожиданно воскликнула Оля. — У Митьки как раз дед недавно сломал шейку бедра. Ему поставили эндопротез, в принципе врач уже разрешает понемногу вставать и передвигаться с опорой, но он не желает. Тяжелый характер у старика, как раз о чем ты и говорил... С ними он жить не соглашается, даже временно, так что Митькиной матери пришлось взять отпуск за свой счет и мотаться к свекру на другой конец города — теплую еду возить, купать, менять белье и так далее. Митя говорит, она уже от усталости на черта похожа стала. Если ты им скажешь, они тебя с руками оторвут, это я тебе обещаю!

— Подожди, Оля, — вмешался Андрей Петрович твердым тоном, хотя Айвар расслышал в нем беспокойные нотки. — Не надо переживать за мать Мити: она правильно делает, что не жалеет времени и сил на близкого человека, иначе потом ей придется жалеть уже об упущенных возможностях — что не помогла, не успела, не сделала. И тревожиться, что собственные дети так же ее бросят.

— Дядя Андрей, какие дети? У нее один сын, и он ее не бросит, потому что очень любит своих родителей, — вежливо, но решительно возразила Оля. — Вы разве Митю плохо знаете? И почему привлечь постороннего человека для помощи больному означает «бросить его»? Они так и будут заботиться о дедушке, только он гораздо быстрее встанет на ноги.

— Тут Оля права, — мягко вступил Айвар, — я знаю, как выхаживать таких пациентов, и точно могу сказать, что с посторонней помощью процесс выздоровления идет гораздо легче. А кто кого бросил — так об этом, не зная всей ситуации и не будучи «с нимбом на голове» (тут он лукаво переглянулся с Нериной), вообще рискованно рассуждать.

Нерина понимающе улыбнулась, и отец, конечно, это заметил.

— Айвар, идея у тебя хорошая, спору нет, — заговорил Андрей Петрович, произвольно перейдя на «ты», — только все-таки смущает этот твой энтузиазм. Я понимаю, что в Африке жизнь тяжелая, страшная, и порог брезгливости из-за этого не такой, как у нас, но тем не менее... Я что хочу сказать: твои родители, конечно, молодцы, это великий труд, но ты не слишком его романтизируешь? Ты действительно уверен, что тебе по душе будет заниматься грязной работой, состоящей в обслуживании базовых потребностей другого человека? Знаешь, редкий мужчина способен это выдержать, да и потом, это все-таки не его стихия, ему положено заниматься чем-то результативным и созидательным. Так что смотри не обманись. Я верю, что физических сил тебе в самом деле не занимать, а вот насчет выдержки следовало бы еще подумать.

— Уж с выдержкой у меня точно все в порядке, — заявил Айвар и сделал утверждающий жест рукой. — Вы же помните, где я работал раньше, там была абсолютно такая же грязь, такие же отходы. И в собственной блевотине у меня на глазах едва не захлебывались, и морды били до крови, и травились всякими суррогатами, и нужду

справляли в невменяемом состоянии. А подтирать-то приходилось нам. Да и к проституции я всегда так же относился, мне было жаль этих женщин, которым больше некому открыться. Поэтому я готов был лишний раз потерпеть. К тому же, секс не только снимает напряжение, но и помогает выявить хронические болезни, и если уж я сам не испытывал радости от этого занятия, то пусть оно могло в будущем кому-то пойти на пользу, — Айвар, казалось, все больше говорил в такт собственным мыслям, забывая о собеседниках. — Я всегда готов был что-то посоветовать, и если было совсем невмоготу, говорил себе: это просто процедура для облегчения организма, типа кровопускания, например, или рвоты. Ведь в основном...

Тут Айвар осекся и неуверенно произнес:

— Прощу прощения, я, кажется, наговорил лишнего...

Все присутствующие к этому времени давно безмолвствовали, пребывая в полном замешательстве, и когда Айвар наконец остановился, никто сначала не знал как разрядить сгустившуюся мутную тишину.

— Нет, почему же, — проговорил наконец Андрей Петрович каким-то отстраненным тоном, — как раз все то что надо... Только уволь нас от дальнейших физиологических аллегорий, а то они у тебя продвигаются в угрожающем направлении.

Айвар растерянно посмотрел на него и сказал:

— Да, конечно... Можно я отойду покурить?

Не дождавись ответа, он быстро пошел к старой беседке, стоящей поодаль от домика. Мать Нерины и Оля продолжали неловко молчать, а отец неожиданно произнес:

— Неричка, а ты, пожалуйста, сходи со мной на кухню, я тебе покажу документы на дачу, которые мы с мамой недавно переоформили.

Девушка сначала посмотрела на мать, и та еле заметно кивнула ей, словно говоря, что сейчас не время спорить. Она безропотно отправилась вслед за Андреем Петровичем, и когда они пришли на кухню, он решительно взял ее за плечо и сказал:

— Теперь ты все поняла?

— Что я должна понять, папа? — устало спросила Нерина.

— То, что твой Айвар глубоко не в себе, вот что! Я-то думал, что все это вылезет гораздо позже, что у него хотя бы хватит хитрости подержать язык за зубами. Но похоже, там уже есть проблемы с самоконтролем. Что я тебе говорил в прошлый раз? Можешь считать, что он все подтвердил, все! Ты слышала этот бред про кровопускание и рвоту? Тебе встречался хоть один нормальный молодой человек, который бы так называл естественные отношения между мужчиной и женщиной? Те, от которых, между прочим, рождаются дети, новые жизни?

— Папа, он говорил не об отношениях, от которых рождаются дети, он говорил о торговле телом! Там нет ничего чистого и прекрасного, и быть не может. Ты сам на пальцах разъяснял мне, зачем женщины ходят к таким парням, — возразила Нерина, беря себя в руки: спорить с отцом ей всегда было нелегко.

— Да он не знает ничего другого, как ты не понимаешь? Он не представляет, что это может быть чистым и прекрасным! Я не знаю, что он сейчас к тебе испытывает, но со временем он начнет так же относиться к тебе, как ко всем этим женщинам, за которыми он, по своему выражению, «грязь подтирал». Нет, даже гораздо страшнее, потому что они далеко, а ты будешь под боком. И в лучшем случае он начнет сливать свою агрессию где-нибудь в другом месте, но не потому, что любит и ценит тебя, а потому, что ваш брак выгоден именно ему, а не тебе. А в худшем — сама можешь представить...

Нерина не знала что сказать. Слова Айвара слишком ее обескуражили, задев что-то глубоко личное. Конечно, она во многом не была согласна с отцом: Айвар и агрессия? Айвар и выгода? Бред, ничего более несовместимого и придумать нельзя. Но то, что он говорил о сексуальных отношениях... Неужели он имел в виду и ее? Ну, предположим, особой радости она ему действительно пока не могла доставить в силу отсутствия опыта и темперамента, это было понятно. Но неспособность?! Неужели он только потому и был так сдержан и непритязателен, а вовсе не ради ее комфорта? Пока Нерина не могла во всем разобраться, и чтобы немного перевести дух, спросила:

— Я верно услышала, что ты еще что-то про хитрость сказал?

— Да, дочка, — грустно ответил мужчина. — Мы все-таки не можем исключать и такую возможность, что он тебя присмотрел по вполне приземленным мотивам. Сама подумай: ты питерская хорошая девочка, с которой можно зацепиться и за жилье, и за перспективы, и за гражданство. И хотеть выкарабкаться из его ужасной страны — нормально, кто бы за это осудил, глядя издалека... Нет, я в этом совсем не уверен, для его воспаленного ума это было бы слишком рационально. Но вот на твоей свадьбе, если ты все-таки не опомнишься, многие будут подозревать и перемалывать именно эту версию. Просто имей это в виду. Кстати, боже мой, страшно представить, что он еще на свадьбе может ляпнуть...

— Ох, папа... — тихо промолвила Нерина, присаживаясь на табурет и отрешенно глядя в стену.

— Что папа, дорогая моя? Я просто говорю то что есть, мне жаль, что нечем тебя порадовать. Если бы ты не была в розовых очках, как любая увлеченная девочка, ты бы тоже давно все про него поняла, по тому, как он смотрит, как выпадает из реальности ни с того ни с сего, как у него губы шевелятся когда он молчит. Ты пока не видишь, а я все это увидел. И его любовь к горестным стихам тоже совсем не добрый знак, не этим должны интересоваться молодые, жизнерадостные, жизнеспособные мужчины.

— А чем они должны интересоваться? — вдруг спросила Нерина с вызовом. — Пивом, пошлыми шутками про баб и проходным сексом, как некоторые? Это, по-твоему, основа ценностей нормального мужчины?

Упоминание про пиво было совсем не к месту: Нерина знала, что Костя его терпеть не мог, но ей очень хотелось принизить бывшего возлюбленного до ненавистного ему «пролетарского» уровня, лишить его образ всякого романтического налета.

Андрей Петрович вздохнул и произнес:

— По крайней мере, это естественнее, чем интересы твоего Айвара. Знаешь... неприятно тебе об этом говорить, да и не вполне корректно, что уж там, но я это сказать обязан, как твой отец. Я ведь собрал кое-какие сведения — ты же там, в этой поездке, была не одна, а твои товарищи не слепые, и они тоже с местным контингентом пообщались. Ты знаешь, что болтунов, увы, хватает везде, но иногда они бывают полезны.

— И что же ты мог узнать более ужасного, чем то, что мы и так знаем?

— Например, то что этот твой Айвар, по слухам, некоторых обслуживал за коробку конфет. Это, по-твоему, нормально? Другие хотя бы цену себе знали!

— По-твоему, в том, что женщина покупает мужчине конфеты, есть что-то чудовищное?

— Нет, если ему больше шестидесяти лет, он ее бывший учитель или врач и ему здоровье не позволяет принять в подарок хороший коньяк или сигары. Когда же в отношениях присутствует секс, это недопустимо. И я вижу, что этому парню не нужна ни

нормальная работа, ни здоровые отношения, его устраивает принимать подачки за то, что он освобождает других людей от их естественного долга и помогает им стать паразитами, выше всего ставящими собственное удобство!

— Ну ты молодец, папа, — вдруг произнесла Нерина, налила воды в стакан и опрокинула его в себя одним махом. — Так все извратить... Не думала, что ты опустишься до обсуждения грязных сплетен, гордо именуемых «сведениями»! Я бы не удивилась, если бы мама такое отколола, но ты!.. Где же все твои хваленые понятия о мужской и женской модели поведения?

Андрей Петрович перевел дыхание и ответил:

— Прости, дочка, я перегнул палку, конечно, но я просто не знаю, как тебя уберечь от роковой ошибки. Ты не понимаешь, что собираешься на себя взять, когда всерьез говоришь об этом замужестве! Если тебе жаль этого парня, то пойми: мужчине, которому досталась тонкая душевная организация, желательно всю жизнь пребывать в тепличных условиях, состоять каким-нибудь живописцем или поэтом при властной и деловой женщине-меценате. Иначе он либо рассудком тронется, либо попадет в беду, или все сразу, как у этого бедолаги. Я не знаю, можно ли ему как-то помочь, но ты явно не та женщина, которая на это способна. Нери, ты сама слишком необычная девочка, слишком чувствительная, слишком глубокая. Боже мой, да всего в тебе как-то «слишком», проглядели мы с мамой тебя, ох проглядели... Но хоть будущее свое не губи, я тебя прошу!

Последние слова отец сказал совсем тихо, но при этом очень строго и внимательно смотрел в глаза Нерины, такие же черные, как у него самого.

— Папа, давай завершим этот разговор, — твердо сказала девушка. — Знаешь, если уж на то пошло, то я вообще не понимаю, за что ты сейчас записываешь Айвара в ненормальные! Что он такого сказал что бы не было правдой? Вот что? Все гулящие мужчины, да будет тебе известно, оправдывают свое мерзотное поведение именно тем, что «это всего лишь природа и физиология», перед которой любой человеческий облик бессилён. Я такое лично от кое-кого слышала. А у Айвара это, по крайней мере, в прошлом! Кстати, самое главное — то, что он планирует помогать действительно больным и несчастным людям, — ты, похоже, вообще не услышал!

Она вывернулась из-под руки отца и быстро пошла прочь из кухни.

В дверях, ведущих на задний двор, Нерина чуть не столкнулась с Айваром. Он обнял ее за плечи, но избегал смотреть ей в глаза, и она вынуждена была осторожно взять его за подбородок и заглянуть ему в лицо.

— Что не так, Айвар? Что тебя тревожит, скажи? — спросила его девушка с напускной безмятежностью.

Парень благодарно улыбнулся, но эта улыбка выглядела нервной и утомленной.

— Ничего, Нери, просто я, кажется, допустил ошибку. Мне, наверное, лучше сейчас поехать в город, переночую там, пока все уляжется.

— Да ты что?! — воскликнула Нерина. — Думать об этом забудь, никуда я тебя не отпущу...

— Нери, — сказал Айвар все таким же ласковым, но не допускающим спора тоном, — меня нельзя «не отпускать», я давно не ребенок. Я потом спокойно поговорю с твоим папой, он обязательно поймет, что я не хотел сказать ничего плохого. Но сейчас у меня не получится привести мысли в порядок, я, знаешь, как будто выдернул из пирамиды кубиков один нижний, и она развалилась... Теперь пытаюсь все рассыпанное как-нибудь уложить

обратно. Побудь тут с ними сегодня, хорошо?

Не дожидаясь ответа, он поцеловал ее и быстро через коридор пошел к веранде, где все еще сидели Надежда Павловна и Оля. Куда за это время вышел Андрей Петрович, Нерина не сообразила.

Когда Айвар неловко извинился перед матерью Нерины, Оля сказала:

— Я сейчас Митьке позвонила, Айвар, он обещал подъехать. Он как раз тоже был за городом, отец ему разрешил взять машину и отвезти нас в Питер. Подождем у автобусной остановки, я с тобой поеду. По дороге и поговорим насчет работы.

— Да зачем, Оля? — смутился парень. — И ему в город мотаться, и тебе-то с чего вдруг уезжать? Я бы и своим ходом добрался, а ты лучше оставайся с Нери.

— Только меня им сейчас не хватает для полного счастья, — отмахнулась девушка, надевая джинсовую куртку. — И нечего тебе вечером одному ехать в электричке, мало ли...

Когда они пошли к остановке, Айвар робко улыбнулся:

— Спасибо! Извини, что все так получилось, Оленька, я не хотел портить вечер. Сам не понимаю, что на меня накатило.

— Да уж, Айвар, нашел ты время напоминать им о прежней работе. Хотя я во многом с тобой согласна, — сказала Оля, ободряюще похлопав его по плечу. — Но если честно, своей мечтой ты меня все-таки удивил. Неужели тебе вправду хочется заниматься уходом за тяжелобольными?

— Ну да. А что, ты тоже считаешь, что это «не мужская стихия»?

— Раньше считала: во-первых, в России такой труд относится к «низким», и по престижу, и по зарплате, а мужчины на такое идут неохотно. А во-вторых, это просто не в наших традициях. Увы, все, что как-то связано с гуманизмом, считается бабским уделом.

Тут она с печальной улыбкой развела руками.

— Так рассуждать могут только те, кто никогда не слышал ни о Госпитальерах, ни о Милосердных братьях Ордена Иоанна Божьего, ни о петербургском институте братьев милосердия, — строго сказал Айвар. — А вот мой отец, пока был студентом, прочитал все о них, что удалось найти в библиотеках. Конечно, и там не обходилось без невежд и приспособленцев, но основу составляли уважаемые, образованные мужчины. Они не только спасали людей на войне, но и занимались наукой, и продвигали медицину по всему миру, в том числе и в Африке. Если бы не они, неизвестно, в каком количестве и состоянии сейчас пребывала бы человеческая популяция. Делить труд на «низкий» и «высокий» — это вообще дело сомнительное, Оля, а уж сохранение жизни и благополучия человека, забота о его физическом и душевном здоровье в нормальном государстве должны быть в приоритете. Страна, в которой мужчины брезгуют такими вещами, считая, что болезни и грязь должны как-нибудь сами рассасываться, идет по очень нехорошему пути.

— Да, Айвар, ты прав, особенно насчет последнего. Ладно еще Митькина семья, но я видела и тех, кто умудрялся спихнуть своих парализованных родителей бывшим женам, которых давно бросили ради счастливой новой жизни, — усмехнулась Оля. — А что, у вас в семье эта профессия передается по мужской линии?

— Нет, папа был первым, по крайней мере из тех, кто пошел по-настоящему учиться. Дед, правда, знахарствовал, но в Африке это дело поровну лечит и калечит, и то в лучшем случае. А вот бабка со стороны мамы была сельской повитухой, но не только принимала роды, а и промышляла абортами. И сколько там было жертв, никто и не подсчитывал, — мрачно сказал Айвар, — так что в семье у меня не все так однозначно. Но родители были

медиками по призванию, и если бы не ушли так рано, то оставили бы после себя в Эфиопии целую школу, это я точно говорю.

— Но ведь остался ты, — тепло сказала Оля и дотронулась до его плеча, что почему-то особенно его обрадовало. — Я думаю, ты обязательно найдешь тех, кто тебя понимает, и сделаешь еще собственную школу. А дядю Андрея ты не слушай, мудрость, конечно, приходит с годами, но не всегда...

Остаток пути она занимала его разговором про предстоящие события в клубе и прочие отвлеченные предметы, и на душе у Айвара стало более-менее спокойно.

12. Болевые сигналы

Андрей Петрович все же проявил восточное терпение и не препятствовал дальнейшим приготовлениям к свадьбе, хотя отношения с Айваром у него стали совсем натянутыми и никакого нового разговора так и не состоялось. Зато с работой в семье Мити Амелина легко удалось договориться. И с этого времени Айвар открыл еще один мир, показавшийся гораздо более теплым и уютным, чем дом Андрея Петровича Ли. Квартира старика в пестревшем разноцветными балконами панельном здании на одном из «отшибов» города, среди зеленых насаждений, выглядела обителью старины, порой живущей на последнем издыхании. И все же в этой обстановке просматривалась душа — замкнутая, грубая, простоватая, но добрая, как и сам хозяин. Ветхие салфетки и скатерки на советских комодах, скрипучий зеркальный трельяж, матерчатый абажур, толстый ковер на стене и другие осколки прежнего уюта теперь только напоминали об ушедшей хозяйке дома и канувшей в небытие эпохе.

Родители Мити оказались очень приветливыми людьми, оба были заметно моложе Андрея Петровича и попросили называть их просто Юрой и Таней. И мать, и отец были безмерно рады, что удалось найти санитар-мужчину, так как для ухода за дедом нужны были силы, а кроме того, пациенту в силу самолюбия претила беспомощность перед женщиной. Из-за этого он срывался на невестку, и нередко она приезжала домой в слезах.

Они рассказали Айвару, что дедушка Гриша, как его звали в семье, прежде был футболистом, а потом тренером небольшого клуба, всегда вел очень активный образ жизни, не доверял врачам и вынужденная неподвижность стала для него настоящей трагедией. У него всегда был непростой характер и склонность к суровой крестьянской прямоте, граничащей с грубостью, и все же родные его любили. С Олей и Нериной он тоже был в давней дружбе, учил их полезным физкультурным упражнениям, помогал исправить детский сколиоз.

Уяснив все это, Айвар предвидел, что в первый день от деда Гриши не придется ждать терпимости и благодарности, но это его не смущало. Его попросили приезжать по будням, с половины восьмого утра до шести вечера, а потом, в нерабочее время, Митя или его мать готовы были подменить.

В связи с этим Айвару, конечно, пришлось снять с себя часть работы в клубе, что немного расстроило Даниэля. Но главным образом тот не одобрял сам характер новых обязанностей друга, совсем не разделяя его радости от скорого трудоустройства.

— Иви, ничего, если я щекотливый вопрос задам? — осторожно сказал он. — Тебе не кажется, что для негра такая работа выглядит двусмысленно?

— Это и есть щекотливый вопрос? — усмехнулся Айвар. — Ты что, про генную память о рабстве собрался потолковать? А я-то к ней какое имею отношение? Русские же не комплексуют из-за крепостного прошлого, и никто им таких вопросов не задает.

И оказалось, что в разговоре на даче Айвар был прав: выдержка его не подвела и он быстро нашел контакт с дедом Гришей. Пару дней тот постоянно норовил нагрубить ему, не гнушаясь и расовыми подколами, но пронять парня ни разу не удалось. В конце концов старик впал в апатичное и плаксивое настроение и выложил Айвару откровенно все горькие мысли о том, как он почувствовал себя обузой для семьи. Тот, терпеливо все выслушав, попросил научить его играть в шахматы, и за этим занятием их и застал Митя. Тогда он сказал Айвару, что впервые после перелома увидел своего деда снова улыбающимся.

И понемногу Айвар приучил старика к послушанию, необходимому в деликатных процедурах, которые прежде были мучением и для него, и для невестки, — присыпание опрелостей, обертывание ног противоварикозными бинтами, дыхательные упражнения вроде надувания воздушных шаров. Несоблюдение таких реабилитационных мер, как прекрасно знал Айвар, могло свести на нет все ресурсы даже в изначально здоровом организме. Все остальные обязанности, вроде перестилания и стирки простыней, покупки диетических продуктов и контроля за приемом лекарств, были не такими уж и сложными для молодого юноши.

Когда у них завязалась дружба, дед Гриша рассказал парню и о своей спортивной юности, и о веселых буднях на тренировках, и о памятных победах и поражениях, и о покойной жене, Митиной бабушке, по которой он все еще тосковал, и о том, как сын не оправдал его надежд, отказавшись от спорта и, разумеется, неправильно женившись, и о том, что внук тоже с детства рос хилым, уткнувшись в книжки вместо того, чтобы гонять мяч, как все нормальные пацаны (хотя Айвар видел, что эти колкости старик говорил по привычке, установленному ритуалу, а на самом деле он давно уже все простил и понял).

Работа очень увлекла Айвара, и он уже думал о том, чтобы пойти на курсы сестринского дела и получить сертификат. Мысли о грядущей свадьбе немного отошли на второй план, хотя он, конечно, не забывал о невесте, постоянно ей звонил и делился новостями.

Нерина в это время с виду вела себя спокойно, но инцидент на даче не шел у нее из головы. Они подали заявление и получили маленький листок бумаги с узорным обрезом, на котором изящными буквами было написано приглашение на церемонию. По вечерам девушка часто вынимала его из своей сумочки и раз за разом рассматривала, стараясь пробудить в себе эмоции, которые положено испытывать невесте на пороге новой жизни.

Покупка свадебного платья прошла быстро, без метаний по магазинам, бесконечных примерок и часов раздумья, что же выбрать из белоснежного великолепия, напоминающего витрину с зефиром. Нерина сразу отвергла белое и, вопреки лекциям матери и шуткам Оли, предпочла бледно-голубое платье без лишнего декора, кроме скромной кружевной отделки на воротничке и рукавах. Его дополняли прелестные перчатки-митенки из такого же кружева и белая лента для волос.

Кроме того, Айвар в день подачи заявления подарил ей кулон из эмали зеленовато-синего цвета, схожего с северным сиянием, который прекрасно оттенял лаконичность наряда. Все это очень шло к светлой коже сливочного оттенка и иссиня-черным волосам Нерины, а также сочеталось с «парадным» узорным пиджаком Айвара, и покупать специальный костюм жениху не пришлось.

Также девушка настояла на скромном торжестве в более узком кругу, чем планировалось прежде, и Айвар в этом был с ней солидарен. Если мать попрание традиций расстроило, то Андрей Петрович был заметно удовлетворен.

Вначале тяжелые мысли одолевали Нерину только вдали от жениха, но постепенно душевный раздор стал выплескиваться наружу. Однажды они с Айваром пошли в кафе вместе с Митей и Олей, и там он заговорил о том, как отмечают свадьбы в Аддис-Абебе и эфиопских деревнях. Его рассказы были совершенно безобидными, но Нерина посередине его речи вдруг поднялась и отправилась в дамскую комнату. Она пробормотала что-то так невнятно, что никто и не разобрал.

Айвар растерянно поглядел на ребят. Оля вздохнула, а Митя, положив ладонь поверх его рукава, мрачно сказал:

— Ты не видишь, что она не хочет, чтобы ты напоминал ей об Эфиопии?

Парень спросил, как-то беспомощно усмехнувшись:

— То есть, я должен сделать вид, что никогда там не жил?

— Ну да, — невозмутимо кивнул Митя, — а в идеале вообще сойтись на том, что познакомились вы в Интернете или в уютном питерском клубе одиноких сердец. Ладно, Нери всегда была с заскоками, а сейчас у нее к тому же предсвадебный мандраж, так что не кисни.

Однако «не киснуть», а точнее не замечать перемен в поведении невесты уже не получалось. Конечно, Айвар чувствовал, что его прошлое тяготит Нерину, и это уже понемногу выливалось в конфликты — не так давно она решила изучить его страницу в социальной сети, где он изредка обменивался поздравлениями со знакомыми русскими девушками, в том числе с Ларой. Ни о каких дальнейших контактах речь, конечно, не шла, но он считал, что начать игнорировать их просто некрасиво. Нерина почему-то заинтересовалась именно страницей Лары и нашла там фотографии из Эфиопии, в том числе со знакомой ей самой улицы. Поняв, что к чему, она вызвала жениха на серьезный разговор и настоятельно попросила заблокировать «этих людей». Айвар ласково, но твердо заверил ее, что не намерен встречаться с ними, однако привык быть культурным и благодарным и в плохие, и в хорошие времена.

Но все чаще он дома у Даниэля уединялся на балконе, курил и размышлял: хочет ли он сам, как требует Нерина, вычеркнуть из жизни целые годы и пласты знаний, чувств, поисков мира и лада с собой? И что придет взамен? Он очень смутно воображал их будущий семейный быт, хотя какое-то подобие этого опыта они все же получили. Родители, когда Андрей Петрович взял отпуск, перебрались на дачу, и Нерина стала приглашать Айвара на городскую квартиру в выходные. Но это место все больше его угнетало, особенно комната невесты, которая казалась ему похожей на пещеру, — матовые голубые обои напоминали болезненную синюшность, деревянная рулонная штора на окне будто перекрывала воздух, от искусственного пламени в настольной лампе болели глаза. А когда Нерина поведала ему, что в школьные годы баловалась гаданием перед зеркалом, Айвару стал чудиться запах горелого воска.

Наводила тоску и пустая кухня: Нерина очень своеобразно уяснила советы матери, запомнив, что при мужчине не стоит есть самой, но не научившись ни готовить, ни планировать меню, ни закупать продукты. Коротая время в городе одна, девушка покупала йогурты, фрукты, сок и зеленый чай, и к приезду Айвара совсем не учитывала, что молодому сильному мужчине этого явно будет недостаточно. Иногда она могла заказать суши или китайскую еду, но Айвар уже к вечеру снова чувствовал себя голодным и после пары таких визитов стал привозить с собой продукты, причем Нерина от них не отказывалась. Он подумывал о том, не стоит ли намекнуть, что ему не жаль денег на еду для обоих, но по меньшей мере странно принимать так гостя, тем более жениха. И неужели ей самой не хочется порадовать и себя, и своего мужчину простыми блинчиками с вареньем или горячими бутербродами на завтрак, когда это недорого, быстро и приятно?

Но Айвар от природы был очень деликатен и сказал себе, что все это, в конце концов, несложно потерпеть. Была еще одна проблема, которую он счел более серьезной, — в их близости стало происходить что-то совсем странное. Ему казалось, что уже не он, а Нерина выполняет не особо приятную обязанность, предоставляя ему свое тело для банальных манипуляций и будто надеясь поскорее с этим закончить. Со временем это уже не столько

обижало, сколько тревожило Айвара: что если дело не только в комплексах, но и чисто гинекологических проблемах, вроде серьезного воспаления? Но когда он пытался объяснить с ней, девушка будто его не слышала, настаивая, что суть секса состоит в мужской разрядке и женщина служит только как инструмент для нее. Если цель достигнута, то о чем беспокоиться и к чему лишние детали?

— Нери, но все-таки почему я один стараюсь? — спросил он однажды с досадой. — Тебе что-то неприятно? Или больно? Так ты скажи! Не надо отмалчиваться, будто это нужно только мне и я отвлекаю тебя от более важных дел!

Нерина впервые за время их безмятежного общения вспыхнула и парировала:

— Да что за выдумки из журналов, Айвар? Да, это в основном нужно мужчине, поэтому логично, что он и должен стараться. Для женщин это житейская необходимость, если только они не страдают бешенством матки. Но я-то, слава богу, нормальный человек, и странно, что ты этого не ценишь. Если женщина лезет на стенку от желания, это значит, что она готова лечь под всякого! Какая из нее после этого жена и мать?

— Что ты говоришь! — усмехнулся Айвар. — Желание делать приятно близкому человеку — это, по-твоему, тоже болезнь?

— А много ты сам об этом знаешь? — бросила в ответ девушка.

Не ответив и впервые почувствовав нечто похожее на злость, Айвар отвернулся и пошел к двери в коридор. Тут девушка опомнилась и бросилась ему на шею:

— Ну не сердись, Айвар, я знаю, что у меня плохой характер, но не надо ссориться!

Она растерянно посмотрела на него и ее глаза вдруг наполнились слезами, словно у провинившегося ребенка. Его гнев тут же развеялся, уступив место жалости и неловкости.

— Все хорошо, Нери, успокойся, — мягко заговорил он, погладил ее по волосам и поцеловал в затылок, — я сам иногда болтаю не дело, так что ты меня тоже извини. Нет у тебя сейчас настроения, ну и ладно, давай займемся чем-нибудь другим.

Айвар поставил на кухне чайник, достал из холодильника мороженое, которое принес с утра, и присел к столу в невеселых раздумьях. Стоящая в эти дни городская жара усугубляла мутное настроение: за все годы жизни в Африке он так и не привык к зною, который пеленой висел меж домов, впитывая многообразные запахи людских будней. Здесь, у окна, было немного легче, и Айвар старался привести мысли в порядок, напоминал себе об уютных беседах с Нериной в эфиопских кофейнях, о поездке в деревню, где она показалась такой наивной, доброй и беззащитной, о ее трогательной боязни перед близостью. Тогда ему вроде и не надо было ничего другого, и в голову не приходило, что Нерина не та женщина, которая может разбудить в нем настоящую чувственность.

Впрочем, прежде он вообще не думал, что «та» женщина где-то существует, считая, что изучил их со всех сторон в самом правдивом и грубом смысле. Секс как таковой ему казался биологической функцией, значение которой в жизни человека сильно переоценено культурой и обществом. И именно поэтому Айвар не боялся, что когда-нибудь впадет в искушение и изменит Нерине: ему казалось абсурдом разрушить серьезные отношения ради того, чтобы потрогать еще одно женское тело, когда все они, в принципе, скроены по одному образу и подобию. Да, Нерина — хрупкая брюнетка, а ее подруга Оля — более уютная блондинка, но вот и вся разница...

Или не вся? В последнее время Айвару все чаще становилось не по себе во время совместных прогулок с ребятами, он все больше наблюдал за отношениями своего друга и Оли, замечая, что девушка спокойно реагирует на все заигрывания Даниэля, и не понимая,

почему это его так волнует. Нерина говорила, что та наверняка влюбилась, но ведь чувства у всех проявляются по-разному. И что если эта скромная питерская девушка просто не любит выставлять эмоции напоказ, а на самом деле у них все уже сладилось? Чтобы избежать откровений Даниэля, Айвар даже старался побольше времени проводить у деда Гриши и за делами вне клуба. Но и там молодого африканца тревожили какие-то совсем неуместные перед собственной свадьбой мысли: он то и дело находил повод позвонить Оле, чтобы посоветоваться насчет подарка Нерине, музыкального проекта или интересного маршрута в Питере. А к ее дню рождения Айвар купил очень простые золотые сережки, но почему-то не решился подарить их в присутствии других гостей и оставил на трельяже в ее комнатке. И однажды он задумался: а что будет, если гипотетически он и впрямь влюбится в другую женщину, уже будучи в этом странном браке с Нериной? Удастся ли тогда избежать настоящей трагедии для них обоих?

В конце концов Айвар не выдержал и даже поделился этими страхами с Даниэлем, разумеется, не упоминая про Олю. Тот, вопреки своей обычной манере смотреть на вещи просто и с юмором, сказал другу очень серьезно и мягко:

— Да разведешься в таком случае, и все. Уж всяко лучше, чем потихоньку налево бегать. Но вообще-то, Иви, влип ты, конечно. Нет, я-то тебя понимаю! Там она тебе казалась ангелом, а теперь ты увидел настоящую жизнь и сообразил, что в жены берут не за это. Только как ты это потом будешь ей объяснять?

Однако развод для Айвара выглядел не лучше тайной измены: ну как нанести этой ранимой, незащитной, эмоционально зависимой от него девушке такую обиду? Поэтому он сказал себе, что обязан сохранить их брак, хотя бы из чувства вины и порядочности, а там, быть может, все и наладится.

Айвар даже набрался решительности и сказал Нерине при следующем свидании:

— Послушай, Нери, я подумал, что нам уже стоит начать подыскивать жилье. Сейчас мы вполне потянем маленькую квартиру и будем там себя чувствовать самостоятельными, а то сколько мне еще у Данэ жить?

Однако Нерина, к его удивлению, помялась и ответила:

— Я подумала, что первое время после свадьбы нам все-таки лучше пожить у родителей. Папа уже понемногу привык, а мама так и вовсе очень мило о тебе отзывается, словом, мне кажется, что они будут не против.

Однако Айвара эти слова просто ошарашили, и лишь после паузы он произнес:

— Нери, ну ты что? Какая это будет жизнь? Я им чужой, я буду их раздражать! А хозяйство, в конце концов? Раздельные полки в холодильнике заводить, что ли?

— Это совершенно нормальная форма семейной жизни, Айвар, которая намного старше всех так называемых гражданских и гостевых браков, — парировала Нерина. — Старше и здоровее! И если бы твои родители были живы, ты тоже хотел бы жить с ними. Куда нам спешить?

— Как куда? Я ведь говорил тебе, что хочу получить образование и поработать в Эфиопии, потому что здесь медицина уже на достойном уровне, а там ее еще тянуть и тянуть. Ради этого мои родители и учились, и этим надо заниматься, пока мы еще молоды и здоровы! Ты же обещала, что поедешь со мной, ты говорила, что специально выбрала профессию, с которой можно увидеть мир и экзотические страны.

— А тебе здесь уже надоело? Ты что, заскучал с непривычки? Айвар, не надо торопить трудности и приключения на пятую точку, пока есть возможность пожить хорошо. Зачем

тебе возвращаться туда, где тебя знали, скажем так, не с лучшей стороны? Как мне вести себя, если нам будут попадаться твои старые знакомые? Об этом ты совсем не подумал? А климат? Когда у нас будут дети...

— Я ведь уже говорил на эту тему, — прервал ее Айвар. Эта неожиданная резкость смутила Нерину, но она все же решительно ответила:

— Айвар, ну я тоже раньше думала, что не хочу себя связывать, но после свадьбы эти желания неизбежно появятся. Просто у мужчин отцовский инстинкт просыпается гораздо позже, зато потом они в детях души не чают. Папа сам мне об этом рассказал.

Против этого Айвар не знал что и возразить и предпочел свернуть разговор, хотя перспектива подселаться к ее семье очень его удручала. А тем временем повеяло уже прелестью ранней питерской осени и близилась заветная дата. В приготовления Айвар старался не вникать и только попросил Нерину обойтись без чрезмерных трат, чтобы впоследствии можно было вернуть ее отцу хоть часть долга. Сталкиваться со старшими он избегал и даже не слишком расстроился, когда в конце августа вся семья уехала на пару дней в Псков, на пышный юбилей какой-то родственницы Надежды Павловны. Та, узнав, что Нерина выходит замуж, изъявила желание познакомиться с ее избранником, и девушка считала, что Айвара нужно представить родне как официального жениха. Но отец категорически возразил, под предлогом, что там будет много маленьких детей, которые могут просто его испугаться. «У вас вся жизнь впереди для семейных знакомств, не так ли, Неричка? — многозначительно сказал он. — Если вы любите друг друга, то сумеете подождать». Все эти аргументы казались Айвару спорными, но он снова заверил невесту, что все в порядке.

13. Тайна маленького тотема

Тем более странным и неожиданным для Айвара оказалось предложение от будущего тестя за пару недель до свадьбы отметить «прощание с холостой жизнью» на какой-то базе в Ленинградской области, где были просто чудесные условия с инфраструктурой и озерами.

— Что это за причуды, Андрей Петрович? — спросил Айвар удивленно. — С кем мне отмечать-то, только с Даниэлем и Митей? Большим количеством друзей я тут пока не обзавелся. И потом, я мало пью, мужицкими забавами не увлекаюсь, так что мне это просто ни к чему.

— А что, кроме пьянок и драки в свадебных обычаях нет ничего интересного? — спросил отец Нерины с необычным благодушием. — Дело в том, что это не просто база: там проводят молодежные фестивали дружбы народов, и на них собираются ребята из разных питерских диаспор. Ты там пообщаешься со сверстниками из Эфиопии и других африканских стран, которые давно здесь живут. Они с тобой поделятся опытом, как здесь лучше устроиться с работой, с досугом, ну сам понимаешь. И наверняка просто найдется о чем поговорить. Тебе же нужен будет новый круг общения, раз ты собираешься здесь жить, так что прислушайся к моему совету.

При этих словах Андрей Петрович даже слегка прикоснулся к плечу Айвара, первый раз удостоив его таким добродушным жестом. Это весьма удивило юношу, но все же он решил, что это хорошая примета.

Нерине новость об этом мероприятии не очень понравилась: она боялась, что там Айвар может столкнуться с приятелями Кости из корейской диаспоры, а то и с ним самим, так как ее бывший парень всегда был не прочь посетить такие сборища. Сама она не любила шумихи и сказала жениху, что останется дома. Поэтому на базу Айвар поехал вместе с Даниэлем, и время они в самом деле провели неплохо. Фестиваль был очень большим и веселым, и Айвар от присутствующих там молодых африканцев услышал много не только интересных, но и поучительных фактов.

Этот выезд состоялся в пятницу, а в понедельник вечером, когда Нерина засиделась у Оли и просила не ждать ее к ужину, в дверь ее квартиры неожиданно позвонили.

Двое незнакомых людей представились менеджерами базы, где проходил фестиваль, и сообщили, что приехали к Андрею Петровичу Ли по конфиденциальному вопросу. По их словам, по окончании мероприятия на базе произошла крайне неприятная вещь. В той секции, где развлекалась в основном молодежь из Африки, на ярмарочных столиках и в урнах во время уборки нашлось несколько леденцов и конфет с коноплей, а также оберток от чайных пакетиков и банок из-под газировки с такой же символикой, явно привезенных из-за рубежа. Их было не так много для уголовной статьи, но достаточно для крупных штрафов и прочих неприятностей, которые могли грозить организаторам. Предупредить эту семью просила девушка, которая была на фестивале волонтером и присматривала за порядком. По ее словам, она училась вместе с Нериной Ли в институте и боялась, что этот инцидент может навлечь беду и на нее.

Менеджеры назвали имя девушки и родители действительно ее немного знали, но причина прихода к ним все еще оставалась неясной.

— Будьте добры, поясните, что по этому поводу можем знать мы? — сухо, но с затаенной тревогой спросил мужчина. — Моей дочери там не было, этот факт есть кому

подтвердить. И наша семья никогда не была замечена даже в самых мелких нарушениях порядка. Уж в этом могу вас заверить!

— Да дело вот в чем, — помявшись, ответил один из незнакомцев, — вашей дочери там не было, тут все верно, но зато, по словам этой знакомой, был ее парень, африканец. По крайней мере, она нам говорила, что вы его хорошо знаете и у них будто уже свадьба не за горами. Я-то этого парня отлично запомнил, у него тату на шее приметное. Эта девушка сказала, что наблюдала за ним немного и он почему-то сразу вызвал у нее подозрения. А потом еще и такая находка, и именно там, где он больше всего тусовался. Не хотелось бы никого обижать, но африканцы там вообще вели себя слишком уж весело, наводит на размышления.

— Одно непонятно: как эту дрянь могли пронести? — заговорил второй. — Правда, мероприятие проходит при поддержке общин, они часто поставляют продукты и реквизит, и их обычно не мучают досмотрами. Но не будешь же всех проверять, а на этого парня нам почему-то особо указали. Девушка еще говорила, что у себя на родине он занимался, так сказать...

— То есть вы хотите нам сказать, что африканцы, и этот парень в частности, могли там баловаться запрещенными веществами? — прервал говорившего Андрей Петрович.

Его жена хотела вмешаться, однако он взглядом остановил ее.

— А что? Почему, собственно говоря, и нет... — добавил он, скорее обращаясь к самому себе, чем к неожиданным гостям. — Где одно, там и другое. Удивительно, что я раньше этого не сообразил...

— Можно ли как-нибудь связаться с этим парнем? — настойчиво спросил менеджер. — Только так, чтобы он не знал, чего от него ждут. Это, конечно, не совсем по закону, но нам пока не хочется поднимать лишний шум, портить репутацию заведения. У нас такое в первый раз и следует на будущее подстраховаться. В общем, мы как частные лица надеемся, что если он в этом замешан, то вы как-нибудь его приструните на свое усмотрение.

Андрей Петрович кивнул в знак того, что все понял, и позвонил Айвару, проигнорировав протестующий взгляд жены. Он ограничился сухим сообщением, что нужно поговорить об очень срочном деле, и Айвар заверил его, что скоро приедет.

Когда парень вошел в дверь, люди, назвавшиеся менеджерами, скрылись в комнате, а отец Нерины непринужденно спросил его:

— Айвар, а ты ничего с праздника с собой не привез?

Тот не уловил вначале подвоха и ответил:

— Ну вообще-то да... — и только тогда догадался удивиться: — А почему вы спрашиваете?

— А что это? — холодно сказал Андрей Петрович, сделав вид, что не заметил вопросительного знака.

Айвар вытащил из кармана куртки сувенирный металлический брелок в виде тотемной фигурки, испещренной какими-то символами из древней письменности.

— Это мне там подарили, сказали, что от лица диаспоры, с пожеланием «счастливой жизни на русской земле». Памятные сувениры раздавали всем присутствующим, у каждой расы своя тематика, — спокойно пояснил Айвар.

— А кто именно вручал, ты помнишь?

— Нет, я не запомнил, слишком много было и людей, и впечатлений, — сказал парень уже с тревогой. — А вы не объясните наконец, в чем дело? Что не так с этим подарком?

— Можно мне на него посмотреть? — произнес старший Ли вместо ответа.

Айвар протянул ему брелок, и Андрей Петрович осторожно развинтил фигурку на две части. Внутри одной из них оказалась крохотная горсть желтовато-серого порошка.

— Это что? — спросил Андрей Петрович очень тихо, но Айвару показалось, что все небольшое пространство вокруг заполняется каким-то жутким, невнятным, вибрирующим шумом.

Не дожидаясь ответа, он присмотрелся и констатировал:

— Похоже на гашиш. Я, конечно, не специалист, точно сказать не могу, но нести это на экспертизу будет чрезмерным позором для моей семьи. Доза тут слишком маленькая, чтобы заводить уголовное дело, но знаешь, Айвар, — мне хватит и того, что ко мне пришли в дом, — на этом слове он сорвался, и его голос впервые стал нервно-дребезжащим, — ко мне пришли в дом спрашивать, не употребляет ли кто-нибудь у **меня в семье** наркотики! Я в жизни не испытывал такого позора, чтобы мое имя произносили в одном ряду с этой гадостью! И не будет этого больше никогда, ты меня понял?

Айвар стоял словно вкопанный, не зная что сказать. Наконец он промолвил:

— Я первый раз это вижу, Андрей Петрович. И я понятия не имел ни о каких наркотиках. Я в жизни ничего крепче табака не употреблял. Для меня это такой же шок, как для вас, больше мне ответить нечего.

— Надя, — проговорил Андрей Петрович, не глядя в сторону жены, — пожалуйста, проводи наших гостей, а эту вещь, с их позволения, мы оставим у себя. Я очень надеюсь, что наш разговор не выйдет за пределы этих стен и со своей стороны обещаю, что ничего подобного в их заведении не повторится. А мы с тобой, — сказал он уже Айвару, — побеседуем отдельно.

Парень наконец сообразил снять куртку и кепку, пошел вслед за ним в гостиную, и хозяин дома закрыл дверь, дав понять Надежде Павловне, что ее присутствие нежелательно.

Он жестом предложил молодому человеку сесть и сурово заговорил:

— Вот что, Айвар Теклай... Я предвижу, что ты начнешь кивать на презумпцию невиновности, и заранее тебя предупреждаю: мне достаточно того факта, что с твоим появлением у меня в доме все пошло наперекосяк. Я теряю шанс устроить дочери благополучное будущее, рискую рассориться с давними хорошими знакомыми и треплю себе нервы из-за какого-то дешевого трагифарса. Но сегодняшняя история — это перебор даже для меня: вляпался ты, чужой и не самый приятный мне человек, а отвечать должен я! Кто я тебе, отец, опекун? И доверять тебе я не вижу оснований: как в вашем ремесле можно обойтись без допинга? Одну дрянь приходится принимать для того, чтобы все ниже пояса работало, а другую — чтобы забыть о том, что с вами на этой работе делают.

— Кому-то, может быть, и приходится, но не мне, — возразил Айвар. — Это не аргумент, а ваши домыслы, и я вообще не обязан был давать вам свои вещи, если на то пошло.

— А ты не такой простой, — заметил Андрей Петрович. — Но судиться с тобой я не собираюсь, я хочу, чтобы ты понял наконец: у моей семьи всегда была безупречная репутация и я не позволю ее осквернять подобными слухами! Хватит уже того, что ты появился в моей жизни. Ты вообще представляешь, какого терпения мне стоило закрыть глаза на твое прошлое занятие? Принимать тебя в своем доме, руку тебе подавать, только бы Нерина не расстраивалась! Каково мне было сознавать, что ты, боже мой, ты вообще прикасался к моей дочери?! Да ты, юродивый несчастный, понимаешь, что у меня сердце, и

так не слишком здоровое, разрывалось от одной этой мысли?!

Голос у мужчины сорвался и он судорожно сглотнул.

Айвар сидел словно оглушенный, глядя куда-то перед собой и не решаясь поднять глаза на Андрея Петровича. Он не знал, какие слова могут успокоить отца невесты, и не мог понять, отчего не оправдала себя его врожденная чуткость к людям, как он мог давным-давно не уловить столь мощного заряда ненависти и отвращения, который сейчас исходил от его несостоявшегося тестя.

Но в то же время его хлестнула едкая обида на этого человека, который даже усадил его на диван словно для того, чтобы смотреть на него с возвышения.

— Между прочим, невинности я вашу дочь не лишал, — тихо сказал Айвар.

Андрей Петрович глянул на него и заговорил таким же тихим, но опасным холодным голосом, который был страшнее всякого крика:

— Что? Это ты смеешь говорить о невинности моей дочери? Ты, по которому разве что поезд не прошелся? Да ты можешь испортить кого угодно! Нерина ведь мне рассказала, как ты прославился еще у себя в деревне, когда развратил ребенка...

— Что я сделал?! — невольно повысил голос Айвар, наконец взглянув на него. — Во-первых, это была молодая девушка, моя ровесница, а не ребенок, во-вторых, я не совершил ничего страшного, а в-третьих, почему она обсуждала это с вами? Вы тут вообще при чем?!

— Избавь меня от подробностей и смени тон! Неважно, сколько ей было лет: она была девственницей и чужой почти супругой, что само по себе священо. И как я, по-твоему, могу к тебе относиться после такой информации? Как бы я тебе доверил свою родную дочь? Да, мы с ней, слава богу, в таких отношениях, что она может рассказать мне о своих сомнениях и попросить совета. И так и должно быть в семье! Я не рассчитывал, что Нерина до замужества останется невинной, хотя ничего плохого в этой традиции не вижу. Но если уж она вступает с кем-то в близкие отношения, я хочу, чтобы они были здоровыми, гармоничными и перспективными, чтобы она могла родить от этого мужчины детей и не сомневаться, что он прокормит ее и их, чтобы мы могли гордиться ее браком и не тревожиться о своей старости. Если он способен это обеспечить, то я готов пойти на некоторые уступки.

— А я знал, что вы все сведете к этому, — неожиданно усмехнулся Айвар. — Так чем вы лучше эфиопского полуграмотного мужика? Когда его молоденькая дочь хочет любить и быть любимой, так это грех, а когда в таком же возрасте ей кое-что отрезают и отдают в жены мужлану, для которого она будет рабочей и рожающей скотиной, — это нормально! Потому что вам, таким отцам, это выгодно! Вам, может быть, рассказать, как это обрезание делается, чтобы вы подумали, кто в той истории был настоящий преступник?

— Если у вас это делается веками, значит, большинство это устраивает. Просто с западной модой на феминизм вокруг этого стали раздувать истерию, а мужское обрезание почему-то до сих пор никого не смущает. И то, чего я хочу для своей дочери, выгодно в первую очередь ей самой. Послушай, парень, это уже беспредметный разговор! Мне тебя жаль, тебе не повезло, ты повидал очень много дурного и грязного. Но при чем здесь я и моя семья, почему мы должны за это расплачиваться?!

Последние слова он почти выкрикнул, и тут Айвар снова на него посмотрел.

— Ладно, вы просто хотите, чтобы я уехал? И как на самом деле обстояло с этими якобы наркотиками, вас не особенно волнует? — безучастно спросил он.

— Именно так, — кивнул Андрей Петрович, — я сам заинтересован в том, чтобы эта

история поскорее забылась, так что тебе действительно стоит уехать по-хорошему.

— А иначе? — тихо произнес Айвар, пристально глядя на хозяина.

Отец Нерины присел напротив него на стул и сказал уже более спокойно, хотя равнодушный, изучающий взгляд юноши его откровенно пугал:

— Да, мыслишь ты в верном направлении... Угрожать я тебе не стану: мы можем обратиться в органы, но ты же сознаешь, что мне самому этого не хочется, — в первую очередь я не желаю, чтобы полоскали мое имя, а кроме того, ты все-таки был нашим гостем. Конечно, с этого момента я вправе запретить тебе появляться в своем доме, но ты наверняка и так уже понял, что тебя здесь больше не ждут.

Айвар кивнул, и Андрей Петрович продолжил:

— Поэтому я просто прошу тебя, как немолодой человек, рассчитывающий хоть на малую толику уважения: уезжай домой по-человечески, не ломай жизнь незрелой девочке, у которой и без тебя немало проблем. И заодно дай нам спокойную старость. Я же не желаю тебе зла, у тебя еще может сложиться жизнь там, где ты на своем месте. Здесь тебе места нет, не сочти за обиду. Оцени хотя бы эту просьбу.

— Что же, считайте, что я оценил, — ответил Айвар и встал. — Только у меня есть ответная просьба, если вы позволите. Меня позвала сюда Нерина, поэтому я хочу услышать лично от нее, что она хочет, чтобы я уехал. Именно такими словами и без посредничества. Если она это сделает, то я клянусь вам, что после этого вы никогда меня здесь не увидите и ничего обо мне впредь не услышите. Но до этого на мне нет никаких обязательств.

После этого Айвар быстро ушел. Андрей Петрович горестно обхватил голову руками, и подошедшая жена без слов поняла, какой это был тяжелый разговор.

— Что же делать, Андрюша? Может быть, Неричке не надо ничего говорить? Ну не верю я, что он мог в такое впутаться, — растерянно сказала Надежда Павловна.

— А когда еще будет возможность что-то ей сказать? Она же уперлась в то, какой он необыкновенный, ничего слушать не хочет! Сейчас, может быть, ее хоть реально припугнуть удастся. В крайнем случае придется все-таки сообщить куда надо. В тюрьму его никто за мизерную дозу не посадит, не волнуйся, но и вида на жительство после такого сигнала не видать. И нечего ему тут делать. А Нери погорюет о нем пару месяцев, зато потом у нее наступит нормальная жизнь! Она еще будет нам за это благодарна.

14. Лучше для всех

Поздним вечером Айвар на кухне у Даниэля курил одну сигарету за другой и только повторял:

— Как же это, ну как же это...

— Да все ясно, Иви, подставили тебя, самым сучьим образом, — мрачно констатировал Даниэль. — Видишь, в полицию никто не пошел, по месту жительства тебя не искали. Из принципа нужно было именно перед ее родителями тебя грязью облить. Кто же им настучал-то с такими рекомендациями?

— Какая уже разница, — вздохнул Айвар. — Главное, что он меня ненавидит, и я сейчас думаю, что он и не собирался допускать эту свадьбу. Поэтому меня и с родственниками не стали знакомить. Наверняка он уже не раз пытался Нери против меня настроить, а теперь решил не мытьем так катаньем...

— И что ты думаешь делать?

— По крайней мере слова я нарушать не собираюсь, — ответил Айвар, отставив пепельницу подальше.

— Шутишь? — изумленно спросил мулат. — Ты что, в самом деле решил обратно податься?

— Ну, по закону я по-прежнему, в отличие от тебя, гражданин Эфиопии. Больше пока ничего толком не могу сказать, голова плохо работает. Но я все равно должен с ней поговорить: просто хочу понять, за что она так.

— Да поможет тебе бог, друг, — тревожно промолвил Даниэль, — но я бы не обольщался: ей твое присутствие здесь нужно еще меньше, чем этому Петровичу. Она же свою жизнь хотела обустроить, а не твою!

Айвар промолчал, и тогда Даниэль положил руку ему на плечо и сказал уже более мягко:

— Знаешь, может быть, тебе и вправду лучше уехать, только уж точно не в Эфиопию. Я и сам думаю перебраться в Европу, а там, того и гляди, что-то еще поинтереснее подвернется. Что здесь тухнуть? Своим ты все равно в этом городе не станешь, Иви, как ни старайся и ни выслуживайся...

— Я и не выслуживался, но в детстве мне казалось, что я здесь свой, и папа с мамой меня этому учили.

— А всем вокруг тоже казалось, что ты для них свой? — усмехнулся Даниэль. — Вряд ли ты их об этом спросил. Но если и так было, то лишь потому, что ты не продукт, так сказать, межрасового позора, как я, потому что твои родители были тут гостями, не собирались пускать корни и со временем увезли бы и тебя. Но ты давно не шоколадный мальчик, на которого можно и поумиляться, а напичканный тестостероном мужик, который может перепортить тут весь генофонд. И лучше бы ты так и делал, ей-богу, чем верность хранить этой так называемой невесте! В странах, где есть настоящий сплав культур, никто за цвет кожи гнобить не будет, а здесь живет все то же племя, которое всегда будет охранять свою территорию от чужаков. Так что давай-ка смотри вперед, Иви, прошлого не вернешь, а будущее сейчас на Западе.

Айвар все еще смотрел перед собой безразличным взглядом и Даниэль добавил:

— Давай мы на секунду забудем о твоих неприятностях и поразмыслим вот о чем: тебя

здесь что-то держит по-настоящему? Не память о папе и маме, не улицы, не школа, а что-то насущное, конкретное?

— Если честно — да, кое-что держит, но с этим еще надо разобраться. Ты мне скажи: у тебя-то с Олей как дела? А то какой-то ты в последнее время загадочный, даже не говорил, что сам нацелился уезжать!

— Да все славно с Олей, — загадочно улыбнулся Даниэль, — думаю, сложностей не будет. Я ей как раз сюрприз хочу сделать: выбрал самый крутой музыкальный смартфон! Там все ее любимые мелодии можно слушать в высоком качестве. Она без ума будет, от родителей ей такого подарка в жизни не видать!

Вспомнив о незатейливых сережках, которые он купил для девушки, Айвар поморщился от стыда за свою несостоятельность и решил, что друг, наверное, прав — не только Нерина, но и ее друзья никогда не видели в нем равного.

На следующий день Айвар получил от Нерины сообщение, в котором говорилось, что она будет ждать его на улице возле клуба в восемь часов вечера. Когда он вышел, она стояла на перекрестке, и в сгустившихся сумерках надвигающейся осени ее силуэт выглядел прозрачным и безэмоциональным. Подойдя к невесте, он привычно протянул ей руку, но девушка посмотрела на него каким-то просительным взглядом и помотала головой.

— Нери, ты что? — поразился Айвар. — Не надо шарахаться, я не кусаюсь. И что бы там отец ни наговорил тебе, поводов меня бояться у тебя нет.

По бледному лицу девушки было видно, что ее сознание сейчас раздирают противоречия, однако она собралась с духом и сказала:

— Прости, я сама сейчас не понимаю, что думать и кого слушать. Я не рассчитывала, что чуть ли не накануне нашей свадьбы снова всплывут какие-то гадости: наркотики, сомнительные развлечения с африканской молодежью...

— Что-что? — переспросил Айвар с отвращением. — Так он приписал мне не только наркоту, но и загулы с другими девицами? Мне?! Да вам самим-то не смешно?

— Мне сейчас не до смеха, Айвар! Думаешь, мне самой так уж приятно признавать правоту отца? Но что ты мне предлагаешь?

— Зачем ты рассказала ему? — холодно спросил Айвар. По лицу Нерины было видно, что она прекрасно поняла, о чем речь, и ответ не заставил себя ждать:

— Папа спросил, не замечала ли я за тобой еще чего-нибудь необычного, и мне захотелось посоветоваться с ним насчет этой истории. Я же не думала, что он зачем-то станет приплетать совращение малолетних, меня беспокоило совсем не это. Ты так легко рассказывал об этой девушке, а потом, в ту же ночь, так же легко со мной связался. Понимаешь? Слишком легко, чтобы нельзя было допустить, что ты по-прежнему на это способен с любой кто попадется под руку.

Услышав это, Айвар просто обомлел. Стараясь не выдать дрожи в голосе, он спросил:

— Ах это я с тобой легко связался? А ты со мной, выходит, нет? И сюда я, может быть, тоже напросился сам?

Девушка отвела взгляд и неохотно произнесла:

— Не надо, Айвар, я сама давно себя ругаю, что затеяла эту авантюру. Она могла бы перерасти в страшную глупость, с плохими последствиями для нас обоих. Ты бы очень скоро начал мне изменять, это естественно, а я больше не вынесу такого унижения. Наверное, лучше вообще быть одной. Так что, пока не поздно все исправить, давай поговорим по-человечески...

— Все исправить? — повторил он эхом. — А как именно? Ты готова подтвердить, что хочешь, чтобы я вернулся в Эфиопию?

— Да. Я хочу. Извини, но так будет лучше для всех, — ответила она и наконец взглянула на него.

От этих ледяных слов и ее отчужденного взгляда Айвару стало почти физически больно. Он сделал шаг назад и даже чуть не выставил перед собой руки, словно боясь, что в следующий миг она его ударит.

— Так значит, ты... — произнес он и запнулся.

В этих словах заключалось многое. Айвар сначала не мог понять, чем так провинился перед девушкой, если она настаивает, чтобы он убирался куда подальше. Он мечтал жить честно, а его обвинили в криминале, он доверил ей бережно хранимую память о первой любви, а ее смешали с грязью, он больше всего на свете боялся ранить и обидеть Нерину, а она уже приписала ему мифические измены. Но все быстро встало на место: она никогда и не воспринимала всерьез все, что он говорил и делал, только использовала его как орудие против надоевшего родительского авторитета. Поняв, что игра зашла слишком далеко, она охотно воспользовалась этой дикой историей, и теперь, как и отец, разговаривала с ним так, будто он нес в себе какую-то опасную для общества заразу.

Слова кипели у него внутри, но им нельзя было давать выход, Айвар ни за что не мог показать ей свою слабость и обиду на такое жестокое решение. Он так сцепил руки, что от ногтей на его коже остались ярко белеющие отметины.

— Понятно, — наконец сказал он, почувствовав, что предательская дрожь понемногу отходит. — Поиграли и хватит? Новые игрушки нашлись? Что будет на сей раз — болонку заведешь или в волонтеры подашься? Или сама не знаешь еще, как ветер подует?

— Ну зачем так, Айвар, — вздохнула Нерина и устала куда-то мимо него. — Я же понимаю, что звать тебя в Россию было с моей стороны непростительной глупостью. Но я все равно не смогу с тобой жить, зная, сколько у тебя было гадостей в том кабаке, и понимая, что ты со мной спишь из жалости, а не для удовольствия. Ну да, я знала об этом и раньше, но думала, что ради меня ты изменишься. Так не лучше ли расстаться теперь, пока у нас еще достаточно времени, чтобы стать счастливыми?

Последняя фраза, будто вычитанная из мудрого интервью с брошенной женой какого-нибудь знаменитого артиста, прозвучала совсем неуместно, и Айвар невольно усмехнулся:

— Да уж, особенно его много у меня!.. Я ведь тебе говорил, что в Эфиопии время течет совсем по-другому. Да я вообще сказал тебе очень много лишнего! То, что я к тебе тогда подошел, уже было лишним.

— Айвар... — тут Нерина сделала шаг в его сторону.

— Ну уж нет, прощаться по-дружески мы не будем, — резко произнес эфиоп, отстраняясь. — И позволь ничего тебе не желать. Я думаю, вы и так организуете свою жизнь. Можешь собой гордиться: пощечины хуже, чем от тебя, я не получал еще ни от кого!

Он развернулся и пошел быстрым шагом обратно к клубу, где его дожидался Даниэль. Друг не стал допытываться, чем кончился разговор, поняв все по его оцепенелому взгляду. А Нерина так же быстро ринулась в обратную сторону улицы. Она едва глядела по сторонам и замечала только впечатавшиеся в асфальт первые опавшие листья, раздавленные и неживые.

После этого Айвар занялся сбором вещей и заработанных денег, решив по-всякому искать новое место. Заодно он удачно продал золотую цепочку с крестиком, которую ему в честь помолвки подарила мать Нерины, а всю бижутерию, полученную от самой девицы,

снял и выбросил, после чего действительно почувствовал себя слегка очищенным. Айвар уже точно знал на тот момент, что больше не ляжет в постель с теми, кто смотрит на него как на низшее создание, которое ради своей минутной забавы можно подкормить деньгами или казенным благодушием. Доведется ли ему пережить любовь или только мимолетные страсти, это в любом случае лучше и честнее по отношению к другим и себе.

С Даниэлем Айвар все это время больше не пускался в откровенности, и друг его не трогал лишней раз, хотя очень за него переживал. Он надеялся, что Айвар все-таки не покинет Россию, по крайней мере до тех пор пока не будет все готово к его собственному отъезду — Даниэль считал, что податься на заработки в Европу вдвоем гораздо лучше. Однако спустя неделю после разговора с Нериной Айвар вдруг почти без объяснений купил первый попавшийся билет и сообщил, что улетает в Аддис-Абебу. Как отметил Даниэль, друг был по-настоящему сам не свой, и он решил, что Айвару снова кто-то угрожал. «Наверное, намекнули, что если он не уедет, то наркоту подкинут уже в клуб, и в других дозах, — подумал Даниэль, — Бедный Иви, за самого себя он бы так не испугался».

В день отъезда провожать Айвара пришел не только Даниэль, но и Оля с Митей. Очень расстроились и их родители, которые не верили в его виновность вопреки всем доводам Андрея Петровича, а уж семья Мити и вовсе считала Айвара родным. К счастью, он успел поставить деда Гришу на ноги и дал Мите наставления, как в дальнейшем сохранить старику здоровье, но когда зашел проведать своего подопечного напоследок, дед едва не плакал.

Митя рассказал, что Андрей Петрович звонил его родителям и настоятельно рекомендовал вспомнить, не пропадали ли у них из дома вещи, деньги или медикаменты для старика. Те сухо ответили, что не могут ему сообщить ничего полезного, а когда старший Ли обратился с таким же вопросом к деду Грише, тот, по словам Мити, и вовсе «прошелся матюгами».

— Потом он и за меня взялся: мол, не замечал ли я за тобой чего-нибудь подозрительного, — поморщился Митя. — А я только сказал: вы не там вынюхиваете, дядя Андрей.

— Ладно, со своими делами они пусть дальше сами разбираются. Только, Мить, что для меня самое паскудное в этой истории? — вздохнул Айвар. — То, что это были именно наркотики. Я ведь ненавижу все, что с ними связано! Сколько я в Эфиопии повидал, как люди унимали голод или недуги всяким дурманом и теряли человеческий облик! Матери подкармливали младенцев местной «травкой», чтобы те не мешали работать, а нищие их накачивали и медленно доводили до смерти. Таких, впрочем, ты и здесь наверняка видел. Я мечтал это искоренить, лечить людей, помогать им вернуться к нормальной жизни, а меня обвинили, что я сам употребляю, или даже продаю! А с чего, кто бы объяснил?! У меня же все было хорошо, от этого никого на дурь не потянет! Только от беды. А Нерина... Да что с нее взять, Митя, она просто наигралась.

Втроем ребята купили ему в подарок недорогой, но хороший планшет, куда закачали много интересной литературы, кое-какие фильмы и музыкальные записи.

Митя сказал ему:

— Ты имей в виду, Айвар, что у тебя тут есть друзья. Так что пиши нам в любое время, а если выдастся возможность еще сюда выбраться — дай знать, будем рады увидеться.

— Спасибо, — с чувством сказал Айвар, пожал ему руку, а Олю, которая в основном молчала, поцеловал в щеку. Из аэропорта все трое шли в очень подавленном состоянии.

После этого вспыльчивый Даниэль несколько раз звонил Нерине и на очень

повышенных тонах спрашивал, не хочет ли ее семья поинтересоваться, как Айвар долетел и не встретили ли его «финкой в живот» еще по дороге от аэропорта до какой-нибудь трущобы. Но в конце концов трубку взял отец семейства и сухо попросил оставить в покое его дочь.

— А если вашему другу что-то нужно, молодой человек, то пусть он имеет мужество сообщить об этом сам, — подытожил Андрей Петрович.

— Да иди ты..., дядя, — произнес Даниэль и сбросил вызов. На этом его контакты с семьей Ли закончились.

... Нерина спустя полгода вышла замуж за Костю Кима. Он стал гораздо внимательнее к ней и поначалу они общались по-дружески, но через некоторое время бывшие чувства напомнили о себе. Родители восприняли это событие с облегчением и радостью.

Правда, дружбу с семьей Амелиных Андрей Петрович все-таки потерял — старшие отказались приходить на свадьбу Нерины и Митя в этом их поддержал, сказав: «На такой цирк можно и в бразильских сериалах посмотреть, там даже лучше играют». Его отец однажды откровенно высказал Андрею Петровичу все, что думал о происшедшем, — что только слепоглухонемой или законченный лицемер мог обвинить в таких ужасах этого парня, который принес в их дом свет.

— Если в доме нет света без какого-то проходимца, значит, это хреновый дом, — резко парировал Андрей Петрович, правда, почти сразу пожалев об этом.

Однако отыграть назад было уже нельзя. Русский молча посмотрел на него таким взглядом, полным и оскорбленности, и жалости, что у Андрея Петровича впервые шевельнулась мысль, будто он что-то недопонял в этой странной истории.

Зато Надежда Павловна была в отличном настроении: ей удалось разгуляться на деньги сватов, выбрав и шикарный кружевной наряд «экрю», и флердоранж, и фату до пола, и невероятный дизайнерский букет. Благословляя дочь в день свадьбы, Андрей Петрович подумал, что все-таки высшая воля расставила все по местам, и эта мысль помогла загладить колючие воспоминания.

АДДИС-АБЕБА

*В вечерний час горят огни,
Мы этот час из всех заметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони!*

Н. Гумилев, "Рассказ девушки"

1. Эфиопия открывает душу

Айвар коротал несколько минут отдыха в просторном помещении для среднего медперсонала. Широкие окна были в это время закрыты рулонными шторами от палящего солнца, но парень уже наизусть знал простирающийся за ними пейзаж — светлые здания госпиталя, разросшегося в маленький городок, и кроны вечнозеленых деревьев. В комнате, как и в палатах, приятно пахло сушеными цветами, которые санитары оставляли в стеклянных сосудах у дверей. Айвар отпил холодного лимонада и собрался в детское отделение, где его наверняка уже ждали — маленьким друзьям не терпелось похвалиться новыми рисунками, послушать сказки и немного погулять на воздухе.

Чувство страшного разочарования, с которым Айвар вернулся в Эфиопию, будто указало верный путь, в котором нужно было полагаться на себя, а не на сказочные случайности и встречи. Теперь он снова жил в одном из панельных домов, но совсем в другом районе Аддис-Абебы, в баре больше не бывал и не вспоминал о семье Ли. Однако с Митей и Олей Айвар продолжал переписываться так, будто Нерины между ними никогда не было.

В одно из отделений госпиталя Российского Красного Креста молодой человек устроился на работу вскоре после приезда. Начинать пришлось с примитивных обязанностей, которые Айвар выполнял на совесть, и позже ему удалось здесь же выучиться на курсах для среднего медперсонала. И юноше показалось, что он впервые стал жить по-настоящему, а не наблюдать за калейдоскопом картинок — то мутных и грязных, как в баре, то красочных, но холодных, как в открыточном Петербурге.

Эта больница для Айвара была символическим местом, и путь, который она прошла в истории, во многом казался ему схожим с его собственной жизнью. Основали ее энтузиасты из России в конце XIX века, а затем их советские преемники, но после распада СССР она попала в скверные руки. Выйдя из ведомства Красного Креста, больница стала разрушаться и превратилась в частное заведение с плохой репутацией и низкой эффективностью из-за коррупции, кумовства и невежества. А недуги, с которыми сюда ехали бороться медики из Советского Союза, все так же косили население.

Однако просветительская работа, которую они когда-то вели, не пропала даром, ситуация изменилась к лучшему и русские специалисты снова приезжали сюда работать и преподавать. Один из учителей Айвара поведал ему:

— Именно такие молодые эфиопы, как твои родители, решившие служить жизни и здоровью, а не богам и заклинаниям, вернули госпиталю доброе имя. Для них неважно, искренней ли была дружба наших государств на уровне большой политики, они знают простое слово «благодарность». Вот такие ребята взялись за реновацию и расширение госпиталя, а также дали больше возможности бедному населению лечиться бесплатно. И в Российском Красном Кресте, слава богу, тоже произошло омоложение кадров и идеологии. Так что госпиталь снова под его контролем, а финансированием занимаются международные благотворительные фонды, на условии строгой отчетности. Другую часть мы зарабатываем сами, на хозрасчете. И за десять лет загибающееся учреждение разрослось вот в такой прекрасный комплекс, с достойными зарплатами и нормальным отношением к пациентам. Впрочем, ты сам все это увидишь!

И теперь Айвар с удовлетворением подумал, что может внести в это собственный вклад. Особенно важной школой для себя он счел поездку в Конго и Сьерра-Леоне в составе группы

санитаров для вакцинации от опасных местных инфекций. Там юноша увидел, что в некоторых регионах Африки здравоохранение находится в еще более убогом состоянии, чем в Аддис-Абебе, и решил, что его страна со временем может стать одной из движущих сил в развитии этой отрасли.

А еще Айвара называли тут в шутку неофициальным психологом — он всегда был большим другом тяжелых больных, находил доброе слово и для взрослых, и для детей, и основательно помогал врачам взаимодействовать с ними. Он не умел излечивать, а кому-то и нельзя уже было существенно помочь, но никто лучше его не ладил с теми, кто страдал от своей беспомощности. «Заколдованные у тебя руки, Айви, — шутливо говорили наставники. — Явно родители тебя одарили какими-то шаманскими знаниями».

Правда, некоторым сотрудникам постарше методы Айвара не очень нравились, и нередко они старались объяснить молодому человеку, что между больным и медработником необходима субординация, защищающая от выгорания. Но Айвар либо отмалчивался и все-таки поступал по-своему, либо заявлял, что никому не будет хуже от капли человечности.

Свое прошлое он не скрывал, однако в Эфиопии на это везде смотрели проще и даже уважали таких парней, которые по глупости втягивались в трясину и находили силы выбраться из нее. И именно сейчас, с новой работой, учебой и окружением, жизнь показалась Айвару по-настоящему насыщенной и интересной. Словно он много лет смотрел только под ноги, видя разбитый и заплесанный асфальт, бесплодную почву и воплощения физической и духовной нечистоты, а теперь наконец огляделся вокруг и Эфиопия перестала казаться уголком безнадежности и мрака. Он увидел, как много прекрасного есть наяву, а не в фантазиях: всегда солнечное нежно-голубое небо, очертания гор на горизонте, раскидистые деревья, высотные светлые здания с терракотовыми крышами, многолюдные и многоголосые улицы, веселая, хоть и не всегда сытая детвора, мистические звуки африканской ночи, запахи расцветающих роз, алоэ и эвкалипта.

Айвар не забывал о теневой стороне бытия и по-прежнему любил и страшные книги, и мрачную живопись, но теперь был уверен, что движущей силой «упаднического» искусства является воля к жизни.

У него появились товарищи, с которыми связывало общее дело, — как местные ребята, так и приехавшие из разных уголков Африки, чтобы научиться врачеванию. С ними Айвар был не так близок, как с Даниэлем, но все же общался с удовольствием. Вместе они ходили на стадион, на концерты местных музыкантов, ездили по национальным паркам, где можно было издалека посмотреть на розовых фламинго и озера, кишашие крокодилами, и даже на побережье Красного моря, в Эритрею, хотя не без некоторых сложностей. Айвар часто бывал и в Российском центре культуры и науки, в его библиотеках и Литературном арт-кафе, и даже подрабатывал там преподаванием русского языка.

Особой страстью этих парней был спорт, и Айвар тоже охотно к нему приобщился, не только регулярно посещая зал при госпитале, но и участвуя вместе с ними в разных любительских состязаниях. Самым ярким и зрелищным из таких был турнир между молодыми работниками разных африканских больниц, учрежденный несколько лет назад. Он проходил два раза в год, и помимо Эфиопии, в нем принимала участие молодежь из Кении, Нигерии, Мадагаскара, Гвинеи-Бисау, Анголы, ЮАР, Конго и Свазиленда. На нем собиралось много болельщиков, он отмечался с веселыми забавами, музыкой и народными танцами, а победители становились гордостью своей больницы. В их честь непременно устраивались праздники. Айвар считал такие мероприятия прекрасным вкладом в

здоровоохранение, так как красивое сильное тело и гармоничность движений издревле служили лучшим стимулом к заботе о здоровье, чем угрозы и поучения. Это повлияло и на него самого: он так и не бросил курить, но все же значительно уменьшил свой «рацион». И результаты не заставили себя ждать — Айвар регулярно отличался на любимом турнире, уступая в беге, но в метании ядра и копья неизменно получая первенство.

Впрочем, Айвару удавалось находить и притягивать к себе культурных и глубоких людей даже в то время, когда он обитал в зловонной среде. Теперь же он общался с ними на равных и видел, что новое поколение Эфиопии растет гораздо более открытым, приветливым и активным, чем их предки. Но с другой стороны как раз такая молодежь все чаще связывала свое будущее с Европой или Америкой.

Так прошло два года, в течение которых Айвар перебрался в пристойное жилье, рассчитался со всеми долгами и даже купил себе российскую «Шевроле Ниву» на рынке подержанного транспорта. Она стала его первой серьезной собственностью и предметом гордости, основательно помогла исследовать страну при местном бездорожье. Кроме того, на ней часто можно было перевозить что-нибудь для нужд больницы.

Личная жизнь у Айвара, разумеется, тоже не была скучной, и та сфера, в которой он раньше пребывал в униженной роли наблюдателя и услуги, открылась ему с прекрасной стороны. Местные девушки не обладали внешностью моделей, не знали особых уловок флирта, но с любой из них Айвар получал больше блаженства, чем за все время занятия проституцией.

В Эфиопии, несмотря на официальный христианский курс, царил хаос нравов, но отношение к женщине по-прежнему оставалось собственническим, и в деревнях большинство выходило замуж девственницами отнюдь не из-за благочестия, а по воле семьи, которая стремилась избавиться от лишнего рта. А вот в городе Айвар встречал немало смелых девушек, которые были не так скованы старыми устоями и хотели получить от мужчины не меньше, чем дать взамен. Возможность не зависеть от старших быстро пробуждала волю и любовь к жизни, и в этом было всякое — откровенные наряды, танцы в баре, имитирующие половой акт, совсем не туманные намеки и отчаянное продолжение.

Но как же это отличалось от прежних будней... Такое веселье, красочное и искреннее, пусть и бедноватое, казалось Айвару кусочком огромного шумного праздника наподобие карнавала в Бразилии, и этому нисколько не мешала его умеренность и даже строгость в плане алкоголя. Наивные ситцевые занавески на окнах, броская светомузыка, запахи кофе, меда, мускуса и цветочной воды, яркие тени на веках местных модниц и багровая помада, юбки колокольчиком и блестящие туфли на их изящных ногах, — такой Эфиопия теперь предстала перед ним, не полудиким нищим, живущим одними инстинктами, а веселым, добрым и немного легкомысленным странником.

Правда, время от времени Айвар все же сталкивался с отголосками прошлого. Госпиталь часто посещали крупные бизнесмены и даже политические бонзы для своих инвестиций, среди них были как африканцы, так и белые, и многие приезжали в Аддис-Абебу с семьями. Дочери почетных гостей, холеные светские барышни, любили поглазеть на молодой мужской персонал, когда им устраивали экскурсии. А уж если парням на какой-либо черной работе приходилось раздеваться по пояс, чтобы не забрызгать рубашку, девицы чувствовали себя будто в обители античных богов, героев и олимпийцев. Но это не мешало им обращаться к этим красавцам с самыми прозаическими и даже грубыми предложениями.

Айвар их получал неоднократно — девушки из высшего сословия не сомневались в продажности красивых молодых африканцев, и он даже не мог на это обижаться. Правда, расценки у таких покупательниц были иными: они с ходу предлагали и золотые часы, и мотоцикл, и смартфон, и путешествие на Карибские острова. Он понимал, что одноразовый секс не может стоить так дорого, и от него взамен хотят гораздо большего — чтобы он стал временным «бойфрендом», с которым приятно появляться на тусовках, поддерживать беседу, путешествовать и делать красивые фотографии. Однако он не желал возвращаться к старому ни в какой мере и всегда изящно, но решительно пресекал подобные претензии.

Но всех, с кем Айвар был близок из душевных побуждений, он запоминал, с благодарностью за то, что стал для них не секс-машиной, а обычным парнем, пусть и очень красивым, но со своими слабостями, причудами и даже страхами. А девушки всегда относились философски к мимолетности этих моментов счастья.

Самый трогательный и болезненный из таких романов случился у Айвара еще во время учебы на курсах. Эта история вдобавок многому научила его о жизни в Эфиопии, об истинном положении женщин и детей и о том, что никакие законы общества и религии не могут побороть природу, которая создала людей уязвимыми существами, нуждающимися в тепле и поддержке.

В то время он частенько после работы ужинал в одном местечке, где можно было дешево и сытно поесть и заодно посидеть за учебниками. Окружающая суматоха и постоянно звучащие из динамиков старые восточные шлягеры Таркана и Араша ему не мешали. Айвар успел полюбить шум большого города и чувствовал себя вполне комфортно.

И однажды он увидел, как из подсобного помещения вышла девушка — очень юная, младше его лет на восемь, а то и на десять, невысокая, сутулая, с худыми руками и ногами. Ее пепельно-черная кожа, типичная для жителей юга страны, контрастировала с волосами, которые были окрашены хной в бордовый цвет, переплетены во множество косичек и скреплены цветными заколками. Одета она была в растянутую белую футболку, рваные джинсовые шорты и резиновые шлепанцы.

Но самым примечательным было то, что к спине у нее был привязан крохотный младенец. Айвар не сразу его разглядел, так как ребенок, по-видимому, крепко спал. Молодого человека это удивило: конечно, в Африке до сих пор носили детей за спиной, занимаясь хозяйством, но все-таки в основном это было характерно для деревни. В столице такое встречалось гораздо реже, к тому же, в кафе могло быть опасно. В руках девушка несла ведро с мыльной водой, в котором, должно быть, ополаскивались тряпки для мытья столов и пола. Было заметно, что при ее комплекции тащить его нелегко.

Заметив, что девушка направлялась во двор, чтобы выплеснуть ведро, Айвар догнал ее и осторожно, стараясь не потревожить ребенка, окликнул:

— Девочка! Подожди, давай я помогу ведро вынести.

Она оглянулась и посмотрела на парня с едва обозначенной досадой, но в целом безразлично, будто нездоровый человек или измученная своим долголетием одинокая старуха. Уголки ее сочных губ были скорбно опущены.

— Какая я тебе девочка? — вяло спросила она. — За девочками иди в школу, или в монастырь, а я, если ты не слепой, уже вполне взрослая.

Айвар не стал выспрашивать, приходится она младенцу матерью или старшей сестрой, и протянул руку за ведром. Она так же безмолвно отдала его. Ребенок к тому времени забеспокоился, и когда Айвар вернулся со двора, девушка уже сняла его со спины и пыталась

укачать. Вернее, она довольно грубо встряхивала малыша, отчего он раздражался еще сильнее.

— Голодный, что ли? — спросил Айвар, поставив ведро.

— Да как же, — отмахнулась девушка. — С голоду он точно не умрет. А мне еще час пахать до конца смены, и как его теперь уговорить, чтобы не мешал? Ты знаешь, что в деревне младенцам для этого жеваную травку дают?

— Я много что знаю! Не болтай лишнего, — сказал Айвар уже строго. — Давай лучше я его сам подержу, пока ты свои дела закончишь. Кстати, это у тебя сын или дочка?

— А знаешь что, поддержи! — отозвалась девушка и быстро сунула малыша ему в руки. На ее лице даже мелькнуло что-то похожее на бодрость. — Всяко больше пользы, чем вопросы задавать. Ты откуда вообще взялся такой любопытный?

Не дожидаясь никакого ответа, она ушла обратно в подсобку, а Айвар вернулся за столик. Здесь к нему уже привыкли и ничего не спросили. Маленький негритенок на удивление быстро успокоился, и Айвар с удовольствием рассмотрел его сморщенное личико, заплывшие глазки и крохотные ручки с белыми крупинками ноготков и розовыми ладошками. Головка уже была покрыта легким кудрявым пушком.

Айвар всегда любил детей, и хотя по-прежнему не желал заводить своих из-за пережитых в подростковом возрасте страшных впечатлений, ему было с ними хорошо и он с радостью возился с малышами и в больнице, и в том квартале, где жил.

Затем Айвар уже с тревогой подумал о том, как легко девчонка отдала младенца совершенно незнакомому парню, будто не только не боялась за него, но была не прочь сама подтолкнуть дитя к какой-нибудь опасности.

Эта мысль могла показаться невероятной, но Айвар хорошо знал, что Африка только на вид чадолюбива, традиционна и растит своих отпрысков неприхотливыми, но крепкими. На деле детоубийство встречалось здесь не реже подпольных абортов, и никто не думал расследовать такие случаи, так как в сельской прослойке младенец не считался человеком. И помимо нищеты, голода или болезненности ребенка, матерей порой толкало на это внутреннее расстройство, которое в цивилизованном мире называлось послеродовой депрессией. Айвару доводилось слышать, как ее называли «блажью», «баловством» и вообще мистификацией, которая неведома беднякам. Но он знал, что гормоны не считаются с экономикой, верой и идеологией, а в одиночестве и после травматичных родов превращаются в смертельный яд.

Спустя час он решил позвать наконец девушку, отдать ей малыша и, может быть, проводить ее домой, но она не показывалась. Собрав свои вещи, парень заглянул в подсобку и увидел ее сидящей на полу у двери и лениво что-то пережевывающей. Айвар не исключал, что это могла быть та самая травка, которая в Эфиопии называлась «кат».

— Девушка, тебя как зовут-то? — спросил он, растолкав ее.

— А тебе зачем? — вяло отозвалась она, поднимаясь и беззастенчиво одергивая футболку.

— Да не затем, чтобы знакомиться, будь спокойна, — ответил Айвар, решив не церемониться. — Просто мне вообще-то давно покурить хочется, и в туалет, и домой идти пора, а я не знаю, кого позвать.

Судомойка взглянула на него неожиданно прояснившимися черными глазами. Тут молодой человек заметил, что у нее были правильные и мягкие черты лица, но отекавшие веки, мелкие складочки у носа и сжатые губы придавали ему унылый и сонный вид.

— Ты сам-то вообще кто? — спросила она.

— В смысле — кто? Санитар я, из больницы, но какое это имеет значение? — сказал Айвар, решив, что вопросы с ее стороны уже выглядят добрым знаком. — Меня Айвар зовут, или просто Айви, друзья обычно так называют.

Юная негротянка вздохнула и сказала:

— Ладно, давай его сюда... Слушай, «просто Айви», мне вон тоже много чего хочется, только это никого не волнует. И мне разницы нет, домой идти или куда еще, потому что человеком я нигде себя не чувствую. Это ты вот час потерпел и сейчас мне его сдашь и пойдешь по своим делам, а я так и останусь...

Айвар помолчал, так как эти горькие слова его задели за живое, и наконец спросил:

— Ну, если ты еще чего-то хочешь, то не все потеряно. Тебе что, совсем некому помочь?

— Ага, — кивнула она. — Родня у меня в деревне осталась, и я им с этим ребенком ни в какое место не уперлась. Обратное они меня не пустят, да и самой унижаться не хочется. А на чужих в городе рассчитывать нечего, тут давно нет общинно-племенных связей.

Все же Айвар вызвался проводить ее до дома, который был не очень далеко от его района. По дороге Лали (так представилась девушка), кое-что ему поведала о себе. Она сбежала из деревни без родительского согласия и какого-либо подспорья, мечтая стать танцовщицей или актрисой. Такие грезы появились у нее в сельской школе — одна из ее учительниц и старших подруг, чуть ли не единственная любительница книг во всем поселке, приучила Лали к любовным романам разных эпох, которые читала вслух или пересказывала на свой лад. Впитав фантазии о красивых домах, садах, нарядах, героях, интригах и любви, девочка стала мечтать прикоснуться к такому миру хотя бы через игру и притворство.

Поэтому в Аддис-Абебе Лали попыталась зарабатывать уличными танцами, но это и принесло ей беду. Ее гоняли попрошайки со стажем, а среди прохожих попадались люди, чей интерес к пластичной и раскованной девушке был отнюдь не только эстетическим.

В конце концов кто-то из них совершил над ней насилие — об этом она упомянула очень кратко и сухо. Будучи совсем девчонкой, она не предугадала, к чему это приведет, и аборт делать было поздно, да и страшно. Почему она не бросила ребенка сразу после родов, Лали толком не смогла объяснить. Но никакой любви к нему она до сих пор не ощущала, не давала ему имени, не пыталась приласкать и, по ее собственным словам, очень хотела как-нибудь прокрутить все назад.

После рассказа девушки Айвар невольно проникся к ней уважением. То, что она, родив ребенка, не опустилась до криминала и попрошайничества, говорило о многом, как и ее склонность к мечтам и самокопанию, странная для деревенской среды.

2. Женская благодарность без прикрас

Дом, где жила Лали, кишел не просто беднотой, но и пьяницами, которые, правда, по ее словам были тихими и только клянчили грош-другой на «стаканчик». И все же Айвару было беспокойно оставлять ее там. Увидев ее крайне неприглядную и унылую комнатуху, он понял, что девушка все больше заболевает равнодушием к жизни, и на это есть не только личные и социальные, но и сугубо медицинские причины.

— У тебя что, совсем нет еды? — любопытствовал он.

Лали мрачно усмехнулась и сказала, приподняв футболку:

— Если ты голоден, то вот здесь еды хоть залейся! Как назло, сама я кое-как питаюсь, а этого добра через край, ему столько и не съесть. Так что я не буду против, если он с тобой поделится, потому что она уже чертовски пухнет и болит.

— Понял, благодарю, но не стоит, — поспешно сказал Айвар. — Лали, мне уже пора домой, но я к тебе завтра зайду в кафе. Заодно подумаю, чем вам помочь.

— Не надо меня жалеть, Айви! Ей-богу, не понимаю, откуда ты такой взялся. Вроде черный, а ведешь себя как-то не по-здешнему.

— Ну, это действительно запутанная история, но расскажу как-нибудь в другой раз. А жалею я не тебя, а ребенка: у него еще гордость не выросла.

Он и сам не понимал до конца, почему его так взволновала история этой девушки и ее ребенка (это, как выяснилось, был мальчик). В больнице Айвар повидал много ужасов от насилия, недоедания, грязи и духовного падения, которое порой разлагало организм хуже болезней. Но от Лали он узнал нечто новое — что жизнь в спартанских условиях вовсе не дает иммунитет от слабости, страха и жалости к себе. Кроме того, у Айвара уже по-медицински был наметан глаз на скрытые недуги, и за столь короткое знакомство он вполне представлял, чем девушке можно помочь, пока ее нервное расстройство не привело к страшным последствиям.

На следующий день у него был выходной, поэтому он решил проведать Лали пораньше. Она обмолвилась, что на работу пойдет после полудня, и Айвар с утра сходил на рынок, где купил картошки, оливкового масла, хлеба, фасоли, орехов, овечьего сыра и сухофруктов. Из теории он уже знал, что к депрессии часто приводит дефицит кое-какой «химии» и восполнить его можно прозаическим способом.

Девушка при виде этого изобилия вначале посмотрела на него как на безумца, но потом все же сдержанно поблагодарила, сама почистила и поджарила картошку. За едой они снова разговорились и Айвар даже немного рассказал ей о том, как жил за границей, какие у его родителей были хлебосольные знакомые, встречавшие гостей изумительными домашними пирогами с ягодами и творогом. Лали немного оживилась от этих историй и поела, хоть и без особого аппетита. Страна, о которой говорил парень, показалась ей какой-то невероятной сказкой.

— Забавное у тебя тату, Айви, — вдруг заметила она. — Кем ты там в больнице работаешь? Уж очень неформальный у тебя вид.

— Пока просто санитаром, — улыбнулся Айвар. — Мне там и пол приходилось мыть, так же, как тебе. Правда, сейчас я учусь, только не на врача, а на медбрата. И кое в чем уже разбираюсь. Кстати, тебе бы надо ко мне в больницу сходить, сдать кое-какие анализы, а заодно и малыша следует осмотреть. Он же у тебя в полной антисанитарии растет. Хорошо

еще вшей пока нет, это я разглядел.

— Слушай, здесь все так растут, как сорняки, — резко заявила девушка, — и никто над детьми не трясется: пять из десяти помрет, но остальные-то кое-как держатся. Правда, не знаю, какая половина более везучая...

— У тебя не десять детей, Лали, а один, — строго сказал Айвар, — и вы оба везучие, потому что живете и пока не болеете чем-нибудь страшным. Так что к врачу ты обязательно сходишь.

Правда, многое Айвар уже понимал сам: гормональный сбой, застой молока незалеченные травмы и воспаления после родов сочетались с обычной нагрузкой на любую женщину в первый год жизни ребенка. Поэтому он смог раздобыть для Лали приличный молокоотсос, белье из безопасной ткани, прокладки и кое-какие лекарственные мази. Заодно он купил детский крем от опрелостей у малыша и научил девушку их обрабатывать. Эти сюрпризы потрясли ее больше, чем еда, но она их приняла и даже впервые слегка улыбнулась.

Потом Айвар помог ей развести огонь под большим котлом и прокипятить простыни и полотенца в мыльно-содовом растворе. Ему показалось, что с момента несчастья она совсем махнула рукой на свой быт, и он стал понемногу вовлекать ее в дела по хозяйству. Сначала Лали реагировала на это резко, но вскоре стала прислушиваться.

Они развесили белье сушиться на солнце и устроились рядом на крылечке, чтобы перекусить инджерой с красным луковым соусом.

— Скажи, Айви, а что это ты повадился мне помогать? — спросила девушка, протягивая ему баночку пепси-колы. — Моему отцу и братьям до меня никакого дела нет, а ты вроде как чужой и столько на меня времени тратишь.

— Да просто страшно стало за вас. Я сам через такое прошел, когда чувствуешь, что никому до тебя нет дела, но мне было все-таки гораздо легче. Так что ты можешь уже не считать меня чужим.

С этого времени Айвар регулярно приходил к Лали по вечерам и в выходные, если она не работала, принаровился сидеть с ребенком на руках и одновременно заниматься медицинской теорией или английским. Ей за это время удавалось постирать, сходить в баню или просто подремать. С продуктами он тоже продолжал помогать. В кафе она справлялась сама, и даже настояла на том, чтобы Айвар не слишком с ней возился в ущерб собственному досугу. Он не возражал, заметив, что ее нервы понемногу приходят в равновесие и ей уже нравится наблюдать, как подрастает малыш. Девушка даже попросила его сходить с ними на рынок за новой детской одежкой, купила ванночку, мыло со вкусным запахом, и когда Айвар приносил со двора воды, купала мальчика. Назвала она его Самуэлем. Он уже улыбался, изучал все вокруг огромными вишневыми глазками из-под пушистых ресниц, узнавал их обоих и рос вполне здоровым и спокойным.

Конечно, не все было гладко, пережитые травмы еще напоминали о себе и Лали частенько срывалась, но тут выручал спокойный и терпимый характер самого Айвара, который умело гасил подобные вспышки и знал, какие больные места лучше не трогать. И Лали все больше к нему привязывалась, как и он к ней. Она не могла, как свободные девчонки, гулять до утра или ходить на танцы, но Айвар все же находил способы ее развлечь. Его рассказы о питерских белых ночах, русской зиме и холодном море казались ей захватывающими словно их родные африканские сказки, пропитанные мистикой, опасностью и кровью. Иногда он приносил с собой магнитофон и ставил кассеты с какой-

нибудь приятной мелодией, которая нравилась и младенцу.

Айвар чувствовал со стороны Лали зарождающийся женский интерес, да и сам успел проникнуться к ней какой-то интимной теплотой. Но помня о ее трагическом опыте, он остерегался резких движений, хотя ему было очень приятно видеть кокетливый блеск в ее прежде безжизненных глазах, таких же больших, как у Самуэля.

И однажды Лали позвала его в гости, пообещав, что сама приготовит что-нибудь вкусное. Это тоже его обрадовало: прежде девушка прохладно относилась кстряпне и жаловалась, что работа в общепите вызывает отвращение ко всем запахам кухни. Айвар по дороге купил для нее абиссинскую кремовую розу и конфет из жженого сахара, хотя раньше избегал явных признаков ухаживания.

Увидев Лали, он был взволнован не на шутку. Она принарядилась в дикого вида платьице из блестящей ткани и с принтом в виде рыбьих костей, причесалась, надела ярко-красный пластиковый ободок и даже намазала ногти на ногах розовым лаком. Кроме того, на столик она постелила новую цветастую клеенку. Малыш к тому времени был уже сыт и спал в своей вместительной плетеной корзиночке, и они с удовольствием поели жареных грибов с луком и инджерой. Они получились слегка пересушенными, а соус, на взгляд Айвара, — островатым, но тем не менее вечер ему очень понравился. Впрочем, подспудно он, конечно, думал о продолжении и о том, как далеко девушка готова зайти.

После того, как молодые люди попили кофе, Лали убрала со стола, подошла к Айвару и осторожно коснулась его плеча.

— Айви, скажи, я тебе нравлюсь? — спросила она вдруг, неловко переступая худыми босыми ножками.

— Ну да, нравишься, ты красивая, — спокойно произнес Айвар без всякого лукавства: ему действительно казалось, что Лали очень похорошела, а особенно ее украшала улыбка. Губы и щеки девушки налились и приобрели задорную округлость, кожа красиво блестела, тело окрепло, стало женственным и грациозным. Но в глазах все еще был страх и неуверенность.

Она притихла, по-видимому что-то обдумывая, и Айвар добавил:

— А почему ты спросила? Тебя что-то беспокоит?

Лали смущенно взглянула на него и не нашла что ответить.

— Ты меня не бойся, пожалуйста, — сказал он мягко, но серьезно. — Если я тебе не нравлюсь, то ничего не случится, я умею держать себя в штанах. Но все-таки ты не просто так об этом спрашиваешь, да?

— Да, ты мне тоже нравишься, и я в последнее время часто о тебе думаю, но мне все равно страшно. Знаешь, что об этом говорят в деревне?

— Представляю, — кивнул Айвар, — только жизнь, Лали, простирается далеко за пределы того, как ее изображают в таких деревнях. Я не могу это объяснить так, в один момент, мне самому потребовалось много времени, чтобы понять, что нормально, а что нет. Может быть, ты все же разрешишь просто поцеловать тебя, а там будет видно?

Лали еле заметно улыбнулась, что он растолковал как одобрение. Айвар поднялся со стула и обнял ее за плечи. Когда они поцеловались, парень органически почувствовал, какая волна желания исходит от этой незащитной девочки, впервые доверяющейся мужчине. Эта волна еще больше подхлестнула его самого, будто поток соленой океанской воды, разбившейся о скалы. Он обожал ощущение здоровой женской чувственности, активность и откровенность партнерши в ласках, и сейчас без слов просил ее об этом. Не отрываясь от его

губ, Лали провела ладонями по мускулистым плечам и рукам молодого человека, попыталась обхватить его запястье, но оно было слишком широким для ее тоненькой, почти детской ручки.

На секунду Айвар вдруг подумал: «Какой ублюдок может защищать обрезание женщины, после которого любое прикосновение будет вызывать у нее только страх и гадливость? Клянусь, если когда-нибудь при мне вздумают покалечить еще одну девчонку, я сам их кастрирую». От злости он напрягся и тяжело выдохнул, отчего Лали испуганно спросила:

— Что, Айви? Я тебе сделала больно?

— Да что ты, девочка моя, — тихо ответил Айвар, растрогавшись. — Наоборот, мне очень приятно, а если ты не против, то будет совсем хорошо.

Быстро, но бесшумно, чтобы не побеспокоить спящего неподалеку ребенка, Айвар подвел ее к застеленной пледом лежанке, которая, впрочем, была в двух шагах от них, и помог расстегнуть платье, подсказав, что остальное она может снять потом. После этого можно было погасить лампу и тогда уже раздеться самому.

Впрочем, Лали, как он заметил, все же украдкой за ним наблюдала, хоть и с опаской, и особенно ее заинтересовал странный блестящий конвертик. Не удержавшись, девушка полюбопытствовала:

— А это что такое? И зачем?

Айвар улыбнулся: ему на этот вопрос уже приходилось отвечать неоднократно.

— Это чтобы ты сейчас не забеременела снова, тебе пока рано, — пояснил он. — К тому же, у тебя внутри еще ранки не зажили и без этого в них можно занести какую-нибудь грязь.

— Но ты же мужчина, откуда ты знаешь? — удивилась Лали.

— Научился, — лаконично ответил Айвар. — Ну Лали, не будь ты такой серьезной! Давай я тебе помогу отвлечься.

Лали немного поколебалась, стянула хлопчатобумажные трусики и села, обхватив себя руками и уткнувшись лицом в колени. Он осторожно погладил ее по спине:

— Ну что, маленькая? С тобой все в порядке?

— Ничего, просто волнуюсь, — смущенно ответила девушка. Наконец она смогла его рассмотреть: без одежды Айвар выглядел еще более могучим, его натертое одеколоном тело матово сияло даже при слабом свете из окна. Лали невольно вздохнула, но не от испуга: ей нестерпимо хотелось его обнять, прижаться губами к острому бугорку на шее, завиткам татуировки, упругим пластинам грудных мышц, пройтись жадными и боязливыми поцелуями по животу. Она понимала, что парня сейчас одолевают более грубые и напористые желания, подтверждение тому было налицо и это еще немного ее тревожило. Но Лали уже была готова на все, чтобы прикоснуться к этому совершенному мужскому телу, которое, как ей казалось, бог создал из каких-то неземных ингредиентов и справедливо наделил силой и мощью. Вдруг у нее вкрались совсем пугающие, непристойно затейливые порывы, которые любая женщина из ее деревни сочла бы дикостью, — да что там, она никому бы не осмелилась прежде о них сказать. Но Айвар... Может быть, он ей разрешит?

Когда он помог девушке лечь и сам лег рядом, тревожным был только первый момент, наподобие погружения в прохладную воду. Но Айвар быстро взял себя в руки, понимая, что сейчас ни жалость, ни деликатность между ними не были уместны. Лали поначалу просто доверилась ему, давая ласкать свое глянцево-черное тело, сладко пахнущее молоком, но все

еще стыдливо сжимая ноги. Когда он стал целовать ее живот и бедра, девушка прерывисто задышала, даже испуганно всхлипнула, но не попыталась его оттолкнуть. Ее нежное тельце доверчиво обмякло, и боли удалось избежать. Приподнявшись, чтобы убедиться, что она не плачет, он спросил:

— Поцелуешь меня еще?

Лали осмелела, обняла его за шею и подняла колени для удобства. Когда поцелуй ненадолго прервался, у нее вырвался тихий сдавленный стон, она все больше забывалась и даже запустила пальцы ему в волосы. Жар внутри нарастал и распирал, наконец Айвар перестал себя сдерживать и несколькими мощными движениями достиг желаемого, пока очаровательный эмоциональный подъем не успел потускнеть.

Потом Лали уснула по-детски крепко, пригревшись у его большого уютного тела и продолжая обвивать рукой его талию, а он с удовольствием оберегал ее сон, поглаживал жесткие кудри, щекотавшие ему лицо, целовал худые выпирающие лопатки. «Совсем птенчик, воробушек» — думал он потрясенно. И удивлялся, сколько мудрости и такта было в этой молоденькой полуграмотной эфиопке, которая так хотела доставить ему радость, не смущала лишними расспросами и позволила положиться на безмолвие, точнее — на язык обнаженного тела, который лучше всяких слов успокаивал и объединял растревоженные души.

Айвар думал и о том, что кто-нибудь наверняка снова обвинил бы его в аморальности, — переспать с кормящей матерью, по сути подтолкнув ее к этому, здесь равнялось святотатству. Но он считал иначе, а кроме того, ему просто было очень хорошо с ней, и они провели вместе не только ночь, но и почти весь следующий день. Преодолев робость, Лали даже попросила пожилую соседку присмотреть за ребенком два-три часа. Она пыталась сказать что-то в оправдание, но та добродушно отмахнулась. Наедине они совсем осмелели, и Лали удивила парня пробудившимся темпераментом и неутомимостью: познав обостренное наслаждение, она просила еще, будто взялась испытать его выносливость. Ей нравилось покоряться его власти, но когда Айвар уставал, она охотно сама забиралась на него сверху, что доставляло не менее бурное удовольствие обоим.

К вечеру Лали почти задремывала на его плече, прикрывшись постельным тряпьем. Айвар предпочел его откинуть, чтобы охладить тело и высушить пот, поскольку к его наготы она уже привыкла. Неожиданно девушка встрепенулась и удрученно сказала:

— Слушай, Айви! Я же совсем не подумала, что у тебя наверняка невеста есть. Она ведь расстроится, если узнает... Ты не говори ей ничего, ладно?

— Да с чего ты взяла? — улыбнулся Айвар. — Нет у меня сейчас никого, кроме тебя. Иначе что бы я тут делал, по-твоему? Я тоже не люблю никого расстраивать!

— Уж будто? — недоверчиво спросила Лали. — У такого хорошего, как ты, и нет невесты? Да тебе вообще жениться давно пора!

Эти слова, типичные скорее для какой-нибудь консервативной матроны, прозвучали так забавно в ее устах, что Айвар невольно рассмеялся и прижал девушку к себе. Она доверчиво потерлась лицом о его грудь. Неожиданно он почувствовал, что расслабленность уходит, и снова потянул Лали за собой.

Ему очень понравилась та легкость и уют, которым были овеяны их отношения, и нежный даже в моменты бесцеремонности секс, прекрасный вне всякой моральной подоплеки. И все же Айвара что-то смущало, несмотря на то, что Лали, к его радости, ожила и прониклась любовью к ребенку. Ни одна из его прежних девушек (да и последующих) не

смотрела на него такими глазами, серьезными и полными какого-то одухотворенного блеска даже в моменты страсти, как смотрела Лали. Он чувствовал, что не может отблагодарить ее за это в полной мере, хотя она и не рассчитывала на благодарность и от этого Айвару становилось еще более неловко.

И спустя некоторое время Лали призналась ему, что ей хочется поселиться в каком-нибудь тихом и живописном местечке подальше от Аддис-Абебы, которая так и не приглянулась ей по сердцу. Например, в какой-нибудь резиденции, куда можно устроиться домашней прислугой. Жизнь вблизи природы, тишина, красивый дом и культурные люди вокруг казались Лали чем-то родственным атмосфере любовных романов или старых фильмов, сведения о которых доходили до нее урывками.

Айвар пообещал помочь подруге и через свои знакомства нашел место на южном курорте Арба-Мынч. Ему показалось, что ей лучше устроиться в хорошей гостинице, чем в частном жилище, где хозяева будут иметь неограниченную власть над ней и ребенком.

Когда Лали уезжала вместе с Самуэлем, они попрощались очень тепло и нежно, и она коснулась лба и плеч Айвара каким-то неизвестным жестом, сочетающим христианское благословение и языческое заклинание.

— Айви, ты будь счастлив, пожалуйста, — тихо сказала она. — Обещаешь? Мне не надо от тебя ничего другого. Да и что там, если бы не ты, нас с Сэмом сейчас, наверное, уже не было бы на этом свете.

— Ты преувеличиваешь, маленькая моя, — заверил ее Айвар. — На самом деле ты очень сильная, тебя нужно было только немного подержать за руку.

— Немного, но зато как, — отозвалась Лали и доверчиво прижалась к нему.

Вскоре Айвар получил от нее письмо с восхищенным рассказом о местных озерах, реках, уютных домиках и нарядных людях. При нем была фотография, на которой Лали в красивой голубой форме и с белым цветком в волосах держала на руках окрепшего и кудрявого сына в такой же голубой щегольской курточке. Позже она вышла замуж за одного из местных управляющих. Он был вдовцом намного старше ее, но добрым и участливым человеком, охотно взявшим под опеку Самуэля. Впоследствии Лали регулярно присылала Айвару открытки с желтыми ромашками в эфиопский Новый Год, и он бережно их хранил вместе с первым письмом, где были те же слова, что она сказала ему перед отъездом.

3. Горький шоколад

Так жизнь шла своим чередом и казалась Айвару все более приятной и интересной шпукой, в которой еще предстоят достижения в работе, впечатления, странствия и настоящая любовь. Старшие товарищи считали легкомыслием то, что ему исполнилось двадцать восемь и он все еще не обзавелся семьей, но Айвар отвечал, что «ту самую» он непременно встретит и тогда об этом можно будет говорить. Связывать себя браком лишь потому, что «настало время», ему казалось глупостью.

Айвар мечтал о женщине, с которой прежде всего будут общие интересы, мысли и мечты, придающие интимным отношениям неповторимую сладость. Без нее любая, даже самая импульсивная и полная фантазии страсть с годами стала бы пресной. Он к этому времени был самодостаточным человеком и не сомневался, что уже не спутает это с признательностью, жалостью или страхом одиночества.

Во всяком случае, к наступившей новой осени Айвар был абсолютно свободен, и тогда все переменялось без всякого предварительного интуитивного сигнала.

Однажды Айвар в эвкалиптовом парке, прилегающем к больнице, увидел очень красивую африканку в элегантной зеленой тунике из шелка поверх белых брюк, с роскошными волнистыми волосами. В ушах у нее сияли массивные серьги причудливой формы, похожие на малахитовые. Лицо с высоким лбом, пухлыми губами и тяжеловатым подбородком было почти не тронуто макияжем: природа одарила его богатыми красками. Помимо эффектной внешности, она явно обладала и сословными привилегиями, дающими право не оглядываться на чужое мнение. То, как с девушкой разговаривал кто-то из персонала, тоже указывало на ее связь с управляющим аппаратом.

Он сразу оценил привлекательность гостыи, однако не уловил ничего знакомого, пока она сама не окликнула его:

— Теклай, это ты?

Айвар удивленно посмотрел на девушку, тщетно соображая, откуда мог ее знать, и ответил:

— Можно и так сказать. И кстати, добрый день. А что?

Красавица взглянула на него с явным одобрением, широко улыбнулась и сказала:

— И тебе добрый день! Теперь точно вижу, что это ты, больше так никто бы не сказал. А ты меня не узнаешь? Не помнишь то розовое платье, в которое матушка моя, Агарь, всегда меня наряжала, как я ни упиралась? Когда мы в гости приезжали, или вы к нам...

Тут Айвар растерянно улыбнулся:

— Бог ты мой, Налия?! Так ты тоже здесь? Вот уж кого не ожидал тут увидеть! Ты же еще в старших классах нацелилась на «первый мир», если мне память не изменяет.

— Мало ли что по юности хочешь? К тому же я все в этом «первом мире» пересмотрела, — с неожиданной серьезностью ответила Налия, а точнее Корналия Хэйзел Мэхдин. — Так что теперь служу в городском комитете по здравоохранению. А ты думал, я в модели подамся и уеду в Майами, что ли?

— Да кто же тебя знал! — усмехнулся Айвар, и они присели рядом на скамью. — Сказали бы мне в те времена, как у меня жизнь сложится, я бы вряд ли поверил.

— О, похоже, история у тебя долгая, — лукаво сказала Налия. — Впрочем, у меня тоже, я тебя, может быть, еще больше удивлю. А ты такой же красивый, как был, весь в своих

раздумьях. И независимый... Вроде и тусовался с другими ребятами, а на самом деле вечно где-то витал, потому и меня замечал через раз, верно, Теклай?

— Слушай, Налия, бросай эту дурацкую привычку, которую, похоже, привезла из России, — поморщился молодой человек. — Меня зовут Айвар, и если уж ты меня узнала, то это наверняка должна помнить.

— Верно, — отозвалась Налия, многозначительно улыбаясь, — еще бы не знать! Я все помню с того дня, как тебя впервые в Москву привезли. Нам тогда в посольстве праздник устроили в честь первого учебного года, ты сам-то помнишь? На столе был настоящий самовар, блинчики с малиновым вареньем, гурьевская запеканка, лимонад... А ты тогда еще с кудрями был. Куда теперь-то их подевал?

— Как только женщины запоминают все детали! Да, я всегда тянулся к неординарности, — с шутливой гордостью заявил Айвар. — Хотя когда мне пришлось жить в деревне, я вообще долго ходил стриженный почти под ноль. Мыться-то толком не удавалось... Ну ладно, об этом не будем. Помнишь новогодний вечер у нас в Питере, уже когда мы в старших классах учились? Ты тогда очень хотела спеть на сцене и вышла прямо как настоящая дива — бордовое платье с открытыми плечами, на голове феерическое «афро». Уж это тебе точно не мама навязала, да?

— Еще бы! Поскольку я вдобавок прихватила ее любимую помаду, а главное, фамильный браслет с каким-то редчайшим сапфиром, можешь себе представить, что она думала о моем блестящем дебюте.

— Но пела-то ты супер! Почему, кстати, выбрала именно «Simply the Best»? Данэ, мой друг, потом долго меня этим подкалывал. Ну, а как ты жила потом, когда я уехал?

— А сам ты как думаешь... — тут Налия прервалась и после паузы заговорила тише и резче. — Это тогда ты был мальчишкой и не мог понять, что в голове у пятнадцатилетней девушки, а теперь мы с тобой почти сравнялись. Если по-честному, то первое время я и вовсе жить не хотела. Неделю просто лежала лицом к стене, родители до сих пор помнят. Потом освоилась, но окончательно такие болезни не лечатся.

— Серьезно? — озадаченно спросил Айвар. — Прости, я как-то не думал.

Налия удивленно улыбнулась:

— Что это ты просишь прощения? Можно подумать, что ты меня по меньшей мере бросил прямо у алтаря.

Уловив что-то во взгляде Айвара, девушка добавила:

— Если тебе интересно, то могу сказать, что я до сих пор не замужем.

— Действительно не ожидал: в Эфиопии, тем более для такой семьи, как твоя, это странно. У тебя какие-то особые причины? Только не говори, что это я.

— Не дождешься! — насмешливо сказала Налия и протянула ему руку. — Ладно, про свою насыщенную жизнь я еще успею рассказать, а ты сам-то как? Я вижу, ты теперь здесь работаешь?

— Ну да, и уже на хорошем счету! Так что родительское дело не пропало даром. Надеюсь, мне удастся воплотить хоть что-нибудь из их стремлений.

— Даже не сомневаюсь, — загадочно ответила Налия.

У нее еще оставались дела в городе, и она на прощание сказала Айвару, что непременно за ним заедет к вечеру.

— Вот это сюрприз, — протянул парень, удивившись ее самоуверенности. — А если я на этот вечер уже занят, дорогой член городского комитета? Или вообще обручен, к

примеру?

— Даже если бы это и было правдой, меня бы не остановило, — дерзко ответила Налия. — Я и так ждала слишком долго.

Остаток рабочего дня после этой встречи Айвар пребывал в некоторой растерянности, из-за чего чуть медленнее управлялся с фасовкой и раздачей лекарств, и в конце концов старший медбрат даже сделал ему замечание. Но его порядком выбило из колеи появление этой девушки, а главное — ее последние слова, которыми она то ли делала ему некие авансы, то ли обозначала собственные права. И никогда еще перед свиданием его не охватывала такая тревога за несоответствие ожиданий и действительности.

Впрочем, ситуация и впрямь была непростой: Налию никак нельзя было сравнить с его прежними девушками, которые порой не видали ничего за пределами Аддис-Абебы, дочерьми башмачников и продавцов пластиковой тары. Хотя Айвар и от них частенько получал суровые отцовские нагоняи.

Родители Налии, Мэхдин Соломон Асеф и Агарь Джебрель, были дипломатами, а в роду отца имелись и представители аристократии, упраздненной после конца эфиопской монархии. Постоянно Налия жила в Москве, куда ее привезли из Аддис-Абебы в полугодовалом возрасте. Однако во время каникул и отпусков эфиопская диаспора собиралась то в столице, то в Питере, чтобы вспомнить родину, обсудить последние новости и прогнозы на будущее своей страны. Их дети обожали это время, так как хоть и приживались в русской среде, но самых близких товарищей все же находили среди своего народа.

С Налией Айвар не только общался во время таких встреч, они также часто болтали по телефону и в письмах. Хотя она была на год старше его, он почему-то относился к ней с трогательным покровительством, может быть потому, что интересовался сферами, в которые она пока и не думала проникать. Девочку привлекал мир школьных забав, праздников, нарядов и улиц с огромными домами, бледных людей с загадочными непроницаемыми лицами и парков, в которых росли диковинные деревья и цветы. Но о том, насколько они отличались от природы на ее родине, она узнала гораздо позже. В то же время Налия была очень веселой и уютной девочкой, но вовсе не легкомысленной, ей нравилось обсуждать с Айваром книги, познавательные передачи, свои мечты о дальних странах. А он в свою очередь делился с ней надеждами стать медиком и помогать людям в Африке. В Москве они вместе любовались городом с высоких холмов, в Петербурге бегали в тени вековых деревьев Летнего сада.

В подростковом возрасте Налия вдруг увлеклась спортом, зачастую вовсе не «дамскими» видами, и на тусовках предпочитала не хвалиться нарядами, а участвовать в армрестлинге, причем иногда побеждала и парней. У сверстниц это вызывало недоумение, мальчишки перед ней робели, а вот Айвару ее сложный характер нравился. Они по-прежнему часто созванивались, посылали друг другу открытки, а при встрече гуляли, ходили в музыкальные клубы, вместе изучали родной язык.

Хоть он в прошлое пребывание в Питере и сказал Даниэлю, что «смутно» помнит ее, это было неправдой. Ему казалось в тот момент некорректным обсуждать отношения с другими девушками, даже такие невинные, но на самом деле Айвар по-прежнему ясно видел пышные разноцветные банты на ее черных кудрях, похожие на экзотических бабочек, нежную полоску живота между ярко-красным топиком и рваными джинсами, самодельные причудливые ожерелья из цветного бисера и морских ракушек, как у ее далеких предков в

долине Омо. От них Налия унаследовала более темную кожу и более негроидные черты лица, чем у амхарца Айвара: в детстве они шутя говорили, что у нее цвет горького шоколада, а у него — молочного. Но в остальном она уже не походила на эти иссушенные зноем призрачные образы.

Сейчас, как отметил Айвар, она превратилась в крепкую и стройную девушку, по-прежнему любила все сверкающее и красочное, но долгая жизнь за рубежом привила ей и чувство элегантности.

Вечером Айвар еще пребывал в раздумьях, не лучше ли потихоньку уехать домой, пока не возникли новые неудобные вопросы. В немалой степени он боялся и того, что Налия просто его разыграла. Но вскоре автомобиль нарядного серебристого оттенка, который он успел запомнить, снова появился у госпиталя, и девушка помахала ему рукой.

Налия пригласила Айвара покататься по центру, где была сосредоточена культурная и деловая жизнь Аддис-Абебы. Они с удовольствием прошли по каменным джунглям, переливающимся в эти часы огнями витрин и окон в высотных зданиях и мелодиями из множества голосов. Девушка предложила отметить приятную встречу в ресторане, но Айвар настоял на заведении поскромнее, отговорившись тем, что в пафосной обстановке он будет не к месту в своих выбеленных джинсах с умышленно торчащими нитками, голубых кроссовках и довершающих этот дерзкий образ белых носках.

— Если дело в этом, какие проблемы? — беззаботно спросила девушка. — Мы можем заехать в магазин и купить что-нибудь соответствующее.

— Вот этого точно не надо. Не пойми превратно: я не сторонник патриархата и не отказываюсь от женских подарков, но только от скромных, и не на первом свидании. Так что сегодня я приглашу тебя сам, а дальше посмотрим.

— Надеюсь, во всем остальном ты не столь щепетилен? — улыбнулась Налия. — Ладно, Айвар, не хмурься. Разве я не могу в такой день немного тебя подколоть?

По предложению Айвара, молодые люди устроились в небольшом кафе, где пекли очень вкусную пиццу с курицей, ананасами и острым соусом. По ценовому сегменту оно было демократичным, но от каменной печи шел уютный аромат теста и специй, за деревянными перилами напевали цикады, плетеные корзинки с цветами смотрелись на белых скатертях подобно натюрмортам импрессионистов.

— Мне пока придется взять только сок, — рассуждала Налия, когда делала заказ, — а молодому человеку, пожалуй, бокал сухого шардоне. Для первой встречи в самый раз.

Айвар немного удивился, но ее выбор ему понравился, как и поданные блюда. Девушка ела с не меньшим аппетитом, чем он сам, и парень, наблюдая за ней, даже невольно улыбнулся. Заодно он обратил внимание на выглядывающую из-под платка округлую ложбинку в зоне ее декольте и невольно напрягся. «Как же я все-таки примитивно устроен, — подумал Айвар, — Сейчас бы точно покраснел, если бы мог».

Налия рассказала Айвару, что ее родители несколько лет назад обосновались в Эфиопии, хотя по-прежнему работали в министерстве. Сама она выбрала социальную сферу и с большой командой образованной молодежи занималась проблемой медико-санитарной неграмотности в стране. Их целью было введение обязательной вакцинации, планирование семьи с целью уменьшения голода, охрана материнства и детства.

— Вот только до настоящих преобразований еще далеко, — вздохнула Налия, разгоняя дым сигареты. — Это только на бумаге и на конференциях красиво звучит, а если задуматься... В Эфиопии половина населения не знает ничего о контрацепции, а другая знает

только аборт, и то самопальный, и никому не объяснить, как это напрямую связано с тем, что им скоро станет реально нечего жрать. Они только ждут, что кто-нибудь добрый им эту жратву пришлет гуманитарной посылкой, и еще возмущаются, что ее так долго нет.

— Да, к сожалению, но разве это только их вина? Если бы мы с тобой столько лет не прожили за границей, то, возможно, рассуждали бы так же. Ты ведь еще и по миру поездила, да?

— Еще как! Правда, начиналось это как молодежная дурь, игра, но потом я стала интересоваться волонтерскими программами, набралась знаний и решила вернуться сюда. Почти три года стараюсь помочь родине в меру скромных возможностей.

— Погоди, так ты приехала три года назад? — удивился Айвар. — Значит, почти одновременно с тем, как я уезжал в Питер?

Налия улыбнулась и ответила:

— Да, и мы наконец-то пересеклись.

Айвар в свою очередь бесхитростно поведал девушке о собственном прошлом. Он решил, что в настоящий момент может не стыдиться ошибок юности, и к его облегчению, Налию это нисколько от него не отвратило.

— Какое красивое кольцо, — заметил он, обратив внимание на ее массивный перстень в форме золотой змейки, обвивающей осколок малахита, видимо, в комплект к серьгам.

— А это еще одна память о России, Айвар: я и по Уралу успела попутешествовать, там осталось всего одно малахитовое месторождение. Мне этот камушек подарили как списанный, а потом я решила из него сделать сказочную композицию. Была такая легенда о царе змей, который обитал в недрах земли и владел всеми ее богатствами. Каждый год он похищал молодых девушек, вроде как себе в жены, но я думаю, что это было для острастки и наказания тех людей, кто посягал на его сокровища.

— Да, есть такие цари, которые провозглашают себя властителями всего живого и неживого, что им понравится, и с теми, кто не согласен, поступают по своему усмотрению. Вот куда девается золото, которое есть в эфиопской земле? Кто считает себя его хозяином, мистические чудища или все же вполне реальные?

Родители Налии, несмотря на возраст, еще вели активную деятельность и сейчас были в длительной командировке. Сама она жила в небольшом доме, предоставленном комитетом, в одном из наиболее ухоженных и уютных районов Аддис-Абебы.

— В гости позовешь? — неожиданно для самого себя спросил Айвар, когда девушка об этом поведала.

Налия взглянула на парня, помяла в руках ажурную кайму своего изумрудного платка, спадающего поверх туники, и произнесла:

— Конечно, а как же... Но я все-таки ждала, когда ты меня об этом попросишь, а я вроде как еще и смогу подумать. Я знала, что это когда-нибудь непременно будет.

Айвар, докурив и раздавив сигарету, усмехнулся и внимательно на нее посмотрел:

— А разве я о чем-то попросил?

4. "Превращен внезапно в ягуара..."

Когда они переступили порог дома, Налия, аккуратно взявшись за лацканы куртки Айвара, сказала тихо и ласково:

— Знаешь, о чем я больше всего любила мечтать в эти годы? Что мы с тобой каким-то образом сможем вернуться в Россию, на ту дачу, где я отдыхала летом, когда была маленькой. Я выдумаю какую-нибудь очень убедительную и важную причину, чтобы тебя заманить туда, и ты, конечно, не сможешь отказать. Будет очень жарко, веранда вся в солнечных бликах, в которых плавают пылинки, вокруг пахнет черемухой, ягодами, теплой землей, старыми книгами. Ты ведь помнишь все эти запахи?

— Ну а потом-то что? — спросил Айвар, почувствовав легкую растерянность.

Девушка таинственно улыбнулась и продолжила:

— Я еще много думала, какое на мне будет платье, но для тебя это явно не имеет значения? Может быть, сразу перейдем к следующей сцене? Я просто снимаю его и говорю, что хочу тебя, а потом... вариантов не так уж много, да, Айвар? Может быть, ты не любишь спешить и сначала дашь мне рассмотреть тебя и пощупать, может быть — сразу потеряешь над собой контроль, но в итоге мы все равно придем к одному.

Айвар усмехнулся, несмотря на волнение:

— А почему ты сразу отмела вариант, что я, допустим, скажу, что у меня другие планы? Почему ты думаешь, что меня можно сразить наповал сексом на первом свидании?

— Ну пока еще я ничего такого и не сделала! Я ведь просто делюсь своими мечтами, но если у тебя есть какие-то более интересные соображения, Теклай, я буду рада узнать.

Айвар, не мудрствуя лукаво, взял девушку за плечи и мягко поцеловал в губы. Тут Налия отбросила кокетство, обняла его сама и ответила необычайно жадным поцелуем, глядя его по спине и плечам и откровенно прижимаясь животом. Ощувив под своими ладонями ее крепкие бедра, Айвар подумал, что этих лет будто не было и сейчас им, как влюбленным созревающим подросткам, предстоит выкрасть пару сумасшедших часов, пока старших нет дома. И почему-то ему казалось, что он совсем не готов к этому повороту судьбы, слишком прекрасному, чтобы быть правдой. Объятия Налии, уют этого прекрасного дома, связующие нити их чистого прошлого ощущались как праздник, не предусмотренный его жизненным календарем. Нет, Айвар ни в коем случае не считал себя ниже ее, не стыдился за прошлое и скромный сословный статус. Но чем он заслужил любовь, которая жила в этой необыкновенной девушке все годы, когда он искренне верил, что никому на свете нет до него дела?

— Послушай, Налия, может быть, я сначала хоть помоюсь? — почему-то спросил он. — У тебя же наверняка тут есть душ или что-нибудь такое? А то после работы не успел ополоснуться.

Он старался говорить так буднично, словно и впрямь просто был в гостях и интересовался, где можно помыть руки. Правда, в Эфиопии подобный вопрос вовсе не был праздным, и Айвар всегда придавал большое значение таким вещам.

Но девушка спросила с веселым удивлением:

— Это ты к чему, Айвар? Тебе что, хочется, чтобы все было по каким-то неведомо чьим древним канонам, с омовением и молитвами? Так это еще у нас будет, не переживай. Но сейчас-то зачем терять время? Не надо ничего стесняться!

Почему-то эти слова показались Айвару забавными. В красивых и чистых сказках о принцессе и простом парне обычно не обсуждались такие приземленные вещи и занавес опускался раньше, чем герои соприкасались телами. А они стремительно подошли к черте, за которой тяга друг к другу приобретала двусмысленный характер, в особенности то, что Налия так или иначе хотела задавать в этой игре тон. В таком случае стоило напомнить ей, что для него, мальчишки из низов, давно не существовало авторитетов и барьеров, он лучше кого бы то ни было знал изнанку человеческого естества, над которой не властны ни происхождение, ни деньги. Вероятно, Налия могла удивить его чем-то иным, но пока Айвар этого не знал, а смотреть на нее снизу вверх только по старой памяти не собирался.

Он быстро скинул куртку, потом так же, одним резким движением, сорвал с нее платок и легко, почти небрежно, положил руку на плечо девушки.

— А ты сама ничего не боишься, Налия? — спросил Айвар тихо, посмотрев ей в глаза. — Я ведь действительно очень силен. И только эти самые каноны разной степени паршивости меня удерживали много лет, так что я до сих пор всего не знаю о себе. А ты заранее уверена, что все пойдет по твоим правилам?

— Я ведь именно это тебе и предлагаю: отведи душу, Айвар, тебе давно пора, — спокойно ответила Налия. — Почему я должна этого бояться? И забудь о том, чтобы обращаться со мной как с хорошей девочкой: такой я точно не являюсь, особенно когда ты рядом.

— А разве желание переспать со мной уже делает тебя плохой? — с неожиданной серьезностью спросил Айвар и посмотрел на открывшийся взору силуэт девушки. Под платком скрывался смелый вырез туники, полностью обнажающий одно плечо, и белья под ней не было. Тонкие белые штаны облегли ее стройные ноги, а позолоченные сандалии открывали нежные ступни, к которым сразу захотелось прикоснуться.

Неожиданно Налия стянула тунику через голову и ласково спросила, явно упиваясь тем, как он смотрел на ее уютные прелести:

— Что это ты оробел, Айвар?

На самом деле Айвар не оробел, но его сразила необычная для Африки полнокровность и самоуверенность этой молодой женщины. Он нечасто видел ее и у туристок, а уж эфиопские девушки почти всегда выглядели незрелыми и хрупкими, похожими на подростков, и Айвар порой боялся раздавить их своей внушительной комплекцией. Да и интеллектуальные барьеры их смущали. А вот Налия, похоже, не ведала никакого стеснения перед его телом и жизненным опытом, и почему-то ему это очень нравилось.

Он тоже снял футболку, обхватил девушку за плечи и снова приник к ее горячим губам, затем стал целовать шею и грудь, еле сдерживая распирающее желание грубо прижать ее к стене. «Что-то я не к добру разошелся» — вдруг мелькнуло у Айвара в голове, а тем временем Налия с видом богини, которую обслуживал жрец, невозмутимо стала надавливать ему на затылок. Тут он кое-как высвободился и вопросительно посмотрел ей в лицо.

— Ну что, Теклай, еще станешь говорить, что если бы ты был обручен, то тебя бы здесь не было? — задорно сказала Налия, придерживая его за ремень. — А вот мне почему-то кажется, что ты бы точно так же забыл обо всем на свете.

Айвар не мог с уверенностью сказать, что Налия права, и тем не менее ответил почти спокойно:

— Налия, а что особенного в том, что я здесь? Я, если ты не заметила, молодой красивый парень, я люблю секс, люблю что-то новое. Так с чего бы мне отказываться? Или у

тебя уже есть претензии на нечто большее?

— Да у тебя в запасе немало колкостей, — улыбнулась девушка, — и выдержки, похоже, не занимать. Что же, тем интереснее.

Вдруг Налия с неожиданной бережностью прикоснулась к его налитым мышцам, перехваченным медными наплечными браслетами, и тихо сказала:

— Господи, какой ты стал красивый...

Почему-то Айвар ничего не смог ответить и только поцеловал ее в ямочку между ключицами. От этой крепкой пышногрудой девушки исходило тепло, напомнившее ему о вселенском первоисточнике, которому языческие легенды приписывали образ искушенной, не боящейся своих желаний женщины. Ее кудри и кожа пахли поздним виноградом с лиловой кожицей, подернутой инеем. Налия провела острым ногтем по его шее вдоль яремной вены, затем погладила соски, провела по ложбинке между напрягшимися грудными мышцами, слегка царапнула по животу.

Айвар не стал дожидаться, пока эти оценивающие прикосновения пойдут дальше, и плохо запомнил, как они оказались в спальне и где осталась вся прочая одежда. Но это забытие развязало ему руки, освободило африканское нутро и здоровую молодую агрессию от мыслей, недомолвок и правил приличия. Никто не мог наблюдать за ними, но Айвару казалось, что он совершает что-то преступное и от этого еще более очаровательное, сжимая ее плечи, руки и бедра, впечатывая грудью и животом в постель, истерзанную под их телами, запуская руки в гущу ее дикарских черных волос. Он вольно обращался с ее телом, не давая опомниться, жалел, что не может подрумянить черную кожу Налии своими пометками, а потом брал передышку и прижимался к нежному изгибу между ее шеей и плечом, к которому липли влажные завитки кудрей. «Не вздумай сказать, что это все!» — яростно шептала девушка, на что он почти спокойно парировал: «Плохо же ты меня знаешь!»

От бесцеремонных шлепков она вскрикивала, но тут же прогибалась еще соблазнительнее, стонала под весом его тела, кусала подушки, обхватывала его рукой за шею. Всласть отхлестав гордую африканку, Айвар разом повернул ее на спину, чтобы видеть все отражающиеся на лице чувства, бережно поцеловал ее грудь и низ живота и сразу взял стремительный ритм, будто боялся, что Налия еще попытается ускользнуть.

На такой скорости пик острого наслаждения быстро настиг и отпустил его, и Айвар сразу встревожился, что мог причинить девушке боль или обиду этим напором, но Налия его успокоила, многозначительно сказав: «Не бойся, я в долгу не останусь». И действительно, она не давала ему спуска в противоборстве, властвуя над этим красивым и странным парнем. Девушка обожала «кататься верхом», играть в «перекрестную любовь», меняясь местами, хватать его за волосы и удивлять знанием грязных словечек. Но Айвар это одобрял, считая, что страстные женщины в близости восполняют свои постоянные кровопотери и другие телесные и душевные затраты, которые волей-неволей ранят их сильнее, чем мужчин. И его слишком жгло изнутри, чтобы думать о самолюбии.

— Как жарко... — шепнула Налия, когда они вытянулись рядом, любуясь друг другом, наслаждаясь собственным бесстыдством. Их залитые потом тела изнывали от приятной усталости. Девушка вольготно улеглась на бок, словно отдыхающая гетера, и Айвар в порыве нежности снова стал целовать ее руки, плечи и колени.

Ближе к полуночи она задремала, а Айвара одолевали мысли, с которыми никак не удавалось заснуть, к тому же постель казалась раскаленной. Натянув штаны, он сходил в ванную комнату, освежил прохладной водой лицо и торс, а потом заглянул в красиво

убранную кухню. Большое панорамное окно открывало вид на дикий сад, который на фоне ночного африканского неба казался тревожным, сонным сказочным лесом. Айвар долго всматривался в его глубину через стекло и порой задерживал дыхание, чтобы ощутить звенящую тишину. В нем ожили какие-то свежие силы, словно он сбросил старую кожу, а еще впервые за много лет ощутил тепло родного дома.

Потом пришла и Налия, кутаясь в кружевной халатик нежно-пудрового цвета, который вызвал у обоих забавные воспоминания о нелюбимом ею «розовом платице». Они вместе постояли босиком у этого окна, обняв друг друга за талию, а потом снова разговорились так же легко, как в кафе, вспомнили даже о вечерах на диком балтийском пляже, когда диаспора устроила для эфиопских ребят поездку в оздоровительный лагерь.

Айвар надолго спрятал это в потемках сознания, как все, что было в последнее лето его детства в России. Теперь он впервые смог подумать об этом без прежней боли, и между воспоминаниями они ребячливо и весело ласкались. Он усаживал ее к себе на колени и Налия тыкалась носом в его влажные от пота волосы, игриво целовала его в обнаженные плечи и спину, водила пальцем по татуированному цветку, отчего у него снова тревожно и сладко ныло сердце.

Потом девушка взялась жарить кофейные зерна. Так же, как и Айвар, она любила кофе с шоколадом, только предпочитала всякие экстремальные добавки — имбирь, красный перец, морскую соль. Впрочем, в кухне витало много острых и сладких ароматов от специй и благовоний, как и в ванной веяло запахом сухих цветов и терпкого виноградного масла.

— Выпить чего-нибудь хочешь? — спросила Налия. — У меня есть чудесный карамельный ликер из Южной Африки, с кофе лучше и не придумаешь.

— Спасибо, но сейчас мне хочется, чтобы голова была ясной. Кроме того, ты горячее всякого напитка!

— Да и ты будешь покрепче, чем абсент! А самое главное, в неограниченном употреблении.

— Ладно тебе льстить, Налия! Для своей расы я ровно такой как надо, — отозвался Айвар невозмутимо, но с таким же лукавым огоньком в глазах.

— Но поесть, наверное, не откажешься? Могу гренки по-быстрому сделать, если хочешь.

— Ну кто же откажется от такой щедрости, — улыбнулся Айвар.

Поставив кувшин на огонь, Налия сказала:

— Ничего, что я себя так нагло повела? Знаешь, по твоему лицу сначала показалось, что тебе все еще четырнадцать и ты плохо понимаешь, чего от тебя хотят...

Она рассмеялась чуть глуховатым от курения, но приятным грудным смехом.

— Да просто отвратительно! — сказал Айвар весело, от души целуя волосы и шею девушки. — В следующий раз будь любезна: встретить меня в строгом платье в пол, с горячим ужином, целуй руки и ничего не говори и не делай, пока не разрешу.

— О, теперь я слышу истинного эфиопского мужчину, а не рафинированного петербуржца, — усмехнулась Налия. — Что же, попробуй, приучи меня к такому!

— Ладно, — ответил Айвар, осматриваясь. Ему очень нравилась прелестная умиротворяющая обстановка кухни: шторы из органзы с видом раскаленной пустыни, над которой восходит багровое солнце, плетеный поднос с расписными чашечками и сахарницей, арабский узорный коврик на полу, лампа под бледно-фиолетовым абажуром, разрисованным веточками белой сирени, которую Налия привезла еще из Москвы.

Девушка поставила на столик блюдо с гренками, снова села рядом и погладила его ступни пальцами ноги с перламутровым педикюром, стилизованным под «змеиную кожу». Айвар взглянул на нее с неловкой улыбкой — Налия попала в точку, заметив, что порой он выглядел как скромный подросток с более искушенной подругой. Но на самом деле это была зрелая и мудрая деликатность, когда не все считаешь нужным выставить напоказ.

— А я все-таки даже сейчас медленно соображаю, не лучше, чем в четырнадцать. Хоть бы цветы по пути купил, или сладости какие-нибудь, — заметил парень сокрушенно. — Но уж в следующий раз непременно принесу.

Тут он еще больше замялся и добавил:

— Прости, я сегодня что-то все время невпопад говорю...

Налия посмотрела на Айвара с улыбкой, поняв, что его смутило в собственных словах. Она потерлась щекой о его плечо и сказала:

— Да что ты, Айвар, приходи сюда когда захочешь, а лучше вообще оставайся. Зря я, что ли, тебя так долго ждала?

— Ты же меня знала не таким, как сейчас. Я, если честно, не был уверен, что в нынешнем виде так же буду тебе нравиться.

— Могу тебя заверить: хоть ты и подросток, душа у тебя все та же, слишком ранимая для моего женского эгоизма. А ведь ты потрясающий мужчина, шикарный... Я бы даже сказала — благодатный. Такие в природе едва встречаются, и обращаться с ними надо соответственно. Вряд ли я заслуживаю того, чтобы ты так на меня смотрел.

Она испытующе поглядела на Айвара, но он понял ее слова и спокойно сказал:

— А может быть, я именно этого и хочу? Знаешь, есть у Гумилева такие ранние стихи — «Ягуар», «Маскарад», «Поединок»... Цитировать я их сейчас не буду, чтобы не выглядеть банальным, но там говорится о том, что поклонение единственной в своем роде прекрасной женщине, полная самоотдача ради одного ее взгляда — а больше порой ничего, — это высшая степень блаженства. Правда, ей еще надо побороться за то, чтобы мужчина счел ее такой, завоевать силой, красотой, колдовством. Ну, если хочешь, можно это назвать сумасшедшей концентрацией химических процессов в крови, исходящих от нервной системы. Я же все-таки медик, хоть и среднего звена, так что мне близки оба представления.

— Знаешь, не лучший образец для подражания, Айвар, тем более что у меня любимое стихотворение этого поэта — «Гиена», а там, если ты помнишь, речь идет о **«преступной, но пленительной царице»**. Именно она для меня всегда была эталоном, а не диснеевские и даже не британские принцессы. Ужасно, да?

Они вели этот необычный разговор, между делом не забывая о гренках с медом и корицей, которые запивали густым маслянистым кофе.

— Так что жизнь нельзя так низко ценить, — добавила Налия серьезно, — на свете есть много хорошего, кроме того, чтобы покоряться языческому божеству за красивые ноги.

— Понятно, но я с жизнью и не собираюсь расставаться, ты не думай, — усмехнулся Айвар. — Зачем, если при жизни для своего «божества» можно сделать гораздо больше? Счастье ведь складывается из малых радостей, хоть из тех же цветов или конфет, кто бы ни говорил, что это давно устарело. Вот представь себе, я до сих пор помню, что тебе больше всего нравилось в России.

— Ну да, хоть я и была мажоркой, но любила все, что продавалось в уличных палатках, особенно смешные леденцы в форме петушка. Для меня и сейчас лучший подарок — это впечатления и секреты, все остальное я могу себе сама купить. Только слушай, я как-то не

понимаю: про цветы, конфеты и прочие радости для меня ты все сказал, а я-то для тебя что буду делать? Ты взамен разве ничего не хочешь получить?

Айвар удивленно посмотрел на нее, теребя пальцами свою густую шевелюру, и сказал:

— Налия, я чужие обязанности не считаю, такое говорить можно только за себя. Мне хватает того, что ты есть, и чтобы тебе было хорошо. Я, конечно, рад, что у тебя скромные и милые запросы, но насчет самоотдачи вполне искренне говорю, можешь поверить.

Налия бросила на него быстрый взгляд.

— Насчет самоотдачи в физическом смысле — верю, что уж там... Но что-то ты наверняка оставишь за собой, Айвар, иначе это уже будешь не ты.

Айвар ответил после паузы:

— Ну, как говорят в России, проживем — увидим. Но вообще в духовном, так сказать, смысле я действительно привык быть своим собственным. Думаю, тебе об этом следует знать.

— Я знаю, — тихо сказала Налия.

Она взяла его за руку, и ему показалось, что на ее темных щеках неведомым образом выступил румянец.

— Поэтому сейчас и хочу тебя больше чем всегда...

— Правда? В смысле — прямо сейчас? — почему-то спросил он, чувствуя, что по его телу от этого прикосновения пробежала болезненная дрожь.

«Господи, да что это, зачем я это говорю?» — пронеслось в мыслях. Но времени на то, чтобы вдуматься, уже не нашлось. Айвар стремительно подхватил ее, уложил на ворох нарядно расшитых подушек, рассыпанных на полу у самого окна, и мастерски закинул ее ноги себе на плечи. Налия несколько не смутилась от этого почти дикого порыва, в отличие от самого Айвара, который забыл о предохранении и вместо того, чтобы растянуть удовольствие им обоим, вынужден был оторваться от нее раньше желанного момента. От острой смеси наслаждения и досады он с трудом удержался, чтобы не застонать. Это усилие далось с болью в груди, и Айвар даже укусил себя за кисть.

Девушка заметила это и тихо заговорила с изумлением и жалостью, глядя его по плечам:

— Зачем ты себя мучаешь, Айвар? Кричи, если так хочется, это нормально, это хорошо, этого не надо стыдиться. Прокричись наконец, или даже проплачься, — я с тобой, я вижу, как тебе это сейчас необходимо...

Но он промолчал, до тех пор, пока она не прижалась к нему, благодарно целуя его губы и щеки. Тут накопившиеся и оледеневшие внутри от душевного напряжения слезы наконец пролились из его глаз, унося с собой соль многолетней тоски и снимая все внутренние запреты на чувства.

5. Одержимость

С этого момента жизнь Айвара расцвела совсем новыми красками. Всю неделю после первого свидания они с Налией то и дело перезванивались, особенно по вечерам, и делились впечатлениями о том, что происходило вокруг, даже если речь шла о каких-нибудь уличных торговцах или музыкантах. А перед следующими выходными, когда Айвар уже вернулся с работы в свою съемную квартиру и собирался немного прибраться, в дверь неожиданно постучали. С удивлением он увидел на пороге Налию, одетую в простой спортивный джемпер и джинсы. В руках у нее была объемная сумка.

— Привет! — беззаботно сказала девушка. — Знаешь, а мне тут захотелось блинов напечь. Как у тебя здесь с плитой?

— Привет, Налия. Блины, конечно, дело хорошее, но я что-то не понял: а у себя дома ты не можешь? И кстати, я вроде не говорил, где живу.

— Ну, у меня есть источники, — невозмутимо ответила Налия и, воспользовавшись его заминкой, вошла внутрь. — И кто же ест блины в одиночестве? Это даже как-то неприлично! Тебе как больше нравится? У меня тут все с собой: и икра, и рыба, и варенье — я сразу два захватила, вишневое и яблочное...

— Яблочное варенье в Африке? — удивился Айвар, даже забыв о странности ее визита. — Этого я точно тут давно не пробовал! От тебя скорее стоило ожидать какого-нибудь дуриана или драконьего глаза.

Девушка, распаковывая продукты, засмеялась:

— Скажешь тоже, Айвар! Ты просто не видел, как на это варенье набрасываются ребята из подшефных школ. Они его называют «золотым». Вот я специально для них его и привожу из России. На всякие драконьи глаза они, может быть, и смотреть не станут!

За разговорами Айвар и не заметил, как Налия умело напекла блинов на электроплитке и накрыла маленький столик. Его жилью показалось ей очень уютным, хоть и скромным. Квартира располагалась на последнем этаже довольно высокого для Аддис-Абебы бетонного здания и состояла из крошечной кухни и комнатки мансардного типа. Под скошенным потолком было большое окно, из которого виднелась одна из самых оживленных улиц, и по ней сновали машины, а вдалеке сияли огни гостиниц и купола церквей.

С собой, как выяснилось, Налия принесла еще и пару расписных бокалов в подарок и поставила их на стол, который выглядел уже совсем по-праздничному.

— У меня здесь только сок и медовая вода, — заметил Айвар, доставая бутылки. — И все-таки объясни, Налия, почему именно блины? Если это предел твоих кулинарных способностей, то проще было бы заказать еду из ресторана.

Он не намеревался ее задеть: в Эфиопии у зажиточных горожан было принято иметь прислугу и молодые женщины в таких семьях часто вообще не умели готовить. Однако Налия с пониманием кивнула и заявила:

— Тут ты ошибаешься, Айвар: меня мать с детства приучала к самостоятельности. Я потом сама их с отцом встречала с работы к ужину: и картошку с курицей жарила, и оладьи пекла. Мама часто говорила, что когда-нибудь это может пригодиться, и оказалась права. Она ведь родилась в простой семье и тоже все умеет делать сама. А папа по выходным, если был дома, сам готовил кытфо. Он считает, что только мужчина способен порубить и поперчить сырое мясо так, чтобы оно не превратилось в нечто склизкое и сохранило «живой

вкус».

Блины действительно удались прекрасно: пышные, румяные и с ажурной каймой по кругу. Айвар вдоволь наелся и с улыбкой посмотрел на девушку, которая все больше его удивляла. Она тоже вдохновенно его рассматривала, хотя выглядел он сейчас по-домашнему — у себя Айвар обычно носил свободную льняную рубашку этнического кроя на шнуровке и длинные бриджи. Но эта легкая простая одежда прекрасно подчеркивала его крепкое телосложение.

— А у тебя, как я вижу, нет водопровода? — спросила Налия.

— Верно, все по старинке: воду приходится носить со двора, но она по крайней мере приемлемого качества. Вот здесь у меня всегда есть запас.

Он кивнул в сторону большого чана, который стоял в углу кухни.

— Принесешь еще на всякий случай? — сказала девушка, вставая и собирая посуду.

Айвар немного помедлил, взял пару канистр и пошел вниз. Когда он вернулся, Налия уже лежала в постели, укрытая тонкой простыней, и Айвар заметил, что на ее лице и волосах остались капли воды.

— Тебя долго пришлось ждать, — сказала Налия и протянула ему навстречу руки.

Он быстро и безмолвно направился к ней, одновременно управляясь со шнуровкой и поясом штанов. В нем снова закипела нежность вместе со сладкой, азартной злостью, и именно этого, как он чувствовал, та и добивалась. Налия стянула с Айвара трусы и торжествующе вскинула вверх ноги, обвивая его талию, вовлекая в самый приятный и желанный плен. Он легко, почти без подготовки проник внутрь и начал плавные движения, обещающие яркую кульминацию, — Налия отговорила его от барьерной контрацепции, убедив, что предохраняется сама. Было невероятно жарко от общего дыхания, скользко от смешавшегося пота, их кофейная кожа маслянисто блестела в отблесках лампы. Слушая учащенное биение сердец, ласкаясь одинаково пухлыми губами, соприкасаясь одинаково белыми ладонями и ступнями, они будто объединялись в невероятно красивом африканском ритуале. «Какая же она родная, — вдруг подумал Айвар. — Как же это все правильно...»

В этот раз Айвар задремал, когда они наконец оторвались друг от друга, и когда он открыл глаза, прошло больше двух часов и за окном уже совсем стемнело. Глянув на спящую рядом девушку, он приподнял простыню и залюбовался красотой ее обнаженного тела, сильного, гибкого и удивительно грациозного. Айвар не сдержался и стал целовать ее шею, плечи и проступающий позвоночник.

— Отстань, Айвар, я хочу спать, — лениво промолвила Налия и перетянула простыню на себя.

— Тебе даже не обязательно для этого просыпаться, я и так справлюсь, — заметил молодой человек, который сильно раззадорился этим протестом после того, как легко и бесцеремонно она освоила его дом и постель.

— А это уже будет насилие над бесчувственным телом, — усмехнулась девушка и снова прикрыла глаза.

Тут уж Айвар не утерпел, быстро повернул ее на живот и накрыл своим телом, не давая никакой возможности двигаться. Впрочем, Налия и не сопротивлялась. Несколько легких непристойностей, которые она изрекла в его адрес, были скорее из-за избытка чувств, чем от возмущения.

— Ничего, зато утром тебя самого можно будет брать тепленьким, — мстительно сказала девушка, когда Айвар умиротворенно откинулся на спину.

— Ну ты и Мессалина! — отозвался парень, выразительно поглядев на нее. — Только имей в виду, что потом мне надо будет к ребятам, у нас тренировки. Подводить их из-за своих любовных игрищ я не собираюсь.

К этому Налия отнеслась с пониманием, и так между ними начались отношения, которые не стоило называть романом — все-таки от этого слова веяло легкостью и мимолетностью, словно от короткой книги. Каким бы интересным и захватывающим ни был ее сюжет, с последней страницы она уже не могла остаться частью жизни. Здесь же, как чувствовал Айвар, зарождалось нечто совсем другое. По выходным дням они гуляли по цветущим богатым районам и мрачным нищим кварталам, катались на машине по окрестностям. А в будни Налия нередко встречалась с Айваром в обеденное время и они вместе ходили в кафе рядом с больницей, рассказывая друг другу о работе и о жизни. Постепенно она поведала ему все о том, как жила после их расставания.

Слова Налии о том, что она «лежала лицом к стене», вовсе не были преувеличением. Она страшно поругалась с родителями, заявив, что они, как давние друзья семьи Айвара (эта дружба началась еще до приезда в Россию), обязаны были забрать осиротевшего мальчика к себе. Девушка была уверена, что он со дня на день откликнулся бы на ее чувства: не зря же они в лагере проводили столько времени вдвоем и на прощание, когда Налия уезжала в Москву, обменялись смешными поцелуями в щеку. А еще в это лето мальчик преподнес ей букетик из водяных лилий, которые неведомо каким образом отыскал на местных болотах. Может быть, Айвар чуть позже и признался бы ей в чем-то более сильном, чем трогательная детская привязанность, но случившаяся трагедия оставила все это на отколовшейся части его разбитой жизни.

Налия даже попыталась узнать что-нибудь о том, куда увезли Айвара, но из этого ничего не вышло. И после этого она временно ушла из дома, бросила учебу и прибилась к дурным компаниям. К счастью, ум и недоверчивость не дали ей попасть в беду, как это случалось со многими ее сверстницами, ступившими на нелегкий путь поисков себя. Впрочем, мало кто решился бы совершить с девушкой что-то против ее воли — сама Налия на полном серьезе утверждала, что в таком случае дралась бы до смерти, чужой или своей, и Айвар в это верил. Ее широкие плечи, крепкие руки и по-крестьянски грубоватые кисти, унаследованные от предков, внушали осторожность тем, кто лучше всего понимал язык силы.

Но затем здравый смысл взял верх над порывами. Помирившись с родителями, окончив МГИМО и выучив, помимо английского и амхарского, популярный в Африке французский язык, эфиопка со страстью занялась исследованием мира. Но вместо шопинга и развлечений класса «люкс» Налия выбирала самые необычные и неудобные маршруты и извлекала из каждого увиденного города, поселка или пункта все странное, скрытое, теневое, о чем не знают туристы, не сочиняют маркетинговых баек гиды и не пишут авторы глянцевого буклетов. Узнав о «задворках» Парижа, Рима, Барселоны и других священных Граалей для обывателей всего мира, она устремилась к своим корням, в Африку. Тогда Налии уже было понятно, что так плохо, как там, в Европе не живут и самые бедные люди.

Самым страшным девушке казалось отношение к жизни, здоровью и страданиям в нищих странах Африки. Христианские традиции, которых придерживался эфиопский народ, приписывали боли и лишению какое-то обаяние и благородство, и Налия давным-давно думала так же. Тем более стихи и проза русских классиков, которые она проходила в московской школе, учили тому же, и жизнь без скорби и надлома представлялась неполной

или несправедной.

Однако в беднейших регионах Эфиопии и других несчастных стран Налия поняла, сколько в этой идее лицемерия. На своем пути ей довелось общаться с членами разных гуманистических движений, многие из которых не стремились помочь страждущим, а только искали приключений и верили в идеалы, кое-как сшитые еще по лекалу культуры хиппи. Но истинных подвижников не пугало погружение в мир голода, разрухи, страшных болезней, паразитов, сепсиса и прочей мерзости, являвшейся буднями для множества людей. Они и объяснили Налии, что мало просто отмыть человека, дать ему лекарство и накормить, что это не имеет смысла без просветительской работы, которая прививает ему чувство ответственности за свое здоровье, безопасность, достоинство.

Родители, которые к этому времени сами вернулись в Эфиопию, поначалу боялись, что все это окажется очередным пылким увлечением и быстро надоеет девушке, привыкшей к комфорту и привилегиям. Но Налия не пошла по пути своих ровесниц из влиятельных семей и сразу начала работать, в чем они, конечно, помогли, однако не давали поблажек. Она занималась и переводом важных документов, и организацией встреч, и даже программой развлекательных мероприятий для гостей из-за рубежа (они были, разумеется, пристойными и касались лишь парадной стороны эфиопской культуры). Медицинскую сферу Налия выбрала не без тайных мыслей об Айваре, будто предчувствуя, что когда-нибудь эта дорога их сведет.

— И вот представь себе, Айвар, какие были лица у родителей, когда я заявила в Аддис в рокерском прикиде, с кучей цветных косичек на голове, и сказала, что тоже хочу заниматься важными государственными делами! — вспоминала Налия со смехом, устроившись у окна с сигаретой, закутанная в простыню.

— Что же они сказали?

— Как ни странно, только попросили не показываться в таком виде на деловых мероприятиях, а в свободное время пожалуйста! — для убедительности девушка задорно взлохматила свои потрясающие кудри.

— Кстати о свободном времени: а поклонников-то у тебя было много?

— Хватало, врать не буду, — спокойно ответила Налия. — Но ты, наверное, не удивлен, я ведь тоже девушка эффектная! Только я очень мало кого подпускала к себе, Айвар. В юности мне и без этого хватало адреналина выше головы, а потом я несколько раз пробовала встречаться со славными ребятами — хулиганы мне категорически не нравятся, кроме тебя, конечно...

— Это я-то хулиган?

— А будто нет! Но с этими парнями мне быстро становилось скучно, так что я быстро расходилась по-мирному: запасные варианты мне не нужны.

— Но откуда же в тебе столько страсти? — шутливо спросил Айвар.

— Разве для этого нужен практический опыт? — усмехнулась Налия. — Теклай, самыми эротичными моментами моего прошлого были те, когда мы виделись с тобой. Ты знал, что на тебя засматривались очень многие девчонки, и африканки, и русские? Да, им было проще с веселыми и раскованными пацанами постарше, у которых на уме только баскетбол и дискотеки, но потихоньку они все равно мечтали о тебе. И знаешь, как я боялась, что когда-нибудь, после совершеннолетия, я приеду снова в Питер и услышу, что ты женился на ком-то из них? Правда, в итоге все, конечно, обернулось гораздо страшнее, но все же...

Айвар посмотрел на нее с той же, что и в юности, тихой удивленной улыбкой, за которой было сложно разглядеть его истинные мысли, и это всегда пробуждало в Налии тревогу и ревность. Он помнил, что по мере созревания девушка все больше его провоцировала — в ход шли и те же обтягивающие топики, и распущенные кудри, и кокетство на пляже или на вечеринках. Но теперь он увидел ее яркость и женственность новыми глазами и уже сам никогда бы ее не упустил.

На работе Налия следовала западной деловой культуре, а вне ее давала волю вдохновению, носила короткие кофточки с бахромой, кашмирские шали, пышные юбки и плетеные, расписанные цветами туфли на огромной танкетке, хотя и так была ненамного ниже Айвара. Эти вещи были сшиты на заказ по образцам, которые она подсмотрела на блошиных рынках Европы и южных базарах, а также в любимом ею старом кино и мюзиклах. Налия могла позволить себе любые духи, но оставалась верна простому ароматическому маслу из виноградных косточек, а бриллиантам предпочитала акульки зубы и амулеты из стекла или дерева. В небольшом, но очень уютном доме у Налии было много предметов быта, которые она собирала по разным странам, и у каждого, как она объяснила Айвару, была своя история.

Приходя в этот дом, Айвар всякий раз чувствовал себя как в одной из сказок, которые любил в детстве. Конечно, он не мог удивить подругу дорогими подарками, но всегда приносил чудесные букеты и покупал ей винтажные брошки и заколки, ароматические травы для ванны, декоративное мыло из лавочки, где продавалась прованская парфюмерия (Налия обожала все водные и косметические процедуры). Она не оставалась в долгу и купила ему очень качественный массажер для спины, а кроме того, радовала его домашним уютом. После ночи в доме Налии они, если день был свободным, подолгу беседовали за свежим кофе и завтраком, который она делала сама, предпочитая провести утро без прислуги. Айвар всегда удивлялся, как ей удавалось из калорийных продуктов приготовить нежные и насыщающие энергией блюда — кашу с медом, свежие булочки из кукурузы и сгущенного молока, омлет на топленых сливках.

Он заметил, что Налия любила красивую сервировку стола. Ей претила привычка многих обывателей прятать нарядную посуду и предметы быта под замок, есть со старых тарелок, пить из типовых бокалов и сколотых чашек и застилать стол уродливыми клеенками. На ее взгляд, с красотой нужно было дружить, впуская ее в каждодневный семейный быт, с едой, отдыхом, работой. Поэтому Налия к трапезе стелила на стол белую скатерть, расшитую серебряными звездами, и ставила сервиз из голубой глины с акварельными дымчатыми разводами, который ей подарили родители к совершеннолетию.

А когда Налия приезжала к нему, им порой хотелось прогуляться под ночным небом, и молодые люди, накинув ветровки, выбирались на крышу дома. Там Айвар и Налия подолгу смотрели на город, слушали музыку и болтали. И никакая социальная разнородность в эти моменты не мешала им быть просто мужчиной и женщиной, прекрасными в своем первобытном согласии и покое. Единственной привилегией, которую Налия оставляла за собой, была уверенность в себе, независимость и бескомпромиссность.

6. Смена имиджа

Спустя несколько месяцев Айвар отметил, что Налия все больше и увереннее встраивает его в представления о своем будущем. То и дело она произносила что-нибудь в духе «когда мы с тобой выберемся в Европу...», и в таких случаях парень все же мягко замечал:

— Милая, ты что-то слишком торопишься! На заработки медбрата, пусть и в нашем госпитале, далеко не уедешь. И прошу заметить, мне никто не делает там поблажек только на том основании, что я твой любовник. А отпрапляться целиком за твой счет — это, уж извини, не для меня!

— Об этом ты можешь не беспокоиться: родители уже скоро вернутся, я с ними поговорю и они помогут тебе с образованием. Тогда ты сможешь начать административную карьеру, и мы вместе добьемся гораздо большего, чем в пределах одной больницы. И на маленькие радости нам с тобой тоже хватит!

Это предложение Айвару понравилось: поблажки для него были неприемлемы, но в помощи для устройства достойного будущего он не видел ничего зазорного. Кроме того, ему искренне хотелось снова увидеть родителей Налии, которых он по-прежнему называл не иначе как дядей Соломоном и тетей Агарь.

— Только ты уж заранее меня предупреди об их приезде, а то не хотелось бы, чтобы они в первую встречу меня тут застали раздетым, — полушутливо сказал он.

— А что в этом такого? — со свойственным ей озорством ответила Налия и поцеловала его в плечо. — Я думаю, они как-нибудь переживут то, что их дочь выросла.

Поднявшись и с удовольствием оглядев себя в зеркале, девушка добавила:

— Кстати, я обдумала, как мы будем работать над твоим новым имиджем. Тебе уже пора расширить гардероб, купить брендовую парфюмерию, да и вообще за собой поухаживать. Голливудскую улыбку делать не понадобится — зубы у тебя и так великолепные, а вот руки ты запустил со своей грязной работой. И машину тоже нужно обновить.

— Машину не отдам, — отрезал Айвар с той же улыбкой, но тем не менее непреклонно, — да и все остальное не особо вдохновляет. Зачем мне какой-то имидж, Налия? Я вроде не стремлюсь ни в актеры, ни в модели, а какие могут быть руки у медбрата?

— Ты же не собираешься навсегда оставаться медбратом, Айвар, — невозмутимо сказала Налия, причем это звучало именно как утверждение, а не вопрос. — Это еще не все: тебе придется осваиваться в новом кругу, а для этого нужны кое-какие знания и связи. Нет, ты очень умный, культурный парень, и языками владеешь, но этого иногда мало. Требуется знать нужные места, модную кухню, карту вин, уметь общаться со всякими чванливыми персонами. Я тебя понемногу всему научу, сниму мерки и все разом закажу там, где у меня есть выгодные условия, и аксессуары, и обувь.

— Ого, — задумчиво вымолвил Айвар. — Похоже, что не требуется только моего согласия? Ты еще и зубы, оказывается, успела проверить, прямо как на рынке...

— Ну что ты такой скучный? — лукаво улыбнулась Налия и присела к нему на колени. — Представь себе, что это игра. Думаешь, мне нравится соблюдать все ее правила?

Айвар, распахивая на ней халатик, спокойно произнес:

— Я думаю, Налия, что все-таки нравлюсь тебе именно таким, какой есть, с этими руками, которым приходилось и землю в огороде перетирать, и навоз месить, и после забоя

скота убирать. И больше всего тебя заводит то, что я простой медбрат, у которого есть много действенных способов проучить крошку-мажорку...

Подхватив девушку на руки, Айвар быстро усадил ее на широкий подоконник, который, как он давно заметил, идеально подходил для этого по высоте. В особенно солнечные дни Наля прикрывала окно деревянным ставнем, но сейчас оно было открыто, и Айвара необычайно будоражил и вид сада, и то, что любой случайный прохожий мог бы заметить происходящее. Было заметно, что Наля не только угадывала, но и одобряла эти мысли.

Он подтянул Налию за бедра и сразу взял быстрый темп, от которого у нее даже слегка сбилось дыхание, но при этом он успевал целовать ее губы и шею, затем спускаться к груди. Сейчас его ласки были не трепетными, а скорее развратно-смачными, вызывающими, будто они уединялись в углу продымленного трактира из сумасбродных сказок о разбойниках и опасных красотках. В процессе Айвар сбросил рубашку, зная, как Наля любит ласкать его торс, и она тут же с ювелирной бережностью стала покусывать крепкие мужские плечи и угольно-черные соски, пронизанные множеством нервных окончаний. От блаженства Айвар стал забываться и горячка понемногу стихала. Он даже растерялся, почувствовав, как напрягается ее живот, — «Ну зачем я так! Она же девушка, пусть и сильная, но куда ей против меня? Что я хотел доказать? „Способом“ своим щегольнуть? А то она не знает о его наличии».

— Как же мы с тобой подходим друг другу, верно, Айвар? — вдруг сказала Наля задорно. Воспользовавшись его секундной заминкой, она соскользнула с подоконника и доверительно повернулась к нему спиной. Но перед тем, как снова проникнуть внутрь, он стал ласкать ее нежную плоть с бережностью, неожиданной для его сильных пальцев.

— Ну что же ты, давай сильнее, — предложила девушка, изгибаясь от нескрываемого удовольствия. Айвар, впрочем, и так собирался это сделать, но ее откровенность очень ему нравилась. Когда же у обоих кончились силы и они перебрались освежиться в ванну, он вдруг спросил:

— А все-таки почему ты настояла, чтобы я не предохранялся?

— Ты что, боишься, что я тебя обману? — усмехнулась Наля.

— Да не то что бы, — задумчиво сказал Айвар, поглаживая ее мокрые волосы. — Просто зачем тебе это, если нет практического смысла?

— Как это нет? Это же часть тебя! Неужели я откажусь от возможности ее присвоить?

Айвар не слишком удивился такому ответу: он успел изучить характер любимой девушки, к тому же незащищенность очень нравилась и ему. Обещание насчет обновок Наля также сдержала и действительно привезла для него полный гардероб — демократичный льняной костюм, хлопковые рубашки любимых им пастельных расцветок, туфли в тон, молодежное летнее пальто, дорогой кожаный кошелек. Заодно она купила даже серебряные запонки и красивый нагрудный платок. Айвар предпочел уступить ей для видимости, а на работе и среди друзей вести прежний образ жизни (разумеется, за вычетом связей с другими женщинами). Поведение Налии казалось Айвару трогательной игрой, и он потакал ей, считая, что все девушки строят наполеоновские планы по перевоспитанию своих возлюбленных, а потом жизнь все расставляет по местам сама.

Правда, Айвар все еще отказывался сходить с Налией на какое-нибудь официальное или светское мероприятие, хотя девушка каждый раз обещала без проблем оформить для него приглашение. При посторонних он всегда придерживался субординации, что еще больше раззадоривало Налию.

Соломон и Агарь в самом деле вернулись в Эфиопию вскоре после этого разговора, и дочь приехала к ним вместе с Айваром. Несмотря на то, что они уже были немолоды, он все-таки узнал бы их даже при случайной встрече. Отец, высокий и еще статный мужчина с благородной сединой, не растерял своей дипломатической импозантности, а мать всегда была элегантна как героиня старых фильмов о джазе, хотя в душе оставалась очень скромной и душевной женщиной. Они, увидев живым и невредимым сына своих добрых знакомых, не сразу нашли что сказать, и от радости, и от растерянности.

— Все-таки Налия была права, мы должны были тебя забрать, — сказал Соломон Мэхдин. — Выходит, что и мы виноваты, прошли мимо твоего горя, Айвар. Ведь на словах в диаспоре все готовы друг о друге позаботиться, а на деле что оказалось? Мы все, взрослые люди, остались в благополучной стране, а тебя, практически ребенка, обрекли жить тут, без опоры, без родной души. Какой это позор... Слава богу, что ты не только выжил, но и вырос таким хорошим.

— Не надо ворошить прошлое, дядя Соломон, — с улыбкой ответил молодой человек. — Как знать, что было бы, повернись судьба иначе. Все-таки и нечто ценное я за эти годы тоже приобрел: нагляделся на жизнь, научился различать хорошее и плохое. А это, к сожалению, невозможно, пока тебя в асфальт лицом не впечатают.

Агарь, мать Налии, призналась Айвару, что в последние годы они всерьез беспокоились, что взрослая дочь до сих пор одинока, и иногда хотели познакомить ее с кем-нибудь из знакомых им достойных парней. Однако вскоре Налия решительно дала им понять, что способна сама разобраться со своим будущим.

Еще он именно от Агарь узнал, что Налия вместе со своими товарищами из социальной сферы имела прямое отношение к модернизации госпиталя, в котором он сейчас работал. Она помогала в журналистских расследованиях, раскрытии грязных схем, которые еще долго мешали слаженной работе, и часто шла на крупные риски.

— Какой же у нее боевой характер! — восхищенно сказал Айвар. — А ведь она мне даже ничего об этом не рассказала...

— У Налии были очень важные мотивы заняться этой работой, как и у тебя. Я говорю о твоей бабушке, — заметила Агарь. — Да что там, почти каждый эфиоп терял близких из-за ужасного состояния нашей медицины. Ты не знал, но у нас до ее рождения была еще одна дочь. Она родилась, когда мы только готовились уехать в посольство, стажерами, и прожила всего два года. Жуткая и нелепая история: вскоре после родов у меня пропало молоко, и ее доверили ВИЧ-инфицированной кормилице. Никто там не проверял таких женщин, да многие и не знали, что вирус передается этим путем. До правды мы сами докопались, и наш ребенок был не единственным... Потом мы долго боялись, но, слава богу, все-таки появилась Налия. Мы рассказали ей, когда она выросла. Может быть, и не стоило: она с юности будто жила с ощущением какого-то долга, стремилась успеть за двоих, а то и больше, потому что знала, что другой отрады у нас не будет. Но зато какой она теперь стала, нам на радость! Правда, мы стараемся ей этого лишней раз не говорить, чтобы не задавалась, все больше про себя, тихо... Но тебе стоит знать, Айвар: сейчас мы с отцом хотим только чтобы у вас все сложилось.

От этих пожеланий у Айвара стало тепло на душе. Обретя еще двоих родных людей, он почувствовал себя вдохновленным, в том числе и в работе, в которой Налия обещала быть настоящим боевым товарищем. Она постоянно рассказывала ему, что ей довелось узнать о методиках охраны здоровья и безопасности в развитых странах и как ее друзья надеются

применить это на родине.

— Понимаешь, эфиопский студент-медик способен в другой стране научиться всем передовым технологиям, он сможет сделать самую филигранную операцию, но как исправить условия выживания в больницах? — сказала ему Налия однажды. — А иначе это назвать сложно! Какой толк, что человека спасут на операционном столе, если в этом бараке он тут же заразится желтой лихорадкой, глистами, проказой? Или умрет от обезвоживания, потому что каждая капля чистой воды на счету? А там, где не подается электричество, вообще нет речи ни об операциях, ни об интенсивной терапии. Канализации тоже нет, значит, отходы слить некуда, и приходится ими дышать. Да и с добросовестным персоналом у нас беда, особенно в самых нищих регионах. Наверняка ты это сам знаешь.

— Да уж, как не знать! В деревнях больше заботятся о том, чтобы соблюсти все ритуалы над телом умершего, а не о том, чтобы до этого продлить ему жизнь. Да и христианство мало чем лучше какого-нибудь дикарского культа. Наш народ услышал что-то о чудесных свойствах крестика и воды и решил, что важнее успеть побрызгать на больного или недоношенного ребенка, чем его спасти! О каких богах они думают, что там?! Они демонам служат!

Они шли в этот вечер по старому центру Аддис-Абебы, неподалеку от самого большого в городе рынка Меркато, куда, по мнению туристов-экстремалов, свозили на продажу весь мусор, какой удавалось собрать в столице.

— А как ты вообще заинтересовался паллиативной медициной? И почему уход за больными тебе ближе, чем лечение? Неужели ты даже в детстве не мечтал сделать врачебную карьеру?

— Представь себе, нет, врачи, по-моему, больше озабочены разгадками тайн природы, чем облегчением чьих-то страданий. Знаешь, они говорят, что иногда чем хуже для больного, тем лучше для исследования. Понять их можно: обострение симптомов помогает в диагностике, да только больному недосуг ждать, он хочет, чтобы ему стало легче здесь и сейчас, и порой от мучений теряет человеческий облик. Я это понимаю и никогда ни на кого не злюсь, а врач это расценивает как черную неблагодарность за его вклад в мировую науку.

— Не знаю, смогла бы я рассуждать так, как ты: лично я считаю смерть самым отвратительным изобретением эволюции. Ты же знаешь о том, что простейшие организмы никогда не умирают, а только делятся пополам? А вот как только живая форма чуть-чуть усложнилась, тогда появилась и смерть. Хуже этого только человеческое сознание того, что придется умирать. Насекомые живут один день, но не знают об этом. Так кто же более везучий?

— Я тоже очень не люблю смерть, — невозмутимо сказал Айвар. — Но человеком все-таки быть лучше, чем простейшим организмом! Да, не каждый способен примириться с неизбежной кончиной, и тогда приходится отвлекать пациентов от этих мыслей на что-то другое, а если уж это невозможно — тогда физически пригасить страдания. Но тут духовных усилий мало, ты сама знаешь.

— Конечно! Когда нет денег на обезболивание, то никакие утешения не помогут, так что здесь материальное явно важнее морального.

— А ты замечала, какой в этом кроется подвох? — спросил Айвар после некоторого раздумья. — Те, кто поучает других, что душу надо ставить превыше плоти, сами чаще всего озабочены вполне материальными вещами. Кто больше всех любит толковать народу о вере, смирении и прочих христианских добродетелях? Государство и церковь, как лучшие

демагоги и специалисты по экономии на людях.

— Коммерческая медицина тоже своей выгоды не упускает. В России, например, очень популярны благотворительные сборы с населения на дорогие операции детям где-нибудь за океаном, хотя это чаще всего уже ничем не поможет. В итоге семья остается в нищете, сочувствующие — в дураках, а кто-то в плюсе.

— Но все-таки лицемеров хуже, чем духовные лица, нет, по-моему, нигде, хотя я сам не воинствующий атеист. Только Орден милосердия чего стоит! Вся их деятельность заключалась в любовании человеческим страданием, настоящим людоедстве. И это ведь не засекречено, информацию легко найти, а в историю они все равно вошли как святые благодетели.

— А приюты Святой Магдалины? Они точно так же отличились своими методами исцеления «нравственных болезней». И забавное совпадение в том, что нужда в них отпала с развитием бытовой техники.

— Верно, но это все никуда не делось, я более-менее знаю, как сейчас живут в России, и там бурная мода на внешнюю религиозность. Почему-то расходы на здоровье уменьшаются одновременно с ее возрастанием. Понятно, что на культе терпения можно очень неплохо заработать, но почему люди позволяют ставить на себе такие опыты?!

— Культ терпения? — переспросила Налия.

— Ну да, иначе это сложно назвать. Если у людей нет денег, чтобы поручить заботу о безнадежно больном родственнике наемному работнику, то понятно, что кому-то из членов семьи, как правило женщине, приходится брать на себя эту ношу. Но если они могут себе позволить найти специалиста и не мучиться сами, то почему их считают эгоистами и подонками, предавшими родного человека? Нет уж, мучайся, ведь исполнять свой долг — это так красиво! Да еще ты попадешь в рай, а все остальные сдохнут! А что дом за полгода пропитается не только дерьмом, но и ненавистью, в расчет не берется.

— У нас-то еще проще! За безнадежными родственниками, старыми или малыми, никто не ухаживает, по крайней мере среди неграмотного населения, — горько усмехнулась Налия. — Зачем, если нового сделать как плюнуть?

— Но такими темпами они скоро опустятся до нас, а вот мы так и не вырастем, — подытожил Айвар мрачно, — и все, чему учились наши родители у России, пропадет зря.

Неожиданно Налия сняла туфли и так и пошла дальше по пыльному неасфальтированному грунту в направлении рынка.

— Господи, что ты делаешь? — изумленно воскликнул Айвар. — Хочешь наступить на битое стекло или использованный шприц? Так этого добра здесь достаточно.

— Просто твои слова мне кое-что напомнили, — спокойно отозвалась девушка. — В России я когда-то общалась с придурками, исповедующими все натуральное: они не верили в науку, в медицину, в технологии, и порой это для них кончалось очень плохо, но знаешь, их даже жалеть не хотелось. Жалко было только их детей, которых они не водили к врачам и не кормили нормальной пищей. А некоторым детям и родиться не довелось: умерли в утробе, потому что эти ненормальные ни за что не желали идти в роддом и признавали только «духовное» акушерство... Да впрочем, и дьявол бы с ними, по-другому не скажу, но дело в том, что...

Голос у Налии дрогнул, и она продолжила уже без улыбки, покусывая свои полные губы:

— Понимаешь, они живут в полном благополучии, там, где руку протяни — и будет

тебе и нормальная пища, и очищенная вода, и лекарства, и вакцины, и неотложная помощь, и выхаживание недоношенного ребенка... И морду от всего этого воротят! Начитались на своих безумных форумах, что в первобытном обществе все были здоровы и счастливы, вот только этого первобытного общества они и близко не нюхали! А пожили бы среди нас, где нет столько «врачей-убийц», потому что врачей вообще крайне мало, где нет страшного облучения от УЗИ, потому что его негде сделать! Где огромная часть населения недоедает и умирает, не достигнув зрелости, а подсчет детских смертей и вовсе порой не ведется! Прошлись бы они вот так, по этой самой дороге, по которой мы ходим каждый день...

Айвар молчал, даже не зная, что ответить на столь сильный эмоциональный всплеск, какого прежде не видел у своей закаленной жизнью подруги.

Тут девушка обернулась и уже со знакомым ему огоньком в глазах спросила:

— Ну что, присоединишься?

Парень задумчиво посмотрел на нее и стал расшнуровывать кроссовки...

7. Застывшее пламя

Так минуло еще несколько месяцев. Мэхдин Соломон с супругой посетили больницу Российского Красного Креста и с удовлетворением заметили, как она преобразилась с времен их молодости, хотя одновременно они констатировали, что даже очень хорошая больница не может победить тотальное невежество и безответственность людей по отношению к своему здоровью. Но Айвар ответил им с какой-то таинственностью: «А я стараюсь их учить».

Что конкретно он имел в виду, родители не допытывались, но для них было очевидно, что он в больнице на очень хорошем счету. Конечно, все молодые парни в персонале были ловкими и крепкими: в случае нехватки носилок, когда больных приходилось перетаскивать на руках, это было необходимо, и вовлекаться приходилось независимо от квалификации. Но далеко не все умели выполнять тяжелую работу не как ненавистный долг и не как тупую поденщину сродни чистке хлева. А у Айвара все выходило как-то естественно и тактично, и несмотря на скепсис старших медработников, утверждающих, что дремучий и невежественный народ понимает только грубый язык, это приносило плоды.

Налия приходила сюда часто, разбираясь с хозяйственными вопросами и статистикой, и непременно заглядывала к Айвару, но старалась не слишком его отвлекать. Как-то раз он сказал со свойственной ему долей иронии:

— Надеюсь, что сюда ты приходишь потому, что тебе нравится заниматься здравоохранением, а не потому, что тебе нравлюсь я?

— Знаешь, ни про первое, ни про второе я не могу сказать, что мне это просто «нравится». Но я очень счастлива, что мы занимаемся этим вместе, только и всего. Да и не надо делать вид, что мое присутствие тебе здесь не нужно...

Она незаметно погладила его по плечу. Айвар не мог сдержать улыбку, вспомнив о том, как они выкраивали момент, чтобы украдкой торопливо поцеловаться. Их отношения уже ни для кого не были тайной, и кто-то наверняка злословил по поводу связи знатной девушки с медбратом, но в очаровательную переломную пору молодым людям не хотелось заострять на этом внимание.

А близким друзьям и наставникам Айвара эта история любви даже нравилась. Не все же парню из народа заслуживать поцелуя принцессы, говорили они, — порой и принцессе приходится постараться, чтобы добиться от него не только страсти, но и уважения. «Что же, новые времена — новые сказки» — отвечал Айвар на это и шутливо, и философски. И думал, что эта озорная перевернутая сказка была возможна только в декорациях Африки, одновременно мирной, ленивой и опасной.

Айвар решил сам удивить любимую и пригласил ее на соревнования для молодых медиков. В этот раз они проходили в Кении. Прежде Налия только слышала об этом турнире и ее приятно удивила красочная атмосфера вокруг стадиона, — состязания сопровождалось весельем, выступлениями народных ансамблей и ярмаркой, где все сверкало и благоухало от ярких сосудов с кенийским чаем, розовых кустов, алмазных украшений из Конго, мадагаскарских тканей и, разумеется, душистого эфиопского кофе.

Устроиться пришлось в маленьких и скромных апартаментах, к тому же Айвар подолгу пропадал на тренировках, но девушка не жаловалась и вечером сама готовила ему ужин. Простой дорожный быт нисколько ее не смущал.

Состязания по пентатлону с участием Айвара проходили в первый турнирный день. Их программа была основана на правилах античных Олимпийских игр — бег, спортивное метание, прыжки и борьба. Так же, как и на них, воздух на африканском турнире был прямо-таки наэлектризован от первозданной мужской красоты, энергии и страстности. А обилие флагов, баннеров и цветов на стадионе, музыка и радостные голоса вокруг, — все это по духу не уступало атмосфере престижных соревнований современности.

Налия не сразу различила возлюбленного среди множества парней-атлетов. У всех были прекрасные молодые тела кофейного цвета, прикрытые лишь узкими плавками, блестящие от лосьона и пота и, вероятно, не ведающие усталости ни в спорте, ни в любви. Обнажались они еще и для того, чтобы демонстрировать на себе образцы африканской росписи тела. Такова была художественная концепция состязаний. У многих племен и народов эти узоры служили знаком мужества, а также родовой принадлежности и покровительства духов. В дикой среде они наносились опасным и болезненным методом, но городские юноши давно освоили обычные татуировки и боди-арт. И на старт они выходили похожими на далеких предков, которые общались на давно вымерших языках и поклонялись силам природы. Бег превращался в преследование дичи, прыжки — в ритуальный танец, а копье походило на оружие древнего охотника.

И когда Айвар вырвался вперед на короткой дистанции, девушка узнала его и в то же время не узнала. Налия раньше и не представляла, сколько в нем таится природной энергии и напора. Исчезла без следа его тихая задумчивость, уступив место целеустремленности, чутью и ловкости прекрасного дикого животного. И это снова дало плоды: помимо любимых дисциплин, Айвар в этот раз и пробежал лучше всех, прославив не только свой госпиталь, но и Эфиопию. По крайней мере, именно так откликнулась на это трибуна земляков.

Налии удалось пробиться к нему и вручить багрово-красную розу — ей показалось, что этот цвет лучше всего подходит к победе. Но по-настоящему они поговорили только когда Айвар сходил в душ и оделся. Сейчас его лицо сияло открытой, почти детской радостью, а на лацкане пиджака красовался новенький позолоченный значок с изображением медицинского креста и льва — одного из символов принимающей страны.

— Тут все отлично, кроме одного: полно других женщин видит тебя таким! — шутливо посетовала Налия, взяв его под руку. — Я от этого просто зверею, совсем как в детстве, когда ты в лагере играл в волейбол. Помнишь славное время?

— Ну, милая, ты меня так не пугай, — улыбнулся Айвар. — Я ведь не возражаю, что ты здесь смотришь на других парней! Между прочим, на древние Игры, откуда мы заимствовали программу пятиборья, девушки не допускались!

— А какова связь между древнегреческим пятиборьем и Африкой?

— Эти виды атлетики ближе других к первобытному, традиционно мужскому противоборству с природой: охота, спасение от хищников, битвы между племенами... Ну а демонстрировать красивое тело тоже нелишне. В Африке не проживешь без такого веселого хулиганства, когда вокруг царит духовная и материальная нищета и выдает себя за благочестие. Ты ведь любишь это не меньше, чем я?

Конечно, Налия была с ним согласна, и уколы ревности с ее стороны выглядели скорее забавно. Айвар попутно рассказал ей, что именно благодаря спорту узнал массу интересного о древней медицине, тайнах человеческого тела и удивительных свойствах психики.

Вечером все, кто приехал с ними из Эфиопии, устроили в гостинице большой праздник в честь своего спортсмена, а на следующее утро Айвар с Налией задумали прокатиться на

уединенный уголок пляжа к северу от курортного города Момбасы, вдали от людского шума. Белый песок и прозрачная вода так же радовали глаз, как на самых популярных пляжах. Там они вдоволь выкупались и вернулись в гостиницу, чтобы успеть навести красоту перед походом на стадион. В это день предстояло болеть за боксеров и мастеров боевых искусств — дамбе и сенегальской борьбы. Пара весело шла по шумной улице и любопытные прохожие почему-то сразу догадывались, что они из Эфиопии.

Айвар вдруг сказал:

— Знаешь, Налия, мне сейчас так хорошо, что даже странно. Кажется, что ничего больше и не надо: любимая работа, любимая земля и любимый человек рядом...

— Теклай, да ты никак мне в любви признаешься? — усмехнулась девушка. — Смотри, тогда уж точно играешь с огнем. У меня, если ты не заметил, отвратительный характер и полное отсутствие того, что называется «женской мудростью». И бросать карьеру, чтобы сидеть дома и слушаться мужа, я точно не собираюсь.

— О, уже страшно, — шутливо протянул Айвар. — А к чему еще стоит готовиться?

— Да в общем, пустяки. Хуже всего то, что я очень взрослая девушка, вкусившая жизни со всех граней, отвернувшаяся от бога и морали и умеющая за себя постоять. По-другому уже не будет, так что либо принимай все это, либо нет.

— Ты же разрушила все мои надежды, — притворно вздохнул Айвар. — Сколько я вечерами, в смраде съем-бара, раздумывал: где же та юная, целомудренная, богобоязненная и хрупкая, которая способна меня осчастливить? Даже не знаю теперь, как быть...

— А я тебя не тороплю, можешь подумать, — тепло сказала Налия. — У меня ведь есть другие качества, и может быть, они ничуть не хуже, чем весь этот скоропортящийся товар.

Завершение турнира, как и прежде, отметили большим и пышным празднеством на свежем воздухе. Все триумфаторы были одеты в костюмы своих стран, как и многие болельщики, — синие и красные покровы масаи, расшитые бисером, зулусские плащи из блестящей кожи, вычурные наряды конголезских денди. Айвар в амхарской одежде пастельных тонов и с белой повязкой на волосах смотрелся на их фоне неброско, но романтично и элегантно.

Из поездки молодые люди вернулись такими воодушевленными, что это сразу заметили и родители Налии, пообещавшие содействовать Айвару в образовании. Они все еще сожалели о том, что в тяжелое время не помогли сыну покойных друзей и земляков, но сам он давно не имел ни к кому претензий, в том числе и к судьбе, которая в настоящий момент искренне радовала его.

Айвар подозревал, что любимая с ее эксцентричным характером наверняка еще преподнесет сюрпризы, и почти не удивился, когда однажды вечером, приехав к нему домой после какого-то нервного звонка по телефону, она сама протянула ему кольцо. Правда, Налия держала его не в бархатной коробочке, как принято, а на ладони.

Но когда девушка тут же опустилась перед ним на одно колено, Айвар и в самом деле был поражен ее необыкновенно серьезным и внимательным взглядом, без намека на игру.

— Милая... Налия, да ты и впрямь безумная девушка, — выдохнул он, кладя руку ей на плечо. — Это же я должен был сделать, а не ты...

— Кто это сказал? Айвар, ты поздно спохватился: надо было все-таки искать патриархальную деву, которая только и живет установками, кто и кому должен. Но если хочешь, мы можем и переиграть.

— Ну уж нет! — ответил Айвар и невольно поднес к губам руку, словно желал спрятать

волнение. — Но все-таки чтобы ты попросила руки у мужчины? Ты, революционерка, дикарка, расписываешься в желании варить мне кофе и стирать носки?

— Это и слуги могут сделать, а вот руки у тебя я попрошу сама, да и помою тебе ноги в брачную ночь, если ты позволишь. Потому что мне это в радость, мне хочется тобой любоваться и восхищаться, и никакие революции этому не помешают. Они пройдут, а ты останешься.

— Спасибо, милая, но все-таки тебе стоит сесть рядом. Мы ведь и так сможем все обсудить, — растроганно ответил Айвар и погладил ее по плечам.

Однако девушка возразила:

— Сяду рядом, если ты сейчас скажешь, берешь ли ты меня в жены.

Происходящее сейчас казалось ему сном, даже несмотря на то, что они оба уже не мыслили жизни друг без друга. Но Айвар все же не стал медлить и кивнул:

— Беру, конечно! Что же мне еще сказать? Можно теперь взглянуть?

Налия села рядом с ним на диванчик и он взял кольцо с ее ладони. Оно было из матового благородного серебра, его украшала маленькая капля переливающегося янтаря. Почти прозрачный золотистый оттенок плавно перетекал в насыщенный цвет увядшей поздней листвы.

— Потрясающе, — сказал Айвар, замороженно всматриваясь вглубь этой капельки. — Мне ведь теперь надо сделать тебе подарок не хуже, верно?

Девушка лукаво улыбнулась:

— Вообще я тоже спокойно отношусь к вещам, но традиции мне нравятся, поэтому на свадьбе все-таки должны быть кольца. А этот янтарь похож на застывшее пламя, правда? Когда я вижу закатное небо, мне каждый раз представляется, что мы все в этом пламени как насекомые, увязшие в такой капле...

— Причудливые у тебя мысли! — удивленно отозвался Айвар. — Я всегда думал, что ты чуть ли не самая земная натура, какую я знал.

— Что же тут такого? Во мне тоже присутствует вековая африканская любовь к бесовщине, и неважно, что я выросла на Западе. Мы любим красивые мысли о страшном, любим находить красоту в мертвой почве, ядовитых туманах, звериных костях. А что остается, если смотря на вещи ясно, открытыми глазами, можно сойти с ума?

Айвар обнял ее за плечи и повторил:

— Спасибо тебе, милая! Конечно, я очень, очень хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, и я сам должен был это сказать. Прости, что не хватало смелости. Я думал, что ничего уже не боюсь, а здесь почему-то колебался.

Молодые люди смотрели друг на друга, шептали нежные амхарские слова, а затем Айвар решительно притянул к себе девушку и поцеловал в губы. Незаметно и непринужденно они скинули с себя одежду, легли поверх шелкового покрывала, горячего от уличного зноя, который проникал через маленькое окно.

Потом Айвар снова долго не мог уснуть рядом со своей уже невестой, думая о той неведомой силе, которая соединила в Эфиопии их вроде бы безнадежно разошедшиеся пути. Много лет ему казалось, что он сможет написать свое будущее только на чистом листе, отрешившись от пережитых трагедий и отнятого счастья. Однако Налия, бесцеремонно лишив всякой брони его тело и разум, примирила Айвара с прошлым. Оно перестало быть святыней, замерзшей в глыбе льда из потайной боли, и превратилось в светлую, но минувшую часть жизни. А для них с Налией все продолжалось, они выросли и имели право

на новое, зрелое счастье и добрую память о детстве.

Айвару оставалось сказать Налии еще одну серьезную вещь, которая очень его беспокоила. Не дожидаясь утра, он коснулся плеча невесты и сказал:

— Налия, ты должна кое-что знать, пока еще не поздно передумать.

— Что? — усмехнулась девушка, приподнявшись на локте. — Айвар, ты с ума сошел? Нет уж, теперь тебе соскочить не удастся!

— И все-таки выслушай, — твердо произнес Айвар. — В деревне я то и дело слышал с том, как женщины гибли от родов, абортот, послеродовой нагрузки, и что характерно, мужиков это особо не волновало, разве что с практической точки зрения. А вот другие бабы всегда злословили, называли это какой-то божьей карой за грехи. Славная модель семьи, да? А однажды я сам видел молодую женщину, да почти девчонку, которая умерла от родильной горячки. Что это было, Налия, — агония, язвы, жуткие выделения... Прости за прозу, но я это на всю жизнь запомнил. И тогда одна местная кликуша мне сказала: «Ты вырастешь и тоже кого-нибудь так убьешь, ради собственной похоти».

— Понятно, — серьезно и мягко сказала Налия. — Впрочем, твои родители были медиками, неужели они до того не успели ничего тебе объяснить о деторождении?

— Объясняли, конечно, — усмехнулся парень, — но не как медики, а как любые родители, которые никогда не говорят всей правды. Мол, люди влюбляются, женятся, ласкают друг друга, и когда обоим становится особенно хорошо, в женщине зарождается новая жизнь. А потом я увидел вот это: похоть, смерть и эта самая новая жизнь, которая в дикой деревне не представляет из себя ничего сакрального. Конечно, с годами ужас немного притупился, но желание быть отцом так и не проснулось. Я знаю, что для женщины это так или иначе сопряжено с рисками, и мне просто не по силам быть причиной тягот, которые у нее будут девять месяцев, родовых мучений, нагрузок, которые могут укоротить ей жизнь, и неизвестно, что еще ждет впереди этого ребенка, беспомощное зависимое существо. А ты теперь подумай, насколько это сходится с твоими планами.

— О господи, — вздохнула Налия. — Ты серьезно думал, что я ждала столько лет, чтобы ты сделал мне ребенка, когда с этим справился бы любой другой? Тебе как медику виднее, каким методом справляться со своими ранами, радикальным или паллиативным. Я тебя поддержу в любом случае, а свое предназначение я уже выбрала, и мне главное чтобы ты был рядом.

— Правда? И родители тоже поймут?

— А что им остается? — весело отозвалась Налия, коснувшись его руки. — К тому же, они сами считают, что в Эфиопии спасти уже живущего ребенка более ценно, чем производить нового. Будем опекать и учить других детей — больных, сирот, брошенных. Когда они вырастут счастливыми, здоровыми и умными людьми, они и назовут нас родными.

8. Русские пироги на африканской свадьбе

Когда молодые сообщили родителям о помолвке, те сразу дали свое благословение и пригласили пару на семейный ужин. Предстоящий брак противоречил многим традициям патриархальной Африки, но семья Налии и Айвар давно признавали себя людьми европейской культуры, и в старых обычаях им нравилась только декоративная сторона. Кроме того, такой союз, как у них, был в Эфиопии не самым распространенным, но все же приемлемым — женясь на дочери состоятельных родителей, не имеющих сыновей, муж становился частью их семьи, приобретая определенные права и ответственность.

Поэтому Айвар вручил родителям невесты благодарственные подарки — дорогой африканский табак, покрывало и шаль, сотканые мастерами племени дорзе. В Эфиопии они означали не выкуп, как во многих странах Африки, а именно выражение признательности. Ей же он подарил очень необычное кольцо, украшенное желтым турмалином, который местные медики выписывали из Малави ради его целебных свойств, а также прелестное зеркальце в обрамлении из цветного стекла.

Налия вместе со своей матерью, Агарь, сами напекли инджеры со жгучими специями, медовых блинов, кардамонового хлеба с сахаром и имбирем, приготовили острого цыпленка «доро ват». Мужчины разожгли в курильнице душистые травы, отгоняющие злых духов. По традиции все угостили друг друга ломтиками инджеры, и Айвару вспомнилось, что в его доме этот ритуал исполняли всегда, как бы поздно ни возвращался кто-нибудь из родителей к ужину. Первый раз после того, как ему в детстве пришлось покинуть Россию, он почувствовал себя действительно в родном кругу.

Пока женщины вышли в кухню, чтобы варить обязательный на всяком эфиопском празднике кофе, Айвар наедине с Мэхдином Соломоном курили и душевно беседовали. И он впервые нерешительно заговорил об уходящем, но все еще самом больном для себя:

— Дядя Соломон, вы все это время были ко мне очень деликатны, но сейчас такой момент, что мне просто необходимо, чтобы вы сказали правду. Вы действительно согласны на то, чтобы Налия вышла за меня замуж, после того, как я...

Тут у молодого человека, как он ни старался сохранить самообладание, все же перехватило дыхание, и Соломон мягко и решительно пожал его руку.

— После чего, Айвар? Того, как тебе пришлось выбирать из двух видов позора и унижения? Выживать в скотских условиях, в доме из навоза и палок, пить ту же воду, в которой полощут грязное белье, не лучше, чем жить в городе, где есть какие-то зачатки культуры, но платить за это собственной честью. Кто же виноват, что у тебя, мальчишки, был только такой выбор! И разве тебе одному довелось это испытать у нас в стране? Разве ты виноват, что здесь такая паршивая жизнь, которую превращают в аттракцион для туристов? Что государству удобнее жить за счет проституции и попрошайничества вместо того, чтобы растить сильную, самодостаточную молодежь? Унижение — это удел любого нищего народа и государства. Мы пытаемся с этим бороться, но не знаем, когда наша страна станет здоровой, счастливой и гордой. Хоть бы вам это удалось!

— Надеюсь, что честь все-таки осталась при мне, — сказал Айвар уже с улыбкой, — во всяком случае я старался даже там вести себя по-человечески.

— Конечно, ты был и остался умным, хорошим мальчиком, и слава богу, что наша отчаянная дочь влюбилась именно в тебя. Но если бы мы с матерью и думали по-другому,

Налия бы все равно сделала так, как хочет, — мужчина улыбнулся и шутливо потрепал его по плечу.

Тем временем Налия тоже говорила с матерью, пока они поджаривали ароматные зерна и готовили к столу сладости. Агарь лукаво спросила:

— Ты помнишь все, чему я тебя учила? Все-таки теперь ты станешь женой, а это совсем не так легко, как представляется в юности.

— Успокойся, мама! — усмехнулась Налия. — Я даже приданое себе приготовила: вышила пару подушек, связала новое покрывало. А уж приготовить ужин для меня давным-давно не было проблемой.

— Но жить вы тем не менее будете у тебя?

— А что тут такого? Да, у нас обратная ситуация, нежели у тебя и папы, и все-таки тебе не стоит говорить о ровне!

— Да разве же я об этом, дочка? — улыбнулась женщина. — Я-то спокойно тебя доверю Айвару, как и отец, пусть он и небогат, и не обладает большими пробивными способностями. А вот ты уверена, что справишься? Что тебе никогда не надоеет принимать самые ответственные решения и не захочется побыть обычной женщиной? Он вряд ли будет готов к такому повороту, и знаешь почему? Потому что дело его жизни состоит в заботе о действительно слабых и беспомощных людях, а не о взрослых здоровых женщинах, способных отвечать за себя сами.

— Чтобы я отказалась принимать решения? — рассмеялась Налия, искренне удивившись материнским словам. — Вот уж этого вы не дождетесь! Я надеюсь, ты это хотела услышать?

Перед отъездом Айвар и Налия задержались в прелестном саду у дома родителей, чтобы послушать таинственные голоса вечернего города. Девушка посмотрела на жениха, думая с восхищением, как ему подходит скромная, приглушенная палитра, будто привезенная с гранитных берегов стальной реки, — светло-голубая рубашка, открывающая некрупные, но необыкновенно твердые мышцы рук и плеч, серые джинсы, фианитовые «капельки» в ушах. Кольцо он прикрепил тонкой серебряной цепочкой венецианского плетения к браслету из таких же серебряных пластин. Все это Налия когда-то привезла из своего путешествия по закоулкам Италии.

— Какие же здесь прекрасные звезды, — сказал Айвар, посмотрев вверх. — Мне всегда их не хватало в Питере, где ночи бывают только белыми или черными. А когда попадаешь в Африку, то начинаешь понимать, почему дикие люди могли бояться ночного неба.

— С тех пор мало что изменилось, они по-прежнему всего боятся. А тебе что, стало нравиться в Африке?

— Ну, оказалось, что здесь немало хорошего! С грязью, голодом и болезнями мы справимся, а запахи кофе, роз и меда в Эфиопии будут всегда.

— Немного тебе нужно для радости, да? — улыбнулась Налия ласково и в то же время с какой-то затаенной печалью. — Айвар, ты верно замечаешь: кофе, розы, персики, пчелы, Красное море и прочее переживут и нас с тобой, и, возможно, все человечество. И им безразлична наша судьба, нам только кажется, что все это создано для людских удовольствий. За свое счастье человеку приходится побороться, да еще не опоздать.

— Зачем же за этой борьбой проходить мимо маленьких радостей? Тем более что я своего счастья, по-моему, достиг...

Он закопался в ее прекрасные волосы, спадающие на плечи и грудь, и поцеловал в шею,

взглянув на нее весело и вызывающе.

Свадебные приготовления не смущали и не раздражали Айвара, как многих женихов, он все воспринимал с воодушевлением и интересом, словно в детстве, когда любил красивые и милые вещи, праздники и внимание. И сейчас Айвар с удовольствием, которое, впрочем, не показывал невесте, ждал того дня, когда можно будет почувствовать себя африканским принцем, только уже не маленьким, а взрослым. Семья Налии смогла разыскать и пригласить много старых знакомых, которые помнили жениха и невесту в детстве, а потом жизнь разметала их по разным уголкам Африки и даже за ее пределами. А Налия к этим хлопотам относилась с азартом, нормальным для любой девушки. Ей непременно хотелось, чтобы в церемонии были черты и западного, и аутентичного эфиопского бракосочетания.

В заветный день пара, получив напутствие в доме родителей, отправилась на машине к месту венчания. Оно, впрочем, носило формальный характер и в основном священник просто оглашал гражданский договор. Объявив, что Айвар Робин Теклай и Корналия Хэйзел Мэхдин отныне являются мужем и женой, он против протокола добродушно улыбнулся и сам поздравил молодых.

Прятать под фатой свои потрясающие волосы Налия наотрез отказалась и украсила их диадемой из черной яшмы в золотой оправе. Невесту нарядили в белоснежное парчовое платье строгого покроя и вышитую золотыми нитями пелерину. Приглядевшись, можно было рассмотреть, что одеяние расшито изображениями львиц, затаившихся вблизи ничего не подозревающих антилоп, обезьян, убегающих от лесного пожара, вековых деревьев, покрытых замшелыми седыми лианами.

На Айваре также был белый костюм, узорная, как и у новобрачной, черно-золотая шамма и традиционная шапочка этих же цветов. После церемонии они прошли по праздничной аллее, украшенной яркими флагами и белыми лентами, к огромному пиршественному столу. На него Налия распорядилась поставить ритуальную коровью тушу и, самолично отрезав от нее ломтики, преподнесла их гостям из собственных рук. Зная отчаянную натуру жены и ее готовность к экспериментам, Айвар все же был удивлен.

На сладкое была выпечка, украшенная, как сказала Налия, «по русским рецептам» — резные пироги с финиками и инжиром, ватрушки с нежным творогом, пышные кексы с желтой медовой сливой и изюмом.

Поскольку в Эфиопии всегда любили шумные и многолюдные праздники, на свадьбу были приглашены и дальние родственники Айвара из деревни, которые за прошедшие годы изрядно нарастили свое семейство. Он был рад их видеть и во всяком случае не помнил никаких обид. Старший из мужчин в семье дал ему напутствия, которые принято было получать от отцов. После торжественной части началось веселье с народной музыкой, плясками и забавами, для которого молодожены переоделись в более легкие европейские наряды, а озорничающие вокруг стола чернокожие ребяташки довершали картину этой прекрасной жизни-одногоднейки. Пришли также все, с кем Айвар дружил в больнице, среди которых было немало белых. Те с удивлением взирали на бесхитростное веселье народа, чьи нелегкие будни знали, можно сказать, с изнанки.

Кроме них, Айвар пригласил и Даниэля, и к его радостному изумлению, тот в самом деле приехал, хотя часто говорил, что ноги его на родине отца никогда не будет. Налия тоже встретила его очень тепло, зная, сколько он поддерживал Айвара все эти годы. Мулат выглядел ярко и блестяще в темно-синей пиджачной паре, кремовой рубашке, пестром галстуке и с золотыми часами очень модной марки. Кроме того, он привез для молодых

самый роскошный подарок — арабский шоколад с верблюжьим молоком и картину из разноцветного песка. Айвар понял, что в жизни друга тоже произошли перемены, и, хлопая его по плечу, сказал шутливо:

— Ты что же это, меня решил затмить?

— Да бог с тобой, Иви, тебя никому не затмить, — засмеялся Даниэль, — но вообще ты зришь в корень: следующая свадьба точно моя! Я ведь недавно обручился с дочкой одного выходца из Эфиопии, который сейчас уже имеет бизнес в Штатах, а познакомились мы, представь себе, на рок-фестивале в Европе! Нет, они, конечно, не миллиардеры какие-нибудь, сами на свое производство вкалывают, но ничего, я тоже работать умею. А уж ради того, чтобы океан увидеть из окна собственного дома... Жаль, что маму никак не уговорю ехать с нами, ну что поделаешь с этим старшим поколением! Отца вот два года назад не стало, мне сообщила его вторая жена, а то я бы и его перевез, дал пожить по-людски. Потом приедешь в гости и сам захочешь остаться! Тем более, такой девушке, как Найляша, в Африке точно не место.

— Видно будет, Данэ, пока мне и в Аддисе хорошо. Это я раньше рвался куда угодно, пока был одинок, а сейчас понимаю, что место жительства далеко не главная вещь. Важнее все-таки призвание и родные люди. Конечно, в Эфиопии много проблем, но я уверен, что все еще будет хорошо.

— Ну знаешь, Иви, смотри не ошибись, — промолвил Даниэль с необычной серьезностью. — Может, оно и будет, только мы за это время десять раз успеем умереть. Ты готов ждать? И ты уверен, что твоя жена так же думает?

Пока Налия принимала благословения от многочисленных кумушек, гость поведал молодожену, что их история в Питере не закончилась с его отъездом. Даниэль давно уже подумывал о том, чтобы попытаться счастья за границей, и готов был, как и Айвар, начинать с чего угодно, только бы достичь своей цели. Примерно через год после отъезда друга парень занялся этим всерьез. И когда он решил податься для начала в Испанию, выяснилось, что Оля Коновалова была беременна от него на третьем месяце. Как пояснил Даниэль, он был совсем не против того, чтобы на ней жениться, но вскоре стало понятно, что девушка, всего пару раз покидавшая пределы России и не умеющая жить автономно, без помощи старших, будет ему плохим спутником. Да и ребенок на данном этапе в его планы откровенно не вписывался. В итоге Даниэль, как и многие молодые люди в такой ситуации, предоставил ей принимать решение самостоятельно.

— И что же она решила? — спросил Айвар. Его изрядно удручила вся эта история, которую Оля предпочла от него скрыть, хотя они регулярно переписывались.

— Представь себе, родила. В отцы меня не стала записывать, но фотографию все же выслала, славный мальчишка, — ответил Даниэль, закуривая.

— И ты об этом так спокойно говоришь?

— А что мне, головой об стену биться, если она решила, что потянет этого ребенка? Я же не бросил ее без крыши над головой, без копейки денег и родных людей. Даже наоборот — это мне за бугром первое время несладко пришлось, хоть, конечно, не так, как тебе в Африке. Там все равно не было места для ребенка, да и для такой, как она, с ее творческой натурой и девизом «я же девочка».

— Да, я помню, что Оля так говорила, — улыбнулся Айвар. — Но по-моему, в этом не было ничего плохого, не всем же девушкам быть такими, как моя Налия.

— Это хорошо, когда живешь на всем готовом, а чтобы кардинально все поменять... Да

Оля и не хотела уезжать, а что я в таком случае мог сделать? Значит, ничего серьезного она ко мне и не испытывала, можешь быть спокоен. Она просто решила, что время поджидает, надо бы и замуж сбегать. Только не рассчитала, что я для этого не стану ломать свои планы.

— Да я-то спокоен, Данэ, но это же твой сын, неужели у тебя при такой мысли нет никаких эмоций? Да и Оля... Ты-то к ней всерьез относился или так, серединка на половинку?

— Ну... как сказать, было и всерьез. Поначалу я к ней просто присматривался, благо выбор у меня всегда имелся. А вот когда тебя уже в Питере не было, Оля заболела и я на этой почве как-то к ней привязался. Знаешь, увидел ее такую бледную и слабенькую, и вдруг захотелось позаботиться, помочь. А потом мне показалось, что она в состоянии справляться сама. Со мной это редко бывает, ты сам знаешь, что я всегда любил с девушками общаться легко и необременительно.

— Вот только ее ты как раз и обременил, причем в буквальном смысле. Я тоже любил общаться легко, но потому и предохранялся всю жизнь, даже в баре, а ты себя с такой хорошей девчонкой не стал утруждать.

— Ну ты не сравнивай, — сказал Даниэль серьезно. — Но с другой стороны... Ты знаешь, я тебя никогда об этом не спрашивал, но раз ты сам вспомнил, то объясни одну вещь. Неужели тебе не хотелось кого-нибудь из твоих съемщиц наградить таким вот подарком с доставкой в девять месяцев? Неужели не приятно было бы осознавать, как ему обрадуется муж или хахаль? Вот как благотворно южный климат действует на фертильность! Только с загаром дамочка, похоже, переусердствовала, вот и подарок получился темненький...

Айвар не удержался от смеха, даже поперхнувшись сигаретным дымом, и наконец ответил:

— А как ты думаешь? И хотелось, и было бы приятно. Сразу отвечу на следующий вопрос: не делал этого потому, что наглядно знаю, что такое аборт. Да и роды, между прочим, — это далеко не в туалет сходить. Кстати, пока я работал в больнице, то заметил, что среди мужиков самые яростные противники аборт — именно те, кто не любит предохраняться, вроде тебя.

— Нет, Иви, я не противник, я считаю, что каждый за себя решает сам. Кто же виноват, что такой подарок, как самостоятельность, не все могут принять? А ты вечно стараешься кому-то помочь, подстелить соломки, даже в ущерб себе, даже тем, кто этого несколько не заслуживает. Наверное, мир действительно на таких, как ты, держится, только ты себя бы тоже поберег. И о Найляше подумай, не расслабляйся: любой женщине нравится быть сильной и самостоятельной только пока все хорошо. Исключений тут, увы, нет. Как только начинаются серьезные проблемы, они неизбежно будут полагаться на мужчину, и если он их не сможет решить здесь и сейчас, то просто уйдут к более сильному.

Тут подошла Наля и сказала:

— Ребята, хватит уже шептаться! Пошли к столу, пробовать русские пироги. Это просто сказка, а не десерт! Никакие пенопластовые торты, которые норовят продать в свадебных агентствах, и в подметки не годятся!..

Парни весело переглянулись и последовали за ней.

9. Долины и дюны

После свадьбы Айвару потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к жизни в богатом доме с прислугой, но благодаря Налии он понемногу чувствовал себя все более естественно. К тому же, будни были насыщены сверх меры. Получив заочное образование, Айвар перешел на новую должность, однако не забывал друзей, по-прежнему с удовольствием занимался спортом и встречался с ними на стадионе, в бассейне или в парикмахерской. Там заодно можно было от души выпить кофе с каплей африканского рома и весело провести время за настольными играми.

Также Айвар постоянно общался с больничным персоналом любого ранга и с пациентами. Без этого он не видел смысла в управленческой работе и лично наводил справки о нарушениях порядка даже в мелких медицинских пунктах, ни на кого не перекладывая этот труд. Налия предлагала ему работать вместе в городском комитете, но он предпочел службу в санитарно-эпидемиологическом контроле, и не только из-за нежелания находиться в прямом подчинении у жены. Свое место Айвар видел не в кабинете, а непосредственно в местах бедствия. Просчитывать на годы вперед, да еще отвлекаясь на борьбу с бюрократией, халатностью и коррупцией, он не умел, и там, где требовались крутые стратегические меры, привык обращаться к жене. Однако Налия всегда была готова помочь, а если требовалось, то и заткнуть кому-то рот.

В ночь после бракосочетания Налия сменила роскошный наряд на почти такую же королевскую ночную рубашку — это был подарок матери, которая трогательно любила традиции и настояла, чтобы все внешнее благородство было соблюдено. Она уселась перед зеркалом в красиво убранной спальне, чтобы расчесаться и заплести косу, и спросила его:

— А откуда у тебя все-таки взялось имя Ивар, если не секрет?

— Да какие тут секреты!.. — отозвался Айвар, выходя из ванной также в домашнем белом кафтанчике и шароварах. — Просто родителям так понравился Питер и Балтийское море, что отец решил дать мне северное имя, которое носили вожди белых язычников-головорезов. Потом, когда мы стали изучать английский, я почему-то привык называть себя Айваром, ты это помнишь. А когда уехал, так и решил, что нечего возвращаться к детству, и остался Иваром только для Данэ и его мамы. Родственники из деревни, бывало, говорили, что и «нечистая сила» во мне сидит из-за этого имени.

— Насчет нечистой силы они были правы, — лукаво улыбнулась Налия.

— Хорошего же ты мнения о муже, милая моя, — весело ответил Айвар и бережно коснулся ее плеч. — Да что там, в баре кое-кто меня прозвал «Блэк Айвори», считая, что это комплимент. Сразу видно, что они не знали, откуда этот кофе добывается... А все-таки, Налия, проводить ночи с женой — это совсем другое дело, верно?

— Понимаю, к чему ты клонишь, но торопиться нам некуда, — шутливо отозвалась она. — Никто ведь от нас не ждет доказательств невинности. А поскольку в прочих ритуалах я не сильна, можно их придумать самим.

Поднявшись, Налия поставила у супружеского ложа поднос с двумя чашечками горячей каскары — золотистого напитка из мякоти кофейных ягод. Вокруг них стояли маленькие пиалы с тростниковым сахаром, орехами, тертым имбирем и корицей.

— Это чтобы жизнь была сладкой и в меру крепкой, — пояснила жена и подала Айвару одну из чашечек, от которой шел аппетитный аромат. — Что еще тебе пожелать, я, если

честно, не знаю, потому что любовь у нас уже есть, а для остального нужно действовать, а не говорить.

— Ничего лучше я и не ждал, — кивнул Айвар и попробовал напиток. — Но у меня к тебе все-таки есть одно пожелание, милая: я хочу, чтобы ты не менялась. Нет, я не о том, чтобы не стареть и не портить фигуру, — ведь **«только змеи сбрасывают кожи, мы меняем души, не тела»**. Так вот тебе не нужно менять душу, Налия, прогибаться, подстраиваться. Такие, как ты, должны себя сохранить независимо от семьи, брака, общества и всего прочего.

— Ой, Айвар, что это за официоз? — поморщилась Налия. — Это больше подходит для эпитафии, чем для брачной ночи, господи прости! И не такая уж я особенная, у меня просто тяжелый характер. Так что стоит ли этому радоваться?

— Ты особенная, — уверенно сказал муж, коснувшись ее руки.

Так началась новая жизнь, в которой Айвар уже не растрчивал себя на сожаления и ностальгию. В свободное от работы время они с Налией много гуляли, ходили в гости или приглашали друзей к себе, ездили к родственникам Айвара, к которым он стал относиться гораздо теплее, чем прежде. Дома они смотрели старые голливудские мюзиклы, к которым Налия прирастила мужа, слушали джаз под мороженое и кофе и очень много беседовали. Иногда супруги выбирались в Аддис-Абебский театр или на местные кинофестивали.

Их близкие отношения в совместном быту тоже стали еще более яркими. Они любили вместе принимать ванну, делать друг другу массаж, купаться обнаженными на эритрейском пляже, и Айвар не сомневался, что их взаимное влечение не угаснет ни от каких возрастных перемен, что он всегда будет беспрекословно следовать ее чувственным желаниям, угадывая их интуитивно. Она повелевала, он слушался, но оба обрели в этом чувственную гармонию и равновесие.

Первый год после свадьбы выдался богатым на события и впечатления. Кроме успехов Айвара с учебой и реформ на работе — некоторые проекты комитета по здравоохранению были основаны именно на его исследованиях и идеях, — последовали и радости, о которых ему говорила Налия. Сразу после торжества они в самом деле отправились на неделю в Европу. Налии очень хотелось впечатлить мужа своим знанием западных «жемчужин», когда-то изученных ею, от храмов до подвалов, однако столицы Айвар решительно отверг:

— На черных я и здесь успею насмотреться! Сейчас чтобы увидеть, как живут настоящие европейцы, надо ехать в провинцию, в города с одноэтажными домами, крошечными церквями и смешными празднествами, когда улицы завешивают разноцветными флажками и всякий глинтвейн льется рекой.

Это предложение Налию заинтересовало, и они сошлись на том, чтобы поехать в Кодройпо, местечко на северо-востоке Италии, охраняемое Девой Марией Снежной. Оно оказалось уютным, тихим и в то же время таинственным, словно сказочные деревушки. Там не было толп туристов, сувенирных лавок на каждом шагу и фешенебельных мест, но обоим супругам это пришлось по вкусу.

У каждого домика росли раскидистые деревья и причудливые кустарники, а изгороди порой были увиты зарослями цветов. И хотя это была тихая провинция, удаленная от денежных потоков, люди здесь жили комфортно и красиво. Почти все домики были окрашены в теплые, безмятежные цвета, под черепичными крышами, а на главных улицах, среди однотипных административных зданий, можно было увидеть настоящий готический шпиль, крошечную фреску или колонну, выложенную художественной мозаикой.

Днем они ездили по окрестностям провинции Удине, любовались природой и памятниками культуры, пили белое вино, лакомились пиццей с душистым базиликом и нежным джелато. И если Айвару нравились классические сорта с шоколадом или вишней, то Налия, разумеется, предпочитала экстравагантные вкусы типа сыра с плесенью или морских водорослей.

А по вечерам супруги угощались местным кофе и сладкими булочками в маленьком кафе, где коротали время итальянцы, совсем не беспокоящиеся о быстротечности жизни. Айвару нравилось за ними наблюдать — они, наверное, могли бы точно так же беседовать и в прошлом, и в позапрошлом веке, сопровождая слова экспрессивными жестами, попивая золотистое вино, закусывая его маслинами, а вокруг бы так же резвились их ребяташки, эмоциональные как родители.

На чернокожую пару все здесь смотрели приветливо и спокойно, хотя супруги привлекали внимание своей любовью к ярким контрастам и природным чувством стиля. В связи с этим произошел забавный эпизод. Один из местных мальчишек, лет двенадцати на вид, долго глядел на необычных гостей, одетых по моде ретро, женщину в сиреновом льняном платье и с затейливыми муранскими бусами на шее, в виде фруктовых гроздьев, и мужчину в светло-сером джемпере с шейным платком из дымчатого синего шелка. Маленький итальянец в конце концов подошел к ним и, дружелюбно улыбаясь, спросил:

— America?

Налия от души рассмеялась, а Айвар развел руками и весело сказал:

— No, no! Africa!

Это путешествие они долго вспоминали с удовольствием. Айвар прежде знал о таких местах только по книгам и чужим рассказам, а Налия сочла его самым романтичным из всех, в которых ей довелось побывать.

Позже, в середине лета, они снова побывали в Европе по радостному поводу (деловые короткие поездки у Налии случались регулярно, и после бракосочетания Айвар стал к ней присоединяться). Даниэль в самом деле должен был жениться и пригласил друзей на торжество в испанский город Виверо, в котором и встретил свою невесту Монику. Она оказалась очень веселой и общительной девушкой, такой же яркой, как Налия, но заметно ниже ростом и чуть полненькой. Вскоре после свадьбы им предстояло улетать в Штаты. Церемония прошла в местном храме, а праздник показался Айвару и Налии очень душевным, с характерной для нынешней Европы нелюбовью к лишнему пафосу. Новобрачные были в демократичных, но очень элегантных нарядах оранжевого тона, и зал для фуршета, в соответствии этому, украсили рыжими лилиями и подсолнухами.

Айвар, конечно, радовался за друга, но их разговор про Олю запал ему в душу, как и беспокойство за ее судьбу. Даниэль показал ему фото ребенка — тот родился светлокожим, и на африканские корни могли указывать только густые темные волосы и большие карие глазки с пушистыми ресницами. После свадебного путешествия Айвар, немного поколебавшись, позвонил своей питерской подруге.

— Привет, Айвар, — тепло откликнулась Оля. — Судя по твоему встревоженному голосу, Даня тебе все рассказал?

— Почему ты сама мне не рассказала? — вздохнул Айвар. — Я думал, что ты по-прежнему мне доверяешь, Оленька, и будешь писать и о действительно важных вещах.

— Ну и как ты себе это представляешь? Я бы стала жаловаться или просить повлиять на Даню после того, что сделала? Это было бы просто непорядочно, да и пора уже наконец

самой отвечать за свои поступки.

— Тут ты права, впрочем, я и не мог бы на него повлиять. Но разве мы с тобой чужие, чтобы скрывать от меня такое? Я бы тоже хотел увидеть фотографии твоего сына, присылать ему подарки, узнавать, как он растет и какие преподносит сюрпризы, а может быть, и помочь чем-нибудь. Уж о детях я многое знаю, поверь!

— Айвар, не обижайся, пожалуйста: это не из-за недоверия, я просто не знала как сказать, чтобы это не выглядело наглостью. Хорошо, что Даня разрулил эту проблему, потому что мне давно хотелось, чтобы ты все узнал. И не переживай, у нас все в порядке, а Дане я желаю только счастья. У нас все равно не получилось бы семьи: его не устраивают женщины, которые позволяют себя любить.

— Вот как, — задумчиво сказал Айвар. — Значит, он так тебя и не завоевал? Ладно. Оля, надеюсь, что ты не лукавишь и у вас действительно все хорошо. Как зовут твоего мальчика? А когда у него день рождения? Я хочу ему сделать подарок, только существенный, благо наконец могу себе это позволить.

— Зовут Павел, а отчество по деду — Владимирович. А вообще ты лучше приезжай сам, познакомься с ним. Да и я на тебя взгляну... Ты ведь обещал, помнишь?

— Помню, но ты уверена, что хочешь меня видеть после всего этого? Это ведь не так просто, как кажется на расстоянии.

— Это скорее вопрос к тебе, Айвар, — сказала молодая женщина, — причины обижаться были только у тебя, и скажу честно: я очень рада, что ты позвонил, и хочу тебя снова увидеть. Но я обещаю, что никакие болезненные темы мы поднимать не будем.

Немного поразмыслив, Айвар спросил:

— Ну какие сейчас обиды, Оля? Я все эти годы желал тебе только добра, а что в молодости бывают ошибки... Прости за нескромность, но как у тебя сейчас с личной жизнью? Понятно, что вы с сыном — это уже семья, но тебе ведь нужно что-то еще.

— Если честно, то есть один человек: он разработчик компьютерных игр, так что с Павликом они наверняка подружатся, когда он станет чуть постарше. Мы познакомились, когда Павлик подрос и я стала работать в детской музыкальной школе, в которой учится его дочь.

— Так у него есть дочь? — насторожился Айвар. — Он что, женат?

— Нет, не волнуйся, он давно разведен, причем воспитывает ее один, там была тяжелая история. Он чудесный отец, и вообще очень хороший мужчина, поверь. Мы сначала просто обменивались опытом по воспитанию детей и разборкам со старшим поколением, потом подружились и все уже как-то пришло само собой. Его дочка тоже быстро ко мне потеплела, и с Павликом они ладят. Мне кажется, что у него серьезные планы, но это пока только между нами. Ладно, Айвар? Родителям я еще не говорила.

Эти слова тронули Айвара, и он уже уверенно ответил:

— Я очень за тебя рад, Оленька.

— А я за тебя, — лукаво сказала Оля. — Ты ведь женился, да? Твой друг очень разговорчив, так что тебя он тоже выдал. Знаешь, мне интересно увидеть твою жену.

— Да, Оля, женился, надеюсь, что и ты скоро этим порадуешь. Если ты согласна, то я приеду, но подарок для Павлика не откладывается, так что пришли мне, пожалуйста, номер карты. И никаких отказов я слушать не хочу. А если вам с малышом или твоим родителям понадобятся лекарства, не сертифицированные в России или неподъемные, мы с супругой поможем купить их за границей, у надежных поставщиков и со скидкой.

Так приближалась осень, в которую Айвару исполнялось тридцать лет. Он всегда спокойно относился к цифрам, но в этот раз ему было приятно сознавать, что к условному рубежу он подходит если не с успехами, то с достоинством. К тому же, в сентябре его и Налию пригласили в большую делегацию из Эфиопии, направляющуюся в Россию для укрепления связей в здравоохранении. Айвара привлекли из-за его хорошей осведомленности в географии, инфраструктуре и интересных местах Петербурга, так как в программе была предусмотрена и культурно-досуговая часть. Ему было поручено разработать эти пункты, а также заниматься переводом в отсутствие Налии.

В частности, делегация должна была посетить Максимилиановскую больницу — одно из старейших медицинских учреждений в Петербурге, сделавшее своим приоритетом сестринский уход, паллиативную помощь и реабилитационное лечение. Айвару очень хотелось узнать, как это направление выросло за прошедшие годы и что из российского опыта можно будет применить в Эфиопии.

И Налия предложила совместить эту поездку с тем, чтобы повидать памятные с детства места в Питере и встретиться с друзьями. Тогда Айвар сообщил о грядущем приезде Оле и Мите и пригласил их с небольшим опозданием отметить его юбилей в каком-нибудь уютном месте на Финском заливе. Дни в это время стояли теплые, с характерной для ранней осени нежностью золотого налета листвы и робкого солнечного света.

Когда они с Налией подъехали к ресторану, Айвар в ожидании ребят волновался почти так же, как пять лет назад, при их знакомстве. Он думал о том, как они воспримут его новый образ, дорогую одежду, бриллиантовые «гвоздики» в ушах, которые подарила жена, смогут ли относиться к нему так же душевно и просто, как раньше. И рядом была Налия, красотка с поистине королевской осанкой, в строгом бежевом костюме и с тонкой золотой цепочкой на шее, однако на ее темной коже все это выглядело вызывающе роскошным. Понравится ли им это? И как будет чувствовать себя Оля, которая не может позволить себе подобных нарядов и украшений, которая пережила несколько лет одинокого материнства, наверняка оставивших на ней суровый отпечаток?

— Не надо бояться, — вдруг сказала вполголоса Налия и ободряюще улыбнулась. — Я уверена, что все пройдет хорошо. Напомни, как зовут эту твою подругу?

— Ее зовут Оля, — ответил Айвар, которому очень понравилась ее поддержка.

— Эльга, значит, — задумчиво произнесла Налия, будто что-то припоминая. — Как интересно...

Айвар удивленно посмотрел на нее и спросил:

— Ну да, по-скандинавски Эльга, но ее, конечно, никто здесь так не называет. А что такого?

Но тут подъехали гости, и, к его облегчению, они улыбнулись ему и Налии с той же теплотой и душевной свободой, как раньше, и их ничуть не напрягал элегантный вид супругов. Сами они повзрослели, казались увереннее и по-житейски мудрее, чем прежде. И больше всего Айвар был рад тому, что Оля не выглядела уставшей и опустошенной, она повзрослела, но нисколько не растеряла своего северного очарования. Она была все такой же стройной, легкой на подъем, а ее светлые волосы были красиво подрезаны и уложены.

— Ты стала еще прекраснее, чем раньше, — негромко сказал Айвар, пожав ее руку.

— А ты совсем не изменился, — весело ответила Оля.

Митя за это время получил заочно журналистское образование, стал востребованным обозревателем и совсем не походил на робкого и инертного паренька, каким Айвар увидел

его при первой встрече. Теперь его внешность отражала незаурядный ум и достоинство.

Налии, как заметил муж, молодые люди тоже понравились и она поприветствовала их со своим обычным добродушным юмором. Митя сказал, что они долго не могли придумать, каким подарком можно удивить Айвара, и в конце концов решили вручить ему набор балтийских лакомств — копченую рыбу с Финского залива, карельские сладкие хлебцы в виде солнца, домашнее «царское» варенье из крыжовника и коллекцию чая с русскими добавками: малиной, шиповником, смородиной и даже цветами сирени.

Айвар был искренне рад, и за ужином Оля с Митей убедились, что у обеспеченной пары сохранилась очень вдохновенная любовь к пище, пусть и в рамках приличия. В ресторане русской кухни, где компания устроилась на укрытой от ветра террасе, эфиопы дочиستا съедали и моченые яблоки, и солянку, и черный хлеб с маслом, и вареники с вишней и сливой. В конце концов Митя все же робко спросил:

— Извините за нескромность, но... это правда, что африканцам всегда хочется есть?

— Ну да, — согласилась Налия без тени обиды. — А сколько народа у нас сейчас по-настоящему хорошо живет? Единицы, но и у тех в подкорке сидит, что предки существовали впроголодь. У меня только папа из состоятельной семьи, а по маминой линии бабушка и дедушка из деревни, как и у Айвара. Вот мы всегда и наедаемся впрок, и родители до сих пор больше всех деликатесов любят вареную картошку.

— У нас, к сожалению, элита придерживается других правил, — заметил Митя. — Все там вылезли из низов, причем чаще всего не умом и не талантом, а наглостью. Но теперь ведут себя так, будто всю жизнь питались черной икрой и мылись в ваннах из голубого мрамора.

— В Эфиопии таких тоже хватает, просто аппетиты у них более скромные, потому что они не привыкли к перманентной нефтяной халяве, — сказал Айвар. — А родители у Налии — люди другой формации, для которых кодекс чести чиновника не пустой звук и не анекдот. Были бы все такими, страна давно жила бы по-другому.

10. Эльга

После ужина компания вышла на уже пустынный вечерний пляж. Налия с Олей и Митей присели на скамейку, а Айвар сказал им:

— Ребята, ничего, если я вас ненадолго оставлю? Хочется прогуляться до моря, очень уж давно я его не видел.

— От моря-то осталось одно название, — усмехнулся Митя, — теперь по нему пешком можно до Финляндии добраться.

— А в детстве оно казалось нам огромным, не так ли? — выразительно сказал Айвар.

Он скинул пиджак и галстук на скамейку, потом снял и туфли с носками и направился к пахнущей водорослями воде. Там он долго стоял, глядя куда-то в сторону уже практически невидимых на закатном небе громад Кронштадта.

Оля осторожно спросила у Налии:

— А у него осталась привычка так задумываться, полностью уходя в себя? Нам раньше всякий раз казалось, что он не то молится, не то смотрит на нечто невидимое для всех.

— По-моему, это у него было всегда, — ответила эфиопка и улыбнулась. — Айвар очень непростой парень, он действительно что-то видит, поэтому и исцеляет людей. По крайней мере, их души.

— Расскажи, как вы познакомились, — попросила Оля.

— В детстве мы долго дружили, а по-настоящему я влюбилась летом в лагере, когда мне было пятнадцать, а ему на год меньше. Вскоре после этого он и уехал...

Налия сделала паузу, было видно, что это воспоминание все еще дается ей с болью:

— Там был такой же полудикий пляж, но летом на нем было столько народа и веселья, что я его называла «наша Калифорния». Я тогда увлекалась всякими красивыми единоборствами, модными у девочек: капоэйра, тайский бокс... В спортзале я, бывало, отрабатывала кое-какие движения, чтобы форму не растерять, однажды увлеклась, балдела под бодрую музыку, и, случайно оглянувшись, увидела, что Айвар зашел и смотрел на меня, но как-то странно, не так, как обычно парни в этом возрасте смотрят на девочек, а спокойно и задумчиво. Я спросила: «Ты чего, Айвар?», а он позвал меня посмотреть на то, как дюнную гряду на пляже занесло песком, — как раз недавно был шторм. «В этом песке можно по пояс гулять» — сказал он мечтательно, а я думаю: почему по пояс, это вода, что ли? Но все-таки пошла с ним, и мы долго смотрели на эти дюны. Он мне рассказал, что раньше, когда на карте не было никакого Питера, в этих краях обитали диковинные племена, похожие на наших предков, только белые.

— А может быть, он это все затеял просто чтобы с тобой время провести? — спросил Митя.

— Ну уж нет, только не Айвар, — убежденно ответила Налия. — Хотя я была бы не прочь так думать.

Некоторое время спустя, пока Митя увлеченно рассказывал Налии о своих социальных репортажах, Оля подошла к Айвару, который прохаживался по полосе мокрой гальки, будто и не ощущая ее под босыми ногами. Она сказала:

— Спасибо, что приехал, Айвар. Мне это действительно было очень важно.

— Это тебе спасибо, Оленька, — ответил он с улыбкой, будто и не пребывал в глубокой задумчивости. — И успокойся, я давно ни на что не сержусь, я только счастлив снова здесь

оказаться. Дай бог, чтобы у вас все наладилось, но мой друг неприятно меня удивил. Я не ожидал, что он будет так равнодушен к собственному сыну.

— Ты же его знаешь: Даня такой по жизни, умеет из ничего сделать сплошной праздник, и я за это ему очень благодарна. Но праздники ведь не длятся вечно, и странно было бы ожидать, что он внезапно перестроится.

— Ну да, он не я. Но... извини, если это обидный вопрос, Оля, но у вас ведь речь шла про свадьбу. Ты ни на минуту не испытала к нему ничего похожего на любовь?

— Он не ты, — повторила Оля как бы про себя. — И я не знаю, как тебе понравится такой ответ, но я действительно ничего похожего не испытывала. Это мог быть такой брак, который хорошо срабатывает в индийском кино, типа «Наступит завтра или нет». Смотрел такое?

— Оленька, на индийское кино у меня терпения не хватит, очень уж оно длинное, — улыбнулся Айвар. — Я знаю только про фильм «Сангам», и то потому, что в детстве нас с Данэ знакомые почему-то сравнивали с главными героями. Там тоже было два закадычных друга: один рассудительный и приземленный, а другой слегка ненормальный, но чертовски обаятельный.

— И разумеется, одна девушка? — с улыбкой спросила Оля. — Иначе бы и никакой истории не получилось, верно? Да, Айвар, когда-то мы хотели, чтобы наша история кончилась иначе, но ведь сейчас все хорошо? Почему нам не продолжить общаться? Поверь, у меня нет каких-либо потайных мыслей, просто мне очень хочется познакомиться с тобой Павлика. Я ему рассказываю про Африку, что его предки оттуда родом, что там очень красиво и совсем не похоже на наши места, и говорю, что он там обязательно побывает и все увидит своими глазами.

— Дай бог, чтобы так, только пусть он увидит хорошее, — искренне ответил мужчина. — А не так, как я. Конечно, это ему не грозит, он же русский мальчик, но все-таки... Ты береги и себя, Оленька, и близких, вы все ему очень нужны, и не только сейчас, пока он маленький. Любовь к семье во всяком возрасте делает тебя беззащитным.

— Забавно, что характером он, к моей радости, похож на тебя, а не на Даньку: такой же молчаливый, спокойный, любит рассматривать книги, картинки, сам уже немножко рисует, ходит со мной на выставки. И ничего не спрашивает даже, а изучает, обдумывает... А еще он очень добрый, всегда чувствует, если кому-нибудь из старших грустно. Тогда Павлик подходит, смотрит и улыбается, так, что сразу теплеет на душе. Кстати...

Она немного помедлила и добавила:

— Ты не хочешь спросить, как дела у Нерины?

— Нет, Оля, не хочу, — невозмутимо отозвался Айвар. — Но я вижу, что ты хочешь сказать, так что выкладывай, я слушаю.

— Да собственно, я мало что знаю, — замялась она. — С тех пор как ее все-таки выдали за этого мажора, нити между нами оборвались. Догадываюсь только, что живется ей не слишком весело.

— Это тот самый Костя, да?

— Ну да. Вскоре после того, как ты уехал, дядя Андрей его снова к ней приставил, как ангела-хранителя, и так все и закрутилось, ясно было, что отцы уже по рукам ударили. Я там свидетельницей была, не от большого желания, но просто знала, что больше у нее никого нет на эту роль. Какие были понты, словами не передать, — лимузины, ресторан в Петергофе на двести гостей, какой-то немыслимый черный торт с позолотой, фонтаны шампанского,

корейские обряды...

— По-видимому, ее это устроило, — пожал плечами Айвар. Он знал, что Оля словоохотлива, и любил поговорить с ней о чем угодно, но давно зарекся оценивать чужие половые и семейные дразги и не намеревался никому и никогда озвучивать мыслей насчет своей бывшей невесты и ее мужа. И даже никому не рассказал, что они все-таки столкнулись с Костей на этом проклятом фестивале — впрочем, находка так его шокировала, что он сам не сразу про это вспомнил и вовсе не был уверен, что одно связано с другим. Они виделись не более пяти минут, на улице, куда Айвар вышел покурить, а Костя был вместе со своими приятелями. Но друг друга они заметили издалека, и Костя, подойдя к нему, сказал что-то очень странное, хоть и не агрессивное. Тем не менее Айвар помнил его непроницаемое бледное лицо, разметавшиеся по плечам волосы, черную кожаную куртку с заклепками и цепями, и чувствовал, что от этого парня просто веяло студеной, промозглой опасностью. Так бывает в позднюю питерскую осень, когда еще нет ни приятного снежного хруста, ни сверкающей изморози, и только пронизывающий ледяной ветер говорит о приближающихся затяжных сумерках.

— Ну не знаю, насколько ее это устроило. Вообще мы после свадьбы мало пересекались, на нейтральной территории, а потом и то заглохло. В доме ее мужа я ни разу и не была. Я подозреваю, что он ее и отговорил со мной и Митькой общаться. Он и раньше, когда мы еще иногда тусовались вместе, на нас как-то настороженно поглядывал, будто боялся, что мы ее чему-то нехорошему научим.

— Ну и бог с ним, Оля, у каждого свои тараканы. Ты сама вряд ли горишь желанием с ним встречаться, так какая разница, что он о вас думает?

— Да мне просто Нери жаль, мы с ней не чужие все-таки, в детстве косичками мерились! — с жаром воскликнула Оля. — Он же ее съест и не подавится, я ее, кстати, после свадьбы открытым текстом так и предупредила. Ты, конечно, слышал про самок богомола?

— Кто же о них не слышал? Правда, не все знают, что они поедают партнеров только когда голодны и нет другой пищи, а отнюдь не из мизандрии. И в таком случае под раздачу могут попасть и детеныши.

— А вот знает ли кто-нибудь, что в природе есть и обратные случаи?

— То есть самец может съесть самку? — удивился Айвар.

— Ну не то чтобы съесть. Но у некоторых земноводных, например, самец выдавливает икру из убитой им самки и оплодотворяет ее, — пояснила Оля. — Это уже не объяснишь голодом, просто элемент брачной игры! Когда-нибудь она опомнится, да будет уже поздно, собственная жизнь мимо пройдет. Ведь Нерина и о международной деятельности грезила, и об искусстве, а сейчас не знаю даже, работает ли она вообще. Но детей у нее точно нет, так что скорее всего, она в основном лапшу варит и мужа ублажает. Между прочим, и дядя Андрей в последнее время счастливым не выглядит.

— А с ним ты продолжаешь общаться?

— Ну да, он всегда дружил с моими родителями, они часто друг к другу в гости заходят. Уж ему-то Костя ничего не запретит! И потом, ему очень нравится Павлик, он ведь любит детей, мечтает, наверное, о своих внуках, но пока без толку. Так вот как-то раз он увидел его рисунки и знаешь что сказал? «Будь это сын Айвара, я бы не удивился, что у него такие фантазии». Впервые за несколько лет вслух о тебе вспомнил, но я сразу поняла, что ему эта история не дает покоя...

— Ну что же, Оль, я не удивлен, ему очень хотелось верить, что я действительно

виноват и он все делает правильно. Я не желаю этому человеку ничего плохого, и вообще теперь понимаю, что мы с ней с самого начала затеяли какую-то ерунду. Но тогда у меня, наверное, представления о любви и семье застряли где-то на уровне четырнадцатилетнего возраста. Это в другом аспекте я хорошо разбирался, как ты, увы, знаешь. Но не слишком ли это было жестоким наказанием за глупость? Ты не думай, я не жалуясь, просто до сих пор не понимаю.

— Да не то слово, — вздохнула Оля. — Но все-таки почему он сказал именно так? Я все хотела спросить: если бы тебе тогда удалось остаться в Питере, твое убеждение насчет детей могло бы измениться?

— Это уже рискованный вопрос, Оленька, — сказал Айвар мягко, но серьезно. — Хотя был момент, когда меня действительно занесло и мало ли что могло бы случиться... Давай будем исходить из настоящего.

Немного помолчав, он вдруг спросил:

— У тебя точно все хорошо?

— Да, — тепло сказала женщина, — я ведь еще тебе главное не сказала: мы с Лешей решили подать заявление.

— Серьезно? — тихо обрадовался Айвар и осторожно положил руку на ее плечо.

Оля кивнула и ее нежные щеки зарумянились. Она добавила:

— Когда вы с Налией снова будете в Питере, приезжайте в гости. Мы пышную свадьбу не планируем, просто распишемся и устроим маленький праздник с родителями и детьми. Но для вас наш дом всегда открыт, знай об этом.

— Только как муж отнесется к тому, что ты общаешься с другом своего бывшего парня?

— Ты мой друг, а вернее все-таки близкий человек, — решительно ответила Оля. — И он это поймет, можешь не переживать.

— Я очень за тебя рад, — сказал Айвар, улыбаясь. — В гости мы непременно приедем, благо у нашей организации много дел с Россией. Завтра я еще деда Гришу хочу проведать: Митя говорит, что он очень меня ждет. Слава богу, старик молодцом держится.

— Это правильно, дед будет просто счастлив увидеть, каким ты стал! Он все это время за тебя переживал, говорил, что ты его просто к жизни вернул. Я вижу, ты продолжаешь носить его подарок?

Она кивнула на часы легендарной советской марки «Победа» на руке Айвара.

— Ну конечно, — серьезно ответил Айвар. — Они ведь принадлежали его отцу, тот их получил за боевые заслуги. Я сначала не решался их принять, но дед сказал, что на тот свет их все равно не забрать, а здесь они еще неизвестно к кому попадут. Ну ты же его знаешь! И он решил их подарить именно мне...

Айвар приумолк, будто из-за чего-то смутившись. Оля улыбнулась и потрогала его за плечо.

— Ладно, пойдем, а то ребята нас ждут к десерту. Тут потрясающее кофейное меню: кленовый раф, клубника в шоколаде, топлёный ореховый латте, — Оля озорно подмигнула.

— Да уж, — поморщился Айвар, — мне эти названия до сих пор в кошмарах снятся. Нет, за настоящим кофе уж лучше вы приезжайте к нам! А тут я скорее чаю выпью, его у вас гораздо приличнее делают.

Расстались они очень тепло, с пожеланиями оставаться на связи и встретиться в следующем году. У Айвара и Налии были еще одни сутки до отлета в Эфиопию, и он посвятил это время поездке к Митиному деду, а заодно попросил Олю хотя бы ненадолго

показать ему Павлика. Она предложила ему сутра подъехать к садику, куда отводила сына каждый день. Айвар привез ему яркий эфиопский кафтанчик горчичного цвета, с красивой вышивкой, а обещанную сумму перевел Оле на карту еще до приезда в Питер.

Увидев малыша, Айвар невольно залюбовался. Блестящие темные волосы, длинные ресницы и яркие глаза удивительно сочетались с мягкими славянскими чертами лица от матери, — задорными и в то же время мечтательно-безвольными. Павлик охотно подал ему свою маленькую ручку и улыбнулся.

— Можно его подержать? Он не испугается? — спросил он у Оли.

— Ну что ты! Вон как он смотрит, — сказала она одобрительно. — Ты же ему сразу понравился.

Оказавшись у Айвара на руках, малыш явно обрадовался и нисколько не смутился, хотя прежде никогда не видел чернокожих.

— Давай будем знакомы, Павлик, — тихо сказал мужчина. — Можешь меня называть просто Иви, если хочешь. Надеюсь, что мы с тобой подружимся, правда?

— Ты из Африки? — вдруг спросил мальчик с удивительной для его возраста серьезностью. — Я сразу догадался.

— Да, об этом не так легко догадаться, что и говорить, — рассмеялся Айвар, повернувшись к Оле. Та улыбнулась и сказала:

— Я вижу, вы нашли общий язык? Он тебе нравится?

— Просто чудо, — тихо сказал Айвар и осторожно погладил мальчика по щеке. — Знаешь, Оля, теперь мне кажется, что я снова обрел в этом городе что-то родное. Только уже не бывшее, не призрачное, а самое настоящее.

Когда Айвар, вернувшись в гостиницу, собрался поехать к деду Грише, жена удивила его сообщением, что они с Олей договорились после работы выпить кофе и пройтись по магазинам, чтобы выбрать платье для будущей свадьбы.

— Почему она хочет пойти именно с тобой? — спросил Айвар.

— Ну не с женихом же идти по таким делам! — рассмеялась Налия. — Мы вчера разговорились, было интересно, так почему бы еще не пообщаться? К тому же, мне показалось, что у нас с ней схожие вкусы.

— Я бы и не подумал, — неуверенно сказал Айвар. — Ладно, я рад, что вы друг другу понравились, да и подруг у нее вроде бы нет... Ты только не слишком смущай ее, Налия, она тихая, скромная девушка, а то я тебя знаю.

— Приняла к сведению! Да не волнуйся, я ее не съем, — усмехнулась Налия и дурашливо выпятила роскошные губы — это всегда очень умиляло Айвара.

Вечером она сказала мужу, что Оля долго «прибеднялась», но в конце концов доверилась ее советам и купила очень романтическое платье из ажурного трикотажа. Закончив дела, супруги решили напоследок прогуляться по историческому центру города. Налия жалела, что нет времени посмотреть на окраины, которые, с точки зрения обоих супругов, говорили о городе гораздо красноречивее, чем «открыточные» панорамы.

— В центре тоже есть места, похожие на Меркато у нас в Аддисе. И точно так же, как там, белым в них лучше не заглядывать, — загадочно сказал Айвар. — В следующий раз я тебе непременно их покажу.

— Идет! — сказала Налия. — В конце концов, с тобой я все равно ничего не боюсь. Надо будет только заранее переодеться во что-нибудь непрезентабельное.

Пока же молодые люди заглянули в одну из пышных на Садовой улице, где

насладились фирменным городским лакомством и рискнули отведать «кофе с молоком по-советски». Оба весело и даже вызывающе подмигивали удивленной местной публике.

Когда подступили легкие сумерки, они вышли к Невскому проспекту, уже переливающимся огнями своих многочисленных храмов торговли и тщеславия. Окинув их взглядом, Айвар тихо что-то сказал и бережно взял жену за руку.

11. Айвар привыкает к новой жизни

Айвар неоднократно слышал, что после тридцатилетнего рубежа ход времени ускоряется, но в Эфиопии календарные сожаления казались неуместными. Даже Соломон и Агарь были еще вполне бодры и не стремились бросать дела, сколько дочь ни уговаривала их пожить просто себе в удовольствие. А уж им с Налией тем более не приходилось скучать.

Комитет, где заведовала Наля, наращивал обороты в преобразованиях, хотя многое было еще в зачаточном состоянии из-за неграмотности населения и ограниченных финансов. Во многих регионах сохранялись дикие обычаи — ношение губных тарелок и шейных колец, ритуальные побои, удаление миндалин и надрез десен у детей, питье смеси из сырого молока и коровьей крови для «улучшения мужской силы» или обрезание девочек. Но в Аддис-Абебе и других крупных городах дела обстояли лучше, чем в целом по стране, и Айвар, который был склонен радоваться малому, постоянно это подмечал в деталях. «Теперь ведь уже страшно представить, что до нашего рождения на почти пять тысяч больных в стране была одна койка, а почти на пятьдесят тысяч — один врач? Что простейшее обучение санитарному обслуживанию у нас началось в то же время, когда в мире уже имплантировали сердце? А когда-нибудь это и вовсе превратится в нечто из древних кошмаров, вроде того, как сейчас воспринимается эпидемия чумы в Европе» — говорил он Налии во время статистических проверок.

Но не все было так просто. Законы работали в руках адекватных и образованных людей, которых в Эфиопии стало значительно больше, чем пятьдесят лет назад, однако так и оставались необязательными для приверженцев старых порядков, ненавистников знания и прогресса. И в диких селах женская и детская смертность все еще была высокой. К тому же, ввиду отсутствия нормальных дорог и транспорта часто не удавалось довезти тяжелых больных до ближайшего медицинского пункта, и для этого нужны были коренные реформы и специальные службы.

Временами Наля жаловалась Айвару на то, как сложно разговаривать с эфиопскими ретроградами, среди которых были не самые невежественные люди. Но стоило сказать им, что в современном мире давно ценится не выживание, а развитие, движение и удовольствие, как они мгновенно злобились и уходили в глухую оборону.

Но однажды вечером он увидел жену прямо-таки с горящими глазами. Даже не дожидаясь ужина, она изложила ему свою идею:

— Айвар, помнишь ту историю, которую ты рассказал мне перед свадьбой? Ну, о женщине, умершей от родильной горячки.

— Странный вопрос, — отозвался Айвар с удивлением. — Я ее никогда не забуду. А в чем, собственно, дело? Это имеет отношение к работе?

— Непосредственное! — воодушевленно воскликнула Наля. — Особенно к работе с населением. Мы планируем создать медиаплатформу для распространения информации о планировании семьи именно для мужской аудитории. Даже в городах, где не так уж плохо обстоит с грамотностью, большинство мужчин относится к потомству как к бабской забаве, а уж до аборт и родовых проблем им действительно нет никакого дела. Пора уже донести до них, что человека от обезьяны отличает не только труд, но и ответственность.

— А от меня что требуется?

— Именно ты и будешь лицом этой платформы! Это же идеальный образ современного

африканского мужчины, новой формации! Культура, начитанность, спорт, интерес к миру, ухоженность, а главное, доброжелательность. Нам много лет проталкивали дикарство и агрессию как норму, пора уже прививать новые взгляды.

— Лицо медиаплатформы? — рассмеялся Айвар. — Налия, а ты не боишься, что мне в основном начнут задавать вопросы о моем веселом прошлом, а не о спорте и учебе?

— Ты сам этого не бойся, — спокойно ответила женщина. — Это как раз очень символично: у нас все общество сейчас находится на переломе между позорной нищетой и нормальным здоровым будущим. Если ты смог все преодолеть, значит, и у других это получится. У тебя как раз такая фактура, которая вдохновит кого угодно.

— Да что ты, милая, — задумчиво сказал Айвар, — я санитар, а не боец, а для того, чтобы кого-то вдохновлять, нужен бескомпромиссный характер, властность. Да еще любая медийная деятельность обязывает искать расположения у статусных людей, многим из которых я сам бы в жизни руки не подал. Они, кстати, у всех одинакового цвета.

— Айвар, твоя работа как раз и будет состоять в том, чтобы отфильтровать действительно толковых людей, которых интересуют реальные проблемы, а не игра в гуманизм. И на первых порах я тебе всегда смогу помочь.

— Да, но если я вдруг встречу в том же Российском Красном Кресте именно такого человека, и в этот момент нужно будет оказать помощь пациенту, из которого хлещет кровь, а этот толковый от вида крови хлопнется в обморок, — то я его просто отпихну ногой в сторону, чтобы не мешал. И много после этого от него можно будет дожидаться инвестиций и помощи?

Налия улыбнулась при этих словах.

— Знаешь, Айвар, к счастью, ты немного ошибаешься. Далеко не всем влиятельным людям нравится, когда перед ними заискивают, многие из них истосковались по нормальному человеческому отношению и по правде, сказанной в лицо. Я и сама такая. Конечно, у меня привилегии есть только в пределах родины, но я всегда терпеть не могла угодливых взглядов и стремлений выслужиться. Те, кому доставляет удовольствие смотреть на других свысока, обычно не очень-то твердо держатся на своей вершине. А кто лучше, чем ты, санитар, видит людей как они есть, через наряды, громкие слова и прочую мишуру? Ведь в больном и беспомощном состоянии они так же неприглядны, как бедняки.

— Это верно, человеческую грязь я изучил досконально, в том числе и в юности. В местечках типа того, где я работал, с культурных людей действительно слезала всякая благопристойная личина. К сожалению, о моральной очистке организма люди заботятся меньше, чем о физической.

— То есть в метафорическом смысле это схоже с профессией санитара?

— Да, хоть и не совсем, и задача у нас состоит в том, чтобы привести страну в человеческое состояние хотя бы настолько, чтобы обращение за какими-либо инвестициями не выглядело попрошайничеством. Беда нашего народа заключается в том, что он носит с собой свою несчастью, как с поводом для христианской гордости и восхищения. Ему просто надо объяснить, что счастье — это очень хорошо и правильно.

— Вот! — ободряюще сказала Налия. — Этим я и предлагаю тебе заняться. Донеси до народа, что счастье состоит в заботе друг о друге, в саморазвитии, в создании здоровой и гармоничной семьи, а не просто в справлении биологических нужд. Никто же тебя не отстраняет от основной службы, но без имиджевых проектов нам тоже никак не обойтись, Айвар! Так что время от времени тебе нужно будет работать и лицом. Ну а как ты думал?

Что природа зря тебе дала его таким?

Айвар посмотрел на жену, загадочно улыбаясь.

— Налия, мне сейчас достаточно быть красивым только для тебя, — сказал он мягко, — для всего остального нужны другие качества. Но если тебе это будет приятно, то я возьмусь.

Ему не хотелось разочаровывать жену, хотя на самом деле чувства у него были смешанными: рассказывая Налии эту историю перед свадьбой, Айвар никак не рассчитывал на то, что она решит воспользоваться ею для развития своих проектов. Это был очень интимный вопрос, в который он посвятил ее исключительно ради того, чтобы она не строила иллюзий насчет потомства. А она, оказывается, смогла найти к нему прагматичный подход. Но с другой стороны, чего он ожидал? Да, Налия приземленный человек, даже немного циничный, но поэтому ей и удастся политическая деятельность.

Поэтому Айвар, несмотря на нелюбовь к публичности, все-таки счел нужным помочь жене в связях с общественностью. Он и до этого иногда присоединялся к ней на встречах с потенциальными партнерами, инвесторами и филантропами. Конечно, среди них встречались и те, кто умел только позировать на камеру с трогательными чернокожими детьми на руках и продавать эти снимки гламурным изданиям по цене больше, чем бюджет одной больницы, и к тому же, встречи с иностранцами сопровождались изысканными угощениями и возлиянием элитного алкоголя, в то время как огромная часть населения Эфиопии жила впроголодь. Повлиять на этот ритуал Айвар был не в силах, но стремился по-своему разбавить душную атмосферу утрированного гостеприимства. Коллеги Налии его за это очень ценили и считали, что его присутствие благотворно влияло на супругу.

Но именно на одном из таких мероприятий с Айваром произошла весьма неприятная история. Какая-то врачебная делегация из Европы вела долгие переговоры с комитетом в большом ресторане, и он, немного устав сидеть на месте, отправился в бар, чтобы попить воды и размяться.

Вдруг незнакомый женский голос позвал его по имени. Еще не оглянувшись, Айвар уловил в нем неестественно сладкие нотки. Неподалеку стояла молодая женщина с шоколадным загаром, но европейской внешностью, длинными русыми волосами и зелеными глазами, подчеркнутыми серебристыми тенями. На ней было темно-фиолетовое платье из блестящего шелка, с оборками и таким смелым декольте, что оно напоминало наряд минойских красавиц.

Впрочем, эту незнакомку нельзя было назвать красавицей. Вроде бы черты лица у нее были правильными, но какими-то слишком мелкими для ее вытянутой фигуры и пышного бюста, и яркие пятна макияжа от этого смотрелись еще более неестественно.

— Что, не узнаешь, Айвар? — сказала она. — Нет, близко мы с тобой не общались, хотя это можно исправить. Но ты тогда крутил роман с одной чокнутой из нашей группы. Помнишь?

Айвар действительно вспомнил. Именно эта женщина была когда-то старостой в группе Нерины и больше других ее прессовала. В то время он почти не обращал на нее внимания, повидав слишком много таких девиц, похожих на инфернальную версию «стэпфордских жен» (этот фильм он смотрел с Налией).

— Меня, кстати, Рита зовут, — добавила женщина. — Она ведь не соизволила о нас рассказать?

— Я принял к сведению, — сухо произнес Айвар. — Здраваться, как я вижу, ты не умеешь, Рита, так что и я позволю себе не прощаться.

— Эй, ты чего? — удивилась Рита. — Ладно тебе, что ты вдруг стал такой нежный? Хотя да, видно, что ты куда-то пробился. Вон и костюм приличный, и в ушах золото, а не алюминий. Это на кого же ты сейчас, кхм... работаешь? Или на ком?

Айвар проигнорировал знак вопроса, однако Рита почти без паузы продолжила свою речь:

— У меня тоже все в порядке, правильно, что я не стала тогда с тобой связываться. Мужчины экстра-класса не любят, когда баба до них спала с негром, а у меня сейчас именно такой. Муж в РЖД работает, занимается строительством линий в Африке. Единственный недостаток, что староватый и потасканный, но это можно потерпеть. Для души всегда есть другие варианты, да?

— Ну поздравляю, — равнодушно сказал Айвар. — Это все? А то мне уже давно пора прогуляться в укромное место.

— Могу составить компанию, — ответила Рита, таинственно понизив голос и подойдя ближе, — муж сейчас в отеле, так что у меня, можно сказать, разгрузочный вечер.

— Я думаю, что справлюсь сам. А для разгрузки... Рита, если ты забыла адрес моего бывшего бара, то я готов напомнить, могу даже записать. Выбор там по-прежнему большой, а здесь проститутов нет.

— Да ладно! Ты-то кто? Бывших не существует, только дешевые и дорогие. Ты теперь явно дорогой, но и я тоже могу достойно заплатить! Тем более с этой ты ведь вообще бесплатно связался? Ну и дурак, так бы хоть деньги поимел, за моральный, так сказать, ущерб. Она же тебя натурально развела!

— То есть? — спросил Айвар, впрочем, без особого интереса.

— А то, что на жалость пробила, когда ты ее из бара провожал, — пояснила Рита. — Она тебе, наверное, тогда наплела с три короба, что мы пошли траву курить? И ты уши развесил! Да это кто-то сдуру ляпнул, чтобы ее подразнить, а она уцепилась, потом еще припоминала время от времени! На самом деле мы просто разделились — две девчонки с парнями, остальные были подругами, а она никуда не вписывалась. И мы ее об этом сто раз предупреждали! И о том, что оставаться одной за столиком очень плохая идея! Ты вот тогда ни разу не подумал с другой стороны — не почему мы ушли, а почему она осталась?

Вообще Айвару эта тема была безразлична, но женщины такого типа, как Рита, крайне редко разговаривали с ним о чем-то кроме секса, и то, что она вдруг повернула беседу в иное русло, ему не то чтобы понравилось, но как-то зацепило.

— Видишь ли, Рита, — нейтрально заговорил он, — когда я вижу, что человеку нужна помощь, я помогаю, а не рассуждаю о том, как он до такой жизни докатился. Если молодой женщине тяжело тащить коляску с младенцем или стариком, я ей помогу, а не буду спрашивать, где ее муж и почему он этого не делает. Если я увижу заблудившегося ребенка, я отведу его домой, а не буду возмущаться безответственностью его родителей. Если человеку при мне станет плохо, я окажу помощь, а не буду говорить, что больным надо сидеть дома. Каждому свое, как говорится, и демагогия не по моей части. А что тогда у вас произошло на самом деле, меня вообще не интересует ни на грамм.

— А иногда стоит порассуждать, Айвар! — вдруг воскликнула женщина. — Тебя жизнь ничему не учит? Уж теперь-то ты наверняка понял, что она за фрукт. Не любит ее никто, видите ли! А как любить, если у нее на лице всегда было написано: вам сказать, что я о вас думаю? Если у нее самой внутри тонны ненависти? И вот на таких ты свою заботу и участие распыляешь, чтобы потом они скорчили козью морду и послали тебя на хрен! Не удивлюсь,

если она сама и попросила подкинуть тебе наркоту, когда ты ей надоел. А ты же мне самой нравился! Если бы у меня тогда не было парня в группе, ты бы меня, а не ее бесплатно обслуживал.

— Да что же вас в моем присутствии всегда прорывает на исповеди? — усмехнулся Айвар. — Все, Рита, вечер воспоминаний о твоём бурном студенчестве окончен, потому что мне действительно пора идти.

Он повернулся и направился в сторону банкетного зала, но Рита успела уцепиться за рукав его пиджака.

— Послушай, — тихо и торопливо заговорила женщина, — ну не зря же я тебя еще раз встретила! Я хорошо заплачу, если надо. Ты сам не пожалеешь, это я гарантирую: в отличие от нее, я знаю, как доставить мужику удовольствие.

— Что с тобой творится? — изумленно произнес Айвар. — Я похож на того, кому нужны твои деньги? Даже не твои, а те, что тебе дал на кофе и винишко муж, которому ты сейчас собираешься наставить рога!

— А вот это все тебе кто дал? — зло ответила Рита, окинув его взглядом и продолжая удерживать за рукав. — Ты думаешь, что это твое? Да ты все получаешь за то же, что и раньше! Сколько лет твоей «мамочке»? Сорок? Или пятьдесят уже? Неужто ты по свежему телу не истосковался! Знаешь, что я умею?

— А вот что умею я, — так же тихо сказал Айвар и мгновенно сжал запястье женщины между двумя пальцами. Этому приему его научили в Африке давно, сказав, что если надавить куда нужно, человек от боли и неожиданности даже не сможет крикнуть. При этом никакой физической опасности в нем нет.

Так и случилось: Рита, выпустив его рукав, несколько секунд только таращила глаза и ловила ртом воздух. Айвар к тому времени уже подошел к дверям в зал. Она все же догнала его и, по-видимому не желая ввязываться в шумный скандал, яростно зашептала:

— Ты что, совсем страх потерял, черномазый? Тебе напомнить, как полагается вести себя с приличными женщинами?

— Мужу своему будешь дома напоминать, — ответил Айвар жестко. — А здесь Африка, и с женщинами обычно разговор короткий. Так что иди откуда пришла, Рита, а то хуже будет!

Та хотела что-то еще сказать, но тут из дверей зала вышла Налия. Увидев рядом с мужем странную незнакомку с перекошенным лицом, она спросила:

— Айвар, что тут случилось? Тебя, между прочим, ждут!

— Ничего, милая, все в порядке, — ответил он по-русски, желая, чтобы Рита его поняла. — Просто эта дама немного перебрала и стала мне делать недвусмысленные намеки. Вот и пришлось немного ее успокоить.

При виде молодой красавицы, одетой по лучшей европейской моде, Рита вначале растерялась, но затем решила не сдаваться:

— Ах бедный мальчик! Пожалуйся уж сразу, что тебя почти привязали и изнасиловали!

Налия резко ее оборвала также на русском:

— Послушайте, неуважаемая, мой муж не желает продолжать с вами разговор. А так как он слишком деликатен, чтобы просто выкинуть вас из дверей, то я могу сделать это сама. И поскольку мы с вами обе женщины, меня никто не осудит. Я доступно объясняю?

Рита ступала и, бросив напоследок яростный взгляд в сторону супругов, взяла свой клатч и вышла из ресторана.

— Почему ты такой взволнованный? — спросила Наля. — Что она тебе сказала?

— Ну что мне могут сказать подобные дамочки? — вздохнул Айвар. — Обиделась, что возбудил и не дал! Не обращай внимания, милая, у нас с тобой есть дела поинтереснее.

— Тут ты прав, — тепло сказала Наля и взяла его под руку. — Забудь! Идем, там сейчас подадут твой любимый десерт.

Дурное настроение у Айвара понемногу рассеивалось, но в глубине души что-то скребло, разумеется, не из-за напоминания о Нерине и не из-за того, что Рита так назойливо набивалась ему в любовницы. Да, она вела себя в точности как полагается пустоголовой и беспринципной жене богатого человека, и славно, что сейчас в России этот образ все больше выходит из моды. Но все-таки было в ее словах что-то тревожное и нехорошее.

12. Поиск человечности

Айвар, несмотря на колебания, поддержал идею Налии о создании медиаплатформы с целью донести до образованного общества мысль о мужской ответственности за семью. У него было только одно условие: что тезисы он будет писать сам, благо опыта у него имелось достаточно. Те ужасы, которых он насмотрелся и наслушался от соседок, врачей, учителей, богомолков, проституток и других простых женщин в Эфиопии, действительно было необходимо предать огласке. Кроме того, Айвар узнал нечто важное и в России.

— Оказывается, в благополучных европейских странах тоже есть люди, поддерживающие варварские обычаи в отношении женщин и детей, — высказался он в первом выступлении. — Это свидетельствует не только о невежестве, которое не всегда зависит от цвета кожи и условий проживания, но и о лжи чудовищных масштабов. Человек, на полном серьезе оправдывающий отрезание клитора и зашивание промежности до первой брачной ночи, раз оно не мешает женщине обслуживать мужа и рожать, — это больной человек, отвратительный муж и никудышный отец, даже если он свято уверен в обратном. Поскольку на Западе люди выбирают супругов добровольно, я бы очень хотел пожелать местным женщинам: никогда не связывайте жизнь с мужчиной, от которого услышите подобные слова. У него есть свои идеалы, в которые он верит, но пусть он за это и расплатится одиночеством в старости. Что же я хочу сказать нашим женщинам — во-первых, любите и жалеете своих дочерей, избавьте их от того кошмара, который, возможно, вам самим пришлось пережить. Дети не виноваты, не надо отыгрываться на них только потому, что они слабы, незащитны и зависимы. Во-вторых, не верьте тем, кто считает, что любящих и заботливых мужчин не существует в природе, что их миссия только воевать, охотиться и оплодотворять. Я занимаюсь совсем другими вещами, и тем не менее я существую и я мужчина. И я верю, что со временем нас таких будет все больше.

Услышав эту речь, Налия была так взволнована, что ее губы дрожали, а глаза подозрительно блеснули. Конечно, все, что сказал муж, не было для нее открытием: она знала и ненавидела этот чудовищный обычай и приложила руку к спасению многих девочек, которые после обрезания находились на грани жизни и смерти от сепсиса. Другие умирали быстро, от потери крови или болевого шока. Но и выжившим уже никто не мог вернуть человеческое счастье и достоинство. Налия знала, что свою речь он посвятил бабушке, погибшей от паразитарной инфекции, роженице, которая умерла на его глазах, ее собственной сестре, которую она никогда не видела, и другим женщинам, которым не посчастливилось родиться в обществе, где еще следовали первобытным нормам.

Так Айвар стал раз в неделю вести колонку в одном из независимых местных изданий и записываться для радиоэфира. Он заметил, что грамотной публике было особенно интересно, как с такими животрепещущими вопросами обстоит за рубежом, и с удовольствием делился воспоминаниями о России. И как-то раз у него возникла неожиданная и дерзкая мысль, которая затем показалась весьма дельной.

Перебрав свои старые контакты, он нашел телефонный номер, по которому почти никогда не звонил, — владелица дала его Айвару только на крайний случай и также взяла его номер, чтобы в экстренной необходимости обратиться к нему за помощью в Аддис-Абебе. Конечно, был риск, что его не захотят слушать, но других координат не сохранилось, а в социальных сетях она перестала появляться.

Набравшись уверенности, он позвонил, и когда женщина отозвалась, чуть помедлил и сказал:

— Здравствуй, Лара. Это Айвар, мы с тобой когда-то виделись в Эфиопии. Ты помнишь?

После недолгой тишины Лара отозвалась вполне спокойно:

— Привет! Конечно, я тебя помню. А что за неожиданный интерес? У парней редко бывает необходимость искать общения с бывшими близкими знакомыми.

Ответ мог показаться сухим и неприветливым, однако Айвар слишком хорошо знал обманчиво холодную Лару и сразу понял из ее слов, что к беседе она вполне расположена. Вкратце и деликатно он объяснил ей, что хотел бы поговорить в рамках своего проекта, посвященного женским проблемам в Африке и других странах.

— Так ты теперь в здравоохранении служишь? — спросила Лара. — Знаешь, а я так и думала, что ты все-таки к этому придешь. Ну как у вас там, чем сейчас Эфиопия дышит?

— Да вообще-то славно, — охотно ответил Айвар. — И аптек стало больше за несколько лет, и стационаров, и жизненно важные препараты теперь проще зарегистрировать — нормальный инсулин, сыворотки от бешенства и энцефалита, вакцины против вируса папилломы. Да и с дефицитом физраствора, и с противогистаминными и противодиарейными лекарствами — ты же понимаешь, что в Африке это актуально, — стало полегче, как и с источниками нормальной воды. Но я-то занимаюсь немного другими делами, не управленческими...

— Я знаю, кто ты, не объясняй, — отозвалась Лара, и ему показалось, что она улыбнулась. — Но со мной ты ведь хотел поговорить о сексе, да? Я это сейчас сказала как врач, а не как твоя бывшая клиентка.

— Ну да, ты угадала, но не то чтобы просто о сексе, а о некоторых психологических стереотипах в женской сексуальности, которые очень ухудшают качество жизни. Я ни на что не намекаю, наоборот надеюсь, что у тебя все хорошо, но ведь по каким-то причинам ты ко мне пришла? И вряд ли потому, что просто хотелось попробовать с черным: таких я сразу отличал.

Лара сделала паузу и произнесла:

— Хорошо, я тебе отвечу, хотя предупреждаю, что на супер-мега-открытие это не потянет. Только давай созвонимся по видеосвязи, ладно? Хочу на тебя взглянуть, раз уж такое дело.

— Да, конечно! И прости, пожалуйста...

— За что? — удивленно спросила Лара. — Айвар, я своего прошлого не стыжусь, так что звони когда захочешь.

Но Айвар лишь грустно улыбнулся, хотя женщина еще не могла его видеть, — в памяти всплыли слова, которые он когда-то сказал Нерине: «Никто в меня по-настоящему не верил, в лучшем случае думали: какой прикольный парень, даром что негр».

Вскоре он увидел Лару на экране — все такую же красивую, темноволосую, безупречно сдержанную и уязвимую исключительно в определенных ею самой пределах. Позади нее был ухоженный, но не особо примечательный домашний интерьер, по которому сложно было сказать что-то о жильцах. Лара улыбнулась и помахала ему рукой.

— А у тебя, я вижу, красивый дом. И жена, наверное, красавица?

— Не то слово, и этот проект, между прочим, ее идея. Но о некоторых вещах я даже ей не рассказываю, как ты понимаешь. Разумеется, твое имя нигде не будет упоминаться, я

просто хочу понять, что мешает женщинам быть счастливыми даже там, где они не скованы дикими законами.

— Ладно, только имей в виду, что никаких страшных мексиканских историй я тебе не поведаю. У меня не было ни отчимов-насильников, ни аборт в шестнадцать лет, я жила и росла как все, просто рано начала развиваться по женской части. И внешне быстро созрела, и тяга к парням стремительно росла. При этом меня растила одна мать, которая после неудачного опыта вообще запретила себе думать о личной жизни, а вот дочку надеялась благополучно устроить. Только она почему-то вбила себе в голову, что для этого я обязана быть безукоризненно чистой и мечтать только о детишках, а не об их производстве. Ну как это называется: женщина может быть либо матерью, либо шалавой, а в шалавы такие, как она, записывают всех, кому секс интересен чем-то еще. У нас было несколько безобразных ссор на деликатной почве — я думаю, ты и сам поймешь, что раздражает таких мамаш в созревающем подростке. А потом я уехала в Москву учиться, стала жить в общежитии и понемногу что-то постигла. Только результат как-то не впечатлял, понимаешь? Мечталось много, а на выходе получалось такое, что я постепенно стала скатываться в настоящую депрессию...

Айвар кивнул, и Лара, переведя дыхание, снова заговорила:

— А дальше, собственно, ты знаешь. Да, врать не стану, я поехала тогда в Эфиопию именно в секс-тур, только без четко осознанной цели. Решила просто некоторое время не думать, и даже к тебе сначала толком не присмотрелась: так, наугад ткнула, мол, давай ты... А потом, когда опомнилась, подумала: так вообще бывает?! Но к этому мы с тобой, конечно, возвращаться не будем, Айвар. Тебе интересно, замужем я все-таки или нет, верно?

— Я ничего такого не говорил, Лара, — усмехнулся Айвар и развел руками.

— Можешь не хитрить, — добродушно ответила женщина, — Вообще я очень много работаю, постоянно в разъездах, так что ты меня удачно застал, и вся энергия в основном уходит туда. Может быть, когда-нибудь и в Африке контракт заключу, так что мы с тобой еще увидимся. Но друг у меня есть, из этой же сферы. Работаем бок о бок, а встречаемся когда есть настроение, и понемногу радуемся жизни. Да, просыпаемся порознь, но нам хорошо. Жаль, что я не могу объяснить это своей матери, но это уже ее проблемы.

— Мне это очень радостно слышать, — откровенно сказал Айвар. — Ты ничего не должна объяснять, Лара, счастье у каждого свое. Я рад, что дал тебе хоть немного тепла, как ты тогда сказала.

— Да ну тебя! — шутливо отмахнулась собеседница. — Ты меня так и на слезу прошибешь. Спасибо, что позвонил, Айвар, если еще что понадобится, обращайся.

— Это тебе спасибо! Я потом непременно расскажу побольше о нашем проекте. Приезжай, если будет возможность. Надеюсь, к тому времени здесь все будет как мы мечтаем: и нормальные корпуса, и покрытия для медицинских каталогов, и подъемники для неходячих, и современный ремонт, и хорошее питание. Когда люди чувствуют запах пирогов и кофе, смертность ощутимо снижается.

— Ты прав, — задумчиво сказала Лара. — Кстати, твою фотографию я храню до сих пор. Пришли еще какие-нибудь, вместе с женой, ладно?

Эту просьбу Айвар охотно выполнил, тем более что они с Налией любили фотографироваться — и в быту, и в медийной деятельности, когда с удовольствием давали интервью независимым изданиям и общались с читателями. Друзья в прессе организовали для Айвара и Налии несколько фотосессий в легком молодежном стиле — он предпочитал

сниматься в джинсах и простой белой рубашке, а она в льняном сарафанчике с белыми цветами на голубом фоне и с волосами, заплетенными в длинную косу. В таком образе эта роскошная чернокожая девушка напоминала юных героинь живописи соцреализма, любующихся индустриальными пейзажами из окон типовых новостроек. Нередко они снимались босиком, отдавая должное своему происхождению и бедности соотечественников.

Все, что рассказала Лара, Айвар позднее передал в своих тезисах в очень тактичной форме и после этого к нему стали обращаться за поддержкой совсем юные девчонки в Аддис-Абебе, как в письмах, так и по радио. Вместе с женой они понемногу становились большими друзьями и советчиками у молодежи, что, конечно, вызывало неоднозначную реакцию в обществе. Но больше всего сил Айвар отдавал организации, основанной усилиями комитета и Российского Красного Креста для помощи тяжелобольным в регионах, в том числе нищим и бездомным. В ней он разрабатывал меры медико-санитарной опеки над такими людьми и нередко сам в них участвовал на выездах. Забот с этим контингентом хватало, но Айвар настаивал, что бросать его на самотек нельзя, так как будут разрастаться очаги заразы и все больше народа станет страдать от паразитов, лихорадок, дифтерии, тифа, туберкулеза. Поэтому в наиболее тяжелых районах стали появляться убежища для бродяг, где можно было вымыться, пройти санитарную обработку, а также пункты вакцинации.

Айвар понимал, что в развитии этого процесса многому нужно учиться у Запада, и ему весьма пригодились советы Даниэля. Тот уже имел двоих детей и был настоящей правой рукой в бизнесе тестя. Они со старым другом частенько переговаривались по видеосвязи, а порой пересекались за границей и с удовольствием ходили вместе с женами в фешенебельные рестораны и театры. Там все четверо, одетые по самой изящной западной моде, статные и дружелюбно улыбающиеся, производили впечатление настоящей молодой интеллигенции.

Но и в Эфиопии жизнь казалась Айвару настоящим афродизиаксом, с тихими звездными ночами и яркими городскими праздниками. Они с Налией, несмотря на незаурядный ум и образованность, в глубине души сохраняли простосердечную африканскую жизнерадостность и обожали гулять по огромным рынкам и крохотным лавочкам, колесить по Африке от Египта до ЮАР, любоваться древними храмами и стремительно растущими небоскребами.

Конечно, за всем этим постоянно маячили неприглядные образы настоящей Африки, которые казались супругам то обездоленными и беспомощными жертвами, то непримиримыми и агрессивными соперниками. Их работу нельзя было назвать легкой, но благодаря взаимной поддержке они долгое время не теряли куража. Если им приходилось уезжать поодиночке, то они никогда не забывали положить друг другу в багаж какие-нибудь приятные мелочи в знак внимания и напутствий, а как только удавалось связаться по телефону, переговаривались или обменивались посланиями.

Айвару эта часть работы нравилась больше, чем все привилегии и официоз в столице. Там, в бедных и диких регионах, он ощущал себя близким своему народу, без всякой шелухи из социальных условностей. Многие местные медики уже хорошо его знали и радовались как дети, когда он приезжал с лекарствами из государственных закупок и посылками от благотворительных организаций, а иной раз и проводил мастер-классы по экстренной и стационарной помощи. Были и менее приятные дела — наводить порядок там, где все вопросы привыкли решать взятками, усмирять хулиганов и пьяниц. В этом Айвар тоже

преуспевал, и пускать кулаки в ход по-настоящему ему приходилось редко.

Все жалобы на плохое финансирование, убогую инфраструктуру и нехватку персонала для больниц Айвар учитывал для будущих проектов и реформ. Вскоре, к его радости, правительство начало активно осваивать запасы подземных вод, бурить скважины и строить больше очистных сооружений. А молодые политики смогли протолкнуть инициативу, чтобы гуманитарная помощь из-за рубежа частично состояла из пресной воды. Это было базовым условием для «чистого» образа жизни, и после этого Айвар смог поставить вопрос о введении уроков гигиены в деревенских школах. Ему доводилось видеть в бедных регионах детей с жуткой грязью под ногтями и даже личинками насекомых, гнездящимися в ротовой полости, и он всегда настаивал на скрупулезных школьных медосмотрах и санитарных обработках.

Когда же Айвар и Налия ездили вместе, их, несмотря на бытовые проблемы, захлестывал молодой задор и они спокойно жили в скромных гостиницах или кемпингах, мылись с помощью рукомойников и кувшинов, ели суровую пищу, которой местное население тем не менее делилось от души, — кашу из нута или чечевицы, вареную фасоль или поджаренную смесь из капусты, моркови и лука. Там супруги совсем забывали о возрасте, статусе и социальных барьерах. Местная молодежь и даже люди постарше любили простое и грубоватое веселье с танцами и состязаниями в силе и ловкости, которые у африканцев походили на красочное и артистичное представление, — бег, кулачные бои, подъем камней или гирей. Гостей из столицы они с удовольствием в это вовлекали, и Айвар, как и прежде, имел успех на спортивном поприще.

Они с Налией, конечно, отдавали себе отчет, что тяжелая и скудная жизнь в эфиопской провинции — это не романтическое приключение, не аттракцион и не дауншифтинг, а жалкое состояние, которое люди из невежества, лени и привычки выдают за божий промысел. Но внутренняя молодость и взаимная поддержка в то время еще укрепляли в них мысль, что все это преодолимо, пусть и не сразу.

В Аддис-Абебе супруги очень любили после осмотра какой-нибудь с пафосом открытой международной выставки медицинского оборудования подняться на самый верх высотного здания в элитном районе столице. Там они до поздней ночи болтали, посмеивались над надутыми лицами почетных гостей, ели припасенные с фуршетов сладости, запивая их кофе из одного стакана. Если это был какой-нибудь отель премиум-класса, они иногда оставались в нем на ночь, помокнуть в мраморной ванне и вообразить себя героями «Тысячи и одной ночи» на фоне нарядно убранной спальни.

Глядя на вечерние огни города, они вспоминали о Петербурге, Москве и других увиденных ими европейских мегаполисах, и Айвар часто говорил жене: «А ведь Эфиопия хорошеет, приглядишься!»

Еще одним поводом для оптимизма стало то, что некоторые из подрастающих детей у дальней родни Айвара тоже решили заняться врачеванием и уходом за больными. Они с Налией всегда помогали этим людям в случае недугов, неурожая, падежа скота и прочих регулярных в сельском быту проблем, однако устройство нормальной и культурной жизни в городе для молодежи казалось им гораздо важнее. Поэтому Айвар заверил их, что с удовольствием поможет с учебой и трудоустройством. «Не дай бог, чтобы с кем-то из них случилось то же, что со мной» — говорил он жене, а если речь шла о девочках, то вспоминал еще и историю Лали.

Пока он привозил им хорошие книги, помогал вместе с Налией местной школе, а когда

кто-нибудь из подростков приезжал в столицу, показывал самые красивые места, водил в Культурный центр и на концерты. И к своей радости, заметил, что новое поколение растет гораздо более открытым и благожелательным к современности и прогрессу, чем их родители, с которыми он на этой почве имел немало конфликтов.

Через два года после юбилея Айвара, который он отметил с друзьями в Питере, супруги снова прилетели в Россию, но не по работе, а в небольшой отпуск. Это был январь, когда здесь шли затяжные каникулы. Об их пользе для экономики и здоровья населения судачили все кому не лень, однако Айвару и Налии было радостно несколько дней отдохнуть душой в милых им краях, которые под снежным покровом и россыпью сверкающих гирлянд казались фантастической и уютной сказкой. Им нравилось беззаботно проводить время, а еще оба любили красоту и яркость, любили поглазеть на многоликую, пеструю толпу и заодно показать себя. Налия для путешествий по зимнему краю обзавелась прелестным бледно-голубым пальто, расписной шалью дымчатой серой расцветки и белой песцовой шапочкой. А вот Айвар, не боясь холодов, всегда пренебрегал головным убором, отчего казался еще моложе в слегка хулиганистой кожаной куртке на меху.

Вначале они посетили Москву, которая показалась Налии по-европейски роскошной, но более холодной, чем в годы ее детства, а сквозь блеск красочных витрин, ярмарок и уличной моды проглядывала мрачность и людская отчужденность. «Хотя может быть, я и ошибаюсь, — говорила она мужу, — То ли в детстве мы живем собственными фантазиями, то ли в зрелости становишься более тупым к житейским радостям, но сейчас мы с тобой здесь едим блины с черной икрой и маскарпоне, а я продолжаю скучать по тем самым леденцовым петушкам». Айвар же не особенно задавался философскими вопросами во время отдыха. Он предпочитал радоваться вкусному хрусту снега, узорам на стекле, огромным нарядным елкам, лакомствам, горячему чаю, который на ярмарках наливали из расписных самоваров, и величественным небоскрегам под вечерним небом.

Там же с ними произошел забавный случай. За обедом в большом кафе, у стойки, супруги слышали, как их беззастенчиво обсуждают двое молодых людей, сидящих поблизости и уверенных, что иностранные гости ничего не понимают.

— Какая аппетитная губошлепочка! — восхитился один, разглядывая Налию. — Вот бы с ней поближе познакомиться. Говорят, что они сущий огонь, на особо близком расстоянии!

— А этот? — вздохнул собеседник и безнадежно махнул рукой в сторону Айвара. — Ты его бицухи видел? Я бы и сам рад, но лучше не связываться, обожжешься! Приехали небось откуда-нибудь из Парижа, видно по фасону. И называть их теперь надо французами, и в рот смотреть, будто это мы здесь дикие лапотники...

— Не угадали, мы из Эфиопии, — сказал наконец Айвар и не смог удержаться от смеха, когда один из парней чуть не подавился пивом. — И в рот нам смотреть вовсе не надо, но за комплименты спасибо.

— Да ладно? — ошалело спросил другой. — А что же по-русски так говорите? Афророссияне, что ли?

— Нет, мы все-таки афро-африканцы, — с хитрой улыбкой отозвалась Налия. — Тут мы выросли, выучились, но теперь живем и работаем в Африке, а сюда просто в гости приехали.

— И кстати, против слова «негры» мы тоже ничего не имеем, — добавил Айвар.

Это слово даже нравилось ему, в отличие от многих земляков, настаивающих на том, что они относятся к отдельной, самостоятельной расе. Айвар не понимал этого пижонства и считал, что «эфиоп» или «африканец» — пресные, формальные слова, обозначающие только

то, что ты не француз и не азиат. «Чернокожий» — тоже не несет никакой эмоциональной нагрузки. А вот «негр» — совсем другое дело. Это не просто раса, а отдельное культурное и чувственное понятие, проникнутое болью нищеты и рабства, романтическими нотками джаза и чечетки, суровым воздухом американского Гарлема, таинственной магией вуду, солнцем и ароматами прекрасных южных цветов, фруктов, кофе и соуса табаско. Таким красочным наследием стоило бы гордиться, а не брезговать, как думал Айвар, сожалея о непонятливости и черствости своего народа.

Московские парни оказались хоть и болтливыми, но добродушными, и супруги еще долго обсуждали с ними текущую обстановку в России и терпеливо отвечали на всякие причудливые вопросы об Африке. А на следующий день им предстояло садиться в поезд — курс лежал на Северную столицу.

13. Солнце из глины

В Питере супругов ждали старые товарищи, у которых за эти два года тоже произошли важные события. Оля вскоре после свадьбы родила дочку, которую в честь бабушки назвали Аней, а Митя Амелин, с которым она продолжала дружить, за эти годы женился на девушке, с которой познакомился на почве социальной активности. Она работала дизайнером и пиар-технологом и очень помогла в продвижении его публицистических проектов. Айвар часто переписывался с Митей и они обсуждали культурный фон России и Африки. Тот успел набраться знаний о том и другом, так как много колесил по миру со своими репортажами. По его словам, только занявшись любимой работой, он начал жить по-настоящему.

Оля предложила отметить прошедший праздник еще раз в домашнем кругу, на даче, и Айвар с Налией с удовольствием приняли приглашение, привезя к столу редких фруктов, банку мадагаскарской икры, жгучего соуса широко в плетеном кувшине и бутылку вина из эфиопских виноградников.

Дом, где в каникулы отдыхали Северцевы, двухэтажный, оборудованный всеми благами, прятался в небольшом лесочке и снаружи отличался какой-то немного сказочной, детской уютностью. Сейчас вокруг лежал снег, но Оля сказала друзьям, что летом здесь изумительно цветет жасмин, пахнет липами и созревает необыкновенно сочная малина. К ее удовольствию, здесь не приходилось возиться в огороде, как в юности на родительской даче.

Она встретила их в саду, и Айвар заметил, что рождение второго ребенка сделало Олю еще нежнее и женственнее, чем в юности. На ней был пушистый белый жилет из меха и валенки с красивой вышивкой. Ее муж Алексей оказался высоким мужчиной с черными волосами и ярко-голубыми глазами, интеллигентным и весьма молодежавым, хотя ему было уже около сорока. Он очень тепло поприветствовал необычных гостей. А в доме их ждали ребята — Павлик, старшая дочь Алексея Кристина и маленькая Аня.

Подросший Павлик был очень хорошеньким мальчиком — от Даниэля ему достались большие темные глаза и кудри, правда, не черные, а скорее приятного каштанового цвета. От Оли была нежная кожа с румянцем, вздернутый носик, легкие веснушки и золотистый отлив бровей и ресниц. Но он был лишен самолюбования, свойственного его биологическому отцу, и в отличие от многих мальчишек, не стеснялся проявлять нежность к матери и сестренкам. Он был так рад увидеть Айвара, что тот даже удивился: ведь в первую их встречу Павлик был совсем маленьким. Вскоре ему предстояло идти в первый класс, и он уже отличался любовью к чтению, а особенно к географии, истории и архитектуре. Айвар заметил, что рисунки мальчика были похожи на те, которыми он сам когда-то увлекался.

Кристине гости тоже понравились, и она с удовольствием показала Налии свои наряды и редких коллекционных кукол. Та подарила ей настоящее эфиопское платье из белого шелка и пообещала научить плетению африканских косичек. Словом, атмосфера в доме была очень приятной и когда друзья с дороги поели чудесного грибного супа и пирога с таежными ягодами, Оля предложила им не снимать гостиницу, а пожить пару дней у них. Айвара это поначалу немного смутило, но Налия согласилась охотно, и они вместе с хозяйкой принялись готовить стол к вечеру.

За этим занятием женщины разговорились и неожиданно нашли много общих тем, несмотря на этнические и социальные различия. Обе помнили о культурных веяниях, которые проникали в Россию на переломе двух веков, хотя у Налии уже был цифровой

проигрыватель с доступом в интернет, когда Оля еще перематывала пленку в кассетах карандашом и записывала песни из радиоэфира. Они устроились на просторной кухне с деревянными стенами, главным украшением которой был желтый глиняный барельеф в виде солнца.

— Это мы с ребятами вылепили вместе к прошлой Масленице, — пояснила Оля. — Я люблю языческую культуру и много им про нее рассказываю. В переходном возрасте я даже некоторое время коловрат носила, в пику родителям. Тогда как раз начиналась мода на православие, и они быстро в нее ударились.

— О, ты, оказывается, тоже хулиганка, не хуже меня, — улыбнулась Налия. — Я своих еще как изводила, было время. Но им хватило мудрости, так что теперь, слава богу, общаемся душа в душу. А у вас как?

— Да по-разному, — вздохнула Оля, — я сейчас просто стараюсь с ними не спорить и не ворошить обиды. Так-то у нас всякое бывало: и мое увлечение странной музыкой им не нравилось, и мечты о дальних странах, и то, что я участвовала в конкурсах, и даже писала собственные сказки на основе древнеславянских историй. Вместе с сокурсниками мы сняли короткометражный фольклорный фильм, который показали на одном молодежном фестивале, а у них и это вызвало досаду. Так уж они созданы: живут по принципу «не высовываться» и не забывать, что у нас все в роду были полуграмотными крестьянами. До сих пор живут на ведомственной квартире, корячатся на государственной даче, не умеют нормально отдыхать и не любят тех, кто хочет жить иначе.

— Мне такой образ мышления очень знаком, — отозвалась Налия, раскладывая фрукты на керамические блюда. — Мы в Эфиопии стараемся его искоренить, хотя пока нам мало что светит, кроме побед местного значения. Целиком в этой борьбе никогда не победить, но что поделаешь...

— А какие у вас сейчас планы? Айвар-то много говорил про паллиативную медицину, а у тебя что в проекте?

— О, это пока почти утопия, — усмехнулась Налия. — Я хочу заняться защитой жертв семейного насилия: женщин, выданных замуж против воли, детей, с которыми жестоко обращаются родители, пожилых людей, от которых стремятся избавиться как от лишнего рта... Мужчины, конечно, в Африке реже становятся жертвами, но если им понадобится помощь, они тоже должны ее получать. Взять хотя бы историю Айвара: он ведь далеко не единственный, кому не нравилась такая жизнь.

— Почему же утопия? В России ведь что-то сдвинулось, молодое поколение уже мыслит совсем не так, как мои родители. Значит, и у вас все еще впереди.

— Да, но для этого нужно много государственных реформ, чтобы семья не казалась единственным оплотом стабильности, для трудоспособных нужны рабочие места, для малолетних, стариков и больных — социальная защита, а главное, изменение в мозгах. Все должны понять, что за свою жизнь отвечают они сами, а не отцы, не мужья, не цари и не боги, и никто не придет и не исправит то, что они испортили. Иначе так и будут держаться за самые гнилые и погибельные отношения как за спасительную ниточку.

Оля, доставая из холодильника закуски, вдруг заметила:

— Знаешь, Налия, в Африке за такую долю держатся из-за бедности, безработицы и необразованности, а в России главную роль играет общественное мнение, начиная с РПЦ и кончая бабками на скамейке. И кроме того, у вас, наверное, чаще всего женятся не по любви?

— А почему ты спрашиваешь?

— Просто если супруг не дорог, уйти от него гораздо легче даже с детьми на руках. Всегда найдутся люди, готовые помочь, вроде тебя. У нас женщину в такой семье обычно держит жалость, страх огорчить родителей, лишит ребенка отца и вообще оказаться «плохой», не оправдать чьих-то ожиданий. Так что тебе стоит начинать с самых темных и необразованных, не склонных к рефлексии. Вот они охотно примут помощь и смогут вернуться к нормальной жизни.

Тем временем хозяин дома и Айвар тоже вели неторопливую мужскую беседу за вином и закуской из горького шоколада и изысканных сыров. Алексей, который в первый момент показался Айвару закрытым человеком, неожиданно разговорился и сообщил ему много «наболевшего».

— Все-таки праздники тяжелое время для мужчины, верно, Айвар? — сказал Алексей, почему-то снисходительно улыбаясь. — Но чего не сделаешь ради супруги и ребят! Им-то нравится вся это беготня с магазинами, елкой, коллективной нарезкой салатов...

— Ну не знаю, лично я очень люблю праздники, — спокойно возразил Айвар. — Еще с детства, и Новый Год у меня всегда ассоциировался с лимонадом крем-сода и домашними пирогами. Впрочем, все черные любят праздники: уж если мы в чем-то знаем толк, так это в веселье!

— И как вы теперь веселитесь? — спросил Алексей, которого такой ответ явно слегка озадачил.

— Да это без конца можно рассказывать! — улыбнулся Айвар. — У нас в Новый Год и концерты под открытым небом, и маскарады на улицах, и собираемся большими компаниями, то молодежь, то с родителями. Накрываем столы, слушаем живой оркестр, сами поем — и госпел, и джаз. А потом ездим с Налией с подарками по больницам, школам, приютам. У нас там полно друзей среди детворы. Когда я еще работал медбратом, то всегда водил на прогулку ребят из детского отделения, которых не могли навещать родители. В Эфиопии ведь с этим тяжело, не все могут себе позволить часто ездить в город.

— Ну, это хорошее дело, конечно, — задумчиво сказал Алексей. — Только почему же у вас тогда своих детей нет? Неужели и до Африки эта зараза добралась?

— Прошу прощения, какая именно? — шутливо полюбопытствовал Айвар, хотя этот вопрос его смутил. — У нас их много, знаете ли!

Однако Алексей невозмутимо пояснил:

— Да весь этот эгоизм, с женской эмансипацией! У нас он уже вовсю набрал обороты, все больше молодых девчонок думает о том, чтобы работать, «развиваться» да фигуру не портить, вместо того, чтобы быть хорошими матерями и женами. Мой первый брак из-за этого и распался. Так что вы бы свою супругу вразумили, пока еще молоды!

— На самом деле это было мое желание, — ответил Айвар, решив соблюдать нейтральный тон, — а Налия просто пошла мне навстречу.

Тут собеседник так уставился на Айвара, что тому стало не по себе. «Как будто я у него на глазах живого таракана съел!» — с досадой подумал африканец.

— Серьезно? — наконец промолвил Алексей. — Вот бы не подумал! А из-за чего? Я просто не понимаю, какие мотивы могут быть у мужчины, чтобы отказаться от продолжения рода? Тем более у вас ведь патриархальная страна, нормальный семейный уклад...

— Нормальный? — усмехнулся Айвар. — А как вы думаете, Алексей, почему при большой рождаемости в Африке еще и огромная смертность именно среди младенцев? Не

только от недоедания. Если женщина не имеет возможности сделать аборт, она избавится от нежеланного ребенка другим способом — придушит, уложит на край лежанки, напоит грязной водой. А иногда племя может отобрать ребенка у матери, унести в лес и оставить умирать, потому что старейшинам по каким-либо меткам показалось, что он «от дьявола». Так что я лучше посвящу свою жизнь тому, чтобы этих смертей стало меньше, а выжившие имели шанс на хорошее лечение и образование. По-моему, это более ценный вклад, чем несколько граммов биоматериала.

Столь откровенный ответ явно произвел впечатление на хозяина, и после паузы он ответил уже менее уверенно:

— Ужас что вы говорите, конечно! Но все-таки мне кажется, что посвящать жизнь стоит своим детям, а не чужим, о них должно заботиться государство. И потом, а если вы передумаете? У вас-то времени гораздо больше, чем у вашей супруги...

Этот намек уже совсем не понравился Айвару, как и слова о «чужих» детях, но он все же сдержанно ответил:

— Я не передумую, Алексей. Счастливый брак вполне возможен и без потомства, да и возможностей для реализации у мужчины достаточно.

— Тут я с вами согласен, — добродушно ответил хозяин. — И вы действительно прекрасная пара, прямо голливудская! Но такое нечасто бывает, обычно-то люди женятся по другим мотивам.

— Не спорю, — спокойно сказал Айвар. — Но у вас тоже очень гармоничная семья, и такой женой, как Оля, стоит гордиться.

Тут лицо Алексея заметно потеплело.

— Я горжусь, — заметил он с явным удовольствием, — она не только чудесная мать, в том числе и для Кристинки, у нее настоящие таланты. Я занимаюсь играми для детей и подростков, а Оля помогает мне с саундтреками, да еще разрабатывает свою методику детской творческой терапии. Ей предложили место музыкального куратора в большом культурном центре, после того, как Анечка пойдет в сад. Так что материнство не так уж сложно совмещать с прочими достижениями, было бы желание.

Тут женщины позвали супругов к столу, а после праздничного обеда Айвар снова забеспокоился насчет ночлега.

— Как-то неловко вас стеснять, — начал он. — Может быть, лучше все-таки снимем гостиницу?

— Наоборот, это очень кстати! — сказал Алексей с неожиданным воодушевлением. — Мне как раз надо к родителям съездить, а они далеко живут, так что придется там заночевать. Дом на ночь оставлять без мужчины как-то боязно, так что, Айвар, вы меня просто выручите.

Пока он собирался, Оля потихоньку рассказала Айвару, что муж всегда виделся с родителями без нее — те до сих пор не приняли новую невестку и ее сына. Причину она точно не знала, может быть, свекры подозревали ее в какой-то корысти или просто не любили женщин с «прошлым», да еще родивших вне брака и от темнокожего. Впрочем, со своим сыном они тоже были не очень близки. Поэтому Алексею не удалось примирить их с его выбором, и в конце концов он свел контакты к минимуму.

Родители самой Оли вели себя гораздо мягче, но особенно Павлик сдружился с Андреем Петровичем Ли, фактически заменившим ему второго деда. Это Оля тоже поведала Айвару после отъезда мужа, заодно упомянув и о том, что новогоднюю ночь Андрей Петрович и

Надежда Павловна коротали вдвоем — дочь с мужем подались куда-то на райские острова. А первое января он провел у Оли в гостях, правда, без жены, которая скептически относилась к дружбе с чужим мальчиком и больше пеклась о том, когда же ее обеспечат собственными внуками.

— Вообще-то Павлик сам настоял, чтобы мы дядю Андрея позвали. Представляешь? — тихо сказала Оля. — Я ему, конечно, говорила, что у того есть своя семья, он не одинок, но... почему-то у Павлика тут какая-то твердая позиция, прямо как у взрослого. С тетей Надей он только вежлив, как со всеми, а вот с дядей Андреем у них просто настоящая мужская дружба. Нам с Лешей, конечно, в радость, что он всегда присмотрен, но все-таки странно это, да?

— Да у нас всех очень странно все сложилось, Оленька, — задумчиво сказал Айвар. — Но хорошего, как я вижу, все-таки больше, и пусть у Павлика будет еще один дедушка. Что странного, если пожилой человек, у которого нелады в семье, сближается с добрым, душевным мальчиком, которому в радость скрасить ему жизнь? Может быть, Андрею Петровичу после этого откроются какие-то новые знания.

— Да уже открылись, Айвар: он неоднократно сожалел о том, как с тобой поступил, поверь мне.

— Возможно, но почему же он не сказал этого мне, хотя я живу не на другой планете и мои контакты легко достать? — усмехнулся Айвар. — Стесняется или все-таки не хочет портить отношения с родственниками? Ладно, Оля, ну что нам это обсуждать в праздники...

Тут он улыбнулся и добавил:

— Кстати, я тут заболтался и забыл, какой привез тебе подарок.

Айвар достал из большого пакета, который все еще стоял на веранде, красивую вазу, отлитую из розовой смолы.

— Я могу надеяться, что свои любимые цветы ты будешь ставить именно в нее? — сказал он, и лицо женщины просияло. Она бережно поставила ее в гостиной, и они еще немного постояли плечом к плечу на крыльчке с резными перилами, припорошенном снегом. Айвар почему-то приумолк, глядя в сторону леса и подпирая рукой подбородок. Оля осторожно коснулась его плеча и сказала:

— А ты сейчас счастлив?

— Почему ты спрашиваешь? — удивился он.

— Просто захотелось. Нет, ты не подумай лишнего, я только надеюсь, что сейчас ты ни о чем не жалеешь.

— Да, Оля, я могу сказать, что счастлив, — серьезно промолвил Айвар. — Хотя это вовсе не отменяет того, что я жалею о некоторых вещах. Только без этого чувства и счастье было бы каким-то пресным, ты не находишь?

Он деликатно накрыл ладонью ее тонкую руку и добавил:

— По-моему, ты замерзла...

Тут послышались шаги и на крыльцо выглянула супруга.

— Айвар, а я тебя всюду ищу, — улыбнулась она. — Куда это вы пропали? Пора уже чай пить!

Оля смутилась и с едва уловимой напряженностью отозвалась:

— Точно! Что-то я сегодня скверная хозяйка, ты уж прости, Налия. Сейчас будем накрывать, только ребят позвать надо...

Айвар ободряюще взглянул на нее и они направились в дом вместе с Налией. За чаем

все угощались Олиным рассыпчатым печеньем и любимым сладким блюдом гостей из Африки — шариками из сгущенного молока и муки, поджаренными в масле. Наля быстро научила ему Олю и Кристину. После этого Айвар предоставил «девчонкам» посекретничать и позабавиться с маленькой Анечкой, собравшись пройтись по близлежащей аллее. На ней всю праздничную неделю шумели фейерверки и доносилась музыка.

Павлик неожиданно попросился погулять вместе с ним. Оля попыталась пожуричь сына за бесцеремонность, но Айвар заверил, что будет очень рад такой компании.

— Иви, а как тебя зовут на самом деле? — спросил мальчик, доверчиво взяв Айвара за руку.

— В Африке меня зовут Айвар, — ответил мужчина. — Это почти то же, что Ивар, а моя мама еще любила называть меня «жаворонком». Она мне рассказывала о милой, хоть и невзрачной птичке, которая водится в Эфиопии и называется «жаворонок Теклы». Так его назвал ученый Альфред Брем в честь своей покойной сестры. В детстве мне это прозвище казалось странным, даже обидным. Какой мальчишка хочет быть жаворонком, у него же ни силы, ни боевого духа, ни яркого хвоста!..

— А потом?

— Потом я понял, что все это ерунда. Ведь назвать целую часть живой природы именем родного человека — в этом столько нежности, грусти, памяти... Человека уже нет, а это крошечное, свободное существо летает по свету, не ведая тревог о будущем, горестей о прошлом, и напоминая, что кто-то этого человека очень любил. Это не просто бестолковый пернатый одушевленный организм, это символ чего-то светлого и уязвимого. Ну нельзя было так назвать ни орла, ни павлина, ни тем более попугая!.. — тут Айвар рассмеялся и погладил Павлика по волосам.

— Можно я тоже буду называть тебя Айвар? А то по-моему, Иви тебе не подходит, — сказал Павлик уверенно, с забавной и трогательной серьезностью.

— Ну конечно, пожалуйста, — ответил Айвар и невольно улыбнулся. — Надо же, раньше я ни от кого такого не слышал.

— А ты мне расскажешь про Эфиопию? Я давно хочу о ней узнать побольше! Там красиво?

— Да, там есть очень красивые и интересные места, а еще там водятся обезьяны, жирафы, даже крокодилы и слоны. Тебе нравятся животные, Павлик?

— Очень, — заулыбался Павлик, — я люблю зоопарк, и еще мы часто ездим за город кормить белочек. А тут, на даче, ежики живут, летом они даже к нам на веранду заходят.

Айвар заметил, что у Павлика необычайно задумчивые и добрые, почти «взрослые» глаза, и почувствовал странное волнение. Он всегда считал, что возраст ничего не значит, и повидал немало мудрых молодых ребят и столько же узколобых старцев. Но таких детских глаз, чуточку строгих и безгранично теплых, как у Павлика, он пока не встречал. И неожиданно для самого себя Айвар подхватил мальчика под мышки и так стремительно поднял его вверх, что у того захватило дух. Однако было видно, что ребенку это озорство очень понравилось.

— А ты любишь мороженое, Айвар? — вдруг спросил Павлик, когда они проходили мимо торговых точек.

— Вообще-то люблю! Когда я был маленьким, друзья всегда удивлялись, что я его могу есть в любую погоду и не простываю.

— А я зимой не могу, мама не разрешает, — сказал мальчик, впрочем, без особого

огорчения, — она боится, что горло заболит. Можно я тебе куплю? У меня карманные деньги есть, я их всегда берегу.

— Спасибо, конечно, Павлик, но как же я его буду при тебе есть? — смутился Айвар. — Тебе же будет обидно, что нельзя, а маму мы не станем обманывать.

— Мне не будет обидно, честно! — улыбнулся Павлик. — Наоборот, очень приятно. Я и для девчонок всегда что-нибудь приятное покупаю, и для мамы.

И мальчик тут же побежал к ближайшему киоску, где купил эскимо в «советском» стиле. Он с такой неподдельной радостью протянул его Айвару, что тот уже никак не мог отказаться. Дети, с которыми он дружил в Африке, часто делали ему всякие незатейливые и трогательные подарки, но купить мороженое никому не приходило в голову. Конечно, прохожие теперь смотрели на них еще более изумленно, чем раньше, но оба увлеклись беседой и не обращали на это внимание.

Когда новые друзья направлялись по аллее обратно, по пути встретился раскидистый куст рябины, запорошенный свежим, легким словно сахарная пудра снежком. Айвар дотронулся до грозди багряных ягод, не боящихся русской зимы, и подумал о том, как странно этот пламенный, будто подсвеченный изнутри цвет смотрится на фоне безупречно чистого снега. Будто капли крови, выступающей на изможденных трудом руках простого человека или полыхающей в камнях гранатового браслета на запястье роковой княгини...

В России его всегда одолевали еще более странные мысли, чем дома. Русские люди очень импонировали Айвару своим удивительным отношением к жизни, одновременно суровым и легким, замешанным на вековой неизжитой боли и бесхитростной любви, привычке терпеть холод и неудобства и вере в то, что за ними непременно придет весна и солнечный свет. Он во многом их понимал и очень любил душевные разговоры о жизни с такими людьми, как Оля и ее семья.

14. Ночной морок

Наутро Оля, пока дети наверху еще спали, спустилась по резной лесенке и услышала из кухни веселые голоса и негромкий смех. Когда все устраивались на ночлег, она сказала Налии, что они с Айваром могут брать себе на завтрак все что захотят, если рано проснутся, и судя по аппетитным запахам, они не теряли времени даром.

Подойдя к занавеске из бус, разделяющей гостиную и кухню, Оля заметила, что Айвар и Налия стояли около плиты, на которой в кастрюльке грелось молоко. Они о чем-то болтали на родном языке, переминаясь босыми ногами по теплому деревянному полу. Оба были с влажными после душа волосами, Налия в пушистом купальном халатике, а Айвар в трикотажных брюках и белой майке, обрисовывающей его великолепную мускулатуру. Налия взяла из вазочки на столе несколько рассыпчатых домашних печений и теперь угощала ими мужа прямо с ладони.

Столь раскованное поведение африканки не удивило Олю: за короткое время она привыкла к ее прямому и грубоватому, но доброму характеру. Но ей невольно бросилось в глаза, какое мощное притяжение между супругами ощущалось даже на расстоянии, витало в воздухе, как пелена терпкого парфюма. Хотя они не соприкасались даже плечом, казалось, будто мысленно их тела все еще были переплетены в ночной истоме.

«Что же, иногда женщина обладает таким сексуальным магнетизмом, что мужчина рядом с ней способен забыть, где находится» — подумала Оля почему-то с грустью, отметив, что ни муж, ни даже Даниэль с его горячей кровью никогда не смотрели на нее так, как сейчас смотрел на Налию Айвар.

Тут супруги услышали шелест занавески, заметили Олю и улыбнулись: Айвар — смущенно, а Налия с лукавством и каким-то странным удовлетворением.

— Привет, Оля! — весело сказала она. — Ничего, что мы тут немного похозяйничали? Я решила приготовить манную кашу на топленом молоке, ребятам наверняка понравится. Это вообще Айвар придумал, он вчера и купил все по рецепту — клубнику, орехи.

— Ну да, сразу Айвар, — снова неловко улыбнулся тот. — Извини, Оля, неудобно получилось. Я надеюсь, мы ребят не разбудили?

— Да что ты, они спят крепко, это я тут самая ранняя птичка, — сказала Оля. — Спасибо за угощение, я думаю, оно как раз подоспеет вовремя.

Пока Налия была занята на кухне, Айвар и Оля прошли в гостиную. Видя, что он все еще чем-то озадачен, Оля успокаивающе коснулась его плеча.

— Надеюсь, мы вас не слишком стесняем? — почему-то спросил Айвар. — Вообще-то в выходные я и сам люблю подольше поспать, но здесь, видно, зимний воздух так ободряюще действует.

— По-моему, сегодня ты вообще не спал, — не удержалась Оля от сарказма, впрочем ласкового. Однако Айвар от этих слов вконец растерялся, и ей даже показалось, что его щеки еще больше потемнели. Тут уже неловко стало самой Оле.

— Извини, — почему-то ответил он.

— Да ты что такое говоришь, Айвар? — изумленно сказала Оля. — Ты здесь с женой! Какие могут быть извинения?

Однако Айвар все еще нервничал, отводил глаза и немного успокоился только когда все собрались за столом к завтраку. Их с Налией любимое лакомство, разумеется, пришлось по

вкусу детям, в том числе и малышке Ане. А Павлик, усевшись с Айваром рядом, засыпал его вопросами про Африку, и за разговором он понемногу забыл об утреннем инциденте.

Тем не менее минувшая ночь у Айвара действительно выдалась беспокойной. Готовясь ко сну, он не ожидал никакого подвоха, к тому же день и вечер были столь насыщенными, что ему больше всего хотелось отдохнуть. Он устроился на раскладном диване в гостиной и ждал Налию, которая и в гостях не изменяла своей привычке прихорашиваться перед сном. И когда она пришла к нему из ванной, Айвар даже слегка оторопел, — супруга была в шелковой комбинации лазурного оттенка, едва прикрывающей бедра, ее черная кожа лоснилась от ароматического масла, кудри рассыпались по плечам, одну из лодыжек обвивал серебряный браслет с вкраплениями черного гематита. Чувствовался любимый ею запах забродившего винограда.

Несмотря на удивление, Айвар залюбовался красотой жены, и она бодро сказала, садясь на постель и кладя руку на его колено:

— Ну что ты засмотрелся? День сегодня был что надо, надеюсь, что и ночь меня не разочарует. Впрочем, разве с тобой это возможно?

— Ну, милая, давай все-таки с этим подождем, — добродушно ответил Айвар. — В этом тихом северном доме наши с тобой африканские нравы не к месту. К тому же, у Оли дети спят, не хочется их побеспокоить.

— Не волнуйся, они ничего не услышат. Звукоизоляция тут хорошая, к тому же, я и не настаиваю на слишком бурном проявлении. Слушай, Айвар, мы с тобой где только не ночевали, и мало ли кто там был за стенкой, — ты ни разу не отказывался меня порадовать. А здесь что тебя вдруг смутило?

— То, что мы в гостях, и я не могу надеяться на звукоизоляцию. Не сравнивай то, что было в Африке: там некого стесняться, потому что к постели относятся без всякого трепета. А здесь это воспринимается как личное, сакральное. Русские люди другие, они до сих пор стесняются даже эротические фильмы смотреть вдвоем, не говоря уж о том, чтобы за кем-то подслушивать.

— Но уж наверное они знают, что муж и жена по ночам не только спят держась за руки? — усмехнулась Налия. — Да и не о них сейчас речь, а о нас с тобой, Айвар. С чего ты стал вдруг таким зажатым? Я не предлагаю афишировать нашу интимную жизнь, но отказывать себе в удовольствиях только потому, что здесь у людей другой менталитет...

Воспользовавшись замешательством Айвара, она забралась к нему на колени и начала целовать в губы. Объятие показалось ему душным и неуютным, однако тело волей-неволей откликнулось на ее действия, что, конечно, не осталось незамеченным. В надежде, что благоразумие все же одержит верх, Айвар аккуратно убрал ее руки от воротника своей футболки и сказал:

— Налия, ну что случится, если на одну ночь ты себе откажешь? Я никуда не денусь, мы всегда будем вместе и я рассчитываю тебя радовать еще лет до ста. Но сейчас я немного не в настроении: бывают моменты, когда хочется поговорить, помечтать, да просто расслабиться. И обстановка здесь к такому располагает.

— А вот это уже особенно интересно, — произнесла Налия, играя с его волосами. — Что же такого в этой обстановке, что тебя тянет на медитации, а не на удовольствие с любимой женщиной? В чем секрет, в доме или в хозяевах?

Ситуация окончательно перестала нравиться Айвару, и он сказал уже более строго:

— Налия, если я сразу сказал «давай подождем», это значит «нет», а не «поуговаривай

меня еще минуты две». И раз я так сказал, то причины есть.

— В твоём воображении это, может быть, и значит «нет», а я слышу несколько иное, да и вижу тоже, — многозначительно улыбнулась женщина. — Если хочешь, чтобы я поверила, выражай мысли как-нибудь точнее.

Он промолчал, нахмурившись, и Налия снова приникла к его губам. После короткого, но горячего поцелуя она сказала:

— Ну что за отговорки? Что за внезапное упрямство, Айвар? Уж от тебя это более чем странно слышать!

— Ты имеешь в виду, что раньше я был безотказным? Так это неправда, я много раз отказывал, а иногда приходилось и деньги вернуть, если на то имелись веские причины. В этом смысле я, конечно, был не лучшим проститутком.

— Зато во всех остальных лучшим, — уверенно заметила Налия.

Айвар не знал, что ей ответить. Лучше всего в таких случаях помогала ирония, но сейчас он слишком растерялся: странная смесь цинизма и нежности против воли его возбуждала, как и родной запах, и тепло ее кожи. В другой обстановке ему самому очень хотелось бы отбросить условности, подобное чувство захлестывало его не раз, когда они еще до свадьбы тайком целовались в госпитале, в местном кафе или парковой зоне и он шутливо грозил Налии: «Твои недоброжелатели будут очень рады поболтать о том, что тебя в сфере здравоохранения интересует не работа, а возможность развлекаться с сексапильными медбратьями!» Но сейчас то, что предлагала Налия, почему-то казалось ему не приключением, не всплеском эмоций, а каким-то странным и продуманным эпатажем, в которой она отвела ему скорее статичную роль.

— Налия, отпусти меня, пожалуйста, — сказал он с прежней мягкостью. — Мне душно, я уже плохо соображаю, и лучше не делать того, за что будет неудобно в нормальном состоянии.

— Не выдумывай, Теклай, будь умницей, — ответила женщина и плотно обхватила его талию ногами. Айвар попытался ее отстранить, но так боялся причинить жене боль, что вышло совсем неубедительно. Она уже легко стянула с него футболку, затем и ее сорочка с легким шелестом сползла вниз. Упираясь руками в плечи мужчины, Налия уложила его на спину и невозмутимо устроилась сверху. Поначалу она двигалась резко и даже грубовато, будто желая проучить мужа за неуступчивость, и пару раз ему пришлось стиснуть зубы. Однако вскоре темп стал все более плавным, безмятежным и даже приятным, хотя подспудно Айвару было не по себе. Он вообще не имел ничего против подчиненного положения в интимном контакте, но не такого утилитарного и механического. Ему очень нравилось «прислуживать» Налии, когда она расслабленно лежала на животе, — долго и размеренно трудиться над ее телом, одновременно ласкать шею, растирать спину и даже расчесывать ее прекрасные волосы. В такие моменты, когда с него уже лился пот, а она оставалась все такой же ухоженной и безмятежной, Айвар чувствовал себя на вершине блаженства и искренне верил, что весь смысл его существования состоит в том, чтобы удовлетворять это великолепное тело и непростую мятежную душу.

Но сейчас ему казалось, будто происходит что-то зловещее и нездоровое. Он продолжал испытывать к Налии огромную нежность и влечение, но параллельно вдруг почувствовал страх: будто вместо уютной комнаты с большим окном, за которым бесшумно падал снег, возникла тесная клетушка, ограниченная плохо возведенными стенами из палок, вместо аромата елочной хвои доносился дым лесного пожара, во рту ощущался желчный привкус

вместо бархатных ноток вечернего чая.

Однако особенно удручало Айвара то, что он вопреки разуму все больше возбуждался и вскоре обнял Налию, поглаживая ее грудь, и стал помогать заданному ритму. В комнате было тихо, постель не скрипела, и это немного его успокоило. Женщина протянула руку к его лицу, и Айвар безмолвно поцеловал ее, а в следующую секунду они уже сжали друг друга в плотных болезненных объятиях, будто желали срастись навсегда. Налия довольно вздохнула, поднялась и легла рядом на спину, призывно глядя на Айвара. Наконец он перенял инициативу, что вызывало дикую смесь мужского азарта, жажды реванша и негодования против себя самого, увлекшегося этой унижительной игрой. После нескольких бесцеремонных глубоких движений наступила разрядка, и Айвар поспешно сел, спуская ноги на пол, чтобы разогнать кровь. Жена надела комбинацию, снова ушла в ванную, затем вернулась и села рядом. Тем временем он успел привести себя в порядок.

— Какой же ты классный, — произнесла Налия умиротворенным, воркующим голосом. Она любовалась им с удовольствием собственницы и в то же время с чувством, похожим на уважение. На самом деле ей безумно нравился упрямый характер Айвара, его странные для Африки убеждения, его отчаянное самолюбие. Все это и возбуждало ее, и вызывало удивительное чувство неловкости, будто от прикосновения к ломким крыльям мотылька.

Айвар промолчал, будто пребывая в каком-то отрешенном состоянии.

— Теклай, ну что ты злишься? — спросила Налия и погладила его руку. — Из-за того, что не предложил первым, угадала?

— Это, по-моему, трудно было назвать «предложением». И я не злюсь, просто не люблю, когда на меня давят, Налия. Ты могла бы подождать, пока я сам захочу.

— Да не похоже было, что ты не хотел, уж извини, — усмехнулась женщина.

— Налия, не все исчерпывается моими естественными слабостями, — спокойно сказал Айвар, поправляя футболку. — Позволь не обсуждать с тобой все тонкости, но мужчину тоже можно принудить, и это не так уж приятно.

— Ну прости меня, — произнесла наконец Налия после раздумья, и Айвар устало улыбнулся. Он уже полностью был в форме, радуясь, что на темной коже не видна лихорадка, от которой у него еще пылали щеки и шея. И лишь мутный взгляд выдавал что-то нестандартное в их спокойном разговоре.

— Хороший мой, славный мой мальчик... Ну давай мириться, — сказала Налия, перебьичи уткнувшись головой Айвару в грудь. — Какой ты все-таки добрый, даже чересчур — любой другой на твоём месте такую выходку бы не потерпел.

— Вот если ты будешь говорить о каких-то «других», я точно разозлюсь, — ответил Айвар уже спокойно и добродушно.

— Давай ложись, а я еще воды принесу, — улыбнулась жена, накинула халат и пошла на кухню.

Айвар прилег и задумался. Конечно, ему всегда было хорошо с Налией, они идеально совпадали и понимали друг друга в сексе, но сейчас ощущение насилия над собой портило вкус страсти. Не отпускала тяжелая мысль, что если позволить близкому человеку не считаться с его волей, то она никогда не обретет веса и в широком кругу, и чужие люди воспримут его попытки проявить независимость и неординарность суждений с таким же скепсисом, с каким Налия сейчас отнеслась к его отказам. Тогда не видать и никаких преобразований, о которых он мечтает.

Но углубляться в эти раздумья у Айвара уже не было сил после такого нервного

напряжения, и вскоре после того, как Налия улеглась с ним рядом, он уснул. На рассвете у него сильно болела голова, и лишь напившись горького кофе, который они с Налией привезли из дома, он почувствовал какое-то облегчение. Ни Оля, ни дети в ту ночь ничего не слышали, однако по виду супругов утром хозяйка легко все поняла. Зная соvestливую натуру Айвара, Оля была искренне рада, что после завтрака и разговора с Павликом он совсем повеселел.

— А я осенью пойду в школу, Айвар, — сообщил ему мальчик, допивая какао. — Ты приедешь меня навестить? Я тебя познакомлю с другими ребятами, они так обзавидуются!

— Конечно, приеду, — улыбнулся Айвар. — Только зависть, Павлик, это нехорошо. Давай лучше будем дружить все вместе. А однажды я возьму с собой кого-нибудь из моих родных: там много ребят, и им очень хочется побывать в других странах. Тебе интересно с ними познакомиться?

— Очень! Мы вместе пойдем в нашу любимую кафешку, будем есть пиццу, а еще я им покажу свои конструкторы. Можно?

— Непременно покажи, — одобрил Айвар, который успел оценить красивые постройки мальчика из расписного дерева и картона. Там были и северные юрты, и китайские пагоды, и небоскребы, и рыбацкие хижины, и глинобитные южные избы, и таинственные средневековые замки, и живописные усадьбы.

— А ты уверен, что этих детей не будет смущать наше благополучие? — осторожно спросила Оля. — Они ведь не то что гаджетов, а даже нормальной еды себе не могут позволить!

— Ничего страшного, я понемногу их уже приобщаю к новому! Конечно, когда они впервые приехали к нам в Аддис, то были в натуральном шоке, хотя бы от вида водопроводного крана. Испугались, что вода выходит из стенки, представляете? Но потом я им постепенно все объяснил, и им стало нравиться в городе. Вот такие ребята в Африке меня и радуют больше всего.

Из Питера Айвар уезжал уже в хорошем ровном настроении, увозя с собой амулет, подаренный Олей и Павликом, — сплетенное из соломы гнездо, в котором были ломтики сушеного яблока, веточки ягод, бутон красной розы, старинная золотая монета и осколок янтаря с застывшими крыльями бабочки.

15. Дыхание белых ночей

После этих праздников у Айвара завязалась крепкая дружба с Павликом, который, кстати, продолжал носить фамилию Коновалов, данную при рождении. Благодаря техническому прогрессу они могли легко общаться из разных уголков земного шара, и не просто откупаться сухими строчками, но и обмениваться впечатлениями и чувствами.

По видеосвязи Айвар смог показать мальчику свой дом и цветник, а иногда, если Интернет работал без сбоев, присылал целые мини-репортажи из разных районов Аддис-Абебы, с историческими дворцами и храмами, более-менее нарядными постройками времен итальянской оккупации, незаконченными проектами высотных зданий, оставшимися с социализма. Они напоминали худшие образцы в спальнях районах Питера, даром что строились для местной номенклатуры.

У Айвара и раньше была привычка в поездках по стране делать что-то вроде путевых заметок с фотографиями, и теперь он охотно делился ими с Павликом. Особенно мальчику нравились дома ткачей-горцев из племени дорзе, похожие на перевернутые корзины. А жуткие, кишасшие беднотой и заразой рынки на окраинах Аддис-Абебы напомнили ему барахолки Северной столицы, особенно у метро «Удельная». Разве что торговцы в Питере вели себя более скромно, будто стеснялись своих выдавших виды неполных сервизов, истрепанных книг и журналов, поношенной одежды и облупившихся игрушек. Павлика, тем не менее, привлекали такие места и он, как Айвар когда-то, порой покупал какие-нибудь мелочи. При внимательном рассмотрении в них находилось нечто причудливое. Стоили они сущие копейки и увлечение мальчика в семье не возбуждалось.

В школе Павлик быстро освоился и стал очень хорошим учеником, а также занимался в студии архитектурного развития для детей, где обучали пространственному моделированию, графике, основам урбанистики, цветоведению и рисунку. Но и вне учебы его постоянно тянуло на какие-нибудь приятные открытия. Айвар поощрял такую любознательность, жалея, что в свои юные годы был лишен безграничного доступа к информации.

Но частенько они связывались просто для того, чтобы поболтать о чем-то приятном. Павлик почти всегда писал старшему товарищу вкратце о том, как прошла неделя, присылал ему фотографии, записи школьных спектаклей и прочих забавных мероприятий, рассказывал, что интересного происходит в городе, спрашивал совета, делился тайнами, о которых не знала даже мать и тем более отчим.

А уж когда Айвар приезжал в Питер, это превращалось для Павлика в праздник. У них с Налией часто были дела в России, так как сотрудничество с Эфиопией в медицинской сфере выходило на новый уровень. И если представлялась возможность, Айвар непременно навещал друзей и выкраивал время, чтобы погулять с мальчиком.

Особенно им нравилось встречаться на даче, в тихом провинциальном городке у залива. За посиделками в пирожковой у станции или прогулками по заливу с мороженым Павлик с восторгом рассказывал Айвару обо всем — о змеях, которые в жаркое лето грелись неподалеку от шоссе, о новорожденных лягушатах, которыми после сильного дождя усеян асфальт, о забытых и полуразрушенных дачных усадьбах, по которым он тайком от семьи лазил вместе с другими мальчишками, пытаясь представить, что за люди жили в них раньше.

Правда, время таких поездок приходилось заранее согласовывать, чтобы не столкнуться где-нибудь с Андреем Петровичем Ли или супругами Ким, которые жили не очень далеко от

Олиной дачи. Айвар не боялся такой встречи, но считал, что раз уж дал слово не попадаться этим людям на глаза, то не забирать же его обратно.

Однажды Айвар сказал мальчику:

— Знаешь, по чему я больше всего скучаю в Эфиопии?

— По мне?

— Ну, это само собой, — улыбнулся Айвар. — Но еще там очень не хватает питерского хлеба. Нашу эфиопскую инджеру с ним и близко не сравнить! Ты замечал, какие всегда дивные запахи у хлебозавода и в булочной? В России, а тем более у вас в городе к хлебу особое отношение, и здесь он самый вкусный. Когда мои родители только обустроивались в Питере, в общежитии, они однажды купили белого хлеба с хрустящей корочкой и большой кусок шоколадного масла в пергаменте. Потом они все последующие годы вспоминали этот ужин, словно какое-то невиданное блюдо, и так аппетитно говорили, что мне казалось, словно я сам отведал этого чудного масла вместе с ними.

Конечно, на таких прогулках Айвар рассказывал мальчику и о тайнах истории Африки и России, жизни и смерти зулусских полководцев, охотничьих суевериях абиссинского народа и других вещах, которые интересны любому подрастающему мужчине. Павлик увлекался спортивной гимнастикой и любил жаловаться на «деда Вову» — отца Оли, который настаивал, что мальчику положено заниматься борьбой или боксом.

— Айвар, а ты сам какими-нибудь единоборствами владеешь? — любопытно спросил Павлик.

— Только капоэйрой, — ответил Айвар, смущенно улыбнувшись. — Но это не совсем борьба, она больше напоминает ритуальные танцы, какие до сих пор исполняют воины в Африке. Я этому выучился в детстве, когда жил в Питере. Родители меня водили в очень симпатичный Дом культуры, где были занятия на любой вкус. Потом, когда я уже переехал в Африку, пришлось освоить кое-какие приемы самообороны, там без нее просто не выжить. Но к спорту это имеет мало отношения.

— А меня научишь?

— Ну, некоторые приемы могу показать, а вот для капоэйры надо быть постройнее и полегче на подъем, чем я сейчас, — сказал Айвар шутливо, не без доли лукавства. Спортивная форма у него по-прежнему была отличной, несмотря на кажущуюся громоздкость. Как ни странно, лишние килограммы нисколько не мешали ему в силе и гармоничности движений, потому что были сосредоточены только в одном месте и так плавно его опоясывали, что казались естественным продолжением крепких мышц и жил.

Заодно Айвар рассказал мальчику о легкоатлетических турнирах для энтузиастов в Африке, на которых завоевал не одну награду.

— Представляешь, Павлик, тех, кто отстоял честь своей больницы, после соревнований встречаются прямо как победителей древнегреческих Олимпиад! — сказал Айвар. — Да и сам турнир в какой-то степени под них стилизован, и правила почти такие же строгие. Например, бежать приходится босиком по глубокому песку, который в Африке еще и страшно горячий. Но зато это здорово закаляет характер! А уж когда тебя поддерживает целый стадион жизнерадостных людей — это вообще потрясающее чувство. Поэтому я тебе настоятельно советую не бросать спорт, причем заниматься именно тем, что тебе нравится. И когда-нибудь ты тоже испытаешь нечто подобное.

Он отметил любознательность и прилежность мальчика, которому нравилось учиться всему новому. В значительной степени это, как стало понятно Айвару, и объединило его с

Андреем Петровичем, который научил Павлика ловить рыбу, разводить костер, объяснил устройство автомобиля, рассказал об истории часового механизма, укладке домашней печи, дренаже болотистого участка и многое другое. Все это Павлик тоже поведал между делом.

Но вот зачем это было нужно самому отцу бывшей невесты, Айвар не вполне понимал. Уж от этого человека он меньше всего ожидал снисходительного и чуткого отношения в такой неоднозначной ситуации, как у Оли.

Однако Павлик так или иначе относился к нему с теплотой, и доверяя интуиции мальчика, Айвар счел, что в этой странной дружбе есть скрытый смысл. «Дай бог только, чтобы это не оказалось таким же жестом отчаяния, каким было ее предложение ехать в Россию и быть вместе» — подумал он.

И еще один момент казался Айвару странным — Павлик, зная, что тот был лучшим другом его настоящего отца, ни разу о нем ничего не спросил. Оля подтвердила, что мальчик вообще никогда не интересовался этой темой, зная, что отец жив и здоров, проживает в Америке с новой семьей, но не более того. Даниэль тоже не поднимал этот вопрос, хотя вообще они с Айваром и Налией с удовольствием вспоминали о России. Будто отца и сына просто не существовало друг для друга.

Когда Айвар все-таки поинтересовался этим у Оли, она спокойно подтвердила:

— Ну да, так и есть. Но что в этом странного, Айвар, если даже у тех, кто живет вместе, часто нет никакой любви? А если тебя удивляет именно то, что Павлика не волнует его успешность, так я даже рада: меньше всего я хочу, чтобы он вырос корыстным и приспособливающимся.

— А что же мать Данэ? — спросил тогда Айвар. — Неужели Павлик ей совсем не интересен? Ведь другие внуки у нее в Америке, вряд ли она может часто с ними видеться.

— Она этого интереса не проявляла, а я, разумеется, никогда не напрашивалась, — ответила Оля спокойно, но с достоинством, и больше Айвар не допытывался.

Он всегда привозил мальчику разные необычные подарки, но кроме того, дважды в году — в день рождения Павлика и в Новый Год — переводил Оле на карту определенную сумму. На этом Айвар настоял сам, сказав ей: «Неправильно, что я даю Павлику только впечатления и радости, а Леша его содержит, и при этом мальчик больше любит меня. Надо и совесть иметь, Оленька. Это не жест доброты, просто я считаю его родным, и мне важно, чтобы у него была хорошая одежда, обувь, стоматология, школьные принадлежности. Значит, и позаботиться я об этом должен сам, а не перекладывать на других».

Впрочем, и Павлик не оставался в долгу. Из летней поездки с семьей в Испанию он привез в подарок Айвару и Налии удивительно красивый светильник в виде городского пейзажа. На основании из брусчатки стояли два домика, будто из настоящего грубого камня, с окнами и коваными балкончиками, а между ними была маленькая лестница, прикрытая узорчатой голубой калиткой и ведущая в невидимую глубину улицы. Над калиткой был укреплен светящийся фонарик, точь-в-точь похожий на уличные фонари в Аликанте.

— Просто супер, Айвар, правда? — спросил Павлик, когда смог увидаться с другом. — Похоже на дома с привидениями из старых сказок!

— Верно, похоже, — задумчиво сказал Айвар. — Налия очень обрадуется, она мне много говорила как раз о таких местах.

В следующий раз они увиделись только весной нового года. День рождения у Павлика был в начале марта, но там Айвар, к своему сожалению, присутствовать не мог и обещал мальчику привезти ему подарок сразу как удастся выбраться в Россию.

В Питер Айвар и Налия приехали в мае, на международный научно-практический форум здравоохранения. От этого мероприятия они ждали многого, к тому же Налии намекнули, что в скором времени, возможно, именно в Северной столице пройдет саммит «Россия-Африка», на который супруги смогут поехать в числе делегатов. На такое масштабное собрание они давно хотели попасть: ожидалось значительное расширение сотрудничества в области медицины и фармацевтики, тогда как в прежние годы обсуждались в основном военно-технические вопросы.

К удивлению Айвара, когда он сообщил Павлику и Оле о своем приезде, с ним захотел встретиться Алексей Северцев. Он предложил посидеть где-нибудь в центре города и обещал взять с собой мальчика.

Павлик, едва увидев Айвара, с радостью обнял его за шею, чем заметно удивил отчима, хотя от комментариев тот воздержался. Собрались они в кафе «Зингеръ» на канале Грибоедова, и когда мальчик управился с мороженым, Алексей предложил ему спуститься вниз, посмотреть книги, которыми Павлик очень увлекался.

Айвар сообразил, что собеседник намеревался обсудить какой-то деловой вопрос, и выяснилось, что Алексея и Олю заинтересовал детский лагерь в Ленинградской области, который с недавних пор был частично под патронажем у комитета, где служила Налия. Он походил на тот, в котором когда-то побывали сами супруги, и в нем тоже отдыхали в основном дети африканцев, которые учились или работали в Москве и Петербурге, — это давало возможность поправить здоровье, поучиться языкам, культуре и социальным навыкам. Пока еще он был небольшим, но понемногу развивался, и Айвар с Налией надеялись, что когда-нибудь он разрастется в настоящий международный языковой лагерь. А ребятам и сейчас в нем очень нравилось — сосны, морской воздух и множество полезных развлечений способствовали воспитанию лучше всякой муштры.

Алексей, почему-то колеблясь, рассказал Айвару, что весна выдалась немного сложной — у родителей жены обострились возрастные и хронические болячки, младшая дочь тоже часто болела, и они с Олей задумались о том, чтобы на лето вывезти ее в какой-нибудь хороший санаторий, возможно, за границей. А поскольку старшей родне все больше требовались лекарства, внимание и платные процедуры, Оля боялась из-за такой занятости обделить Павлика. В итоге, как пояснил Леша, они с женой решили подыскать для мальчика на лето какое-нибудь обучающее и оздоровительное заведение с надежной репутацией.

Поняв, о чем шла речь, Айвар заверил, что сможет устроить Павлика в лагерь на лето, а при возможности выберется вместе с Налией его проведать. Алексей поблагодарил его и сказал, что мальчик сам очень хотел именно в такое место: он все больше интересовался разными народами и культурами, мечтал побывать в Африке и даже говорил, что поехал бы туда хоть на год, поучиться в местной школе и найти новых друзей.

— Насчет учебы вы не беспокойтесь: Павлик очень сознательный и надежный мальчик, и все, что задано по программе на лето, он выполнит, — сказал Алексей, — к тому же, успеваемость у него по всем предметам хорошая. Нам важно только знать, что он в безопасных условиях, что там чисто, нормально кормят, адекватный персонал... А наугад такое место не найдешь, Айвар, вы согласны?

— Да, я все понимаю, за этим мы присмотрим, — кивнул Айвар.

— Я вот только думаю: поладит ли он с африканскими ребятами? Как вы считаете, они на него не будут недобро смотреть из-за того, что он почти белый?

Почему-то эта формулировка неприятно резанула Айвару слух, но он, не подав виду,

спокойно ответил:

— Тут я ничего не могу обещать, Алексей: на меня самого в Эфиопии многие так смотрели, хоть я и абсолютно черный. Так что все зависит от ситуации и от людей. Но я буду держать руку на пульсе и в обиду его не дам, тут вы с Олей можете не беспокоиться.

— Очень вам признателен! — ответил Алексей и впервые широко улыбнулся. — Но вы не думайте, я не только об этом хотел побеседовать. Тут еще вот что: на днях в Питере выступают любимые Олины исполнители, в каком-то необычном жанре, и она давно мечтала попасть на их концерт. Я два билета купил, только знаете, ну не мое это, вот совсем... Мне все-таки другой досуг по нраву, а вы, насколько Оля говорила, тоже эту музыку любите. Может быть, у вас найдется время с ней сходить? И сами отдохнете, и Оленьке будет приятно.

Это предложение тоже немало удивило Айвара, но он, конечно, не мог отказать: повидаться с Олей ему всегда было в радость, и он смог выделить вечер под эту встречу. Атмосфера на концерте была молодежной и демократичной, и Оля пришла одетой в том же романтическом стиле, какой предпочитала в студенчестве, — просторной белой рубашке, джинсах и с шалью на плечах, украшенной бахромой. Свои светлые волосы она залихватски собрала на затылке, в ушах были те самые сережки, которые когда-то тайно подарил Айвар, и она казалась такой же юной и полной мечтаний, как в их первую встречу.

Айвару не хотелось портить Оле настроение деловыми темами, и он не стал поднимать вопрос о лагере. После концерта, уже на улице, Оля с удовольствием вдохнула городской воздух, пропитанный движением и жизнью, и благодарно взяла Айвара за руку.

— Спасибо тебе, — сказала она, скромно улыбнувшись. — Честно говоря, мне в последнее время редко удается так отдохнуть душой. Сам знаешь, с работой и семьей часто становится не до себя.

— Да мне-то за что? — шутливо отозвался Айвар. — Это муж у тебя молодец, помнит ведь, какую музыку ты любишь. А мне, выходит, просто повезло.

Оля немного помолчала, потом сказала:

— Давай пока не будем ловить такси, пройдемся немного. Ты не против?

— Конечно, — тепло ответил Айвар, — Мне ведь по-прежнему очень дорог этот город, его улицы, дворы, речной запах... Постоянно это вспоминаю в Африке, Оленька.

— Так может быть, потом все же вернешься навсегда? Ведь вам с Налией при такой сумасшедшей жизни рано или поздно захочется отдохнуть, а здесь тебе всегда рады.

— Ну да, я не сомневаюсь, — усмехнулся Айвар. — Оля, некоторые вещи прекрасны именно своей несбыточностью. Я много лет помнил Питер как чудесную сказку, а потом, на деле, оказалось, что здесь ровно те же люди и те же проблемы, что у меня дома, разве что внешнего культурного налета побольше. Только к милосердию и заботе друг о друге он не имеет никакого отношения. Словом, дело не в перемене мест.

За разговором они не заметили, как прошли довольно далеко. По пути им встретилась кофейная будочка, и Айвар предложил немного отдохнуть возле нее. Они пили горячий шоколад со сливками и безмолвно смотрели в прозрачное небо.

— Знаешь, Айвар, что меня всегда в тебе особенно удивляло? — вдруг спросила Оля.

Он вопросительно посмотрел на нее, лукаво улыбаясь.

— Ты давно знаешь, что женщины способны сами зарабатывать деньги, решать проблемы и выбирать, с кем и как им спать, что они трезво смотрят на жизнь и не боятся боли и грязи, что многим хватает примитивного и натурального, честно купленного, и не

нужны никакие высокие материи. Но при этом ты — именно ты! — всегда помнил, что несмотря на все это, мы — женщины, что нам нужно сочувствие, нежность, что мы устаем, бодем, что иногда хочется и просто поплакать, пожаловаться, или наоборот, помолчать, что самое тяжелое для нас — не все эти несчастные стирки-готовки-уборки, а хроническая тревога, за детей, за мужа, за родителей, как будто душа у тебя не внутри, а наружу выпотрошена и продувает ее со всех сторон...

— А как иначе, Оленька? — тихо произнес Айвар, и она с изумлением увидела, что его глаза странно блеснули. — Против природы-то не попрешь. Только главное даже не это: все мы порой нуждаемся в том, чтобы нас пожалели, но сами вбили себе в голову, что это неправильно и недостойно, что перебьемся, перетерпим. А потом и пожинаем плоды в виде болезней и нервных расстройств. Ну ладно, не будем о грустном, посмотри, какой сегодня вечер.

Он ласково сжал ее ладонь, и Оля благодарно улыбнулась.

16. Недетские тревоги

Несмотря на странные ощущения после разговора с Северцевым, Айвар был доволен, что сможет доставить Павлику радость. Детям в лагере очень нравилось, а им он доверял больше чем кому бы то ни было. В свои периодические заезды Айвар выкраивал время, чтобы пообщаться с воспитанниками, и беседы у них проходили тепло и весело. Налия тоже любила детей, причем ладила с трудными подростками не хуже, чем с малышами, — сказывался собственный опыт конфликтов и скитаний. Поэтому она охотно помогла устроить мальчика в лагерь на две смены.

В разгар лета супруги приехали в Питер по делам, связанным с разработкой системы паллиативного ухода, и при первой возможности навестили Павлика. Мальчик, который успел окрепнуть и загореть, с удовольствием показал им красочные панно на стенах игровых комнат — ребята рисовали их коллективно, но эскизы он в основном придумывал сам. С алкидными и акриловыми красками, кистями и специальным распылителем он уже управлялся как заправский художник-оформитель, и ему нравились все этапы работы, от сочинения композиции до очистки стен, шлифования шпаклевкой и наждаком и нанесения грунта.

Вода в заливе в эти дни была удивительно теплой и прозрачной. Устроившись вместе с Павликом на пляже, Айвар показал ему, как в Африке чистят кожу горячим песком и золой, и рассказал о племенах, которые до сих пор панически боятся воды, не говоря уже о моющих средствах. Они так увлеклись беседой, что не сразу заметили, как подошла Налия, неся с собой корзинку с нарезанными дольками арбуза и дыни.

— Как тут мои мальчишки? — весело спросила она, присаживаясь между ними и погладив Павлика по волосам.

Эти ласковые слова удивили и тронули Айвара, и он заметил, какой воодушевленной жена была весь день. Налия украдкой прикоснулась к плечу Айвара кусочком льда, оставшимся в корзинке, и он ответил лукавым, притворно строгим взглядом. А Павлик, полулежа и задумчиво грызя кусочек арбуза, прислонился к коленям женщины и прикрыл глаза.

— Что, устал, львенок? — мягко сказала Налия. Этим словом она обычно называла малышкой, но иногда обращалась так и к подростку Павлику. Тот неловко улыбнулся и кивнул.

— Слушай, Павлик, а ты не хочешь погостить у нас несколько дней? — вдруг спросил Айвар. — Мы остановились в служебных апартаментах, там вполне уютно. А у меня тут хлопот поменьше, чем у Налии, так что мы с тобой успеем и погулять, и пообщаться.

— Ой, это было бы супер! — оживился мальчик. — Мне здесь нравится, но с тобой еще лучше. Я даже маму спрашивал, можно ли будет на следующее лето поехать к вам в гости, в Эфиопию.

— И что же она сказала?

— Что если вы будете не против, она меня отпустит, но позже, когда я подрасту, — сказал Павлик с сожалением.

— Так приезжайте все вместе, — предложила Налия с веселой улыбкой.

— Ладно, ребята, вы что-то далеко забегаете вперед, — заметил Айвар. — Там у нас все еще очень много опасных болезней и недоброжелательных людей, и вряд ли это удастся

искоренить к тому времени, когда ты подрастешь. Но если получится — тогда, конечно, мы позовем тебя в гости.

— Обещаешь? — спросил мальчик, расплывшись в доверчивой улыбке.

— Конечно, обещаю, — улыбнулся Айвар ему в ответ и подхватил мальчика на руки. Тот с удовольствием обнял его за шею, ткнулся носиком в темную щеку мужчины и тихо сказал:

— Тогда я тебе тоже обещаю, что приеду.

Айвар договорился с начальством, чтобы Павлика отпустили на несколько дней, и предупредил об этом Олю. Когда они приехали на квартиру, Налия приготовила мальчику горячие бутерброды с чаем, и пока он ел, муж потихоньку сказал ей:

— Как это все-таки странно: любознательному мальчишке совсем не интересно увидеть Америку, где живет его отец, но тянет в Эфиопию. И семья это, похоже, поощряет...

— Отец-молодец, — усмехнулась Налия. — Айвар, а какая тебе, собственно, разница, почему так, а не иначе? Ты разве не рад с ним побыть?

— Да что ты, не то слово! У меня сердце от нежности заходится, когда я его вижу. Просто переживаю, Налия: мне почему-то кажется, что у них там не все так гладко, как на первый взгляд. Но взрослые люди пусть со своими проблемами сами разбираются, а Павлик ведь еще совсем маленький. И потом, я слышал, что люди всегда интересуются своими корнями.

— Так Павлик и интересуется, а корни у него такие же, как у тебя: эфиопские, — иронично заметила Налия. — И не морочь себе голову! Павлику с тобой хорошо, а это главное. И знаешь, я уверена, что если ему в самом деле понадобится помощь или совет, он тебе скажет.

— Ладно, — почему-то устало улыбнулся Айвар и притянул жену к себе, зарываясь лицом в мягкие складки ее кофточки. — Как ты всегда умеешь ответить, чтобы все проблемы не казались такими уж серьезными?

На следующий день Налия рано уехала по делам и Айвар неторопливо накормил мальчика завтраком.

— Мне потом нужно будет в одно место, по работе, — сообщил он, когда Павлик умылся. — Могу тебя взять с собой, чтобы тебе одному тут не скучать, а когда освобожусь, мы еще погуляем. Как тебе такой план?

Павлик с радостью согласился, хотя строго говоря, место, куда собирался ехать Айвар, для детского досуга совсем не подходило. Это был дом инвалидов и престарелых, расположенный ближе к области, где Айвару надлежало собрать кое-какие сведения для будущих паллиативных проектов. Однако он находился в тихом и зеленом месте, к тому же долгая дорога увлекла мальчика. Айвар взял напрокат машину и Павлик восхищенно смотрел в окно и с ходу придумывал всякие интересные истории о зданиях и маленьких домиках, встречавшихся по пути.

Предложив Павлику погулять по уютному парку, Айвар отправился к директору, которого весьма удивил интерес африканца к паллиативной деятельности.

— Вы рассчитываете, что вскоре, так сказать, богоугодные заведения смогут стать частым явлением в вашей стране? — полюбопытствовал директор.

— Не могу прогнозировать, но очень этого хочу, — пояснил Айвар. — То, что в Африке люди живут мало, вовсе не значит, что они умирают молодыми: просто немощь у них наступает на двадцать лет раньше, чем у вас. Семья не всегда может обеспечить им

комфортное дожитие, поэтому я считаю, что для этого должны работать специально обученные люди и места, где их обеспечат удобствами и анестезией.

— Ну вообще я думаю, что это должно быть крайней мерой: не от хорошей жизни существуют такие заведения, и в конце концов, каждый человек имеет право скончаться в собственной постели.

— А по-моему, вы не о праве говорите, а о какой-то навязанной услуге, — возразил Айвар. — Я очень много общался с безнадежно больными, и далеко не все они этого хотят. Кому-то, представьте, гораздо легче умирать, зная, что они не обременяют своей болью и беспомощностью тех, кого любят, что у близких останутся в памяти светлые моменты, а не этот последний ужас. Что, вас удивляет, что люди с черной кожей и недостатком образования способны на такие измышления?

— Нет, что вы! Но вообще есть такое впечатление, что к смерти у вас, по крайней мере, относятся иначе.

— У нас другие ритуалы: в последний путь принято провожать с песнями и танцами, а не со слезами, но чувства те же самые, и терять близкого человека очень больно. Так зачем мучить людей, вынуждая их следить за его угасанием? И зачем мучить его сознанием, что он им в тягость? Я часто веду с родственниками негласную психологическую работу и никогда не настраиваю их на то, что больной скоро умрет. Пусть они подольше думают, что в больнице ему еще смогут помочь, тем более что народ у нас в основной массе довольно наивный и докапываться не станет.

— В России тоже когда-то принято было скрывать безнадежные диагнозы, — заметил директор.

— Я не скрываю диагнозов, тем более что я не врач, я просто даю некоторые установки. А бывает и так, что говорить ничего не надо, достаточно взгляда или прикосновения. Я ведь продолжаю работу в качестве патронажного брата — сам, конечно, с больными сидеть не могу, но постоянно навещаю такие семьи, инструктирую, поддерживаю. Некоторым достаточно было объяснить, что стену и пол у постели больного надо отделать клеенкой, и уже стало намного легче справляться. А в столице удалось на благотворительные взносы организовать приют для одиноких пожилых людей, чтобы они там могли не только лечиться, но и читать, и рисовать, и смотреть хорошие фильмы, и время от времени общаться с молодежью, — среди них есть бывшие учителя, интеллигенты, работники культуры, которые бывали за границей, и им есть что передать. Раньше мне приходилось этим заниматься едва ли не в одни руки, следить и за питанием, и за чистым бельем, но теперь, слава богу, наметился прогресс. Некоторых вообще удалось вытащить из затяжной депрессии и в прямом смысле поставить на ноги: пожилые люди ведь часто перестают двигаться не от болезней, а из-за апатии, равнодушия к жизни.

— Странно, вы ведь еще совсем молодой человек, — вдруг сказал директор, которого явно тронули эти слова. — Но знаете, убеждения с годами меняются, и мало кому удается сохранить идеалы, которые в молодости казались нерушимыми. Вот вы уверены, что сами согласитесь освободить близких от своего присутствия в старости и немощи?

— Ну уж точно не стану умирать у них на глазах, если смогу это предотвратить, — спокойно ответил Айвар. — Благо в Африке много мест, удаленных от цивилизации и гуманизма, где не составит никакой проблемы достать оружие. Но пока об этом рано говорить, у меня много дел, которые надо успеть выполнить.

— Это отрадно слышать, — отозвался директор уже с заметным добродушием. —

Таким, как вы, уж точно хочется пожелать долгой счастливой жизни. Давайте я вам покажу наше убежище, пока ваш мальчик там не заскучал. Неужели это у вас сын такой светленький?

— Нет, что вы! Это мой друг, — улыбнулся Айвар. — Просто он потрясающе умный мальчишка, я ему многое рассказываю, в том числе о своей работе. А он так все воспринимает, будто и умом, и сердцем...

— Он удивительно на вас похож, — заметил мужчина, и Айвар слегка смутился, поскольку ему эта странная мысль тоже порой приходила в голову.

Директор показал ему палаты, места общего пользования и рекреационную зону, которая была очень неплохо обустроена. Удалось и немного побеседовать с самими обитателями, которые не сразу освоились в присутствии такого необычного гостя, но Айвар быстро сумел их разговорить. Основной контингент по естественным причинам здесь составляли престарелые женщины, а на них его очарование действовало безотказно в любом возрасте. На прощание они подарили ему две пары прелестных пушистых варежек, которые мастерили на досуге, — вторую пару, маленькую, Айвар взял для Павлика.

Подарок понравился мальчику, однако по дороге обратно Айвар заметил, что Павлик чем-то опечален.

— Что это ты приумолк, Павлик? Утомился или, может быть, есть хочешь? Так сейчас заедем куда-нибудь пообедать, в уютное место. У Налии сегодня еще много работы, так что мы с тобой пока на самообеспечении.

— Спасибо, все хорошо, — робко улыбнулся мальчик. — Я просто почему-то подумал: неужели все люди обязательно умирают?

— Ну да, к сожалению, — спокойно ответил Айвар, подумав, что два самых неудобных вопроса, которые дети задают старшим, — это откуда берется жизнь и есть ли что-нибудь после смерти. И в том, и в другом случае обычно приходится выкручиваться, придумывать какие-то эвфемизмы и сказки, но он в силу своей профессии и жизненного опыта не мог лицемерить. В то же время очень не хотелось ранить восприимчивую душу дорогого ему ребенка.

— И ты когда-нибудь умрешь? — спросил Павлик уже совсем встревоженным голосом.

— Ну а чем я лучше других, родной мой? Давай верить, что это произойдет очень нескоро, и со мной, и с тобой, и с мамой, и со всеми, кого мы любим. А когда человек становится совсем пожилым, он уже легче относится к неизбежности, по-философски. Просто привыкает радоваться одному дню, одной приятной мелочи, почти как ребенок, — погулял по парку, попил чаю, купил новую книгу. А грустные, тяжелые мысли отгоняет. Никакого другого средства от конечности жизни, к сожалению, пока не изобретено.

— Спасибо, — почему-то снова сказал Павлик. — Знаешь, взрослые не любят делиться секретами, все время говорят: вырастешь, мол, узнаешь. То есть, мама так не говорит, но я не хочу ей грустные вопросы задавать, расстраивать. А вот дед Вова ни в какую не хочет объяснять что-нибудь важное: он считает, что это вроде как «не мужское дело» — малышня воспитывать. Дед Андрей гораздо более демократичный.

«Я бы так не сказал» — подумал Айвар, но ничем, конечно, не выдал этого соображения и вслух произнес:

— И что же тебе дед Андрей объясняет?

— Ой, да много чего, — улыбнулся Павлик, — он про науку и технику умеет интересно рассказывать, советует мне всякие мудрые книжки. Но самые главные тайны я все-таки

только тебе доверяю.

Тут Айвар был до того растроган, что добродушно рассмеялся. Тут как раз выдалась возможность остановиться и перекусить в уютном месте с итальянской кухней. Когда они устроились на тенистой летней террасе, Айвар заказал мальчику куриный суп и спагетти с овощами и сыром, а себе острые брускетты и классическую «карбонару». Впрочем, в аппетите они несколько не уступали друг другу.

— Вот и молодец, ешь на здоровье, — одобрительно сказал Айвар, заметив, что мальчик немного стесняется. — Ты ведь уже не малыш, ты будущий мужчина, так что тебе надо набираться сил. Увы, они по-прежнему решают очень многое, это как твой тыл на тот случай, если защитить себя интеллектом не получается. Хотя лично я всегда за второе.

Павлик весело кивнул старшему другу и с удовольствием принялся за фрукты и сок. У него совсем улучшилось настроение, и до вечера они еще успели погулять и побеседовать о всяких приятных секретах. Вернувшись, Налия приготовила ужин, а они в свою очередь порадовали ее купленными по пути сладкими булочками. До конца их командировки в Питере все трое провели время очень душевно и дружно.

Когда супругам предстояло уезжать, а Павлику — возвращаться в лагерь, мальчик долго о чем-то думал, а потому вдруг спросил очень серьезно:

— Айвар, а почему ты с Налией не хочешь жить здесь? Тогда мы бы виделись гораздо чаще: в день рождения, в школьные праздники, на соревнованиях. На стадион бы сходили, я давно об этом мечтал...

Этот вопрос сначала поставил Айвара в тупик. Он сам всегда терпеть не мог отговорки, на которые сетовал Павлик, потому что считал детей полноценными людьми, имеющими право на истину, свое мнение и уважение к нему. Но в данный момент он действительно не знал, что сказать, чтобы не обмануть и одновременно не оглушить мальчика какой-то неудобной вещью, к которой он явно не готов. Айвар был уверен, что ему не суждено еще когда-либо пересечься с Андреем Петровичем и его родней, а вот Павлик жил здесь, среди этих людей, и сеять в мальнике вражду к ним казалось недалевидным и непорядочным. Только как же при таком раскладе остаться честным?

— Павлик, это может показаться странным, но мне сейчас хорошо в Эфиопии, — сказал Айвар после короткой паузы. — Понимаешь, я очень люблю Питер, но в молодости, когда есть силы и не так зависишь от внешнего благополучия, надо успеть попробовать всякие трудности и испытания. Потом ведь шанса не будет. И когда у меня уже станет меньше задора, мы непременно сюда приедем.

— Обещаешь?

— Ну а как же! И ты не забывай, что обещал приехать к нам.

Рядом с Павликом он всегда ощущал безграничное умиротворение, но тем не менее сейчас к нему вдруг примешался какой-то странный холодок. Невнятная тревога кольнула его и, вероятно, не осталась незамеченной для мальчика: тот удивленно посмотрел на Айвара.

Он постарался отогнать это противное, маетное состояние и поцеловал Павлика в мягкую щечку — мальчику это всегда нравилось. На прощание тот подарил своим старшим друзьям новые рисунки, удивительно тонкие и не по-детски поэтичные. Когда Айвар снова посмотрел на них, настроение у него понемногу сгладились, и когда они с Налией уезжали домой, он уже снова настраивался на интересную работу и приятные моменты отдыха.

17. Сезон дождей

В какой момент он чего-то недоглядел, где произошел надлом, только уже не имеющий никакого поэтического оттенка, Айвару впоследствии было сложно вспомнить. Возможно, это совпало с тем периодом, когда он переживал расцвет своего призвания, а также душевной радости и умиротворения с женой. Поначалу Налия разделяла его чувства, но в ее работе будни не всегда располагали к оптимизму. Контраст между условиями в Аддис-Абебе и бедных регионах, небольших городах и деревнях все-таки был очень четким, и порой красота и относительный комфорт столицы казались Налии не более чем напылением, чуть прикрывающим страшные раны и гнойники.

В своей деятельности по защите жертв насилия Налии пришлось тесно сотрудничать с криминалистами, медиками, социологами и даже церковью, среди представителей которой тоже встречались человеколюбивые энтузиасты. Как и Айвар, она считала, что отношение к детям, женщинам, пожилым и больным людям является той лакмусовой бумажкой, по которой можно определить физическое, культурное и психическое здоровье общества. И оба сознавали, что в Эфиопии оно по-прежнему поражено старыми недугами, наподобие чумы и оспы. Безусловно, что-то менялось, среди молодого поколения попадалось все больше активных и незаурядных умов. Но они чаще всего не желали задерживаться на родине, стремясь реализовать на более щедрых и заманчивых просторах.

Налия помнила, какой шок у нее вызвало то, что закон о запрете усыновления сирот американцами был принят не только в Эфиопии, но и еще раньше в России. Выяснив все подробности этой истории, она тогда сказала мужу:

— Я даже не знаю, что страшнее: лицемерие властей, толкующих о родине, корнях и нравственной чистоте, или спокойствие народа, который, как водится, безмолвствует или открыто поддерживает подобные законы. Если такая дичь под морализаторской пеленой произошла в цивилизованной европейской стране и люди закрыли на это глаза, то чего можно было ждать от Эфиопии?

Айвар невозмутимо ответил, вытирая с лица остатки крема для бритья и глядя на ее отражение в зеркале:

— А с чего ты взяла, что Россия чем-то лучше нас? Она живет богаче по объективным причинам, там больше народа обитает в благополучных условиях, но ментальность такая же. Сытым нет дела до чужих трагедий, а голодные хотят, чтобы другим было так же паршиво, как им. С чего это они терпели, а новое поколение будет рыпаться?

— И ты спокойно это констатируешь? — удивилась Налия.

— Милая, я бы давно сошел с ума, если бы давал волю эмоциям от каждого виденного мною акта людоедства. А в России этот закон неформально прозвали именно так, — сказал Айвар серьезно. — Мне этого нельзя допускать, я не зритель скандального телешоу, а медик, от которого ждут помощи. И тебе я тоже настоятельно советую поберечь нервы. Это, знаешь, как в самолете: кислородную маску всегда сначала нужно на себя надеть, иначе ты никого не успеешь спасти.

— Знаешь, Айвар, в этой стране впору думать только о спасении самих себя, — мрачно произнесла женщина и вышла за дверь. Муж удивленно поглядел ей вслед.

То, что он поначалу принимал за минутные вспышки, на самом деле являлось хроническим состоянием стресса, которое в молодости было приправлено адреналином, а

теперь все больше приобретало горький привкус. Налию стала пугать быстрая смена дней и месяцев, уносящая возможности испытать что-то новое, яркое, и вместе с тем жить спокойно. Родители всегда внушали ей, что долг перед родиной не менее священен, чем перед семьей, но ее ум все настойчивее отторгал те заповеди, которые раньше казались нравственной опорой и стержнем.

Ее инициативы по работе с эфиопскими женщинами, охране материнства и детства и укреплению института социальной опеки были встречены очень неоднозначно. В государственной прессе Налию все больше атаковали обвинениями в попытках разрушить устои общества, подвергнуть сомнению природную роль женщины и мужчины, внедрить чужеродные нормы западного мировоззрения. И когда деятельность Нalii и ее соратников стала приносить плоды, недоброжелатели начали настоящую травлю, с самыми грязными методами демагогии, передергивания и *ad hominem circumstantiae*, припомнили и жизнь родителей Нalii и ее самой в России, и ее вызывающий имидж, и брак-мезальянс, и отсутствие детей. Целевая аудитория подобных СМИ смутно представляла, где находится Россия, и ей несложно было внушить любые ужасы о том, как там воспитывают молодое поколение, прививая ему всевозможные пороки с колыбели. К тому же, дружба и доброжелательные отношения с белыми, которые Айвар и Налия не думали скрывать, для большинства африканцев воспринимались как ренегатство, даже если это не имело никакого отношения к рабству или колонизаторству. И все чаще в федеральных источниках рассуждали о том, можно ли доверить заботу о материнстве и детстве человеку, впитавшему порочные заповеди и нарушающему этикет эфиопской женщины, начиная со смелых нарядов и кончая матриархальным браком.

Пока дело касалось только ее, Налия держала себя в руках, но когда желтая пресса взялась непосредственно за родителей и Айвара, хладнокровие стало ей изменять. Пропагандисты выставили Соломона и Агарь чуть ли не предателями родины, воспитавшими столь ненадежную дочь и шиковавшими в чужой стране на «народные» деньги, и в таком же духе прошли по Айвару, написав, что существование таких, как он, оскорбляет само определение настоящего мужчины.

Соломон тогда усмехнулся в седеющие усы и ободряюще потрепал ее по плечу, сказав, что было бы смешно, если бы деятельность их семьи у всех вызывала светлое умиление. «Дочь, ты же не актриса мелодрам, злить и провоцировать недалеких людей — твоя работа!» — заявил он тогда Нalii.

Но вот учителя и товарищи Айвара искренне возмущались подобными пасквилями, изображающими его каким-то альфонсом, фаворитом при «железной леди», которая купила себе красивую игрушку для секса. Для отповеди в одном из немногих независимых изданий высказались люди из разных уголков страны, которым он помог, а в некоторых случаях и спас жизнь. И все они знали, что хоть жена и зарабатывает больше, чем он, на его мужскую ипостась в семье никто не думает посягать, потому что его работа несоизмеримо тяжелее.

Это соответствовало истине: Айвар очень часто допоздна был занят разъездами по городу и окрестностям, руководством в перевозке медикаментов, вакцинации и сборе анализов, посещением локальных очагов эпидемий, мест катастроф, регионов с дурной экологией и высоким уровнем криминала, поиском и обучением толковых людей вне «медийного» круга. И в такие дни Налия ждала его дома с горячим ужином, разжигала ароматные смолы с успокаивающим запахом, делала ему массаж шеи и плеч, а иногда мыла и причесывала волосы, что, по его словам, действовало лучше всякой психотерапии. Айвар

рассказывал ей все, зная, что ее нервы не смутит описание любой страшной болезни или увечья, и очень часто она уговаривала мужа пойти с ней на какое-нибудь парадное мероприятие вовсе не для того, чтобы вместе покрасоваться, а ради его душевного отдыха.

Впрочем, такая забота в их отношениях всегда была обоюдной. Поклепов на себя Айвар старался не читать, чтобы побереечь собственные нервы, и хотя его искренне тронула поддержка друзей, воевать он ни с кем не собирался. Но вот душевное состояние жены его тревожило. Сначала Налия старалась не срываться при нем и в основном выпускала пар в разговорах с родителями. Но он понимал, что она чувствует, и не зная, как ее успокоить и не задеть самолюбие, терялся и ненавидел тех, кто причинял его жене боль. Про себя он их называл «энцефалитными клещами».

Подкидывала проблем и активная интеллигенция, которая вроде и стремилась к ценностям просвещенного мира, но почему-то выбирала наиболее сомнительные из них, пусть и модные. Когда западный романтизм накладывался на менталитет африканца, из этого получался огненный коктейль. Айвару пришлось иметь с ними дело, когда он протолкнул через городской комитет инициативу об отстреле бродячих животных с видимыми признаками бешенства и незамедлительном уничтожении трупов. Он знал о том, что в России и Европе такая суровая проза борьбы за человеческую безопасность вызывала трепет у некоторых слоев населения, которые именовали себя зоозащитниками. Но вот то, что это веяние проникло и в Африку, где, казалось бы, банальный вопрос самосохранения был превыше всего, показалось ему трагикомичным.

Все чаще Айвар видел жену погруженной в тяжелые думы, заметил, что она стала курить еще больше прежнего и даже принимала по вечерам какие-то успокоительные препараты. С ним Налия была ласкова, но как-то замыкалась в себе.

А потом Айвар стал наблюдать еще одну вещь: она все более напористо и жестко вела себя в интимных отношениях, что явно говорило о хроническом нервном расстройстве. Он после этого чувствовал себя откровенно использованным, как тогда, на даче у Оли, и в конце концов это стало его больно задевать, несмотря на понимание и жалость к жене. Правда, теперь Айвар уже никогда не возражал, привык механически раздеваться, а потом просто закрывался в ванной, подолгу отмокая в прохладной воде, пока Налия не начинала виновато стучаться в дверь. Она действительно всякий раз жалела о своем поведении, варила ему кофе, пекла сладости, покупала подарки, объясняла и оправдывалась, но проблему это не решало. А самым неприятным ему казалось то, что он всегда волей-неволей заводился и увлекался, хотя каждый раз давал себе установки держаться холодно и технично. Из-за этой сексуальной тяги Айвар понемногу переставал уважать себя, а трещина в их отношениях начинала разрастаться.

Сезонная непогода за окном угнетала даже его, привыкшего к питерским дождям. Это лишь усугубляло тяжелую атмосферу, которая воцарялась дома после очередного неприятного инцидента на работе, провального опыта или дурных вестей от правительства, и Налия все настойчивее говорила мужу, что они уже миновали этап, когда можно жить на голом энтузиазме. Да и где его взять в Эфиопии, в которую они уже и так вколотили много сил, знаний и лет и пока не получили никакой отдачи?

— О какой отдаче ты говоришь, милая? — как всегда спокойно спросил Айвар в одном из таких разговоров. — О благодарности или об улучшении жизни в стране, на которое направлена твоя деятельность?

— Да какая разница, Айвар? Никакого улучшения не будет, пока у людей в мозгах что-

то не шелкнет. А для этого остается забирать младенцев у родителей и растить их в резервациях с полноценной инфраструктурой, иностранными нянями и педагогами, уроками права и норм жизни в цивилизованных странах. Только сразу забирать, при рождении, пока они с молоком не впитали, что **вот это все** и есть наша эфиопская жизнь и судьба! Но ты же понимаешь, что это неосуществимо.

— По-моему, хватит и программ обучения молодых людей за границей, через которые прошли и наши родители, и ты сама. А они, если ты помнишь, всегда намеревались вернуться на родину и изменить жизнь здесь.

— Значит, не очень-то им это обучение помогло, — задумчиво сказала Налия. — Иначе они бы смотрели на вещи трезво и понимали, что свою единственную жизнь надо ставить выше какого-то сомнительного «светлого будущего» и гордости за прошлое: великое Аксумское царство, Абиссиния, родина предков Пушкина, единственная страна в Африке, которая изгнала белых колонизаторов! Ну да, только когда все это было-то? Они бы еще вспомнили, что на нашей территории возникли древнейшие очаги земледелия! Это же такой вклад в мировую историю! Ну а ты сам? Много ты увидел радости от помощи стране, в которой ты даже не родился?

— Во-первых, мне абсолютно неважно, где я родился, Налия, — строго сказал Айвар. — Я все равно всегда был и останусь эфиопом, и родное для меня заключается в людях, а не в территории. Был момент, когда у меня не осталось ни близких, ни цели в жизни, и казалось, что и родины больше нет нигде, а теперь самое родное и важное связано с Эфиопией, такой, какая она есть. А во-вторых... Поводов для радости у меня было очень много, все и не расскажешь. Когда я видел, как люди, на моих глазах чуть не умершие от столбняка, туберкулеза или рака полости рта, шли в школу, женились, дожидались внуков, — это не радость? А еще радостнее было, когда они приучались к прививкам и анализам. Да, они живут в Эфиопии, а не в прованских усадьбах и не в альпийских шале, но живут! Разве подарить им такую возможность — это мало?

Налия подошла к нему и положила руку на его плечо.

— Но ты сам сказал о близких, Айвар. Разве не это главное? И тебе не будет хорошо там, где есть я? Не все ли тогда равно, станем ли мы миссионерами в Аддисе или обычными людьми в какой-нибудь мировой жемчужине?

— Если ты рядом, то мне все равно, в раю быть или в аду, — ответил Айвар, склоняясь к ней. — Но есть еще такой момент... Я не могу жить только одной любовью, не оставляя места ни для чего другого. Прости, если вдруг тебя это задевает. Если я начну вести безмятежную жизнь в подобной жемчужине, думая только о любви к тебе и о бытовом комфорте, то смысла в этой жизни останется не больше, чем у песчинки, попавшей в раковину. Воздуха не будет, понимаешь?

— То есть, идеалом жизни для тебя является боль и дисгармония? — вздохнула Налия.

— Нет, Налия, мне, в отличие от госпожи Бояджиу, очень тяжело видеть человеческие страдания. О радостных моментах я тебе сказал, но были и такие, когда я сам чувствовал себя так, будто полз по битому стеклу. Зато кого-то удавалось спасти, вернуть к нормальной жизни или дать прожить остаток спокойно и безболезненно. Правда, я всегда знал, что на их место придут другие, но с этим уж ничего нельзя поделать...

В тот раз Налия не нашлась что сказать, но тревожные мысли ее не оставляли — она остерегалась давить на мужа и в то же время ей хотелось донести до него, что задор молодости когда-нибудь изживет себя и необходимо подумать о спокойном и достойном

будущем.

Айвар тоже много думал после этого разговора, беспокоясь о душевном состоянии супруги, и в конце концов сказал ей, что можно пойти на компромисс — добиться развития патронажной паллиативной медицины в столице, проводить достойно родителей и на все сбережения податься к тихой и уютной старости в Питер или милый европейский городок вроде того же Кодройпо. Там можно будет до конца дней гулять среди виноградников и апельсиновых деревьев, читать какие-нибудь славные книги и ни за что больше не отвечать.

Он не менее охотно провел бы и здесь спокойный остаток жизни, но говорил об этом так вдохновенно, что Налия на некоторое время прониклась его идеей и решила, что пока не стоит никуда спешить. Вероятно, эти намерения и могли осуществиться, но в конце концов попытки переломить общественное сознание привели к роковому повороту.

18. Муж и гражданин

Налия рассчитывала помочь сети частных клиник получить правительственный грант на развитие в столице централизованной помощи в планировании семьи. Цель медиков, которых она знала и уважала, состояла в информировании населения, сертификатах на импортные препараты для женской контрацепции и фарм-абортов, привлечении генетиков к консультации перед зачатием и беременностью, закупке качественного оборудования для выявления серьезных патологий на ранних сроках.

Отдельным неудобным пунктом стояло предложение о том, чтобы люди с тяжелыми наследственными патологиями могли бесплатно сделать стерилизацию. Сам Айвар через эту процедуру прошел еще два года назад, при весьма скандальных обстоятельствах. Когда Налии, всегда следившей за своим здоровьем, нужно было пройти плановый осмотр у женского врача, ей, на беду, встретилась поборница «традиционных ценностей», ненавидящая бездетных и бесплодных. В своем красноречии она не считалась даже с высокими чинами, если те признавались, что рожать в обозримом будущем не намерены. Фактически женщине просто отказали в приеме, заявив, что задача гинеколога состоит в том, чтобы приводить в мир новые жизни, а не поддерживать в нем «беспольные особи», которые только зря топчут землю.

И когда жена вернулась домой с трясущимися от ярости руками, Айвар на следующий же день сдал анализы, и сделав операцию, явился непосредственно к врачихе со справкой, подтверждающей, что в бездетности жены виноват он. Правда, сопроводил это пояснением, в каком месте у дамы окажется сей документ, если она еще раз позволит себе оскорбить кого-нибудь из пациенток. Та, надо сказать, и вправду струхнула, но Айвар ее не пожалел и с помощью своих товарищей придал эту историю такой огласке, что репутация врачихи была полностью испорчена. Тогда он заявил в одном из немногих уважаемых им изданий, что так будет со всеми хитрецами от медицины, которые под красивыми словами прячут банальное стремление нажиться. Навязать лечение от бесплодия, зачастую не только бесполезное, но и опасное, было действительно выгодным делом.

Он запомнил, как Налия после этого сказала ему не то с благоговением, не то с ужасом:

— Айвар, зачем такая жертва? Неужели я бы не справилась с этими идиотами? Да мы ни перед кем не должны были оправдываться, достойные люди нас с тобой понимают, а недостойные пусть валят к чертям! Ну да, в конце концов пусть я немного расклеилась, но почему тебе надо было за это отвечать?

— Потому что я мужчина, как бы банально это ни звучало, — улыбнулся Айвар и погладил ее по голове, словно сгоняя тяжесть и напряжение. — И хватит уже пичкать тебя препаратами.

Эту тему они с женой больше не поднимали, но история имела продолжение. Через некоторое время к Айвару неожиданно обратились за помощью сразу несколько мужчин из дальней провинции. Каким-то образом до них дошла информация об этом случае, и все они заинтересовались, как сделать такую операцию. У каждого уже было по несколько детей, но по разным причинам они решили больше не наращивать потомство. Конечно, проблемы можно было решать абортами или подпольными операциями для жен, приводящими к бесплодию, но эти крестьяне захотели последовать примеру Айвара.

У него самого был личный мотив так поступить, а история с врачихой по сути оказалась

последней каплей. За несколько лет Айвару изрядно надоел скепсис, с которым окружающие относились к его словам о нежелании становиться отцом: Алексей Северцев, разумеется, был далеко не единственным. Айвар никогда это не афишировал, но от любопытства было некуда деться. Бездетные пары в Эфиопии неизбежно привлекали внимание, а этике местный народ никто не учил, и люди либо посмеивались, либо откровенно жалели Налию, предполагая, что он прикрывает ее бесплодие или попросту морочит ей голову, а потом бросит и обзаведется «нормальной семьей» с молодой женщиной. Теперь Айвар легко мог ставить на место всех, кто осмеливался вмешаться в их личную жизнь.

Сознательность этих мужчин очень его порадовала, и он обстоятельно разъяснил им все принципы операции. Убедившись, что она никак не повлияет на потенцию и физическую силу, они решились и были очень довольны результатом, однако этот случай вызвал большой резонанс. Теперь к старым обвинениям в адрес супругов-бунтарей прибавилась еще и «кастрация» мужского населения для соответствия «западным ценностям».

Поэтому нынешний проект был рискованным, однако многие коллеги и знакомые Налии, близкие к «сердцу» социальной политики в Аддис-Абебе, верили в его поэтапную реализацию. Все тезисы были подкреплены сведениями, которые Айвар собирал по стране, не доверяя официальной статистике: о смертности при родах, о самых частых патологиях беременности, о тяжелой жизни в нищих многодетных семьях и о криминальных абортах.

Супруги и их товарищи надеялись на дипломатическую культуру и этику, позволяющую манипулировать даже самыми важными людьми так, что это нисколько не заденет их самолюбия. В крайнем случае пункт о стерилизации, которым они готовы были пожертвовать, мог отвлечь внимание от базовых моментов.

Однако эти надежды рухнули: правительство не одобрило проект и отказало в финансовой помощи. И никогда прежде Айвар не видел свою вспылчивую от природы жену в такой степени отчаяния, как в тот вечер.

— Ты знаешь, чем это мотивировано? — сказала она ему вполголоса, но на страшном надрыве. — Они не желают поощрять деятельность людей, которые ставят под сомнение правильность нынешнего курса, подрывают доверие народа и внушают ему ложные ценности. По мнению государства, статистика женской и детской смертности преувеличена, а пути, которыми мы предлагаем это исправить, противоречат принципам, завещанным предками и христианской церковью. Тем более, среди учредителей сети есть иностранцы, а они же спят и видят, как бы нас развратить, сократить наше население и превратить в рабов...

Айвару и самому показалось, что из-под него выбили почву. Он предполагал, что такой смелый проект протолкнуть будет очень сложно, но почему-то в этот раз в нем горела какая-то шальная интуитивная установка, что им удастся победить. Схожие чувства он когда-то испытывал, выходя на старт перед соревнованиями, только в этот раз на кону был не значок и не гордость одной больницы.

Он долго молчал. Налия тем временем перевела дух и, закурив, добавила:

— Те, кто поумнее, вспомнили о евгенике, а самые тупые — о древней Спарте со сказками про сбрасывание больных со скалы. Напоследок «сразили» отличным аргументом: как я могу рассуждать о материнстве и детстве, не имея собственных детей? Разве у меня есть право распоряжаться чужими судьбами, да еще учить будущих матерей, что можно безнаказанно убить своего ребенка? И тогда...

— Что? — спросил он, взглянув на нее с тревогой.

— Тогда я ответила: «Я уже дала своим детям самое лучшее, что могла: не вынудила их родиться в такой стране».

— Это было, конечно, опрометчиво. Может быть, зря ты отговорила меня пойти с тобой, но скорее всего, я бы сказал то же самое. Надеюсь, на нас за это не решат отыграться по полной.

— Да плевать, — устало произнесла Налия и села рядом, — пусть теперь уже думают что хотят, я больше не собираюсь ничего доказывать.

— Ты что же, опускаешь руки? Но на государственной поддержке мир не заканчивается, есть также частные и иностранные фонды, а ты сама рассчитывала на приток инвестиций. Если госпиталь Красного Креста удалось поднять до такого состояния, что не стыдно показать ни политикам, ни туристам, то рано или поздно получится и с другими проектами.

— Какие теперь могут быть инвестиции, романтический ты мой? Ты понимаешь, что те люди из-за рубежа, которые искренне хотели помочь, блестящие профессионалы, труженики, теперь себя чувствуют так, будто им в этой, с позволения сказать, стране, наплевали в душу? Что они посоветуют своим соотечественникам и коллегам держаться отныне от Эфиопии подальше, как от чумы?! Потому что здесь их помощь, оказывается, не только лишняя, но и противоречит нашим незыблемым духовным ценностям! Ты думаешь, такое можно простить?

Налия посмотрела мужу в глаза и почему-то притихла. Ей стало ясно, что он гораздо больше думает о том, как пострадают незащитные люди, не виноватые в том, что родились в столь подлом государстве, чем о раненом достоинстве медиков и чиновников. Оба понимали суть этой идеологии: планирование здорового потомства нанесло бы большой удар по мафии попрошайничества, которая использовала детей с врожденными патологиями, выкупая их у родителей, и по благотворительным инвестициям с Запада, которые держались на разрекламированном образе увечного ребенка. Но неужели Айвар еще на что-то надеялся?

— Ладно, милый, — произнесла она, хотя прежде никогда его так не называла. — Ты прости, что нет сегодня хороших новостей... Но что же, не жить теперь из-за этого? Давай выпьем кофе.

Вечер вроде бы закончился мирно, но на следующий день Налия все-таки отважилась на опасный разговор. К этому времени супруги уже поужинали и она, как обычно, отпустила прислугу, приняла вечернюю ванну и пришла к Айвару в спальню.

— Айвар, я хотела тебе кое-что сказать, но откладывала до того, как разрешится ситуация с грантом, а теперь уже смысла нет, — начала она. — У меня есть друзья в Западной Европе, интернациональная команда, которая хочет раскрутить новый бизнес. Он имеет отношение к медицине, хоть и косвенное. В основном это сфера красоты, полезных привычек и прочее, что сейчас в моде... И они меня приглашают. Это, конечно, шанс, который нам только предстоит реализовать, и несколько лет уйдет на адаптацию и неудобства, но потом мы сможем начать нормальную жизнь, в стране, где к своим и к чужим относятся по-людски.

Он выслушал все до конца, однако смотрел на жену безмолвно и неопределенно, так что ей пришлось его окликнуть:

— Ну так что, Айвар, ты вообще меня слушаешь?

— Я тебя слушаю, просто ты не задала ни одного вопроса, поэтому и молчу. И как я понимаю, самого главного ты еще не сказала?

— Верно, — произнесла Налия уже более уверенно. — Я все продумала, проблема только в деньгах. Это в Эфиопии мы с тобой шикуюем, а на Западе бизнес требует гораздо большего. К тому же, для получения вида на жительство желательно купить недвижимость. Кредиты в Африке брать страшно, так что вложить солидный капитал не получится без разговора со стариками, и тут очень понадобится твоя помощь. Я до них пока не достучалась, но тебя они должны послушать. Ну и еще надо не попасть впросак с эфиопскими деловыми навыками, которые только здесь на вес золота. Да знаешь, это не так страшно, как жить здесь! Даже если вложенное не окупится, если бизнес не выгорит, я готова рискнуть. В Европе работу и крышу над головой всегда можно найти, и к последнему нищему отношению лучше, чем к нам здесь.

— Налия, ты все время говоришь то «я», то «мы», — осторожно заметил Айвар. — Так о ком на самом деле идет речь? Или ты уже решила за нас обоих?

— А ты что, откажешься от такого предложения? Ну да, никто не обещает золотых гор и гражданства ЕС на блюдечке, но все можно перетерпеть. У нас с тобой хороший потенциал, и грязная работа уж точно не грозит. Но в крайнем случае я бы и на это пошла, лишь бы забыть об этом страшном сне, который называется Эфиопией.

— Будь, пожалуйста, осторожнее в высказываниях! — сказал Айвар уже сурово. — Это во-первых, а во-вторых — я бы на это не пошел! Я уже миновал такой эмоциональный взрыв, когда тоже думал, что везде будет лучше, чем здесь. Если ты забыла, то я напомню, что меня цивилизованные люди смешали с дерьмом и в спину коленом отправили туда, где, по их мнению, таким и место. Я же хотел! Я надеялся жить честно, развиваться, учиться и работать по европейским нормам, заслужить там уважение, — и что? Не дали! Рылом не вышел даже для того, чтобы просто не мешать мне получить вид на жительство. И ничего, что никаких грехов на мне не было: одни их придумали, другие с радостью поверили. В самом деле, что: с меня-то не убудет!

— Айвар, но ведь в России есть и люди, которые верят тебе, которые тебя уважают и любят! Так почему же ты судишь не по ним? Я тебе ни разу не задавала лишних вопросов, но скажи все-таки: неужели ты не хотел когда-нибудь снова там поселиться? Если не хочешь оставаться в Европе, то мы можем заработать там денег, собрать задел на старость, да просто получить бесценный опыт, а потом податься в Питер. Представляешь, как Павлик был бы рад? Вы же с ним давно родные, он для тебя больше сын, чем для Данэ!

— Да, у меня там есть Павлик, но моя жизнь здесь, с тобой, Налия. И я после этой истории решил, что никогда больше не буду себя подгонять под «достойное» общество, а вытяну его до уровня, который достоин меня. Да, пусть и в Эфиопии. Но не говори, что моя работа здесь никому не нужна.

— А я больше думаю о том, что нужно самому тебе, а не кому-то! И знаешь что, Айвар? Тебе давно нужна спокойная мирная жизнь и отдых: рисовать, читать, ездить в другие страны не по государственным нуждам, а ради прогулок по красивым улицам и музеям, посиделок в кафе, купания в море. И работа тоже всегда найдется: люди и в развитых странах болеют, стареют, нуждаются в уходе. Там давно есть паллиативная медицина: нормальные дома престарелых, хосписы, где людям помогают не «доживать», а жить. Ты ведь хотел заниматься именно этим, лечить и изучать душу, разве не так?

— На данный момент я хотел, чтобы это заработало здесь, — решительно сказал Айвар. — Налия, я все пытаюсь до тебя донести: у меня есть своя мечта. А что ты предлагаешь мне взамен? Жить в ухоженном заповеднике в качестве красивого мужа

деловой женщины, которого ты будешь кормить пирожными с ложечки и одевать в модные тряпки? Только ты ведь не таким меня полюбила, и я сам уж точно предпочту быть санитаром, чем вести такую жизнь.

— Айвар, кем бы ты ни работал, я хочу, чтобы ты был счастлив! Ради чего ты это отвергаешь? Ради Эфиопии? Но это черная дыра, которая никогда не превратится в цветущий сад! Черные дыры только засасывают и убивают все хорошее. Ты понимаешь, что сейчас произошло, с этим грантом? Нас с тобой поставили на место, заявили: ладно, играйте в свои бирюльки, нянчитесь с больными, произносите громкие речи, — мы потерпим, даже забавно будет посмотреть, а на запретную территорию лезть не смейте!

Айвар ничего не ответил и она добавила:

— Посмотри на вещи трезво, нам с тобой давно не по двадцать лет! У тебя есть мечта, но нет жесткости характера, чтобы ее достичь, а я жестче тебя, но все мечты у меня уже выдохлись, кроме одной: пожить по-человечески и тебе дать такую жизнь.

— Наля, — возразил Айвар, — не бери на себя так много. Жизнь мне уже дана от природы, и я хочу распорядиться ею сам. Мне не очень нравится то, как ты меняешь свои устремления, но у тебя, конечно, есть на это право. Я только советую тебе: если решишь уволиться с поста, сделай это мирно и без эпатажа. А если твоя цель — это бизнес в другой стране, то я готов пойти навстречу. Ты же можешь отправиться туда одна, а я приеду позже: по-моему, это вполне нормальная практика.

После столь неожиданного предложения Наля осеклась и растерянно моргнула.

— В смысле — приедешь позже? Это когда?

— Ну, задач все еще много. Я хочу, чтобы в нашем отделении Российского Красного Креста заработала патронажная медико-социальная служба по стране и система централизованной экстренной помощи, которая нам давно нужна. Чтобы все свидетельства о смерти выписывались специалистами, иначе искажается статистика заболеваний. А еще должна развиваться клиническая онкология и паллиативная помощь таким больным. Рак уже давно перестал быть «болезнью белых»: от опухолей печени в Африке мрут как мухи, потому что едят зараженные грибками продукты. Если удастся хотя бы выйти за пределы Аддиса, это уже будет значить, что процесс налажен, — тут Айвар, поняв, что увлекся медицинской темой, сделал паузу, — Да, первое время будет нелегко, но меня это не пугает, и в госпитале немало людей, готовых посодействовать. Как только я пойму, что меня есть кем заменить, мы с тобой воссоединимся.

— То есть, ты предлагаешь мне ждать, пока ты все это, так сказать... уладишь? — оторопело спросила Наля.

— Да, примерно так, только не ждать, а заниматься тем, чем ты, собственно, хочешь. В бизнесе скучать не придется, так что время быстро пролетит. И не волнуйся, я себе здесь никого не заведу, — ответил Айвар с улыбкой, но взгляд у него оставался серьезным.

— Слушай, Айвар, ты всегда был слегка сумасшедшим, но сейчас... даже уже и не знаю. Ты, похоже, считаешь, что я говорю впустую, что у меня просто не хватит духу уехать и начать все с нуля, да? А может быть, тебя останавливает не только твоя мечта, но и то, что ты просто боишься перемен? Давай по-честному: тебе страшно покидать насиженное место и учиться играть по правилам настоящего, нормального мира, так ведь? — сказала Наля, пристально посмотрев ему в глаза.

— Наля, насиженное место было когда-то, в моей дурацкой юности, а сейчас мне есть что терять здесь, это мой дом. Я не сомневаюсь, что боевого духа у тебя хоть отбавляй, и

веры в себя тоже, а вот насчет умения вести бизнес и бороться за место под европейским солнцем я бы побеспокоился. Тем более из меня в таком деле помощник никакой. Не следует принимать важных решений, когда эмоции захлестывают, — это может быть очень опасно.

И только чуть позже Айвар с тревогой осознал, что упустил едва ли не самые странные слова жены: «проблема только в деньгах», что именно об этом нужно было подумать в первую очередь, чтобы уберечь ее от необдуманных решений. Однако некоторое время Налия к этому разговору не возвращалась, и он не решался начинать его первым.

19. Чтобы ты был рядом

К сожалению, последующие события показали, что Айвар недооценил твердость намерений жены. Он не то чтобы шутил, предлагая ей вариант временно пожить в разных странах: на крайний случай он действительно имел его в виду, но по большому счету сомневался, что Налия перейдет к реальным действиям. В конце концов, время от времени она уже пускалась в подобные мечтания на протяжении последних трех лет.

Но примерно через пару месяцев после истории с провалившимся грантом родители Налии позвонили ему из столицы в дальний округ, где у Айвара была важная работа, и попросили срочно приехать. По голосу дяди Соломона, будто постаревшего в одночасье, Айвар понял, что произошло нечто переходящее все границы.

Соломон и Агарь сбивчиво рассказали зятю, что Налию обвинили в нецелевом использовании бюджетных средств, — будто бы ее именем были подписаны странные самовольные переводы денег между статьями расхода, оплаты внезапных покупок и работ, не оговоренных в официальном плане или вообще не имеющих отношения к профилю комитета. Суммы были не баснословными, однако это происходило систематически на протяжении последнего месяца.

Под конец Айвар уже плохо вслушивался в их слова. Его будто схватил изнутри какой-то жуткий спазм, и он бы, наверное, потерял равновесие, если бы Соломон вовремя не удержал его за пиджак.

Сама Налия, по словам родителей, клялась, что ничего подобного не подписывала, но Айвар, вспомнив о ее намерениях вложить большую сумму в бизнес, не знал что и думать. Кроме того, люди из комитета, в котором Налия служила, рассказали, что недавно она откровенно заявляла, будто скоро они с мужем уедут на Запад работать на самих себя и жить в радость себе. Кто-то поведал об этом разговоре государственной прессе, и та оперативно среагировала, устроив Налии пышное «правосудие» в газетах. Когда же к ней обратились за официальным комментарием, она невозмутимо подтвердила свои слова, подчеркнув, что это было их с Айваром обоюдное решение наладить собственную жизнь, если уж здесь никто не хочет следовать их примеру. К тому же, она приправила эти слова язвительными намеками на некоторые промахи комитета и ведомства, где служил Айвар, — о последних он сам, на беду, поведал ей с юмором, в интимной беседе. Они не были каким-то особым компроматом, речь шла лишь о небольшом разгильдяйстве, но сообщать эту информацию прессе было явным попранием товарищеской этики.

Именно после этого заявления в комитет неожиданно нагрянули аудиторы, которым попались на глаза странные документы.

Айвар, будучи в отъезде, все это упустил и теперь с ужасом слушал то, что говорили приехавшие к родителям знакомые из юстиции, которые по старой дружбе согласились их консультировать и, если будет нужно, помочь с защитой.

— Ты муж? — хмуро спросил Айвара один из них. — Зовут тебя как?

— Айвар меня зовут. Айвар Робин Теклай, — проговорил мужчина, с трудом заставив себя посмотреть им в глаза.

— Ты не замечал, Айвар, у нее за последнее время каких-то дорогих вещей неизвестного происхождения, например? Или она вдруг пристрастилась к каким-то новым развлечениям? Сомнительные знакомые не появлялись?

— Такого не было, но про отъезд она говорила, — ответил Айвар, понемногу приходя в себя. — Налия хотела начать какой-то бизнес за границей, совместно с друзьями, которых я не знал. Говорила, что препятствие только в деньгах, но я на это не обратил внимания, мне казалось, что у нее фантазии разыгрались от разочарования в работе. Последнее время обстановка там была не очень здоровой, вы это, наверное, уже знаете.

— Славные у вас дела разворачиваются, — мрачно отозвался второй юрист. — Друзей ты не знал, о «каком-то бизнесе» слышал краем уха, внимания не обратил...

— Послушайте, муж всегда узнает последним! — сказал Айвар уже резко. — Она всегда старалась оградить меня от проблем, и я это не одобряю, но понять могу. Не исключено, что и не было никаких друзей, что Налия это выдумала только для меня, а на самом деле просто дошла до точки и готова была сбежать в пустоту. Только я, идиот, вовремя этого не понял.

— Ну ладно, лично для тебя хорошая новость в том, что с тобой и твоим ведомством эти аферы не пересекались. Но в той или иной мере отвечать придется и тебе, — сурово произнес тот, кто говорил первым. — К сожалению, сейчас метаться почти бесполезно. Между нами, я не сомневаюсь, что дело сфабриковано, причем быстро и грубо, но оно очень нужно правительству, а вы в последние годы и так были бельмом у него на глазу. Вспомните те грязные статейки. А уж теперь-то, когда она сама подкинула жирный козырь, за вас по полной возьмутся, дабы отвлечь электорат от собственных преступлений. Народ очень не любит согрешивших чиновников, особенно наиболее безобидных — и украл по мелочи, и еще сглумил, дал слабину. По крайней мере, со стороны будет выглядеть так. Настоящих акул-расхитителей у нас даже втайне уважают, а вот на таких непутевых, как ваша Корналия, с удовольствием оттаптываются, и клеймят позором не только их, но и всю семью. Поэтому вам всем, от беды подальше, придется забыть о должностях, на некоторое время покинуть столицу и податься в какие-нибудь тихие места.

Чем дальше Айвар слушал, тем больше ему казалось, что его несет помимо воли каким-то беспорядочным вихрем. Он не ведал куда, но был уже оторван от милой ему жизни в этом доме и городе, который наконец казался родным.

— А с ней что будет? — спросил он.

— Да ничего особенно страшного, не волнуйся, — в плане жизни и здоровья, по крайней мере. А вот с карьерой и всеми привилегиями придется проститься: высокий государственный пост Налии уже никогда не суждено занять. Если бы она взяла вину на себя, то, возможно, отделалась бы только условным наказанием, но она настаивает, что невиновна, и в этом, я бы сказал, есть резон.

— Какой резон?

— Тогда есть шанс, что потом, когда страсти поулягутся, вы докопаетесь до правды и судимость с нее будет снята. Сейчас ей скорее всего назначат пару лет исправительной работы вдали от столицы, но и после этого в Аддесе лучше особо не мелькать. По крайней мере, пока все основательно не забудется. Кстати, если ты, парень, решишь ее не ждать, то тебе там жить никто не запретит, хотя с работой, конечно, будут сложности, и про медицину в столице ты уж точно забудь.

— Что значит «не ждать»? — переспросил Айвар и как-то жутко усмехнулся. — А что же вы только мне это предлагаете? Почему бы вам не посоветовать и Соломону отказаться от дочери и спокойно жить в столице?

— Ладно, Айвар, давай без лишних нервов, — бесстрастно отозвался собеседник. — Это ты сейчас говоришь, пока не пожил в диком регионе, без света и канализации.

— Я там жил, — резко ответил Айвар, — так что прошу меня не пугать и тему развода считать закрытой. Я вообще считаю, что должен ехать вместе с ней.

— Ну это уж вы сами договаривайтесь. А сейчас ты лучше ненадолго выйди: нам с твоим тестем необходимо обсудить вашу будущность на холодную голову.

С этим Айвар спорить не стал. Выйдя в другую комнату, он долго думал: неужели Налия действительно присвоила бюджетные деньги? И что, в таком случае, она намеревалась делать дальше? Просто сбежать с этими деньгами? От государства, от людей, их несправедливости и глупости или от мужа с его дурацкими принципами?

Постепенно все в его рассудке стало на свои места, и чей-то голос заговорил бесстрастно и четко. Как сначала показалось, это был голос жены, но по мере того, как складывались мысли, Айвар все яснее слышал самого себя. Ну что, Теклай, получил? Ты хотел здесь жить, помогать своему народу, по заветам идейных предков? Только забыл, что Аддис-Абеба к настоящей Эфиопии имеет почти такое же отношение, как Москва-Сити или Невский проспект с его бутиками и ресторанами — к России. Что же, попробуй, поживи теперь без уютного дома и заботливой жены, без наставников и единомышленников, по ту сторону занавеса, среди тех, кто ненавидит образованных и за все попытки помочь оплатит только агрессией. Ты до сих пор не уяснил, что никого не сделаешь счастливым против его воли? Да ладно, черт с тобой, как-нибудь выживешь, но что будет с любимой женщиной, со стариками, которым не сегодня-завтра понадобится уход и качественная медицина?

Налия приехала в родительский дом совсем поздно, и Айвар хотел ее сразу обо всем расспросить, но старый Соломон его остановил, заявив, что должен первым поговорить с дочерью.

Из соседней комнаты Айвару были слышны тяжелые шаги тестя из угла в угол и изредка доносившиеся гневные возгласы: «Разве мы мало тебе дали?.. Мало заботились?.. Учили тебя использовать государство и одновременно его хаять?.. Вот ради этого мы честно трудились, дали тебе прекрасное образование, ни одного быра за всю жизнь не украли, чтобы к старости заслужить такой позор? Ты говоришь, что презираешь эту страну, а мы с матерью были ее лицом, представляли ее, мы и есть эта страна!»

Налия, насколько он мог слышать, почти ничего не отвечала. Айвар понимал правоту ее отца, но душа у него разрывалась от жалости к жене и он искренне желал ей держаться.

Когда наконец им удалось поговорить наедине, женщина выглядела совсем измученной, и Айвар, положив руку на ее плечо, сдержанно сказал:

— Скажи мне только, что случилось на самом деле?

Она посмотрела на мужа и неохотно ответила:

— Конечно, я ничего не крада, Айвар! Я хотела подготовить почву для отъезда, чтобы у нас уже были гарантии с бизнесом и жильем, но не таким же образом! В крайнем случае попросила бы в долг у Данэ. Ты бы, конечно, позлился, но потом... Да, я сболтнула лишнее, это было, но воровать?! Я этого и не умею.

— Но почему ты за меня сказала, что я тоже намерен уезжать? — тихо спросил Айвар.

— А как мне надо было трактовать твое многословие? Ты полагал, я куплюсь на эти твои «я приеду позже»? Айвар, тебе, как любому мужчине, просто претила мысль, что это не твое решение! Надо было только тебя с ней примирить, как было уже не раз. И все бы получилось, если бы в комитете не завелась крыса.

— Да, — протянул Айвар, вглядываясь в нее словно впервые в жизни. — А ведь не поспоришь, я всегда со всем мирился, лишь бы оставаться твоим мужчиной. Но у меня были

иллюзии, что при этом я все-таки отдельная личность.

— А тебя что-то не устраивало? — вызывающе спросила Налия. — Это с чем же таким страшным ты мирился, Теклай? Я тебя в чем-то ущемляла? Оскорбляла? Била? У тебя был прекрасный дом, вкусный ужин, красивая одежда, безумный секс и весь мир в кармане: это, конечно, очень тягостно! То ли дело раньше...

— А вот этого не надо! — сказал Айвар и предупреждая поднял ладонь. — Налия, ты сама потом будешь жалеть, если наговоришь лишнего. Не унижай себя! Обо мне речь не идет, я просто не могу на тебя злиться. Я даже сейчас хочу только обнять тебя, укрывать, укачивать, моя бедная глупая девочка...

Он привлек ее к себе и она безропотно уткнулась лицом в его шею.

— Я поеду с тобой, — заявил Айвар. — Не туда, конечно, куда ты хотела, но ничего, переживем. Не получилось в радости, так будем вместе в горе.

— Не стоит, — решительно сказала Налия. — Не изображай из себя декабриста или Соню Мармеладову в штанах, ты сейчас больше нужен старикам, здесь. А мне необходимо разгрести все это самой.

— Налия, не бросай меня, — тихо и отчаянно сказал Айвар. — Я буду часто к ним ездить, но жить я хочу с тобой! Мне не важны никакие трудности: ты же знаешь, что я все успел повидать. Только не оставляй меня одного!

— Мне важно, Айвар! — резко оборвала его она, закуривая. — Я не позволю, чтобы ты видел меня в таком положении! И ты тоже возьми себя в руки. Да, жаль терять этот город, этот дом, все надежды, но ничто хорошее не длится вечно, и по-настоящему плохо стало вовсе не сейчас, как ты думаешь, а тогда, когда я осознала, что мой труд был бесполезным. Мы в благодарность хотели не так уж много — чтобы люди к нам прислушались и дали помочь их детям и внукам. И даже в такой малости нам было отказано! Что же оставалось делать? Хотя бы сами себя мы могли вознаградить спокойной жизнью, там, где никто не смотрит на тебя зверем только за то, что ты «шибко умный»? Где нарожать десяток слабых детей в скотских условиях не считается лучшим достижением, чем спасти от смерти тысячу чужих?! Где выражение «защитить жену от насилия со стороны мужа» не воспринимается как оксюморон? И ты же сам это понимал, Айвар, не обольщался, что за несколько лет в умах у эфиопов что-то качественно перестроится. Ну на что тебе это все сдалось...

Айвар не знал, что на это ответить, и вспоминал их разговор в ночь после свадьбы. Сейчас ему казалось, что именно он накликал беду, пожелав любимой никогда не изменять своему прекрасному и губительному характеру.

— Надеюсь, когда-нибудь ты меня простишь, — быстро добавила женщина, раздавив сигарету. — Как бы то ни было, я не имела права так подвести нас. Родители вряд ли простят, я и прежде-то кровь из них пила стаканами...

Она слегка замялась и добавила:

— Не буду спрашивать, дождешься ли ты меня. Знай только, что я не вздумаю тебя упрекать, если ты сможешь наладить собственную жизнь. Ты молодой мужчина, и я не собака на сене, чтобы отнимать у тебя эту возможность.

— Вот и не спрашивай, и не болтай глупостей: я навсегда останусь твоим мужем и дождусь тебя, если буду жив. Ты запомнила?

— Ну еще чего! Ты сам держись, пожалуйста, — сказала Налия уже совсем тихо.

Она прижалась к нему и он долго гладил ее по голове и плечам, едва слышно проговаривая свои загадочные увещевания.

Налии действительно назначили два года труда в дальнем регионе и пожизненный запрет на государственную службу в столице. Айвар попытался вмешаться и добился встречи с обвинителем, но хладнокровие подвело и тот быстро его осадил.

— А что вы скажете насчет своей службы, господин Теклай? — спросил прокурор. — Судя по рассказам вашей жены, вы сами упускали серьезные промахи в санитарном контроле, а иногда и прикрывали своих подчиненных и друзей. Уж это найдется кому подтвердить, так что не вам сейчас поднимать шум.

— В моей службе не было никаких фатальных нарушений, — возразил Айвар.

— Но по крайней мере могли быть. Лучше бы вы ограничивались своей декоративной ролью, вот что я вам скажу. Вы думали, что близки к народу? Когда один этот ваш браслет, купленный на деньги жены, прокормил бы несколько крестьянских семей, в которых мужья честно все тянут на себе? Так что все, заканчивайте эту показуху и идите домой.

Разумеется, суд вызвал новую волну травли в адрес всей семьи: особенно радовались давние враги Айвара из местной секты «пролайферов», которые в Эфиопии не брезговали ни поджогом больниц, ни нападениями на врачей и на сторонников полового воспитания. По их мнению, Айвара давно пора было обрить налысо и линчевать. Когда же вечером на одной узкой улочке у него буквально над головой пролетел большой кусок кирпича, он понял, что юристы были правы насчет необходимости отъезда.

Но хуже всего было то, что некоторые из его наставников решили, будто идея уехать за лучшей жизнью исходила именно от Айвара, которому приелся честный труд и вновь захотелось вкусить авантюры и шальных денег. Он оказался в патовой ситуации, так как оправдываться значило бы перекладывать все на жену. Впрочем, его оправданий и не желали слушать.

— Откуда вы только беретесь такие, да еще называете себя мужчинами? — гневно сказал один немолодой медработник русского происхождения, давно работавший в Эфиопии. — Сколько я уже историй слышал про то, как наивные влюбленные девушки ради мужиков и в растраты влезали, и непомерные долги на себя брали, и в тюрьму шли за аварию со смертельным исходом, в которой был виноват любовник или такой вот муженек, как ты! Они же доверчивы как дети, когда любят! У бедной Налии теперь вся жизнь разрушена, ты это хоть понимаешь? Куда она потом подастся, без карьеры, без детей, с подорванным здоровьем и старыми родителями? А ты спокойно в России устроишься, да еще очередную дурочку там быстро найдешь. Это ты всегда умел лучше всего! И не рыдай, пожалуйста, и так противно.

К счастью, многие друзья и единомышленники все же не отвернулись, дали показания в пользу обоих супругов, подписали петицию о смягчении наказания и заверили Айвара, что всегда помогут в случае проблем со здоровьем. Кое-кто по секрету пообещал ему и разобраться в криминальном деле, вычислить настоящую «крысу». «Только ты не вздумай влезать в это, Айви! — предостерегли его. — Чем меньше о тебе будет слышно в Аддисе за эти два года, тем лучше»

Словами их помощь не ограничилась. Счета супругов были арестованы, но Айвар и Налия имели также накопления в наличности, в пересчете на рубли около трех миллионов. Айвар отложил кое-что из этого запаса, чтобы послать Павлику, а также позаботился о том, чтобы в лагере, где мальчику выдали абонемент еще на два года, никто из знающих его и Налию не проговорился о случившемся. Остальные деньги он отдал на хранение одному из близких друзей и по истечении двух лет получил обратно все до последнего быра.

Родители были отстранены от поста, как и Айвар, но за прежние заслуги и репутацию им дали без лишнего шума уйти на пенсию. Им порекомендовали перебраться в принадлежащий семье старый дом в городе Семера, на северо-востоке страны, и пообещали не оставлять без социальной опеки в случае ухудшения здоровья.

Оставалось решить судьбу Айвара. Налия пыталась защитить мужа, клялась, что зря его оговорила, но это уже никого не волновало и нечего было даже думать о том, чтобы остаться в столице хотя бы санитаром. Поэтому сошлись на том, чтобы он тоже ехал в округ Афар, центром которого была Семера, — там был необходим человек с квалификацией старшего медбрата для недавно открывшегося медицинского пункта в одной из окрестностей. Пункт был задуман как база практики для учеников Семерского колледжа здравоохранения и помощи местному населению.

Юрист, снова пришедший к родителям, за которыми Айвар все это время приглядывал, предупредил, что жить ему придется в одном из похожих друг на друга нищих поселков северо-восточного типа. Путь от города до медпункта был слишком неблизким, к тому же среди жителей Семеры преобладали афары-мусульмане, а амхарцы жили в основном в таких деревнях. Помощник счел, что среди своих Айвару будет полегче, и все же заметил, что условия в деревне крайне суровые.

Однако Айвар уже ни на что не реагировал, чувствуя, что потерял будущее. Погибли все надежды на то, что когда они сбавят обороты в карьере, можно будет заняться строительством собственного уютного дома, с палисадником и верандой для посиделок с друзьями за плетеным столиком. Там, как он представлял, будут цвести самые необыкновенные розы и звенеть на ветру причудливые амулеты. А еще они с Налией намеревались взять под опеку одного из многочисленных эфиопских сирот и беспризорников, уже не только из милосердия, но и для собственного счастья. Соломон и Агарь радовались по-детски, услышав, что у них, возможно, скоро будет внук или внучка. Большого Айвар, в сущности, и не хотел — сколько его ни метало по свету, в какие переделки не забрасывало, он в душе так и оставался домашним, тянулся к теплоте очага, запаху кофейных зерен и пышных сладких пирогов, приятному шелесту страниц и детским улыбкам.

А вот у Налии было немного иначе. Как выяснилось впоследствии, про друзей и бизнес в Европе она все же не выдумала. В момент глубокого упадка предложение о сотрудничестве ее буквально окрылило: она не то чтобы хотела бегства и полного разрыва с родной страной, но условия в Эфиопии придавали ходу времени угрожающий оттенок. И неужели стоило растратить все оставшееся на бесполезную борьбу, в то время как за Эритреей и морем кипела совсем иная жизнь, мирная, яркая и насыщенная? Налия поняла, что по западным меркам она молодая и цветущая женщина, что у нее есть прекрасные возможности, и ей страстно захотелось отправиться туда с мужем, но не в гости, не на заработки, а в качестве людей нового времени, мобильных, энергичных и не скованных ничьими указаниями. И в ее планы никак не входило то, что всегда безотказный Айвар пойдет наперекор.

20. Конец иллюзий

Все дорогие сердцу вещицы Налия перед отъездом передала матери и отцу, попросив их сохранить в семерском доме. Кое-что взял с собой и Айвар, вместе с обручальным кольцом, любимой бижутерией из темного серебра и книгами — они не могли пригодиться в деревне, но он боялся, что иначе больше их не увидит.

Из Аддис-Абебы предстояло лететь самолетом, на котором Айвару позволили перевезти собственную «Ниву». Накануне отъезда семьи в Афар они долго разговаривали с Соломоном, который все эти дни чувствовал себя очень плохо, но говорил об этом только зятю. Перед женой и помощниками он по-прежнему держался стойко.

— Вот я и попал очередной раз в дурацкое положение, дядя Соломон, — сказал Айвар, улыбнувшись через силу. — Не могу понять, почему всю жизнь меня обвиняют в каких-то страшных вещах в то время как настоящие подонки спокойно смотрят другим в глаза? И чем больше я стараюсь давать людям тепло и свет, тем агрессивнее они реагируют.

— А ты думаешь, мы не задавались такими вопросами, сынок? — ласково ответил старик. — Это был наш выбор — стать образованными людьми, подающими пример современной Африке, и вырастить дочь с такими же ценностями. И она потом сделала сознательный выбор: занялась лечением и воспитанием своего народа. И всегда на этом пути, Айвар, всегда были насмешки, недоверие, отчуждение! Те люди, которые по духовному развитию недалеко ушли от животных, всегда видят подвох в сердечной заботе о ближнем, и неважно, носят ли они приличные костюмы или набедренные повязки.

Айвар многозначительно кивнул, и Соломон заметил, что за эти дни зять сильно изменился, будто внутренне постарел. Его глаза утратили прежний мечтательный блеск, лицо было вялым и безучастным.

— Я понимаю, что у Налии иссякло терпение, она слишком много души вложила в свое призвание, бедная наша девочка... — добавил тесть. — Но как она могла так подвести тебя? Как ты будешь с твоим талантом работать в сельской глуши, где не только от разрухи, но и от одиночества можно здоровье потерять и с ума сойти?

— Мне это неважно, дядя Соломон, — возразил Айвар жестко. — Если для медика одни пациенты достойнее других, то он уже не медик. А если муж готов быть с женой только в тех обстоятельствах, которые его устраивают, то я никому не посоветую связывать с ним жизнь. По крайней мере, теперь я по-настоящему понял, как я люблю Налию. Мы ведь с ней сошлись как-то стихийно, будто во сне, а потом я, не успев опомниться, прожил несколько таких благодатных лет, когда хочется любить весь мир. Словом, не лучшая проверка для чувств. Вы не обидитесь, что я так откровенно говорю?

Он зажег сигарету, дал прикурить и тестю, который, несмотря на все перебои со здоровьем, не желал отказываться от старой привычки, и заговорил:

— Один русский доктор в госпитале Красного Креста рассказывал нам историю, которую я не могу забыть. Это в Питере случилось, с обычной супружеской парой. Женщина заболела одним неизлечимым недугом, при котором все тело разбивает паралич, у человека отказывает не только ходьба и речь, но он также не может улыбаться, глотать, дышать самостоятельно. А самое ужасное, что сознание остается ясным! После нескольких лет мучений перестают работать все органы. И муж этой женщины, зная, что вскоре так будет, до последнего о ней заботился. В больнице ее держать уже не имело смысла, и он установил

в квартире аппарат искусственной вентиляции легких, ставил ей клизмы, мыл... Главное, без слов, по одному взгляду понимал, чего ей хочется. А ведь ухаживать за таким больным в тысячу раз страшнее, чем за младенцем или стариком, которые хотя бы дышат без посторонней помощи. Хватит одного перебоя с электричеством, чтобы человеку не поступил воздух из аппарата. Потом все же болезнь взяла свое, она скончалась. И вот когда мы слышали этот рассказ...

Айвар немного помолчал и продолжил:

— Знаете, наша молодежь тогда разделилась на два лагеря. Одни считали, что муж — настоящий герой, мученик, ради жены пожертвовавший своим благополучием. Ему было уже за пятьдесят, но это только у нас в Эфиопии порог старости, а в России мужики в таком возрасте любят начинать новую жизнь. Другие припоминали, что в любой клятве, которую произносишь перед бракосочетанием, есть в той или иной форме обещание быть рядом «в здравии и болезни, в горе и радости». Но кому как не врачам знать, что бывает на самом деле? Чего стоит эта клятва? Так, просто какая-то милая праздничная потеха, часть представления, о которой и не вспоминают, когда случается настоящая беда. Особенно, увы, мужчины. Если спросить любую медсестру, работавшую в России, она подтвердит, что у койки больного мужа почти всегда сидит жена, а у койки больной жены зачастую ветер гуляет. В таких полудиких странах, как Россия, общество всегда оправдывает подлецов и трусов, а преданность и любовь мужчины к семье считается экзотикой. Про совсем дикие страны, вроде нашей Эфиопии, и говорить нечего.

— А ты сам что думал, сынок? — спросил Соломон, пристально посмотрев на зятя.

— А я... Знаете, я, конечно, был согласен с теми, кто говорил про клятву, но в то же время все равно считал, что этот муж — герой, потому что был уверен, что сам такого не перенесу. Да, в больнице я насмотрелся на всякое, но изо дня в день видеть, как самый близкий человек мучается и угасает, — это же совсем другое! Так что я бы на его месте наверняка ушел, но только через окно. Тогда мне так казалось...

Айвар отложил окурки и добавил:

— Сейчас я понимаю, что тоже сделал бы все возможное, чтобы продлить любимому человеку жизнь, чтобы он хоть чувствовал, что сейчас хорошая погода, что вдалеке шумят поезда или самолеты, что с улицы отдает парным молоком и шерстью после каравана. Ради такого обоим стоит задержаться на этом свете. Когда я теперь вспоминаю эту историю, реальность уже совсем не кажется такой беспросветной. У меня, в отличие от этого мужчины, жена жива и здорова, так чего мне еще желать...

— Верно ты все говоришь, Айвар, — сказал Соломон, мудро улыбаясь, — только я-то никогда и не сомневался, что ты по-настоящему любишь нашу дочь. И не отчаивайся так, вам надо только пережить это, а потом справедливость восстановится и вы непременно друг друга простите и поймете.

Наступил день отъезда. Советники отца Налии оказались очень неравнодушными людьми и искренне сочувствовали Айвару, которого, несмотря на его тридцать шесть лет, продолжали называть «парнем». Один из них подбодрил его:

— Ты, главное, не теряй головы, Айвар, жизнь у вас на этом не закончилась. Лишь бы вы продержались эти два года, а там как-нибудь подниметесь. Если не в Эфиопии, то в другом месте, в ЮАР например. Там сейчас немало зажиточных людей, ты сможешь устроиться в приличную семью, где есть старые и больные. Для Налии тоже наверняка дело найдется — она девчонка грамотная, может и языки преподавать, и рукоделие. Может быть,

окажется, что все к лучшему.

Хоть он и имел опыт жизни в деревне, его все же подробно проконсультировали, что лучше заранее купить в столице, а что удастся раздобыть в Семере или в поселке. Из дома Айвар забрал, помимо личных вещей, только постельное белье, ковер и кое-какую посуду.

В больнице, как сообщил ему юрист, имелся электрический генератор и водопровод, но в поселке, расположенном на некотором расстоянии, об этой роскоши пока и не помышляли. Поэтому предстояло пополнять запас воды из колодца, пользоваться керосиновой лампой и жаровней с углем для подогрева пищи, а для гигиены служил раковина и выгребная яма на улице. Соответственно, пришлось основательно запастись канистрами для воды, туалетной бумагой и прочими чистящими средствами, спичками, батарейками для фонарика и электробритвы и многим другим, что прежде казалось обычным предметом повседневной жизни.

По дороге к поселку они ехали по скверному грунту на двух машинах — родители с помощниками на служебной, а Айвар за ними на своей «Ниве». Бесцветные пейзажи за стеклом вгоняли душу в состояние анабиоза, а мысли о будущем представлялись расплывчатой абстракцией. Айвар только теперь понял, что в условиях, в которых ему предстоит существовать, не будет вообще никакой отдушины и проблеска в однообразных мрачных сутках. Быт, годный для примитивных потребностей организма, был совсем не предназначен для духовных. Читать в доме, где нет окон, под вялый свет фонарика или керосиновой лампы, было бы слишком затратно, мобильной связи не было, а если бы и имелась, телефон негде было заряжать. Впрочем, юрист сообщил, что в районе больницы, а также в Семере, есть базовая станция и связь более-менее работает. И хотя Айвару сейчас и не хотелось ни с кем общаться, его повергало в ужас то, что свободное время придется посвящать одним разъедающим душу мыслям.

Наконец они прибыли. Поселок весьма походил на тот, в котором до сих пор обитала родня Айвара, и все прочие, построенные по привычному для амхарцев лекалу. Среди огражденных заборами небольших домов из жердей, скрепленных глиной, землей и навозом, то и дело попадались бедно одетые люди болезненного вида. Они таскали на голове разную поклажу, перегоняли скотину, хлопотали на грядках, сдирали и обрабатывали шкуру.

Одно из таких жилищ Айвару и предоставили на время его работы в медицинском пункте. Там имелось знакомое ему из прошлого грубое подобие мебели — лежанка из дерева и ременного переплета, пара низеньких деревянных скамеек и плетеный бамбуковый столик.

— За машину можно не беспокоиться, не угонят, — заверил Айвара юрист, — здесь население на такие штуки до сих пор смотрит со страхом или пренебрежением. Вот еще что: даже в самых бедных домах принято иметь хоть одного помощника по хозяйству, на собственном горбу всего не стащишь. Тем более ты городской, так что придется здесь кого-нибудь подыскать...

— Не нужно, — решительно возразил Айвар, — я сильный, и на себя одного мне много не потребуется, к тому же, большую часть времени все равно придется проводить на работе. Во всяком случае, я не желаю, чтобы здесь кто-то у меня путался под ногами.

— Парень, да это только на первый взгляд легко...

— Я сказал нет!.. — неожиданно крикнул он, и от этого вздрогнули все присутствующие.

Это был первый раз, когда любой из них услышал, чтобы Айвар повысил голос. Да и вообще с ним давным-давно этого не происходило, после ссор с сельскими родственниками

в юности. Потом он всегда обходился иными путями — в баре, если клиенты забывали о рамках приличия, ему достаточно было серьезно взглянуть или, в крайнем случае, сжать наиболее веселому запястье двумя пальцами, и это могло отрезвить кого угодно. А во время работы в больнице он со всеми старался быть мягче, считая, что незачем травить душу людям, которые и без того сломлены.

— Ну ладно, ладно, — произнес юрист, а Соломон молча положил руку на плечо зятя.

Напоследок помощники сказали Айвару, что на следующий день он может осмотреться и прийти в себя с дороги, а уже потом приступать к работе. После этого они уехали, чтобы засветло отвезти стариков в Семеру. Те поцеловали его на прощание, и оставшись наконец наедине с собой, Айвар сел на грунтовый пол, который застелил ковром, прислонился к стенке и закрыл глаза. С улицы доносился какой-то странный шум, совсем не похожий на звуковой фон любого города, и в нем чудилось нечто страшное и дикое. Ему вспомнились виденные когда-то сцены забоя скотины, сельских похорон, исполнения непонятных ему ритуалов, самосуда над провинившимися соседями. За много лет это успело превратиться в подобие снов, вывернутых наизнанку грез, а теперь те чудовищные образы, которым в этих снах поклонялись эфиопы, будто стояли наготове у него за стеной.

И будто в подтверждение присутствия чего-то постороннего и зловредного Айвар вдруг ощутил очень резкую боль в области лба. До сих пор он на здоровье никогда не жаловался. Сейчас же ему показалось, что к его голове изнутри притронулись раскаленной стальной иглой, и сознание охватил неодолимый страх.

Вдруг он невольно, сам к себе не прислушиваясь, заговорил, будто вторил какому-то страшному заклинанию, звучавшему в генной памяти:

**С той поры, что я живу, со мною
Ничего худого не бывало,
И мое выстукивает сердце,
Что и впредь худого мне не будет,
Я хочу обоими глазами
Посмотреть, кто это бродит в небе.**

Говорил он долго, на одной ноте, мешая амхарские слова с русскими, и из-за этого стихи звучали как некий древний, вымерший язык, выражение ужаса от столкновения с неведомым и необъятным. И в этот момент он сам уже, возможно, не помнил, что наука давно объяснила происхождение страшных глаз ночного неба.

СЕМЕРА

*По деревням собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи
За длинные безжалостные плети.*

Н. Гумилев, "Гиена"

1. Сон-трава

Так начались будни Айвара в поселке. Больница, где предстояло работать, была недавно построена и инфраструктуру в ней худо-бедно наладили, во многом благодаря инженерам из России. Часть хозяйственных корпусов была из дерева. Но в целом большой и благопристойный с виду комплекс уже не походил на страшные бараки из прошлого, представляющие собой перевалочный пункт по дороге к кладбищу. И все же постоянно не хватало коек, транспорта, антисептиков, перевязочных средств, сухожаровой шкафа был один на всю больницу и работал с постоянными перебоями. Главной проблемой был недобор компетентного персонала, невежество и кражи.

Многое, что Айвар увидел в первый день, напомнило о том, что он читал про ненавистный ему Орден милосердия Матери Терезы. Инструменты вместо кипячения норовили просто ополоснуть водой, часто не следили за чистотой белья, а то и вовсе укладывали пациентов на соломенные подстилки, размокшие и пропитавшиеся болезнью. Айвар успел побывать в разных больницах и наблюдал много безобразия, но теперь ему предстояло самому что-то делать с этими порядками — либо приспособиться и смириться, либо искать другой путь, который они так и не нашли вместе с Налией.

О ней он думал каждый раз, когда руки невольно опускались, и даже мысленно спрашивал ее совета. Айвару нелегко давались объяснения с теми, кто заведовал больницей: экономия на содержании людей в скотских условиях была грошовой, зато опасные инфекции благодаря ей распространялись со скоростью света. Айвар это считал очевидным, но в ответ услышал, что «там, в Аддесе, все уже зажрались».

Но все-таки он не сдался. Здесь люди не интересовались причинами его приезда из столицы, так как информация до провинции доходила слабо, и это неожиданно сыграло в его пользу. Поначалу в больнице к Айвару относились с досадой, а временами и с тревогой, но он все больше располагал персонал к себе и заодно понемногу обучал элементарным понятиям о нормальном качестве человеческой жизни.

К примеру, Айвар так изящно и интересно рассказал об опальном враче, научившем акушеров мыть руки и таким образом спасшем много жизней, что его сотрудники разглядели в историческом факте травлю добрых сил злыми, которая испокон веков порицалась в любой народной сказке. Со временем он привык рассказывать товарищам по работе все, чему его научили эфиопские и русские врачи, и умел делать это так, что они заслушивались и запоминали, принимая простейшие вещи не как скучную нотацию, а как некий странный, но интересный им вызов.

В молодости Айвар прочел памятную для любого чернокожего на свете книгу «Хижина дяди Тома» и скептически воспринял ту часть, где говорилось о проповедях главного героя на страшной южной плантации. Они смягчили и расположили к нему местных рабов, которые успели вконец очерстветь друг к другу и к собственной душе. И тогда Айвар откровенно над этим смеялся: можно подумать, что до бедолаги Тома там не появлялись другие мудрые, религиозные и сильные духом африканцы! Почему же никому из них не удавалось зажечь в этих несчастных проблеск человечности, а вот ему удалось?

Но жизнь показала, что все-таки есть люди, способные на такое больше прочих, и Айвар не без потаенного удовольствия понял, что сам является одним из них. Раньше, в счастливые годы, ему не приходилось заострять на этом внимание.

Начальство в конце концов доверило Айвару распоряжение инвентарем и надзор за уборкой, и как только он смог самостоятельно закупать анальгетики и средства гигиены, обстановка заметно улучшилась. И он понял, на какие рычаги следует нажимать, чтобы это устроило всех. Правда, мужчина трезво отдавал себе отчет, что не везде подобный дар может оказать действие, и в гостях у родителей Налии и шутя, и горестно делился с ними: «А ведь хорошо, выходит, что я не остался в России! Здесь приходится иметь дело только с полуграмотными дураками, которые даже о собственной выгоде мыслят нахватавшись чего-то с поверхности. А там на их месте были бы вполне сообразительные подонки, отлично знающие, чего стоит их навар на нищих и полуразвалившихся больницах. С такими я бы уже вряд ли справился».

Выезды в Семеру для Айвара были одним из немногих способов перевести дух. За стариками приглядывали слуги, хорошие и честные люди, но ему все равно приходилось контролировать расходы на хозяйство и лекарства, в особых случаях ездить за покупками, вызывать врача, какие-то процедуры выполнять самому, а главное — поддерживать их душевно. Агарь, как большинство женщин, сохраняла бодрость духа лучше, чем муж, который уже практически перестал покидать дом и только когда приезжал зять, соглашался ненадолго выйти на свежий воздух, опираясь на его руку. В присутствии Айвара старики слегка оживлялись, старались хоть немного отблагодарить его ответной заботой и непременно кормили его горячим супом и жареной картошкой. В такие моменты, за семейным столом, ему начинало казаться, что Налия просто уехала по работе и скоро вернется с хорошими новостями, а остальное было только страшным сном.

От нее время от времени приходили новости, краткие и сухие, без намека на душевное излияние. Впрочем, другого Айвар и не ожидал, но они вселяли в него хоть немного бодрости, которой в нынешних условиях крайне недоставало. Самое плохое было не в хозяйственных нуждах, с которыми он вполне справлялся, а том, какой унижительной казалась ему эта жизнь. Отчасти поэтому Айвар отказался от постоянного помощника и не желал никого подпускать к себе близко.

Помощь ему, по большому счету, и не требовалась: обеспечивать самого себя сейчас было несравненно легче, чем работать из-под родственной палки, когда он был подростком. На машине было несложно наполнить все имеющиеся канистры колодезной водой, запастись в Семере керосином, а в самом поселке купить сигарет и самой простой провизии, которую и не нужно было готовить. Айвар быстро привык питаться одним хлебом, творогом и медом. Но все это приходилось успевать до заката солнца, а керосина и воды всегда должно было хватить на непредвиденный случай. И теперь Айвар хорошо понимал, что в уме, озабоченном подобными правилами, нет места для чего-либо абстрактного и неосязаемого.

Дни для него теперь проходили одинаково, начинаясь с интуитивного, без помощи всякой техники, пробуждения. Предстояло разжигать керосинку, заливать воду в рукомойник, идти в туалет, который он огородил фанерными стенками, умываться, пить суррогатный кофе и собираться на работу. В больнице имелся кое-как оборудованный душ, под которым можно было смыть пот в конце дня, а белье и рубашки приходилось застирывать дома самому. Вечером оставалось поесть, прибраться, выглянуть на уже темнеющую улицу, которая все еще почему-то его притягивала, и ложиться спать. Впрочем, за этими хлопотами было легче коротать дни, притупляя хроническое чувство безнадежности.

Помимо выездов в Семеру, один раз Айвару пришлось добраться и до столицы. Его сильно напугал приступ головной боли, который накатил в день переезда, и впоследствии эти спазмы стали повторяться, сопровождаясь сильной тошнотой. Несколько товарищей из госпиталя Красного Креста, когда он им на это пожаловался, охотно пошли ему навстречу, помогли сдать все анализы и даже пройти томографию мозга, хоть и тайно.

Никаких новообразований, к счастью, исследование не выявило, однако по клиническим симптомам медики предположили, что Айвар мог незаметно подхватить какой-то вирус в одной из рабочих поездок, который сказался на внутричерепном давлении. Врач пояснил, что такое осложнение могло вообще никогда не проявиться, но из-за сильного стресса, должно быть, сорвалась какая-то пружина.

— По-моему, теперь тебе уже точно надо уехать в Россию, хотя бы до освобождения Налии, — заметил он. — Там и лекарства лучше, и климат более щадящий для твоей бедной головы, Айви. Ей и так по жизни много досталось.

— Как раз теперь об этом не может быть и речи, — возразил Айвар. — Налия будет страдать в Африке, а я дышать здоровым морским воздухом? На кого я стариков здесь оставляю? А больница? На меня там рассчитывают, у меня есть задача, а с этим давлением можно протянуть очень долго. Да и кому я там нужен, в России-то?

Однако он умолчал еще кое о чем: помимо чувства долга перед семьей и пациентами, его удерживал пробудившийся странный азарт, с которым он хотел победить не только бедствия в отдельной африканской провинции, но и что-то в себе самом. Айвару казалось, что жизнь бросила ему совсем особый вызов, и он понемногу входил в его пикантный вкус.

Диуретические препараты ему все же назначили, но со временем вспышки головной боли участились, особенно к ночи и с наступлением рассвета. К тому же, климат в Афаре был очень жарким и засушливым, а в деревне постоянно стоял тяжелый смрад.

Занять себя в домашних стенах было нечем, и Айвар шел в поселок в предзакатное время — хотя поначалу местные боялись его угрюмого взгляда, постепенно он с ними поладил. Он по-прежнему дивился скудоумию эфиопской бедноты. Они могли устроить могильник для сброса палых животных и останков освежеванных рядом с местом, где пасется еще здоровый скот. В другой раз хозяева не выбрасывали тушу серьезно больной скотины, считая, что достаточно отрезать пораженную сепсисом конечность, а остальное мясо поделить. Часто не смущались и тем, что в ведрах с молоком заводятся опарыши. По этим причинам Айвар никогда не покупал и не брал даром никакой еды в деревне — в Семере с санитарной обработкой обстояло чуть лучше.

Но он всегда жалел их и помогал, когда требовалось что-то починить, поднять или привезти на машине, когда кто-то заболел или калечился. Айвар никогда не держался высокомерно и помнил, что является одним из этих людей, что его предки жили в таких же условиях и лишь благодаря целеустремленности отца и матери он смог получить достойное воспитание. О себе он почти ничего не рассказывал, кроме того, что работал в больнице и жил в Аддис-Абебе, которая для соседей была как недостижимый мираж.

Впрочем, временами самому Айвару все, что было до светлых дней в госпитале и с Налией, казалось сном или выдумкой. Он давно не удивлялся тому, что все простые эфиопы живут только сегодняшним днем, не ведая ностальгии, и сам понемногу начинал забывать это чувство. Покажи кто-нибудь ему сейчас того парня, который шел от бара до городской окраины по залитому тусклым светом фонарей шоссе, или того негритенка, который от души радовался проплывающему мыльному пузырьку, яголке земляники в траве или севшей на

ладонь бабочке-капустнице, — он, возможно, не узнал бы ни того, ни другого.

Из страха, что одиночество разрушит его рассудок, Айвар стал больше общаться с сельскими жителями, которые прониклись к нему теплотой и благодарили за помощь какими-нибудь мелкими услугами. В разговорах он не был особо активен, да и усталость от работы не всегда позволяла, но все же наблюдал за междуусобицами соседей, прислушивался к их житейским незамысловатым проблемам без налета психологизма.

Но чаще он все-таки проводил время один, сидя у порога дома и затягиваясь очередной сигаретой. Временами Айвар заново обдумывал все, чем обернулись их планы и мечты о переустройстве местного общества, о благих переменах. Он думал о жене, о своем призвании, которое воспринимал не как помощь организму в естественных потребностях, а как наставление человеку не сдаваться и любить жизнь в ее прекрасных проявлениях. И о бедных невежественных людях, которым внушили, что их нищета и болезни являются божьей проверкой на благочестие, и о тех, кто под красивой вывеской идеологии и религии удерживает страну в эшелоне «беднейших», чтобы получать гуманитарную поддержку, быстро расходящуюся по «нужным» рукам. Им почему-то не хочется заедать молитвами червивое молоко и лечиться заклинаниями, у них есть хорошая пища и места в современных клиниках на Западе. Думал он и о тех родителях и наставниках, которые часто по-живому ломают молодое сознание на этапе становления человеческого достоинства, убеждая: терпи, так надо, так везде, так угодно богу...

Но впрочем, разве только здесь так? Ведь и в России он встречал нечто похожее. Вдруг Айвар вспомнил о том, с каким изумлением посмотрел на него Андрей Петрович Ли, когда он рассказывал о своей мечте заботиться о безнадежно больных. Ему до сих пор оставалось непонятным, почему эти люди так решительно не хотели, чтобы он жил среди них. Но по мере того, как протекали дни, Айвара все меньше занимало прошлое — увы, в настоящем его дела были нерадостны. Головная боль, которая первые месяцы была просто неприятной и надоедливой, переросла в настоящее мучение. Большую часть дня мозг был заполнен душной тяжестью, иногда простреливало в виски, а на рассвете и закате начиналось жуткое сверление. Теперь уже он просыпался именно от боли, и так в его жизни появились опиумные анальгетики, которые кое-как ее гасили, но угрожали новой бедой.

Началось с того, что врач в родном госпитале выписал Айвару назначение на таблетки морфина, строго наказав принимать их в минимальных дозах и только в крайнем случае. Они были хоть и опасными, но доступными и дешевыми в Африке, где все активнее разводили снотворный мак. И во многих регионах, в том числе в Афаре, другие обезболивающие было сложно достать.

Айвар не хуже своих товарищей понимал, что такое морфин, но боль, тошнота, пару раз приводящая к мучительной рвоте, и разбитое состояние души привели к тому, что он все же попробовал. Анальгетик не только притупил боль, но и помог собраться с мыслями, отвлек от переживаний и даже немного обострил реакцию и память. Когда же Айвар спохватился, было поздно: обходиться без таблеток он уже не мог. В первый раз он принял начинающуюся ломку за обычное дурное настроение и расстройство сна, но потом, когда подушка по утрам была мокрой от пота, а мышцы сводило болезненной судорогой, понял, что теперь все только начинается. И снова всплыл в памяти подкинутый ему гашиш, будто черная метка об отсроченном, но неизбежном крахе.

Вскоре предсказуемо стали появляться другие симптомы — головокружение, сухость во рту и горле, запоры, а хуже всего было то, что усугубилась тошнота, которая на первых порах

немного отступала. Поэтому к вечеру Айвар стал принимать таблетки заранее, пока боль не успевала разгореться и можно было забыться нездоровым, но хоть немного разгружающим сном. Курил он с тех пор только в рабочее время или в Семере, боясь уснуть при непогашенной сигарете.

В этот момент, когда он чувствовал себя виноватым и перед женой, и перед Соломоном и Агарь, и перед своими родителями, которым, слава богу, не довелось узнать о таком позоре, его спасла только работа. В течение дня, полного больничных тягот, Айвар почти забывал о своих бедах, а физические нагрузки немного насыщали кислородом его сдавленный мозг и выводили из крови опиумную отраву.

А прежде всего он как мог противился разрушению личности, которым грозили любые наркотики, считал себя обязанным сохранять порядок в жилище и содержать в чистом и достойном виде собственное тело, как бы ни было плохо внутри. Он и прежде никогда не позволял себе поленился и не помыть хоть кофейную чашку, хоть ведро, которым иногда приходилось пользоваться, любил есть из нарядной посуды и спать в хорошем нижнем белье, знал, что все это можно достать за вполне умеренную цену. Главный вопрос был в бережности. Теперь он чувствовал, что нарушение прежних порядков окончательно затянет его в пропасть.

А умирать Айвар пока еще не хотел. Какая-то неведомая сила, будто острый и горячий заряд адреналина, разбавляла в крови ядовитый осадок и гнала ее по перегруженным сосудам. И каждое утро он через силу причесывался, брился, ополаскивал лицо холодной водой, надевал свежую рубашку и ехал в больницу. А по дороге уже начинал ощущать, что жизнь понемногу возвращается.

Ему даже нравилось видеть, как придорожные унылые пейзажи освещаются ранним солнцем и на обочинах появляются такие же угрюмые на вид, как он, чернокожие люди с караванами скота и различной поклажей на голове. Другие машины здесь попадались редко, и он со своей родной «Нивой» всегда привлекал внимание путников. Не раз ему доводилось по дороге подвозить уставших или больных прохожих.

На работе Айвар справлялся с болью гораздо лучше, чем в своем убогом домашнем досуге. Его отвлекали разговоры с молодежью — практикантами из Семеры, которые с удовольствием слушали рассказы о разных больницах в Эфиопии и в России, о дружбе медицинского братства между двумя странами, о принципах контакта с пациентом на Западе, об обратной стороне благотворительности и гуманитарной помощи и еще много о чем.

От болей и тяжелых мыслей Айвар заметно изменился: он стал более суровым и резким в работе, часто вставлял циничные и язвительные замечания, которые, впрочем, никогда не переходили в оскорбления. Случались у него и всплески грубости, но подчиненные, как и пациенты, чувствовали за этим скрытое страдание и между собой говорили: «Ничего, он добрый, хоть и кричит».

И так он приучил младших медиков бережно относиться к порядку в больнице, следить за тем, перестелено ли белье, получили ли больные еду и моются ли вовремя котлы, в которых она варится. За попытки воровства он наказывал персонал строго, но такое случалось все реже, и работники хозяйственного блока благодаря сплоченному контролю Айвара и учеников стали работать прилежнее, хоть и досадовали. «Ведь можете же, когда на вас нажмешь!» — со сдержанным удовольствием замечал старший медбрат, которого здесь уже многие называли «дядей Айваром», и это ему казалось трогательным, забавным, и

грустным. Иногда, особенно по вечерам, когда суматоха немного утихла, работники напевали в такт делам любимые негритянские мотивы, и Айвар изредка к ним присоединялся.

Хорошо к нему относились и пациенты, а главное — их близкие, которые зачастую надолго лишались главных кормильцев, так как с мужчинами несчастные случаи происходили чаще. Жены часто сами ухаживали за больными мужьями и прибирались в палатах, и по настоянию Айвара их вместе с детьми немного подкармливали. Детям здесь даже нравилось — им всегда разрешали порисовать углем на заборчике, и Айвар жалел, что пока нет возможности оборудовать для них место отдыха, как уже делалось в европейских больницах.

Однажды произошел и совсем необычный для Айвара случай. В больницу привели совсем молодую женщину с ушибами, перебитой рукой и подозрением на внутреннее кровотечение, и с ней пришла мать, хотя обе были настолько изможденными, как все бедные африканские селянки, что их сложно было бы различить. Был с ними и молодой невысокий, но крепкий мужик, как сразу сообразил Айвар — муж пострадавшей. Он придерживал жену под руку, приветливо улыбался персоналу и всем видом выражал беспокойство, однако Айвару сразу что-то в нем очень не понравилось. Когда тот, собираясь уходить, прикоснулся к плечу жены, Айвар заметил, как ее губы дрогнули от гадливости и страха, и понял, что именно муж и довел ее до такого состояния.

Выйдя вместе с сопровождавшими больную во двор, Айвар, ни слова не сказав, схватил мужика за шиворот и поднял над землей так, что его ноги нелепо обвисли, а широкие полотняные штаны моментально потемнели. Его лицо перекошилось от страха.

— В следующий раз, — негромко и отчетливо сказал Айвар, кивнув на скопившуюся на земле лужу, — швырну об стену, и это уже будут твои мозги. Понятно?

Он заметил, какой взгляд при этом был у матери избитой девушки, а позже, когда той оказали помощь, они обе рассказали ему довольно банальную для Африки историю ее брака. Пока девушку лечили, мать помогала санитаркам за ней ухаживать, а заодно прониклась трогательной заботливостью и к Айвару — то пришивала оторвавшуюся пуговицу, то приносила из дома зеленый кофе и сушеные финики.

Когда девушка окрепла, Айвар написал в город ее дяде, который, узнав, что муж плохо с ней обращался, взял ее вместе с матерью под опеку по мусульманским традициям. Муж сначала пытался ее вернуть, но быстро отстал, а позже его убили в одной из драк, которые были частыми у любителей дешевого местного рома.

А особенно Айвару запомнился разговор с одним больным. Это был мужчина лет шестидесяти, но на вид уже дряхлый старик, с изможденным телом и удивительно живыми и ясными глазами, которые блестели на его иссушенном лице с пепельным налетом как тлеющие угольки.

Когда они разговорились, оказалось, что старик был хорошо образован, а главной его страстью была история древней Абиссинии. Айвар читал ему любимые стихи Гумилева, в особенности такие неординарные, как «Детская песенка», где содержание диким образом контрастировало с невинным заголовком. И это было по вкусу собеседнику, который в своем тяжелом состоянии сохранял бодрость духа, ироничное отношение к жизни и знакомую Айвару любовь к хулиганству. Он с удовольствием поведал медбрата множество памятных ему исторических анекдотов о древних и более-менее новых властителях, с разной степенью провокации, народной меткости и злости. Особую неприязнь старик почему-то питал к

христианству, и будучи убежденным атеистом, заявлял, что на худой конец обратился бы к диким кушитским верованиям, но не к нему.

Однажды, принимая от Айвара очередную дозу лекарства, старик вдруг сказал так тихо, задумчиво и отстраненно, что тот не сразу понял, что эти слова относились к нему:

— Не в то время родился ты, сынок, ох не в то...

— А когда же мне стоило родиться? — с усмешкой спросил Айвар, когда разобрал его слова.

— Да уж где-нибудь на заре Эфиопской империи, когда по этой земле бродили племена, поклоняющиеся творцу Йигзару. В то время люди были куда более честными, чем при нынешней вере, это я тебе точно говорю.

— Возможно, так и было, — мягко ответил медбрат. — Только кем бы я там стал, в этой империи, когда из всех лекарств в ней знали только этот дивный цветок?

Тут Айвар указал на татуированное изображение хагении на своей шее.

— А кем тебе быть, друг мой? Шаманом, конечно, — строго произнес пожилой человек. — Да ты и всегда им был.

Больница для Айвара была еще и пунктом связи — отсюда, когда не было перебоев с сигналом, он мог связаться с родителями жены и узнать о текущих проблемах. Сами они часто стеснялись о чем-то попросить, и тогда его ставила в известность прислуга. Можно было и купить неподалеку свежий номер «Аддис-Зэмэн» — его забавляла очередная порция государственного оптимизма. В Семере удавалось найти место, где работал интернет, и узнать, нет ли от кого-нибудь непрочитанных посланий. Айвар заблаговременно сообщил Оле, что у них с Налией проблемы на работе, из-за которых они пока не смогут приезжать, но о переводе для Павлика не забыл ни разу.

Так минул целый год с того времени, как Айвару пришлось здесь поселиться. Впрочем, по самочувствию и по тому, что отражал осколок зеркала в его жилище, ему казалось, что постарел он гораздо больше.

Ему крайне редко звонил кто-то, помимо родителей Налии или их помощников (поговорить, разумеется, можно было только в рабочее время). Поэтому звонок с незнакомого номера удивил и насторожил. С тревогой — вдруг плохие новости о жене, — Айвар взял трубку, отозвался на амхарском языке, но к изумлению, в ответ услышал русскую речь, от которой в последние годы основательно отвык.

— Айвар? Айвар, это ты? — спросил женский голос. — Ты не сменил номер?

Последнюю фразу Айвар разобрал и понял, что звонит кто-то знакомый, но голоса он припомнить не мог, к тому же ему было сложно подобрать слова по-русски. Еще несколько лет назад русские друзья отмечали, что у него усилился акцент, а сейчас он уже думал почти исключительно на амхарском.

— Да, это Айвар Теклай, а кто спрашивает? — ответил он наконец по-русски. — И откуда вы знаете мое имя?

— Это Нерина Ким, Айвар... Ну... Нери, из Питера. Помнишь?

Из этих прерывисто и нервно прозвучавших слов Айвар выхватил одно — «Питер», и почему-то именно к нему прибилося все остальное, как бусины к узелку на ниточке. Нерина. Нери, как он называл ее когда-то... Странная история, странная девушка, странное имя, с которым был связан важный перелом в его жизни и одно из самых больших разочарований.

— Да, я тебя слушаю, — сказал он, осваиваясь с еще живой в памяти речью.

— Ты знаешь, я сейчас нахожусь в Эфиопии, по работе. Мне бы хотелось тебя увидеть,

если это будет удобно. Я понимаю, как это неожиданно, но мне очень нужно тебе рассказать кое-что важное.

Айвар чуть помедлил и ответил:

— Вообще-то не вполне удобно — я сейчас живу не в Аддис-Абебе, а довольно далеко от нее, тебе будет сложно меня найти. Ты же наверняка сейчас там?

— Да, но ты скажи, куда мне стоит приехать...

— Лучше всего встретиться в Семере, туда есть прямой рейс, ты узнаешь. Я раз в неделю езжу в этот город к родным, давай там заодно и пересечемся. Только пораньше: в округе плохо с электричеством и мне не хочется потом вести машину в темноте.

Они договорились о дне и времени. Айвар, конечно, был удивлен этим неожиданным звонком и не представлял, что важного ему может поведать эта давно и безнадежно чужая женщина, но в то же время предполагал, что для нее предмет разговора действительно почему-то представляется важным. И по старой привычке понимать и выслушивать других Айвар, иронично подумав: «Да, Теклай, ты неисправим», согласился на него.

2. Кровь и орхидеи

Нерина Ким прибыла в Семерский аэропорт в полдень по местному времени, с людьми, которые согласились проводить ее за определенную сумму. Она приехала в Эфиопию первый раз за двенадцать лет, успев выучиться на социолога и антрополога и поработать в социологическом центре Академии наук, а также написать немало статей для журналов «История и современность» и «Власть».

Любимой темой для Нерины оставались связи русских диаспор за рубежом с исторической родиной, их взгляд на Россию и перспектива возврата в нее талантливых людей. Африка не была ее профилем, но исследовательской группе, занимающейся влиянием православия на динамику развития общества, требовался обозреватель из Петербурга, способный написать актуальный и резонансный материал. Целью группы на данный момент были Аддис-Абеба и Лалибела, основное ядро христианства в Эфиопии.

Научные руководители Нерины имели связи с этой группой, и когда она узнала о грядущем мероприятии, то выразила горячее желание помочь коллегам. Ее порекомендовали, и кандидатура была принята без особых возражений. И теперь она шла по незнакомому прежде ей городу в одном из беднейших регионов страны, где царило запустение, написанное водянистой серо-бурой краской и созвучное тому, что творилось в ее душе.

Нерина сильно изменилась — длинные локоны сменила типичная стрижка дамы, панически боящейся старения, исчез ее блуждающий взгляд, неловкие улыбки и не всегда понятный смех. Теперь она ровно и лояльно держалась со всеми в рамках должной субординации, и прежде живое лицо, и жалкое, и притягательное, выглядело замороженным.

Но обстоятельства, которые подтолкнули Нерину к поездке, удивительно походили на прежние, когда она так же поехала в Африку не столько от тяги к познаниям, сколько из желания убежать от себя. И снова подтолкнул ее к этому Костя, теперь уже Константин Сергеевич Ким и ее законный муж.

Чтобы прояснить, как это все случилось, следует на некоторое время возвратиться в Санкт-Петербург и оглянуться на события, происшедшие вне поля зрения и интереса Айвара, но странным образом связанные с ним.

Нерина не могла никому признаться, что в ту ночь ее толкнуло к Айвару не только отчаяние, но и любопытство. Ей очень хотелось проверить себя: вдруг она все же почувствует то, о чем пишут в тех самых романах, поймет, в чем таинственная ценность секса помимо зачатия? А тут повстречался добрый, деликатный, уступчивый парень, которому в крайнем случае можно просто заплатить.

И на какой-то миг ей показалось, что она нащупала эту ценность: когда тело остается безразличным или даже болит, душа упивается эстетической красотой и пьянящим чувством запретности. Поэтому она не жалела об этом знакомстве, надеясь сохранить о нем добрую память.

А потом роковой разговор с сокурсницей натолкнул Нерину на мысль о браке. Она решила, что Айвар идеально годится на роль мужчины ее мечты, — одинокий, мечтательный, сдержанный в интиме и внешне похожий на те образы, которые возникали в уме от любимых ею произведений Серебряного века. Такое любой атеист счел бы за божий промысел, как размышляла Нерина, и то, что между ними не было любви, ее не смущало.

Точнее, девушка была уверена, что люди лукаво называют любовью именно практическое соответствие своему идеалу.

Но в России аромат декадентского приключения быстро выдохся, а Айвар стал современным, уверенным в себе человеком европейского воспитания, который залечил раны и хотел просто и по-земному радоваться жизни. И главное, ждал от нее того же, намекал, а то и говорил прямо, что пора уже расти, а не лелеять свои комплексы, обиды и страхи. Это задевало ее самолюбие и все чаще наводило на мысль, что ей, в общем-то, не так уж скверно жилось и без Айвара. К тому же, Костя до обидного быстро отступил (про его визит к клубу и загадочную посылку Айвар, конечно, Нерине не рассказал), и это значительно ослабило концентрацию романтики и адреналина.

Затем обострились и интимные проблемы: боль и дискомфорт, которых Нерина почти не заметила в Африке, когда редкая близость была глотком свободы и экспериментом над собой, а не долгом перед мужем, пусть и будущим. И когда неприязнь Нерины к сексу стала для Айвара очевидной, он уговаривал ее сходить к врачу, обещал составить ей компанию, а потом понял, что этого она как раз и не хочет. «Ну тогда иди одна, и можешь даже ничего мне не рассказывать, если тебе неловко, но только сходи и выполни все указания!» — настаивал молодой человек.

Айвар не знал, что согласно материнской науке жалость и забота мужчины считалась для Нерины чем-то страшным, будто ставила на женщине клеймо непригодности. Так его снова подвела собственная доброта, но поначалу Нерина надеялась расстаться по-хорошему и хотя бы помочь ему с видом на жительство, чтобы они сохранили дружбу.

Однако здесь уже вступил Андрей Петрович, который не желал видеть этого сомнительного эфиопа в Петербурге ни в каком качестве и после скандала с наркотиками отбросил всякие церемонии.

— Ты себя на помойке нашла, Нерина? — воскликнул он. — Чем он тебя обворожил? Тем, что выслушал? Что кофе с конфетами дал? Что не взял денег за услуги? Ну так он же рассчитывал получить гораздо больше! Да я все могу понять, но нельзя же быть такой доверчивой! Тащить его в наш дом, сажать за наш стол, чтобы мы его кормили со своего очага! Ты хоть понимаешь, что он прежде мог трогать этим ртом, в который ты его еще и целуешь у нас на глазах?!

— Надеюсь, ты не обольщался, что у твоего любимого Костика я была первой женщиной? — устало отозвалась дочь.

Андрей Петрович, конечно, так не думал, и положила руку на сердце, вряд ли смог бы толком объяснить, почему это «совсем другое дело». Но в принципе надавить на Нерину оказалось не так уж сложно, и после некоторых умелых намеков она и сама стала склоняться к вере, что это Айвар «присмотрел» ее в своих интересах, а не наоборот. И страшная находка, которая так или иначе оказалась у парня в кармане, в тот момент выглядела просто подарком судьбы.

После отъезда Айвара Нерина несколько месяцев пыталась избавиться от всяких напоминаний о путешествии в Эфиопию, стерла все немногочисленные совместные фотографии, а подаренный Айваром кулон убрала в дальний угол на старой родительской даче — продать его вместе с так и не пригодившимся платьем не решилась. И в этот нелегкий период именно Костя Ким сумел вернуть ей интерес к окружающему миру.

Вопреки мнению Оли, их брак не был какой-то архаичной сделкой, хотя со слов Надежды Павловны, которая не стеснялась хвалиться перед ее матерью, действительно

могло так показаться. Но в реальности Нерина пошла на это вполне добровольно и долго чувствовала себя если не счастливой, то по крайней мере довольной жизнью, так как это был уже не совсем тот Костя, которого она знала прежде.

Его предки обжились в Петербурге очень давно, входя едва ли не в первую сотню корейцев, отмеченных в переписи населения города за 1926 год, но семья, как и многие корё сарам, ревностно относилась к традициям как к гаранту идентичности. В их доме дети обращались к отцу и матери на «вы», имелась «мужская» и «женская» территории, поскольку семья могла себе это позволить. Но Костя с детства чувствовал, что в этих порядках гораздо больше холодности и демонстративности, нежели взаимного уважения. И соблюдая внешний этикет, он по мере наступления «опасного» возраста и понимания, что атмосфера в семье не такая чинная и благородная, как кажется издали, все больше отстранялся от родительского авторитета по существу.

С отцом, Сергеем Александровичем Кимом, у него произошел разлад именно на почве отношений с Нериной. Тот, как большинство состоятельных людей, всегда имел любовниц просто потому, что это было принято в их кругу, и не одобрял, что сын пошел на поводу у капризов и ревности девушки, пусть и будущей жены. По мнению отца, все, что происходило далеко за пределом семейного очага, никоим образом не касалось мира и покоя всех его обитателей. «Нельзя допускать, чтобы супруга знала о некоторых вещах, но ущемлять себя в „маленьких радостях“ для мужчины деструктивно и бессмысленно. Какая разница, где глава семьи черпает энергию, если ее плодами пользуются родные люди?» — так любил говорить Сергей Александрович подростовому наследнику.

И раньше Костя, возможно, согласился бы с ним, но теперь эти наставления показались фальшивыми и пошлыми. Ладно бы отец сказал прямо, что выше всего ставит свои удовольствия и ему плевать на то, что об этом думает жена. Не так же он глуп, чтобы искренне верить, что мать не в курсе? Но нет, надо прикрываться красивым мракобесием, давно вышедшим в тираж. Костя мыслил гораздо более современно и понимал, что времена, когда женщины по умолчанию не могли повлиять на свою судьбу и вынуждены были терпеть любые мужские выходки, давно прошли. Примерно это он однажды и высказал отцу в лицо, но в гораздо менее корректной форме. Сергей Александрович тогда, конечно, оторопел, и если бы не знал сильных сторон сына, то ответил бы ему на такую дерзость не только словами, но и денежным кнутом. Но он в первую очередь воспитывал преемника в делах, для которого самостоятельность суждений была необходимым качеством. Поэтому, отчитав Костю для виду, старший Ким даже заужавал его после столь откровенной отповеди и отстал с поучениями на личную тему, принявшись с удвоенной энергией готовить сына к продолжению дел.

При внешней вседозволенности, внутри семьи Костя всегда отлично знал не только свои права, но и обязанности. Ему очень многое позволялось и прощалось, но во всем, от чего зависело дальнейшее семейное процветание, — учебе, подработке, деловых контактах, — с наследника, по его выражению, драли семь шкур, и по этому поводу он никогда не задавался вопросами и тем более возражениями. И убедившись, что воспитание дало плоды, отец стал доверять ему и свыкся с тем, что далеко не всегда восточные порядки сгодятся для ведения бизнеса в России.

Их семья владела сетью ресторанов, которые пользовались популярностью в Питере, но в последнее время бизнес стал слегка стагнировать. Когда Костю сделали полноправным помощником, он заметил, что этнический антураж быстро приедается, а кроме того,

индустрия общепита выходит далеко за пределы парадного досуга и нужно быть гибче, осваивать все сферы, так как мир то и дело сотрясают разного рода кризисы, от которых рестораторы страдают одними из первых.

Отец поначалу был недоволен пренебрежением к родовым традициям, но все-таки решил дать ему волю в креативных экспериментах, с одним только условием — «потом не жалуйся». И Костя в первых пробах сделал ставку на урбанистическую европейскую культуру, которую считал лицом Петербурга. Конечно, фестивали этнической культуры и кулинарии он всегда посещал, но в основном из любопытства и для полезных знакомств, а сам был неприхотлив в еде и русскую кухню любил не меньше корейской.

Его идеи имели успех — рестораны вновь стали привлекать горожан и туристов, и прибыль росла в соответствии с рейтингом. Поняв, что убеждения сына себя оправдывают, Сергей Александрович расширил его полномочия, а когда Косте исполнилось тридцать лет, переоформил на него одно из заведений, расположенное невдалеке от Финского залива. Там к этому времени Костя и жил вместе с Нериной, в большом таунхаусе. Молодой хозяин стал еще более ответственным и жестким в делах к себе и другим, чем раньше, и завоевал в профессиональных кругах уважение, уже не связанное с заслугами отца.

По мере того, как Костя возмужал внутри, поменялась и его внешность, которую раньше можно было назвать просто очень милостивой. С годами он стал по-настоящему красивым, в нем появилось нечто сурово-умудренное, напоминавшее скорее облик молодого индейца. Черты лица у него слегка огрубели, но при этом стали даже благороднее, чем прежде, а едва уловимое косоглазие придавало взгляду неожиданный шарм.

Он по-прежнему нравился женщинам, но когда у них с Нериной установилась гармония, тяга к пустым интрижкам прошла, словно временный недуг. «Будем считать, что и я, и этот парень отделались легким испугом» — сказал Костя себе, когда назначили день свадьбы, и с тех пор думал о былых похождениях исключительно как о веянии юности, которое так же нельзя протащить в зрелую жизнь, как игры в песочнице.

Первое время, стоит заметить, он действительно был счастлив. Они снова стали близки в поездке по Корее и Филиппинам, куда Костя позвал Нерину развеяться. Конечно, соглашаясь на такое, девушка предвидела, что он захочет возобновить их роман, но это казалось единственным выходом из ее отчаянного положения. Мать заблаговременно дала ей совет не упускать такого шанса, а если потребуется, то и самой проявить инициативу, после которой молодой человек растает и точно не отвертится от законного брака. «А за все хорошее нам, женщинам, приходится платить, Нери, — заявила она, — и за внимание, и за подарки, и за надежное будущее».

Нерину это не особенно пугало: все-таки она хорошо знала Костю и ничто в нем не вызывало у нее отторжения. Другого она больше не ждала, решив, что ей все-таки не дано способности проникаться и наслаждаться сексом, а Айвар просто обворожил ее своей африканской энергетикой.

Оставалось не допустить, чтобы Костя это понял, приложить всю женскую деликатность, хладнокровие и лукавство. Однако в итоге девушка столкнулась с совсем другой сложностью, которая сбила ее с привычных ориентиров подобно урагану.

Это было затмение, из которого Нерине почему-то запомнился приторный запах орхидей, прохлада кафеля в гостиничной ванной, куда она пошла расчесаться и подкраситься, босая, в воздушном пляжном платице нежно-фисташкового цвета. Костя, заглянув в дверь, сначала не хотел ей мешать, но она приветливо спросила, в чем дело.

Насколько отложилось в памяти, он сказал, что шел за бальзамом после загара, и Нерина вдруг вызвалась помочь ему намазать спину. Конечно, не обошлось без мысли о советах матери: девушке показалось, что это неплохой момент показать Косте свою податливость и смелость и таким образом вернуть его мужской интерес. Он спокойно согласился, но едва Нерина хотела завернуть майку ему на плечи, как ей вдруг стало не по себе. Девушка быстро отвернулась, не понимая, как быть дальше и что ему сказать. То, чего ей сейчас хотелось, от чего болело и раздирало внутри, было просто нельзя озвучивать.

Но Костя, к счастью, сразу понял, в чем дело, и сначала просто обнял Нерину сзади за плечи, мягко коснувшись губами ее затылка и шеи. Возражений не последовало, и он стал аккуратно нажимать ладонью на открытую спину девушки, принуждая ее нагнуться.

— Костя... — успела сказать Нерина и в следующую секунду тело пронзила почти такая же боль, как в первый раз. Почему-то она не вскрикнула, не попыталась вырваться, только на периферии сознания мелькнула злорадная мысль, что ему сейчас должно быть не менее больно. «А ты как хотел? Ну давай, почувствуй себя „властным героем“ из романов, узнай, каково на самом деле овладевать и доминировать по сухому! Ты, оказывается, такой же наивный, как я, Костик».

Ее догадка была верна: Косте действительно показалось, что по его плоти провели наждаком, но он почему-то не остановился. Возбуждение только усилилось от боли, и он, стиснув зубы, стал двигаться все более резко, пока природа не взяла свое и обоим стало немного легче. Он обхватил девушку поперек груди, грубо ее сжимая, и почувствовал, как она стала подаваться бедрами ему навстречу.

— Вот так правильно, помогай, — сказал он и хлопнул ее по ляжке. Это было что-то новое: Костя вообще-то был уравновешенным парнем и раньше никогда не подумал бы вот так воспользоваться телом девушки (любой, а уж тем более Нерины), наплевать на ее согласие, готовность и даже мало-мальский комфорт. Но сейчас для него существовало только желание. Он и обожал все ее изгибы, движения, узелки сосудов и нервов под тонкой кожей, и немного ненавидел за то, что сейчас они лишали его человеческого облика и всякого уважения к любимой женщине. И самого себя тоже ненавидел, но все-таки ему было хорошо как никогда и ни с кем прежде.

Когда боль понемногу ослабла, Костя прижался щекой к ее шее. На грудь Нерины свешивалась спутавшаяся тяжелая масса черных волос, и она уже не различала, где были ее волосы, а где Костины.

Она не сразу поняла, почему Костя вдруг резко оборвал процесс и выпустил ее. Спустя несколько секунд он резко выдохнул, произнес какую-то жуткую смесь из русского мата и неизвестных ей корейских слов, а потом сказал, легонько поцеловав Нерину в основание шеи: «Похоже, ты начинаешь выздоравливать, солнце мое».

Что ответить, Нерина не знала: лицо у нее горело, волосы спутались и липли к влажной спине, дыхание сбилось от быстрого, даже сурового темпа, на плечах и бедрах остались яркие следы его крепких пальцев. Наконец она обернулась и резко вцепилась в его длинные волосы так, что он охнул от неожиданности. Когда он дернулся, слегка испугавшись ее покрасневших щек и дрожащих губ, Нерина замахнулась и против воли слишком сильно ударила его в переносицу. Тут же брызнула бордовая струя, расплываясь мутными пятнами на его белой майке.

Едва Нерина опомнилась, Костя вдруг притянул ее к себе и стал жадно целовать в губы. От соленого вкуса во рту девушку замутило и она стала вырываться, упираясь ему в грудь.

Наконец он сам ее отпустил, и Нерина кое-как ополоснула рот, отдышалась и произнесла:

— Ты что, больной?

— Да уж не больше, чем ты, — усмехнулся Костя, вытирая кровь. — Девочка моя, да ты чем так недовольна-то? Слишком быстро получилось, да? Ну бывает, я все-таки переволновался, в следующий раз исправлюсь. Договорились?

«Ну и парень! Самообладание как у бронетранспортера» — подумала Нерина. Тут женская склонность к участию напомнила о себе, и она помогла ему промыть нос влажным тампоном. Костя при этом сохранял подчеркнуто самодовольный вид, и Нерина ехидно спросила:

— Что, Костик, хотел показать, что как мужчина можешь это получить когда пожелаешь?

— Ну да, могу, и, как видишь, получаю, — невозмутимо ответил молодой человек со своей необычной улыбкой, прячущейся в одном уголке рта. — Но и ты можешь получить это как женщина, тебе достаточно только потребовать. Можно даже в непристойных выражениях, это меня особенно заводит. А я ведь тебе все-таки нравлюсь, Нери, разве нет?

Костя откровенно дразнил ее, она это видела в его черных ведьминых глазах, которые будто и смотрели по-разному из-за уживающихся в нем двух сущностей. Но в то же время ей безумно хотелось еще раз к нему прикоснуться. Нерина почувствовала, что в ней против воли снова что-то разгорается, и отмахнулась:

— Да иди ты! Скажи еще банальность, что всем девочкам нравятся плохие мальчики. У меня просто случилось какое-то помутнение, гормональный всплеск. И вообще я давно хочу есть, а ты же обещал меня баловать.

— Солнышко, когда ты успела стать такой циничной? — спросил Костя, поводя глазами с наигранным изумлением. — Похоже, я дурно на тебя влияю!

— Слушай, после того, что ты сейчас сделал...

— Что же я такого сделал, чтобы меня стоило бить? — усмехнулся парень. — Ну ладно, каюсь, вообще-то я собирался выдержать паузу, честно-честно. Но мне капитально от тебя снесло крышу, Нери, было не до условностей. Разве тебе это не приятно? Ну-ка посмотри на меня.

Он требовательно потрепал ее по плечу, и Нерина все-таки взглянула на него.

— Прости, — сказала она, почему-то чувствуя себя усталой, — я не должна была так...

Костя убрал с ее лица пряди волос, сказал ласково и даже серьезно:

— Нери, ты моя девушка, а я твой парень, и о былых глупостях мы вспоминать не будем. Считай, что ты меня наказала, но у тебя больше не получится скрыть, что ты меня хочешь и что тебе в кайф моя беспардонность, сколько ни изворачивайся. Осталось только до тебя донести, что это и не нужно.

— А ты меня хочешь? — вдруг вырвалось у нее.

— Своевременный вопрос, — заметил Костя с той же улыбкой, хотя Нерина увидела, что его губы нервно дрогнули. — Нери, я вообще не особенно люблю откровения, а уж если начну разъяснять, насколько я тебя хочу, то... поверь, это будет очень грязный разговор. С меня на сегодня уже хватит. Поэтому давай это ненадолго отложим, и лучше будем выражать на деле, а не словами.

Девушка не смогла удержаться от улыбки, хотя мысли пока немного путались. Она все еще раздумывала, можно ли считать, что Костя взял ее силой, и что такое творилось у нее внутри. Неужели ей понравилась эта безжалостность и бесцеремонность? Нет, никаким

особым наслаждением тут, конечно, и не пахло, но в ней будто ожили какие-то силы — да, скорее всего темные, первобытные, но в конце концов они ведь таятся в каждом человеке. А Костя и так достаточно о ней знает, так что в этот раз ему, пожалуй, можно довериться.

Тем не менее они поужинали с удовольствием, заказав в номер всяких экзотических лакомств, и впервые за долгое время Нерине вдруг захотелось сказать Косте что-то простое, обыденное и вместе с тем теплое, чтобы закрыть все неудобные вопросы. Он сидел рядом, в футболке, потертых джинсах и босиком, но за этой обманчивой будничностью Нерине чудилась какая-то ирреальность его красоты, написанной тремя цветами — черным, белым и голубым, который отзывался бликами в развилках вен на бледных руках. От локтя до запястья они были покрыты тонкими темными волосками, свидетельствующими о богатстве мужских гормонов. Вспомнив темную струю крови и ее металлический привкус, Нерина невольно поежилась.

— Костя, — заговорила она, перебирая пряди его потрясающих волос, — а ты на спор начал такую гриву отращивать или как?

— Почему ты решила? — удивился Костя. — Нет, все гораздо проще: мужчинам с моей внешностью длинные волосы всегда идут. Ты читала что-нибудь про моду древней Кореи? Предки разбирались в красоте лучше нас. А делать что-то на спор — да ну, Нери, что может быть глупее?

Нерина кивнула и несмело улыбнулась.

— Да, ты в самом деле очень красивый, — вдруг сказала она.

— Что это ты так расщедрилась? — отозвался Костя, пристально на нее взглянув. — Похоже, у меня сегодня все-таки удачный день...

Он поманил ее к себе и поцеловал, но на этот раз нежно, осторожно, неторопливо, параллельно развязывая бретельки платья. Когда оно сползло к ногам, Нерина хотела по обыкновению прикрыться, но вдруг этот порыв угас сам собой. Желание пульсировало в ней так отчаянно, что она перестала бояться боли и откровенности. Решившись, она взялась за футболку Кости и с его помощью стянула ее, чего раньше никогда не делала.

Это потрясло его больше, чем Нерина могла представить, но он все же не утратил самоконтроля и повел ее за собой, словно в танце, в красивой обаятельной игре. Теперь ее странности казались Косте не только соблазнительными, но и родными. Он с какой-то отчаянностью ласкал ее чуть обозначенную девичью грудь, проступающие ребра, совсем бестелесные руки, каждую из которых легко мог обхватить двумя своими пальцами, и все угловатые, нервные изгибы тела, чуть не потерянные для него навсегда. Эта мысль порой накатывала животным паническим ужасом, но Костя его не выдал ни единым движением ресниц.

А Нерина только теперь прониклась прелестью его тела с рельефной грудью, плоским животом и стройными бедрами, по-змеиному гибкого, легкого и в то же время сильного благодаря многолетним навыкам тхэквондо. Первого мужского тела, которое Нерина в своей жизни видела без покровов и не смогла вдоволь им насладиться из-за неизбежных для юной девушки неудобств. Ей захотелось восполнить все упущенное, перецеловать каждый уголок его тонкой белой плоти, надыхаться минеральным запахом кожи. Глядя в завораживающую черноту его глаз и путаясь в цепких, словно болотная тина, прядях, она впервые совсем не почувствовала боли. В ту ночь они настолько вымотались, что так и провалились в сон не размыкая объятий, обнаженные, распаренные от знойного воздуха и страстной неги. И поутру Нерина, шутливо препираясь с Костей, заявляя, что не вылезет из постели, пока он не

закроет глаза, наконец почувствовала себя живой наяву, а не в хронических мрачных грезах.

Время до конца путешествия молодые люди провели прекрасно: на рассвете, пока солнце не слишком пекло, они ходили купаться на море, а днем предавались нежностям с перерывами на дремоту или безмятежную беседу. Нерина становилась в этом все более активной и Костя порой даже выговаривал ей за то, что она совсем не жалеет его сил, но это, разумеется, было лукавством. А по вечерам они гуляли по ярким и таинственным местам азиатских мегаполисов и деревень, любовались плавающими в прудах утками-мандаринками. Костя не только с удовольствием покупал Нерине наряды и красивые мелочи, но и учил ее есть палочками, бегло объясняться по-корейски, водил в местные театры и кино. Общий быт увлекал ее и она уже с теплотой вспоминала об их прошлом, даже местное жареное печенье с медовым сиропом казалось похожим на знаменитые ленинградские пышки. Нерина напомнила Косте, какое у него было лицо, когда в начале романа она затащила его в какую-то затрапезную пышечную, и он признался, что вообще-то сам очень их любит, как и жуткий кофе из бидона. Но нельзя же было тогда это показывать!

И вскоре последовало предложение, согласие старших, а потом и роскошная свадьба. На ней молодым пришлось вытерпеть занудный, навязанный родителями корейский обряд, но Костя подбодрил невесту, что второй праздничный день, без «предков», пройдет весело и демократично. Кроме того, он наотрез отказался наряжаться в народные костюмы на банкете, ограничившись приватной фотосессией. Нерине, впрочем, это понравилось и она наконец примерила фамильные драгоценные шпильки, которые очень шли к многослойному одеянию из красного и синего шелка, отделанному серебряным шитьем. Перед гостями же пара предстала в привычных для Питера свадебных нарядах.

В подарок новоиспеченному супругу Нерина преподнесла свою реконструкцию свадебного альбома, создав на основе фотографий серию рисунков тушью в стиле модерн. Строгая черно-белая палитра и тонкие линии прекрасно передавали характер их отношений, в которых за восточной скрытностью зарождались подлинные органические страсти.

3. Взрослые не обманывают

Несмотря на такое своеобразное возрождение романа, супружеская жизнь Нерины и Кости началась красиво и размеренно, в полном ладу между традициями, современностью, обязанностями и собственными вкусами. Нерина поначалу боялась, что ее жизнь отныне будет состоять только из ухода за своей внешностью, дабы усладить взоры мужа и его партнеров, но когда она с успехом закончила аспирантуру, он, к ее радости, сам настоял, что ей стоит работать. У Кости был свой фетиш насчет идеальной жены: наличие интеллекта и харизмы он находил более пикантным, а главное, стойким ароматом, чем умение носить глубокие декольте и вытягивать губы.

Из-за этого ему даже снова пришлось поспорить с отцом, который считал лучшей ролью для женщины украшение и тыл в жизни супруга. Мать Кости, как правильную корейскую жену, этот расклад устраивал, но Нерина, насколько он знал, была совсем другой, и он считал нецелесообразным лишать ее любимого занятия и личных денег, пусть и скромных. Кроме того, она продолжала заниматься творчеством, немало времени уделяя росписи по стеклу, шитью и созданию кукол, которые напоминали гостей средневекового бала с сомнительными забавами и возможной жуткой развязкой. На ее счету даже было участие в нескольких выставках прикладного творчества и она завоевывала уважение у культурной прослойки Питера. Со временем Костя стал охотно привлекать жену к делам — ее финансовые способности были равны нулю, но она давала толковые советы по оформлению залов, любила сочинять всякие немислимые эскизы скатертей, светильников и занавесок, и он с гордостью говорил об этом другим рестораторам.

Что же до разрыва Нерины с Олей и Митей, то здесь Костя действительно приложил руку, так как эти ребята хорошо относились к Айвару и в той или иной степени могли напоминать Нерине о ее злосчастном романе. Костя не желал брать в их совместную жизнь ничего, что несло в себе такую опасность, и из этих соображений даже скрыл от нее то, что скончался дед Гриша и семья Мити зовет ее попрощаться со стариком, который в детстве считал ее родной. Когда Нерина с опозданием об этом узнала, она ничего не сказала мужу, успев уяснить из поучений матери, что его слово нужно ставить выше собственных «прихотей», но плакала весь день, пока его не было дома. Она знала, что Костя фильтрует ее переписку, но прежде относилась к этому иронично, считая, что ничего интересного он все равно там не найдет. Первое настолько откровенное злоупотребление ее покладистостью очень задело Нерину, и она промолчала, но все-таки взяла эту историю на заметку.

Тем не менее именно старания стать идеальной женой и посвятить семье безраздельно себя всю, как советовала мать, сыграли с Нериной роковую шутку.

Надежда Павловна стала усердно готовить дочь к «правильному» замужеству, как только молодые приняли решение, и девушке показалось, что о ее бывшем женихе мать вообще начисто забыла. Ее хлопоты и умиление предстоящим торжеством были будто скопированы с недавнего опыта, и Нерина про себя горько шутила: заметила ли та вообще, что в «программе вечера» появился другой мужчина?

Андрею Петровичу, к слову, не очень нравилось то, как сваты организовали торжественный банкет, слишком помпезный и, на его взгляд, какой-то холодный. Уже тогда он с ноткой тоски припомнил о тихом Айваре с отсутствием родни, который вообще предлагал расписаться и отметить это в узком домашнем кругу. Нет, он ни в коем случае не

возжелал видеть его своим зятем вместо Кости, ему просто хотелось бы немного подкорректировать ситуацию. Но это, увы, было невозможно, поэтому ее пришлось принять как есть.

Заодно он смирился с тем, что ему отныне предстоит быть на вторых, а то и вовсе проходных ролях в жизни дочери. Семья Ким с уважением относилась к Андрею Петровичу, поздравляла во все общие и корейские праздники и даже сделала ему символический подарок, дав новому ресторану название «Золотая слива» — в нем соединялись значения двух родовых фамилий. Но он, будучи человеком скромным и в то же время самолюбивым, крайне не желал, чтобы его заподозрили в подбострастии к людям более высокого ранга, и потому дистанцировался от них сам, несмотря на глубокую тоску по дочери.

Зато мать после свадьбы осталась постоянным наставником Нерины в том, как вести дом и обеспечивать супругу душевный покой и комфорт. Она наконец стала обучать дочь кулинарии, что оказалось безуспешным и очень изматывающим делом: Нерина все добросовестно зубрила, отмеряла и смешивала, но в итоге лишь зря портила продукты. Поскольку Костя не видел в этом никакой проблемы, Нерину эта «учеба» поначалу даже слегка забавляла. Считая, что матери стало некуда пристроить свою творческую энергию, она потакала ей, выслушивала и не спорила. К тому же, многие ее рекомендации казались не просто устаревшими, но и откровенно бессмысленными.

Надежда Павловна, к примеру, настаивала, что хорошая жена обязана вставать на пару часов раньше мужа, чтобы успеть сбежать за пирогами в булочную (если уж никак не может их выпечь), а потом накрыть стол по-парадному, нарядиться, сделать макияж и прическу. Мудрости про «любовь глазами» и «путь через желудок», как говорила мать, были придуманы не зря, и доводов против этого у молодой женщины не нашлось.

Однако Нерине было сложно применить это в своем быту, так как Костя сам всегда вставал очень рано, чтобы быстро позавтракать рисовой кашей и желтым чаем, сходить на пробежку, немного поработать и вообще побыть наедине с собой — как он говорил, «без лишней суеты». Этим правилам он никогда не изменял даже при питерской специфике светового дня. Нерина же просыпалась позже, провожала его и только потом неторопливо завтракала сама и ехала на работу. Тем не менее ей подспудно казалось, что в этом есть что-то неправильное, хотя самому Косте только досаждали хлопоты и чрезмерное стремление угодить.

У него была только одна причуда: он любил, чтобы Нерина перед уходом расчесывала и убирала ему волосы, завязывала галстук и подавала пиджак, наподобие какой-то восточной аристократической церемонии. Но ей все это представлялось необременительным и даже приятным, как и прочие корейские традиции, которые Костя позаимствовал из своего отчего дома, — ходить по дому исключительно в белых носках или пить чай из аутентичных керамических чашек тускло-зеленого оттенка. В их доме, как и у его родителей, у каждого была личная территория, но если старшего Кима никто не смел беспокоить без предварительной просьбы чуть ли не в письменном виде, то Нерина могла зайти к мужу в любой момент.

Но почему-то Надежда Павловна не радовалась за дочь, а постоянно указывала ей на то, что та живет слишком вольно для семейной женщины: с чего это при молодой здоровой хозяйке уборку делает помощница? Почему вместо полезных и затейливых домашних ужинов Костя, которому положено быть кулинарным эстетом, заказывает по выходным пиццу или пироги? Как Нерина может засиживаться до глубокой ночи со своими статьями,

зная, что супруг предпочитает соблюдать режим и ложиться спать в одно и то же время?

Когда мать выговаривала Нерине что-нибудь на эту тему, это выглядело как тревога за свое непутевое дитя, но молодую женщину всегда что-то царапало в ее словах, будто на самом деле та преследовала какую-то другую цель. Уж очень напористо звучало ее вечное предупреждение: «Ни один мужчина такого не потерпит!»

Однако годы шли и Костя «терпел», а вернее, считал, что в их супружеской жизни роли распределены более чем гармонично, — на нем бизнес, активы, связи, задел на будущее, в том числе родительскую старость, а на жене поддержание уюта, прием гостей, обустройство досуга, решение проблем более мелкого калибра. До него косвенно доходило то, что Нерина обсуждала с Надеждой Павловной, и он не скрывал своего скепсиса по этому поводу. Однажды Нерина осторожно спросила мужа, почему он так критически относится к ее советам, правда, не рассчитывая услышать в ответ что-то кроме отговорки про «бабские дела». Но Костя неожиданно сказал совсем другое, хоть и без особой охоты:

— У твоей матери, Нери, очень странные представления о традиционной семье. В ней жена должна быть другом, а не предметом мебели, не рабочей скотиной и не шутком. Мои предки, конечно, тоже не лучший образец, но я их давно не слушаюсь, а вот твоя мать на тебя до сих пор влияет и ты не решаешься настоять на своем. Я допускаю, что Андрею Петровичу с ней хорошо, но не забывай, что мы с ним разные люди.

Увы, понятия Надежды Павловны о семейной жизни распространялись не только на быт — понемногу она прощупывала и более интимную почву. Она не сомневалась, что любой мужчина рано или поздно начнет изменять, а уж о красивом и богатом нечего и говорить. И поскольку с каждым годом вокруг будет все больше женщин моложе и свежее супруги, надо очень умело изворачиваться, чтобы он ограничивался разовыми «прогулками» на стороне и не бросал семью.

Когда мать заявила об этом Нерине открытым текстом, дочь поколебалась, но все же решила задать ей опасный вопрос:

— И что, папа тоже такой? У вас было нечто подобное?

— Твой папа? — переспросила Надежда Павловна, улыбнувшись удивленно, но совершенно спокойно. — Нет, он оказался исключением, это я точно знаю. Но не потому, что он какой-то возвышенный и идеальный, все гораздо проще. Ему немного нужно, вот в чем дело. Он с удовольствием может много лет работать в одном месте, ходить в старом любимом свитере, отдыхать только на даче и общаться с одними и теми же людьми. Мне повезло, что у него такое ленивое отношение к жизни: ведь парнем-то он был красивым, ты уж мне поверь! Не хуже, чем твой муж, но далеко не такой избалованный, да и воспитывался в другое время. А вот за такими, как Костик, нужен глаз да глаз, и еще больше надо следить за собой. Раз муж на тебя денег не жалеет, так пользуйся, совершенствуй свое тело — для нас, женщин, это главное оружие. Белье какое-нибудь поинтереснее купи, в хороший салон красоты сходи, а то по-прежнему ведешь себя как девчонка, а не мужняя жена. Конечно, супружеский долг — дело такое, никто из нас его особенно не любит, но это наша женская доля. Хочешь жить без забот и тревог о будущем, так умей вертеться, Неричка...

Денег, к слову, муж для Нерины в самом деле никогда не жалел — подарил машину, оплачивал любые творческие курсы и поездки, водил на лучшие спектакли и концерты, на которые было сложно достать билеты. Но и она не оставалась в долгу. У Нерины была привычка покупать со своей зарплаты какие-нибудь мелкие, но необычные подарки для мужа или мастерить их самой — булавки для галстука, магниты в машину, брелки,

стилизованные под корейские плетеные подвески с какими-нибудь эпатажными элементами.

Костя всякий раз искренне радовался подобным знакам внимания и в ответ баловал жену приятным вечером с чаем, заварными булочками или сладкими роллами, приносил ее любимые пепельно-серые розы. Сам он тоже очень любил цветы, особенно почитаемый у корейцев гибискус, который казался Нерине и красивым, и немного жутким, — ярко-красная сердцевина среди белоснежных лепестков выглядела будто расплывшееся пятно крови. Но она охотно разводила этот цветок у них в саду, который вообще был предметом гордости. Перенимать восточные ландшафтные традиции, как в родительском доме, Костя не хотел, предпочитая диковатую и поэтичную атмосферу Питера и области, с минимумом декора и первозданной красотой хвойных зарослей и грубого гранита.

Словом, Нерине всегда было о чем поговорить с мужем и занять собственный досуг. Новых подруг после Оли она не обрела, а среди соседей по элитному поселку чувствовала себя чужой, — это в основном была обеспеченная молодая поросль корё сарам, связанная старой фамильной дружбой или бизнесом. Костя и сам относился к этому соседству скептически, называя поселок «резервацией», а Нерина как закрытый человек в принципе не умела скучать поодиночке. А бояться неверности мужа она больше не видела оснований, потому что он однажды сказал ей, что для мужчины в сексуальных отношениях главное вовсе не красота белья и даже не молодость тела, а возможность быстро и грубо скинуть стресс. Об этом не принято было говорить вслух в «приличной семье», и истина подменялась именно теми ханжескими представлениями, которым Костю когда-то учил отец, — теми, в которых любовь, семья и секс для мужчины лежали в абсолютно разных плоскостях, и жена существовала для потомства и приличия, а мимолетные связи для облегчения в нервной жизни и возможности побыть самим собой. И Костя не сомневался в правильности такой концепции, пока не встретил Нерину.

Поэтому ему было очень нелегко заговорить об этом с женой и тем более просить ее о чем-то из области потаенных фантазий, в которых не было места «высокому». А если точнее — пришлось переступить через все свои мужские убеждения. Но Костя все же решился, поняв, что от этой грязноватой темы будет зависеть такой возвышенный вопрос, как их семейное счастье. «Видишь ли, Нери, дрянная мужская натура состоит не в том, что ему не хватает одной женщины — это как раз полная чушь, — а в том, что когда он заведен до предела, даже самая любимая женщина воспринимается как нечто безликое и бесправное, существующее только для того, чтобы... ну, ты понимаешь. Знаю, это неприятно звучит, но я просто не хочу тебе врать» — сказал он бесстрастно.

Однако Нерина, к его удивлению, не только не обиделась, но и поблагодарила за такое доверие: ведь перед кем еще открываться во всех интимных потребностях, тайнах и изъянах, как не перед близким человеком? И именно тогда Костя стал понимать, почему женщины относятся к супружеской измене как к душевному предательству.

Единственное, что в самом деле иногда смущало молодую женщину, — то, что она порой задавалась вопросом, любит ли она своего мужа или ей просто на данный момент комфортно с ним. И любит ли он ее? Быть может, он просто сделал разумный и сознательный выбор, который основан не на эмоциях, а на поиске надежного и удобного тыла? Они никогда не обсуждали эту тему, и с одной стороны, их обоих все устраивало и жалеть было вроде и не о чем. А с другой...

О любви Нерина до сих пор судила по канонам странных и в основном мрачных стихов

и прозы, где это чувство было связано с болью, бессонницей, метаниями между запретным и дозволенным, наслаждением, замешанном на надрыве, «окрашенном кровью». Но никак не со спокойным чаепитием у камина, не с прогулками по осеннему парку или заснеженному заливу, не с цветоводством и не с долгим приятным послевкусием от близости. И даже не с неловким инцидентом в той поездке, о котором Нерина уже вспоминала с юмором.

А когда она давала волю этим неудобным мыслям, ей вспоминалась короткая и яркая история в Аддис-Абебе, с терпким запахом кофе, огнями ночных баров и постыдными объятиями в темной комнатухе, — и вопреки всем доводам разума холодило внутри сомнение: а не было ли в ней «то самое», с запретами, бессонницей и кровью, дающееся один раз, без другого шанса? Не упустила ли она нечто драгоценное ради стабильности, просчитанных перспектив и покоя родителей? И где сейчас этот парень? Подался ли он обратно в порочную и рискованную стезю отчаявшегося хулигана или сумел все-таки переломить судьбу и тоже, как она, зажил спокойной жизнью с подходящим человеком?

4. Жена за мужа

Нетрудно догадаться, что Нерина спустя столько лет стала искать встречи с бывшим женихом именно из-за того, что тлеющие угольки этих предательских мыслей в конце концов разгорелись. Но не от скуки супружеского однообразного благополучия, не из-за кризиса среднего возраста, хоть она и была из таких натур, которые особенно ему подвержены, а из-за роковой совокупности нескольких факторов.

Назойливая опека Надежды Павловны, с годами все чаще пугающей дочь, что она развалит семью, если начнет расслабляться, была только половиной беды. Нерина успела понять, что если мать за что-то и боялась, то лишь за собственный покой, который обеспечивал зять, даря путевки на хорошие курорты и в санатории. Однако будучи тихой и послушной дочерью, она держала эти мысли при себе, к тому же, у Нерины было мало других собеседников и с годами ограниченность общения начала вызывать горечь и недовольство собой.

Еще более критической проблемой для молодой женщины стали напряженные отношения с семьей мужа. Первые пять лет брака это не очень проявлялось: свекры были с ней не так чтобы ласковы, но любезны, а на большее Нерина и не претендовала. Но когда появилась весомая причина для тревоги, наружу всплыли все неприятные недомолвки прошлого. Костя пытался урегулировать зреющие конфликты, но это оказалось непросто.

Вступая в брак, Нерина не знала одной детали, а именно — того, что родители жениха после истории с Айваром уже не слишком желали этой свадьбы. Как люди старой восточной формации, связь Нерины с другим парнем (да еще чернокожим проститутотом, пойманным с наркотиками) они восприняли как позор и на собственные седины. Прежние подружки сына совсем не отличались строгостью воспитания и кроткими нравами, поэтому Нерина на таком фоне всегда выглядела образцовым вариантом для его семейной жизни — патриархальная жена и невестка, гарант уюта и тишины в доме, преданная своему первому и единственному мужчине. Ради этого семья готова была закрыть глаза на бесперспективность этого союза в деловом плане. Теперь родители стали считать ее такой же, как «все эти», несмотря даже на то, что со слов Кости она выглядела скорее наивной жертвой ушлого африканца, а никак не вертихвосткой. Но сколько они ни советовали сыну подумать еще и обратить внимание на других девушек, он не желал ничего слушать, и родители скрепя сердце благословили брак.

Не ладилось у нее общение и с сестрой мужа, эффектной и своенравной девушкой, которая по странному совпадению тоже носила экзотическое имя — Мирта. Вообще Костя был с ней очень дружен и когда-то сильно помог ей получить образование и встать на ноги. Родители заранее сделали ставку на сына и наметили для дочки выгодный брак как высшую цель, для которой не нужен ни диплом, ни амбиции. Но брат сумел донести до отца, что Мирта толковая девушка и от нее будет большая польза в делах, а выйти замуж она успеет. Поэтому сестра всегда восхищалась Костей, не понимая только его увлечения Нериной. Была ли это обычная ревность или высокомерие по отношению к человеку «эконом-класса», Нерина не знала, но Мирта не стеснялась открыто недоумевать, как брат, вокруг которого вилось столько замечательных девчонок, мог зацепиться на эту «фричку».

Но по-настоящему тяжелое время настало, когда начались частые и назойливые разговоры о пополнении семейства. Нерина побаивалась такого серьезного шага, но все же

для нее это было связано с надеждой — ребенок мог украсить ее странную жизнь, а может быть, и искупить вину за прошлое. Во всяком случае это был бы человек, любящий и готовый принять ее безусловно, без претензий к изъясам и ошибкам.

Муж этот вопрос с ней мало обсуждал, и во всяком случае пять лет после свадьбы пара выделила для спокойной и насыщенной жизни «для себя» — поездок по Европе и морским курортам, карьеры, обустройства дома и сада. В это беззаботное время Косте очень нравилась скромность жены, которая не любила транжирства и никогда не придиралась к сервису. Для нее было радостью купить в Венеции крошечную яркую конфету из муранского стекла или уплетать в Брюсселе местные вафли, устроившись прямо на ступенях какого-нибудь здания. Позже это качество стало настораживать и терять обаяние.

Но в конце концов супруги решили больше не откладывать, и год, в течение которого они целенаправленно не предохранялись, истек и не принес желанной вести. После этого семейство Ким всерьез забеспокоилось — им определенно требовался наследник, пусть и от нечистокровной Нерины. Но если Костя такие разговоры пресекал на корню, заявляя, что никому не позволит лезть в свою постель, то ей на это не хватало воли. Она терпела и свою надменную свекровь, недовольную «порченой» во всех отношениях невесткой, и ехидную Мирту, которой это вроде бы вообще не касалось, и родную мать. Та однажды намекнула Нерине, что дело может быть в несовместимости, которой медицина пока не нашла внятного объяснения.

— И что ты предлагаешь, мама? — утомленно спросила молодая женщина.

— Ну как что, мы же с тобой обе умные девочки, — вкрадчиво сказала Надежда Павловна. — Попробуй зачать от кого-нибудь другого, тоже проблема! Это даже не измена, ради семьи можно. А Костик ничего и не узнает никогда, если будешь стараться. Мужчины существа примитивные, знаешь ли... Съезди там на курорт, в круиз, я думаю, он тебя отпустит! Только смотри, чтобы не как в прошлый раз, — тут уж обман не пройдет, сама понимаешь.

— В прошлый раз? — переспросила Нерина. Хотя тон у нее был совсем не вопросительным, и в лице, по-видимому, тоже отразилось что-то такое, от чего Надежда Павловна притихла. После этой тирады Нерина поняла, что ее мать презирает всех мужчин, и всегда презирала, несмотря на ритуальные танцы с едой, отглаженными воротничками и «супружеским долгом». И ей почему-то стало очень жаль отца.

Из всей родни, кстати, только он, кроме мужа, не донимал ее расспросами, придирами и поучениями, и дочь со временем сблизилась с ним больше, чем в юности. Андрей Петрович ощутимо старел, работал, но уже вполсилы, и отдушину находил в беседах с Нериной. Она старалась не угнетать его тяжелой темой бездетности и сложных отношений со свекрами, и когда что-то все же проскальзывало, отец замолкал и углублялся в какие-то раздумья, по-видимому очень горькие. «Ничто не проходит без последствий, Неричка, ничто не проходит...» — вымолвил он как-то раз, и как дочь ни добивалась от него разъяснений, ничего больше не сказал.

Так, шаг за шагом, со свадьбы минуло одиннадцать лет, в течение которых Костя преуспел в делах, а вот обстановка дома становилась все более тяжелой. В конце концов супруги все-таки обратились к врачу, и первое обследование не выявило у обоих никаких патологий. Но после этого Нерина попала на прием к более внимательному и участливому гинекологу, уже пожилому мужчине, который расположил ее к себе мягким отеческим тоном и понемногу выведал все, о чем она молчала много лет. Особенно его настораживали

те самые боли при половом акте, которые в последнее время снова стали беспокоить женщину. Когда она, помявшись, рассказала все в подробностях, он также расспросил ее о питании, стрессах, качестве менструального цикла в юности, противозачаточных средствах. Услышав, что в юности девушка питалась почти исключительно «женскими продуктами», строго следила за весом, контрацептивы подбирала себе сама, а советы по скользким вопросам искала на анонимных форумах, он нахмурился и понимающе покачал головой. После повторной консультации доктор пришел к выводу, что у Нерины развилась эстрогенная недостаточность, при которой зачатие в данный момент маловероятно. Он добавил, что своевременное лечение, а также смена пищевого режима, могли бы помочь, если бы она озаботилась этим лет десять назад.

— У меня тогда был парень, — вдруг сказала Нерина ошеломленно. — Он предупреждал, что есть какие-то проблемы, что надо сходить к врачу, но я не поверила, решила, что ему просто хочется от меня отделаться под благородным предлогом...

— Я бы этому парню лично пожал руку, — хмуро сказал гинеколог.

— Но я же была уверена, что это нормально, — растерянно сказала Нерина, — что всем больно, потому что рожать ведь тоже больно, но ничего, все справляются... Я с мамой советовалась, и в интернете читала.

— Да чем у вас головы забиты-то, девчонки? — сокрушенно вздохнул врач. — Зачем страдать, когда можно не страдать?

Разумеется, никакого ответа на этот вопрос у Нерины не было. Но одно она по-прежнему знала точно: без детей ее брак практически обречен и остается только надеяться на проверенные годами способы — побольше молчать, пореже попадаться на глаза, любить то, что любит муж, вкусно кормить, не болеть, не плакать (при муже) и всегда быть готовой в спальне. В таком случае, как ей думалось, был шанс хотя бы сохранить законный статус жены, даже если все остальное он компенсирует на стороне, а на другой исход Нерина уже и не надеялась.

Но почему-то у Кости все эти жертвы не вызвали никакой благодарности, и он считал, что нужно как раз объясниться с родным человеком, а не играть в молчанку. О невозможности иметь своего ребенка он, конечно, немного сожалел, но вполне допускал усыновление, причем вовсе не из романтических побуждений. Напротив, Костя был предельно несентиментален во всем, что касалось человеческого симбиоза, и считал, что никакого продолжения себя в кровных детях не существует, — жизнь дается и отнимается один раз, хотим мы того или нет, и воспитать подрастающего человека своим наследником, другом и партнером можно без всякого биологического родства. А о том, чтобы делить это воспитание с какой-либо иной женщиной, кроме Нерины, он даже и не помышлял.

Конечно, его родители, как рассуждал Костя, не сразу примут такой смелый шаг, это не в их консервативных правилах, но рано или поздно они сбавят гонор, когда наступит старость и к сыну перейдет роль опоры и стержня в семье. К тому же, сестра потом уйдет к будущему мужу и ее детей они станут видеть редко. А их матери, скисшей в череде омолаживающих процедур, поездок на курорты и болтовни с престарелыми подругами, со временем непременно понравится баловать приемных внуков и стряпать для них свои фирменные сладкие пирожки на пару и рисовое печенье по-корейски.

Впрочем, Нерина тоже мечтала не столько о беременности и родах, сколько о том, чтобы делиться с ребенком нажитыми духовными ценностями и нежностью, прививать чувство прекрасного, учить самостоятельности. Но стереотипы, слышанные многократно от

матери, старших знакомых и врачей, подавляли всякое вдохновение и мечты.

Со временем опущенные глаза, молчаливость, отсутствие интереса ко всему, что прежде увлекало, превратились в нормальное состояние Нерины, а вечным ответом на любые предложения Кости стало «как тебе хочется». И всякая охота к откровенным разговорам у него понемногу пропала. Если Нерина понимала это поведение как жертвы во имя покоя мужа, то Косте в нем виделось безразличие к его чувствам и, в конечном счете, к нему самому. А поскольку в его памяти тоже была еще жива история с Айваром, о которой он знал больше жены, это породило много нехороших мыслей.

Вдобавок родственники подлили масла в огонь: они почему-то были уверены, будто бесплодность Нерины связана с тем, что она успела забеременеть от Айвара и сделала аборт, поскольку черный ребенок ей был абсолютно ни к чему. На их взгляд, другого объяснения тому, что женщина не способна к своей естественной функции, просто не могло существовать. Окольными путями Костя все-таки выяснил, что никаких аборт у Нерины никогда не было, но уже то, что эти пересуды возникли, вызвало у него озлобление, причем не на родню, а на Айвара.

Жене он тогда ничего не сказал, и со временем у нее тоже стали появляться подозрения. Костя теперь старался поменьше бывать дома и пореже общаться с родственниками, все чаще уходил на работу, когда супруга еще спала, а вечерами порой ездил на машине по шоссе без всякой цели, и его поздние возвращения наводили Нерину на мрачные мысли.

Семья для Кости все-таки была важна, как для большинства корейцев, и он предпочитал сберечь шаткий мир, нежели вовлечься в опасные конфликты. Но на первое место он сейчас ставил жену и будущих детей, родных или приемных. И безвольная апатия Нерины наводила его на подозрение, что ей не так уж все это нужно и она, вероятно, вообще занята другими мыслями.

В результате произошла одна вещь, которую можно было счесть жуткой случайностью, но только отчасти. Однажды Андрей Петрович попросил Костю заехать на дачу к Северцевым и отвезти какие-то книги для Павлика. У него машина тогда была не на ходу, к тому же Костя с Нериной жили в этом районе. Открыл ему Алексей — жена ушла в выходной куда-то по делам и он остался с детьми. В прихожей Костя заметил кипу нераспакованных квитков из почтового ящика, между которыми виднелся необычный конверт, и на почтовых марках он разглядел проклятое слово «Ethiopia». Мужчину тут же кольнуло противное чувство подозрения и страха, и он понял, что не успокоится, если не узнает содержания этого письма и степени его опасности для их с Нериной семьи.

И Костя прибег к самому банальному способу — попросил у хозяина воды и за время его отсутствия быстро засунул конверт в карман брюк. Ни Оля, ни Леша письма не хватились: уезжая из городской квартиры, они скопом взяли все, что было в ящичке, думая прочесть потом, на досуге. Содержалось в нем следующее:

«Здравствуй, Эльга! У меня, к сожалению, плохие новости. По телефону сказать не могу, духу не хватит, а доступа в интернет сейчас просто нет. Поэтому когда ты получишь это письмо, мы с Айваром уже будем далеко от Аддиса. Случилась беда. Я вынуждена оставить службу и уехать куда-то в глушь, на два года, а Айвару придется работать в какой-нибудь сельской больнице. Потом ты все узнаешь, но у меня сейчас к тебе только одна просьба: чтобы вы его не бросали. Так он ничего вам не расскажет, ни тебе, ни Мите, даже если будет погибать. Мы с тобой обе его знаем. В общем, в эти два года он не сможет никуда выехать из Эфиопии, поэтому выходите на связь

почаще, поддержите, встряхните. Возможно, Митя сумеет помочь со всей ситуацией, у него достаточно связей в европейской прессе и с юристами, но сначала надо расшевелить Айвара, а это сможешь только ты и Павлик. Лучше всего, если вы с ним хоть раз выберетесь туда к Айвару. Конечно, климат там тяжелый, нужны прививки, но его это, возможно, спасет. У меня почему-то очень дурное предчувствие, я боюсь, что Айвара может потянуть на глупости. А меня долго не будет рядом, так что вся надежда на вас. Адрес я здесь указала, это дом моих родителей. Заранее благодарю и надеюсь, что мы еще когда-нибудь увидимся. Наля»

Письмо было кратким, однако Костя узнал достаточно — Айвар, оказывается, и не думал окончательно исчезать, все эти годы он общался с теми, кого Нерина считала друзьями. Не зря же он ее отлучил от их компании, как в воду глядел! Но что будет теперь? Незнакомая женщина, по-видимому жена Айвара, просит всего лишь морально его в чем-то поддержать, но мало ли что может придумать сердобольная Оля, которую та почему-то называет Эльгой? Если она придаст это дело огласке и Нерина все вспомнит? Если Оля попытается снова притащить Айвара сюда? Только этого сейчас не хватало в их семейной жизни, которая и так превращается в сумасшедший дом! Сейчас, когда Нерине все вокруг кажутся черствыми непонимающими злодеями, она как никогда способна опять метнуться на поиски утешений и романтики.

Нет, Костя помнил о том, что в письме было главным: случилось какое-то несчастье. Но речь, как он думал, явно не шла о жизни и смерти, а из сложных ситуаций Айвар уже дважды выкарабкался. Если же он до сих пор не способен решать проблемы без помощи женщин, в том числе чужих, — так тем хуже для него.

5. Ледяной ветер

Письмо Костя тогда спрятал: уничтожить его почему-то не хватило смелости. Несколько последующих месяцев его все же грызли какие-то тревожные мысли, но потом стало не до того — отношения с женой совсем разладились, а тут еще мать и сестра испортили ее день рождения. Отведя невестку на кухню, обе заговорили в мягко-назидательном тоне, что ей пора бы отпустить мужа и дать ему возможность иметь полноценную семью. Но Костя все услышал, страшно накричал на обеих и выкинул их вещи за дверь. Родители Нерины и остальные немногочисленные гости, к счастью, уже ушли и не застали этой жуткой сцены.

Когда они остались вдвоем, у Нерины, сколько она ни напоминала себе о науке Надежды Павловны, все же не выдержали нервы и она тихо заплакала.

Костя, выразительно посмотрев на жену, взял со стола бутылку коньяка и плеснул на дно рюмки буквально несколько капель. Это был единственный алкоголь, который он себе изредка позволял после экспериментов в юности, хотя и тогда ни разу не напивался до беспамятства. Он осушил рюмку, сел напротив Нерины и долго смотрел куда-то в пространство, запустив руки в растрепавшиеся, ниспадающие на плечи волосы. Его лицо, от природы очень бледное, приобрело какой-то пугающий меловой оттенок, почти одного цвета с рубашкой.

— Хватит, Нери, — сказал он в конце концов. — Раньше надо было реагировать, и не плакать, не смотреть как побитая собака, а ставить людей на место. Я и так все время пытаюсь это делать за двоих, но ты мне помоги наконец! С вами всеми я сам скоро неврастеником стану.

— Ставить на место? — изумленно спросила Нерина. — Костя, ты что, это же твоя мама...

— И что? На этом основании можно прощать неблагодарность и хамство? Правила приличия существуют для всех, если просто общаться, как адекватные родственники, не выходит. А ты позволяешь оскорблять не только себя, но и меня, и наш дом.

— Да почему оскорблять? — утомленно сказала женщина, вытерев глаза. — Она же говорит правду, у нее нет внуков и я вижу, как вы из-за этого переживаете. Я сама знаю, что каждому мужчине в определенный момент нужен ребенок, и если бы только была гарантия, я бы сделала что угодно, но... Послушай, я все понимаю, и если что, не буду в обиде...

— Ты о чем, Нерина? — резко оборвал ее муж. — Что у тебя язык заплетается, будто ты выпила тут больше всех! Это что сейчас был за поток сознания?

Нерина собралась кое-как с духом, вспомнила материнские уроки и ответила:

— Если я так и не рожу ребенка, тебе в конце концов непременно родит его другая женщина, и это нормально, я смогу понять, так устроено в природе, поэтому...

Конец фразы снова захлебнулся, но в этот раз Костя некоторое время молчал. Наконец он произнес:

— Да, случай тяжелый... Спросить меня ты не хочешь, что мне на самом деле нужно? Знаешь, я думаю, что нам обоим будет полезно некоторое время пожить отдельно: и отдохнуть, и поразмыслить.

— В смысле? Ты хочешь развестись? — с ужасом сказала Нерина, на миг будто перестав ощущать пол под ногами. — Так это уже случилось? У тебя кто-то есть?

— Нери, ты вообще меня хоть немного слушаешь? И если да, то каким местом? Тем же, которым тебя поучает моя дражайшая теща? — устало сказал Костя. — Я прекратил все эти дела задолго до свадьбы, даже до того, как мы подали заявление. Мне это просто стало не нужно! Но какой в этом смысл, если вы с матерью меня по умолчанию считаете кобелем, которому надо только трахаться и плодиться...

— Зачем ты обижаешь мою маму, Костя? Она не говорила о тебе ничего плохого, просто объясняла мне, как создавать покой и уют для мужа, чтобы никакие мелкие неурядицы не мешали ему в делах. И я же старалась, проблемами тебя не грузила, старшим не перечила, и все остальное как положено... Одевалась скромно, за собой ухаживала, лишний раз не беспокоила, без тебя никуда не ходила, разве что к родителям. Корейский язык зубрила, причем неважно, устала я после работы, или болею, или еще что... Ты же ни разу меня даже с растрепанными волосами не видел.

Последние слова, против ее желания, прозвучали как упрек, и Костя, потеряв терпение, слегка повысил голос:

— А я тебя когда-нибудь просил меня не беспокоить, и не говорить, что ты устала или болеешь? Вот лично я тебя об этом просил? Я не ясновидящий, и о личных проблемах нужно уметь высказываться своими устами, Нери. Насчет корейского языка я только говорил, что был бы не против, если бы ты его выучила, для общего развития. Ты улавливаешь тонкую разницу? А уж все прочее не надо на меня вешать, не надо!

Тут Костя сделал паузу, отдышался, но по-видимому, его уже занесло в какой-то опасный вираж и он все-таки продолжил:

— Да я давно уже, может быть, этого жду! Но ты же мне ничего о себе не рассказываешь, о помощи не просишь, тайн не доверяешь. А я, твой муж, еще, оказывается, спасибо должен сказать за то, что давно не знаю, чего ты хочешь, о чем ты думаешь! А когда ты в последний раз мне предлагала фильм вместе посмотреть? Когда просила шмотку тебе подарить? Когда хотя бы городской сплетней какой-нибудь поделилась? Ведь было время, когда ты могла и сказать, и посмотреть как надо, и припечатать! Куда все делось?

Он вздохнул и отпил минеральной воды из бутылки. Нерина после довольно долгой паузы вдруг сказала:

— Опять все было не так... Только выходит, что ты мне сейчас всю жизнь перечеркнул, Костя! «Давай поживем отдельно», будто я не осознаю, что это значит. Ты понимаешь, что мы с тобой изначально в неравном положении? Ты будешь жить, но не я! Это для вас расставание означает просто новый этап в жизни, а для женщин оно равносильно концу. Вы и без серьезных отношений можете иметь насыщенную жизнь, распространяя тут и там свой неисчерпаемый генетический материал, а у нас без заботы о семье и близких нет смысла в существовании. К тому же, вас просто меньше и за каждого нужно конкурировать день и ночь. Даже общественное мнение работает против нас! Я из кожи вон лезла, чтобы сохранить брак, но ты предпочел его вконец разрушить. И я теперь остаюсь одна в тридцать пять лет!

Ее голос неожиданно стал укрепляться и звенеть. Нерина давно не давала себе волю, боясь потревожить чужой комфорт, и теперь внутри нее разгорался какой-то нездоровый азарт. Хотелось сказать что-то очень выразительное, выстраданное, выдранное из потемок души, и хотя ее слышал только один Костя, женщине казалось, что она изливает накопившийся гной перед всеми и каждым, кто когда-либо причинил ей боль. И Нерина говорила все более ожесточенно, не давая себе ни мгновения на раздумья.

В то же время глубоко внутри почему-то шевелилась надежда, что он оборвет эту бурю внезапного откровения, пока под ней не захлебнулось все лучшее, что было пережито ими за эти годы. Но Костя почему-то продолжал молчать.

— Видимо, мама все-таки была права: не зря книжки пишутся о том, как женщине удержать мужа или любовника, а не наоборот, — заявила Нерина. — Глупо рассчитывать на что-то помимо задуманного природой, а вам положено оплодотворять, поэтому вы и озадачиваетесь только вопросами из серии, как склонить девушку к сексу. Хотя и это вам, по большому счету, не требуется: ведь ее можно просто изнасиловать в ванной!..

— Что?! — произнес Костя тихо и резко. — Изнасиловать?!

Впрочем, к этому моменту Нерина и так остановилась, посмотрела на Костю и увидела, что в его помутневших глазах застыл скорее ужас, чем гнев. Этой эмоции она никогда прежде за мужем не замечала и весь кураж испарился без следа. Нерина хотела промолвить что-то в свое оправдание, но он прервал ее выразительным жестом.

— Ну что же, спасибо за откровенность, — сказал Костя. — Я надеюсь, ты не будешь ломать комедию, что якобы не имела в виду ничего конкретного. Но объясни, почему ты только теперь решила мне это предъявить? Кстати, можно было не мелочиться и поставить в известность все семейство! А что — твой отец в ярости, я с разбитой мордой, мои предки — с сердечным приступом, а ты вся в белом! Одним махом отомстила бы всем!

Чуть переведя дыхание, он добавил уже без усмешки:

— Ну так что же ты спокойно жила с насильником? Ради смысла в существовании, как ты выразилась? Ради штампа, ради статуса жены, ради общественного мнения?

— Костя, прости меня, пожалуйста, — с усилием ответила Нерина. — Я не должна была говорить это слово, но ведь в остальном не открыла ничего нового. Что такого ужасного в практичном подходе к семье и браку? Это не область лирики, на которую отведено несколько лет в юности. В это время любовь не только «зла», но и глупа, упряма и легкомысленна, любят ради страстей и ярких воспоминаний, а выходят замуж и сохраняют семью ради жизни. И это не хорошо и не плохо, просто данность. Так же делают и мужчины, только для них семья — необходимый отдых, приятные эмоции, а для женщин главная цель и потребность. А что, ты не знал? У тебя разве не так?

Она собиралась еще что-то сказать, но споткнулась на полуслове, когда взглянула мужу в лицо. Несмотря на прохладный воздух в доме, его вдруг прошиб пот. Нерина попыталась промокнуть его полотенцем, но Костя решительно отстранил ее руку, скорее защитным, чем агрессивным движением.

— Костя, давай прекратим этот противный разговор, — сказала она еле слышно. — Он может нас завести неведомо куда, это опасно...

— Господи, какая пошлость, — наконец произнес муж вполголоса, не глядя на нее. — Страшно подумать, какой же я дурак! Нери, а тебе не кажется, что это ты мне жизнь перечеркнула, со своими правилами, мамиными советами и мудрыми книжками по дрессировке? Ты спрашиваешь, как было у меня? Ну хорошо, давай я тебе расскажу один случай из жизни, раз уж ты так уверена, что мужчинам отношения не нужны. Как ты думаешь, почему я на тебе женился, а не этот африканец?

— Это уже чересчур, Костя, — заговорила Нерина торопливо, — не надо меня попрекать глупостями, совершенными по молодости и наивности. Тогда я попала в очень неприятную ситуацию, в которой ты проявил себя по-джентльменски. Я понимаю, что сейчас сделала тебе очень больно, но ты все-таки будь милосерднее, не добивай меня.

Она повернулась к окну, уставившись в сияющую огнями фонарей вечернюю синеву. Зима в этом году, как назло, выдалась бесснежная, пасмурная и ветреная, что было созвучно ее внутреннему состоянию.

— А откуда эта ситуация взялась, у тебя совсем мыслей нет? — вызывающе спросил Костя. — Да это я ее устроил, я! С одной только целью: чтобы удержать тебя, свою женщину, любовницу, будущую жену, раз уж ты предпочитаешь такие формулировки.

Нерина оглянулась и оцепенело посмотрела на мужа.

— Ты? Устроил?! — прошептала она. — Так Айвар не был виноват?

Костя зловеще улыбнулся и, поднимаясь со стула, заговорил:

— А ты через одиннадцать лет наконец созрела задаться этим вопросом? Отличный срок для любящей девушки, что уж говорить, а, Нери?

— Что ты тогда сделал? — тихо спросила женщина.

Облокотившись на барную стойку, Костя заговорил неспешно и бесстрастно:

— Ну что же, давай по пунктам. Как-то раз я пожаловался на эту историю старым друзьям и они посоветовали мне подыскать девчонку, способную соблазнить твоего жениха и сделать компромат. Как сейчас помню, я тогда сказал, что здесь это не выгорит: парень не дебил, чтобы так подставляться. Но мне пришло в голову другое — намекнуть твоим родителям, что он может быть способен на что-нибудь социально опасное. Это была более красивая идея, но и гораздо более рискованная. Я много вариантов перебрал, но все они меня не устраивали из-за того, что пришлось бы привлекать кого-то со стороны. Как ни странно, такое оказалось безопаснее целиком делать самому.

Нерина словно замороженная слушала мужа, который говорил так спокойно, будто речь шла об одном из его бизнес-планов. Она ни разу не перебила его, не задала ни одного вопроса, пока он наконец не сделал выжидающую паузу.

...А произошло тогда вот что. Поняв, что совсем без посторонней помощи не обойтись, Костя решил хотя бы сделать так, чтобы никто не догадался об истинных целях его плана и не был, в крайнем случае, привлечен к ответственности. При всех его специфических принципах, побочные жертвы ему были не нужны, к тому же, наличие сговора значительно усугубило бы его вину. Впрочем, о таком исходе Костя старался не думать.

Но прежде всего было необходимо снова пересечься с Айваром, причем в естественной обстановке. И вот наконец выпал шанс — фестиваль народов, на котором могла веселиться молодежь с разным цветом кожи и разрезом глаз, от коренных петербуржцев, как он, до новобранцев, которые только намеревались искать счастья в этом городе. О том, что жених Нерины намерен туда явиться, Костя узнал от Андрея Петровича, который периодически делился с ним новостями. Они в основном были неутешительными, так как переубедить дочь ему никак не удавалось и день свадьбы был уже назначен. Поэтому Костя счел, что другого шанса не будет.

Он выяснил через социальные сети, что среди волонтеров мероприятия есть одна из сокурсниц Нерины, с которой у него было шапочное знакомство. Ее имя Костя жене не назвал, сказав только, что она давным-давно не живет в Питере. Ему удалось завязать с девушкой доверительный разговор, и он сказал ей, что очень переживает за Нерину, которая от обиды на него втянулась в какую-то мутную связь с африканцем, возжелавшим не ее, а легкое получение вида на жительство. Та, как выяснилось, знала об этой истории в общих чертах и на удивление быстро согласилась помочь, как подозревал Костя, отнюдь не из заботы о знакомой, а скорее из желания ей чем-нибудь насолить, что в данном случае было

ему на руку. Впрочем, ничего преступного он не предлагал. Он попросил лишь присмотреть за этим парнем на мероприятии чуть повнимательнее, а заодно и за теми, с кем тот будет больше всего общаться, — вдруг она заметит что-нибудь сомнительное в их локациях. Как пояснил молодой человек, у него самого давно есть нехорошие соображения, но его, как лицо заинтересованное, Нерина слушать не станет.

А уж о том, чтобы предмет для подозрения нашелся, предстояло позаботиться самому, без помощников. Тогда Костя вспомнил об одном знакомом, у которого дома хранился запас сувенирных конфет, чайных пакетиков и баночек лимонада с каннабисом. Волей небывалой удачи он ухитрился провезти их из Европы. Все это было давно просрочено и держалось просто для «красоты», но Косте требовалась только видимость, и зайдя к этому парню в гости, он улучил момент и кое-что прихватил с собой. Затем конфеты он подменил обычными, оставив только фантики, напитки вылил, а пакетики с чаем уничтожил, сохранив яркие обертки.

Пронести это на фестиваль было отдельной задачей. Приходить со своей едой запрещалось, но Костя воспользовался тем, что подрабатывал в корейском общинном центре и нередко занимался доставкой продуктов и инвентаря на этнические праздники. Он договорился с организаторами и все свои припасы тщательно спрятал в специальной сумке.

Оставалось придумать, как подбросить улики самому Айвару. Парень знал, какие клубы в городе пользуются дурной репутацией, хотя сам из-за врожденной осторожности и брезгливости никогда не пробовал запрещенных веществ и даже ни разу не курил. В одном из них ему удалось достать мизерную дозу гашиша, которую предложили бесплатно, «по дружбе». А о сувенирных брелках, отдельных для Европы, Азии и Африки, он узнал от той же девушки и после некоторых поисков добыл очень похожий на тот, который должны были вручить Айвару.

В день фестиваля сумку Костя пронес беспрепятственно, затем перепрятал опасные предметы, и стоило только дождаться конца мероприятия, когда стихнет суматоха. Как только залы стали пустеть, он быстро подошел к сектору для африканских гостей, положил несколько конфет и бумажек из-под чая на столик, а все остальное выбросил в мусорное ведро, но так, чтобы потом легко бросилось в глаза. Если это и попало на камеры наблюдения, то, по его соображениям, не должно было привлечь особого внимания. К тому же девушка-волонтер между делом упоминала, что с правоохранительными органами здесь стараются не связываться, так как сами не без скелетов в шкафу.

Но труднее всего было встретиться еще раз с Айваром, и особенно — заглянуть ему в глаза. Остановливаясь на этом подробно Костя не стал, сжато сказав, что обменялся с ним парой слов на улице, попросил показать брелок и когда тот отвернулся, чтобы затушить сигарету, быстро подменил его на тот, что был у него в кармане куртки. Дальше оставалось ждать, причем в успехе он был вовсе не уверен. Для подстраховки он еще раз, перед уходом, поговорил с девушкой, убедил ее, что заметил за африканцами кое-что странное, и попросил связаться с родителями Нерины, если его опасения подтвердятся.

В этом и состояла еще одна причина, почему Костя так боялся возвращения Айвара в Питер, — тот мог и рассказать о том, о чем умолчал по какой-то слишком сложной для объяснения причине, и тогда уже за последствия никто бы не поручился.

— Все остальное ты знаешь, — подытожил Костя. — Как видишь, мне самому впору писать подобные книги. Только вот...

Он серьезно посмотрел на жену, которая словно пребывала в какой-то прострации, и

продолжил уже без сарказма:

— А вот теперь скажи мне: какая, в сущности, разница, что тогда сделал я? Ты у себя спроси — что ты сделала, когда в таком обвинили человека, за которого ты собиралась замуж, очевидно по большой любви, в трезвом уме и твердой памяти? Может быть, поверила ему, поставила его слова выше, чем наговоры каких-то левых людей, плюнула на мнение предков? Нет! И не я, а вы с отцом потребовали, чтобы он убрался из страны, в которую, на минутку, ты его пригласила, а твой батяня долго играл в доброго дядю. Я-то что? Мы с этим парнем чужие друг другу люди, меня не должно волновать его благополучие, как, впрочем, и его — мое. А ты-то, ты? По-твоему, раз ты «девочкой» родилась, так за свою глупость вообще отвечать не надо? За тебя все сделают, а тебе остается только изобразить жертву и выставить этого негра вон, с оскорбленным видом и чистыми ручками. Удобно ты устроилась, ничего не скажешь! И ты думаешь, я поверю, что ты ничего не подозревала?

Поначалу у Нерины был порыв обрушить на мужа поток радостного, очистительного гнева, смешанного с благодарностью, будто его слова сняли многолетний груз с ее души, указав на истинного виновника. Но пыл очень быстро угас, иллюзия очищения растаяла, и под конец она совсем растерялась. Ведь все они — Нерина, отец и мать, — воспользовались этой ситуацией, чтобы красиво отделаться от взятой на себя ответственности, и откровенно наплевали на судьбу Айвара, невольно попавшую в эти жернова. Так кто же поступил хуже всех?

Поэтому она в итоге сказала мужу совсем не то, что хотелось обличительно выкрикнуть в самом начале его речи. Ее сил хватило только на то, чтобы еле слышно произнести:

— Зачем, Костя? Господи, это же безумие какое-то, а ты всегда был рациональным...

— Безумие, говоришь? — вздохнул Костя. — А что же мне было делать, ёрым? Валяться у тебя в ногах, наверное? Я и так был достаточно унижен всей этой дурацкой историей! Нетрудно было догадаться, о чем перешептывались у меня за спиной! И ладно я, со мной как сядешь, так и слезешь, но больше всего гадостей говорили именно про тебя, иногда уже мне в лицо. Например, то, что с девушкой бесполезно обращаться как с человеком, ласково и бережно, как с возможной женой и матерью своих детей. Она все забудет, как только на горизонте появится тупой жеребец с единственным выдающимся и крепким качеством. И это было еще самым культурным! Так подумай, каково мне было все это слушать? Я же не железный, черт возьми! О своем идиотском поведении я уже сто раз успел пожалеть, но ты же решила идти до конца в своей женской вендетте, даже заявление подала!

— Да нет же, Костя, не было никакой вендетты, — сказала Нерина дрогнувшим голосом, — мне действительно показалось, что у меня с ним что-то получится. Просто в тот момент он воспринимался не как живой человек, а как герой сказки, в которой легко было отстраниться от всего, что мне опостылело в реальности. Но потом этот образ стал разрушаться, и я поняла, что по сути до сих пор ничего о нем не знаю...

— А я ничуть не удивлен, потому что ко мне ты относилась абсолютно так же! Только при чем тут герои сказок? Все гораздо проще, Нери, у тебя, как у твоей матери, в голове существует какой-то усредненный образ самца, которому нужны две вещи: регулярный секс и чтобы на него смотрели дебилно-восторженным взглядом: ты у меня такой умный, такой сильный! При этом даже не обязательно слушать, что он говорит, потому что у мужика ведь нет других интересов, кроме секса! По-другому вы и не умеете общаться с мужчинами. И знаешь, что-то мне подсказывает, что Айвар бы не смог терпеть это так долго, сколько терпел я. Ей-богу, даже жаль, что он из-за своей фанатичной порядочности не успел бросить

тебя сам! Да и вообще, он в этой истории был единственным, кого я хоть немного уважал.

Нерина снова отвернулась к окну, затем произнесла тихо и бесцветно:

— Костя, но если я в самом деле такой ужасный человек, зачем тебе все это было нужно? Зачем же ты меня добивался, зачем так рисковал, зачем женился, если даже никогда не сомневался на мой счет?

Мужчина, откинув со лба длинные волосы, посмотрел ей в глаза и с горечью ответил:

— А ты до сих пор не поняла, о чем я тебе толкую? Да затем, что я любил тебя, дура! Я был перед тобой виноват, не спорю, не считался с твоими чувствами, но когда возникла угроза тебя потерять — тут уж шутки кончились. В тот момент я был готов тебя вернуть почти любой ценой. Подчеркиваю: **почти** любой! Я не монстр, и ничего страшного с этим Айваром делать не собирался, хотя в глубине души, не скрою, мечтал его прикончить. Но на деле мне нужно было только чтобы твои родители настояли на его отъезде, а дальше пусть бы он жил как хотел, лишь бы не вблизи нас. И уж потом я дал себе слово, что если мы будем вместе, я никогда больше не причиню тебе боли. Только ты, похоже, и это не оценила.

— Что я должна оценить? Ты вообще осознаешь, кто ты после всего этого? — спросила Нерина почти шепотом.

— Что значит «после этого»? Нерина, я — Константин Ким, и я-то всегда был такой, какой есть. А вот насчет тебя я сомневаюсь.

Он резко отвернулся, сел и долго смотрел перед собой. Нерина тем временем открыла кран, плеснула в лицо холодной воды, переделалась в корейский шелковый халат и налила себе крепкого чая. Все это немного помогло ей прийти в себя, но пока она не могла выстроить мысли в нечто внятное.

После довольно длинной паузы Нерина спросила:

— Так почему же ты теперь решил расстаться? Больше, значит, не любишь?

— Да черт знает, — отрывисто сказал Костя. — Что теперь об этом говорить? Мы с тобой оба заблуждались все эти годы: я надеялся, что и ты меня все-таки любишь, а ты была уверена, что у нас взаимный расчет. Так вот знаешь, Нери, получается, что именно я нахожусь в более ущербном положении, а я этого ох как не люблю! Ждать, пока объявится еще какой-нибудь несчастный романтик, которого тебе захочется обогреть, — нафиг, нафиг... Потом, на холодную голову, мы еще поговорим, а пока тебе лучше пожить у родителей.

Женщина кивнула и отправилась в другую комнату. В дверях она обернулась и произнесла:

— Ты хочешь подать на развод? Или это надо сделать мне?

— Об этом я не думал. Меня никто нигде не торопит, во всяком случае, — ответил Костя, уже не глядя на жену и плотно сцепив руки под подбородком.

6. У каждого свой крест

На следующий день Нерина действительно возвратилась в родительское гнездо, хотя никаких деталей развода они так и не обсудили. Впрочем, они вообще больше не разговаривали: Костя уехал из дома спозаранку, явно не желая провожать жену. Вечером он, как слышала Нерина, говорил по телефону с Андреем Петровичем, и тот сказал, что дочь у них, однако дать ей трубку Костя не попросил.

Ее одолевала тоска, досада от кудахтанья матери о ее будущей беспросветной жизни и боязнь огорчить отца. Но кроме того, Нерине было жаль покидать их дом с видом на залив, комнаты с лаконичным серебристо-серым интерьером, сад, зимнюю оранжерею, в которые она вложила немало сил и творчества, и даже дело, которое уже считала общим и Косте это всегда очень нравилось.

Сейчас она припоминала все приятные, романтические, теплые моменты между ними и ловила себя на том, что скучает по мужу — по его сдержанной улыбке, мраморной бледности, красивым ласкам, запаху одеколona, напоминающему соленое холодное море и питерский гранит. И по безупречно сложенному телу, по властным и тем не менее бережным рукам, по мягкой прохладе кожи, так освежающей в душные моменты, которые изматывали их обоих своей сладостью. Неловкое начало их близких отношений осталось далеко позади, Нерина полностью доверяла мужу и подчинялась всем его желаниям охотно, хоть и не без игривого упрямства. Оно и умиляло, и будоражило мужчину, и он всегда благодарил ее долгими, щедрыми, помрачающими рассудок наслаждениями.

Она не хотела об этом думать, ей легче было верить, что брак — это проза зрелой жизни, форма взаимовыгодных социальных отношений, и чувства в них только помеха, но почему-то теперь, именно теперь, когда Нерина знала все, ей упорно лезли в голову совсем иные мысли. С одной стороны она жалела, что завела с мужем этот проклятый разговор о ребенке и другой женщине, не подумав, что это его обидит, причем до такой степени, что он раскроет ей столь неприглядную тайну. А с другой — его слова будто освободили их обоих от многолетнего бремени притворства, стремления к внешнему благообразию при замалчивании самых важных душевных проблем. И это, как казалось Нерине, оставляло какую-то надежду.

Уединяясь в свободное от работы время в своей девичьей комнатке, Нерина отгородилась от матери панцирем из рутинного обсуждения ужина, покупок, погоды, их здоровья и тому подобного. С отцом ей тоже было тяжело откровенничать, и она не знала, стоит ли рассказывать пожилому, уставшему человеку об их общей непоправимой ошибке. Но некоторое время спустя молодая женщина все-таки выложила Андрею Петровичу всю правду.

К ее облегчению, никакой бури не последовало, отец лишь удивил ее странной фразой: — Неужели он тебе это сказал?

Больше Андрей Петрович ничего не добавил, только слушал дочь, которой вдруг захотелось не просто пожаловаться, а разобраться наконец в себе. Впервые за долгое время она стала задумываться о том, что не судьба и не чей-то злой умысел вели ее по кривым, скользким и сомнительным дорожкам, а собственные внутренние демоны, которых она подкармливала сама. Давным-давно, в юности, она даже находила в этой внутренней игре нездоровую прелесть, но сейчас, когда в ней появились жертвы, стало не до этого.

А реакция отца объяснялась тем, что он, вопреки мнению Нерины, давно уже был в курсе истории с Айваром. Зять с каким-то странным мальчишеским бахвальством посвятил его в подробности, когда после свадьбы прошло около года.

...Мужчина хорошо помнил этот осенний вечер. Костя пригласил его осмотреть один из новых ресторанов, а потом они отправились прогуляться вдоль тихой и темной Невы. Там муж дочери выразил досаду на то, сколько формальностей и анахронизмов приходится вытерпеть ради спокойной жизни с любимой женщиной, и под конец заметил:

— Ну да ладно, мне на своем пути не такие проблемы пришлось решить, и все остальное уже было детским лепетом. Я, собственно, к чему говорю: это же вы, Андрей Петрович, мне здорово помогли. Без вас все усилия, возможно, пошли бы к черту.

Когда он пояснил, о чем речь, тесть изумленно спросил, не поняв его энтузиазма:

— Чем это я тебе помог, Костя? Да у меня и в мыслях не было, что это ты все подстроил! Нет, я, конечно, хотел избавиться от этого парня, врать не буду, но не таким же способом! Я вообще был уверен, что никакой свадьбы тут не состоится, если проявить чуточку дальновидности и терпения, выждать, пока дочь сама поймет, во что ввязывается. Спору нет, тяжело было это терпеть, зато куда она пришла за поддержкой в трудную минуту? К нам, к родителям, а потом и к тебе.

— Ну как чем помогли, — усмехнулся Костя. — Тем, что впустили и выслушали посторонних людей, что взяли у них эту дрянь, что выпытали у Нери кое-какие пикантные подробности и вовремя дали ими Айвару под дых. Или это все тоже я подстроил? Но мне необходимо было ускорить процесс, пока она не залетела и вам не пришлось отправлять дочь под нож или внука-негритенка растить, как у этой несчастной Ольги вышло. Там тоже свадьбы не состоялось, только ее предкам от этого не легче!

— Да все понятно, Костик, но получилось же так, что я его зря обвинил! Да и вообще, столько ему наговорил, господи... Мне ведь тогда так желчно внутри стало, так тошно! Мы к нему и так со всей любезностью, как к человеку, и что получили взамен? Еще в нашем доме наркотики ищут! От «парня вашей дочери»! Да я когда это услышал, у меня в глазах словно потемнело. Чтобы нам с женой на пороге старости терпеть у себя в доме какие-то унижительные вопросы и обыски! А что потом стоило бы ждать? Я никогда не поверю, что он бы за старое не взялся, — ну никто после проституции не способен вернуться в нормальную жизнь, это уже проверено тысячу раз!

— Вот-вот, Андрей Петрович, обратите внимание, что вы даже после того, как я вам во всем признался, не обо мне, а о нем говорите с ненавистью, — заметил Костя. — В вашей картине мира он всегда будет в чем-то виноват. А он ведь обещал вам зарабатывать честным трудом, остальное вы уже сейчас сами домыслили.

— Откуда ты об этом узнал? — удивился тесть.

— Да Нери и рассказала в подробностях, пока была в депрессии. Она вообще-то тогда на него порядком обиделась за эту ахиною про подтирание грязи. Тут я ее понимаю, но если без эмоций — в честности этому парню не откажешь.

— А разве это нормально, когда молодой мужик мечтает о работе сиделкой? — поморщился Андрей Петрович. — Знаешь, Костик, вот именно после этого я окончательно перестал его понимать. Я могу понять, когда молодежь тянется к порокам из-за природных слабостей, от жадности легких денег, — да, все это гадко, но это простые, вечные, естественные как три копейки мотивы. А он, вдобавок, еще и с завихрениями оказался. Не говоря уж о том, что собственную семью такой работой не прокормишь.

— Ну, это спорный вопрос, у сиделок тоже бывают богатые клиенты, — возразил Костя. — Но дело, как мне кажется, не только в этом, тут было что-то личное. Хотя я, конечно, не строил иллюзий, что со мной вы хотели породниться за высокие душевные качества.

— Да ты что, Костик? Я рад, что ты можешь обеспечить моей дочери безбедную жизнь, но уж поверь, это не главное. Даже если бы у тебя не было денег твоего отца, ты бы рано или поздно стал на ноги и развил собственное дело, в твоём потенциале я не сомневаюсь. А этот эфиоп... Да, наверное, ты прав, я его просто органически не мог переваривать, причем с первой встречи. Когда Нери мне только рассказала, что у нее любовь с парнем из «съёмбара», я, конечно, был в шоке, но уж когда его увидел...

К этому времени Костя уже усадил Андрея Петровича в машину и поехал по набережной, сияющей огнями нарядных бизнес-центров.

— Я всегда терпеть не мог таких мужчин, — медленно говорил Андрей Петрович, — с этими стихами, чувствами, мечтами о сказочных странах да городах-садах, гордостью за «малые дела», любовью к сирым и убогим... Не говоря уже об этих его побрякушках и платках на шее! Вот они всегда все тормозят, ради спасения какого-нибудь ребенка или старика, и так уже полумертвого, готовы поперек паровоза стать и пустить под откос! Ну нельзя так жить, не фильтруя лишнее! Есть такая штука, как естественный отбор, и если кто-то слаб и не приносит пользы для популяции, значит, природа его отсеивает! Такова его судьба, и что его насильно удерживать на этом свете? Ради собственного морального онанизма? Я могу понять, когда в это лезут бабы или подростки, какой с них спрос? Но если это взрослый мужик, значит, больше он ни на что не годен. Ему природой положено создавать, управлять, изменять границы, осваивать природные ресурсы, изобретать новые технологии, чтобы человечество жило лучше. Ты оглядись вокруг, Костя, ты же парень умный! Все, чем мы сейчас пользуемся, было бы возможно без периодических жертв слабыми и немощными, без маленьких предательств ради большого благородного дела? Вот сейчас пошла мода осуждать мужей, которые уходят от неизлечимо больных детей. Ну да, это спорно, и вообще как-то... но если подумать, кому будет лучше, если они тоже засядут дома и станут лить слезы с женами за компанию, в то время как могли бы достичь чего-нибудь толкового? Ты не хуже меня понимаешь, что такие вещи, как жертвенность и успех, несовместимы.

Костя усмехнулся, не отрываясь от дороги:

— А я вас недооценивал, Андрей Петрович... У вас так язык подвешен, что не инженером стоило становиться, а экспертом на политических ток-шоу. Вы бы там точно всем доказали, что дважды два это пять.

— Ты о чем, Константин? — удивленно спросил тесть у молодого человека и дотронулся до рукава его куртки-косухи. — По-твоему, я не дело говорю?

— Может быть, и дело, только вам не приходит в голову, что такие люди тоже нужны? Знаете, в вашей любимой природе есть еще и такая вещь, как баланс. Не могут все мужики быть терминаторами, как и все бабы — нежными фиалками. И может быть, это странно прозвучит из моих уст, но в чем-то этот Айвар был прав. Этими, как вы сказали, «малыми» делами, которые совсем не малые, а тяжелые и грязные, действительно должны заниматься нанятые люди, и желательно мужчины, просто потому, что они сильнее и им не надо рожать. От прогресса много не убудет, поверьте, скорее наоборот. И если уж на то пошло... Андрей Петрович, вы сами-то верите, что мужчина, оказавшийся трусливее своей жены,

способен на что-то стоящее?

— Ну не знаю, Костик, — промолвил Андрей Петрович, осторожно обойдя последний вопрос. — Допустим, что кому-то они нужны, но поверь, что для своего сына или зятя никто такой профессии не захочет.

— А вы не думали, что вы сами когда-нибудь можете оказаться по ту сторону прогресса, среди слабых и убогих? На кого вы рассчитывать-то будете?

— Да ни на кого я не рассчитываю, кроме своей жены разве что, — грустно усмехнулся мужчина, протирая очки. — Знаешь, Костя, я такую жизнь прожил, и столько нас государство кидало, что надеюсь только на наши силы. Дай бог, чтобы их еще надолго хватило, и самим пожить, и вам, молодым, пригодиться. Но все-таки...

Неожиданно Андрей Петрович спрятал лицо в ладони и горестно вздохнул.

— Господи, что же я сделал... Нам же потом названивал этот его друг, ну, мулат, от которого у Оленьки ребенок... Все говорил, что нам хоть стоило поинтересоваться, что там теперь с Айваром, в Эфиопии. А ведь правда, надо было узнать, как он устроился, не нужно ли помочь чем-нибудь. Я же его выставил практически без объяснений! Можно сказать, признал, что не желаю разбираться, виноват он или нет. Ведь могли же по-хорошему расстаться, устроить его куда-нибудь на работу, а у вас с Неричкой и так все бы прекрасно сложилось. Он бы не стал мешать... Ох, Костя, что же мы натворили...

— Ну, я за все, что натворил, если надо будет, отвечу, — резко произнес зять, нахмутив густые черные брови, — и, в отличие от вас, за красивыми словами не стану прятаться. Мне рядом с моей девушкой не были нужны никакие молодые люди, ни черные, ни белые, ни плохие, ни хорошие. А у вас были собственные мотивы. Так что Айвару просто не повезло. И глупо теперь терзаться, как там у него жизнь сложилась, этот поезд навсегда ушел.

— Тогда зачем ты мне это рассказал?

— А вот это очень хороший вопрос, — задумчиво ответил Костя. — Наверное, просто надоела эта сопливая сказка про наивную овечку, плохого негра и благородного рыцаря. Ну и еще про оскверненный семейный очаг, чуть не забыл.

Последнее уже тянуло на явное нарушение этики, и тесть решил свернуть разговор, чтобы не спровоцировать Костю на какие-нибудь еще более страшные слова. Больше они никогда не возвращались к этой теме, но Андрей Петрович постоянно вел с самим собой тяжелый и противоречивый диалог. Действительно ли он ничего не подозревал или всегда понимал, кто подставил Айвара? И признание Кости шокировало его лишь потому, что нарушило негласный договор, уничтожило желанную внешнюю картинку с монохромными образами добра и зла?

А главное, чем все это обернулось для Айвара? Конечно, пытаться что-то узнать глупо: если парень, дай бог, жив и здоров, он все равно не станет с ним разговаривать. Но как жить с этим дальше?

С годами отцу становилось все тяжелее из-за проблем Нерины. Он начинал думать, что это его наказание за Айвара, и порой хотел все рассказать дочери, но так и не решался. «Нет, зачем ей делить со мной этот груз, — размышлял мужчина. — Для молоденькой неприкаянной девочки простительно, что она оступилась, а вот я...»

И неожиданно ему принесла облегчение дружба с сыном Оли, в котором Андрей Петрович с удивлением нашел черты парня из Аддис-Абебы. Вначале мальчик был внешне похож на Даниэля, а потом в нем все больше проступало сходство с матерью, но тихий голос, внимание и бережность ко всему живому, восторг перед красивым и загадочным

будто каким-то непостижимым образом достались ему от Айвара. И когда они ходили вместе в музеи науки и техники, Андрей Петрович наблюдал, как серьезно Павлик всматривается в переливы молний, северное сияние и небесные созвездия.

Теперь, после разрыва Нерины с Костей, им всем предстояло жить с открытыми глазами и думать, что еще подлежит исправлению. Тогда-то женщине, после удачно подвернувшегося приглашения, и пришла в голову слегка шальная мысль найти Айвара в Эфиопии. Зачем — она еще толком не понимала. Казенная просьба о прощении тут явно не была к месту, вряд ли это можно простить. Если только... Припомнив известные ей мелодрамы, Нерина подумала, что сюжет о единственной на всю жизнь любви не случайно так прижился в культуре. А что если есть такое чувство, над которым не властны годы, границы, браки с чужими людьми, перемены и конфликты? Если оно все же было между ними, Айвар ее простит, и тогда, может быть... Об остальном Нерина пока боялась думать, но в преддверии поездки у нее внутри первый раз за много лет возникла приятная, пряная тревога.

Если все-таки это была любовь? Если Айвар тоже за эти годы не смог устроить личную жизнь, а может быть, и вовсе стал бедствовать хуже прежнего и нуждается в ее любви и помощи? Возможно, это будет союзом двух одиноких, исковерканных судеб, ну и пусть. Одиннадцать потерянных лет — не так уж много, порой люди ждут своего счастья гораздо дольше. В Питер она его, конечно, больше не посмеет звать, и если он захочет, они останутся там, в Эфиопии, или поселятся в другом месте. За что держаться здесь? Детей у нее нет, друзья потеряны, муж даже не желает с ней разговаривать, а работать, к счастью, сейчас можно из любого уголка мира. Родителей, конечно, будет жалко оставлять, но они и так злоупотребили ее привязанностью к ним, и пора уже начинать собственную жизнь, а не служить чьим-то придатком.

...Поэтому сейчас Нерина шла по бесцветным улицам Семеры с сомнением, с грустью, но в то же время с робкой надеждой. Воспоминания о самых радужных и красивых днях их короткого романа подогревали ее изнутри, и казалось, что жить и любить еще совсем не поздно. Нерина давно отвыкла любоваться собой, но этим утром, приодевшись в изящное этническое платье, она взглянула в зеркало и осталась довольна. И то, что ей удалось дозвониться до бывшего возлюбленного, позвать его на встречу, она сочла добрым знаком судьбы, который обязательно притянет за собой другие светлые перемены.

Конечно, Нерина заметила, что Айвар разговаривал с ней холодно, но стоило ли этому удивляться в данных обстоятельствах? Ясно, что он на нее в большой обиде, но главное, что он жив, что может и готов с ней увидеться, а все остальное преодолимо.

7. И снова двое за столом

С Айваром они условились встретиться в большом кафе недалеко от аэропорта: ничего более подходящего в столь небогатом на достопримечательности городе просто не имелось. Оно выглядело стандартным для европейца, только не очень опрятным, и в воздухе сильно пахло табаком, человеческим потом и специями. Заказав чашку чая, Нерина осмотрелась. В кафе было несколько задушевных компаний из местных, и все они переговаривались громкими бесцеремонными голосами, явно приправляя свои речи едким эфиопским юмором. Среди столиков суетились такие же уверенные в себе кудрявые и большеглазые ребяташки, которые поглядывали на странную посетительницу с неприкрытым изумлением. Впрочем, взрослые тоже обращали на нее внимание, и петербурженке это решительно не нравилось. В конце концов она потянулась за мобильным телефоном, и как раз в этот момент к ее столику подсел рослый темнокожий мужчина с густыми седеющими волосами.

Нерина уже хотела возмутиться, но тут ее взгляд упал на белую хагению, которая все так же тянулась к солнцу своими ажурными лепестками, как одиннадцать лет назад. И когда она перевела взгляд на лицо пришедшего, то вздрогнула и слова вырвались из нее на выдохе:

— Это ты?!

— Для начала все-таки здравствуй, — сухо ответил Айвар. — Рад бы сказать, что это не я, но от фактов не убежишь.

Ее реакция несколько его не удивила. В его нынешнем узком мирке все, кроме Соломона и Агарь, знали своего «дядю Айвара» как вечно хмурого, замкнутого, язвительного человека, не признающего авторитетов и способного едко шутить над любыми табу и святынями, а порой и прикрикнуть так, что у провинившихся тряслись поджилки. Но для Нерины он сейчас выглядел inferнальным подобием того Айвара, которого она знала, — искрящегося жизнью, мудростью и любовью к миру. От него осталась лишь татуировка, служившая досадным напоминанием о тех днях.

Его кожа вместо приятного кофейного приобрела землистый оттенок, глаза были тусклыми и опухшими, лицо осунулось, пухлые губы высохли и потрескались, а ухоженные прежде волосы выглядели беспорядочными космами, как он ни пытался их пригладить. Лицо у Айвара все еще оставалось красивым, правильным и благородным, однако в нем больше не было мечтательности и вдохновения, а привычка уходить в себя приобрела зловещий вид, смешалась с опиумными провалами в сознании.

Вдобавок от него исходил странный запах, в котором смешивались лекарства, теймурова паста, освежитель воздуха и раствор для полоскания рта. На нем был потертый, но очень качественный кожаный пиджак, черные джинсы и такого же цвета туфли. В таком виде он обычно ездил в город, а по поселку давно привык ходить в поношенной шамме поверх рубахи, старых штанах и сандалиях.

Нерина все не знала, как начать разговор, и в конце концов Айвар спросил, заказав для себя воды и имбирного чая (это весьма ее удивило):

— Ну так что ты хотела мне сказать? В прошлую нашу встречу забыла что-то важное?

Тембр голоса у него, как она заметила, тоже изменился, и вдобавок Айвар как-то странно и недобро улыбался. Конечно, Нерина понимала, что душевного приема от него на первых порах ждать не придется, и предвидела отчужденность, упреки, даже агрессию, но эта непонятная блуждающая улыбка сбивала ее с толку еще больше, чем неухоженный вид

Айвара.

— Что с тобой случилось? — наконец проговорила она.

— Тебе с какого момента рассказать? — усмехнулся мужчина. — Или просто объяснить, почему я так выгляжу? Ничего особенного, это побочные действия сильных опиатов. У меня хронические головные боли, и с ними без жестких анальгетиков не выжить. Хотя теперь я уже по-всякому без них не выживу. Так что сейчас твой отец будет прав, если назовет меня наркоманом.

Все это Айвар сказал небрежно, то и дело беспричинно посмеиваясь и в такт словам бренча цепочкой, на которой висели какие-то ключи. Нерина ужаснулась и спросила просто чтобы потянуть время:

— А... где ты живешь?

— В окрестностях, работаю в поселковой больнице, — ответил Айвар, вынув зубами сигарету из пачки и уже не спрашивая на это ее согласия.

— Почему в деревне? — спросила женщина с изумлением.

— В Семере мне подходящей работы не нашлось, то есть, куда-нибудь устроиться всегда можно, но я-то хочу быть медбратом, — пояснил он. — А чем деревня в этом смысле хуже Аддиса? Люди везде болеют и нуждаются в уходе.

— Так ты все-таки исполнил свою мечту? Я рада... то есть... А сюда ты к тем самым родным едешь, которые тебя забрали из России?

— Нет, те в другом округе, а здесь живут родители моей жены.

— Твоей жены? — переспросила Нерина упавшим голосом. — Так ты женился?

Айвар вынул из выреза рубашки и показал ей кольцо с янтарем, которое всегда носил на шее, на крепком шнурке. Носить его на пальце в нынешних условиях было невозможно, но он не желал расставаться с ним.

Нерина рассмотрела его и спросила:

— Ну а где она? Твоя жена, в смысле...

Его лицо слегка дернулось и он проговорил без всякого выражения:

— Она была государственной служащей, ее подставили, как и меня в свое время, и осудили на два года принудительных работ. А мне и тестю с тещей пришлось оставить службу в столице и уехать сюда. Они на пенсии, одиноки и много болеют, так что я за ними присматриваю.

— Понятно, — промолвила Нерина. — Вы в Аддис-Абебе познакомились?

— Нет, мы были знакомы с детства, еще в России, и я тебе даже говорил о ней. Когда я вернулся сюда и начал работать в госпитале Российского Красного Креста, мы с ней снова встретились и поженились. Долго работали вместе в сфере здравоохранения, а потом случилось это... несчастье.

Айвар замолк, а потом вдруг поинтересовался с неясной интонацией:

— А твой муж где?

— Ты уже откуда-то знал, что я вышла за Костю?

— Ребята сказали, Оля и Митя. А ты не знала, что я с ними время от времени встречался? Мы с женой неоднократно прилетали в Питер, познакомились с их семьями, и по скайпу общались, само собой.

Нерина вздохнула:

— Нет, я ничего не знала. Я очень давно с ними не разговаривала. Папа общался, но наверняка избегал говорить о тебе... Но я, собственно, вот о чем хотела рассказать, —

женщина слегка оживилась, решив, что нашла нужную нить, — Костя мне признался, что это он тебе подкинул этот порошок. Он хотел опозорить тебя перед отцом, а тот перепугался, что к ним пришли с такими вопросами, и накрутил меня... А я как в тумане была, Айвар, вот честно. И теперь думаю: как я могла так сплунуть, потратить столько лет на обустройство счастья, когда оно, возможно, было рядом...

Она затихла в ожидании его реакции. В первый момент Айвар почти не переменялся в лице, но затем резко и жутко захохотал.

— Ты это хотела мне сообщить?! А не хочешь заодно рассказать, как вам все эти годы спалось и елось? Твоему Косте, которому я сам дал в руки этот чертов брелок?! Еще удивился, зачем он перчатки надел, день-то был теплый... Ну спасибо ему, что сразу горло не перерезал, можешь так и передать! А тебе самой как было?

— Господи, какой ужас... Но почему же ты молчал, просто взял и уехал? — вдруг сказала Нерина. — Почему сразу ничего не сказал про это мне и папе? Ведь все могло быть иначе!

— Да неужели? А и правда, что же я не побежал никому жаловаться? — произнес Айвар мрачно и зло. — У меня же гордости нет! Мне же твой отец не говорил, что плевать хотел на мою невиновность и что я ему всю жизнь испортил своим появлением! И ты же сразу взяла бы назад свои слова, что давно жалеешь об этой «авантюре», что не знаешь, можно ли мне доверять, и что всем будет лучше, если я уберусь из страны, которую считал и своей! Что же, стало вам лучше? Не зря я несколько лет ездил к друзьям в родной город, прячась от вас, будто я и впрямь какой-то преступник?

— Мне тоже сейчас паршиво, Айвар, — заметила Нерина. — Костя внезапно сказал мне, что хочет разъехаться. Мы не очень легко с ним жили последние годы, потому что я не смогла забеременеть. У тебя, кстати, есть дети?

— Нет, нам и вдвоем было хорошо.

— А я хотела, — вздохнула Нерина, — думала: раз уж человека из меня не получилось, так хотя бы получится мать. Но и тут все мимо...

— Значит, вот оно что, — сказал Айвар и на миг задумался. — Так это не ты ушла, а он по сути тебя выгнал? Это что же ты сделала?

Нерина нахмурилась и резко ответила:

— Зачем так торопиться с выводами, что опять я кругом виновата? Разве нельзя допустить, что он просто мог встретить другую, моложе и красивее, чтобы она родила ему детей?

— Допустить можно абсолютно все, но тогда зачем бы ему рассказывать о своих юношеских подвигах? Для такого должно было произойти что-то ужасное. Впрочем, это ваше дело...

Докурив и немного помолчав, он посмотрел на Нерину внимательно и серьезно, уже без прежней издевки.

— Нерина, я все-таки медбрат, а не психолог и не священник, чтобы мне исповедовались. Один раз я тебя уже выслушал, когда был моложе и здоровее, а сейчас, знаешь ли, дела мои несколько изменились. Поэтому скажи яснее: что ты от меня хочешь? Я понял, что вы с отцом узнали, как ко мне попали эти наркотики, но что с того? Мне эта информация ни к чему, на хлеб ее не намажешь и памперсы для моих стариков за нее не купишь. А что до твоей личной жизни, то могу тебе посочувствовать, но стоило ли для этого встречаться?

— А твоя жена знает о нашей истории? — внезапно спросила Нерина.

Тут мужчина впервые посмотрел на нее с ярко выраженным изумлением и в следующий момент снова разразился нервным дребезжащим смехом.

— О чем? — переспросил он и чуть закашлялся. — Нерина, ты шутишь? Какая «наша история»? Буйные фантазии студента-идеалиста, который выкупает проститутку, думая, что спасает заблудшую душу, а на деле хочет оправдать свое пустопорожнее существование? Да это школьная программа по русской литературе! Ты серьезно предполагала, что моей жене есть до этого какое-то дело? Она прекрасно знает, чем я прежде зарабатывал, но это ей не мешает меня любить.

— А ты стал жестоким, — заметила Нерина, которую весьма задела эти слова.

— Ах жестоким? — ядовито усмехнулся Айвар. — Ну знаешь, седым и больным я тоже не был, когда мы виделись последний раз. Только никто из вас тогда почему-то не называл меня добрым, у всех находились другие слова! А когда мысли в основном о следующей дозе, то доброты и заботы хватает только на тех, кого реально прижало. Здесь мужья тоже нередко выгоняют жен из дома, но тем потом некуда идти и нечего жрать! И мы иногда в больнице им даем и еду, и ночлег. А ты предлагаешь поплакать над твоей историей? Вся она состояла в том, что тебе захотелось устроить родителям шоковую терапию, а заодно и парню нос утереть — смотри, мол, я тоже могу не хуже тебя... Что, не так было? Так. И ты ни минуты не подумала, какие последствия это может иметь для меня, наивного чернокожего дурака, которому практически негде искать защиты! Нет, я, конечно, тоже хорош, не спорю, надо было соображать, но ты представь себе хоть на минуту мою жизнь! Кто меня учил нормальным человеческим отношениям? Да я такого дерьма в свое время нахлебался, что на любую толику доброты отзывался как голодный на хлеб! И не вам с отцом меня судить, что я потянулся к свету, к теплу, к этому городу, к хорошим людям... В конце концов, я вам всем желал только добра. Но если кому-то неприятно брать его из моих рук — что же, я не настаиваю, нуждающихся на мой век хватит.

Напившись воды — в течение дня у него то и дело пересыхала гортань, — Айвар добавил:

— Нерина, раз уж ты очутилась снова здесь, оглянись вокруг, посмотри, как люди живут каждый день, и оденься заодно поскромнее — в Африке не только мне одному нужна доза, и никто кроме меня не будет с тобой долго разговаривать! А знаешь, почему я трачу время на этот разговор? Только потому, что я хороший человек, что мне, несмотря ни на что, тебя жаль! Это же с запасом доказывает, что я не был виновен!

Нерина была так потрясена, что сначала не знала, что и ответить. Нездоровый, рано состарившийся африканец, трудящийся в дикой глубинке, мог жалеть ее, ухоженную женщину из комфортного мегаполиса, которая вдобавок перед ним виновата? Это отчасти радовало — он по крайней мере не испытывал к ней ненависти и презрения, а отчасти ввергало в отчаяние: он не ждал ее, у него давно другая жизнь, и она не часть ее, а незваная и неудобная гостья. И он даже ни разу не назвал ее Нери, хотя бы случайно, по привычке. Все эти годы подсознательно она думала, что где-то у нее есть сокровенный кусочек другой жизни, не связанной с буднями и обязательствами, и это тоже оказалось самообманом...

Однако Нерина собралась с мыслями и все-таки сказала:

— Да, все так, я признаю это и прошу у тебя прощения, теперь уже есть за что... И папа бы попросил, будь он здесь. Но сейчас я понимаю, зачем ехала сюда. Ты в беде, у тебя плохо со здоровьем и в таких условиях ты просто себя погубишь. Тебе надо вернуться в Россию, не

сочти, пожалуйста, за издевку. Я говорю это уже не как глупая избалованная девчонка, а как взрослый человек, готовый отвечать за свои поступки. Там есть нормальная медицина, ты поправишь здоровье и не будешь нуждаться в наркотиках, это наверняка не поздно. Только не здесь! Ты ведь здравомыслящий человек, так не отказывайся от моей помощи! А там увидим, кем мы станем друг для друга. Если я сумею хотя бы вернуть твою дружбу, это уже будет для меня успокоением.

Айвар некоторое время смотрел на нее, будто переваривая услышанное, и продолжал пить воду — ему пришлось попросить еще одну бутылку. Наконец он произнес:

— Нерина, вот с последнего поподробнее... Я верно понял, что ты рассчитываешь на что-то помимо этой теоретической дружбы? Если так, то даже мне страшно представить степень твоего отчаяния, но я вынужден тебя огорчить — я женат, у меня здесь есть дела и на роль «запасного аэродрома» я больше не гожусь. И в Россию я уже не вернусь никогда, у меня нет желания показывать там кому бы то ни было, во что я превратился.

— А разве ваш брак не закончен? — спросила Нерина, не сумев подавить досаду. — Если твою жену и подставили, что, как я понимаю, еще под вопросом, она так или иначе изуродовала тебе жизнь!

Мужчина резко поставил бутылку на стол и сказал негромко, но жестко:

— Вот уж обсуждать и осуждать мою жену я тебе не позволю. Заметь, что я про твой брак ничего не сказал. Что ты знаешь о нашей жизни, о правых и виноватых? В этом мы будем разбираться с ней, и больше ни с кем. Но в любом случае я никогда ее не брошу, и держусь сейчас не только на наркотиках, но и на ожидании того, когда она вернется.

В этот момент Айвар внезапно для самого себя почувствовал какое-то озарение. Он действительно осознал, что поддерживало в нем силы, что подогревало в крови отчаянный адреналин, разбавляющий в ней наркотический яд и облегчающий жуткую усталость. Он всегда подспудно думал о Налии, вспоминал ее смех, улыбку, безумные наряды, несгибаемый характер, грубоватый юмор, нежную заботу, с которой она готовила еду, подбирала ему одежду, растирала ноющие после рабочего дня мышцы, и откровенное, на грани провокации, поощрение и благодарность в постели.

Вероятно, эти мысли невольно отразились на его лице, и Нерина взглянула на него с обидой.

— Но почему? Чем она это заслужила?

— Ничем, я ее просто люблю! А тебя не люблю, и ты меня тоже не любишь, мы ведь давно уже это выяснили. И нет у нас ничего общего, я привлекаю тебя только когда ты считаешь меня ущербным, вот как сейчас. Как у тебя глазки-то заблестели, вот-вот масло польется! Самое забавное, что твой муж, тогда еще будущий, меня об этом предупреждал! Он злой парень, но прозорливый, надо признать. И вот что я ему не поверил? А с другой стороны, как можно было поверить? Какой мужчина стал бы искренне такое говорить про любимую женщину?

— А он говорил искренне, — мрачно вздохнула Нерина. — Я не могу оправдывать Костю: у тебя есть все основания его ненавидеть.

— Тут ты ошибаешься, Нерина, — спокойно сказал Айвар, — это Косте приходится ненавидеть меня, а мне он абсолютно безразличен, что сейчас, что тогда.

— Айвар, а как ты жил, когда только вернулся сюда от нас? Ты, может быть, не поверишь, но я долго об этом думала.

— Да знаешь, неплохо жил, — ответил Айвар невозмутимо. — Много ли мне было

надо? Я был молод, учился, работал там, где мечтал, заводил новые знакомства, занимался спортом и спал с девушками по доброму согласию, как и всякий парень.

Заметив ее уязвленное выражение лица, он так же спокойно сказал:

— А что ты так смотришь? Уж за это мне несколько не стыдно. В сексе тоже есть место и нежности, и человечности, и в Африке люди имеют мало времени, чтобы тратить его на что-то другое. Этим девушкам порой вообще было не до разговоров, такая уж у них жизнь! А я доставлял им радость, они на меня смотрели как на инопланетянина, понимаешь? И самому от этого было радостно. Что же делать, — тут он впервые открыто улыбнулся, — если женщины меня любят? Да-да, я это сейчас без всякой пошлости говорю. У вас в природе заложено тянуться к теплу, укрытию, мягкости, потому что вы чаще и глубже нас испытываете боль. И те, кто выходит замуж за властных и жестких мужчин, чтобы обеспечить себе мифическое будущее, в настоящем мечтают о таких, как я. Даже сейчас они меня продолжают любить, хоть старухи, которым я чищу трофические язвы, хоть девочки, которым объясняю, что такое месячные. Пусть телом я уже много лет принадлежу только одной, добрыми чувствами и милосердием делиться можно бесконечно.

— Прости, — сказала Нерина, и ее голос дрогнул. — Увы, я оказалась не такой честной и бескорыстной, как эти девушки, и из-за каких-то капризов испортила жизнь и тебе, и себе...

Тут самообладание ей отказало, и на черных глазах выступили слезы.

— Я давно тебя простил, Нерина, — заговорил Айвар, и в его голосе появилась некая теплота. — Ну что теперь разбираться? Милосердные братья — это состояние души, на котором они зачастую и выживают в таких условиях, как эти. Так что не казни себя больше и давай, раз уж ты проделала такой путь, поговорим по существу. У меня к тебе есть один совет и одна просьба.

Нерина оживилась при этих словах:

— Господи, да все что угодно, Айвар, что в моих силах и даже нет...

— В твоих, не волнуйся, — мягко сказал мужчина. — Совет у меня такой: помирись с ребятами, тебе это очень нужно. Они хорошие и добрые люди, и таких стоит держаться не потому, что они когда-нибудь могут помочь, а потому, что в жизни нужен позитивный энергообмен, без этого душа опустошается и чахнет. Я не знаю, с кем ты общалась в последнее время, но в случае твоего развода эти люди останутся с Костей, ты же сама это понимаешь. А что тебе делать с ним, это уж решай сама, тут ничего не могу посоветовать.

— Но это будет выглядеть некрасиво, — печально заметила Нерина. — Получается, пока у меня все было в шоколаде — хотя бы со стороны — я их предала, забыла, а теперь, когда Костя меня бросил, пойду к ним за утешением?

— Да, не спорю, это будет так выглядеть. На первых порах, — спокойно ответил Айвар. — Но я уверен, что они тебя простят, и потом вы сможете стать настоящими друзьями на всю жизнь. Теперь насчет моей просьбы. Не говори им про то, что узнала о моем нынешнем состоянии. Я продолжаю чуть-чуть с ними переписываться, по возможности, и они считают, что у меня все без изменений. Пусть так и будет, пообещай мне, Нерина. Я тебе за это буду благодарен.

— Ты уверен? Может быть, как раз наоборот, нужно поставить в известность тех, кто тебя любит?

— Нет, Нерина, я уверен. Помочь они мне не могут, да и не нужна мне уже никакая помощь, тем более жалость. Я разберусь сам с чем могу, а им только лишние огорчения,

особенно Оле. Про Костю, кстати, тоже не надо никому говорить, жене нехорошо доносить на мужа. Пусть он сам разбирается, как ему с этим жить. А ты не растеряй все, что отмерено, не делай больше глупостей и отвыкай от роли страдальцы. Тебе так полюбилась эта роль, что когда-нибудь она может тебя погубить.

— Хорошо, Айвар, я обещаю, — ответила Нерина грустно. — Но позволь все-таки задать тебе один-единственный вопрос: если бы не было Кости, у нас с тобой могло что-то получиться?

Айвар немного помолчал, при этом его лицо не отражало никаких эмоций.

— Да, любишь ты задавать вопросы, на которые явно не готова услышать любой ответ, — наконец сказал он. — Но поскольку мы больше не увидимся, я скажу тебе правду. В тех же обстоятельствах, в которых мы познакомились, — возможно. В браке может быть много хорошего и без любви, если люди честны друг с другом, если есть уважение и другие источники энергии, хоть та же работа. Но я узнал, что такое по-настоящему любить женщину — не дружить, не общаться по интересам, не заниматься сексом бесплатно, а именно любить, и сознавать, что ты любим. Узнал, насколько это окрыляет, даже когда ты не смеешь ничего ей сказать. После этого наша совместная жизнь неминуемо превратилась бы в кошмар. Вспомни те последние месяцы: я продолжал переживать за тебя, но ты уже меня раздражала, просто потому, что не была ею. Так что нет худа без добра.

— Ты же встретился с женой, когда мы уже расстались, — тихо произнесла Нерина.

Нисколько не смутившись, Айвар пояснил:

— Ну да, мне посчастливилось испытать это чувство дважды. Второй раз я был вознагражден за то, что потерял, причем потерял не без вашего прямого участия. Но я ничего тебе не скажу об этой женщине, потому что это касается только нас двоих. Мне уже пора, Нерина, Андрею Петровичу ты можешь передать, что я его простил ради Паши. Не подробностей ему тоже не рассказывай. Помни, что я сказал тебе, и относись впредь к жизни бережно.

— Спасибо. Береги себя тоже, — ответила Нерина.

Айвар поднялся, медленно провел рукой над ее лбом и женщина удивленно посмотрела ему в глаза. В них не было ничего, кроме странной сосредоточенности, нездоровая улыбка тоже исчезла и лицо выглядело совершенно неподвижным. Но в следующую секунду на нее вдруг накатило легкое, успокаивающее забытие.

8. Незавершенная сказка

Нерина вняла всем наставлениям и просьбам Айвара и дома сразу поговорила с отцом. О самом плохом она умолчала, понимая, что Андрею Петровичу с его здоровьем такие сведения ни к чему, и рассказала только то, что Айвар женат, занимается работой своей мечты и больше не держит на них зла. При этих словах лицо пожилого мужчины заметно просветлело.

Отец в свою очередь поведал, что Костя за время ее отсутствия уехал на две недели в отпуск на Дальний Восток. Перед этим они встретились, и зять выглядел подавленным, но не то чтобы совсем разбитым. Он подтвердил, что рассказал Нерине о своем давнем проступке, но о причинах расставания, как и о дальнейших намерениях, упорно молчал.

— Заодно я между делом спросил у Кости, не хотел бы он сам когда-нибудь попросить прощения у хорошего человека, которого так не по-мужски оболгал и опозорил, — добавил Андрей Петрович после паузы.

— И что же он ответил? — спросила Нерина, пристально взглянув на отца.

— То, чего я и ожидал, — усмехнулся тот. — Он сказал: «Во-первых, такое не прощается, а во-вторых, я ни о чем не жалею. При таких условиях эта просьба не имеет смысла». Вот так, Неричка, я тебе передаю его слова, а ты уж сама думай, что тебе делать с этой информацией. И главное, помни, что на меня ты всегда можешь положиться.

Совет Айвара помириться с давними товарищами отец одобрил и очень помог Нерине в этом. Она позвала ребят с семьями в гости к восьмому марта, и они встретились приветливо и тепло. Оля познакомила Нерину со своими детьми, и Митя тоже взял с собой дочку. Так все негласно сошлись на том, чтобы отпустить прошлое.

Тема ее возможного развода тоже тактично не поднималась, но позже Нерина встретила с Олей наедине, в любимом кафе около «Таврика». Там она все же рассказала подруге про ссору с мужем, умолчав только о его шокирующем признании.

— Ай да Костя! — промолвила Оля. — Так старательно тебя завоевывал, а теперь сам дал от ворот поворот! Что же это за любовь?

— Да его все это достало, Оля, — мрачно сказала Нерина. — Я целиком попала под мамино влияние, заиклилась на том, что семья у нас неполноценная, а к нему вообще перестала прислушиваться. Он всегда говорил, что муж и жена должны быть друзьями, а я, выходит, эту дружбу сама разрушила.

— Да никак ты его уже жалеешь?

— За что? — отозвалась Нерина с искренним изумлением. — Это последний из всех знакомых мне людей, кто нуждается в жалости! Уж ты мне поверь.

— Ну почему, а вдруг он теперь без любимой жены сопьется и пропадет?

— Кто, Костя Ким? — тут Нерина усмехнулась. — Да ты что, он скорее от злости расширит дело и увеличит годовой оборот на пару миллионов! Ты плохо знаешь, что это за человек: он никогда не пропадет, потому что на девяносто процентов думает о себе и на все оставшееся — обо мне. Но для него это уже весьма немало...

Женщины поговорили и обо всем, что изменилось в жизни Оли, и Нерина почувствовала, что искренне рада за подругу.

— Папа был прав, у тебя просто замечательный сын, — сказала Нерина. — Он мне признался, что только благодаря Павлику стал лучше понимать Айвара. Странно, что

характером он совсем не в биологического отца пошел. Я помню этого Даню, он только с виду рубаха-парень, а по сути такой же махровый эгоист, как Костя. Всегда удивлялась, как они с Айваром находили общий язык.

— Да, ты права, — сказала Оля. — Но что тут странного, Даня же Павлика не воспитывал, и кроме того...

Тут женщина притихла и ее взгляд стал каким-то отстраненным.

— Кроме того — что? — насторожилась Нерина, но попыталась перевести это в шутку. — Тут что, есть какая-то тайна? Может, поделишься?

— Не знаю насчет тайны, я это всегда называла «Ист-Сайдская история», — произнесла Оля после небольшой паузы.

— Что это? — спросила Нерина, с трудом переваривая эти странные слова.

— «Ист-Сайдская история» — это песня Брайана Адамса о несостоявшемся чувстве которое тем не менее навсегда остается в памяти. Можно ли назвать любовью то, как ты увидел девушку на ступенях автобуса, не решился подойти и спросить, как ее зовут, и никогда ее больше не видел? А с другой стороны как это назвать, если ты всю жизнь не можешь ее забыть? Вот он, Брайан Адамс то есть, и нашел такие слова: «это всего лишь еще одна Ист-Сайдская история»... — пояснила Оля.

— Ну ладно, это я поняла, а к тебе эта песня какое имеет отношение? — сказала Нерина, ощутив внутри какой-то странный холодок.

— Я всегда любила Айвара, Нери, — ответила Оля. — Вот так, представь себе... Как в глупом голливудском ромкоме, я любила жениха подруги.

При этих словах у Нерины внутри будто что-то треснуло, как надломившееся стекло. Так значит, она была еще более слепа к другим и к самой себе, чем представляла раньше, не предполагала, что все это оказалось не только ее историей, а затронуло и другие жизни, причем еще неизвестно, какой ценой, какой болью, какими отголосками...

На долю мгновения у нее в уме пронеслись и совсем неприглядные мысли, она понимала, что Айвар по объективным причинам не мог иметь отношения к ребенку Оли, и все же что-то ее болезненно кольнуло.

— Да не волнуйся, конечно, Павлик не от него, — улыбнулась Оля. — Теоретически он, разумеется, мог заехать в Россию спустя год, но клянусь, что этого не было. И вообще, дело совсем в другом.

— Боже сохрани, Оля, я это понимаю! Впрочем, какие я сейчас вообще могу иметь претензии, после того, как с ним поступила? Но ты меня шокировала, что есть то есть.

— Понимаю, у тебя такого и в мыслях не было, — констатировала Оля, откинувшись на спинку кресла. — Я же не подавала виду, верно?

— Да что там, — заговорила Нерина потрясенно, — тебе ведь со мной планы на свадьбу приходилось обсуждать, платья выбирать, подбадривать, улыбаться! А я под конец еще и жаловалась, что Айвар стал невыносимым, хотя он всего лишь давал добрые советы...

— Успокойся! — усмехнулась Оля. — Я понимала, что судьба так распорядилась: мне довелось полюбить того, кто уже обручен с другой. Это болезненно, не буду скрывать, но не смертельно же!

— Да уж, судьба, — сказала Нерина, растирая переносицу пальцами, как всегда делала при глубокой растерянности. — А ведь ты сама предостерегала меня от этих отношений, еще когда я звонила тебе из Эфиопии. Помнишь?

Оля подумала, затем снова улыбнулась и невозмутимо ответила:

— Да, я все помню. Странно получилось: Айвар был вроде и не в моем вкусе, потому что я всегда тянулась к простым и беззаботным парням, которые жили одним днем, гоняли на байках и не собирались взрослеть. Но разве это важно, когда встречаешь Его, видишь эти добрые, чуть испуганные глаза и из-под тебя будто вышибает почву? Когда понимаешь, что после этой встречи твоя жизнь, твоя личность уже не будет прежней? Даже если не можешь быть с ним, он все равно теперь повсюду. Ты слушаешь музыку и будто слышишь его голос, глядишь на солнечный летний лес и видишь его глаза, думаешь и адресуешь все сокровенные мысли ему одному...

Она отпила чаю и продолжала:

— Поэтому я действительно пользовалась всякой возможностью его встретить, в том числе и тем, что Даня за мной ухаживал. Но даже и не думала о том, чтобы зайти дальше, поверь на слово. Просто взглянуть, поговорить, пожать руку, — и потом до следующего утра я была счастлива. Мы много общались и в клубе, и вне его, ездили на залив вчетвером, с Митькой, встречали закат. По-моему, тебя ведь они тоже приглашали, но ты ездила редко, и только днем. Верно?

— Да, конечно, припоминаю, — согласилась Нерина, — но у меня всегда находились какие-то причины... Теперь я понимаю, что наши отношения тебе казались странными, да?

— Я не имею права давать им оценок, Нери, — строго сказала Оля. — Ведь иначе я бы никогда его не встретила, и не было бы этих вечеров у моря, когда мы разводили маленький костер, жарили сосиски, пили чай с виноградом и персиками, иногда немного вина... Даня с Митей в карты играли, они оба это дело обожают, а мы вдвоем с Айваром гуляли по воде или усаживались у самой кромки, смотрели на горизонт, на противоположный берег, и болтали. Чего он мне только не рассказывал, сколько знал о жизни, будучи чуть старше меня и не окончив толком даже школу! Он ничего не хватал по мелочи, всегда во все вникал, исследовал, обдумывал. А сколько он прочел книг! Казалось, он мог рассуждать обо всем на свете, и в каком-то добром, светлом ключе... Я до сих пор вспоминаю эти вечера, как лучшее, что случилось в моей юности.

— И все еще его любишь? — осторожно спросила Нерина.

— В какой-то мере я его всегда буду любить, — заявила Оля. — Такое не проходит, но сейчас это другое чувство, более спокойное, умиротворяющее, постоянное. Когда Айвар снова приехал в Питер и познакомил меня со своей женой, меня по-настоящему отпустило. Я поняла, что он счастлив, а большего мне от него не было нужно. К моему мужу и детям это не имеет никакого отношения, они сейчас самые близкие для меня люди. Но это — моя Ист-Сайдская история, которая будет со мной до конца жизни.

— А у тебя нет его недавних фотографий с женой?

Оля понимающе улыбнулась и показала ей на экране телефона фото, на котором Айвар и Наля стояли, обнявшись за плечи, на фоне старенького деревянного вокзала в Сестрорецке. Оба были в джинсах и белых рубашках, а на Айваре, помимо этого, был тот самый узорный пиджак, который он когда-то купил в Питере. Нерина признала, что супруга Айвара в самом деле выглядела очень притягательной и их явно объединяла неподдельная страсть. В то же время она почему-то подумала о том, что подобная женщина вряд ли станет заботиться о нездоровом и отчаявшемся муже, когда вернется на свободу: таким, как она, могут нравиться только мужчины-победители. Вот Оля действительно всегда принимала бы его таким как есть...

Нерина вернула телефон, радуясь про себя, что Оля не видела любимого в его

нынешнем состоянии, и спросила:

— Подожди, ну а как же Даниэль? С ним-то вы как... — тут она запнулась.

Оля спокойно ответила:

— Так ведь у нас и не было ничего серьезного, пока Айвар не уехал. Нет, он не скрывал, что я ему нравлюсь, но это не шло дальше легкого флирта. А потом, когда я кое-как отошла после всего этого, он намекнул, что у него серьезные намерения, и меня это увлекло — не столько он сам, сколько идея брака, семьи, домашнего уюта. С Даней мне было не то чтобы хорошо, но как-то теплее, притупилось это жуткое ощущение пустоты. Однако уезжать ради его амбиций неизвестно куда я все-таки была не готова, тем более беременной. Но в конечном счете все сложилось хорошо: они оба женаты и счастливы, у меня тоже семья. Ты меня осуждаешь, Нери?

— Оля, да мне ли кого-то осуждать, тем более тебя, — тихо и отчаянно сказала Нерина. — Я тобой восхищаюсь: ты не пошла на поводу ни у мужчины, ни у родителей, а я всегда так делала и только разрушила свою жизнь...

— Да бог с тобой, Нери! — сказала Оля с искренним негодованием. — Твоя жизнь еще впереди, как и моя, и все у тебя будет хорошо!

— Ой ли... Если уж ты мне сказала такую важную вещь, я тебе тоже скажу. Что бы ни говорил Костя, мы бы не расстались, если бы я оправдала семейные надежды и родила. А даже если я чудом забеременею, врач считает, что с таким здоровьем я уже не смогу родить полноценного ребенка, да и на мне самой это может плохо сказаться. Понимаешь? Конечно, я знала, что его родственники говорят у меня за спиной: пустоцвет, бракованная... А что было, когда они узнали, что Костя тоже решил пройти обследование! В их представлении проблема ведь может быть только у бабы! Так что какое у меня будущее? Наука, искусство, саморазвитие? Это все лицемерие и фальшь, Оля. Если бы врачи, которые пытались меня этим утешить, действительно в это верили, то у них не было бы своих детей.

Немного помолчав, она добавила:

— А знаешь, что самое страшное, Оль? Я ведь понимаю, что мучаюсь не от того, что никто не назовет меня мамой, не от того, что у меня нет своей кровинки, своего продолжения, а от того, что я не такая, как все, что я лишнее, бесполезное существо, и от этого нет никакого лекарства. Я, дура, еще когда-то тебя жалела, думала, что ты себе жизнь сломала!

— Я не стану тебя утешать, Нери: это действительно выглядело бы глупо и мне не понять глубины твоей боли, — задумчиво, но твердо произнесла Оля. — Но позволь все-таки задать тебе один вопрос. Даже если ты сможешь родить и если, дай бог, твой ребенок будет здоров, ты уверена, что перестанешь считать себя несчастным и бесполезным существом? Что не найдешь другого повода к себе придаться? Вот это и есть самое страшное, а не то, что думают родственники и врачи. Твою проблему еще можно решить, в этом я не сомневаюсь, но не надейся на рождение ребенка как на гарант этого решения! Вот тогда тебе, может быть, станет легче отпустить боль, поверить в себя и разобраться со своей жизнью.

Нерина внимательно посмотрела на подругу и сказала:

— Знаешь, а ведь об этом я действительно никогда не думала. Вечно искала решение где-то вне себя: в Косте, в Айваре, в материнстве... А все было проще и в то же время сложнее.

— Надеюсь, что смогла тебе хоть чем-то помочь, — тепло отозвалась Оля.

Когда женщины расстались, Нерина долго сидела в парке, мучительно обдумывая все, что узнала от забытой на много лет подруги, и чувствуя, что та ей рассказала не все. Оля явно хотела преподать ей некий урок, напомнить, что не все в жизни таково, как кажется нам, но что-то осталось за скобками этого урока. Что-то не давало Нерине покоя, ускользало внутрь подсознания, прячась невидимой и болезненной занозой.

И вдруг она вспомнила последний разговор с Айваром и все поняла. Господи, да как же иначе? Почему он наотрез отказался возвращаться в Россию? Почему так просил не сообщать дурных вестей Оле и всем, кто может ей рассказать? Да что там, они ведь даже говорили похоже — «это окрыляет даже когда ты не смеешь ей ничего сказать»... Конечно, ее подруга и была той женщиной, о которой он говорил. Они полюбили друг друга, а Нерина своими эгоистичными капризами разрушила их возможное счастье. И что теперь делать с этим знанием и собственной испорченной жизнью?

А Оля тем временем мыслями была в своей юности и любви, слишком пронзительной и драматичной для «Ист-Сайдской истории». Были и слезы, и отчаянное желание переиграть ситуацию, и неудобные мечты и сны, и щемящее чувство от его запаха, когда им удавалось обменяться поцелуями в щеку. И жуткое, сладкое смущение, когда в жаркий день на природе он стоял так близко, когда студёные капли стекали по черной коже, когда под ней перекачивались крепкие мускулы и грудь вздымалась, вбирая нежный летний воздух. Айвар на миг отвел глаза и девушка с радостью и страхом подумала: не хочет ли он того же, что и она, — беспомощности, которому не могут помешать ни люди, ни бог, ни социальные и расовые преграды. Только солнце, звонкая тишина и влажная трава остаются деликатными свидетелями.

Она все поняла сразу, едва этот высокий, сильный, удивительно красивый парень, от которого будто исходило тепло, приблизился к ней, смущенно улыбнулся и сказал: «Это я и есть». Это были роковые слова. Оля не то чтобы боялась или недолго любила негров, но они всегда казались ей существами с иной планеты, возможно прекрасными, но чужеродными и телом, и душой. И вдруг полюбила именно африканца, так, что его кожа, экзотическая одежда, акцент и невиданная сила казались ей роднее и гармоничнее всех северных привычек и традиций. К тому же, он всегда безукоризненно следил за собой, был чисто выбрит, от него пахло чем-то свежим и пряным, а майки и носки постоянно оставались белоснежными.

А кроме того, Оля сразу прочувствовала его удивительную душевность и мудрость, которые выражались даже в мелочах. Айвар всегда привозил на совместные прогулки на воздухе к столу то, что любили девушки, и помогал им убирать мусор, замечал любую мелочь и непременно учитывал наличие вблизи заведения с туалетом, чтобы у девушек не возникло проблем. У него всегда при себе имелись пластыри, спиртовые салфетки и активированный уголь, он знал, что у Оли болезненные менструации, советовал, что принять и даже иногда делал ей лечебный массаж поясницы.

Кроме того, летом, когда родители у ребят то и дело выбирались на дачу, Айвар нередко навещал Олю, зная, что она, как и Нерина, в это время халатно относится к питанию. Оля, в отличие от подруги, умела готовить и творчески к этому относилась, но не видела смысла утруждать себя одной, как и тратить на кафе. Ей хотелось уделить побольше времени любимой музыке, чтению, просмотру видеолекций или спорту, а на обед и ужин можно было обойтись салатом, сосисками и творожной массой. Айвар этого не понимал и вскоре взял над девушкой своеобразное «шефство» — заходил к ней всякий раз по пути,

когда ездил в центр, и приносил готовые обеды из хорошей кулинарии.

Ни один парень из всех, кого Оля знала раньше, не был так внимателен, а уж Костя откровенно бравировал пренебрежением к женским слабостям, считая, что это особенно впечатляет в «настоящем мужчине». И мнение Оли по этому поводу не было для него секретом. Нет, откровенного флирта с подругой невесты Костя себе не позволял, но замечал ее безразличие к его мужской харизме и отсутствие всяких признаков зависти к Нерине. Это явно нервировало привыкшего к дамскому вниманию парня и было одной из причин его нелюбви к русским друзьям Нерины.

Айвар спокойно и с юмором относился к предубеждениям против своей расы и к ее истинным недостаткам и слабостям, добродушно воспринимал все выпады Митинога деда про «Чунга-Чангу» и умилялся от смешных нарисованных негритят в старом мультике «Каникулы Бонифация». Но все это нисколько не мешало ему разбираться в серьезном и глубоком, жестко оценивать дурные и аморальные вещи.

В клубе Оля не только угощала ребят сладостями к чаю, но и помогала готовиться к концерту, попутно рассказывая о русских песнях с мотивом древней печали и мудрости. Ей казалось, что Айвар легко ее поймет, потому что их народы были схожи особым складом языческого мировоззрения, на которое мало повлиял налет христианства. Она верила в высшие силы, которые не просто наблюдали за жизнью людей, но и не давали сломаться, отгоняли тяжелые мысли о неизбежном.

Когда они с Айваром напели одну из таких песен на два голоса, девушка сама не сразу почувствовала, как по щеке прокатилась нечаянная слезинка.

— Оленька, да что ты? — ласково сказал Айвар и осторожно отер ее кончиками пальцев.

Она благодарно на него посмотрела и тут их взгляды столкнулись в каком-то ином чувстве, неловком, внезапном и в то же время сознательном. Чудесная музыка оказалась катализатором, прояснившим для Оли, что все это неправильно и опасно, что им не избежать взаимной душевной боли, что не себе, а ей Нерина нашла суженого в дальних и диких краях... Но они оба были скованы обязательствами и моралью и ничего не смогли бы с этим сделать. Оля никогда не думала «отбивать» его у Нерины: такое противоречило ее натуре, унижало любимого человека, превращая в предмет охоты или торгов. Но ей было бы легче, если бы Айвар точно был равнодушен к ней, а Оля чувствовала нечто другое.

И у них с Айваром все-таки была общая история, случившаяся в тот безжалостно короткий момент, когда он уже не был женихом Нерины.

9. "Осенней неги поцелуй..."

Эту историю Оля, разумеется, не собиралась рассказывать подруге, да и сама много лет не вспоминала о ней — точнее, приучила себя не вспоминать. Так же сделал и Айвар, сказав себе, что это был лишь короткий, тяжелый и болезненный сон. Они не копались в пережитом и почти никогда не обсуждали это между собой, а тем более с кем-либо другим. Но в последнее время Айвару почему-то стал приходить на память этот случай, что казалось ему дурным знаком, — будто предстояло подводить итоги. И почти тогда же, как по наитию, о нем вспомнила и Оля, хоть, в отличие от Айвара, и не видела в этом ничего зловещего.

... Незадолго до отъезда Айвара ребята приглашали Олю в клуб, посидеть напоследок в уютной компании, но она отказалась, сославшись на плохое самочувствие. В какой-то мере это было правдой: с того момента, как она узнала, что Айвар уезжает, на нее впервые в жизни накатила меланхолия — девушка не хотела ничем заниматься и боялась даже думать о том, как они встретятся в аэропорту в последний раз. Ее даже радовало, что родители всю неделю проводили за городом и не видели ее состояния.

Вечером, когда она вздумала перед сном посмотреть какое-то мрачное кино дабы немного отвлечься от личных переживаний, в дверь вдруг позвонили. К огромному удивлению Оли, это был Айвар — хоть его визиты и не были для нее диковинкой, она никак не ожидала, что он поедет к ней в такой суматошный момент.

— Привет, Оленька! — сказал он с улыбкой. — Вот решил зайти, раз тебе нездоровится. Заодно и поесть принес.

Он кивнул на увесистый пакет.

— А почему ты не позвонил? — спросила Оля смущенно. — Я бы в порядок себя привела, к чаю что-нибудь сделала, шарлотку хотя бы. Да и разве тебе сейчас до меня?

— А до чего же еще? — спокойно ответил Айвар. — Данэ сейчас дома нет, у него мероприятие почти до утра, так что мне в пустой квартире-то делать?

Он повесил куртку на вешалку, снял кепку и Оля заметила, что в нем что-то изменилось — за эти дни он как будто спал с лица, и кроме того, исчезла его прежняя дерзкая челка. Волосы, по-прежнему густые и пышные, теперь были сдержанно зачесаны на бок и открывали лоб. На нем была элегантная белая водолазка, а из украшений Айвар оставил только простые серебряные сережки.

— Давай я все разберу, а ты пока пригладь перышки, — предложил он, и хоть это забавное предложение и не отличалось элегантностью, Олю оно почему-то очень растрогало. Она уже с удовольствием сменила футболку на красивое летнее платье, расшитое пестрыми бабочками, причесалась и даже брызнула на волосы капельку душистой воды.

Тем временем Айвар выложил на кухне продукты, которые немало удивили Олю, — кусок нежно-розового тамбовского окорока, твердый сыр, хрустящие багеты, миниатюрные помидоры, упаковку клубники, бутылку виноградного сока и даже несколько банок с консервами. Также у него были при себе хорошие порции сладкого пирога со сливой и абрикосами и коробка очень красивых шоколадных конфет.

— Айвар, ну зачем ты, — промолвила Оля, хотя ей все это было очень приятно, — тебе же теперь лучше поберечь деньги. Мало ли как что повернется?

— Ерунда, Оля, не думай об этом, — отмахнулся парень. — Могу я, в конце концов,

позволить себе немного радости? И насчет денег не беспокойся, на мои скромные нужды мне всегда хватит, тем более в Эфиопии. Там жизнь недорого стоит, во всех смыслах. Я вот еще кое-что хочу тебе подарить, на память.

Он протянул ей деревянный лакированный шарик на блестящей ленточке, выкрашенный матово-золотой краской и расписанный яркими желтыми цветами.

— Такие цветы у нас в Эфиопии являются новогодним символом, как здесь елочки, снежинки и прочее, — пояснил Айвар. — Я его когда-то купил у мастера, который тоже много бывал в России и до сих пор помнил снег, мандарины и вот такие украшения. Эфиопы, как ты понимаешь, елку не наряжают, да и отмечаем мы Новый год совсем в другое время, но он в знак симпатии к России сделал несколько таких игрушек по ее традициям. Так что заранее дарю его тебе к русскому Новому году.

— Спасибо, — тихо сказала Оля и улыбнулась, несмотря на то, что мысли о завтрашнем дне все еще угнетали ее. Спрятав шарик, она ополоснула мельхиоровый заварочный чайник с лаконичным советским дизайном и достала коробочку с чаем.

— Извини, что кофе нет, — добавила она. Вдруг Айвар мягким доверительным жестом притронулся к плечу девушки.

— Ну что ты грустишь, Оленька? Такому солнышку это не к лицу, особенно когда природа за окном хмурится.

— Я думаю о том, что с тобой будет, — вздохнула она. — Неужели ты теперь туда вернешься?

— Может быть, — невозмутимо ответил Айвар. — Но не надо сгущать краски. По моему, Данэ волнуется больше, чем я сам, потому что он никогда там не жил. А я-то жил, к тому же, в восемнадцать лет прибыл в этот город босой, с провиантом в пачку сигарет и с дикой кашей в голове, но мне все-таки удалось выжить. Так что теперь и подавно не пропаду.

— И что ты думаешь делать?

— То же, что намеревался: буду ходить за больными. Я мечтал об этом всю жизнь, и если бы у меня не произошел сдвиг из-за трагедии, то давно бы уже выучился и сейчас был хорошим медбратом. В Аддисе устроюсь в больницу, начну с мытья, уборки и другой прозы жизни, а там и образование смогу получить.

— Значит, ты не разочаровался в своей мечте? — улыбнулась девушка.

— С чего бы это? — удивился Айвар. — Без скептиков ни одно полезное дело не обходится. Здесь я многое понял, и хоть и не успел всего сказать Андрею Петровичу, на будущее мне это пригодится.

— Ты как будто и не очень расстроен, что свадьба сорвалась, — вдруг заметила Оля.

— Я немного обижен, Оленька, но не из-за свадьбы. Да и сам был не лучше Нерины: двое перезрелых подростков сговорились и решили поиграть во взрослую самостоятельную жизнь. Просто надо было вовремя остановиться, еще после того дурацкого разговора на даче. Но кто же умеет признавать ошибки? В конечном счете мы избежали самого плохого: не поженились. Мне только своей репутации жалко, а в остальном...

— А что ты не успел сказать Андрею Петровичу?

— Это пусть останется при мне, Оля. Тебе я только скажу на будущее: не надо быть слишком строгими к тем, кто однажды попал на кривую дорогу. Мужская проституция отнюдь не сплошной рай, за который еще и приплачивают, это плохо, грязно, а зачастую еще и опасно, и на одну славную девушку найдется десять таких, которые смотрят на тебя как на

использованный тампон. И наверняка, это поделом. Потом я уже научился говорить «нет», но сначала-то был совсем пацаном, да еще нищим и одиноким, внутри творился полный разброд и ни одной родной души на свете! В то время было всякое, честно тебе скажу, но откуда у меня могла быть воля к сопротивлению? — Айвар вздохнул и печально улыбнулся. — Какой мне был смысл петься о своем моральном облике, если я не знал, что со мной будет завтра? Вы плохо понимаете, что это такое, и не дай бог...

— Но все-таки почему ты тогда сравнил это с уходом за тяжелобольными?

— Потому что все это — жизнь, Оленька, с тех сторон, о которых не принято говорить, но от них никуда не деться. Каждый как может пытается заявить, что он живой человек, а не проект по созданию идеальной личности, и у одних это слезы, а у других — аморальное поведение. И кто знает, не пройди я через такое в юности, может быть, сейчас был бы менее терпимым к людям.

Тем временем Оля заварила чай, сделала бутерброды и нарезала пирог.

— И почему ты всегда так стараешься всех накормить? — сказала она, заметно повеселев.

— Да просто люблю когда люди сыты и здоровы, — отозвался Айвар. — Так что давай, не отставай, и самочувствие у тебя сразу улучшится. У меня сегодня тоже весь день не было аппетита, а сейчас вот что-то разохотился. А немного покурить у вас можно будет?

— Никаких проблем, папа тоже всю жизнь смолит, так что мы привыкли.

За едой они беззаботно болтали и шутили. Айвар заметил, как светло-русые волосы девушки в свете лампы переливались легкой рыжинкой, и подумал, что она сейчас удивительно похожа на осеннюю лесную нимфу.

— Слушай, Айвар, — спросила вдруг Оля, когда они поели и она собрала посуду, — а тебе вообще нравятся белые девушки?

— То есть? — удивился Айвар. — Ты что, имеешь в виду интим?

— Ну да, а что? — сказала Оля, хотя сама уже успела пожалеть о своей несдержанности. — Просто интересно, есть ли какая-то разница...

— А, в этом смысле? — усмехнулся он добродушно. — Ну если честно, то с негрityночками мне всегда было комфортнее. Родное — оно и есть родное, даже в такой прозе жизни. К тому же, белые девушки гораздо более зажатые, сколько ни пытаются выглядеть раскрепощенными.

— Да? — задумчиво произнесла Оля. — Но не всегда же так, бывают исключения...

— Странный какой-то разговор, Оленька, — сказал Айвар, пожав плечами. — Звучит так, будто ты хочешь мне что-то предложить.

— А если я хочу? — сказала Оля изменившимся голосом и внимательно на него посмотрела. — Такой вариант ты никак не рассматривал? Потому что я такая хорошая и правильная, а значит, заслуживаю только дружбы и уважения к своему глубокому внутреннему миру?

— Оля, — ответил Айвар после паузы, заметно растерявшись, — ты хорошая и правильная, тут я ничего не могу возразить, но это не значит, что тебя нельзя желать как женщину. Просто меня эти разговоры как-то не вдохновляют. Если что, я уж точно пришел к тебе не для того, чтобы получить взамен... нечто подобное.

— В это я как раз верю, — вздохнула Оля. — Ты действительно пришел из добрых побуждений, и у тебя даже в мыслях не было ничего грязного. Потому что знаешь... вот есть такие девушки, про которых нельзя ничего такого подумывать, они для этого слишком

хорошие! Их можно уважать, можно жалеть, можно жаловаться им на других девушек — тех, которые не такие хорошие, но с ними почему-то хочется иметь другие отношения...

— Так, все, — тихо, но очень решительно сказал Айвар и взял Олю за плечи. — Во-первых, я ни на кого тебе не жаловался, не наговаривай. Во-вторых, я жалею любую женщину, а уважаю только поступки. Но при чем здесь вообще какие-то «другие отношения»?

— При том, что я тебя люблю, — вырвалось вдруг у Оли.

Айвар взглянул на девушку с изумлением и негромко переспросил:

— Что?.. Ты меня любишь?

— А что тебя так удивляет? То, что я при этом дружила с Нери?

— Да нет, при чем тут она... Просто мне никто еще этого не говорил, пытаюсь переварить, — смущенно ответил Айвар, не зная что добавить.

— А я еще не говорила этого никому, — отозвалась Оля и вдруг улыбнулась.

Айвар ожесточенно потер лоб и виски и заговорил с нарочитой веселостью:

— Что-то я не понимаю: тебя что, попросили меня на вшивость проверить? Так вроде незачем, мне ведь уже дали отставку... Или она тебе меня одолжила на вечер? А ты и рада, тоже на экзотику потянуло?

— Ну считай, что так, если хочешь, — спокойно ответила Оля, — потянуло на экзотику.

— Ясно, — усмехнулся Айвар. — А мулат тебе, значит, не сгодился? Сразу негра подавай?

— Айвар, так ты же заранее знаешь ответы на все свои вопросы! Ну и зачем спрашиваешь? Ты сам ничего не хочешь мне сказать?

— Оля, ты очень красивая, с тобой хорошо, — с усилием проговорил Айвар, понимая, чего девушка от него ждет, — но так же нельзя...

— Успокойся, ничего страшного не происходит, — тихо ответила Оля. — Ты любишь меня?

Она ждала от него тех слов, в которые умещалось все пережитое за несколько месяцев в Питере: и необъяснимый восторг первой встречи, и напряжение, когда с ней флиртовал его друг, и пьянящая радость от поездок за город, которых он ждал еще накануне, и смятение от слов Нерины, будто бы ее подруга и Даниэль намерены пожениться.

После того, как схлынула первая острая обида и Айвар понял, что ему больше не придется терпеть странное поведение невесты и нрав ее отца, у него стало почти легко на сердце — он знал, ради чего на самом деле была эта поездка в Питер, и ни за что не стал бы ничего менять в прошлом, если бы получил шанс. Лишь бы увидеть эту тоненькую белую девушку с мудрым и кокетливым взглядом серых глаз. Хотя какая же она белая? Разве это глупое пустое слово могло передать всю палитру ее нежного румянца и абрикосового питерского загара, который еще напоминал о лете?

Однако он надеялся сохранить это навсегда в душе как прекрасную неприкосновенную тайну, как памятный дар на всю жизнь, а теперь это уже было невозможно и приходилось быстро принимать новое решение. Тем более после всего, что она только что сказала...

Все эти мысли на самом деле уместились в секунды — Айвар просто стоял, глядя на Олю странным взглядом, в котором уже не было и следа испуга, и короткими нервными движениями облизывал губы. Наконец он тихо сказал, сам не зная почему:

— Не сердись, пожалуйста.

Оля подошла к нему и осторожно, почти по-матерински, прикоснулась к его лбу и

щекам, будто проверяла, нет ли у него жара.

— Я не сержусь, — ответила она шепотом, и Айвар очень деликатно, почти боязливо поцеловал ее в губы. Ему хотелось сказать что-то вразумительное, но он смог только прерывисто произнести:

— Оленька... Беляночка моя!

В следующую секунду у Айвара внутри что-то перемкнуло и он сам не заметил, как стал целовать ее по-мужски требовательно и жадно, властно проталкивая язык ей в рот, вдыхая сливочный аромат ее волос, а его руки заметались по ее мягкому девичьему телу. На миг прервавшись, Айвар посмотрел ей в глаза, будто хотел о чем-то спросить, но Оля только крепче обняла его за плечи и ласково прошептала: «Все хорошо, любимый мой, мальчик, все хорошо. Дыши, дыши, вот так».

Они снова начали исступленно целоваться, уже с обоюдной силой и страстью. Айвар быстро расстегнул платье Оли и стиснул грудь, более женственную, чем у Нерины, но все же миниатюрную, провел ладонью по прохладному плоскому животу, от которого тоже пахло сливками и ванилью. Она заметила, как легко он расстегнул ее простенький белый лифчик, заведя руки ей за спину, и поняла, что эти навыки он долго оттачивал в прошлом, но почему-то это совсем ее не задело. Впрочем, на самом деле Оля была не в состоянии задерживаться на подобных мыслях, и единственное, что сейчас ей казалось важным, — не спугнуть намерения Айвара. Желание внутри нее разгорелось так, что телу было больно, и заглушить это могла только другая боль, сильнее и слаще.

Потом он стянул водолазку и бросил на пол — ему реально хотелось остыть, пульсирующее сердце будто пыталось увернуться, не обжечься от превратившейся в кипяток крови. Одним движением он поднял девушку, охотно ухватившуюся за его плечи и талию, и дальше обоих уже просто несло какой-то волной помимо воли. Это, как подумала Оля, была уже не «Ист-Сайдская история», а скорее «Будто я умер и попал в рай» того же Брайана Адамса. Так и должно быть в раю: темно, жарко, бесстыдно и свободно, без всяких сказок про ангельское пение и пушистые облака.

От родительского ложа Айвар наотрез отказался, хоть на девичьей постели Оли оказалось не так уж удобно. Когда он почти рефлекторно потянулся к карману джинсов, Оля вдруг резко перехватила его руку:

— Не надо!..

— Я тебе покажу «не надо», — почти зло произнес он, но эта злость еще больше распалила неведомое прежде чувство. Наконец она вся была рядом, искренняя, послушная, смелая, и его пухлые темные губы с упоением исследовали нежные полушария ее груди, ласкали их бледно-розовые вершинки, беззащитный живот, родинки на ляжках. Впервые он воцарился женщиной всей своей сущностью, не из-за импульсивной телесной реакции на стресс, не из-за выгоды, жалости, бегства от одиночества или вызова собственному отчаянию, — и подспудно думал: «Я же предупреждал, что это плохо кончится, беляночка моя. Я же знал...»

В первый момент она вскрикнула, и хотя Айвар очень за это переживал, пути назад уже не было. К счастью, боль быстро утихла и напряжение спало: он обволакивал ее своим теплом, как огромный ласковый кот, и вместо сильных толчков Оля ощущала лишь приятную наполненность. Он плавно покачивал над ней свое тело, опираясь на руки, время от времени наклонялся, чтобы поцеловать ее щеки, волосы, шею, и нашептывал какие-то диковинные африканские слова. На его плечах и груди выступили бисеринки пота, и Оля

осторожно прикоснулась к ним.

— Горячо, — произнесла она тихо и бездумно.

— Если хочешь, я перестану дышать, — ответил Айвар уже почти шепотом, как будто принял это за жалобу.

— Что, навсегда? — улыбнулась Оля, на миг приходя в сознательное состояние.

— Если хочешь, — повторил он.

Наконец Айвар почувствовал, что вот-вот изойдет, и это вызвало прилив неведомой прежде радости, никак не соответствующей банальному облегчению организма. Они сжали друг другу руки, словно сообщники, и тепло разлилось по его телу так, что он невольно вздрогнул и глубоко вздохнул. Оля еще тяжело дышала после того стремительного темпа, который он набрал под конец, ее лицо разрумянилось, тонкая кожа шеи и груди тоже покраснела, глаза были мутными, как и у него.

Придя в себя, они быстро помылись и возвратились в постель: у Айвара после скопившегося напряжения хватило сил только на то, чтобы натянуть плавки. Оля прижалась к нему и он со щемящей нежностью подумал о том, как ему всегда не хватало такой простой чувственной искренности, более пронзительной, чем самые изощренные сексуальные приемы.

— Тебе... ты хорошо себя чувствуешь? — наконец прервал он паузу.

— Да еще как, — ласково сказала девушка, поняв его смущение. — Ты поспи немного, и не волнуйся, будильник я поставлю.

Правда, Айвар проснулся и без будильника и тем не менее чувствовал себя вполне отдохнувшим. Оли рядом не было, но с кухни доносились приглушенные звуки музыки, которую она всегда включала за едой и чаем. Уже одетым он зашел на кухню и увидел ее в том же платье, безмятежно перемывающей посуду. На столе закипал чайник и все выглядело так мирно и буднично, что происшедшее стало казаться Айвару чем-то бредовым. Не зная что сказать, он просто поцеловал ее в губы.

— Чай будешь? — спросила Оля с прежней спокойной улыбкой.

Айвар кивнул и присел на диванчик, продолжая нервно потирать лоб. Она поставила перед ним кружку, от которой шел аппетитный пар.

— Да, странно все получилось, — наконец промолвил он, осторожно отхлебывая, — я ведь даже на твой вопрос толком не ответил...

— Ну что тут странного? — ответила Оля, села напротив и погладила его по волосам. — Только не вздумай оправдываться. Нам же было хорошо вместе, правда? А моя честь не пострадала, ибо нечему было.

Она рассмеялась, заметив, что Айвар нахмурился.

— Ну да, — сказал он, — я помню, что ты почти три года потратила на какого-то белого недоумка, который скорее всего и свои прихоти тебе диктовал.

— Да никак ты ревнуешь, черный красавец? — усмехнулась Оля. — Я-то думала, что ты всегда был выше того, чтобы заморачиваться на каких-то бывших и настоящих женихах и законных мужьях.

— Мне всегда и было на них плевать, только не сейчас, — спокойно пояснил Айвар. — Сейчас я думаю: «моя» — и все, и посмел бы кто притронуться... А чего ты хочешь, Оленька, мужчины так устроены! Лицемерное человечество вообще ухитрилось накатать на этом целую идеологию о долге женщины хранить целомудрие до брака! Думаешь, у этого есть хоть какие-то основания кроме глупого мужского эгоизма?

— Спасибо, что просветил, — сказала Оля и шутливо щелкнула его по носу. — Кстати, а что ты шептал мне на ухо?

— Этого тебе точно не следует знать: ты девушка, так что можешь понять превратно.

Оля благодушно заметила:

— Между прочим, у девушек тоже есть свой эгоизм: они хотят замуж, хотят носить этот смешной неуклюжий живот, хотят детей... Ну или хотя бы одного ребеночка — пухленького, цвета кофе со сгущенкой, с белыми ручками и пяточками...

— Последнего обещать не могу, — признался Айвар, — мои мечты никогда так далеко не заходили. Но в остальном, Оля, у нас ведь теперь все серьезно?

— То есть? — спросила девушка, почему-то переменявшись в лице.

— А что тут непонятного? Ты ведь замуж за меня пойдешь? А что, я хочу настоящую свадьбу, и по-моему, это естественный порядок вещей! Не зря же судьба так распорядилась и я сюда пришел в последний момент!

— Ты думаешь, что у нас получится? После того, какую травлю тебе здесь устроили? — осторожно сказала Оля. — Не лучше ли все-таки спокойно устраивать жизнь дома?

— Наверное, лучше. В Питере, конечно, боязно оставаться, но если ты захочешь, я останусь, поверь. В конце концов, необязательно жить именно здесь, городов в России много, и с документами мы все как-нибудь уладим. А потом, того и гляди, уедем вместе ко мне — я тебе покажу, сколько там всего! Эфиопия не так уж безобразна, если присмотреться, и там тоже есть место и счастью, и уюту.

Он бережно сжал ее ладонь.

— Ну так что, беляночка моя?

— Айвар, ты меня ставишь в очень затруднительное положение, — наконец сказала Оля, опустив глаза. — Получается, что я одним словом должна решить твою жизнь? И если что-то с тобой случится, буду виновата, что подвергла опасности, лишь бы побыть рядом с тобой? Для меня важнее чтобы ты был цел и невредим, исполнил свою мечту и был счастлив, пусть в другой стране и с кем-то другим. А эта ночь навсегда останется в памяти, как самое сокровенное и прекрасное...

— Да, Оля? — произнес Айвар, заметно напрягшись. — А может быть, ты все-таки не моей жизнью боишься распоряжаться, а своей? Может быть, тебе просто легче жить мечтами и грезами? Хотя я тебя не осуждаю, не дай бог! Да, любовный угар проходит, и начинаются проблемы, а со мной они начнутся гораздо раньше просто потому, что я негр. Но я все-таки не понимаю: неужели лучше поступиться куском собственной души, чем жить по-взрослому?

— Айвар, я же не говорила, что от тебя отказываюсь, — тихо возразила Оля.

— А что же ты сказала? — вздохнул Айвар. — Ладно, я понял. Только не надо таких красивых слов о моей безопасности. Скажи просто: ты получила что хотела.

Он так быстро встал и вышел за дверь квартиры, что Оля ничего не успела предпринять. Сев на табурет в прихожей, она уткнулась лицом в колени и наконец дала волю слезам.

К себе Айвар вернулся совсем под утро, когда Даниэль уже был дома, постарался быстро проскользнуть в ванную, чтобы перебить чем-нибудь запах парфюмерии, и друг успел только спросить:

— Иви, ты с девчонкой был, что ли?

— Ага, — кинул Айвар на ходу и скрылся за дверью. Даниэль изумленно поглядел ему вслед и ни о чем больше не допытывался.

А ближе к вечеру вся компания провожала Айвара в аэропорту. Он не ожидал увидеть там Олю после вчерашнего, но она пришла и то и дело бросала на него короткие тревожные взгляды. До начала регистрации, пока все четверо коротали время в зале, Оля улучила момент и куда-то вышла, стремительно сунув в руку Айвара сложенный листок бумаги. На нем было набросано: «Я буду около киоска с газетами».

Чуть позже Айвар направился туда под благовидным предлогом, не вполне надеясь, что она действительно его ждет. Скорее он склонялся к мысли, что Оля сбежала, не выдержала перенапряжения, и не мог ее за это винить. Но она стояла там — бледная, осунувшаяся, повзрослевшая и еще более прекрасная, чем в тот день, когда они познакомились.

Прохожие смотрели на обнимающихся черного парня и русскую девушку с той неприязнью, какую часто здесь вызывает подобная связь, и никто не видел слез, которые непрерывно текли по ее лицу. Остановиться просто не было сил. Он держался, но в его карих глазах тоже застыла невыносимая боль. «Мы еще непременно увидимся, беляночка моя, — тихо произнес Айвар напоследок, — Я тебе обещаю».

10. Жизнь на осколках

Первые дни после возвращения в Эфиопию Айвар запомнил как сплошной темный и душный сгусток, а Питер казался сумбурным сновидением. Слегка придя в себя, он всецело загрузил себя работой, не чураясь самого тяжелого и грязного труда, и так, в физическом напряжении и заботе о других, сумел понемногу распутать мысли и обрести верную дорогу. Тоска по Оле долгое время его не оставляла, но он понимал, что отгораживаться от женщин и чувственных удовольствий не имеет смысла и выглядит глупым самоистязанием. Только нельзя было повторять ошибку с Нериной — делать женщинам одолжение, которое они потом не смогут погасить.

И в какой-то момент Айвар просто захотел себя проверить: удастся ли ему еще раз пережить настоящее страстное наслаждение или близость снова будет сводиться к банальному безусловному рефлексу. Тогда же он познакомился с молоденькой девушкой, живущей по соседству, — она носила библейское имя Ноэминь, но все друзья называли ее Нисси, да и ее образ жизни не вязался с благочестием. Она училась в Аддис-Абебском университете на врача, читала европейскую и американскую литературу и вела себя как свободная и раскованная западная девушка. В отличие от ранимой и меланхоличной Лали, которую Айвар вспоминал с куда большей нежностью, для Нисси на первом месте были удовольствия. Она обожала танцы, носила джинсы и блестящие босоножки на шпильках, ярко красилась, курила и к любви, соответственно, тоже относилась очень просто. Айвар быстро ей приглянулся, и поначалу она подкармливала его домашней пищей. Потом Нисси предложила и другие удовольствия, начавшиеся прямо в рейсовом автобусе, на котором они поехали на загородную прогулку, — другие пассажиры в это время ушли перекусить. Она немного поразила Айвара своей смелостью и изобретательностью, но в этом он нашел и своеобразное очарование.

Айвар знал, что у Нисси имелся жених, который в это время учился в Москве, но в тот момент это даже его устраивало. Правда, временами он все же чувствовал неловкость, и когда ситуация совсем ему разонравилась, порвал с ней почти с облегчением. Случилось это, когда жених Нисси приехал на каникулы и она спокойно их познакомила, а парень даже по-приятельски хлопнул Айвара по плечу и многозначительно подмигнул. От его ошеломленного вида Нисси рассмеялась и сказала:

— Да ладно тебе, Айви! Ты думаешь, сам он там не гуляет? Вы ведь как с ума сходите, когда видите белых девчонок! Он и пробудет здесь всего неделю. Ты же потом придешь?

Айвар в общем все понимал и не думал учить ее жизни, однако больше к ней не пришел и с тех пор не связывался с несвободными девушками. После этого разговора он понял, что бывают моменты, когда чем хуже — тем и лучше, и не надо себя за них казнить, но и застревать в них надолго нельзя.

Он написал Оле сразу после приезда, что благополучно добрался, но регулярно они стали переписываться лишь спустя несколько месяцев: первое время этому во многом мешали местные технические проблемы. И понемногу Айвар чувствовал, что боль отпускает его и взамен приходит душевная нежность. Конечно, вместе с болью неизбежно угасала и любовная горячка, и вообще в том мире, где Айвару предстояло жить, Питер все больше казался ему сном. Но он хотел не просто отбывать земное время, а стать счастливым, и все еще мечтал найти действительно родную женщину.

Оле поначалу тоже пришлось тяжело — девушка считала, что во всяком случае поступила честнее своей подруги, не взяв на себя невыполнимых обязательств, но это не избавляло от боли и чувства вины. Как бы то ни было, она чувствовала, что глубоко обидела любимого человека, обманула его надежды и, возможно, сбила с уже наметившегося пути.

С Даниэлем и Митей она в тот период мало общалась, боясь возможных разговоров об Айваре, и отговаривалась плохим самочувствием. Кроме того, спустя пару месяцев после отъезда Айвара у девушки внезапно открылось кровотечение, которое не походило на обычные месячные. Это испугало ее, и несмотря на нелюбовь к поликлиникам, Оля сходила к врачу. Тот сказал, что никаких признаков острой патологии, слава богу, не наблюдается, и уточнил, в норме ли ее цикл. Только тут Оля сообразила, что совсем бросила следить за этим, да еще мать, женщина осторожная и мнительная, напрямую спросила, не была ли она беременна. Девушка все отрицала, но сомнения в ней зародились: ведь могла же защита дать сбой? И их короткий спор с Айваром о ее необходимости имел продолжение? Узнать правду уже не представлялось возможным, а во что ей больше хотелось верить, Оля сама затруднялась сказать.

Само собой, в этот период ей было не до романов, и Даниэль поначалу гораздо больше переживал о потере друга, чем об устройстве своей личной жизни. Ему не приходилось жаловаться на ее однообразие, но Оля с самого начала их знакомства нравилась ему больше всех девушек, с которыми у него были отношения. Она казалась ему земной и тем не менее необычной, несмотря на легкость характера, похожей на девчонку-хиппи времен революции сознания.

Понимал ли он, что Оля была влюблена в его друга? Скорее интуитивно отмечал, что она интересовалась Айваром чуть больше, чем просто женихом подруги, но не видел за этим ничего серьезного. В конце концов на таких парней, как Айвар, трудно не заглядываться, и эта возможная конкуренция даже нравилась Даниэлю, подогревала азарт, с которым он хотел завоевать Олю.

Они начали сближаться с конца зимы нового года, когда Оля все еще избегала компаний и развлечений. Никаких серьезных недугов у нее на самом деле не было — только хроническая апатия, которая тем не менее лишала и аппетита, и сна. Даниэль, как и многие молодые люди, не жаловал житейские проблемы, мешающие размеренному течению жизни, однако о ней ему вдруг искренне захотелось позаботиться. У Нерины в ту пору был разгар свадебных приготовлений, к тому же Оле по понятным причинам и так не хотелось с ней общаться. Митя часто звонил приятельнице, но она сама отговаривала его приходить в гости.

А вот Даниэль повел себя настойчиво — сначала неожиданно к ней наведаясь, потом уговорил съездить в заснеженный лесопарк, развлекал забавными историями, пообещал принести какие-то интересные музыкальные записи и фильмы. Оля постепенно взбодрилась и почувствовала благодарность за такую деликатную и своевременную встряску.

Форсировать события Даниэль совсем не стремился и просто приглашал Олю в клуб, водил в кино на легкие позитивные фильмы, а когда пришла теплая погода, они ездили гулять на залив или в любимые ею Пушкин и Ораниенбаум. Конечно, это общение имело совсем иной характер, чем с Айваром: его друг был прозаичным человеком, который во всем нацеливался на «здесь и сейчас», будь то отдых, карьера или культурные тенденции. Но с ним тоже было интересно, и к тому же Даниэль вел себя тактично и долгое время не позволял себе никаких намеков на сближение.

Что же касается Оли, то она понемногу стала думать о завтрашнем дне. Конечно, тоска

по Айвару еще не прошла, но девушка решила, что пора страстей для нее завершилась и за нее стоит поблагодарить судьбу и думать о следующей странице жизни. А Даниэль представлялся ей не то чтобы убежищем, а скорее символом этой новой жизни.

Однажды, в разгар лета, Даниэль пригласил ее погулять по Таврическому саду и как бы невзначай достал из кармана маленькую коробочку. Увидев ее, Оля даже слегка покраснела. В коробочке лежало серебряное кольцо с алой яшмой в виде божьей коровки, черные вкрапления на камне имитировали пятнышки на панцире, а лапки и усики были сделаны из серебра.

— Знаешь, Оля, я сам такого от себя не ожидал, — с неловкой улыбкой сказал Даниэль. — Я всегда считал, что сначала решу все будничные вопросы, подготовлю фундамент, хорошую почву, чтобы было куда привести женщину, с которой я хочу связать жизнь. А уж потом и смогу подумать о праздниках. Но вот не удержался, как видишь! Надеюсь, ты не будешь меня презирать за такую непоследовательность?

— Да что ты, — ответила Оля, слегка растерявшись. — Спасибо, мне очень приятно, но все-таки ты меня немного удивил. Если, конечно, речь о том, что я думаю.

— Именно об этом, — произнес Даниэль и положил руку ей на плечо. — И я знаю, что ты ко мне пока не испытываешь таких же чувств, как я к тебе. Но это меня не пугает, я готов ждать сколько тебе будет удобно, чтобы узнать меня получше, привыкнуть ко мне, в хорошем смысле. Я уверен, что вместе мы будем счастливы.

Девушка тепло улыбнулась: ей было приятно, что Даниэль так чутко отнесся к происходящему в ее душе. Конечно, Оля не забыла и не разлюбила Айвара, однако сознавала, что чем раньше она привыкнет думать о нем как о прекрасном, но неприкосновенном сне и фантоме, тем будет лучше для всех, в том числе и для него. Зная Айвара, она боялась, что он еще и будет тяготиться чувством вины за ее одиночество. А что могло помочь женщине скорее, чем благоустройство семейного гнезда, домашний уют и забота, которая не оставляет времени для бесполезных самокопаний?

После того, как Даниэль вроде бы обозначил серьезность своих намерений, она наконец решилась перейти к близким отношениям. Это выглядело красиво и как-то очень скромно — Даниэль не испортил деликатной атмосферы ни одним неосторожным словом, неуместной шуткой или призывом «смотреть на все проще». Он даже впервые поймал себя на том, что испытывает не только страсть, но и уважение. Правда, Оле все это не доставило особого удовольствия, как и с ее первым парнем, хотя тот был гораздо более ленивым в интимных делах. Просто она слишком хорошо помнила Айвара — его сильные руки, его нежность, его горячее тело, африканские непристойности и слова «Если хочешь, я перестану дышать», которых ей, конечно, не сказал бы никакой другой мужчина.

Оля все так же с благодарностью принимала галантность Даниэля, затейливые подарки и нежные прозвища, хотя они, пожалуй, были чересчур высокопарными. Но пусть так, лишь бы не «беляночка». И конечно, не с такими чувствами она когда-то мечтала выйти замуж. Однако в семье Оли тоже считалось, что брак и дети — нечто настолько обязательное для взрослого человека, что об этом странно рассуждать, причем это касается и мужчин, и женщин. Просто ее родители толковали об этом гораздо проще и честнее, чем Андрей Петрович Ли, и воспитывали дочь без излишней строгости, считая, что чистота до брака — это, конечно, хорошо, но где найти парня, который будет ждать? В условиях конкуренции за работающих женихов без вредных привычек это казалось им непозволительной роскошью, и они даже поощряли общение Оли с парнями из «хорошего круга». Отец и мать считали

неприемлемыми две вещи: сожитительство и рождение ребенка вне брака, поэтому про контрацепцию Оле все объяснили вовремя.

И неизвестно, чем бы кончилась эта история, если бы у Даниэля не было еще одного интереса, который к данному моменту перерос в идею и страсть, не менее сильную, чем влюбленность в Олю. Это была мечта об отъезде за рубеж.

Такую мысль Даниэль лелеял не один день и даже год, считая, что привязанность к месту рождения — это по меньшей мере глупо, когда во всем мире открыты социальные и культурные границы. Он не мог спокойно читать новости о том, как очередные «селебрити» летят в Майами, на Мальдивы или Лазурный Берег как на дачу, хоть в летний отпуск, хоть в новогодние праздники, подальше от холода, слякоти и серых улиц России, подсвечиваемых только телеэкранами. Ведь у большинства из них не было ровно никаких талантов, они просто умели торговать лицом и сходиться с нужными клиентами и покровителями, зарабатывали за корпоратив больше, чем средний россиянин — за год, и могли позволить себе что угодно.

И ладно бы речь шла только о свободе передвижения и дорогих игрушках, которыми эти люди не стеснялись хвалиться в СМИ, но в России привилегированному классу прощалось гораздо большее. Социальное расслоение, на взгляд Даниэля, достигло на его родине неприличных масштабов, и он не хотел с этим мириться, как и с отвратительным бизнес-климатом, полным недоверием к органам правопорядка, взятками и гнилым обслуживанием на всех уровнях, от торговли до медицины.

В это время молодой человек нацелился делать карьеру в так называемом ивент-бизнесе и когда-нибудь основать собственное агентство. Но видя, что государство упорно продавливая свои идеи даже в самую безобидную развлекательную сферу и рубит любые зачатки новизны и самостоятельности, он все более отчаивался.

А больше всего Даниэля угнетало то, что его знакомые, особенно люди постарше, охотно выбирали путь молчаливого согласия и смирения и до сих пор считали жизнь трудом с четко прописанными обязанностями и туманным вознаграждением. Несколько примеров он наблюдал как раз недавно, что подтолкнуло его к решению поменять жизнь. Этому и раньше ничто не препятствовало: Даниэль был молод, здоров, не обременен семьей и детьми, мать еще не успела состариться и стать немощной. Хорошее образование в сфере предпринимательства и туризма, опыт и амбиции тоже имелись в его активе.

Однако по-настоящему яростный протест в нем вызвали разговоры со старшими, которые решительно не одобряли планов молодого человека. Он еще мог понять мать, которой было страшно оставаться одной, но еще больше не хотелось покинуть родину и стать за рубежом обузой для сына. А посторонние люди просто страдали кликушеством об отсутствии чести, совести и патриотизма у изнеженной, не знавшей трудных годов молодежи.

В одном из таких разговоров отличилась коллега Светланы Васильевны по больнице, зашедшая в гости. Женщина со смехом поведала о том, что в одной из маленьких, но богатых стран Западной Европы пациенты городского госпиталя недовольны питанием: макаронные, заявленные в меню как «аль денте», подали переваренными. «Кто бы у нас из-за такого кочевряжился? — заметила дама. — Вот наш народ все выдержит: и переваренное, и комом слипшееся, и просроченное! А там люди зажрались, настоящей жизни и не нюхали! Поэтому мы еще их всех переживем, попомните мое слово!»

Даниэль тогда поинтересовался, как по городу обстоят дела с пищевыми отравлениями

и хроническими недугами ЖКТ и насколько это соответствует теории о «выдержке» и «живучести». И какая, собственно, связь между силой характера и вынужденностью терпеть воровство и нерасторопность больничного персонала?

Светлана Васильевна при этих словах стала делать сыну решительные знаки, но было уже поздно. Намек дошел до гостя, и она, забыв о благодущии, начала выговаривать молодому человеку стандартную мантру о потерянном поколении, интернете, зловредном влиянии Запада и готовности продать совесть за еду.

Другой случай оставил еще более противный осадок. Уборщица, которую Даниэль после долгих материнских возражений все же нанял для мытья окон и полов, любила посудачить с хозяйкой о новостях и хрониках горячих ток-шоу, и кусок такого разговора он услышал, когда вернулся вечером с работы. Женщине было не более сорока лет, однако она в духе типичной дворовой бабки распекала нынешнюю молодую поросль. «У нас скоро как в этой Европе будут по домам ходить и детей отбирать из-за какой-нибудь ссадины! — возмущалась она, прихлебывая чай. — Все теперь грамотные стали, правам своим научились! Ну ссадины, и что? Да если детей не воспитывать вовремя, что из них вырастет? Жижя, не способная ни за себя постоять, ни жену приструнить, ни родину защитить!»

В тот раз парень с трудом сдержался, чтобы не выгнать ее незамедлительно, и только потому, что мать была рядом. Если же он такое слышал вне дома, то не скупился на отповеди.

Словом, все это привело к тому, что мечты Даниэля оформились в четко прописанный план и он вознамерился начать с временной работы по контракту в европейской индустрии развлечений. Вакансии можно было найти всегда, и некоторые из его знакомых уже получили полезный опыт. Оле он далеко не сразу рассказал о своих намерениях, о чем потом жалел, но почему-то ему не приходило в голову, что девушка будет возражать.

К этому времени они уже подумывали о том, чтобы подать заявление, и когда наконец Даниэль заговорил с подругой об отъезде, она впервые по-настоящему напряглась. Это растравило воспоминания о разговоре с Айваром, хотя там все обстояло иначе — он был готов на уступки, в то время как Даниэль уже безоговорочно наметил для них будущее в другой стране. Вернее, в первую очередь он рассуждал о своем будущем, а Оля рассматривалась скорее как одна из его приятных составляющих, чем как автономный партнер. И это не очень ей нравилось.

Но примерно тогда же Оля поняла, что беременна, уже наверняка. Это было неожиданно в самом строгом смысле слова: таблетки по каким-то причинам не подействовали. Но Оля тем не менее сразу решила, что проконсультируется у врача насчет возможных патологий и непременно будет рожать, если все в порядке. Раз уж судьба распорядилась так экстремально, значит, этому ребенку нужно жить, кто бы ни был его биологическим отцом. А если она все-таки уже была однажды беременна — то жить за двоих. И поэтому Оля теперь все рассматривала через призму интересов будущего ребенка. Она и прежде не была склонна к резким переменам, а теперь ей тем более хотелось покоя. Здесь была знакомая женская консультация, больницы и просто родной город, в котором она и хотела растить ребенка, водить его в садик и школу и отправлять на лето в родительский дачный домик. И конечно, Даниэлю, когда он узнал, что станет отцом, подобные аргументы ожидаемо показались странными и несостоятельными.

11. Затишье

Оля помнила, как сообщила эту новость Даниэлю, когда он пришел в гости, — нейтральным спокойным тоном, без лишнего драматизма и кокетства. Он не выказал особой радости, но и не ужасался. В конце концов, поразмыслив как следует, парень сказал:

— Оля, это не меняет моих планов, как насчет тебя, так и насчет отъезда. Представь себе, за границей тоже рожают, и эмигранты рожают, и беженцы, и как-то справляются. Да и что тут, собственно, такого? Жизнь она и есть жизнь. Взять хоть Иви: его папа и мама не побоялись рожать в чужой стране...

— И ты знаешь, чем это для него кончилось, — хмуро заметила девушка.

— Ну что же теперь, жить в ожидании какого-нибудь несчастья? С нами и здесь что-то может случиться. Но на Западе, Оля, ребенку точно будет лучше. Я понимаю, что тебе сейчас не по себе, в твоём положении это нормально, но потом ты успокоишься и увидишь, что я прав. Если хочешь, рожать можно здесь, это, пожалуй, даже будет рациональнее. А когда вы с ребенком окрепнете, я заберу вас с собой.

— Выходит, что вариантов у меня нет?

— Да с чего же? Вариантов тут минимум два: либо мы уезжаем втроем, либо я еду один. И поверь, что первое привлекает меня несравнимо больше: я не хочу повторить судьбу своего отца и потерять семью, — возразил Даниэль.

— А что значит «минимум»? Есть еще запасной вариант?

— Если ты про аборт, это решать только тебе, потому что речь о твоём здоровье. Я человек трезвомыслящий и не буду читать нотаций, но и склонять тебя к вредной операции не намерен. А вот что касается отъезда — тут, извини, я все решил, и в конце концов это жена должна следовать за мужем, а не наоборот.

Оля отвернулась и сдержанно сказала:

— Я что-то упустила момент, когда успела стать твоей женой, Даня...

— Ну не цепляйся к словам, это же только вопрос времени. Но может быть, ты объяснишь, в чем дело? Почему у тебя такое лицо, будто я по меньшей мере объявляю о смертельном диагнозе, а не о перемене в жизни и движении вперед?

— В чем дело? — задумчиво повторила Оля. — Ну хотя бы в том, что я там буду полностью зависеть от тебя. У меня не та специальность, с которой на Западе можно сделать успешную карьеру или просто себя прокормить в том случае, если я останусь без поддержки. А мыть там сортиры я, честно говоря, не мечтаю, тем более когда на руках ребенок. Да и родители будут против моего отъезда.

— Ты что, не доверяешь мне? — возмутился Даниэль. — И при чем здесь твои родители, я не понимаю? Оля, ты же взрослый человек, а не их комнатная собачка, и им придется с этим считаться! Или ты хочешь пойти по стопам своей ненормальной подруги?

— Даня, все просто: если мотивы уезжать для меня перевесят мотивы остаться, я уеду, что там ни скажут родители. Но пока они не перевешивают, значит, чего-то не хватает.

— И чего же? — мрачно спросил Даниэль и сам не зная зачем, добавил: — А если бы тебя звал не я, а он, ты бы раздумывала?

Он не мог толком объяснить, какое звериное чутье натолкнуло его именно на этот вопрос после расплывчатых объяснений Оли, и уж никак не ожидал ответа, который услышал.

— А он звал, — задумчиво произнесла Оля, — и как видишь, я не уехала. В жизни все устроено немного сложнее, чем в мелодрамах.

— Он тебя звал? — тихо переспросил Даниэль. — Так у вас что-то было?

Парень успел пожалеть, что раскрыл этот проклятый ящик Пандоры, но было поздно. Оля поднялась из-за стола и сказала, посмотрев на него с горечью, однако без злости:

— Иди, Даня. Пожалуйста, сейчас просто иди.

Даниэль не стал спорить, пошел к двери и, обернувшись у порога, сказал:

— Оля, разговор на этом не окончен. Я буду ждать твоего решения.

Однако еще когда он спускался по ступенькам вниз, а потом, на улице, всматривался в ее окно, ему все было ясно. И на следующий день он не позвонил девушке. Даниэль очень ругал себя за этот дурацкий вопрос, но вынужден был признать: после такого открытия ему уже не особенно хотелось переубеждать Олю. Он и до того удивлялся, что ее еще приходится уговаривать, а теперь понял, что всегда будет для нее в тени Айвара, и такое явно не стоило его стараний.

Напоследок Даниэль все же встретился с Олей и сообщил, что собрал документы и нашел временную работу в Испании.

— Я желаю тебе удачи, Даня, — отозвалась Оля. — Уверена, что ты добьешься успеха, и, если можешь, не держи на меня обиды.

— И ты тоже не обижайся на меня, — ответил Даниэль. — Ты дорога мне, Оля, но нет худшего соперника, чем тот, который не рядом, — да простит меня бог, что я так говорю о лучшем друге. Надо ли объяснять почему? Ты не видишь, как он болеет, как кладет носки не в то место, как матерится, налетев на косяк, как не может настроиться на секс из-за усталости на работе. Зато сколько других воспоминаний! Куда мне с ним тягаться? Но я от души желаю тебе найти хорошего мужчину, которого это не будет напрягать.

Некоторое время он тосковал по девушке, жалел о своей вспыльчивости, но самолюбие и страсть к жизни вскоре взяли верх. Кроме того, Даниэль действительно встретил будущую жену на рок-фестивале в Испании, где он устроился работать администратором, но по переписке они были знакомы еще когда он жил в Питере. Эта бойкая, красивая и яркая девушка, Моника, которая уже именовала себя «афроамериканкой», давно намекала Даниэлю, что ей хотелось бы личной встречи, и он тоже был заинтригован. Отойдя от разочарования в отношениях с Олей, он решил начать новую жизнь именно с Моника. Молодые люди сразу понравились друг другу, у них начался красивый роман, и ее отец, разглядев в парне деловую жилку, одобрил помолвку, несмотря на то, что крупным капиталом Даниэль пока не мог похвастать.

Сам не зная почему, он написал Оле о своей предстоящей свадьбе, а заодно, между делом, упомянул и о том, что Айвар уже женился. Но та в ответном письме сказала, что искренне рада за них обоих и не намерена когда-либо предъявлять ему претензии. Хотя за этими спокойными и сухими строчками скрывалось много трудностей, тревог и несчастий, выпавших на долю молодой матери в первую пору.

Оля никогда не рассказывала Айвару, что на родительскую помощь ей в то время не особенно приходилось рассчитывать. Они не слишком радовались ее роману с мулатом, причем не из-за Айвара, а скорее из-за характера самого Даниэля — им не нравились его политические взгляды, самоуверенность, творческая специальность, которую отец Оли, военный, считал «бабской забавой». После того, как тот сделал Оле практически официальное предложение, их отношение стало гораздо более благосклонным, однако

старшие никак не рассчитывали, что жених вознамерится навсегда уехать из России. Эта новость была для них громом среди ясного неба, и ожидание внука в таких обстоятельствах уже не выглядело радостным. Родители прямо заявили, что Оле нужно делать аборт, на что девушка ответила категорическим отказом. Отец вспылил и ответил, что в таком случае не желает больше ее знать, а мать, привыкшая безропотно потакать главе семьи, только пугала ее тем, что «нормального мужика» с таким приданым не видать как своих ушей.

И тогда Оля перебралась из родного дома, где обстановка стала невыносимой, к бабушке, которая жила в этом же районе. У них всегда были хорошие отношения и много общих секретов, и та пустила ее охотно. Оля взяла на себя всю заботу о бабушке и доме, но помимо этого работала всю беременность. Общение с Андреем Петровичем Ли началось с того, что Оля попросила его помочь провести в квартире бабушки интернет, чтобы была возможность рекламировать в Сети ее музыкальные и обучающие проекты. Он был в давней дружбе с ее семьей и почти с отеческой теплотой относился к девочке, поэтому охотно откликнулся, подыскал надежного оператора и лично проконтролировал все работы. Всю ситуацию с Даниэлем и ее беременностью он уже знал от родителей Оли и поначалу просто радовался, что Нерину миновала такая же участь. Но потом Андрей Петрович искренне проникся проблемами Оли, и поскольку в жизни родной дочери ему отводилось все меньше места, стал помогать ей. С ее сыном он подружился очень быстро и первый завел неожиданный разговор о сходстве мальчика с Айваром. Поначалу Оля отшучивалась, но потом рассказала ему про свою любовь к Айвару, умолчав только об их свидании.

Ее дружба с Нериной к этому моменту уже практически сошла на нет, а последний разговор у них вышел весьма неприятным. Нерина выбралась посидеть с ней в кафе (бабушка посоветовала Оле немного развеяться и осталась приглядеть за Павликом). В разговоре она несколько раз упомянула, что вообще-то Костя не любит, когда жена отлучается в выходные без него или родителей. Почему-то Олю это вконец разозлило, и она неожиданно спросила:

— А он часом тебя не бьет?

Нерина от этого вопроса заметно оторопела, выразительно посмотрела на подругу, а потом вытянула обнаженные руки:

— Ты где-нибудь видишь синяки?

— Будто я не знаю, как можно бить не оставляя следов, — ответила Оля, уже жалея, что задела такую опасную тему. — А еще я знаю, что именно такие парочки, у которых с виду полная пастораль, отличаются подобными обычаями.

— Боюсь спросить, откуда тебе все это известно, — произнесла Нерина. — Но раз ты интересуешься, то я скажу: нет, мой муж меня не бьет. И знаешь, порой если у супругов с виду все хорошо, это значит только то, что у них все хорошо. Кроме того, я не из тех, кто позволит себя ударить.

— Ну в добрый час, — нехотя сказала Оля и отстранилась.

— Оля, — заговорила Нерина после раздумья, — за что ты на меня обижена? Я же вижу, что тебя что-то гложет, и это не тревога за мою супружескую жизнь. Да, тебе немного не повезло, и я тебя понимаю: я же была на твоём месте! Такие парни, как Айвар и твой Даня, умеют загуманить голову таким девчонкам, как мы, а думают при этом только о своих интересах. И нам просто надо уважать себя, не обольщаться привлекательностью и позерством и ценить по-настоящему достойных мужчин.

— Ты на своего мужа намекаешь? — усмехнулась Оля, почувствовав нервную дрожь, и резко встала. — Пока, Нери. Меня тоже ждут дома.

Так минуло около трех лет с рождения Павлика, и Оля привыкла жить настоящим, так как вспоминать было слишком больно, а мечтать — страшно. Да и может ли она позволить себе такую роскошь, как мечты, когда надо растить и обеспечивать ребенка, а любимый мужчина все равно никогда к ней не вернется?

И вдруг появился Алексей Северцев, крайне далекий от образа сказочного принца или хотя бы рыцаря. Скорее он был похож на энтузиаста из романтических 60-х годов прошлого века — скупая улыбка, серьезный взгляд, любовь к лесу, лодкам и гитаре, и совсем ничего показного, чрезмерного, приукрашенного, чем порой грешил Даниэль. Черноволосый голубоглазый, всегда немного взлохмаченный и одетый в уютные толстые свитера, он обладал неброским и строгим мужским обаянием, немного напоминал Оле Айвара, но был более скрытным и приземленным.

До их с Олей знакомства жизнь Алексея почти целиком заключалась в маленькой дочке. Жена, мечтающая об успешной карьере, быстро разочаровалась в материнстве, ушла от него и исправно платила алименты, но общаться с ребенком совершенно не стремилась. Поэтому он давно смотрел на женщин без иллюзий и в основном надеялся найти для своей дочери источник материнского тепла, которым та была обделена. В этом смысле наличие у Оли своего ребенка сыграло позитивную роль: на данном этапе Алексея интересовала житейская зрелость и умение заботиться о себе и других, а не свежесть тела. Но это не значило, что он не был очарован ее женственностью и нежной непретенциозной красотой. Просто после пережитого разрыва он приучил себя к осмотрительности.

Они называли друг друга на «вы» до того самого момента, когда Алексей признался Оле в любви, хотя успели изучить все свои проблемы и радости, вкусы и интересы. Им почему-то нравилась эта красивая, поэтическая манера, напоминающая канувшие в Лету времена грез, печалей и незнакомок. И окончательно они перешли на «ты» только когда он сделал предложение, причем произошло это в довольно прозаической обстановке. Вместе с детьми они приехали на Финский залив, устроить пикник, и Оля обмолвилась, что всегда мечтала гулять по пляжу с семьей, дыша сосновым воздухом и слушая море после переполненной и шумной электрички. И тогда Алексей вдруг сказал: «Теперь ваша семья — это мы, моя прекрасная Ольга».

В этих словах совсем не было ни игривости и намеков, свойственных Даниэлю, ни просящих ноток, ни напыщенных сантиментов. Только твердая мужская решимость, выражение готовности поменять их жизнь со всей сопутствующей ответственностью, не принимающее возражений и страхов. Не так уж романтично, быть может, но другого доказательства своей желанности Оле не было нужно.

Впрочем, совместная жизнь доказала это сполна: Алексей стал для нее прекрасным мужем, для которого ответственность за семью никогда не была тягостной. И это не ограничивалось зарабатыванием денег — он уделял время детям, выполнял всю мужскую работу по дому и на дачном участке, заботился о здоровье и отдыхе жены. Правда, его отношения с Павликом не отличались особой нежностью, скорее они были просто равными и доброжелательными, но Оля, собственно, и не думала о большем.

Отец и мать долго не шли на контакт с ней, но когда Павлик подрос, атмосфера в семье смягчилась, и во многом, как ни странно, это оказалось заслугой Айвара, который к тому времени стал приезжать в гости. Каким-то таинственным образом он помог им отпустить обиды и сблизиться, и был желанным гостем не только у Оли, но и в доме ее родителей. Отец даже любил вести с ним душевные разговоры о давних отношениях Эфиопии и

России, делиться воспоминаниями о боевом прошлом, а Айвар рассказывал ему о стратегии местных племен и эфиопском оружии. Хотя особой любовью, по его словам, у этих бойцов пользовался автомат Калашникова.

Через несколько лет, когда Олин отец уже серьезно болел, она рассказала родителям о них с Айваром, и только им открыла всю правду. Отец тогда долго молчал и наконец произнес: «Айвар? Не знаю даже, может быть, я бы его и принял».

Однако Оля, помня, что одним из аргументов в пользу Даниэля отец считал то, что «не такой уж он черный, внуки, может быть, и нормальными получатся», восприняла эти раздумья философски и без иллюзий. Мать же ответила, что давно обо всем догадывалась, и посоветовала не слишком увлекаться этой дружбой от греха подальше. «А главное, будь поосторожнее с этой негритянкой, — предостерегла она дочь, — такая и волосы выдрать может, если что-то заподозрит».

Однако годы шли и отношения Оли и Айвара давно напоминали глубокую родственную нежность. Он немного колебался перед первым приездом в Питер, думая, что они вряд ли смогут общаться спокойно и непринужденно после того, что пережили. Но оказалось, что это не так уж и сложно, — во-первых, это оставалось тайной, которую они оба никогда не бредили, а во-вторых, Павлик с его нежной, как и у Айвара, душой сгладил все острые углы и помог отрешиться от прошлого. Айвар по-прежнему хранил у себя любимые фотографии и стихотворение Гумилева «Ольга», которое сам перевел на амхарский язык, но в этом не было ничего от неутоленной мужской страсти, в которой он всегда был последователен.

Правда, Оле пришлось чуть сложнее. Она вынуждена была признать, что Айвар все еще волнует ее душу, что его отношения с женой пробуждают в ней болезненное любопытство и ревность, но ей очень хотелось, чтобы они присутствовали в жизни друг друга хотя бы на таком основании. Обсуждать с ним дела Павлика, расспрашивать об Африке, дарить ему подарки и печь домашнее печенье, даже если он будет его есть из руки Налии, — впрочем, из-за последнего эпизода Айвар все же постарался поменьше сталкивать Олю с женой, которая чересчур любила показать свою гордость за такой ценный «приз».

Оле в то утро на даче, когда она видела Айвара с какими-то незнакомыми ей, мутными после ночи с Налией глазами, было обидно даже не за себя, а за него — она находила эту страстность слегка нездоровой и не вполне подобающей такому умному, волевому и неординарному мужчине, как Айвар. Но эти мысли она, разумеется, глубоко скрыла.

И только один раз они поговорили откровенно — в тот самый нежный майский вечер после концерта, когда виделись в последний раз.

Когда Айвар взял ее за руку, Оля, на мгновение задумавшись, сказала:

— Ты точно меня простил?

— Оленька, да о чем ты? — ласково ответил Айвар. — Чем ты виновата? Я тогда сам к тебе пришел, я тебя не остановил, когда ты завела опасный разговор, да и не хотел останавливать, — что лукавить-то... И если я рассчитывал на то, что тебе было не по силам, то с себя и стоит спрашивать.

— Понимаешь, Айвар, я боялась, что рано или поздно твои чувства ко мне могут потускнеть, — призналась Оля. — Ты бы скорее всего меня не оставил, но такие отношения уже никому не приносили бы радости. И я хотела, чтобы у нас осталась пусть и всего одна ночь, зато абсолютно искренняя и счастливая. Но это не оправдание: я же не спросила, чего ты хочешь! Я тебя просто спровоцировала и, как вышло, обманула.

— Ну перестань, — возразил Айвар и бережно погладил ее по щеке, — ты по-прежнему

родной для меня человек и я не могу думать о тебе ничего дурного. И я всегда буду за тебя беспокоиться, даже если мы будем на очень далеком расстоянии. Хотя я уверен, что теперь все у нас будет хорошо.

12. По горячим тропам

В настоящее время уже Айвар скрывал от подруги свое плачевное состояние, изредка отписываясь несколькими строчками. По прошествии второго года в Афаре он все сильнее зависел от морфина и с тревогой думал о том, сколько сможет оставаться на своем посту в больнице. Старики тоже слабели, хотя их рассудок, к счастью, был ясным и они встречали закат жизни с достоинством. А еще Айвар всегда тосковал по Налии, даже когда мысли обращались к другим вещам или вовсе слипались в какой-то бесформенный ком. Он уже не думал о том, что теперь не увидит ни океан, про который когда-то говорил ему друг, ни даже родную «Калифорнию» на берегах Финского залива. Даже на переживания об эфиопской медицине сил не хватало — выдержать бы собственные рабочие будни. Спасало только умение жить на автопилоте и доброе отношение в больнице и поселке, придающее этому хоть какую-то цену.

А что осталось? Айвар порой задавал себе этот вопрос, когда коротал остаток вечера в своем убогом домишке и с отвращением глядел в зеркало. Как за столь короткий срок он, молодой, цветущий, образованный и полный энтузиазма человек, мог превратиться в опустившегося сельского африканца с отеком лица и мутными недобрыми глазами, выглядящего лет на десять старше своего возраста и неотличимого от множества таких же на улицах Семеры? Порой Айвару уже начинало казаться, что вся его жизнь была сплошной ошибкой. Чем же еще можно было объяснить такой страшный поворот?

Даже брак с Налией... Трагедия случилась из-за того, что супруги не пришли к компромиссу, но всегда ли они понимали и слушали друг друга до этого? Сейчас он порой даже сердился на жену за упрямство, с которым она запретила навещать ее и вообще спрашивать о месте ее пребывания. По какому, собственно, праву он не может знать о состоянии родного человека? Раньше ему как-то не приходило в голову, что он за годы их совместной жизни отвык от слова «нет» и слова «но», потому что его все устраивало — быть ее тылом, отдушиной, источником вдохновения и хранителем гармонии в семье. В конце концов Налия этого заслуживала: не зря же ее имя с таким уважением и теплотой произносилось в комитете и в его госпитале. Налия верила, что все люди рождаются с достоинством, и если растолкать в них это знание, они уже никому не позволят его отнять. Друзья и коллеги родителей всегда говорили, что Налия выросла образцом чиновничьей чести и мудрости в серьезном, высоком смысле этих слов.

А простые медики, в том числе мужики старше ее, делились с Айваром бесцеремонными, но очень душевными соображениями: «Хоть Налия и девчонка, но у нее есть редкий дар — она из тех лидеров, которых хочется слушаться. Впрочем, Айви, кто это знает лучше тебя...» — и многозначительно улыбались.

Но сейчас мягкость и покорность казалась ему неуместной, и в конце концов Айвар долгими и трудными путями выведаль, где находилась Налия. Она работала учительницей и нянькой в дальнем округе, одном из самых бедных в стране, где школы еще были редкостью и пребывали в совсем убогом состоянии. Решив не ставить жену в известность и просто посмотреть на нее издали, Айвар взял два дня отгула и отправился туда на поезде, через Дыре-Дауа. С собой у него, помимо таблеток, воды и символической закуски, был большой мешок с альбомами для рисования, карандашами и детскими книгами.

За время поездки в душном вагоне, пропахшем потом, едой, домашней скотиной, Айвар

больше всего запомнил детей, бегущих за поездом в надежде на милостыню, — местами дорога даже была ограждена проволокой, чтобы не подпускать их к рельсам. Они мчались так быстро, что Айвар усмехнулся, вспомнив о прославленных на весь мир скоростных качествах африканцев.

Наконец он прибыл к месту назначения и нашел поселок, где находилась школа. Айвар отдал директору посылку для школьников и расспросил его о противомаларийной вакцинации, а потом смог украдкой взглянуть на урок под открытым небом, который вела Налия. Толком рассмотреть ее не удалось, но она по крайней мере была цела и невредима, и впервые за это время у него немного полегчало на сердце.

А через несколько дней после возвращения случилась необычная история. Айвар тогда ехал от родителей Налии к себе в деревню, и день уже клонился к сумеркам, но красноватое небо все еще казалось таким же раскаленным, как каменистая почва. Ненадолго свернув на обочину, чтобы попить воды, Айвар вдруг почувствовал какое-то странное беспокойство, которое иногда посещало его при резкой перемене погоды — он знал, что для некоторых больных она была чревата осложнениями.

Но сейчас оно обострилось больше чем всегда: руководствуясь одним неведомым инстинктом, Айвар развернул машину и доехал до одного из ближайших поворотов. Там на узкой тропе стоял массивный внедорожник, который он не заметил сразу. Этот простой в безлюдной местности насторожил Айвара и он заглянул в окно автомобиля. В салоне было двое хорошо одетых белых людей — мужчина средних лет за рулем и девочка-подросток на заднем сиденье. Оба находились без сознания, и через тонированное стекло Айвар заметил зловещее покраснение кожи и другие признаки теплового удара. Думать было некогда, так как сотовая связь здесь ловила крайне плохо, он высадил одно из боковых стекол гаечным ключом, разблокировал дверь и вытащил обоих пострадавших. У себя в машине он постарался уложить их и обернул мокрыми полотенцами, а потом быстро поехал в больницу. Уже оттуда он позвонил в город и попросил эвакуировать оставленный внедорожник.

Довольно скоро необычные пациенты стали приходить в себя и оказалось, что у машины перегрелся аккумулятор в самые опасные часы, когда солнце палило беспощадно. Неопытные путешественники понадеялись, что в салоне будет прохладнее, но он быстро раскалился и мужчина отключился первым, а вскоре потеряла сознание и его дочь. Врач сказал Айвару, что еще немного времени могло стоить им жизни.

От него же Айвар узнал, что они были из Италии и приехали сюда исследовать памятники периода оккупации (мужчина был журналистом), а заодно решили испробовать и экстремальные маршруты. Сам он, конечно, тоже присматривал за больными, но не обсуждал их спасение, да и вообще неохотно вступал в разговоры. Однако журналист обратил внимание на необычного африканца, явно образованного и культурного, хоть и с угрюмым нравом, и расспросил персонал о нем. Те охотно рассказали об Айваре, а кое-кто из сведущих проговорился и о том, как он сюда попал.

Уже перед выпиской итальянец зашел в сестринскую к Айвару и нерешительно заговорил по-английски:

— Здравствуйте! Простите за беспокойство, но это ведь вы нас вытащили?

— Ну и? — спросил Айвар, продолжая просматривать рабочие бумаги.

— Я просто хотел поблагодарить, за себя и за дочку. Уже супруге домой сообщил, она обещала за вас помолиться!

— Ну спасибо, — отрывисто сказал старший медбрат. Эта неприветливость не удивила

приезжего: его успели посвятить во все беды Айвара. Осмелев, он подошел к его столу и произнес:

— Послушайте, я узнал, что вы сюда приехали служить после того, как вас сняли с должности в столице. Вас и вашу жену (только теперь Айвар поднял на него глаза). Но я верю, что вы ни в чем не виноваты: такие люди не могут быть ни казнокрадами, ни предателями. Вы позволите мне написать о вас в европейском издании? Я обещаю связаться с вашими товарищами в Аддис-Абебе и опираться только на подтвержденные сведения. Не волнуйтесь, никакого скандала и агитации не будет! Я просто хочу помочь восстановить справедливость.

— Ну напишите, — ответил Айвар после небольшой паузы, но все так же бесцветно, и вскоре уже не вспоминал об этом разговоре. На прощание итальянец подарил ему образ Черной Мадонны и брошь из муранского стекла в виде цветочного венка. Ее Айвар отдал теще: та, несмотря на возраст и болезни, все еще радовалась приятным неожиданностям.

У Айвара были свои заботы — приближалось время освобождения Налии и он временами думал: как их обоих изменили эти два страшных года, выдержат ли такое испытание их бывшие чувства, знавшие только счастье и надежды? Да, Налия любила его с юности, но до чувств ли, когда нет будущего, а только лямка фактического существования, жуткая проверка на то, кто первым не сможет тянуть дальше?

Однако наконец Айвар получил извещение, которого так ждал. Письмо от жены с точной датой ее приезда в Афар пришло по почте, которая здесь работала ни шатко ни валко, но к счастью, доставила его вовремя.

В указанный день Айвар освободился на работе пораньше и прибыл в торговый город Аващ, через который пролегла железная дорога. На местной станции Налия попросила ее встретить. Припарковав машину, он вышел, чтобы покурить, и почувствовал, как дрожат руки, но почему-то ему показалось, что это не от таблеток, а от давно забытого чувства, похожего на воодушевление. Айвар знал, что супруга не поехала бы к нему только из-за безысходности, привычки или желания сохранить видимость брака, а значит, он все еще нужен ей так же, как она ему. Ради этого, право слово, стоило выжить...

И наконец он увидел ее.

Налия вышла из вагона с двумя массивными баулами в руках — в таких российские «челноки» когда-то перевозили товары. На ней была ситцевая белая кофта, голубые шаровары и такая же шаль, а голову она обвязала выцветшим светло-зеленым платком. Айвар заметил, что она подрезала длинные роскошные волосы, которые в нынешних условиях ей наверняка только мешали. Зато туфли, как прежде, были на пробковой танкетке, несмотря на прибавившийся вес и отекавшие ноги (это Айвар понял по походке). Когда она приблизилась, Айвар разглядел, что лицо у нее оплыло и на нем виднелось немало преждевременных горестных бороздок. Но в целом Налия выглядела вполне пристойно и не утратила своей природной красоты.

Зато она в это же время рассмотрела, как выглядел муж. Налия узнала его еще издалека, по машине, и подошла к нему без всяких улыбок, слез или приветственных жестов. Тут ее лицо исказилось ужасом и болью.

— Ну здравствуй, — проговорила Налия хмуро. — Торжественную часть на этом предлагаю закончить и объяснить, что с тобой произошло. Тебя снова потянуло на исследование людских пороков, Теклай? И я догадываюсь каких на этот раз...

— Здравствуй, — механически ответил Айвар. — И если ты догадываешься, то зачем

лишние слова? Да, ты все верно поняла: мужу тебя морфинист, только не колется, а пьет таблетки, потому что боится сепсиса. Но ты что, ожидала увидеть меня лопающимся от счастья и здоровья после того, как у нас повернулась жизнь?

— Хочешь напомнить мне, что я натворила? Я это знаю, не беспокойся.

— Наля, все, что хотел, я сказал, — невозмутимо сказал Айвар, забирая сумки и ставя их в багажник. — Началось с того, что болела голова, причем так, что к ночи я, пока не начал пить анальгетики, исходил, прости, на слезы, будто младенец с коликами... Жалости я не прошу, я сам виноват — я уж привык, что всегда во всем виноват. Но что было делать? Я никогда не был скован из огня и стали, и не убеждал тебя в обратном.

— Не спорю, но зачем было именно садиться на наркоту? Айвар, ты же не только медик, ты был еще и прекрасным атлетом! Как тебя угораздило? Почему ты не пошел лечиться?

— Куда, чем? Ребята из госпиталя мне помогают, что есть то есть, но это только слегка снимает симптомы. А что до морфина... Наля, ты, работая в здравоохранении, много видела в Эфиопии наркологических клиник?

Наля вздохнула:

— Может быть, ты хоть теперь понял меня? Понял, что я имела в виду, говоря о «нормальных странах»? Не гуляние по Елисейским Полям и не посиделки в пряничном домике среди кущей винограда, а то, что там люди с хроническими болезнями живут долго и спокойно! Живут, а не выживают. Они путешествуют, занимаются спортом и выглядят моложе своего возраста, а не так, как ты сейчас! Сколько тебе лет, напомни?

— Наля, ты так от меня отвыкла? — через силу усмехнулся Айвар. — С утра было тридцать восемь, если я сам ничего не забыл.

— А никто тебе столько не даст, — мрачно констатировала женщина.

Он бросил на нее безучастный и в то же время затравленный взгляд, и Наля оставила мужа в покое, настояв только, что машину поведет сама. Всю дорогу она молчала, Айвар же погрузился в нездоровую полудрему. Поселок не произвел на Налию особого впечатления, а может быть, после объяснения с мужем на это уже не хватало эмоций. Загнав «Ниву» под построенный Айваром навес из палок и широкого полотна, они отнесли вещи в дом и зажгли керосиновую лампу. Наля стала разбирать сумки и попутно спросила:

— Как там старики? Я им, конечно, иногда писала, но они же правды не скажут. На все был один ответ — «живы и слава богу».

— Врать не буду, скверно, — ответил Айвар, присев на плетеный стул. — Я делаю что могу, но надо трезво смотреть на вещи, им в дальнейшем будет все хуже. Вспомни, что им обоим уже далеко за шестьдесят. Разве что твое возвращение придаст сил...

— Совсем тебя заездили, да? — вздохнула Наля и в ее голосе впервые проскользнуло что-то похожее на болезненную жалость.

— Да ничего, — проговорил Айвар и почувствовал очередной прилив боли. На самом деле он безумно уставал, выкраивая между заботами жалкий отрезок для себя самого. Порой можно было постричься в Семере, впасть в короткое забытие, пока над ним хлопотал добродушный и болтливый цирюльник. Или постоять лишние пять минут под прохладной струей душа в больнице, от которой кровь легче перебегала по напряженным сосудам. Иногда удавалось ненадолго прилечь отдохнуть у родителей. Других способов снять напряжение просто не было, в том числе выговориться и пожаловаться.

Наля безнадежно покачала головой и стала раскладывать в грубо сколоченном

шкафчике из досок привезенные продукты — мешочки крупы и специй, сухое молоко, фляжки оливкового масла и плодовых сиропов, хлебцы, сушеные овощи и грибы, фасоль, сахар, баночки с медом, изюмом и курагой.

— Ты здесь вообще ничего не ешь? — спросила она, окинув взглядом подобие кухонного уголка. — Одни канистры с водой да чай...

— Почему, немного ем, — возразил Айвар. — Но у меня часто болит живот, к тому же всегда может вывернуть наизнанку. Один раз я всего-то напился незнакомого ягодного настоя, так ковер потом выглядел так, будто я тут кого-то зарезал.

Он едва не усмехнулся, но этот порыв тут же развеялся.

— Ладно, теперь буду тебя кормить, — хмуро ответила Налия. — И эту дурь ты у меня бросишь, не отвертишься. Витамины нужны, рыбий жир, что тут еще можно достать, не знаю... Ты лучше приляг, а я пока разожгу угли в этом агрегате, — она показала на керамическую жаровню, — и приготовлю что-нибудь, хотя бы жареного хлеба с луком. Тебе надо поесть.

— Спасибо, — коротко отозвался муж. Пока Налия возилась с жаровней и заваривала имбирный чай, он разобрал второй баул. Помимо скромного запаса одежды и средств гигиены, там были незнакомые ему вещи: полотенца с бахромой, скатерть, салфетки, расшитые пестрой гладью. На дне Айвар нашел мужскую рубашку нарядного мандаринового цвета и невольно улыбнулся.

— Это я выкраивала момент, чтобы успокоить нервы и заодно сотворить что-нибудь нам с тобой на будущее, — пояснила жена, ставя сковородку с ломтиками хлеба на столик. — Правда, это уже звучит не вполне уместно, но без подарка я возвращаться не привыкла, так что носи, как говорится, на здоровье. Оно тебе сейчас понадобится. И вот еще что...

Айвар пододвинул стул к столику и увидел в неровном свете керосиновой лампы и слабом отблеске углей мрачное обветренное лицо супруги.

— Никогда не спрашивай меня про эти два года, — тихо произнесла Налия. — Мы с тобой всегда были откровенны друг с другом, но это я не могу обсуждать ни с кем. Нет, не подумай, никто меня не бил и не пытал, самое страшное происходило внутри, в душе. Только с того не легче. Поверь на слово и не принуждай меня еще раз это переживать в памяти.

— Я даже и не собирался, — невозмутимо сказал муж, отпив горячего целебного настоя и принимаясь за хлеб. — Спасибо за ужин и за подарки.

Когда Айвар принял таблетки и умылся, Налия, ополоснув посуду кипятком, сказала:

— Пожалуйста, попроси кого-нибудь здесь сколотить ширму, хоть самую простую. Нас теперь тут двое в одной комнате, а я же все-таки женщина, сам понимаешь.

— Чего же не понимать, — ответил он, пока расстилал постель. — Но просить никого не надо, я сам справлюсь. У меня руки всегда росли из нужного места, даже сейчас пока не подводят.

Налия переделалась в привезенную с собой полотняную сорочку и повязала голову белой косынкой, затем присела на постель и сказала:

— Ты завтра собирался на работу?

— Нет, у меня выходной, я в этот день обычно езжу в Семеру. Давай вместе, старики будут счастливы. Они тебя так ждут!

— Я завтра поеду одна, — безапелляционно заявила Налия. — Во-первых, ты представляешь, что встретят они меня не с похвалами, разговор будет тяжелый и я должна

через это пройти сама. А во-вторых, тебе нужно в конце концов немного отдохнуть. Посмотри на себя, ты же скоро надорвешься, или того хуже — в аварию попадешь.

Айвар посмотрел на жену как-то туманно и наконец сказал:

— Налия, решай сама, конечно. Они тебя встретят с радостью, просто за то, что ты жива, но я все понимаю и не стану тебя смущать.

— Не обижайся, — поспешно сказала Налия и впервые осторожно погладила его по плечу. — Ближе тебя у них сейчас никого нет, они только благодаря тебе еще держатся. Но мне нужно сказать им очень нелегкие, даже неприглядные вещи, и поверь, это не для твоего слуха. А кроме того, тебе тоже надо побыть одному, без стариков, без больных, без наркотического забытья! Ты попробуешь и сам поймешь.

— Звучит соблазнительно, но боюсь, что я уже утратил вкус к чему-то новому... Ладно, поезжай, только не забудь еще набрать воды, она всегда очень быстро уходит.

Налия посмотрела на него озадаченно.

— Господи, Айвар, ты меня держишь за бытового инвалида? Я отлично знаю, что такое жизнь в африканском захолустье. Так что не беспокойся, наша с тобой любовная лодка об это не разобьется. Кашу я тебе с утра оставлю, поешь, когда выспишься. Днем, если захочется, еще чего-нибудь перехватишь, а потом я вернусь, наведу порядок и пообедаем как следует.

— Налия, а на руках ты меня еще не собралась носить? — прервал ее Айвар, нахмурившись. — Я здесь как-то жил и сам справлялся, так что не надо разговаривать со мной как с ребенком или совсем безнадежным, у которого все потребности сводятся к еде.

— А что тут такого? Тебе надо есть, иначе организм с этой дрянью не справится. Айвар, жизнь — это не только борьба, странствия и стихи, но и еда, и рынок, и цирюльня, и баня, и еще много всяких приземленных вещей. Ты разве не этому учил своих больных?

Айвар, ничего не ответив, лег и очень скоро впал в забытье. То, что они за весь вечер не обменялись с женой ни одним нежным словом или лаской, не казалось ему странным. В конце концов Налию тоже можно понять: она рассчитывала вернуться домой к надежному мужу и мирной жизни, которую еще не поздно было выправить, а не к выжженному полю.

Он не знал, что жена долго не могла уснуть, с тревогой слушала его неровное дыхание и время от времени повторяла шепотом: «Что же ты наделал, бедный мой, что же ты наделал...»

Порой она бережно дотрагивалась до его плеч, перебирала волосы, в которых все скорее прибавлялась седина, утирала капли испарины под воротом рубашки.

13. Вкус винограда

На рассвете, когда Айвар проснулся, Налия поначалу пришла в ужас. Это скорее напоминало переход из обморока в сумеречное состояние. Его открытые глаза словно ничего вокруг не узнавали, дыхание было прерывистым, он бессмысленно подергивал плечами и коленями, челюсти издавали жуткое лязганье. На миг женщине показалось, что он уже не вернется из этого искаженного темного зазеркалья, но затем в его движениях появилась какая-то осмысленность, и поняв, что он хотел, Налия дала ему таблетки и обильного питья. После этого Айвар стал дышать легче и взгляд понемногу прояснился, хотя равновесие ему было трудно удерживать. Кое-как он встал с постели и даже попытался успокоить жену, которая бестолково металась, не зная как быть дальше. Айвар отказался от ведра и не позволил ей идти с ним во двор, заверив, что всегда возвращался целым и невредимым. Она невольно и горько усмехнулась.

Когда он вошел в дом, его умытое ледяной водой лицо выглядело уже вполне осмысленным. Налия за это время поставила кашу вариться в очаге.

— Не пугайся, я всегда по утрам тяжело в себя прихожу, — сказал Айвар и даже попытался улыбнуться. — Слава богу, у меня внутри уже есть какой-то личный навигатор, который не дает сбиться с пути, во всех смыслах.

— Ладно, ты ложись, поспи еще, — ответила жена, осторожно коснувшись его руки. — Котелок я во что-нибудь заверну, чтобы не остыл, поешь сразу как проснешься. Отдыхай, тебе теперь будет легче, я обещаю...

То ли из-за ее напутствия, то ли из-за неожиданного дара в виде пары часов неторопливого сна, Айвару действительно было лучше, когда он проснулся второй раз. Голова все еще болела, однако это уже были отголоски, тление в самом нутре уставшего мозга. И он решил понемногу приходить в себя. Снова умывшись, позавтракав и сполоснув посуду, он намазал лоб и виски бальзамом «Золотая звезда» и вспомнил о просьбе Налии насчет ширмы.

У знакомых ремесленников ему удалось купить крючки, крепкую бечевку и большой кусок материи. Поскольку те не ожидали увидеть его в деревне в это время суток, он не удержался и сообщил о приезде своей жены. Крестьяне, прикипевшие к Айвару за эти два года, были искренне рады и выразили желание поскорее познакомиться с ней.

Огородив занавеской угол, Айвар застелил стол скатертью, положил на стулья вышитые Налией чехлы и заглянул в шкафчик с провизией. Есть ему пока не хотелось, но когда он увидел пестрые мешочки, источающие пряный запах, деревянные ларчики с жжеными узорами и бутылочки из переливчатого цветного стекла, на душе немного потеплело. Это напомнило о родном доме, об азартных буднях и беззаботном отдыхе.

Когда Налия вернулась, он по ее лицу понял, что и ей после встречи с родителями стало легче. Так как Айвар знал ее характер, он не ждал отчета и спросил только одно:

— Они спрашивали что-нибудь про меня? Я всегда боюсь, что они догадаются о моей проблеме, а им только такого еще не хватает...

— Да уж, дочь осуждена, зять наркоман! — усмехнулась жена, разбирая покупки. — Айвар, ну а как об этом можно не догадаться, когда у тебя глаза словно у больной рыбы? Но они никогда ни о чем подобном не спросят: во-первых, деликатность у них в крови, а во-вторых, они тебе простят что угодно за то, сколько ты с ними маялся.

— Они моя семья, Налия, это нормально. И дело тут не в обычаях, а в том, что я люблю их, и мне совсем не в тягость за ними ухаживать.

— Оно и видно, как тебе все это не в тягость. Наркоманом ты, видимо, стал от большой радости? От того, что тебе легко в этой деревне, среди людей, которым все равно не помочь — умрут от старости и безнадежных болезней или так и будут маяться в Эфиопии? — резко отозвалась жена. — Ну вот действительно: откуда ты такой взялся?

Вспомнив, как то же самое спросила маленькая судомойка Лали, Айвар не смог сдержать улыбку. Тем временем Налия нашинковала кусок курицы, поставила мясо тушиться в томатной пасте и сказала:

— Я просто удивляюсь, Айвар: зачем ты на все это пошел? Ютиться в лачуге, пахать в сельской богадельне и глушить боли наркотиками после всего, что довелось испытать раньше, — поездки по миру, хорошие люди, книги, искусство, вкусная еда! Ты же не был обязан, ты мог без проблем получить развод и жить как нормальный человек! Конечно, я всегда была эгоистичной дрянью, Айвар, не отрицаю, но! Неужели я бы не поняла, если бы ты захотел пойти по другому пути, которого ты заслуживаешь? Неужели стала бы требовать, чтобы ты заживо себя хоронил из-за моих ошибок? Вокруг полно добродушных, спокойных, заботливых баб, которым было бы в радость сойтись с тобой, и ты сейчас был бы здоров и обихожен, а может быть, и счастлив...

— Да на какие только глупости не пойдет мужчина, если он действительно любит, — вздохнул Айвар с горькой улыбкой. — А я тебя люблю, Налия, очень люблю. Но не скрою, что мне было страшно, особенно когда я вдруг подумал, что однажды просто захлебнусь собственными рвотными массами и все, был Айвар — нет Айвара. Только страшно было, представь себе, не от факта смерти, и даже не от ее непрезентабельности, а от своего равнодушия к этому.

Налия хмуро посмотрела на него, скрестив руки на своей дородной груди. В этот момент она напоминала суровую чернокожую экономку в американском поместье позапрошлого века. Впрочем, и сам Айвар, как ему подумалось, походил на сборщика хлопка, по которому вдобавок хорошенько прощлись плетью.

— Я тоже очень люблю тебя, Айвар, но иногда тебя тяжело слушать, — наконец сказала она строго. — Подумай хотя бы о том, каково Паше было бы увидеть тебя таким.

— Паша? — нервно усмехнулся Айвар. — Да бог с тобой, Налия! Все проходит, и детские привязанности тоже. У него, к счастью, есть полноценная семья, нормальное будущее, и со временем он обо мне забудет. Ничего лучшего я ему все равно не смог бы дать.

— Да как ты можешь? — яростным шепотом спросила женщина. — Что ты решаешь за тех, кто любит тебя? Полноценная семья! Да много ты понимал в этом? Между прочим, Паша с детства предвидел, что после окончания школы ему предстоит жить отдельно, так как отчиму надо будет заботиться о родных дочерях, на ноги их ставить. А еще тот давно мечтал о собственном сыне, кровном! Так что отдельное жилье Паше никто не собирался покупать, сдать его отцу шансов не было — и как ты думаешь, на кого они рассчитывали? Да ты был для него всем, он хотел жить именно с тобой!

Айвар долго молчал, пока жена поставила обед на стол и мрачно наблюдала за тем, как он ковырялся в тарелке, явно не ощущая вкуса.

— А собственно, почему я всего этого не знал? — наконец спросил Айвар.

— Твоя Эльга не хотела тебя тревожить! Не обижайся, она до сих пор тебя очень любит, как и Паша. Просто ее мужу это в какой-то момент стало удобно, и его, в общем, тоже не за

что осуждать. Ладно, что ты напрягся? Конечно, я знала, что она тебя любит, и что ты ее тоже когда-то любил. Но ты же мне не изменял, а своей душой я тебе предоставляла распоряжаться как ты захочешь.

— Интересная у тебя философия, милая. Но неужели ты совсем не боялась того, что я вижу с ней? — промолвил Айвар, покачав головой.

— Философия у меня по крайней мере честная, — вызывающе сказала жена. — А чем это ты вздумал меня пугать? Что тебя все-таки могло потянуть на большее? Так этого тебе стоило бояться, дорогой.

Айвар вдруг почувствовал новый сильный укол в затылок, и на миг ему показалось, что это не очередной спазм, а прикосновение холодного оружия. В голове пронеслось: «Эльга, значит... Мне показалось, что у нас с ней схожие вкусы... В чем же дело, в доме или в хозяйствах?» Значит, Налия давно обо всем догадалась и лишь позволяла ему верить, будто у него есть какие-то тайны... Наконец он перевел дыхание, попытался сдержаться, но вопрос вырвался сам собой:

— Налия, и что же ты могла сделать со мной страшнее того, что сделала и так, без всяких измен? Сразу убить?

— Перестань, Айвар! Что теперь об этом говорить, когда мы по сути остались вдвоем на свете? Нам придется держаться друг за друга, потому что все остальное потеряно — и мир, и Россия, и этот мальчик, которого я, к твоему сведению, любила не меньше, чем ты. Так что давай ешь, я зря, что ли, старалась?

После этого разговора супруги долго не возвращались к прошлому и вообще по большей части отмалчивались, прячась каждый под своей скорлупой. Спасала только необходимость вести быт. По утрам они, когда у Айвара проходила дурнота, завтракали, и она отвозила его в больницу, а потом ехала по своим делам. Вскоре он узнал, что Налия сблизилась с церковной общиной, посещавшей храм невдалеке от деревни. Айвар его хорошо знал. Правда, храмом здесь скорее гордо называли большой деревянный дом с крестом и эфиопским флагом на крыше, украшенный цветными стеклами и грубо написанными фресками. Но им заведовали грамотные и мудрые люди, которые поддерживали здесь гражданскую общность. Как в дореволюционной России, церковь вела метрическую книгу, где отмечались рождения, браки, смерти, переезды в город, исчезновения без вести и другие важные события. Айвар не раз обращался сюда за помощью в сборе анамнезов и статистики. Кроме того, духовники учили детей грамоте и привечали тех, кто из-за какой-нибудь беды потерял крышу над головой.

Еще Айвар заходил туда на празднование Фасики, когда церковь украшали пальмовыми листьями, наподобие того, как в России делали букетики из вербы. Служба проходила в вольном африканском духе, с песнопениями, танцами и лакомствами.

Поначалу Налия в основном помогала с развозкой книг, продуктов и необходимых вещей: здесь была своя харчевня, библиотека, баня, пункт, где нуждающиеся могли получить одежду и кое-какие медикаменты. В благодарность церковь угощала ее и Айвара своими пирогами, творогом и кофе. Позже она стала рассказывать взрослым и маленьким прихожанам основы гражданской этики через захватывающие сказки, легенды и забавы, собранные со всего мира, как это делал Айвар в больнице.

В деревне и на работе у мужа у нее тоже быстро нашлись товарищи и Айвар в душе был рад, что Налия не сдает своих лидерских позиций. К тому же, он узнал, что она везде называла себя «Корналия Теклай», и его растрогало такое проявление близости и уважения,

которые Налия все еще маскировала замкнутостью и ехидством.

Но и Айвар вел себя закрыто, так как эмоции все больше притуплялись и сосредотачивались на тяге к морфину. Налия старалась чем-то его расшевелить — привозила церковные пироги и печенье, заманивала прогуляться по улицам Семеры или рынку, подкладывала за столом самые аппетитные кусочки. Правда, питаться приходилось скромно, не столько от безденежья, сколько из-за нехватки воды. Но Айвара уже мало что трогало и он с неохотой съедал по утрам несколько ложек каши с сахаром и сухофруктами, а в ужин — ее же с толчеными бульонными кубиками и сухарями.

В один из таких молчаливых вечеров Налия все же не сдержалась и заговорила с ним:

— Послушай, тебе не кажется, что пора уже выкарабкиваться?

— Что, были претензии на работе?

— При чем здесь это? Ты что, ради работы живешь? Ради мученического венца? — возмутилась Налия. — О тебе речь, Айвар, и обо мне! И я хочу, чтобы мы жили, а не страдали. Но без твоего желания я тебе не помогу, и никакие врачи не помогут! Надо возвращаться к жизни, понимаешь? Начинать с малого: приходи хотя бы в церковь, послушай, как мы учим ребят петь, посмотри, какие они рисуют витражи, поговори с ними! Тебе же это всегда было в радость. Что, сил у тебя нет? А на то, чтобы ныть и объедаться таблетками, силы находятся!

— Да когда я ныл, Налия? — возразил Айвар. — По-моему, я никого не беспокою! Знаешь, даже странно: мне всегда было «больше всех надо», а вот сейчас мне ничего не надо! Ну, кроме одного, понятное дело. И слава богу, что это желание мне заменяет все остальные, потому что больше ничего и не будет! Ничего! А что ты там мне обещала?

— Айвар, так ты что, решил меня наказать? — с горечью спросила Налия. — Способ, конечно, жестокий, но глупый! Ты сам-то это сознаешь?

— Скажешь тоже, — усмехнулся Айвар. — Просто ты разберись, чего от меня хочешь. Ты столько раз пыталась до меня донести, что эфиопов бесполезно приучать к нормальной жизни, что здесь всегда будет только черная дыра, — и вот, я наконец это понял, как тебе и хотелось. Но тебя, похоже, опять что-то не устраивает?

— Хотя бы то, что ты не ешь! Хочешь в конце концов желудок потерять? Как ты не понимаешь, что я все это говорю ради тебя!

Больше они ничего не сказали друг другу, но ей почему-то показалось, что воля к жизни в Айваре еще не угасла, сколько бы он ни пытался убедить ее в обратном.

Когда ближе к ночи Айвар вернулся со двора, где выливал грязную воду из ведра под раковину, Налия ждала его у стола, на котором слабо светила лампа. В доме приятно пахло свежесваренным имбирным чаем и он заметил, что она поставила на стол красивые расписные кружки вместо обычных стаканов. На большом блюде лежал любимый Айваром рассыпчатый пирог с финиками и орехами. К его удивлению, она даже успела переодеться в нарядное оливковое платье, которое сшила уже после приезда.

— Я подумала, что так тебе, может быть, больше понравится, — улыбнулась Налия. — Что мы все время едим как-то по-походному, будто у нас и дома нет?

От этой мягкой улыбки Айвар почему-то растерялся. Он никак не ожидал, что после его выпада жена будет стараться ему угодить. Вдруг его обожгло страшное чувство вины за то, что он почти не уделял Налии внимания с тех пор, как она вернулась, не благодарил за все попытки сделать ему приятное, не разговаривал по душам, будто их не связывало ничего, кроме тяжелого быта. Как же он мог допустить, чтобы наркотики съели его душу?

— Налия, тебе бы по щекам мне надавать, а не устраивать романтические вечера, — вздохнул он. — Я же понимаю, что стал невыносимым из-за этих чертовых таблеток. Но ты хотя бы выскажи что накипело, не жалей меня! Ты думаешь, я не понимаю, чем все кончится? С работы меня в конце концов вежливо уберут, чтобы я не притронулся к больничным запасам, и потом... О господи, как же до такого дошло...

Айвар сел и закрыл руками лицо, его плечи содрогнулись.

— Ну вот, а я надеялась, что ты будешь рад, — вздохнула Налия, проведя по его волосам. — Ладно, поплачь если хочешь, это хоть какие-то признаки жизни. Только потом не забудь умыться и переодеться: ужин никто не отменял.

Ее тон все же подействовал на Айвара отрезвляюще и он усилием воли поднялся, снял несвежую рубашку и обтерся холодной водой, а потом примерил подарок Налии.

— Наконец, а я все ждала, когда ты ее наденешь, — сказала жена. — Вот что, Айвар, я очень хочу, чтобы сейчас ты меня услышал. В прошлом мы оба уже раскаялись и больше к этому нет смысла возвращаться, настоящее пока оставляет желать лучшего, но мы еще живы. И я сейчас не буду надоедать тебе всякой банальщиной, я только скажу, что непременно тебя вытащу. А ты просто доверься мне, хорошо?

Муж впервые за долгое время нежно и открыто посмотрел на нее и тихо ответил:

— Что же мне остается, милая. Хотя я бы предпочел, чтобы ты отдыхала.

Налия улыбнулась и обняла его за плечи, но тут Айвар внезапно почувствовал, что его, как он это называл, «повело». Боясь нового прилива боли, он обхватил талию жены, и от ее близости по коже пошли мурашки и болезненно заныло под животом. За два года Айвар основательно отвык от таких ощущений и даже не размышлял о том, вернутся ли они в его жизнь. Он подумал, что надо ее выпустить и как-то по-быстрому успокоить нервы, чтобы не волновать Налию еще больше, но тем не менее продолжал за нее держаться.

— Айвар, что это с тобой? — удивленно спросила Налия, заметив, что он избегал ее взгляда. Но за годы, прожитые вместе, супруги так изучили язык тела, выдающий все колебания души, что она быстро все поняла. Налия посмотрела ему в лицо и не удержалась от того, чтобы вызывающе потрогать его за бедра.

— О, Теклай, да никак уже ты решил меня порадовать? — спросила женщина с улыбкой. — А я так боялась, что перестала тебя привлекать...

Айвар наконец взглянул на нее и с трудом тоже улыбнулся. Приняв это за одобрительный знак, Налия усадила его рядом с собой на постель и стала расстегивать на нем рубашку. Однако он придержал жену за руку и мягко, но решительно произнес:

— Налия, не надо, пожалуйста.

— Да что такое, Айвар? У тебя что-то болит?

— И это тоже, но дело совсем в другом, — сказал Айвар, пытаясь собраться с мыслями. — Ну какая у нас сейчас может быть радость? Просто какая-то биологическая агония, неконтрольное бурление гормонов на закате жизни. Природой же заведено, что надо сначала оставить потомство, нарастить популяцию, прежде чем помирать, и ей не объяснить, что у меня детей быть не может. А я так не хочу — чтобы это было как тупой инстинкт или жест отчаяния, после всего прекрасного, что мы пережили раньше.

— Ну ты и наговорил, Айвар, — усмехнулась Налия. — Больше похоже на то, что ты просто боишься осечки. Но зря: даже если у тебя долго не было практики, такой дар не растеряешь.

Она лукаво посмотрела на него, потерлась носом о его щеку, и он снова невольно

улыбнулся.

— Другое дело! Что ты все усложняешь? — спросила Наля. — Какой еще «закат жизни»? Мы будем жить, и сейчас это для тебя самое лучшее лекарство. И потом, разве недостаточно того, что я твоя жена, что я соскучилась, и ты по мне тоже соскучился? Надо искать какую-то заумь?

Айвар невольно провел по ее плечам и приспустил с них легкую ткань платья, а Наля развязала шнуровку и оно сползло вниз, открыв ее полную налитую грудь. Распахнув на себе рубашку, Айвар прижал ее к открытой коже и стал с неожиданной жадностью целовать ее губы и шею, пахнущую родным экстрактом подмерзшего винограда. Когда он все же заставил себя отвлечься, остальное происходило очень быстро: они заперли дверь, расстелили поверх белья старое полотенце, помогли друг другу раздеться, заметив, что их тела, несмотря на все пережитые тяготы, еще оставались крепкими и красивыми. Даже в полутьме, разбавляемой полосками слабого света в щелях стен, они любовались этой знакомой наизусть красотой. Наля взяла свой любимый флакончик, смочила ладони и провела уже по его шее, плечам и торсу.

Они сближались неторопливо, постоянно обменивались взглядами и поцелуями, двигались в деликатном и красивом ритме, скорее убаюкивающим, нежели страстным. Но сейчас Айвар испытывал от этого необыкновенное удовольствие и не хотел спешить, он играл с ее кудрями, целовал грудь и живот и прикрывал глаза, когда она отвечала тем же самым, дразнила своим теплым дыханием и влажными губами. Их любимой игрой было оттягивание подступающего финала, которое постепенно становилось трудным и болезненным, но Айвару очень нравилась эта взаимная проверка на выдержку, казавшаяся ему наивысшей концентрацией обожания, чуть ли не победой сознания над телом. Оба давно знали, что внутренний импульс подскажет, когда эту игру можно прекратить, но им нравилось до последнего провоцировать обоюдными взглядами: «Не останавливайся», «Не останавливай»...

Потом он еще некоторое время укрывал ее собой, и Наля, вдыхая знакомый запах его волос, чувствовала прилив небывалого спокойствия. Наконец она поднялась, накинула за ширмой сорочку и пошла босиком по ковру к жаровне, в которой еще чуть тлели угольки. Айвар тоже оделся и снова улегся под плед — к ночи его всегда начинало знобить.

— Да, с ужином мы припозднились, но ничего страшного, — сказала жена, — сейчас я по-быстрому разогрею пирог.

— Спасибо, милая, что старалась, но мне вправду перед сном не стоит рисковать. Я поем утром, обещаю, а сейчас лучше налей просто горячего чаю с имбирем.

Подавая мужу аппетитно дымящуюся кружку, Наля осторожно сказала:

— Айвар, может быть, попробуешь сегодня не пить таблетки? Я подумала, что если начать понемногу снижать дозу, ты еще сможешь выздороветь.

— Милая, это так просто не делается: может быть, и получится, но не так, одним махом. Если я сейчас их не приму, то просто не смогу отключиться и непременно снова начнется рвота, а я не хочу тут пачкать и мешать тебе спать.

Женщина горько вздохнула:

— Айвар, а не хватит ли уже тебе быть удобным? Подумай наконец о себе!

— Я думаю о себе, Наля, не беспокойся, — произнес Айвар, без выражения всматриваясь в блики лунного света, которые проникали в щелистые стены. — С ужасом думаю...

Налия взглянула на него с болью. Он ощутил это даже в полумраке, ласково взял ее за руку и сказал с неожиданной твердостью:

— Ты лучше объясни, почему не сказала мне, что у тебя был цистит? Я бы давно тебя сводил к врачу, купил антибиотики или хоть лекарственные травы. И белье нужно другое, из нормального хлопка, а не какой-то непонятной смеси.

— Да, Айвар, ты и впрямь колдун! — усмехнулась Налия. — Только давай ты оставишь это для работы, а для меня все-таки будешь мужем? Идет? Да и вообще, ты же знаешь, что я никому не люблю жаловаться.

— То есть, в качестве мужа я о твоём здоровье знать не должен? — вздохнул Айвар. — Нежная мужская психика страдает, или, не дай бог, потенция? Так вот я тебе открою один секрет, Налия: мужчина все может вынести! И ты, какая бы беда ни случилась, всегда будешь моей женщиной, моей повелительницей, моим суккубом...

— С нами ничего больше не случится, Айвар, — произнесла Налия убежденно и положила руку на его лоб.

От этого прохладного прикосновения ему показалось, что он снова ощутил веяние моря на кенийском побережье, парной дух сезона дождей, пропитанный землей и травой, хмельные переливы цветочных зарослей. И боль стала понемногу отступать.

14. Счастливый брак имеет свою цену

На следующее утро наступила уже привычная дурнота, но после умывания и кофе с корицей, который сварила Налия, Айвар вдруг с удивлением почувствовал, что ему снова чего-то хочется — печенья из бананов и моркови, мыла с приятным травяным или ягодным запахом вместо дегтярного, новой одежды, городского шума, спокойствия пальмовых рощ. А больше всего — лениво поваляться в постели с Налией, а потом перебраться в ванную и долго нежиться вместе в душистой воде. Увы, это пока было недоступно, но даже подобные мысли появились у него впервые за два года.

И решив, что теперь он обязан отблагодарить жену, Айвар в свой следующий выходной просто усадил ее в машину и без долгих объяснений поехал в Аващ, торговый городок, где жизнь была чуть более насыщенной, чем в совсем угрюмой Семере. Супруги давным-давно никуда не ездили и успели забыть прелестную ауру путешествий и впечатлений, но они понемногу отвыкали от ностальгии, как большинство африканцев.

Остановившись у большого рынка, Айвар сказал:

— Ну что же, выбирай все что понравится, а потом пообедаем — говорят, тут замечательно готовят речную рыбу, а я уже сто лет ее не ел.

Налия осторожно улыбнулась, будто боялась спугнуть его необычное состояние, и он взял ее под руку. Рынок здесь был гораздо меньше, чем столичный Меркато, но колорит почти ничем не отличался — сухощавые женщины в цветастых халатах и тюрбанах на коротко остриженных головах и мужчины в старых спортивных костюмах, горы картофеля, моркови, золотистых и лиловых луковиц в огромных корзинах или прямо на земле, источающие едкий аромат россыпи ярко-желтой куркумы, рубленой зелени и алого шафрана, аляповатая бижутерия и свободно расхаживающие между рядами выючные животные. Однако Айвара больше всего интересовали прилавки с галантерейными товарами, у которых оживленно болтали и переругивались местные модницы. На их тощих запястьях и лодыжках болтались браслеты из бисера и грубого металла, а от разноцветных юбок и шалей рынок казался похожим на огромный расписной ковер.

Среди однотипных пестрых туник, рубах и передников Айвар заметил очень красивый платок из мягкого хлопка, окрашенного растительными отварами в вишневый цвет и расшитого ажурными цветами, птицами и стрекозами. Он сразу попросил показать именно этот платок и бережно укутал им плечи Налии. Пока торговец расточал комплименты, она поглядела в зеркало и ее лицо осветилось совсем прежней озорной улыбкой.

Заодно она решила купить удобную сумку из мягкой кожи, новые сандалии и флакончик нежно-розового лака — смутившись, Налия пояснила, что ей давно хотелось снова покрасить ногти на ногах. Затем Айвар настоял, чтобы она сходила в парикмахерскую и на массаж, а заодно немного привел в порядок и себя.

— Не желаете ли закрасить седину? — спросил его цирюльник.

— Зачем? — философски улыбнулся Айвар, — Это моя жизнь, какая ни есть, и за каждым волосом отдельная история.

Тем не менее оба супруга после этого выглядели помолодевшими и ощущали приятное бодрящее утомление.

— Ну как ты думаешь жить дальше? — сказал Айвар, когда они уже сидели в кафе.

— Да просто жить, — мягко ответила Налия, — На покой не собираюсь, во всяком

случае. Пока буду помогать общине с трудоустройством одиноких и бездомных — пусть работают на огородах, возят чистую воду. В деревне дел полно, сам понимаешь, так что нужны руки. Тем больше шансов у молодежи вырваться в город, на учебу, а не батрачить всю жизнь на семью. А в больнице работают вдовы и девчонки, которые не сгодились замуж: моют полы, гладят белье, дезинфицируют бинты. И вам легче, и они себя чувствуют людьми, а не нахлебниками на шее у родственников.

— Но ведь в больнице они выполняют все ту же грязную работу, — заметил Айвар, — Ты думаешь, что для них есть разница?

— Я это вижу, — уверенно сказала Налия, — Здесь они играют с детьми, сплетничают, поют, даже прихорашиваются и радуются, если какой-нибудь мужичок просто им улыбнется. А что будет дома? Только вечные пинки и напоминание, что им положено жить для труда, а не для радостей.

— Да, все-таки странно: родные люди могут быть хуже чужих, — вздохнул Айвар, — И это не только в Африке. Я временами думал, как же хорошо, что у тебя есть образование и ты не пропадешь, когда меня не будет.

— Ну-ка прекрати, — строго сказала Налия, сжав его руку, — Что это еще за разговоры в такой славный день?

— А о чем еще мне было думать? Успокойся, это вопрос не сегодняшнего дня, но я хочу, чтобы у тебя был не только кусок хлеба, но и возможность купить хорошую одежду, книги, сходить в кино и на народные праздники. И я запрещаю тебе говорить, что без меня тебе все это не нужно, — твердо заявил Айвар, — Жизнь такова, что женщины еще долго украшают мир и воспитывают молодежь, когда мужья давно пребывают вне земных забот. Нам положено дожидаться вас, а не наоборот! И я больше всего хочу, чтобы ты всегда улыбалась, наряжалась, была красивой и здоровой, и даже, быть может, кому-то нравилась. Но в меру.

При последних словах Айвар лукаво улыбнулся и у Налии полегчало на душе. Этот разговор ей, конечно, не нравился, но она понимала, что муж считал его необходимым.

— А ты не забыл, что ты моложе меня, Теклай? — усмехнулась она.

— Да сейчас, по-моему, уже и не скажешь, — ответил Айвар, — Ладно, Налия, хватит на сегодня тяжелых мыслей. У меня впервые за долгое время появилось хорошее настроение: я вижу, какая ясная погода, различаю запахи, ем с аппетитом... Вот и ладно, что еще нам с тобой надо, милая?

Тут он ненадолго приумолк и Налия осторожно спросила:

— А ты скучаешь по России?

— Немного, — спокойно отозвался муж.

— И по ней? — произнесла Налия, приподняв брови.

Айвар секунду поразмыслил и произнес:

— И по ней тоже, но бояться тебе нечего. У меня все еще болит за нее душа, но ничего не поделаешь, придется ей дальше самой разбираться со своей жизнью. Многие женщины думают, что с замужеством все проблемы кончатся, а через несколько лет спохватятся. Дай бог, чтобы все у нее было хорошо и Паша рос счастливым.

— Ты всегда считал его родным?

— Да, как только его увидел. Но мне это было несложно: ты ведь знаешь, что я никогда не делал культа из разбрасывания своего семени. Да и мог ли, если на моих глазах, в Африке, на потомство смотрели как на расходный материал, продолжение пищевой цепочки, не думая о его потребности в любви и тепле? Если я сам видел инфантицид и

брошенных детей? Если, наконец, настоящему отцу до Паши нет никакого дела? Данэ ведь недалеко ушел от меня, и дети ему интересны только до тех пор, пока интересна их мать. Но учти, Налия: я позволяю себе такие сплетни лишь потому, что впредь с ними не увижусь и это не пойдет дальше нашего с тобой интимного разговора.

С этого времени жизнь стала понемногу налаживаться и Налия надеялась, что Айвара еще удастся вылечить. Потом наступил ее юбилей, который он посоветовал отпраздновать в родительском доме, в тихом кругу. Впрочем, жена заявила, что лучшим подарком для нее стало то, что отец и мать дожили до этого дня.

— И этим я обязана только тебе, — тихо сказала она Айвару.

Однако семья получила еще один неожиданный подарок: в Семеру приехал их давний знакомый из юстиции и рассказал, что делу Налии дали новый ход, — ее товарищам удалось напасть на след тех, кто сфабриковал против нее улики, и в скором времени предстоит судебное разбирательство.

Самым примечательным оказалось то, что им помогал один из очень хороших европейских адвокатов, заинтересовавшийся резонансным делом благодаря статье спасенного Айваром итальянского журналиста. Айвар не рассказывал подробностей этой истории ни Налии, ни родителям, и теперь был потрясен, узнав, какие у нее оказались последствия.

— В ближайшее время Налии предстоит явиться на новое заседание, и есть очень хорошие перспективы, что она выйдет с него победительницей, — доверительно сказал юрист, — А ведь этого бы не случилось без тебя, Айвар, без твоего золотого сердца...

— Да что вы, — растерянно ответил Айвар, — Я ни о чем таком и не думал в тот момент.

— Ты хочешь сказать, что просто делал то, что должен?

— Нет, — возразил Айвар, — Я просто хотел помочь.

И прогнозы оправдались: с Налии была снята судимость, а имена настоящих преступников (хоть это и были всего лишь подставные лица) предали огласке. Впрочем, никаких дивидендов, кроме моральных, супруги не получили, но им этого было достаточно. Они сожалели только о том, что дорогие их сердцу законопроекты были свернуты и возобновлять их никто не собирался. Но это представлялось Налии не таким уж важным по сравнению с тем, что Соломон и Агарь плакали от счастья, встречая ее после суда.

Правда, это, увы, никак не отменяло того, что их время было на исходе. Соломон в последние месяцы страдал от застойной пневмонии, усугубленной неподвижным образом жизни и многолетним курением, у него развивалась дыхательная недостаточность и поражение сердечной мышцы. Налия перебралась в родительский дом, нашла в Семере постоянную работу, и муж поехал с ней. Правда, Айвару теперь было гораздо труднее добираться до больницы, и через некоторое время, когда его уже стало шатать от головокружения и появившейся боли в ногах, главный врач посоветовал ему хотя бы перейти на неполную неделю.

— А как же я дела оставлю? — возмутился Айвар.

— Дела будут в порядке: на это есть достойная смена, которую, между прочим, ты и воспитал, — заметил врач, — Так что ухаживай за своими стариками спокойно, уж это лучше тебя никто не сделает.

Айвар и сам понимал, что долго оставаться на посту медбрата не сможет — ему все чаще приходилось ходить с тростью, а из-за суженных зрачков стало портиться зрение и он

уже плохо различал надписи на этикетках и ампулах с лекарствами. Но он продолжал ездить в больницу три раза в неделю, чтобы обучать и организовывать молодой персонал. Там к этому времени многое поменялось, в том числе благодаря церковной общине и лично Налии — чистые полы и постельное белье, нормальная вентиляция, оборудованные санузлы (на фоне других провинциальных больниц Эфиопии), кипяченая питьевая вода и сносная пища. А сам Айвар обучал младший персонал таким основам сестринского дела, как уважение к личности пациента, внимание к жалобам и поощрение самостоятельности. Поэтому лечебный уход в его понимании всегда переплетался с наставляющим. Сюда попадали невежественные люди, которых впервые приучали есть столовыми приборами, пользоваться нормальным туалетом, чистить зубы и содержать в порядке выделенное место.

Пока Айвар был в больнице, Агарь сама в меру сил ухаживала за мужем, а в остальное время он занимался купанием и бритьем тестя, перестиланием постели, стиркой простыней, кормлением, обработкой пролежней. У Соломона еще сохранялась воля, остатки интереса к жизни и проницательный блеск в глазах, и он любил долгие душевные беседы с зятем и прогулки, когда Айвар вывозил его в сад в кресле на колесах. В сущности они помогали друг другу: Айвару самому было легче ходить, опираясь на кресло, и во время таких прогулок они с Соломоном, отпивая теплый сладкий чай из термоса и обсуждая новые инициативы правительства из газеты «Аддис-Зэмэн», выглядели совсем как дряхлый отец и немолодой сын.

Однажды, прохладным и пасмурным утром, когда они так отдыхали в саду, одетые в старые теплые куртки и резиновые сапоги, в калитку неожиданно вошли двое мужчин — один европейского вида, а другой эфиоп. Приглядевшись, Айвар узнал своих старых учителей, которые сочли его виноватым в беде Налии. Они успели выйти на пенсию, тихо жили где-то вне столицы с семьями и не интересовались последствиями этого дела. Однако слухи о том, что Налию полностью реабилитировали, а Айвар все это время работал в деревенской больнице, все же дошли до них.

Пожилые медики с горестным изумлением смотрели на своего ученика, которого никак не ожидали увидеть в таком состоянии. Айвар также сохранял бесстрастное молчание и в конце концов тот, который был из России, заговорил, даже забыв поздороваться:

— Айвар, ты нас прости, если можешь, нам ведь просто было обидно за девочку. Нам очень жаль, что мы тогда тебе не поверили...

— Мне тоже **было** жаль, — наконец произнес Айвар невозмутимо, и лишь уголок рта у него слегка дернулся, — Это все?

Мужчины приумолкли, словно пытались подобрать слова, но тут Соломон сказал тихо и жестко:

— Уходите.

С тестем Айвар всегда старался улыбаться, но чувствовал себя очень скверно от сознания, что человек все-таки бессилён перед смертью и одиночеством. Налия впоследствии горько раскаивалась, что в это время опять упустила мужа, из-за работы и юридических процедур по снятию судимости. Новая деятельность отвлекла от тяжелой атмосферы дома и открыла ей второе дыхание, в то время как мир Айвара сузился до кабинета Соломона, в котором он теперь спал. Там же он отсиживался в моменты дурноты, не желая смущать жену и тещу, хотя покусанные губы и исцарапанные щеки все выдавали. «Видели бы это мои родичи — точно решили бы позвать экзорциста» — говорил он тестю, находя силы иронизировать.

Дни начинались одинаково: он с трудом заставлял себя подняться и привести внешний вид в порядок теми же средствами, какими молодые наркозависимые ребята маскируют свое пристрастие от семьи. После таблеток оставалось напиток крепкого чая, закусить яблоком и браться за дела. Как ни странно, времени на отдых у Айвара теперь было даже меньше, чем в больнице, и немного расслабиться удавалось только по пути к лавке, где он покупал газеты, — солнце, городской шум и отстраненные лица прохожих помогали ненадолго забыть о том, что ждало дома.

Чаще же в те моменты, когда старик спал, Айвар тоже мог лишь провалиться в дремоту или неподвижно сидеть на одном месте, глядя куда-то перед собой. Днем морфин кое-как помогал встряхнуться, а к ночи вводил в забытие, и так было немного легче держаться. Но порой в памяти всплывали жуткие образы из прошлого в деревне, черные иссушенные фигуры, полумертвые или полные животной силы и ярости от пьянства или тех же одуряющих трав, во власти которых сейчас жил он сам.

Иногда приходили и теплые воспоминания, тоже странные и изломанные, — детство, родители, лагерь на Финском заливе, девушка из Питера с золотыми волосами, фото которой все еще хранилось в потайном отделении бумажника вместе с засушенным цветком ириса. Вспоминал он и о Паше, с сожалением думая, что не поговорит с ним больше о школе, о друзьях и первой любви, о выпускном вечере и планах на будущую профессию, что не побывает на его свадьбе и не поиграет с его детьми, которых, конечно, считал бы своими родными внуками. Айвар думал иногда, что ради сына, может быть, оставил бы Эфиопию, вернулся вместе с Налией в город своего детства, наплевал на недоброжелателей, лишь бы видеть, как он растет и мужает, живя в любви и ласке. Но мечты навсегда остались в прошлом, а сейчас разумом Айвара все больше овладевали мысли другого рода, которые скорее походили на жуткие и сонные чары.

Он с трудом удерживался, чтобы не превысить дозы, и пытался подавить боль любимыми средствами — пил настои, прикладывал компрессы, смазывал пятки обжигающей пастой, чтобы кровь отливала от головы. Но его снова неизбежно тянуло к морфину, и в конце концов Налия обнаружила изменения. Она попыталась прятать таблетки, но вскоре ей позвонили из больницы и сказали, что Айвар просил одного из молодых медиков ввести ему морфин внутривенно, говоря, что ему просто невыносимо плохо. Тот понимал, что оказывал начальнику медвежью услугу, но уважение и жалость в тот момент взяли верх над долгом.

— Но вы же понимаете, дорогая Корналия, чем это кончится, — с сожалением сказал врач, — Сегодня он попросил, завтра потребует, а послезавтра украдет. Мы все его уважаем и любим, но нельзя закрывать глаза на факты. Примите меры, какие сможете, чтобы это не привело к чему-нибудь ужасному.

Тем же вечером Налия вернула мужу спрятанные запасы и с горечью заметила, как нездорово блеснули его обычно сонные глаза. Он сидел с опущенными плечами, босой, плохо выбритый, в полузастегнутой рубашке поверх майки, кожа на запястьях и лодыжках местами была содрана до крови. В таком виде он в последнее время и слонялся по дому, если не мог уснуть в те моменты, когда отцу ничего не требовалось. Но ни она, ни старики, измученные собственной слабостью, ничего не заметили...

Собравшись с духом, она произнесла:

— Только обещай мне, пожалуйста, что больше колоться не будешь.

— Не буду, клянусь, — тихо промолвил Айвар, — Прости, если только сможешь, Налия, но мне тогда стало так страшно! Что же будет дальше...

Он сказал это с такой неподдельной душевной болью, что Налия сразу ему поверила и положила теплую руку на его плечо.

— Знаешь, в последнее время мне часто снится похожий сон, — заговорил он, немного помолчав, — Огромное здание в каком-то мегаполисе, все окна светятся, за каждым идет какая-то жизнь. Длинный коридор, много дверей и квартир. И вот я стою в этом коридоре, прислонившись к стене, и слышу — за одной дверью громкие рассерженные голоса, за другой пугающая тишина, за третьей долго шумит вода, за четвертой кто-то зажигает спичку. Иногда в коридоре появляются и другие люди — кто-то покидает одну из квартир, кто-то идет в гости. И я почему-то знаю, что их ждет, по ту или другую сторону двери. Знаю, что кто-то придет слишком поздно. Только ни во что не вмешиваюсь, продолжаю просто стоять и вслушиваться.

— И что происходит дальше? — спросила Налия, когда вновь наступила пауза.

— По-разному: иногда с потолка капает вода, иногда невдалеке пахнет дымом. Только до меня это все как будто не доходит. Вроде я там, а в то же время меня как бы нет. Вот мне теперь и кажется, что я всю жизнь так прожил, за чужими дверями. Знал, что за ними происходит, кому уготована какая судьба, но ничего не мог сделать. Да никто от меня ничего и не ждал. Вот и сейчас... Я ведь ничего толкового сделать не могу, Налия, я не продлю жизнь твоим родителям и никому другому, я ничего не изменю даже вот в этом крошечном мирке. Я в нем просто есть...

— Вот ты и сказал самое главное, — тихо произнесла Налия.

Тут по лицу Айвара прокатилась одна-единственная слеза и он закопался лицом в ее волосы. Женщина долго поглаживала его по голове и спине, ничего не говоря, затем так же безмолвно нагрела воды и помогла ему умыться и лечь. Но сама Налия в ту ночь так и не могла уснуть, осмысляя свое второе поражение.

По вечерам Айвар всегда смотрел сквозь оконное стекло в темноту и в его глазах неподвижно стояла влага. Не видя никого рядом, он проговаривал вслух странные слова, будто из вымерших языков, и периодически делал резкие движения рукой, словно обрисовывал невидимые силуэты.

— Что все это значит? — тихо спросила однажды Агарь у дочери.

— Не знаю, мама, — призналась Налия, — Может быть, его в деревне колдуны чему-то научили, но меня он в это не посвящал.

От исповеди и причащения перед смертью Соломон отказался наотрез, как и от всякого присутствия в доме духовных лиц в его последние часы. «У нас и так есть один святой» — сказал он коротко и твердо.

Агарь пережила супруга на несколько месяцев и ушла тихо, не мучаясь и не доставляя никому хлопот. Похороны стариков проходили по удивительным африканским обычаям, с красивыми песнями, в которых внешняя бравурность сочеталась с глубокой внутренней болью. Айвар и Налия стояли в первом ряду, вместе с лучшими друзьями родителей, и тоже тихо пели, как делали их предки и другие дети Черного континента, пряча за мелодией душевные надломы.

Вскоре после этого Налия однажды утром застала мужа за неожиданными хлопотами. Он надел отглаженную белую рубашку, тщательно побрился и собрал в рюкзак какие-то вещи. Не помня, чтобы накануне он говорил ей о каких-либо планах, она изумленно спросила:

— Куда это ты собрался?

— Прости, но я не могу тебе сказать, — мягко, но очень серьезно ответил Айвар, — Важно, что я сам это знаю.

— Это как же понимать? — нахмурилась Налия, — Что ты задумал? Ты что, оставляешь меня здесь одну?

— Пока — да, но поверь, что так надо, — произнес Айвар, — Я еду в одно место, которое однажды видел во сне. Его географическое название тебе знать не нужно. Зато мне необходимо узнать ответы на некоторые вопросы, и от них будет зависеть, вернусь ли я.

— Вернешься ко мне или вообще? — тихо сказала жена.

— Не надо раньше времени, — ответил Айвар и бережно погладил ее по голове, — И не плачь, пожалуйста. Я не могу назвать тебе точные сроки, но мне кажется, что ты сама поймешь, если меня уже не нужно будет ждать. И давай больше ничего не говорить, ладно?

Они вышли во двор, еще раз безмолвно посмотрели друг на друга и поцеловались, потом Айвар сел за руль и вскоре «Нива» скрылась за поворотом. Налия долго глядела ей вслед и происшедшее казалось ей каким-то безумием. Она уже не понимала, что за оцепенение нашло на нее и не дало остановить Айвара, которому взбрела в голову сумасшедшая идея. Если бы еще несколько лет назад он заговорил с ней про какой-то сон, она бы решила, что это не более чем странная шутка.

«А что ты могла сказать? — вдруг одернула она себя, — Да ты сама все сделала для того, чтобы кончилось именно так! Ты же ему шагу не давала ступить без своего одобрения! А теперь все, оно ему больше не нужно, да и ничье другое. Все, что мог, он для тебя сделал, а ему теперь нужна свобода, и какой ценой он ее получит, тебя уже не касается».

В смятении, с опущенной головой, Налия прошла в гостиную, бестолково водя рукой по мебели. Только сейчас она заметила мобильный телефон мужа, лежащий на журнальном столике.

— Господи, а таблетки-то он взял?! — вдруг ужаснулась она и бросилась обратно к двери, но замерла на полпути и бессильно опустилась на стул.

Тем не менее Налии пришлось взять себя в руки, в основном из уважения к наставлениям Айвара. Она понимала, что если боль и утихнет, то случится это нескоро, но не могла ставить жизнь «на паузу» и сказала себе, что муж просто уехал по делам. Так она красилась и одевалась по утрам, ехала на работу (от отца ей в наследство досталась хорошая иномарка), приводила дом в порядок с помощью слуг, кое-что ремонтировала, избавлялась от хлама, вела счета. Но все это казалось ей лишним смыслом.

Однако спустя где-то пару недель, когда день уже клонился к закату и сонный городок совсем притих, Налия вдруг услышала шум мотора. Боясь подумать, какие вести ее ждут, она выбежала за дверь, на крыльцо, и увидела родной автомобиль. Айвар вышел так быстро, как позволяли нездоровые ноги, и при виде жены даже выронил трость от растерянности. Ему пришлось опереться о скамеечку, и тут Налия наконец подбежала и осторожно обняла его.

— Мне стало лучше, — сказал он тихо и уверенно, прижимая жену к себе, — Вернуться в спорт я тебе, конечно, не обещаю, но может быть, мы еще найдем занятия по душе.

15. Хозяин дома

Сезон дождей подходил к концу — впрочем, в Афаре они в этом году были не такими продолжительными и более приятными, чем в других регионах. Наступала осень, близился эфиопский Новый Год и совсем рядом с ним был день рождения Айвара. Он никогда не считал остроумными шутки относительно «темной стороны» этого праздника, подразумевающей приближение к смерти, тем более что в Африке она и так ждала на каждом шагу. Но и сейчас, в своем физическом упадке и полусонном состоянии души, Айвар не желал омрачать этот в общем неплохой момент. Что же, сорок лет так сорок. И невозможно представить, что лишь десять лет, а не целую жизнь назад они с Налией и друзьями отмечали его праздник на любимом пляже, пахнущем соснами и илом, и были здоровыми и полными надежд...

К дню рождения Налия порадовала супруга особенным сюрпризом — действительно поменяла документы, в которых отныне называлась Корналией Хэйзел Теклай. В Эфиопии это было не так уж легко сделать, но она заявила, что не могла поступить иначе.

— Это что же получается? — улыбнулся тогда Айвар, — Теперь уже не я муж одной из самых просвещенных женщин Африки, новатора политики и здравоохранения, представительницы здорового феминизма, — а ты жена простого медбрата и бывшего проститута, который за всю жизнь сподобился заработать только на старую машину?

— Одно никогда не исключало другого, — спокойно ответила Налия, — Да, ты мой муж, ты главное, что у меня есть, и кто бы ни купил этот дом, ты сейчас его хозяин и хранитель.

Дом она после ухода родителей обновила и превратила в красивый и уютный уголок. По эфиопским меркам он был роскошным, хоть и старым, однако русским людям действительно напомнил бы обычную большую дачу у Финского залива — черепичная крыша, голубые стены, крыльцо с резными перилами. Даже колодец, из которого слуги таскали воду для сада, был словно из детства Айвара, а большие окна на веранде завешивались тем же нежным тюлем, которым украшали интерьер советские и российские дачники.

Вернувшись из своей загадочной поездки, Айвар узнал множество памятных ему вещей — посуду, ковры и циновки, фиолетовый абажур из России, чехлы и подушки, вышитые женой, подстаканник и ложечки, которые он берег с юности. Стены были выкрашены в нежно-золотистый цвет, на окна второго этажа Налия повесила легкие занавески из цветочного ситца. Простая, но изящная плетеная мебель и пергаментные причудливые панно на стенах тоже радовали глаз. Во всех комнатках она расставила стеклянные сосуды с засушенными цветами и целебными травами, которые все еще источали терпкий запах дикой природы. А в маленьком саду цвели удивительные розы. Слуги Кемаль и Эммебет, знающие толк в красоте и уюте, все это время ухаживали за цветником, укрывая его от непогоды.

Особенно Айвар обрадовался подарку Паши — модели улочки в Аликанте, над которой все еще зажигался фонарик. Налия поставила его на видном месте в старом кабинете отца, который Айвар обустроил под свою комнату.

— Подумать только, человеческая жизнь угасает, а этот фонарик до сих пор горит, — сказал Айвар, благодарно улыбнувшись, — И будет гореть после нас с тобой... Кому же он

потом достанется, как и вся эта красота?

— Я об этом подумала, но решение, конечно, должно быть за тобой, — ответила жена, — За эти годы кое-кто из твоих родственников скончался, у них остались дети, и лучше, если они будут жить с нами. Здесь они пойдут в школу, а потом поступят в Семерский колледж. Это замечательные умные ребята, они не хотят и не должны жить так, как их предки, в позорной нищете. Когда мы состаримся, то сможем положиться на их помощь, а потом этот дом перейдет к ним, как и все ценности. Я уверена, что они сэберегут и духовное, и материальное.

— По-моему, это будет прекрасно, — уверенно сказал Айвар и его усталые глаза просияли.

С тех пор он стал привыкать к тихой жизни, полной благодарности за один наступивший день, за новую пламенно-терракотовую африканскую зарю, за прохладные и туманные ночи, за освежающий ветерок, доносящий издалека запахи вековых скал, студеного водопадов, страшных пустынь и звериных шкур. Все прочее осталось в былом, столь же далеко, как передающиеся от предков легенды.

Конечно, Айвар сознавал, что когда-то желал себе совсем другого будущего, другого мира, в котором сорокалетний мужчина живет движением, развитием и устремлениями, а не бесстрастным созерцанием. И где-то далеко его ровесники так и жили, ездили по миру, занимались спортом, делали успешную карьеру, бросались в омут новых чувств и увлечений или предпочитали стабильный семейный круг.

Но он больше не о чем не жалел и по сути не мыслил далее того светлого уголка, который у него остался. Ему было понятно, что подобное спокойствие говорит о морфиновой апатии, которая неизбежно наступает после пика эйфории, но он благодарил судьбу и за то, что у него это протекает в мирной и почти безболезненной форме (точнее боль стала привычной), и даже оставляет место для приятных эмоций.

Полностью избавить Айвара от зависимости в Эфиопии уже не могли, но старые товарищи и коллеги помогли замедлить ее разрушительное воздействие и улучшить качество жизни. «К сожалению, у Айви что-то необратимо сломалось и совсем прежним он не будет, — откровенно сказал Налии врач, — Этот винтик нельзя заменить, остается только рассчитывать, что другие детали механизма смогут работать за него. Но с этим вы наверняка справитесь вдвоем, Налия».

У Айвара такие новости не вызвали ни отчаяния, ни злости: годы общения с больными не прошли даром и приучили его быть стойким и благодарным. Во всяком случае он не позволил себе ни одной вспышки раздражения при жене и слугах, которые души в нем не чаяли. Работы у него пока не было, но к наступлению нового учебного года медицинский колледж в Семере обещал ему место преподавателя истории и теории сестринского дела. А летом студенты два-три раза в неделю приходили к нему домой, подтягивать знания по медицине и английскому языку. Айвар настоял, что обязан хоть что-то зарабатывать сам, и помимо этого, общение с молодыми будущими медиками очень скрашивало его монотонную жизнь. Заодно они приносили лекарства, которые присылал для Айвара госпиталь из Аддис-Абебы, и сами ставили ему капельницу. Это его основательно поддерживало. Молодые люди любили поговорить с ним — Айвар своим грубоватым юмором и прямым отношением к жизни вызывал у этих парней и девчонок доверие, которого часто не хватало в семье. А иногда после занятий кто-нибудь из них гулял с ним, держа под руку: на уроках Айвар предпочитал стоять, несмотря на боли в ногах, и под конец уставал.

У Налии здоровье тоже было не столь крепким, как в молодости, но она продолжала активно налаживать связи и основала в Семере небольшой общинный центр для изучения русской культуры. Ей помогли люди, когда-то жившие в России и сохранившие о ней теплые воспоминания. Постепенно центр разрастался, стал местом приятного досуга, и горожане предложили Налии на следующий год избраться в местное самоуправление. В основном она работала в службе содействия трудоустройству выпускников медицинского колледжа и давала частные уроки.

Для Айвара дни, конечно, протекали более однообразно. Теперь они с Налией, по его настоянию, спали в разных комнатах — поначалу жена возражала, но Айвар убедил ее, что возраст и болезни обязывают к уединению. Правда, супружеские отношения, что было особенно трогательно, у них не прекратились: Айвар, к счастью, сохранил мужскую силу, а Налия с годами стала более мягкой, нежной и податливой. Пожилые слуги всегда с умилением замечали, как у супругов после уединения блестят глаза и как трепетно они держатся за руки.

Впрочем, в их отношениях вообще появилась какая-то особая сентиментальность в лучшем смысле этого слова, словно пара уже отметила серебряную свадьбу, а не чуть более десяти лет брака. Они постоянно обменивались ласковыми словами или просто взглядами и мудрой улыбкой, будто им двоим были ведомы некие интересные тайны. Больше всего им нравилось делать друг для друга что-нибудь приятное, даже если это были сущие пустяки. Когда Айвар выходил на прогулку, он непременно покупал для жены фрукты или сладости, и к завтраку они всегда приходили вместе. С утра он перво-наперво освежал сухую кожу лица, принимал глазные капли, чтобы убрать красноту, чистил зубы и одевался, немного скучая по прежнему пренебрежению к семейной этике. Когда-то он, встав с постели, натягивал только джинсы и шел завтракать босиком, а Налия в одной ночной рубашке мельком глядела в зеркало, но теперь с привычками молодости приходилось расстаться. Слуга брил его опасным лезвием, подстригал волосы, а со всем остальным он справлялся сам.

Жена тоже всегда садилась за стол ухоженная и нарядная. Служанка, пожилая добродушная эфиопка, которую Налия привыкла звать тетей Эммебет, с удовольствием заботилась о них обоих. После интоксикации у Айвара понемногу слабела печень и все чаще приходилось питаться диетической едой, но служанка всегда готовила вкусно и удивительно красиво. Айвар и Налия успели познать все вкусы мира, от суровой еды африканских бедняков до деликатесов в лучших западных ресторанах, но теперь домашняя пища казалась им лучшей. К тому же, Налия не забывала о любимой посуде и скатертях, хранящих много светлых воспоминаний.

Провожая супругу по утрам, Айвар всегда наблюдал вокруг одно и то же — проезжал школьный автобус, издали голосила домашняя птица, потягивало ароматом свежего хлеба и творога с привозных прилавков, из соседнего дома выходила старенькая хозяйка, о которую терлась ленивая пушистая кошка, служанки таскали из колодцев воду. То и дело слышались сердечные африканские приветствия и пожелания доброго дня.

Если у Айвара не было учеников, Налия всегда просила его к ее приходу перевести на амхарский язык выдержки из русской литературы или перепечатать какие-то редкие рукописные материалы для общинного центра. Этим он обычно занимался до обеда, потом ел в компании Кемаля, Эммебет и их племянницы Руфаро, горбатой девушки, которая служила в доме горничной. Слуги очень любили это время: с Налией они все-таки держали некоторую субординацию, а Айвар был для них близким другом, с которым можно было

поговорить о городских сплетнях, о родне, о том, что показывают в маленьком местном кинотеатре и пишут в газетах.

Потом он чаще всего дремал, читал газеты и книги, наводил порядок в семейной библиотеке. В ней обнаружилось много ценных изданий, а главное, забытых и утерянных реликвий вроде фотографий, открыток, театральных программ какого-нибудь далекого года.

В остальное время Айвар в ожидании приезда жены просто подолгу сидел в саду — наблюдал за порхающими меж цветов бабочками, слушал птичий щебет. И вспоминал, что когда-то давно, на другой земле, было нечто похожее — долгожданное северное солнце прогрело влажную, болотистую почву, подсвечивало полупрозрачные сиреневые лепестки иван-чая и играло с причудливыми тенями на асфальте.

Потом возвращалась Налия, и после ужина супруги немного гуляли, а потом любили посидеть на крыльце дома и обсудить минувший день. В эти моменты они, несмотря на седые волосы Айвара, казались обычной молодой парой, как много лет назад, когда любовались Аддис-Абебой с крыши. Правда, Айвар постепенно уставал говорить из-за сухости во рту и горле, но Налия всегда это замечала вовремя и сразу спрашивала:

— Ну что, принести попить? Или мороженого?

Он не любил доставлять жене хлопот, зная, что она устает на работе, и старался ни о чем не просить, однако Налия оказывалась на шаг впереди и безошибочно угадывала, когда у него что-то болело или беспокоило. Иногда Айвару сразу после прогулки хотелось прилечь, и она заваривала ему чай, подолгу читала вслух или ставила диски с какими-нибудь фильмами на стареньком проигрывателе.

Потом подходила ночь и Налия помогала ему подняться на второй этаж, но после этого он, приняв таблетки, настаивал, чтобы она позвала к нему Кемаля и шла отдыхать. Она со временем привыкла к этому порядку и была безмерно благодарна за него мужу: возможность хотя бы немного полежать в ванне, почитать книжку и просто поразмыслить перед сном очень укрепляла душевное состояние. Тревога за Айвара никогда ее не оставляла, но наедине с собой все-таки становилось чуть легче.

В канун новогоднего торжества Энкутаташ, когда в центре Аддис-Абебы шли шумные гуляния, а глава государства зажигал огромный костер, Айвар с Налией поехали на праздник в деревенскую церковь, которая уже была им почти родной. Селяне, одетые в народные костюмы и накрывающие на свежем воздухе столы с тушеным мясом, инджерой и медовым вином, встретили их с радостью, особенно дети, которые по традиции украсили себя веночками из желтых цветов и распевали задорные песни.

Возвратившись с праздника домой, Айвар был в приподнятом настроении, и Налия заметила в его глазах давно не виденный блеск. Он посмотрел на свое отражение в большом зеркале. Одной из самых трогательных просьб родителей Налии было сохранить их любимые личные вещи, и теперь супруги нарядились в их парадную одежду старой, но благородной моды. Правда, ее пришлось чуть подгонять: Айвар, хоть он и был всегда ширококостным, все же уступал в габаритах грузному тестю, а Налия была выше и крупнее в плечах, чем ее изящная мать.

И сейчас Айвар был одет в бежевый костюм и светло-сиреневый жилет поверх белой рубашки, в который был заправлен шейный платок из элегантного серого шелка. Волосы у него поседели еще больше, к тому же впервые в жизни он стал носить усы, придавшие лицу умудренный и бесстрастный вид. И хотя в нем почти ничего не осталось от прежнего хулиганского облика, сейчас он вспомнил о детстве, когда их с закадычным другом

Даниэлем считали похожими на героя индийского фильма «Сангам».

«Интересно, помнит ли его сейчас кто-нибудь в России?» — подумал Айвар. Станный, путаный, алогичный и печальный фильм, совсем не похожий на другие индийские мелодрамы. Его, возможно, нельзя понять, не пережив такого же переплетения судеб, чувств и мировоззрений.

Сейчас он с удивлением понял, что стал еще больше похож на обаятельного, порывистого и слегка сумасшедшего Сундара Кханну, любившего самолеты и одну-единственную женщину. Его сыграл великий Радж Капур, который в этом фильме выглядел зрелым и усталым, хоть и не утратил своего редкого благородства. Правда, у него, в отличие от Айвара, была светлая кожа и серые глаза, но сейчас, при обнаружении какой-то мистической общности с героем, это уже не казалось очень существенным.

«Должно быть, и Даниэль за эти годы стал еще ближе к преуспевающему и благоразумному Гопалу Верме» — сказал себе Айвар и улыбнулся собственному отражению.

Налия стояла в дверях, со строгой прической, серьгами из бледного жемчуга, в атласном светло-голубом костюме матери. Поверх него был накинут серый кашмирский платок с серебряной вышивкой. Она смотрела на него с такой же загадочной улыбкой.

— О чем ты думаешь весь день? Мне показалось или ты снова начал о чем-то мечтать? — лукаво поинтересовалась женщина, — Только боже упаси, не говори, что это как-то связано с эфиопским здравоохранением.

— Что ты, что ты! И меня боже упаси! — шутливо отозвался Айвар, — Нет уж, этого с меня хватит, надо дать дорогу молодым. И только им решать, пойдут ли они по моим стопам, захотят изменить жизнь на родине, или выберут успешную карьеру и цивилизованный мир. А я сейчас наконец могу думать совсем о другом. Ты права, у меня действительно появилось одно новогоднее желание.

— Ну так поделись со мной, — сказала Налия, глянув в зеркало через плечо мужа.

— Люди в общинном центре говорили мне, что мечтают украсить его какими-нибудь живописными фресками, вот я и хочу этим заняться, благо руки еще хорошо работают, да и голова ясная. Даже знаю, что хотел бы там изобразить. Когда Николай Гумилев стремился исследовать Африку, опередив этнографов, он написал такие слова, — тут Айвар заговорил по-русски, — **«У меня есть мечта, живучая при всей трудности ее выполнения. Пройти с юга на север Данакильскую пустыню, лежащую между Абиссинией и Красным морем, исследовать нижнее течение реки Гаваша, узнать рассеянные там неизвестные загадочные племена».** Мы с тобой не раз были там по долгу службы, бегом, все в делах, но я все-таки запомнил Данакильскую пустыню, с ее древними тайнами, солеными озерами, дымящимися горами и удивительными племенами. Представляешь, как такие картины понравятся эфиопам?

— Это здорово, — улыбнулась Налия, — Но тебе по силам будет эта работа?

Айвар удивленно посмотрел на жену, по старой привычке трогая себя за мочку уха, хотя сережек давно не носил.

— Да неужели это будет тяжелее, чем жить в той деревне, милая? А я ведь и там каким-то образом уцелел, так что меня еще рано списывать со счетов.

— Уж не в пустыню ли ты ездил, когда исчез почти без объяснений? — вдруг спросила она.

— А почему ты хочешь это знать? — мягко произнес Айвар.

Налия немного помолчала и ответила:

— Не знаю почему, но мне кажется, что однажды ты снова уедешь. Что ты давно уже так решил — сесть в свою родную машину, податься туда, где никто не увидит, выкурить последнюю сигарету и...

— А какая разница, что будет потом, если никто не увидит? — сказал Айвар с прежней решительностью и даже строгостью, — Я еще жив, и это дает не только радости, но и некоторые тяготы, чему я всегда и учил других. Но если я и принял такое решение, то не сейчас, а действительно, как ты заметила, давным-давно. Пока я думаю не о том, сколько мне осталось, а о об этих фресках, о том, есть ли в библиотеке колледжа нужные книги для ребят, о перебоях с интернетом, о ревматизме у Кемаля, о том, что надо еще успеть купить подарки для родственников перед тем, как мы поедем за детьми. Видишь, сколько насущных вопросов? А остальное — к этому просто не надо относиться как к неожиданной катастрофе, сетовать на судьбу, что мы, мол, так не договаривались.

— Спасибо, любимый, — ответила Налия тихо и твердо, — Ты все верно сказал, и я тебе обещаю, что ни в чем не буду мешать.

— Я жалею только об одном, — добавил Айвар и как-то хитро улыбнулся, — что не дал тебе хоть немного побыть слабой женщиной, прячущейся за крепкое мужское плечо.

— Ты смеешься, Айвар? — изумленно спросила жена, заметно повеселев, — Не забывай, что мне, в отличие от многих, не пришлось превращаться в сильную женщину, чтобы выжить, я уже родилась такой! Так что меня никогда не жалели, мне завидовали.

— Вот и хорошо, милая, что ты стала улыбаться, — спокойно сказал муж, присаживаясь у стола и жестом предлагая ей сесть рядом, — Хватит на сегодня тяжелых мыслей. Не забывай, какой сейчас праздник: мы с тобой идем дальше, в следующий год, а это уже многое значит. Так что давай-ка позовем сюда слуг, накроем стол и посидим все вместе, как в старые времена. А там привезем сюда нашу молодежь, и я надеюсь, что они нас не бросят, что мы еще порадуемся с ними.

— Ну что ты, Айвар! — сказала Налия, — Ты им нужен не меньше, чем они нужны нам, ведь они тобой гордятся.

— Да ну? — усмехнулся Айвар, опираясь подбородком на трость, — Я сам под конец запутался и уже не знаю, могу ли чем-то гордиться в минувшем. Но если такое и было, то сейчас от этого остались одни обломки.

— Они тобой гордятся, — непреклонно заявила Налия.

16. Осень в гранитном цвете

Санкт-Петербург, спустя год

Пока Эфиопия уже вступила в новый временной цикл, по-прежнему не озадачиваясь переменами и осмыслением ошибок, в Санкт-Петербурге он был только на подходе. Ноябрь принес неподвижные белесые сумерки и частые холодные дожди. И в один из таких монотонных дней в аэропорту «Пулково» появился статный смуглый мужчина в кожаном черном плаще, с компактным чемоданом на колесах и зонтом-тростью.

Попугчики оглядывались на него с любопытством, соображая, что он прибыл издалека и скорее всего по очень важным делам. К таким взглядам он, Даниэль Гиди, сын идейного эфиопа-интеллигента и простой русской женщины, давно привык, хотя приезжал в родной город нечасто и всякий раз чувствовал себя здесь как гость. Он быстро сросся с новой жизнью, с ее ритмом, вкусом и традициями, а кроме того, были еще живы воспоминания детства, когда он тоже ощущал себя здесь чужим. Правда, прежде на него смотрели иначе, но Даниэль не удивился бы, узнав, что те же люди, которые в школе издевались над его внешностью и поносили его мать, теперь смотрят на него подобострастно, как на представителя «первого мира». И те девчонки, которые тогда подхихикивали своим не обремененным интеллектом «альфа-самцам», разглядели его лучшие качества и сообразили, что с западными мужчинами полезнее заводить отношения, чем с их выросшими соотечественниками.

В детстве, кстати, Даниэль носил материнскую фамилию — Елагин. Хотя он и родился в законном браке, путаницы с эфиопскими родовыми традициями были плохо применимы к местным реалиям. Лишь при получении «взрослого» паспорта, решив начать творческую карьеру и стать известным, он взял фамилию Гиди, образованную от имени отца Гидеон. Тогда он из угловатого чернявого подростка уже стремительно превращался в привлекательного и знающего себе цену молодого человека, и соответственно, девушки глядели на него все благосклоннее, но сам он, наученный горьким опытом, не спешил ни к кому привязываться.

Да и вообще Даниэль привык надеяться лишь на себя и его целью было не повторить родительских ошибок. Нет, он любил и жалел родителей, не был в обиде на отца, который после отъезда в Эфиопию не забывал о сыне, часто писал письма и, когда мог, отправлял хоть какие-то деньги. Но его всегда возмущало то, как бедно они жили, отец, талантливый хирург, самородок, и мать, обычная медсестра, но женщина из замечательной культурной семьи. Поэтому с детства Даниэль стремился быть не наравне с другими, а лучше их, и в учебе, и в спорте, и к старшим классам сверстники уже проникались к нему уважением. Он вспоминал это время без теплоты, считая, что потерял огромный кусок жизни — обычную детскую радость бытия.

В нем было одно светлое пятно — дружба с эфиопским мальчишкой, странным, замкнутым, миролюбивым и склонным к философии. Вроде он был идеальной мишенью для насмешек и непонимания, и это Даниэлю стоило бы его защищать и опекать. Но почему-то его ничто не смущало и не беспокоило, а его доброта стала для Даниэля отдушиной и подмогой. То, что при этом другу досталось грозное воинское имя Ивар, казалось еще одной странной игрой судьбы.

К переходному возрасту тот быстро стал курить, проколол уши, начал рисовать и читать

всякие психоделические ужасы. Даниэль время от времени думал, что его товарищ пойдет далеко, вопрос только в каком направлении. И как-то раз, когда им было по тринадцать лет, он сказал Айвару откровенно:

— Прости за прямоту, друг, но мне кажется, что чем выше ты взлетишь в своих облаках, тем скорее разобьешься. Не страшно?

— А кто выживет, Данэ? — спокойно ответил Айвар, — Никто, все мы однажды обо что-нибудь да разобьемся. Только я уверен, что до этого моя жизнь будет интересной, вот и все.

... Об этих пророческих словах Даниэль и раздумывал теперь, пока ехал в такси к дому на Богатырском проспекте, где до сих пор жила Светлана Васильевна, его мать. Погода за окном сочеталась с настроением, далеким от благодушного, — моросил слабый, но надоедливый дождь, в городе, казалось, не наступал ни рассвет, ни день, только сумерки, переходящие в раннюю ночь. Прибытие на родину было связано с дурными вестями, которые вдобавок предстояло передать другим. Ему было очень тяжело потерять Айвара в отрочестве, когда того увезли за тридевять земель, и после нескольких радостных месяцев в Питере, но теперь, нежданно-негаданно, история повторилась.

Началось все с того, что старый друг надолго перестал выходить на видеосвязь и Даниэль спохватился с большим опозданием. Впоследствии он сетовал, что с возрастом жизнь, тем более полная дел и забот, пролетает так стремительно, что не сразу вспомнишь, какой на дворе год и когда последний раз разговаривал с другом. Но так или иначе, новости от Айвара в какой-то момент стали приходить реже, были сухими и сжатыми, а потом исчезли совсем. Сам он иногда писал другу и пытался дозвониться, чаще всего в праздники, однако ответов больше не получал, и от Налии тоже ничего не удавалось узнать.

Так минуло несколько лет, сначала Даниэль объяснял молчание тем, что с аховой инфраструктурой Африки связь может обрушиться в любой момент, а потом и вовсе отвык об этом думать. Но когда он рассказал об этом своей матери, она настояла на том, что необходимо все выяснить, после чего Даниэль все-таки взял отпуск и срочно вылетел в Эфиопию.

Там Даниэль выяснил все в мельчайших подробностях и в первые минуты от ужаса не знал за что хвататься. Как друзья могли не сообщить ему о своей беде, не обратиться за поддержкой? Конечно, он бы помог найти для Налии хороших адвокатов, а потом выбраться всей семьей из Эфиопии и забыть этот кошмар. В США их бы, возможно, не приняли, но они могли устроиться в Европе, охотно привечающей приезжих с Черного континента, или хотя бы в России. А этих паразитов от местной власти Даниэль, с помощью влиятельного тестя-американца, облил бы отборной грязью в мировой прессе за всю травлю, которую учинили семье Айвара. Это было бы лучшим подарком Эфиопии на прощание. Узнай он все вовремя, его друг и дня бы не провел в какой-то кошмарной деревне, среди дикарей, с ямой во дворе и керосиновой лампой.

Жилище, в котором обитали Айвар и Налия, повергло Даниэля в шок, он до сих пор не вполне сознавал, что люди где-то существуют подобным образом. В больнице же ему честно поведали, что Айвар Теклай принимал наркотические препараты, порой страдал сумеречными припадками с галлюцинациями, однако за счет невиданного запаса прочности смог проработать на удивление долго и плодотворно. Впрочем, о нем и Налии здесь все говорили с уважением и выражали надежду, что им удалось обрести мир и лад, которые они заслужили.

После этого Даниэль позвонил в Семеру, но ему ответил пожилой слуга-амхарец. Тот не очень хорошо владел английским, но все же донес до него, что «абето Айвар» недавно уехал, а «вейзаро Корналия» много работает, чтобы растить детей.

Даниэль понял, что незнакомые слова означают соответственно «господина» и «госпожу», и уточнил, о каких детях идет речь. Только потом он решился расспросить об Айваре.

— Мы не знаем, куда он уехал и надолго ли, — признался слуга, — Но мне кажется, что он подался в те края, где сейчас много горя, гибнут люди. Наверняка он хотел еще раз оказать кому-то помощь.

— А как он жил до этого?

— До этого он целый год работал в колледже, воспитывал молодых ребят и вообще держал дом, хотя был весьма нездоров и постоянно пил свои таблетки. Голова-то у него ясная.

— Да не похоже! Какую помощь он собрался оказывать? — в недоумении спросил Даниэль, — Помощь нужна ему самому! Его надо вылечить и устроить им с Налией жизнь в нормальной стране! Я этим и собирался заняться.

— Похоже, вы не успели, хотя я не знаю, согласился бы он на это, — промолвил слуга.

«И я не знаю, — мрачно размышлял Даниэль, — Почему он ни о чем не попросил? Каким неосторожным словом или взглядом я мог до него донести: никогда не буду обсуждать с тобой неприятные вопросы, но и не пущу тебя впредь дальше пуговиц? И никогда не буду уважать мужчину, который променял свою гордость на комфорт и позволил женщине принимать все решения, потому что его можно только жалеть? Да как он после этого мог просить о помощи?!».

У него еще оставалось время, которое в Эфиопии уже нечем было занять, и Даниэль отправился в Россию. Он заранее известил о грядущем приезде Олю и Митю Амелина сказав, что они должны знать о случившемся. «Может быть, мы потом соберемся все вместе и съездим повидать Налию. Вдруг ей понадобится какая-нибудь поддержка» — добавил он.

Однако Оля, едва услышав о болезни Айвара и наркотиках, пребывала в полувменяемом состоянии и не могла обсуждать никакие планы. Тогда Даниэль договорился с Митей все обсудить в спокойной обстановке, и в тот же вечер они сидели в одном из питерских пабов, в который заходили еще давным-давно, отведать крафтового пива. Даниэль говорил с горечью и в то же время с неким воодушевлением:

— Ты только вообрази себе, что мне там рассказали, в этой больнице! У Айвара там народ по струнке ходил, когда он стал старшим медбратом! Он на моей памяти ни в жизнь голоса ни на кого не повысил, а там... Знаешь, мне кажется, что хоть он и безумно любил Налию, но по-настоящему смог раскрыться именно тогда, когда остался без ее опеки. И что сказать, он много сделал, больницу привели в более-менее человеческий вид. Только кому это нужно? Эфиопы все равно еще пару столетий не научатся думать о здоровье, хоть сто больниц им обустрой и тысячи хороших врачей привези. Они только силу и окрики способны понять, а когда пытаешься действовать по-хорошему — жди ножа в спину. Что, собственно, он и получил...

— А все-таки Айвар молодец, — задумчиво ответил Митя, — Я, по-моему, более правильного мужика не знал, без полутонов, без оговорок. Если уж он что-то решал, то не отступался, чего бы ни стоило. Мы считаем героями врачей и добровольцев, отправляющихся во всякие очаги эпидемий, а он там всегда был, на передовой! А мы

привыкли видеть в нем просто мечтателя и романтика. Живем в пределах своей зоны комфорта — зарплата, ипотека, машина, дача, телеящик, жена-любовница да ожидание пенсионного возраста, — и не замечаем людей, которым этого мало, без которых все человечество скатилось бы обратно на пещерный уровень.

— Слушай, Митрич, он, конечно, молодец, но разумно ли тратить свои силы на дикую страну, когда в нормальном мире можно быть счастливым, обеспеченным и сытым, одновременно совершая великие поступки? — сердито возразил Даниэль, — Да и взять на воспитание семерых детей — что за очередная блажь? С Айваром все понятно, у него к тому времени уже разум помутился, а вот то, что Налия это поддержала... Это же маленькие дикари, пусть бы росли у себя в деревне и учились в земле ковыряться и туристов отлавливать. А Айвару надо было возвращаться к нормальной жизни, и жену за собой не тянуть на дно.

— Ладно, Налию мы проведем, а может быть, и Айвар к этому времени еще вернется. Никто же не сказал, что он погиб? Значит, надежда есть, и все еще может быть хорошо. Они и в Россию смогут перебраться: с Налии судимость снята, а к нему вообще по закону претензий нет, так что процесс мы запустим.

Уже на улице Митя, поразмыслив, сказал Даниэлю:

— Только Олю больше не стоит трогать, она сейчас совсем никакая. Ты, кстати, Пашку-то намерен увидеть? Такой парень растет! Помогает мне книгу писать, между прочим.

— Да зачем нам сейчас видеться? — хмуро отозвался Даниэль, — У него давно другой отец, что я буду вносить какую-то неразбериху? Хотя когда он подрастет, об этом можно будет подумать. Вдруг он тоже решит учиться и делать карьеру в нормальной стране? Дай-то бог, тогда я помогу, устрою его у нас — все-таки он мой первенец, а я перед ним немного виноват...

Митя бросил на него взгляд, в котором Даниэль заметил что-то похожее на скепсис.

— А чего ты переживаешь? — почему-то спросил он, — Что, сам когда-то по Оле вздыхал, Митрич? Сознаться, что теперь-то...

— Ну и взбредет же тебе в голову! — искренне удивился Амелин, — Я и Оля? Да я и называл-то ее всегда «своим чуваком». Не удивлюсь, если и она меня за глаза называла «подружкой», да и сейчас называет. Только это, Данька, тоже бесценный дар: таких друзей, как она, у меня и среди мужиков немного. А влюблен-то я был в Нери!

— Шутишь! — ахнул Даниэль.

— Нет, серьезно, но это было только в детстве, пока школу не окончили. Потом я быстро из этого вырос, задолго до того, как она с этим корейцем сошлась. К счастью, мне вовремя стало понятно, что у странной девушки не может быть обыкновенного парня, а я именно такой и, представь себе, не стыжусь.

— Золотые слова, — произнес Даниэль, — И хорошо, что бог тебя миловал. Ладно, Митрич, спасибо за поддержку, очень на тебя рассчитываю. Мне скоро придется улетать, дела не ждут, но после Рождества обязательно снова приеду. Ничего, прорвемся, не впервой...

На следующий день в квартиру Даниэля неожиданно позвонили, и к его изумлению, этим внезапным гостем был Андрей Петрович Ли.

Этого человека он видел лишь несколько раз, много лет назад, и тем не менее узнал бы его сразу, хотя за минувшее время тот сильно постарел. Из-за набрякших век и густых морщин в уголках глаз их некогда красивый разрез совсем оплыл, высокий лоб прорезали

борозды, на лице все больше проступали пигментные пятна. И взгляд у Андрея Петровича был совсем другим — вместо прежнего высокомерия в нем читалась... нет, не робость, не просьба, а скорее что-то вроде безнадежности.

Тем не менее Даниэль отметил, что пожилой мужчина все-таки старается держать марку, — ворот и манжеты рубашки под джемпером с логотипом клуба «Зенит» были безупречно отглажены, как и стрелки на брюках, идеально чистой была и обувь.

— Здравствуйте, — сказал Андрей Петрович, — Вы меня помните?

— Добрый день, — удивленно ответил Даниэль, — Разумеется, помню, только чем я могу быть вам полезен? Кажется, последняя наша беседа не задалась...

— Ничего страшного, Даниэль... прошу прощения, не знаю вашего отчества.

— Да бог с вами, просто Даниэль. Вы проходите. Мама, это отец Олиной подруги, — сказал он Светлане Васильевне, которая выглянула из кухни, — Чаю сделай, будь добра.

Андрей Петрович поспешил заверить, что не стоит беспокоиться, но Даниэль заявил:

— Никакого беспокойства, вам не мешает. Извините за нескромность: вы не больны? Я все-таки из медицинской семьи, сила привычки не отпускает.

— Странный вы, — усмехнулся Андрей Петрович, — Можете называть естественный процесс болезнью, если вам так больше нравится, но в моем возрасте ничего не болит только если ты уже умер. Хотя там, где вы сейчас живете, могут быть другие представления.

— Вот именно, — с ударением произнес Даниэль, — Поэтому я туда и уехал. Но вы вряд ли это хотели обсудить?

Андрей Петрович нерешительно кивнул и только тут обратил внимание на фотографии, стоящие на стеллаже с книгами. В двусторчатой рамке снимок слева изображал двух мальчишек в клетчатых футболках и кепках с козырьком — оба с пышными кудрями, большими темными глазами и широкими белозубыми улыбками. На правом они уже были взрослыми, но в такой же одежде, и так же беспечно улыбались, обнявшись за плечи.

— Такие же сейчас есть у меня дома, — вдруг сказал Даниэль, — Это мы тогда с Иви решили позабавиться, вспомнить былое... Вам Оля сообщила, что я приехал?

— Да, а что? Не нужно было? — растерянно спросил Андрей Петрович, пригубив поданный Светланой Васильевной чай.

— Я к тому, что если вы по поводу Иви Текляя, то Оля наверняка вам уже сказала, что новости плохие. Верно?

Тот сокрушенно вздохнул:

— Да, не то слово. Поверьте, что я такого не ожидал, я знал, что Айвар правильный парень.

— Ах вы знали? — мрачно повторил Даниэль, — Только говорили вы почему-то другое. И по-хорошему это мне стоило вас навестить, а заодно и вашего зятя. Без него ведь тут тоже не обошлось, разве я не прав? Он же зубами вцепится, если что-то примет за свое!

— Даниэль, к чему мне это с вами обсуждать? — уже решительнее сказал Андрей Петрович, — По мне, лучше такая любовь, чем никакой. А Айвар, будем откровенны, просто хотел устроить свою жизнь. Нет, я ни в чем его не виню, Нери сама его на это подбила, но мне как отцу это не могло нравиться. Окончательно я все про него понял потом, а тогда, честно, не знал что думать. Да, он ваш друг, вы сейчас очень за него переживаете, хотите во что бы то ни стало найти виноватого и в ваших глазах на эту роль лучше всего подходим я и Костя. Только когда это было? Разве у него не появилось других врагов? Просто вы о них не знали. Но я действительно хотел поговорить с вами не об этом.

— А какие у нас с вами еще могут быть общие темы?

— На данный момент — Паша, сын Оленьки. Вы не намереваетесь его забрать?

— Да что вы! — удивился Даниэль, — Скажете тоже, забрать! Во-первых, я не имею на это никакого права, а во-вторых, он хоть и несовершеннолетний, но уже достаточно взрослый, чтобы решать подобные вещи сам. Хотя позже я бы с удовольствием поговорил с ним и постарался его убедить в преимуществе образования и профессии в Штатах. У него, как я понял, есть настоящий талант, интерес к миру, желание развиваться, а там это сейчас основа жизни. Он точно заслуживает лучшего, чем эта страна, и если уж я ничего не дал ему в детстве, то готов помочь с будущим.

— Хорошо вы сказали, «эта страна», — задумчиво протянул Андрей Петрович, — Вы уже забыли ее название? А Паша, между прочим, гордится, что родился именно здесь. И я не уверен, что ваши аргументы будут интересны ему и ради американского паспорта он проникнется теплотой к чужому человеку.

— Стоп-стоп, а почему это вы называете меня чужим для него человеком? У вас-то с этим ребенком что может быть общего?

— А «этот ребенок», как вы изволили выразиться, рос у меня на глазах и знает меня сколько себя помнит, — твердо заявил Андрей Петрович, — И уже несколько лет меня зовет «дед Андрей», вот что у нас общего. Поэтому не буду скрывать, что я в его отъезде за рубеж не заинтересован: там нет ни одного человека, который будет его любить так, как Оля и я, и мне его терять на пороге старости тоже совсем не хочется.

— Да что вы говорите! — усмехнулся Даниэль, — Интересно будет вас послушать, если вы все-таки обзаведетесь законными внуками. Что-то я предчувствую: в таком случае ваша любовь быстро упорхнет в другом направлении, а Паша останется и без деда, и без нормальных перспектив. По-моему, для него так только хуже.

— Не пытайтесь меня уесть, Даниэль, — невозмутимо ответил пожилой человек, — Если у меня появятся другие внуки, я буду счастлив, но моя любовь к Паше никуда не денется.

— Да хоть бы и так, почему из-за вашего старческого эгоизма он должен лишиться шанса на нормальное будущее? Это у вас так проявляется любовь? — возмутился Даниэль, — Когда я слышу подобное, мне искренне жаль, что я не могу действительно забрать Пашу и растить его там, где сейчас прекрасно живу. Там не принято бездарно тратить жизнь на имитацию бурной деятельности на работе, ожидание подачек от власти и телевизор, а потом еще и нагибать других, чтобы они не смели жить по-другому, расти, развиваться! Чтобы таким, как вы, не было обидно! Вы всерьез считаете, что Паша должен жить здесь? Где что ни закон — то либо идиотизм, либо очередной запрет? Где коррупция тебя сопровождает от роддома до похоронного бюро? Где ни врачи, ни менты без вознаграждения разговаривать с тобой не будут? Где вместо науки — мракобесие, вместо культуры трэш, а на любой протест один ответ — «начни с себя»? Если вам это нравится, бог в помощь, вы человек взрослый, но ребенку, у которого все впереди, ни к чему впитывать такие понятия.

— Складная речь, — хмуро сказал Андрей Петрович, глядя на молодого собеседника поверх очков, — Вы беспокоитесь за сына или хотите старику преподать основы правового сознания, показать, какие мы тут дикие? Да только где же вы были раньше с вашей заботой? Почему столько лет вас не волновало, как Паша тут живет, лечится, учится? Вы как-то удобно в свое время об этом забыли, и о нем заботился ваш друг, который жил в Африке! И

деньгами помогал, и присылал лекарства из Европы, и достал для отца Оли лучший кардиостимулятор, а для матери — поездку в центр лечения позвоночника в Чехии. А главное, постоянно общался с мальчиком, переписывался, давал советы, учил своему языку и хорошим книгам. И приезжал, хоть раз в год, но обязательно, а теперь Паша места себе не находит, не знает, почему они больше не видятся... Но мы ему все скажем как есть, пусть знает, что Айвар его не бросил.

Мулат долго смотрел на Андрея Петровича и полупрезрительное раздражение в его глазах сменялось изумлением и горечью. Явно желая дать резкий отпор поначалу, он задумался и сказал:

— Даже так? Господи, театр абсурда какой-то... Ну ладно, с Иви мне все до некоторой степени ясно, а вот ваша роль тут какова? С чего вы вдруг так сблизились с Пашей, когда он всего лишь сын подруги вашей дочки? И то они же с Олей потом почти не общались...

— Не буду отрицать, отчасти вы попали в точку и тут не обошлось без доли эгоизма с моей стороны, — произнес Андрей Петрович, — У меня, когда родился мальчик, был не самый легкий момент в жизни и хотелось почувствовать себя нужным. Быть отцом единственной дочери всегда чревато проблемами в будущем, а если вы — корейский отец единственной дочери, то эти проблемы надо смело умножать на два. Неизбежно окажетесь на задворках, когда она выйдет замуж и станет частью другой семьи. И чаще всего не сможете вмешаться и заступиться, если ей трудно, потому что вы свою функцию уже исполнили, и внуки будут в первую очередь внуками сватов, а вы — по остаточному принципу, как и вся ваша дальнейшая жизнь... Я всегда знал, что так будет, но на душе все равно было скверно. А искать у кого-то утешения я не привык, не так воспитан. И когда родился Паша, Оле тоже оказалась нужна поддержка, так вот все и совпало.

— С этого момента я перестаю понимать, — заметил Даниэль, — Насколько я знал со слов Иви, родители Оли ей помогали, так зачем ей понадобилось искать поддержки у вас? Или он что-то недоговаривал?

— Нет, дело в другом. Видите ли, — ответил Андрей Петрович, слегка замявшись, — Вашему другу Оленька действительно так сказала, но на самом деле все обстояло несколько иначе. Айвару, конечно, это уже ни к чему, а вот вы, по-моему, должны знать.

— Ну говорите, раз уж начали, — нервно промолвил Даниэль. И Андрей Петрович рассказал ему и о том, как мать и отец, которого на этот момент уже не было в живых, настаивали на аборте, и о том, как он узнал всю историю Оли, в том числе и о любви к Айвару.

— Я тогда просто в ужасе был, — горько констатировал Андрей Петрович, — Получалось, что я ради своей дочери другую девочку лишил любимого человека. А я Оленьку с малолетства знал, она так же на моих глазах росла, как и Паша. Нет, она сразу сказала, что на меня не в обиде, но я-то себе простить не мог. Вот и стал ей помогать, сначала денег немного подкидывал, позже работу с достойной зарплатой подыскал. Когда уже я сам на неполную неделю перешел, то частенько был на подхвате: то в аптеку съезжу, когда ребенок болеет, то в парикмахерскую его отведу, чтобы ей не отпрашиваться. А потом Паша подрос — такой чудесный мальчишка! Тогда уж я сам к Володе пошел и от души ему сказал: что ты творишь, дурак старый? Когда пожалеешь, поздно будет! Нет, он был хороший мужик, мы давно дружили, но в некоторых вопросах упертый как баран. После этого родители с Олей помирились, но по-настоящему оттаяли только когда она вышла замуж и родила Аню, сестру Паши. Теперь у вас, как говорит молодежь, пазл сложился?

— Вроде того. Выходит, что вы из чувства вины взялись опекать ее?

— Не только, — решительно сказал Андрей Петрович, — Да, я считал, что некоторым образом в ответе за их судьбу, но кроме того, мне искренне хотелось ее поддержать. У меня в юности было нечто похожее, мои родители тоже устроили разнос, когда я выбрал не кореянку. Но Оле-то, слабой девочке, пришлось куда труднее. А к Паше я просто прикипел душой, да и он во мне будто почувствовал нечто близкое. Детей ведь не обманешь. И Оля никогда не учила его считать меня дедом, это началось на интуитивном уровне.

— И Пашу никогда не смущало, что вы с ним, извините... не похожи? — спросил Даниэль.

Андрей Петрович впервые благодушно улыбнулся:

— Дети не задаются подобными вопросами, если только взрослые их не просветят. А мы с ним и Оленькой наоборот всегда относились к этому с юмором.

Тут лицо Даниэля помрачнело.

— Ну что же, рад за вас. Только, Андрей Петрович, подумайте, как в этой ситуации выгляжу я? Легко ли мне было всегда знать, что она любила Иви, даже когда он уехал? Что мне никогда с ним не сравниться, что я всегда буду думать, как далеко у них зашло? А теперь вы меня упрекаете, что я едва ли не спихнул на вас и на него заботу о ребенке, который никогда не был моим, хоть и зачал его я. Но это же было ваше решение! Вы боялись одиночества, а Иви не мог забыть Олю, поэтому и Пашу любил как родного сына. А я-то чем хуже всех, что меня нельзя понять? Разве я хотел чего-то особенного? Просто жить в радость, быть современным, свободным и счастливым человеком. Это что, преступление? Нет, это нормальное, здоровое желание, только меня почему-то за него осуждают. И кстати, если вы давно знали о невинности Иви, почему не поговорили с ним? Не попросили прощения, не сказали, чтобы он спокойно возвращался сюда, не предостерегли от жизни в Эфиопии, которая его в конце концов искалечила? Что же вы теперь на мне-то отыгрываетесь?

Даниэль опустил голову и в этот момент показался Андрею Петровичу совсем молодым, как четырнадцать лет назад, без всякого приобретенного буржуазного флера.

— У каждого из нас свой груз ответственности, Даниэль, и все мы тут сильно обожглись, — строго сказал он, — Я только советую вам оставить эти мальчишеские обиды в прошлом и не травить сердце ни себе, ни другим. Называйте это как угодно, но вы отказались от Паши, вы бросили Олю беременной, и это ваша ответственность, а не Айвара. Живите для своей семьи и для себя, как вам всегда и хотелось, а ваш друг... Я искренне надеюсь, что он еще жив и что вам удастся чем-то ему помочь.

— Знаете, чего я всю жизнь не могу себе простить? — вдруг спросил Даниэль пронзительно и резко, — Что один раз, один-единственный чертов раз позволил себе подумать: ну чем он лучше меня?.. Подумал один раз, а грызу себя за это до сих пор!

— Господи! — вздохнул Андрей Петрович, — Когда же вы житейской мудрости наберетесь? Вы ведь хорошие парни, только дури бы вам поменьше!

Даниэль удивленно поглядел на него, но не стал уточнять, о ком еще шла речь. Он встал и, постукивая ладонью по столу, произнес:

— Ладно, старик, я понял. Настаивать ни на чем не буду, если только Оле когда-нибудь не потребуется помощь. Она, конечно, тоже гордая, просить не любит, но вы мне можете сообщить. Я всегда готов откликнуться. Но если мне удастся помочь Айвару с женой вернуться сюда, надеюсь, вы не будете вспоминать о своих претензиях. Тем более что если

вы хотите участвовать в жизни Паши, то вам придется сталкиваться. Кстати, а где сейчас ваша родня?

— Родня? — растерялся Андрей Петрович, — Дочь в длительной командировке, зять в Питере, жена дома. А почему вы об этом спрашиваете?

— Ну, вы им тоже намекните. Нет, сам он их не побеспокоит, я думаю, что ему давно нет дела до всей вашей семьи. Но я все помню, и больше его в обиду не дам. Если случится еще что-нибудь сомнительное, мне и за океаном дадут знать, будьте уверены.

— Я вас понял, Даниэль, — заверил его Андрей Петрович.

Тут Даниэль всмотрелся в пожилого человека и сказал более мягко:

— Да, теперь и я вас понимаю. Похоже, из всего семейства совестью мучились только вы...

17. Это была любовь

Через два дня Даниэль улетал обратно в США. Оля, несмотря на свою разбитость, все же взяла себя в руки и поехала вместе с Митей проводить его.

— Прости, Даня, — вдруг произнесла она, взглянув на него помутневшими большими глазами.

— Да что ты? — тихо воскликнул мужчина и осторожно погладил ее по плечу, — За что мне прощать тебя, Оля? Ты меня прости! Это я перед тобой навсегда в долгу, из-за дурацкого упрямства, самолюбия... Я должен был остаться с тобой и сыном! Ведь если бы я все-таки остался, у нас бы получилось? Могло так быть?

Оля вздохнула и сказала с материнской мягкостью:

— Наверное, могло, Даня. Не мучай себя, будь счастлив, я всегда вспоминала о тебе только хорошее. Ты помоги ему, пожалуйста...

Когда они расстались, Оля спрятала лицо на плече у Мити и проговорила, с невыносимым трудом сдерживая слезы:

— Я ведь знала, я всегда знала, что однажды он больше не вернется...

— Он вернется, — твердо сказал мужчина и заставил подругу взглянуть ему в глаза, — И не смей его заранее оплакивать. Нам сейчас надо владеть собой, и относиться к нему как к прежнему, а не как к ущербному и больному. Этого он не потерпит.

Однако Айвар не вернулся. В декабре, в преддверии северного Нового Года, Даниэль Гиди и Ольга Северцева по разные стороны океана наконец получили от него послание с припиской от Налии, что он оставил его незадолго до отъезда.

«Если вы это читаете, значит, мы больше не увидимся. Только не корите себя и примите мое желание остаться в вашей памяти прежним, молодым, жизнелюбивым. За последние годы я понял, что меня и так было слишком много в жизни других людей. Иногда я этого не очень хотел, иногда мне это нравилось, но в какой-то момент просто стало не хватать на собственную жизнь, и она меня наказала, очень жестко наказала. Я едва ее не потерял и, к счастью, получил еще один шанс пожить только своей жизнью и Налии. А вам надо жить дальше без меня от слова „совсем“. Не обижайтесь на эту просьбу, не ждите меня и не пытайтесь ничего узнать: я и сам не знаю, что будет дальше. Об этом узнает только она, да и то скорее почувствует.

Я ни о чем не сожалею из всего, что случилось в тот год, да и вообще отвык от сожалений. Да, вам может показаться, что у меня в жизни ничего не происходит, да, я не слежу за мировыми новостями и мне вообще порой неважно, какой на дворе день, но я всегда улыбаюсь. Просто это все, что я сейчас могу сделать для дорогих мне людей, чтобы облегчить им жизнь, — улыбаться. И вам я советую то же самое. Что до тех, с кем я простился при плохих обстоятельствах, то дай им бог разобраться в собственной жизни. Да и вообще, ребята: будьте живы, остальное приложится. Я желаю вам помнить об этом перед Новым годом, который сейчас наступает в Эфиопии, и перед тем, который вы будете встречать позже. С любовью, Айвар»

Даниэлю он отдельно написал, что будет очень благодарен, если тот вместе с тестем, имеющим свой благотворительный фонд, поможет медицинскому колледжу в Семере и больнице, в которой Айвар работал. Причем лучше и надежнее всего будет не переводить

деньги, а сразу прислать необходимое оборудование для лечения и реабилитации. Налия обещала позже написать подробно, что нужно купить, и Даниэль в ответном письме заверил, что все будет сделано.

В письме к Оле Айвар сказал, что его служебные и спортивные награды, любимые вещи, книги и личные записи должны «в свое время» достаться Паше. Кроме того, он написал ей: **«Оленька, ты всегда очень много для меня значила, и я не прошу обо мне забыть — никто из нас не способен стереть свою память. Но постарайся хотя бы не страдать, помни только о всем хорошем, что мы пережили вместе. Иначе и мне будет больно, и в этом мире, и в прочих, — это такое старое негритянское поверье. Нас, конечно, трудно назвать мудрой расой, но порой и мы придумываем что-то дельное. Так что прощай, моя беляночка, и поцелуй за меня сына. Да, конечно, я всегда считал, что он мой».**

Узнав от Оли про это послание, Андрей Петрович попросил у нее контакты Даниэля и смог до него дозвониться. Он спросил только одно:

— Скажите, я могу чем-то помочь Айвару?

— Можете, — ответил Даниэль, — Не бросайте Пашу. Этого будет достаточно. Я очень надеюсь, что вы были со мной честны и по-настоящему его любите.

Сама Оля, получив письмо, долго плакала. Это было не в ее правилах, но боле прорывалась наружу если не слезами, то головокружением, теснотой в груди, нехваткой воздуха. Сейчас ей казалось, что именно она подписала Айвару приговор, когда отвергла то, что он предлагал от всего сердца. И когда несколько лет спокойно принимала его электронные послания и деньги для сына, ничуть не насторожившись. Что с того, что он прожил несколько беззаботных лет с Налией, пока его рассудком руководила страсть? Зато теперь он погибнет, и никогда не узнает, что Оля, быть может, носила его ребенка, пусть и всего несколько недель. Она так и не решилась когда-то сказать ему это, сочтя, что правду уже не узнать, и если так и было, значит, судьба этого ребенка оберегать и ее, и Айвара, и Пашу, и Налию, и Алексея, и общих детей. И не надо тревожить его душу и отравлять этими сомнениями жизнь Айвару. А с другой стороны вышло так, что Оля все-таки решила за них обоих.

Муж старался не беспокоить ее и не хотел показывать, что у него самого творилось внутри. Конечно, ему было жаль Айвара, хотя прежде наркозависимые люди вызывали у него бескомпромиссное презрение. Догадывался ли он, что тот для Оли не просто друг ее бывшего парня? В этом Алексей не признавался даже себе самому. Вернее, первое время общение супруги с красивым чернокожим мужчиной, конечно, слегка его напрягало и он думал, нет ли здесь подвоха, но, в отличие от жены Айвара, так его и не нашел, потому что через призму мужских ориентиров искал не там, где следовало.

Так что Алексей успокоился на этот счет и сделал вывод, что для Айвара дружба с его пасынком была частью миссионерской деятельности, а со временем нашел в этом и свою выгоду. Паша в общем его не стеснял, но Алексей, не в последнюю очередь из-за общественного мнения, хотел иметь собственного сына и инвестировать именно в его будущее. Правда, с этим были сложности: Оля уже дважды не смогла выносить плод, но Алексей не терял надежды. К тому же на нем были две родные дочери, да и о стареющих родителях пришлось бы заботиться независимо от их дурного характера. Паше, на взгляд Алексея, было достаточно привить самостоятельность и волю, научить полагаться только на себя, как и подобает мужчине. Поэтому он не держал пасынка в черном теле, но и не допускал излишеств, хотя ребенок о них никогда и не просил.

И привязанность Паши к этому странному негру казалась ему не вполне понятной, но в целом такой расклад устраивал отчима, особенно когда Айвар стал еще и помогать деньгами. Это заметно улучшало психологический климат в семье: Алексей уже не чувствовал себя в неоднозначной роли источника ресурсов для чужого ребенка, у Паши появился тот, кого он считал отцом, да и Оля как-то просияла.

Мысль предложить Айвару опеку над мальчиком после школы поначалу казалась безумной, однако вскоре Алексей счел, что от этого все будут в выигрыше. Правда, Африка была не лучшим местом для жизни, но с другой стороны Паша сам мечтал жить с Айваром, учиться в Эфиопии и строить там новые города. Увы, поговорить об этом так и не удалось. Только справился бы Айвар с воспитанием сына, если в итоге разрушил даже собственную жизнь? А жена теперь плачет, не спит по ночам и подолгу бездумно смотрит в темное окно. И самому так скверно на сердце, и так тягостно смотреть в глаза подростку, который с годами все больше становится похож на Айвара...

В конце концов, устав молчать, Алексей все же зашел в полутемную гостиную, где Оля сидела на диване с ногами, укутавшись в свой любимый персидский платок. Он осторожно присел рядом и хотел коснуться ее руки, но Оля вдруг сказала:

— Леша, я не хочу в этом году ставить елку.

— Ну что за разговоры, Оленька? — произнес ошарашенный муж, — Мы всегда отмечали по-людски, а теперь вдруг не будем? Перестань, не выдумывай! Это у тебя сейчас какой-то порыв, а потом ты сама будешь сожалеть.

— Да ты же всегда так хотел, — возразила она, — Проведем этот день как все остальные и ляжем спать вовремя, ты каждый год это предлагаешь. Давай мы наконец тебе уступим.

Алексей нахмурился и сказал:

— Нет, Оля, так я точно не хотел.

Однако Оля так двусмысленно усмехнулась, что он сам услышал собственные слова в ином свете. Разумеется, она знала, что муж равнодушно относится к праздникам и прочим семейным развлечениям, что они даже его утомляют, но ему важно, чтобы жена и дети пытались его вовлечь, просили советов и помощи и радовались тому чуть насмешливому снисхождению, которое он оказывает, помогая с елкой и прочими, по выражению Алексея, «танцами с бубном». И он действительно не хотел, чтобы его лишили этой возможности. Но разве это было плохо? Все по-своему были довольны этой традицией: жена и ребята — игрой, а он знаками их доверия и даже какого-то почитания. И только теперь Алексей понял, насколько в действительности это было для него важно.

— Послушай, давай поговорим серьезно, — произнес он, — Это все из-за него? Так может быть, ты наконец объяснишь, что это вообще было? Нет, ну с твоей стороны понятно, допустим, а он? Вот его я в упор не понимаю! Ему все это зачем было нужно — лечить, учить, одевать чужого ребенка, дарить подарки, холить, лелеять, когда так называемый отец за все годы не прислал ни копейки и ни разу не позвонил? Что это было?

Оля взглянула мужу в глаза и, помедлив несколько секунд, промолвила:

— С моей стороны, Леша, были эгоизм и глупость. А с его стороны это была любовь.

— Господи, так я и знал! — глухо застонал Алексей, вцепившись ногтями в щеки. Некоторое время после этого он молчал и Оля тоже боялась нарушить тишину и даже ощутить на себе его взгляд.

Но потом мужчина поднялся с дивана, отдышался и снова повернулся к жене. Положив

свою широкую ладонь на ее бледное запястье — в этот раз Оля не противилась, — он посмотрел на нее и тихо сказал:

— Ладно, пусть так. Только скажи, пожалуйста, мне одно: эта ваша любовь — это была только лирика? Не физика?

В лице Оли неожиданно что-то дрогнуло, и она осторожно дотронулась до его щеки, чуть колючей от привычной трехдневной щетины.

— Ну конечно, я тебе не изменяла, — заверила она мужа, — Я бы никогда не смогла, Лешенька. Прости, пожалуйста, если дала повод так подумать.

— Я верю, Оля, — вздохнул Алексей, обнял жену и погладил по голове, — Ладно, дорогая моя, не плачь только, пожалуйста. Все еще будет хорошо. И знаешь что, не надо тебе больше пытаться снова забеременеть. Не судьба, значит, зато внуков дождемся.

Так супругам удалось избежать кризиса и понемногу Оля стала приходить в себя, отвлекаясь в работе и играх с дочками. Паша тоже тяжело переживал недавние известия, но дома вел себя сдержанно и очень заботился о матери. Душу он в основном изливал Андрею Петровичу. К этому времени Паша очень вытянулся, раздался в плечах и окреп, в его лице с первого взгляда сложно было распознать африканские черты: прямые темные волосы, карие глаза и кожа медового оттенка отличались скорее приятным средиземноморским колоритом. Уши он еще не проколол, но заявил, что через пару лет обязательно это сделает, а от курения и татуировок Айвар все же успел его отговорить. Паша стал очень похож на него, но в его лице было больше жесткости, уверенности, даже романтической дерзости.

Тем не менее если бы они сейчас встали рядом, как казалось Оле, никто бы не усомнился в их связи, гораздо более сильной, чем биологическая. А что, размышляла она, ведь был же очень похожий случай в прекрасном и жутком сказе «Малахитовая шкатулка». Только что ждет Пашу, суждено ли ему вырасти счастливым и самодостаточным человеком или стать тенью и двойником? Куда он поддастся и сохранит ли ниточки, связывающие с простой и понятной жизнью? Или будет искать те же тайные знания, что и Айвар, не боясь опасного прикосновения к потустороннему?

В конце декабря к Оле однажды пришла ее мать, Анна Ивановна. Они долго сидели на кухне и Оля наконец понемногу выговорила, но мистические думы и тревоги за сына, конечно, решила держать при себе.

— Вот так он и решил, мама, — безнадежно произнесла она, — Больше никаких писем, звонков и вообще признаков жизни. Даже когда я получу «наследство» для Паши, я не смогу узнать никаких подробностей. Но разве это правильно? Конечно, я очень виновата перед Айваром, но почему теперь он захотел просто вычеркнуть меня из жизни? Почему я не могла знать о его здоровье, присылать лекарства, приезжать? Почему, в конце концов, не смогу хоть оплакать его потом по-человечески...

— Глупая ты, Оля, — мягко сказала Анна Ивановна, — Да он так и сделал только потому, что ты до сих пор ему дорога. Ведь ты всегда сможешь верить, что он еще жив! У меня вот после смерти твоего отца такой возможности нет...

Мать приумолкла и Оля, потрясенная этим порывом откровенности, бережно положила руку на ее плечо. Тут в кухню неожиданно вошел Паша и сказал:

— Вы что грустите, девчонки? Перед праздниками не положено! Давайте уже понемногу готовиться: с вас пироги, а я, так уж и быть, съезжу за подарками в торговый центр.

— И сестренку с собой возьмешь? — спросила Оля с улыбкой.

— Что мне остается делать? — притворно вздохнул мальчик, — Их, конечно, за уши будет не оттащить от нарядов и раскрасок, но я потерплю, если ты улыбнешься.

Он подошел к матери и поцеловал ее в щеку, а потом уважительно дотронулся до руки бабушки. Оля посмотрела на сына с нежностью, в которой проскальзывало что-то похожее на уважение, и еще — на благодарность к тому, чьи очертания она сейчас видела в его добром и в то же время строгом лице. «Спасибо тебе, Айвар», — подумала она и вдруг ощутила прилив спокойствия.

18. Сквозь голубое стекло

С отъездом Даниэля Гиди из Питера жизнь в семье Андрея Петровича Ли удивительным образом стала меняться. Дурные вести из Эфиопии будто расшатали некие малозаметные, но важные детали механизма, после чего он посыпался сам собой.

Нерина подалась на «полевые» работы в дальних поездках через несколько месяцев после разговора с Олей, когда ее родители отметили торжественную дату — сапфировую свадьбу, или, как говорил Андрей Петрович, «цифру, которую и назвать страшно». В честь праздника она сделала для родителей соответствующие аксессуары из голубого стекла — матери перстень в винтажном стиле, а отцу запонки. Устраивать посиделки с гостями семья не хотела, и Надежда Павловна накрыла скромный стол с корейскими жареными пельменями и салатом из морепродуктов, а на сладкое — русским яблочным пирогом и узваром на меду. Отдав должное лакомствам, Андрей Петрович увлекся каким-то политическим обзором, а Нерина ушла к себе в комнату и мать последовала за ней. Надежда Павловна принялась расчесывать дочке волосы старенькой, сохранившейся с детства щеткой. Это когда-то было их любимой игрой, похожей на некий душевный ритуал.

— Знаешь, доченька, ближе к старости особенно понимаешь, что для женщины нет ничего важнее, чем создание крепкой гармоничной семьи. Мне это, слава богу, удалось, — сказала мать, — Единственное, что не дает покоя, — это твоя неприкаянность. Я-то надеялась, что ты обуздаешь свои причуды, но похоже, ты так и не повзрослела. Все-таки что ни говори, а мы были другими...

— Да, мама, это я хорошо поняла. Вы были другими, и ты, и Элла Максимовна, — ответила Нерина угрюмо, имея в виду свою свекровь, — Только те глупости, которых я от вас обеих наслушалась, будто жена должна быть «милой дурочкой» и безмолвной тенью мужа, давным-давно вышли из моды. Мужчинам скучно с женами, годными только на роль прислуги или инкубатора! И они, представь себе, тоже хотят, чтобы их искренне любили такими, какие они есть, а не тупо смотрели в рот потому, что «так принято».

— Неричка, поверь, ты заблуждаешься, — сказала мать, отложила щетку и пригладила гребнем собственную прическу. В последнее время она подкрашивала седину в экстравагантный голубоватый оттенок, и в сапфировую свадьбу это как нельзя лучше сочеталось с ее синим бархатным платьем и серо-голубыми глазами.

Не без удовольствия глядя в зеркало, Надежда Павловна произнесла:

— Для женщины, дочка, ничего не меняется, русская она или кореянка. Каждому природа воздаст по потребностям: мужчине — амбиции и сила, женщине — хитрость и обаяние. Когда они создают семью, то взаимно подпитывают друг друга, но основной движущей энергией всегда является жена, если ей хватает ума не показывать этого мужу.

— И чем же она, по-твоему, движет, кроме чистоты белья да температуры борща? Ведь ничего другого делать не надо, чтобы муж не усомнился в ее прелестной глупости! — отмахнулась Нерина, — А может быть, ему не хочется, чтобы она была глупой, и он это не считает ни милым, ни сексуальным! Костя, между прочим, даже приезжал на нудные научно-культурные конференции, чтобы меня послушать! Там люди, которые знать не знали о его деньгах, запросто говорили ему: «А вы, наверное, муж Нерины Андреевны?» Знаешь, с каким удовольствием он мне об этом рассказывал?

— Нери, это все баловство, приятный подсластитель семейных будней, но не основное

блюдо, — возразила мать, — В первую очередь женщина должна родить детей, чтобы обеспечить мужу его продолжение на свете, а себе спокойную жизнь в равновесии между долгом и любовью. А слишком умные люди редко пребывают в равновесии, вот я за тебя и переживаю вдвойне.

— Ну извини, мама, что я не могу открыть себе голову и заменить мозг на сахарную вату, — съязвила дочь, — Но несмотря на это, я хотела иметь ребенка, причем именно с Костей, и никогда не отрицала, что это очень важно. Но знаешь, что мне противно? То, что для тебя ребенок не личность, не любимый человек и член семьи, а только средство для того, чтобы мужчина «никуда не делся»! Может быть, именно из-за твоего давления я психологически не могла забеременеть! И Костя обиделся на меня потому, что решил, будто я рассуждаю как ты.

— Вот послушала бы ты меня вовремя, — начала мать, но заметила взгляд Нерины и не стала договаривать, — Дитя мое, ты сильно преувеличиваешь тонкость мужских чувств! Обиделся, скажешь тоже... Поверь народным мудростям, которые доходчиво разъясняют, что у мужа должно быть полным, а что пустым, чтобы он был доволен, и сделай выводы. Научись жить проще наконец, а то когда-нибудь это неумение тебе дорого обойдется.

— Да уже обошлось! — воскликнула Нерина, с отчаянием взглянув на себя в зеркало, — Тогда, с Айваром! Эта история мне обошлась очень дорого и больно, я перестала себя уважать. А для меня, мама, это слово не пустой звук, в отличие от тебя.

— Злая ты стала, дочка, вот что одиночество творит, — покачала головой Надежда Павловна, — История, конечно, с душком, но продолжать ее мусолить через столько лет...

Следуя совету Айвара, Нерина не рассказала правду об этом инциденте никому, кроме отца, а уж Надежде Павловне и подавно не собиралась говорить. Но сейчас она повернулась к матери, секунду поразмыслила и произнесла:

— А вот если бы ты узнала, что Айвар тогда ни в чем не был виноват? Ты бы так же говорила — «с душком»? А ведь он поначалу тебе даже нравился!

— О господи, Нери, да какая уже разница, — вздохнула мать, — Я и сейчас не стану говорить, что он какой-то особенно плохой. Нет, он был обаятельный, интересный, немного чудаковатый, но в общем парень как парень. Дело-то не в этом, Неричка...

— Ты не ответила на мой вопрос, — начала молодая женщина.

— Я сейчас и отвечаю на твой вопрос, радость моя. Нам с тобой важно не то, чья там вина, а то, что у тебя все равно не получилось бы с ним ничего толкового. Спору нет, в той истории было много неясного, и я не исключаю, что он не виноват, — этот порошок могли передать ему по ошибке, а предназначался он для кого-то другого. Мало ли там было всякого сброда? Но эту историю разумнее оставить в прошлом и не трогать лишний раз. В главном папа был прав: хорошим мужем Айвар тебе точно не мог быть, а остальное неважно.

— Да при чем тут это? Мы никогда уже не узнаем, каким он мог быть мне мужем, — сказала Нерина, — Но зачем было вынуждать его возвращаться в Эфиопию? Это же подло! Ведь мы могли бы просто оставить его в покое, дать устроиться в России, найти работу по призванию и хорошую девушку, которая сделала бы его счастливым. А у меня с ним еще могла получиться прекрасная дружба.

При мысли об Оле Нерина вздохнула горько и ожесточенно.

— Неричка, ну как же ты можешь быть такой наивной? — усмехнулась Надежда Павловна, — Конечно, старая мать понимает меньше тебя...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты в самом деле вообразила, что он вернулся в свою Эфиопию? Ну совсем еще дитя, ей-богу... Да что же он, враг себе? Он немного странный, да, но уверяю тебя, что у него хватило ума искать счастья в другом месте. И скорее всего, он давно его нашел где-нибудь в Европе, в объятиях состоятельной, но одинокой и неудовлетворенной немолодой леди. А может быть, и не уезжал дальше Москвы, там сейчас таких тоже хватает. Так что тебе его не стоит жалеть, дочка, он от вашего расставания только выиграл.

— Мама, что ты говоришь? — ахнула Нерина, даже прикрыв лицо рукой.

Но мать поняла ее реакцию по-своему и рассмеялась негромким сдобным смешком.

— Нери, я много раз тебе говорила, что жизнь — штука простая, даже примитивная. Это перед студентами мне приходилось распинаться, а тебе я все говорю как есть ради твоего же блага. Для этого парня было нормой несколько лет зарабатывать на жизнь всего лишь получением удовольствия! Кто от этого отказался бы ради пыльного труда и нудной семейной жизни? Это твой отец почему-то считал, что у него не в порядке с головой, а желание жить легко и необременительно нахожу более чем здоровым и адекватным. Да что с тобой?

— Мама, это ты ничего не знаешь, — тихо промолвила Нерина, — И не поймешь. Поговори об этом с папой, и передай ему все, что сказала мне сейчас. Я думаю, вы друг друга удивите. Хотя нет, с папой лучше не надо, ему может стать плохо от твоей искренности. А мне сейчас хочется немного побыть одной, прости.

Эта отповедь дочери явно ошарашила женщину. После паузы она ответила:

— Господи, что ты психуешь, Нери, и из-за чего? Из-за какого-то африканского жиголо, с которым никогда больше не увидишься и твое заступничество ему нужно как бананы его стране? Да ты о другом подумай, тебе свой брак сохранить надо! А то смотри, годы у тебя идут, скоро родить точно не сможешь, а очереди из желающих нет. Не задирай нос, пойдешь помирись с Костей нехитрым способом, подберут ведь мужика скоро!

— Он не рубль, чтобы его подбирали, — сказала Нерина резко и уже по-настоящему зло, — И не смей называть его мужиком!

Женщина даже поднялась со стула, что действительно испугало мать, хотя та, разумеется, не намеревалась выталкивать ее за дверь силой. Надежда Павловна с необычным для ее телес проворством выскользнула из комнаты и Нерина с силой хлопнула дверью о косяк.

Ночью она долго не могла уснуть. На чем держался брак ее родителей, всегда казавшийся ей идеальным? На бесполезных догмах, которые впитали оба, на убежденности матери в том, что все мужчины на свете — это однородная биомасса, которая руководствуется только желудочно-половыми потребностями?

И вскоре Нерина твердо решила уехать. В это время социологические группы активно занимались освоением и познанием жизни русских в республиках бывшего СССР — в связи с изменившейся государственной политикой возврат русского населения на историческую родину и защита его интересов внутри страны и за рубежом стали приоритетными задачами. И Нерина увлеклась работой в Средней Азии, общаясь с людьми разных национальностей и узнавая такие грани жизни, о которых и не помышляла прежде. Вечерами она сидела в гостинице над материалами, слушала для вдохновения свою любимую мелодию из фильма «Господин оформитель», разговаривала с отцом. Тот одобрил ее решение, когда Нерина объяснила ему: «Я не хочу, как мама, до старости возводить кукольные домики, думая, что я живу и вершу судьбы. Айвар сказал мне на прощание, что к жизни надо относиться бережно,

и я только теперь поняла, что он имел в виду».

Зато Надежда Павловна была крайне недовольна «легкомыслием» дочери и тем, что Андрей Петрович ей потакает. После отъезда Нерины отношения супругов впервые за «сапфировые» годы стали заметно портиться, но Андрей Петрович долгое время списывал это на обычные возрастные капризы, которыми, как он думал, грешили оба. Он тогда уже ушел с завода на почетную пенсию, подрабатывал онлайн-репетиторством, продолжал общаться с Пашей и помогать ему с техническими науками, и в общем не особенно скучал. А вот жена, понимая, что пора горячих завтраков и тем более горячих эмоций в их браке давно прошла и исчерпала все ресурсы, не знала, куда применить свою энергию, да и просто о чем поговорить с мужем.

Так прошло довольно много времени. Нерина часто звонила родителям, приезжала, делилась впечатлениями, и отец видел, что она впервые за долгий период по-настоящему расцвела. Но жена не разделяла его радости и они все больше отдалялись друг от друга. Зато Костя, как ни странно, стал общаться с Андреем Петровичем даже чаще, чем в лучшие времена. Он к этому моменту успел поднять бизнес на новый уровень, активно осваивал кейтеринг-индустрию, занимаясь организацией питания в гостиницах и санаториях, открывал новые точки, часто ездил за границу, где учился у специалистов с мировыми именами в деловой сфере. Но у него всегда находилось время поговорить с тестем хотя бы раз в неделю.

Сергей Александрович Ким поведал свату, что о личной жизни сына нет абсолютно никаких новостей, а это значит, что ничего серьезного в ней не намечается. Это обнадеживало обоих отцов: родители Кости со временем стали жалеть об их разрыве с Нериной и даже признали, что обходились с ней в последние годы не лучшим образом.

Удивительно, но никто из старших не догадывался, что у нее и Кости имелась общая, весьма неоднозначная тайна, состоявшая в том, что они все время отдельной жизни иногда встречались. Когда Нерина известила Костю об отъезде, добавив, что раз в несколько месяцев будет навещать семью, он ошарашил жену этим неожиданным и дерзким предложением. «Я, Нери, привык называть вещи своими именами, так вот: мы с тобой взрослые, одинокие, знающие друг друга люди, которым нужен секс и ласка. Даже если жить под одной крышей мы сейчас не в состоянии. А изменять тебе я тоже не могу: противно. Так что я предлагаю наиболее приемлемый выход, чтобы мы оба не были ущемлены и не сошли с ума» — констатировал он.

Нерина, несмотря на минутный шок, согласилась, и так начались их странные свидания во время ее отпусков, обычно на городской квартире Кости. После долгой близости с отчаянными поцелуями, с ударной дозой нежности и силы, которой хотелось насытиться наперед, они лежали рядом, тоскливо и растерянно глядя в потолок, потом неловко одевались, пили чай и расходились. Никто не решался вспоминать о нанесенной друг другу боли и не говорил о будущем. Нерина после этого чувствовала себя нездоровой и тайно плакала, но потом, на расстоянии, всегда ждала их новой встречи. И в конечном счете Костя оказался прав: украденные сладкие моменты в самом деле помогли жить дальше.

И внезапно в эти холодные, неудобные будни ворвались страшные новости об Айваре. Они вроде бы уже никак не касались семьи Ли, но почему-то тронули Андрея Петровича очень глубоко. Пожилой человек считал, что и он сыграл в судьбе Айвара роковую роль, несправедливо сочтя его проходимцем, который заслуживал именно такой участи. Но помимо всего, их объединял Паша, любимый названный сын и названный внук, и это уже

нельзя было проигнорировать.

Надежда Павловна в это не вникала, да и вообще все меньше интересовалась душевным состоянием супруга. То, что он так сблизился с посторонним, на ее взгляд, мальчиком, всегда казалось жене какой-то блажью, но до поры до времени она смотрела на это сквозь пальцы, всецело посвящая себя воспитанию Нерины. Теперь же, когда любимая «мишень» была утрачена, женщина огляделась вокруг, будто не дочь, а она много лет провела далеко от дома и совсем перестала в нем ориентироваться.

Начало конца наступило, когда Алексей взял отпуск и предложил Оле на неделю съездить вдвоем в какой-то хороший пансионат в Ленинградской области, отвлечься от мрачных мыслей. Оля доверила детей бабушке, а Андрей Петрович пообещал приглядеть за уроками Паши. И почему-то эта безобидная вещь вдруг вывела Надежду Павловну из себя. Возмущившись, что дела чужой семьи стали интересовать мужа больше, чем родные люди, она припомнила ему, что они давным-давно не ходили в театр и на концерты, не ездили гулять никуда кроме своей дачи в Репино и вообще толком не разговаривали по душам.

Андрей Петрович тогда еще не знал о странном сходстве с роковым разговором дочери и Кости. Он удивленно заметил, что супруга тоже ничего подобного не предлагала и не заводила никаких душевных бесед, если они не касались Нерины. «Откуда же я мог знать, что тебе этого хочется?» — резонно спросил он, — И вообще, Надя, мы давно не в том возрасте, чтобы общаться загадками».

Однако женщина уже не слышала логических доводов и дала себе волю. Ее супруг открыл для себя много нового — и то, что сын Оли «нагулян неизвестно от кого», и то, что он, Андрей Петрович, как дурачок повелся на какие-то жалостливые рассказы об Айваре, которыми у него явно стремились что-то выпросить («доказательств-то никаких!»)

К слову, на самом деле Даниэль позаботился о доказательствах, у него имелись и вырезки из газет, и фотографии из Семеры и поселка, к тому же Андрей Петрович пришел к Даниэлю сам и никто у него не собирался ничего просить. Но об этом он подумал далеко не сразу, уж слишком потрясла его речь жены. И тут Надежда Павловна сказала:

— Теперь понятно, в кого Нери такая пошла, не от мира сего! Да лучше бы ты был как все нормальные мужики, у которых на стороне бабы и дети, а не внуки! Они же все равно никуда не денутся, лишь бы покормили да за ухом почесали. А у тебя, Андрей, будто с молодости неудовлетворенность в голове играет, не дает спокойно жить, и мне это на склоне лет разгребать!

— Надя, — произнес Андрей Петрович, взглянув на жену так, что она сразу замолкла, — Это что ты сейчас назвала неудовлетворенностью? То, что я на своей первой и единственной женщине женился, и намеревался с ней прожить всю жизнь до конца? То, что любил тебя, что никогда на сторону не глядел? Что все ради семьи делал, что ни одного грубого слова не сказал ни тебе, ни дочери, которую я обожаю? Выходит, не так надо было? Знаешь, я даже не буду тебя спрашивать, любила ли ты меня хоть когда-нибудь...

Жена попыталась что-то сказать, но Андрей Петрович резко остановил ее, чего прежде у них никогда не случалось. Перед глазами вдруг пронеслась вся их жизнь — веселая юность, свадьба, запоздалое рождение дочери, будни, праздники, болезни, тревоги... Трогательное семейное кино с налетом ретро, оборвавшееся на полуслове, полукадре.

И хотя обычно молодые идут по стопам старших, в этот раз Андрей Петрович невольно последовал примеру зятя и указал жене на дверь. Та настолько растерялась и испугалась выражения его лица, что не стала спорить, подхватила сумку и пальто и вышла из квартиры,

решив отсидеться на даче. Надежда Павловна нередко уединялась там с какой-нибудь ручной работой, а летом с удовольствием возилась в палисаднике. Дом за это время, в основном на деньги Кости, был так благоустроен и оборудован, что в нем можно было с комфортом жить круглый год, но Надежда Павловна пока этого не планировала, так как думала, что муж вскоре остынет и позовет ее обратно.

Андрей Петрович тем временем внезапно почувствовал себя очень плохо: закружилась голова, потемнело в глазах и подступило чувство необъяснимой жуткой паники. Давно страдая гипертонией и ишемической болезнью сердца, он очень боялся инсульта, поэтому сразу позвонил в «Скорую помощь». К счастью, медики не нашли ничего, кроме спазма сосудов мозга на фоне стресса, но тем не менее они заметили, что при таких сигналах необходимо беречься.

Хотя в таком положении размолвка с женой была очень некстати, Андрей Петрович так ей и не позвонил. Ему все еще было не по себе и хотелось просто с кем-то поговорить, но беспокоить Нерину он не решался, а Паша для такой ситуации был слишком юн. Оставалось звонить только Косте, хотя на его внимание тесть не очень рассчитывал и только попросил «как-нибудь заехать, когда будет удобно», без особой надежды.

Однако Костя приехал тем же вечером, привез любимый обоими чай на мандариновой корке, который сам закупал в Корее, и угостил тестя крохотной порцией коньяка. Как ни странно, тому ощутимо стало легче, и он рассказал Косте о случившемся.

— Ну и дела! — отозвался тот, — Выходит, и вас достали не на шутку? Только смотрите, ваша жена — это не Нери, она от вас так легко не отстанет. Так что сразу хоть не поддавайтесь.

— Спасибо тебе, Костик, — тяжело сказал Андрей Петрович, который пока был не в силах обдумывать будущие проблемы.

— Да за что? — искренне удивился Костя, — Я пока вроде ничего и не сделал. Но что-нибудь для вас придумаю, и благодарить меня не надо. Конечно, я откровенно плохой человек, но своих не бросаю, Андрей Петрович. Да и кто вас сейчас поймет, кроме меня?

На следующий день зять явился снова и принес Андрею Петровичу страховой полис с почти безграничным перечнем медицинских услуг и планом диспансеризации. Догадываясь, сколько это стоит при его почтенном возрасте, тот смутился, но Костя не дал ему ничего возразить:

— По-хорошему вам надо бы поехать в какой-нибудь санаторий, но там все будут делать за вас. А вам сейчас лучше себя загрузить по полной, чтобы не было времени на скуку и самоедство. Так что не сидите, лечитесь и приучайтесь сами себе готовить и убирать. Заодно новых знакомых приобретете, сотоварищей по давлению и ревматизму, глядишь, и веселее станет.

Как ни странно, циничный тон Кости несколько не задел Андрея Петровича, напротив, у него посветлело на душе. Именно такая поддержка ему и была нужна: не снисхождение и жалость к его одиночеству и неизлечимому недугу старения, а прямой и бескомпромиссный мужской разговор на равных, показывающий, что его еще считают за живого, разумного, способного держать удар человека.

19. Когда корабль идет ко дну

Спустя месяц обследований Андрею Петровичу стало гораздо лучше. Подлатав здоровье и по совету Кости начав самостоятельно себя обслуживать, он освоился и даже нашел время и стимул для увлечений — любимой с молодости отделки мебели, поездок на зимнюю рыбалку с Пашей, после которых он угощал мальчика рыбной солянкой по собственному рецепту.

Надежда Павловна в конце концов стала звонить мужу и уговаривать «перестать дуться и смешить народ», но он твердо ответил:

— Надя, я и не собираюсь никого смешить разводами и разделами имущества, это просто нам не нужно. Но жить вместе мы больше не будем. Хочешь — вернись, но тогда на дачу перееду я. Пойми наконец, что я хоть и старый человек, но еще живой, у меня есть чувства, и слова тоже могут очень сильно ранить. Дочь у нас давно выросла, и глупо сохранять видимость семьи ради общественного мнения, когда остаток жизни можно потратить на что-то более толковое. Знай только, что я на самом деле очень тебя любил.

Некоторое время жена негодовала, изливала обиду подругам, многие из которых давно уже были в разводе и сейчас за сокрушенными взглядами и вздохами наверняка таилось злорадство. Но потом она тоже привыкла к уединению за городом, занялась шитьем и выпечкой тортов для знакомых, много гуляла, ездила на авторские экскурсии для пенсионеров. Впервые за долгое время Надежда Павловна позволила себе роскошь вставить в постели и готовить когда захочется, и понемногу вошла во вкус.

Конечно, она не удержалась и вскоре пожаловалась дочери на «мужиков, которые сами не знают, что им надо», но Нерина только сказала: «Ну что, доигралась? Довыпендривалась?» От такого безразличия мать вконец оторопела и убедилась, что в семье ее никто никогда не ценил и не понимал.

Костя по-прежнему часто навещал отца жены, привозя хорошие продукты, которые доставал по каким-то своим каналам, и иногда оставался на обед.

— Ну что же, сейчас вы неплохо выглядите для соломенного вдовца, — заметил как-то зять в своей обычной манере. Однако Андрей Петрович к ней давно привык и не обиделся.

— Видишь ли, Константин, — задумчиво сказал он, разливая чай, — С годами осознаешь все преимущества того, чтобы жить одному. Я же всегда был при ком-то, да и не принято у корейцев автономное существование, а уж тем более для стариков. Когда-нибудь, возможно, ты меня поймешь.

— Да я вас прекрасно понимаю, Андрей Петрович, — ответил Костя с улыбкой, — Я же всегда был испорченным корейцем. И кроме того, сейчас я тоже именно так живу, и представьте, нормально себя чувствую.

Андрей Петрович вопросительно посмотрел на зятя и тот добавил:

— Давайте откровенно: вы были бы рады, если бы я захотел помириться с Нери только потому, что мне тошно в одиночестве или я не в состоянии постирать носки с рубашками? Наверное, нет. Вот я и хочу, чтобы вы знали, что мне не тошно.

— Дай-то бог, Костик, — кивнул тесть, — Но тебе рано думать о таких вещах, в молодости нужна семья. А со старческими проблемами куда легче сживаться, когда знаешь, что ты никому не в тягость, да и самому не надо заботиться о том, как угодить другим. А как я раньше жил? Сначала с родителями, потом рано женился и жену опять-таки привел в их

дом. Куда еще-то? Не к ее же семье, хотя людьми они были славными, и моя национальность их несколько не смущала. А вот Наде с моей родней пришлось туго...

Андрей Петрович присел к столу и заговорил, подперев рукой подбородок:

— Неричка, слава богу, об этом не помнит. Мой отец умер рано, еще до ее рождения, а вот мать к старости слегла, со всеми сопутствующими прелестями. Она всю жизнь была человеком жестким, а уж тогда стала просто невыносимой. И все это свалилось на Надю: и уход за свекровью, и маленький ребенок. Никто и не спросил, по силам ли ей это. А я что? Мое дело семью кормить, совесть чиста. Так что ей тоже было за что на меня обижаться, было... Хорошо еще, что длилось это недолго, хоть и грех так говорить. Но ведь многие так жили, и не принято было себя жалеть. Не принято себя жалеть...

Андрей Петрович приумолк — сознания будто коснулся какой-то холод. Только теперь он вдруг понял, что пытался донести до него парень из Аддис-Абебы, говоря такие очевидные, но почему-то показавшиеся ему дикими вещи. Он всего лишь хотел сказать, что быть слабым и нуждаться в помощи — это не преступление, не позор, не предательство близких и не попрание заповедей, а священное право, данное природой, которая создала людей противоречивыми и уязвимыми существами. За ум, принципы, способность творить и достигать каких-то высот люди расплачиваются внутренними разладами, болезнями и мучительным сознанием скоротечности жизни.

Костя, по-видимому прочтя что-то в его глазах, вдруг спросил:

— Что, вы Айвара вспомнили? А ведь я вам когда-то говорил. Не странно ли?

Он сделал паузу и добавил:

— Можно я вас кое о чем спрошу, Андрей Петрович?

Пожилой мужчина крайне удивился этой неожиданной церемонности совсем не в духе зятя и утвердительно кивнул.

— Вы невзлюбили Айвара за то, что он заговорил на эту тему при вашей жене и дочери?

— Да нет, Костя, я не такой слабонервный, — возразил Андрей Петрович, — Он мне в то время досаждал по многим причинам, хотя и не по своей вине. Но это тоже сыграло роль. Представь себе: много лет моя семья жила, как водится, по моим правилам, согласно которым о родственниках обязана заботиться жена и невестка, иначе зачем ее приняли в доме мужа? Ну да, приходилось тяжело, так кто обещал, что жизнь будет легкой? И вдруг какой-то другой мужчина ставит все это под сомнение! Естественно, никакому отцу и мужу не понравится такой удар по авторитету. Если бы они и дальше прислушивались к нему, это неизбежно размыло бы почву в нашей семье. Хотя она все равно рухнула...

— Вот именно, — сказал Костя, — Умел же он показать, чего мы на самом деле стоим, горе-семьянины. А помните, вы еще мне сказали, что мужчины не должны тратить жизнь на опеку сырых и убогих, потому что их дело — творить, расширять границы и покорять вершины?

— Ну да, Костик, помню, но разве ты со мной не согласен? Мы ведь с тобой из одного теста, друг мой, оба всегда были реалистами.

— Да согласен я с вами, — усмехнулся Костя, — Только с дополнениями. Женщины тоже не должны гробить на это жизнь, потому что их дело — поддерживать нормальный климат в обществе, создавать красивые вещи и растить здоровых детей. И здоровые дети не должны страдать от появления в семье безнадежного инвалида, потому что их дело — вырасти и найти себе дорогу в жизни. Даже у стариков на свете есть дела, если только голова еще ясная. И вот для того, чтобы все могли жить своими делами и своей жизнью, а не

чужим овощным существованием, и созданы люди особого склада, которые готовы взять это дерьмо на себя. Они не жертвенники, не мазохисты, нет, — это тоже призвание, за которое, кстати, государство должно им очень хорошо платить, потому что они сохраняют для него живых и психически здоровых граждан. Слава богу, что эволюция изобрела этих людей. Без них, уверяю вас, этот хваленый мир был бы другим. А он, этот Айвар, в самом деле такой — да, представьте себе, при всей своей личной неприязни я, в отличие от вас, ему верил.

— А знаешь, чем это обернулось для него самого? — вдруг произнес Андрей Петрович и постепенно поведал зятю и все то, что рассказал Даниэль, и историю Айвара с Олей.

— Охренеть, — емко подытожил Костя, скорее в такт своим мрачным раздумьям, — А я-то все думал, не мог понять: что мне в присутствии вашего Павлика всегда не по себе становится? Будто я этот взгляд уже где-то видел. Вон оно как...

— Это ты напрасно, — заметил Андрей Петрович, — Он же очень добрый и миролюбивый мальчик, чего тебе бояться?

— Да я вижу, что он славный парень, и беспроблемный, не в отца, так сказать... Дай ему бог не наломать таких дров в жизни, как Айвар. Даже имея такое призвание, человек обязан в первую очередь думать о себе, о близких и о тех, за кого отвечает напрямую. А он что сделал со своей женой? Обрек мучиться не только с двумя умирающими стариками, но и с одним галлюцинирующим наркоманом. Что он сделал со своим сыном, пусть и названным? Просто исчез из его жизни без каких-либо объяснений, притом что этого мальчика однажды уже бросили. Что, в конце концов, сделал с собой?

Тут Костя на некоторое время приумолк, и Андрей Петрович, поколебавшись, спросил:

— Ты хоть немного жалеешь о том, что тогда случилось?

— Да говорите прямо: о том, что я сделал, — ровным голосом ответил молодой мужчина, — Сам не знаю. С Олей, конечно, плохо получилось, спору нет, но разве тут виноват я один? Его собственная глупость сыграла не меньшую роль. Но если бы можно было вернуть все назад, я поступил бы так же, не буду кривить душой. Я же говорю, Андрей Петрович: я плохой человек. Только все равно как-то противно внутри... Вот если бы можно было из нашей жизни вычеркнуть все, что связано с этим парнем, просто не было его здесь и все! Понимаю, что я неправ, ведь это он отчасти мозги мне на место поставил, но ничего поделать не могу. Я уж даже и Нери отпустил, думал, что тогда легче станет. А не становится...

— Вычеркнуть, увы, ничего нельзя, Костя, — мягко сказал Андрей Петрович, — Мне ведь тоже все эти годы было не по себе. Но жить-то надо! И раз уж у меня в мои семьдесят есть силы что-то менять, то тебе сам бог велел, как говорится. Если ты правильно этим распорядишься, то когда-нибудь сможешь себя простить.

«Это вряд ли» — подумал Костя. Он как всегда сохранял свою бесстрастность, но от рассказа Андрея Петровича его пронзила страшная мысль о спрятанном письме из Эфиопии. И когда он уточнил, в каком году у Айвара началась беда, все встало на свои места. Так вот о чем просила Наля Теклай, единственный человек, кроме Кости, который знал о существовании письма, так и хранившегося в ящике его стола. Она, как прагматичная натура, рассчитывала не только на моральную поддержку, но и на юридическую и общественную помощь, которую супруги все-таки получили уже от совершенно посторонних людей, но слишком поздно. Она знала, что муж сам ничего не попросит, и наверняка не стала говорить ему и о письме — Айвар уж точно не одобрил бы подобной инициативы.

Все это время Костя, конечно, помнил о содеянном и не мог отделаться от мысли, что

не спасал свой брак, а просто хотел сделать побольнее ненавистному эфиопу, мечтал испортить ему жизнь за несколько испорченных месяцев красивого романа. Но удовлетворение оказалось коротким и быстро развеялось в наступившей пустоте. Порой он даже желал облегчить душу, хотя и не знал как, — не в церковь же идти с его полным и безнадежным презрением ко всякого рода обрядам! Но после того, что рассказал Андрей Петрович, дверь захлопнулась: говорить об этом уже нельзя было никому. И Айвар не только скатился на дно, но и не узнал, что жена пыталась его спасти.

А ведь у Кости только назревали перемены в жизни, на которые, как ему казалось, он уже выстрадал право. Год назад в одной из командировок на Камчатку он познакомился с девушкой, работающей в компании по продаже икры и других морских деликатесов. Ее звали Дарья Егай, она была из небогатой многодетной семьи местных корё сарам и пробивалась в жизни и карьере сама, без чьей-либо протекции. При этом у нее было удивительно мягкое и доброе лицо, что компенсировало его неяркость и даже заурядность черт. Умом, знаниями и способностью поддержать беседу Дарья также не была обделена.

И очень быстро у Кости с этой молоденькой и слегка романтической корейкой завязалась дружба. В этом не было и намек на флирт, но они неожиданно стали сближаться душевно, чего он давно за собой не замечал. Поначалу он просто с интересом слушал рассказы и мысли Дарьи о народной кухне, о том, как еда бедняков превращается в блюда премиум-класса, и о ее любви к морю. А потом это мало-помалу стало отрадой для его закрытого и уже очерстневшего сердца.

— Знаете, Даша, я тоже всегда очень любил все, что связано с морем: корабли, запах топлива, соленый воздух, ветер, — поделился Костя с ней, когда они однажды гуляли на досуге недалеко от Голубых озер, — Когда я был ребенком, меня неоднократно привозили сюда в гости к родне, но все-таки Балтика, куда более скромная, мне была дороже. Я подолгу мог тусоваться в нашем порту, смотреть на торговые суда и мечтать о далеких странах.

— Может быть, среди них есть страна вашей мечты? — спросила Дарья с улыбкой, — И когда-нибудь вы ее найдете и откроете там свое настоящее «я»?

— Нет, я не могу долго жить без Питера, — уверенно сказал Костя, — Это единственный город, с которым я на одной волне, Даша: он такой же красивый, одинокий и злой, не нуждающийся ни в чьей дружбе и сам не желающий кому-то ее дарить.

— Да что вы такое говорите, Константин Сергеевич! — рассмеялась Дарья, — Вы удивительно приятный и умный человек, и уж одиночество вам точно не грозит. Мы здесь общались с многими рестораторами из Москвы и Петербурга, и никто из них не обладал вашей культурной интуицией. Вы относитесь к кухне и дизайну как к сфере искусства, и при этом работаете для широкого круга потребителей, а не только для элиты. Ведь культурное отношение к приему пищи является частью духовного воспитания, по крайней мере меня всегда так учили дома.

Почему-то ее непосредственность растрогала Костю, и он все больше общался с девушкой в свои визиты на Охотское море. Совсем недавно Дарья пригласила его на мастер-класс по корейским десертам со своим участием и угостила собственными пирожками «пегодя» со сладкой бобовой пастой. Они напомнили Косте материнские. Нерина пыталась усвоить кондитерские секреты свекрови, но потерпела неудачу, после чего Костя уверился в том, что с этим надо родиться.

От его искренних похвал лицо у девушки зарделось. Они поднялись на балкон одного из верхних этажей отеля, где проходило мероприятие, долго разговаривали и в конце концов

Дарья произнесла:

— Константин Сергеевич, вы наверняка поняли, что я очень ждала вашего приезда. Вы давно мне нравитесь, и такой прекрасный мужчина не может не распознавать настоящего женского интереса к себе. Не подумайте лишнего, я просто хочу быть честной.

— Я это очень ценю, Даша, — ответил Костя, подавив легкое замешательство, — Но и вы имеете право на честность с моей стороны. Вы тоже мне небезразличны, но вы сами видите, что я женат, и хотя мы с женой сейчас живем порознь, это не дает мне права вас обнадеживать. У нас с ней нет детей, она ничем, боже упаси, не больна и я остаюсь в браке не из мифического чувства долга. Я просто еще не уверен, что хочу развестись. Более того, у нас до сих пор есть близкие отношения. И пока я не пойму окончательно, что наш брак себя изжил, у меня с вами ничего не может быть. Я слишком уважаю для этого и вас, и себя.

— Спасибо, Константин Сергеевич, — тепло сказала девушка, — Знаете, эти ваши слова мне сейчас в тысячу раз дороже любых обещаний и уверений. Я никогда не встречала никого более искреннего и порядочного, нежели вы.

«Что?! — пронеслось у Кости в уме, — Это точно про меня? Слышал бы ты, Айвар Теклай...»

Однако вслух он сказал другое:

— Это вам спасибо, Даша. Сейчас я могу предложить вам только уважение и дружбу, если вы на это согласны. Но знаете, с вами я задумался о том, что жизнь еще не поздно изменить. Вы только подождите немного, и тогда я уже либо предложу себя целиком, либо попрошу вас обо мне забыть. Третьего точно не будет.

Вернувшись в Питер, Костя долго раздумывал, как ему жить дальше, после откровений этой девушки. Она выделялась из толпы, как и Нерина, но не была такой мрачной и сложной, как та, смотрела на мир прямо, открыто и с любовью. Общение с Дарьей смягчало его душу, ему впервые за много лет хотелось светлых эмоций и он даже немного думал о том, какая у них могла бы родиться дочь, так что Дарья не без оснований решилась на столь прямой разговор.

Все осложнило то, что он узнал от Андрея Петровича. Костя понял, что повесил на себя страшный неоплатный долг, и теперь вопрос был в том, как сделать дальнейшую жизнь хоть немного легче. Он уже мало надеялся на будущее с Нериной: любовь к ней превратилась в большую, голодную тягу, он мечтал дарить ей счастье и свет, но почему-то делал ради нее только подлости. И пока между ними будет близость, пусть даже чисто сексуальная, никуда не денутся и темные мысли, недоверие и груз грехов.

И вот появился шанс хотя бы немного освободиться. Он встретил женщину, которая не знает его прошлого и не пробуждает в нем лживого и грубо чувственного зверя, с которой не придется вздрагивать, услышав злосчастное слово «Африка», которая явно будет хорошей и любящей женой и матерью. Да, она любит не его, а то, что придумала о нем, но вдруг именно в этом для Кости спасение от самого себя? Вину перед Айваром все равно ничто не загладит, зато Нерина еще успеет найти свое счастье.

А с другой стороны — вправе ли он обманывать Дарью, питать иллюзии молодой и чистой девушки? Одну такую Костя уже прельстил, и это никому не принесло счастья, да еще загубило чужую жизнь. Так есть ли надежда, что история не повторится? А главное, как скоро ему надоеет ее восторг перед его вымышленными добродетелями?

Весь вечер Костя вел этот напряженный диалог с самим собой, наконец собрался с мыслями, написал и отправил Дарье по электронной почте короткое послание. «А это

письмо нужно отослать обратно в Эфиопию, — подумал он, — Может быть, ему когда-нибудь удастся его прочесть. Конечно, он меня скорее всего проклянет, но на мне и так всегда было проклятие, хуже не станет. Кстати, а почему? Не знаю. В том-то и проблема, что я не знаю, почему я такой».

Ближе к ночи он сидел в гостиной и вспоминал, как они с женой в прошлые годы встречали зимние праздники в ресторанах, с командой и гостями, а на корейский Соллаль ездили к океану. Елку было не принято наряжать: оба не видели в этом особого смысла, пока нет детей. Однако Нерина когда-то подарила мужу набор новогодних шаров, которые она сама вышила золотыми нитями и инкрустировала мелким жемчугом. На них были сказочные мотивы — жуткие сценки из легенд Чукотки, Якутии и Дальнего Востока, идола из бересты, духи огня и ветра, дикие звери, людоеды, охотящиеся по тайге за добычей. Перед Новым Годом Костя всегда складывал их в красивую стеклянную вазу и ставил на видное место, а потом убирал до следующего праздника.

И сейчас он тоже не забыл о них. Заново рассматривая шары, Костя решил, что Дарья наверняка была бы в ужасе от подобных фантазий. А вот ему они всегда нравились, только сейчас почему-то стало не по себе — Костя вдруг вспомнил слова из народной чукотской сказки, которую Нерина любила читать наизусть:

«Л юдоед — это не человек, а половинка человека. Прыгает на одной ноге, хватает одной рукой, глядит одним глазом, дышит и даже сопит одной ноздрей. Говорят, что и видит не целое солнце, а только половинку».

«Одним глазом... Только половинку... Твою мать! Что за чушь лезет в голову!» — выругал он себя. И тут с улицы донесся звук подъезжающего автомобиля. На секунду Косте показалось, что это плод разгулявшейся фантазии, но тут же он накинул куртку, быстро надел берцы и вышел за дверь.

Нерина, одетая в пуховик, с волосами, собранными в хвост и прикрытыми шерстяной повязкой, стояла рядом с его внедорожником, который был украшен экслибрисом «К.С.К.», по ее эскизу. Несколько секунд супруги безмолвно переглядывались. Иссиня-черные волосы Кости развевались от ветерка на фоне вечернего неба и поблескивающей в сумерках изморози, и Нерине вдруг показалось, что она видит темный водопад, величаво струящийся по камням под безмятежными ледяными небесами.

«Ну просто Черный Лебедь» — иронично подумала она и не удержалась от усмешки, которую было хорошо слышно в звенящем вечернем воздухе.

— Привет, — наконец сказал Костя, будто и не было их долгой и странной разлуки, — Почему ты заранее не предупредила, что приедешь?

— А что, я могла застать тебя врасплох? — спросила Нерина с улыбкой и подошла к нему. Он протянул жене холодную белую руку, на которой по-прежнему было обручальное кольцо, и она почему-то вздохнула. А лицо Кости осветилось еле уловимой, вызывающей улыбкой, одновременно вспыхивающей озорным огоньком в его чуть «неправильном» глазу.

— Ну что же, с наступающим тебя, — наконец сказал мужчина, — Но все-таки почему ты так внезапно сюда сорвалась? Надеюсь, ничего не случилось?

— Думаю, что случилось, Костик, — ответила Нерина, пристально на него посмотрев, — Ты верно заметил: меня внезапно что-то кольнуло, такое иногда бывает, когда люди подолгу живут вместе. Мне почему-то показалось, что тебе сейчас плохо.

Костя переменялся в лице, горько и недобро усмехнувшись.

— Да? И что, сейчас ты все еще так думаешь? Ты уверена, что это мне плохо, Нери?

Разве это я рискую в любой момент умереть от передозировки, кровоизлияния или отказа внутренних органов? Разве это я живу на обочине мира, где даже помощь толком не могут оказать? Моя проблема только в том, что я до сих пор тебя люблю. Ну да ладно, ты мне другое объясни: почему мужчине должно быть плохо, чтобы его заметили? Почему надо быть больным, странным или непризнанным, чтобы вы удостоили своими чувствами? С этими внезапными уколами, видениями, страданиями и потребностью спасать! Черт возьми, Нерина, почему нельзя просто жить?

— Костя, как ни странно, я хотела этот же вопрос задать тебе, — сказала женщина, — Только для нас он, по-моему, скорее риторический. Я не собираюсь ни от чего тебя спасать, и если ты скажешь одно слово — развернусь и уеду, но просто знай, что я хочу остаться. Даже если это уже безнадежно тонущий корабль, у меня нет желания с него бежать, потому что я тоже тебя люблю. И нет, ты не больной и не странный, ты наглый, расчетливый и опасный, я это знаю и временами тебя боюсь. Но в то же время ты все-таки живой человек и даже тебе иногда бывает плохо. Если ты готов довериться кому-то кроме меня, то я пойму, а если нет — скажи мне только то, что сочтешь нужным.

Пару мгновений они молчали и просто смотрели друг на друга. Эти слова ничего не могли отменить и зачеркнуть, не могли даже наставить на верную дорогу, придать ценность прошлому и дать гарантии на будущее. Они просто ставили в известность, которой теперь нужно было как-то распорядиться. Нерина вглядывалась в бескровное лицо мужа, на котором так и не дрогнул ни один мускул, в его глаза, прекрасные в своей дисгармоничности, а ее собственный внутренний жар, тяжелый и горький, пробился на волю, в отражающих свет фонаря слезах.

Тут Костя наконец притянул жену к себе за плечо и коснулся губами ее лба. Они долго стояли так, обнявшись, обмениваясь время от времени безнадежными, бездумными, но доверительными взглядами, утешая друг друга. Это не было принято в их супружеской жизни за ненужность, она должна была быть безупречной или никакой. И им только предстояло понять, существует ли что-то третье.

Тем временем календарь жил по своим правилам, хотя неотступно им следовали только торговля и СМИ. Впрочем, в наше время это почти одно и то же. Праздник, превратившийся в продажу иллюзий, пришел во все дома, порой не считаясь с унылым бытом и пережитыми драмами, но для кого-то, возможно, это был шанс на качественно новую жизнь.

Туманный сумрачный город, который по историческим меркам пока был молодым, пережил еще один год, и люди, которые в нем жили, независимо от национальности, задумывались, чего ждать от оставшегося запаса времени. Действительно ли счастливые семьи похожи друг на друга, или такой субстанции, как счастье, в осязаемом мире просто нет и есть только покой? Что лучше — иметь многое или просто желать малого? Никакая другая ночь, помимо новогодней, не ставит перед такими вопросами столь решительно и красноречиво, проводя черту между показным, казенным весельем на городских улицах и телеэкранах и душевным состоянием человека.

Но герои этой истории в уходящую ночь все меньше полагались на календарь и традиции. У них, конечно, было больше вариантов, чем у парня из Аддис-Абебы, однако они думали, что он был не так уж неправ, когда говорил о покое как идеале мироздания. И все они перед рубежом старого и нового волей-неволей вспомнили о далекой стране, живущей по иному календарю и не ведущей счет ни годам, ни потерям.

Разумеется, ни для кого жизнь не превратилась в рождественскую сказку, в которой все меняется по какой-то таинственной высшей воле. Все шло закономерно: старшие мыслили все более спокойно и бесстрастно, младшие загорались мечтами и верой в себя, а остальные пока просто жили по заданной программе.

Даниэль смирился с тем, что больше не увидит старого друга, но выполнил обещание и стал помогать больнице, где работал Айвар, а также школам в деревне и в Семере. Также он познакомился с братом и сестрой по отцу, которым прежде только присылал денежные переводы, и помог им пройти медицинскую стажировку в Штатах. На душе у него полегчало и он уже не был в обиде на Олю. К праздникам он непременно присылал поздравления ей и Мите, который даже навестил его в Штатах вместе с женой и дочерью. Но Даниэль все же тосковал по Айвару и всегда говорил, что никакие деньги не сделают для эфиопского народа столько, сколько сделал один странный парень.

Костя и Нерина взяли сразу двоих приемных детей, мальчика и девочку. Жизнь в их доме отныне была спокойной и размеренной, но не отличалась особенной теплотой. Они не касались больных тем, Костя больше не виделся с Дарьей, и о том, удалось ли ему себя простить, знал только он один. В основном он был погружен в работу, а Нерина — в воспитание сына и дочки, которых называли Миленой и Олегом. Она учила их читать и рисовать, бродила с ними по лесу и дюнным грядам, рассказывая о древних легендах и духах, о возрасте деревьев, о звериных следах, о том, как находить дорогу по звездам. Супруги, как и прежде, вместе ужинали, спали и ездили отдыхать, но душой каждый жил как-то сам по себе. Может быть, Костя и Нерина так и не нащупали той самой гармонии, но врозь им оказалось хуже, чем вместе. А судить их за это никто больше не брался: отныне они ревностно оберегали свои семейные порядки.

Андрей Петрович продолжал жить один, но ему хватало общения с Пашей, которому он помогал готовиться к выпускным экзаменам, Нериной и ее детьми. Их он принял как родных

внуков, и в его доме была очень душевная атмосфера. Дочь, приезжая в гости, всегда приглашала к чаю и Пашу. Он приходил с удовольствием и быстро поладил с младшими.

А вот Надежда Павловна так и не прикипела к приемным внукам: они остались для нее такими же чужими, как и сын Оли. Поэтому Нерина навещала мать в Репино одна или ходила вместе с ней в кафе или театр в городе.

Оля часто виделась с Нериной и они вместе гуляли с детьми за городом, как их матери когда-то. Дружбы семьями у них не сложилось, так как у мужей не было никаких точек соприкосновения, к тому же Костя по понятным причинам сторонился Оли. Но двум подругам и так было комфортно — они доверяли друг другу проблемы с воспитанием детей и заботой о стареющих матерях, вспоминали детство, когда тайком брали косметику и запрещенные книжки, подолгу смотрели на тихий залив. Наступала осень жизни, и они принимали это не то чтобы с благодарностью, но более-менее спокойно.

В доме у Оли, в отличие от Нерины, имя Айвара не было под запретом — они всегда с теплотой говорили о нем в праздники, а Паша и Алексей, которые понемногу сдружились, то и дело вспоминали о его взглядах, принципах, любимых шутках и африканских присказках. Оля же мысленно рассказывала Айвару о том, что произошло нового, в основном о светлом — что дни становятся длиннее, что в Китайском сквере расцвела сакура, что куличи на Пасху получились удивительно вкусными. Это помогало ей справляться с так и не угасшей тоской и надеяться, что в ином времени они еще встретятся. Паша однажды сказал матери, что обязательно поедет в Эфиопию строить дома и работать в садах, и про себя она решила, что непременно навестит там сына. И может быть, увидит Айвара среди кочующих по стране наставников, приносящих людям питьевую воду, лекарства и невидимое тепло. Неважно, сколько лет им будет к тому времени, и если она еще раз сможет взять его за руку, то больше ее не выпустит.

А что же сам Айвар, о котором и была эта история?

Об этом уже никто в Питере ничего не знал, для них его история была закончена. Но так или иначе она всегда продолжалась где-то на забытой богом и геополитикой раскаленной земле, потому что ее охраняли те таинственные силы, которые были с ним в дружбе.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Пояснения к тексту

Энкутаташ — празднование Нового года в Эфиопии по юлианскому календарю, 11 сентября, в переводе означающий «День подношения драгоценностей».

Амхарцы (амхара) — второй по численности народ в Эфиопии.

Шамма — большой четырехугольный кусок хлопчатобумажной материи, иногда по краю расшитой цветным узором, носящийся на плечах или драпирующий все тело.

Лалибела — город на севере Эфиопии, знаменитый высеченными в камне христианскими церквями, где сохранилась большая часть средневековой и постсредневековой цивилизации Эфиопии. Одно из святых мест страны, центр паломничества населения страны.

Инджера — рыхлая лепешка в мелкую дырочку из кислой муки африканского злака «теф», используемая также в качестве тарелки.

Удельная — станция метро и ж/д, на которой расположен знаменитый в Петербурге «блошинный рынок».

Ленинградское кафе — ресторан на Невском проспекте, популярный у писателей и поэтов в XIX веке.

Джебена — керамический сосуд, используемый для приготовления кофе в Эфиопии, Эритрее и других регионах в ходе кофейной церемонии.

Корё сарам — самоназвание этнических корейцев, живущих на постсоветском пространстве.

«Сайгон» — кафе на Невском проспекте, которое в поздние советские годы было местом пристанища любителей андеграунда.

Нью-эйдж — электронная музыка с расслабляющим и легким звучанием, часто связанная с темами природы и народных культур.

«Алые паруса» — Нерина имеет в виду ежегодный праздник выпускников в Санкт-Петербурге

«Лахта-Центр» — общественно-деловой комплекс, расположенный на западе Приморского района Петербурга.

Мескель — центральная площадь в столице Эфиопии, служащая местом общественных собраний, демонстраций и фестивалей, в частности, религиозного праздника Мескель («крест»).

Американская «южная готика» — жанр, популярный в США в первой половине XX века, обладающий многими чертами готической литературы и связанный с бытом и традициями американского Юга.

Джек Кетчам — американский писатель в жанре ужасов (1946–2018).

Сланцы — город в Ленинградской области

«Sweet Lullaby» — песня этно-электронного дуэта Deep Forest, основанная на традиционной колыбельной Соломоновых островов.

Харрар — город на востоке Эфиопии, ныне коммерческий и производственный центр страны.

«Господин оформитель» — мистический фильм Олега Тепцова 1988 года.

«Неприкасаемые» — французская трагикомедия 2011 года об отношениях богатого

инвалида и его чернокожего помощника.

Госпитальеры — основанная в 1099 году в Иерусалиме христианская организация, целью которой была забота о неимущих, больных или раненых пилигримах в Святой земле.

Орден Иоанна Божьего — монашеский орден, основанный в 1537 году в Испании, занимающийся опекой больных.

Петербургский институт братьев милосердия — курсы сестринского дела для подготовки мужчин, основанные княгиней Марией Августовной Лобановой-Ростовской в Петербурге в 1897 году.

«Он не стал отказываться от планов, которые у него созрели в России, и вскоре после приезда устроился в одно из отделений госпиталя Российского Красного Креста» — в основе история реального госпиталя имени Деджазмач Балчи в Аддис-Абебе.

Российский центр культуры и науки в Аддис-Абебе — представительство, существующее с времен СССР, взаимодействующее с Эфиопской ассоциацией выпускников российских вузов и диаспорой российских соотечественников, содействующее российским деловым и туристическим проектам, неофициально называемое «Пушкин-центр».

Арба-Мынч — город на юге Эфиопии, известный своими подземными источниками, озерами и вулканическими островами.

Долина Омо — местность на одноименной реке в южной части Эфиопии, до сих пор населенная примитивными племенами.

Кытфо — праздничное эфиопское блюдо из острого и мелко порубленного сырого фарша

Меркато — крупнейший в Африке рынок под открытым небом, получивший свое название во время итальянской оккупации в Эфиопии.

«Только Орден милосердия чего стоит! Вся их деятельность заключалась в любовании человеческим страданием, настоящим людоедстве» — Айвар имеет в виду деятельность ордена Матери Терезы и ее слова, сказанные в 1981 году: «Я думаю, что это очень красиво для бедных, принять их долю, и разделить страдания вместе с Христом. Я думаю, что миру очень помогает страдание бедных людей».

Приюты Святой Магдалины — сеть воспитательно-исправительных учреждений монастырского типа, формально считавшаяся местом реабилитации и трудоустройства проституток, существовавшая с конца XVIII века и до второй половины XX века.

Дамбе — нигерийское боевое искусство, разновидность кулачного боя

Сенегальская борьба — национальный вид спорта, отчасти ритуального характера, на котором сенегальцы показывают свою мужественность и разыгрывают призы в виде скота, зерна и других товаров

Масаи — полукочевой народ, составляющий значительную часть населения Кении

Родильная горячка — собирательное название заболеваний, вызванных инфекционным заражением при родах

Дорзе — небольшое племя в Эфиопии, занимающееся сельским хозяйством и ткачеством

«Блэк Айвори» — самый дорогой в мире сорт кофе, производимый из зерен арабики, пропущенных через пищеварительный тракт слонов

«Только змеи сбрасывают кожи, мы меняем души, не тела» — цитата из стихотворения Н.Гумилева «Память»

Кронштадт — город-порт, расположенный на острове Котлин и прилегающих к нему островах Финского залива

«Наступит завтра или нет» — индийский драматический фильм 2003 года

«Сангам» — индийский драматический фильм 1964 года, первая цветная картина Раджа Капура

Ношение губных тарелок и шейных колец — модификации женского тела в отдельных племенах (в основном мурси), не имеющие никаких обоснований, кроме следования обычаям и заработка на фотографиях с туристами

Ритуальные побои — порка женщин у племени хамер, сопровождающая праздники мужской инициации

Питье смеси из сырого молока и коровьей крови — обычай у мужчин племени боди, направленный, помимо традиций, на поддержание определенных внешних стандартов

«Стэпфордские жены» — фантастический триллер с элементами социальной сатиры, снятый по книге Айры Левина в 1975, а затем в 2004 году

Соус широко — смесь из нутовой муки, красного перца, лука и чеснока

Коловрат — восьмилучевая свастика, которой приписывается символическое значение у древнеславянских язычников

Госпел — жанр духовной христианской музыки, появившийся в конце XIX века и развившийся в первой трети XX века в США. «Негритянский госпел» развился в 1930-е годы в афроамериканской церковной среде

Аликанте — город в Испании, центр провинции Валенсия

Афар — округ, расположенный в одноименной тектонической впадине на северо-востоке Эфиопии

«С той поры, что я живу...» — отрывок из поэмы Н. Гумилева «Звездный ужас»

«Рассказал об опальном враче, научившем акушеров мыть руки и таким образом спасшем много жизней» — речь о хирурге-гинекологе Игнаце Земмельвейсе, который внедрил в медицине практику мытья рук и инструментов хлорной водой

«История и современность» — российский научный журнал о проблемах общества

«Окрашены кровью» — отсылка к стихотворению Н. Гумилева «Это было не раз»

«Осенней неги поцелуй» — отсылка к стихотворению Н. Гумилева «Осенняя песня»

Дыре-Дауа — город на востоке Эфиопии, основанный в 1902 году в связи с постройкой Эфиопско-Джибутийской железной дороги, крупный транспортный узел и промышленный центр

Памятники периода оккупации — имеется в виду период с 1936 по 1941 год, когда Эфиопия находилась под оккупацией Италии

Черная Мадонна — в католическом искусстве изображение Девы Марии с ликом крайне темного оттенка, предположительно связанное с черными статуями античных божеств, распространенных среди религиозных культов древности

Фасика — эфиопское название Пасхи

Аваш — торговый город в регионе Афар, расположенный на одноименной реке

Данакильская пустыня — пустыня, расположенная на месте разлома земной коры на границе Эфиопии, Эритреи и Джибути.

Соллаль — новогодний праздник у корейцев в соответствии с лунно-солнечным календарем

Китайский сквер — сад на Литейном проспекте, называемый также Садам дружбы и являющийся уменьшенной копией сада Юй Юань в Шанхае